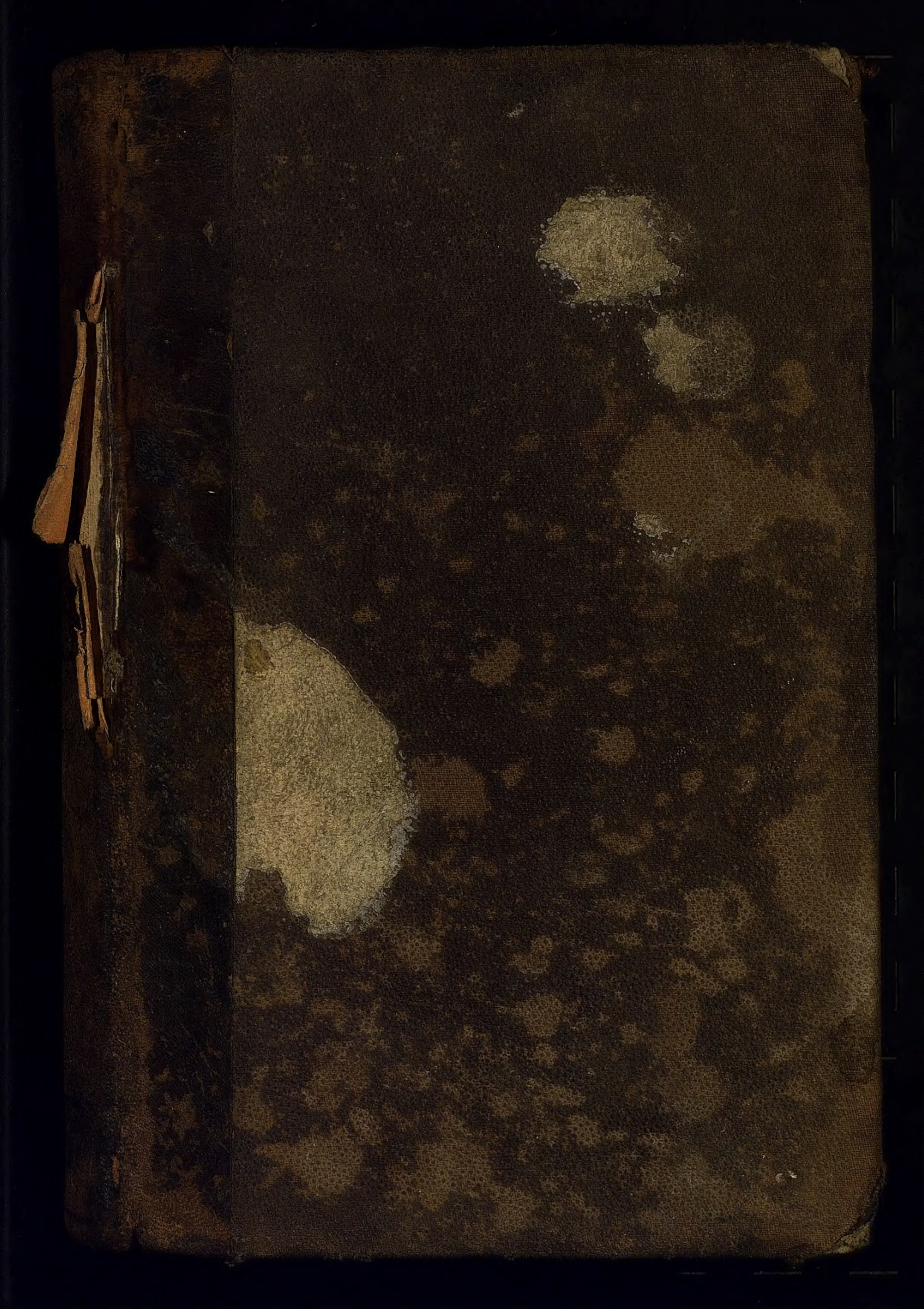
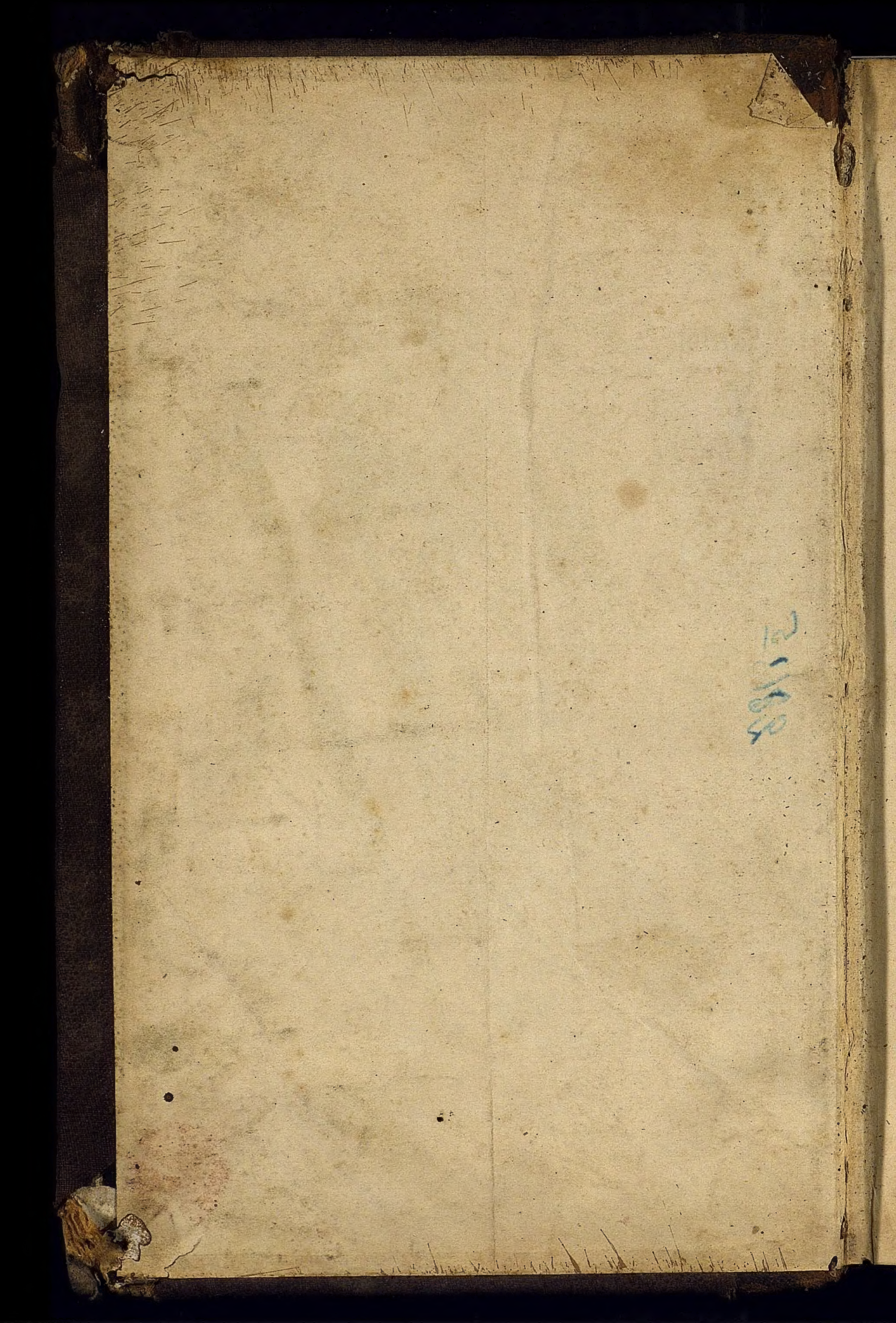
ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ V.

ГОДЪ XLIII. — ТОМЪ CCLIII. — 1/13 СЕНТЯБРЯ, 1879.

285

Сентябрь - октябрь

РУИНА

Историческая монографія

1663—1687 гг.

Окончаніе второй части.

VI *).

Дорошенко отпускаетъ плѣнныхъ царскихъ воеводъ.—Суховѣенко съ запорожцами и крымскими татарами идетъ на Дорошенка.—Рада подъ Уманью.—Суховѣенко отставленъ отъ гетманства.—Уманскій полковникъ Ханенко провозглашенъ гетманомъ.—Ханенко съ крымцами осаждаетъ Дорошенка.—Турецкое посольство.—Врученіе знаковъ гетманскаго достоинства Дорошенку.—Султанская грамота.—Договоръ между Дорошенкомъ и Ханенкомъ.—Ханенко вторично осаждаетъ Дорошенка въ Стебловѣ.—Сѣрко выручаетъ Дорошенка.—Отступленіе Ханенка и Суховѣенка въ Сѣчь. — Татары отправляютъ Юраска Хмельницкаго въ Константинополь. — Дорошенко подчиняетъ себѣ Умань. — Дѣла Дорошенковой партіи на лѣвой сторонѣ.—Успѣхи Многогрѣшнаго. — Ссора съ Сумскимъ полковникомъ. — Тревога гетмана Многогрѣшнаго по поводу одного письма.—Царь успокоиваетъ гетмана.—Вѣдомость о городахъ, не признающихъ царской власти въ лѣвобережной Украйнѣ. — Пасха 1670 года. — Совѣты полковниковъ съ гетманомъ. — Упадокъ народнаго благосостоянія и культуры въ Малороссіи.

Уже много разъ, какъ мы видѣли, посылало московское правительство гонцовъ къ Дорошенку добиваться отъ него отпуска содержавшихся въ неволѣ воеводъ. Въ іюлѣ 1669 года съ тою же цѣлью пріѣхалъ къ нему гонцомъ стрѣлецкій голова Шиловъ. Гетманъ сказалъ ему: «государь отпустилъ изъ неволи моего

---

*) См. выше: авг., 586 стр.

брата Григорія и я послѣ того отпустилъ уже до ста человѣкъ великороссійскихъ полоненниковъ, другихъ же до сихъ поръ не отпустилъ,—но это сдѣлалось не по моему хотѣнію, а по слезному челобитію женъ и дѣтей тѣхъ малороссіянъ, которые оставались въ неволѣ въ московскомъ государствѣ; теперь же, по желанію великаго государя, отпущу ихъ всѣхъ». Дорошенко тотчасъ велѣлъ расковать трехъ человѣкъ и отдалъ Шилову, а затѣмъ, отпуская Шилова, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ Ѳедора Коробку, который привезъ туда 27 человѣкъ плѣнныхъ служилыхъ великороссіянъ и 9 боярскихъ людей [1]). Это сдѣлалось въ то время, какъ татары, помогавшіе Суховѣенку, подходили къ Чигирину.

Такимъ образомъ въ другой разъ Дорошенко старался показать угодливость московскому государю именно въ ту пору, когда ему самому угрожали соперники. Отпустивши воеводъ, Дорошенко выходилъ противъ татаръ на бой, но долженъ былъ воротиться, не сладивши съ татарскими силами. Дорошенко отступилъ на рѣку Расаву. Но тамъ на него наступилъ и самъ Суховѣенко съ запорожцами. Въ это время Суховѣенко считалъ себя сильнѣе своего соперника, за него было все Запорожье; на лѣвой сторонѣ Днѣпра держались его полки полтавскій, миргородскій и лубенскій, недавно поклонившійся царю, но снова перешедшій къ Суховѣенку. Болѣе всего ободряла Суховѣенка увѣренность, что значительная часть правобережнаго казачества отступитъ отъ Дорошенка и перейдетъ къ нему, потому что дружба Дорошенка съ турками возбуждала уже ропотъ между подчиненными. «Безъ соизволенія всего войска, добиваючись себѣ панства, выправляючи себѣ у турокъ вѣчное гетманство, онъ отдаетъ Украйну въ подданство царю бусурманскому. Какъ не заболитъ отъ того сердце у всякаго, кто родился въ вѣрѣ христіанской!» Такъ роптали тогда правобережные малороссіяне. Въ то самое время, какъ Суховѣенко шелъ на Дорошенка, послѣдній дожидалъ изъ Турціи отъ султана великаго посла, который долженъ былъ привезти ему отъ падишаха знаки власти надъ Украйною: булаву, бунчукъ (по-турецки: алимтуа) и знамя, или санжакъ; но посольство турецкое не могло скоро и удобно пройти къ Дорошенку и остановилось въ Цекуновкѣ за Днѣстромъ. Полки чигиринскій, черкаскій, бѣлоцерковскій и каневскій были съ Дорошенкомъ; другіе правобережные полки, именно: уманскій, кольницкій, паволоцкій и корсунскій, передались къ Суховѣенку и казаки этихъ

[1]) А. Ю. и З. Р. VIII, 267.

полковъ требовали, чтобы снова устроить избраніе гетмана вольными голосами, вмѣсто Дорошенка, котораго требовали признать отступникомъ. Масса казачества потянула Суховѣенка къ Умани, тамъ положили составить раду. На этой радѣ казаки принудили самого Суховѣенка снять съ себя гетманство, такъ какъ и на него оно возложено было такъ же неправильно, какъ на Дорошенка. Суховѣенко положилъ свою булаву, быть можетъ, надѣясь опять принять ее по избранію. Былъ на этой радѣ и жалкій Юраско Хмельницкій, уже снявшій съ себя монашескій чинъ. Неизвѣстно, искалъ ли онъ теперь возможности возвратить себѣ давно уже потерянное гетманство, или, какъ говоритъ одно извѣстіе, только домогался воротить себѣ отцовскія маетности и скарбы [1]). Но булава досталась, по избранію рады, не ему и не Суховѣенку, а уманскому полковнику Михайлу Ханенку [2]). Избранный вмѣсто Суховѣенка, Ханенко присягнулъ войску «за вольности стояти и оплаканную отчизну, сколько Богъ помочи подастъ, обороняти».

Вслѣдъ затѣмъ новоизбранный гетманъ Ханенко 13 іюля писалъ къ гетману Многогрѣшному и къ переяславскому полковнику Дмитрашкѣ Райчу, прося оказать ему содѣйствіе противъ Дорошенка [3]).

Но Дорошенку оставалось еще столько казацкихъ силъ, что онъ не думалъ подчиняться Уманской радѣ. И на лѣвой сторонѣ Днѣпра у него дѣла шли еще не совсѣмъ дурно. Дорошенко изъ своего стана на рѣкѣ Расавѣ двинулся къ Каневу, но на переправѣ черезъ Рось, у села Кононти, былъ застигнутъ ордою и оставался въ осадѣ недѣль пять, пока турецкіе послы, шедшіе къ нему и задержавшіеся у Днѣстра, не послали приказанія крымскимъ салтанамъ отъ имени турецкаго падишаха, чтобъ они не тревожили Дорошенка. По этому приказанію салтаны, помогавшіе противной сторонѣ, отвели татаръ, и освобожденный Дорошенко двинулся къ Умани, призывая къ повиновенію себѣ казаковъ. Когда онъ дошелъ до Умани, прибылъ туда и турецкій посолъ Кападжи-паша; онъ вручилъ Дороженку знаки власти, присланные отъ султана: булаву, знамя, бунчукъ и саблю, оправленную дорогими каменьями. Султанская грамота, присланная ему, гласила такъ: «Намъ Богъ повелѣлъ творить милость всѣмъ толкущимъ въ домъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ. Вы били намъ челомъ, что войско запорожское на той и на сей

---

[1]) Рукопись Архива Министерства Юстиціи 1670 г., № 5, листъ 88.
[2]) Ibidem. Листъ 18. А. Ю. и З. Р. IX, 63.
[3]) Рукоп. Арх. М. Юст., кн. V, л. 21.

сторонѣ Днѣпра, по совѣту всѣхъ старшинъ и черни, уполномочило тебя, старшаго своего гетмана Дорошенка, чтобъ ты заявилъ намъ, что обѣ стороны Днѣпра желаютъ быть у насъ въ подданствѣ и служить мнѣ готовы, какъ служатъ мнѣ господари, волохи и мультане, православные христіане, а я бы ихъ въ милости держалъ и оборонялъ. Посылаю вамъ бунчукъ и знамя не на знакъ подданства, а токмо на знакъ пріятства и на страхъ нашимъ непріятелямъ. Принялъ я васъ и всѣхъ людей для того, чтобъ земля ваша пребывала въ тишинѣ и никто ее не опустошалъ. Петръ Дорошенко долженъ присягу свою сдержать, слова своего не нарушить и мнѣ по правдѣ служить, а я его со всѣмъ войскомъ, старшиною и черню, со всѣми городами и землями истинно какъ своихъ заступать буду. Не хочу отъ васъ никакихъ податей и работъ и даяній; дарую васъ всякими вольностями, при которыхъ будете оставаться безъ нарушеній, только съ тѣмъ, чтобы, когда мнѣ войско потребно будетъ, вы съ гетманомъ своимъ шли, куда будетъ указано. Хана крымскаго и татаръ буджакскихъ и ногайскихъ, и пашей, и господарей и всѣхъ слугъ моихъ не бойтесь. Ханъ крымскій съ своимъ войскомъ — мой слуга и Петръ Дорошенко съ запорожскимъ войскомъ тоже мой слуга: пусть оба межъ собою крѣпкое братство имѣютъ! Пусть Дорошенко брата своего въ Крымъ пошлетъ, а ханъ крымскій ему дастъ знатныхъ аманатовъ. Ханъ крымскій до войска запорожскаго никакого спорнаго дѣла имѣть не можетъ. Войско запорожское должно прислать къ намъ резидента. Если ненарушимо уговоръ свой додержите, всѣмъ вамъ и землѣ вашей буду обороною, всѣхъ васъ подъ крылѣ свои пріемлю. Что́ я говорилъ, слова своего не нарушу» [1]).

По приказанію турецкаго посла орды, бывшія при Суховѣенкѣ и Ханенкѣ, ушли въ Крымъ, а уманцы, отклоняя желаніе Дорошенка войти съ войскомъ въ городъ Умань, устроили между Ханенкомъ и Дорошенкомъ такой договоръ: Ханенко обязывался прибыть въ Чигиринъ на раду, которая должна была собраться съ тѣмъ, чтобы разрѣшить споръ между двумя претендентами.

Дорошенко отошелъ отъ Умани [2]). Но Ханенко не думалъ подчиняться приговору, предложенному уманцами, и являться въ Чигиринъ на судъ съ Дорошенкомъ. Онъ ушелъ на Запорожье, а оттуда махнулъ въ Крымъ добывать себѣ снова помощи противъ Дорошенка.

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 174.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 54.

Легко склонилъ онъ татарскихъ салтановъ и мурзъ, которые не очень боялись султанскаго запрещенія.

И скоро опять съ татарами явился въ Украйну, съ нимъ былъ и Юраско Хмельницкій. Но Дорошенко, кромѣ казаковъ, имѣлъ у себя татаръ Бѣлгородской орды, присланныхъ силистрійскимъ пашею. Враги встрѣтились подъ Стебловымъ. Произошелъ бой. Дорошенко не выдержалъ и заперся въ Стебловѣ; тогда вдругъ является на выручку ему непримиримый и неутомимый врагъ крымцевъ Сѣрко; онъ пришелъ со свѣжею Бѣлгородскою ордою, прогналъ осаждающихъ изъ-подъ Стеблова и освободилъ Дорошенка. Послѣ того Дорошенко и Сѣрко преслѣдовали враговъ своихъ до Умани; Ханенко и Суховѣенко успѣли уйти въ Сѣчу, а Юраска Хмельницкаго поймали бѣлгородскіе татары и отправили какъ военноплѣннаго въ Константинополь; тамъ падишахъ приказалъ посадить его въ *едикулъ* (семибашенный замокъ) [1]).

Взявши Умань подъ свою власть, Дорошенко разставилъ на становища своихъ союзниковъ, бѣлгородскихъ татаръ, а самъ обратился къ Каневу, далъ своему войску отдыха на двѣ недѣли и объявилъ, что намѣренъ двинуться съ своими казаками и бѣлгородскими татарами на лѣвый берегъ Днѣпра [2]).

Дорошенко, однако, не явился лично самъ на лѣвой сторонѣ, а послалъ сперва до тысячи человѣкъ бѣлгородскихъ татаръ и 500 казаковъ, приказавши имъ идти къ Ромну на помощь Гамалѣѣ и Манжосу, потомъ вслѣдъ за ними новыя силы подъ предводительствомъ Дорошенкова наказнаго гетмана Корицкаго; съ Корицкимъ были братъ Дорошенка Андрей, поднѣстранскій полковникъ Гоголь и Богунъ, какъ кажется, сынъ знаменитаго Богуна, казненнаго подъ Глуховомъ. Они успѣли одержать верхъ надъ высланными противъ нихъ Демьяномъ отрядами. Многогрѣшный, опасаясь нашествія большой силы отъ Дорошенка, просилъ царя, чтобы указалъ боярину Ромодановскому помогать ему; но просимаго войска Демьянъ не дождался, и, жалуясь на медленность и неповоротливость великороссійскихъ воеводъ [3]), по необходимости долженъ былъ отважиться идти противъ непріятеля собственными малороссійскими силами. Онъ собралъ всѣ городовые полки, бывшіе у него въ повиновеніи: нѣжинскій, прилуцкій, черниговскій, стародубскій и переяславскій, да сборный пѣхотный

---

[1]) Лѣт. Самов., 55.

[2]) Рукоп. Арх. М. Юст., кн. V.

[3]) А. Ю. и З. Р. IX, 71.

полкъ наемнаго войска подъ начальствомъ Мурашки. Съ этими силами пришелъ онъ въ мѣстечко Чернухи; тамъ встрѣтили Демьяна Игнатовича съ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ сдались ему мѣстечки Курянка и Городище. Гетманъ пошелъ къ Лохвицѣ; въ пяти верстахъ отъ ней шли къ Ромну Дорошенковы предводители Корицкій, Гоголь и Гамалѣя, съ казаками полковъ миргородскаго, полтавскаго и лубенскаго и съ тремя тысячами бѣлгородскихъ татаръ. Они вступили въ бой; одолѣлъ Демьянъ Игнатовичъ, благополучно достигъ до Ромна и роменцы добровольно сдались ему. Гетманъ хотѣлъ идти брать другіе непокорные царю городки, но войско его терпѣло недостатокъ: край былъ сильно опустошенъ; казаки заволновались и Демьянъ Игнатовичъ принужденъ былъ распустить ихъ. Товарищъ Ромодановскаго пришелъ тогда, когда уже казацкое войско было распущено; тѣмъ не менѣе, узнавши о прибытіи царскихъ силъ, Корицкій и Гоголь съ своими отрядами вернулись за Днѣпръ.

До полнаго торжества Демьяну Игнатовичу было еще далеко. Въ этомъ походѣ ему удалось взять нѣсколько городковъ; но въ лубенскомъ и переяславскомъ полкахъ большая часть городковъ и мѣстечекъ упорно держалась Дорошенка, и въ томъ числѣ сотенные городки Пирятинъ и Золотоноша не внимали увѣщаніямъ Демьяна и Дмитрашки Райча [1]). У Многогрѣшнаго были и неоткрытые недоброжелатели. Сумской полковникъ Герасимъ Кондратьевъ былъ одинъ изъ такихъ. Демьянъ Игнатовичъ жаловался, что этотъ полковникъ хочетъ быть самъ гетманомъ и роетъ подъ Демьяномъ яму, переписываясь съ враждебными полковниками. Не слишкомъ надежною крѣпостью считали малороссіяне для Демьяна Игнатовича и временное благорасположеніе Москвы; Дорошенко, услыхавши, что Демьянъ надѣется на московскія силы, говорилъ: — ну, плоха надежда, московскіе люди обманчивы; сегодня Роменъ возьмутъ, завтра Миргородъ, а тамъ Полтаву, а потомъ Демьяна имъ не нужно будетъ и они его съ гетманства сгонятъ.

Дорошенко хоть и воевалъ съ Многогрѣшнымъ, да въ то же время велъ съ нимъ и переписку; Дорошенковы сношенія съ Турціею и присяга на подданство турецкому султану были уже повсемѣстно извѣстны, а Дорошенко все-таки старался отъ малороссіянъ укрыть ихъ, до поры до времени, и въ письмѣ къ Многогрѣшному дѣлалъ ему упреки за то, что онъ вѣритъ дурнымъ слухамъ, которые распускаютъ о Дорошенкѣ враги. «Не

---

[1]) Рукопись Арх. Мин. Юст., кн. V, л. 156.

обрящется,—писалъ онъ,—того никогда, чтобъ я любезную отчизну Украйну турскому царю въ подданство имѣлъ запродавать, и въ мысли моей того никогда не бывало». Соперникъ Дорошенка Ханенко всѣми способами поддѣлывался въ дружбу къ Демьяну, лишь бы его побудить вмѣстѣ съ собою воевать противъ Дорошенка. Но Демьянъ Игнатовичъ въ своихъ отпискахъ, посылаемыхъ въ приказъ, сообщая объ этомъ, присовокуплялъ отъ себя такое мнѣніе, что лучше оборонять свой собственный край, чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла, происходящія въ земляхъ Рѣчи-Посполитой. Въ Москвѣ это понравилось, потому что сходилось съ основными взглядами тогдашней московской политики, и царь въ своемъ письмѣ къ Многогрѣшному (20 ноября) указывалъ не подавать помощи Ханенку, а только охранять спокойствіе лѣвой стороны Днѣпра.

Въ декабрѣ 1669 года гетмана Многогрѣшнаго встревожило слѣдующее обстоятельство. Изъ коммиссіи полномочныхъ пословъ, собравшихся по поводу установленія границы между Россіею и Польшею по силѣ Андрусовскаго договора, ѣхалъ черезъ Малороссію прапорщикъ Ѳаддей съ какимъ-то полякомъ: везли они письмо къ Дорошенку и на пути заѣзжали къ архіепископу Лазарю и къ гетману Демьяну; они сказали имъ, что въ Кіевѣ будетъ коммиссія и казаки должны будутъ подать челобитія королевскому величеству о своихъ дѣлахъ. Гетманъ Многогрѣшный, человѣкъ горячаго нрава, принялъ слова эти съ гнѣвомъ: «для чего,—говорилъ онъ,—ѣдете вы черезъ державу его царскаго величества и везете письмо къ Дорошенку, а мнѣ письма отъ полномочныхъ пословъ съ вами нѣтъ? Дорошенко наименованъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, меня же гетманомъ не именуютъ, а хотятъ, чтобъ мы ѣхали съ челобитьемъ къ королю!» Демьянъ Игнатовичъ до того вспылилъ, что даже хватался за саблю и кричалъ: «никогда этого не будетъ! Не зарекаемся класть свои сабли на польскія шеи, какъ и прежде бывало! Одинъ разъ съ войскомъ запорожскимъ я присягу учинилъ царскому величеству, и за него великаго государя мы всѣ умирать готовы, а къ польскому королю ѣздить намъ незачѣмъ!»

Посланцы были отпущены и, ѣдучи по городамъ, оставляли списки призванія малороссіянъ къ участію въ коммиссіи. Полномочные послы — польскій Янъ Гнинскій и царскій Ордынъ-Нащокинъ съ товарищами—приглашали духовныхъ и мірскихъ людей Украйны послать къ нимъ для совѣта депутатовъ, выбравши благоразумныхъ особъ, чтобы Украйна никуда къ чужимъ не склонялась. Къ гетману Дорошенку посылалась особая отписка

въ такомъ смыслѣ: хотя ходятъ слухи, будто гетманъ Дорошенко, усомнившись въ милости и любви христіанскихъ государей, склоняется къ иновѣрной оборонѣ, однако этому слуху мы не вѣримъ и думаемъ, что не найдется такого нечестиваго христіанина, чтобъ могъ душу свою, искупленную кровью Христовою, добровольно продавать непріятелямъ креста святого. Великій государь, его королевское величество и Рѣчь-Посполитая короны польской и великаго княжества Литовскаго всѣмъ казакамъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живущимъ вины ихъ прощаетъ съ тѣмъ, чтобъ казаки, за обвѣщеніемъ обоихъ великихъ государей, короля польскаго и царя московскаго, или котораго-нибудь изъ нихъ, принявши благодарно сію милость и благодѣяніе, отлучались отъ непріятелей святого креста, не держали съ ними никакого совѣта и болѣе съ ними не смѣли соединяться, а прислали бы къ его королевскому величеству своихъ пословъ съ изъявленіемъ послушанія» [1]). Это писаніе, дѣйствительно выраженное неясно и сбивчиво, привело въ большое смущеніе гетмана Демьяна. Увидѣвшись съ архіепископомъ Лазаремъ, онъ говорилъ: «я учиненъ гетманомъ въ царской отчинѣ, а нынѣ безъ моего вѣдома идутъ черезъ царскую отчину грамоты, да еще указуютъ путь всѣмъ казакамъ къ королевскому величеству! Да намъ-то какой путь можетъ быть къ королю, наравнѣ съ казаками той стороны? Мы, вѣдь, добровольно избрали себѣ государя царя православнаго; если и согрѣшихомъ на небо и предъ нимъ, такъ онъ же, свѣтъ-государь, простилъ насъ. Чтó же, развѣ насъ государь отдаетъ ляхамъ? Да вѣдь съ ними у насъ многолѣтняя брань была: выгнали мы изъ Украйны отъ себя ляховъ, доброхотно отдали Украйну православному монарху и хотимъ жить при вольностяхъ нашихъ и умирать за достоинство его царскаго пресвѣтлаго величества. Ты, святитель, обѣщалъ намъ, что царь будетъ насъ защищать отъ непріятелей, а насъ какъ защищаютъ? Татарскія орды отчину царскую разорять начали, я цѣлое лѣто не допросился у великаго государя помощи; теперь же царь насъ отдаетъ королю!»

Архіепископъ Лазарь, сообщая въ Москву (30-го ноября) объ этой бесѣдѣ съ Многогрѣшнымъ, указывалъ, что дѣйствительно, ѣхавшіе донцы, оставляя списки приглашенія людей духовнаго и мірского чина, подали тѣмъ поводъ народу бояться, что царь отдастъ лѣвобережную Украйну Польшѣ [2]). Встрево-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 94.

[2]) Рукопись Архива Мин. Юстиціи, кн. V, листъ 225.

женный Демьянъ посылалъ къ архіепископу письмо за письмомъ и порицалъ московскихъ бояръ, приписывая имъ какую-то злокозненность противъ Украйны и преимущественно противъ своей особы. Упрекалъ архіепископа, говорилъ, что если теперь придется имъ быть подъ ляхами, то всѣ станутъ жаловаться не на кого иного, какъ на его пастырскую милость за то, что обнадежилъ всѣхъ царскою милостію. Дѣло для Демьяна Игнатовича объяснилось не ранѣе, какъ царскою грамотою, писанною 27-го декабря. Въ ней было сказано, что если въ листахъ польскихъ, назначенныхъ къ Дорошенку, не упоминалось о гетманѣ Демьянѣ Игнатовичѣ, то это потому, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, великому государю служитъ вѣрно и никакого «слученія» съ бусурманами не имѣетъ, отводить его не отъ кого; о посылкѣ же депутатовъ съ челобитною къ королю съ лѣвой стороны Днѣпра писано не было; что̀ написано, то относилось къ правой сторонѣ Днѣпра. Посланцу Лазаря Барановича игумену Ширкевичу въ присутствіи царя было прочитано, что за милосердіемъ Божіимъ Украйну лѣвой стороны Днѣпра никто изъ-подъ царской высокой руки исхитить не можетъ и въ томъ бы онъ, гетманъ, былъ надеженъ [1]).

Царь потребовалъ отъ гетмана Демьяна Игнатовича составить вѣдомость объ убыткахъ, причиненныхъ отъ Дорошенка лѣвобережной Украйнѣ и извѣстить, какіе города держатся еще его власти въ полкахъ лубенскомъ, миргородскомъ и полтавскомъ. Демьянъ Игнатовичъ отвѣчалъ, что выше силъ человѣческихъ будетъ изложить въ точности все сожженное и перечислить людей, захваченныхъ въ бусурманскую неволю во время Дорошенкова нашествія: выйдетъ убытка на нѣсколько десятковъ милліоновъ [2]). Города же 1670 г., состоявшіе во власти Дорошенка, были: 1) лубенскаго полка—Лубны, Пирятинъ, Сенча, Лохвица, Яблоновъ, Лукомля, Ярошинъ, а изъ того же полка отдались государю города: Городище, Курянка, Чернуха, Глинскъ, Роменъ и Смѣлая; 2) въ полтавскомъ полку во власти состояли: Полтава, Зеньковъ, Лютянка, Коваленка, Бурки, Барановка, Шишакъ, Яреска, Богачка, Бѣлоцерковка, Балаклейка, Опошня, Рѣшетиловка, Санжаровы Старый и Новый, Кишинка, Переволочна, Кобылки; 3) въ миргородскомъ — Гадячъ, Рашевка, Комышная, Сорочинцы, Уцтивица, Миргородъ и Хоролъ. Сверхъ

---

1) А. Ю. и З. Р. IX, 150.

2) Рук. Арх. М. Юст., V, 312.

того, города, лежащіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но приписанные къ правобережнымъ полкамъ, къ чигиринскому: Остапья, Голтва, Манжалѣйка, Омельникъ, Потокъ, Кереберда, Кременчугъ, Чигиринъ-Доброва, Веремѣевка, къ черкасскому — Ирклеевъ, Крапивна, Золотоноша, Домонтовъ, Песчаная и къ каневскому—Богушева-Слободка и Бубновъ.

По этимъ извѣстіямъ видно, что гетманская власть Многогрѣшнаго далеко не простиралась на всю лѣвобережную Украйну, да и тамъ, гдѣ ее признавали, она не была до того тверда, чтобъ удерживать народъ въ спокойствіи. Въ январѣ 1670 г., подьячій Михайло Савинъ, ѣдучи изъ Новгородъ-Сѣверскаго къ Батурину, видѣлъ, какъ толпы людей изъ разныхъ городовъ бѣжали въ страхѣ, покинувши свои домы и имущества; одни стремились скрываться въ укрѣпленныхъ городахъ «въ осаду», другіе собирались переселяться въ великорусскіе города. «Мы пропали, — кричали они, — царь насъ хочетъ выдать польскому королю! Если такъ станется,—говорили смѣлѣйшіе,—мы станемъ съ поляками биться не щадя головъ своихъ. — Нѣтъ,—кричали другіе, — чѣмъ подальше отъ бѣды, тѣмъ лучше, хоть бы на край свѣта забѣжать». Вездѣ только о томъ и толковали, что не сегодня-завтра возьмутъ ляхи Кіевъ и разсыпятся по всему краю. «Всѣ православные,—писалъ Лазарь Барановичъ въ Москву, — плачутъ горько и мятутся отъ этого слуха. Сжалься, государь, надъ кровью своею, надъ своимъ искони вѣчнымъ отечествомъ! Вѣдь правовѣрные великіе князья кіевскіе, начиная съ равноапостольнаго Владиміра, твои предки, кровь твоего пресвѣтлаго величества! Не отпускай же собственности своей вѣщаго града Кіева въ иновѣрныя руки на вѣчное поношеніе и жалость всего православнаго христіанскаго народа» [1]).

Въ области управленія гетмана Демьяна господствовала неурядица. Когда въ Свѣтлое-Воскресеніе 1670 года, по обычаю, съѣхались въ Батуринъ, двое изъ полковниковъ не явились къ гетману, а явившихся упрекалъ Демьянъ, что замѣчаетъ въ нихъ мало къ себѣ расположенія. Онъ имъ говорилъ тогда такую рѣчь: «Вѣсти ко мнѣ доходятъ, что во всѣхъ городахъ меня казаки мало любятъ; а если вправду такъ, что не любятъ меня, такъ пусть бьютъ челомъ великому государю объ избраніи новаго гетмана. Я уступлю войсковыя клейноты тому, кого выберете; пока же я буду гетманъ, то буду укрощать своевольниковъ сколько мочи моей станетъ; на томъ я великому государю

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 171.

присягалъ; не таковъ я, какъ измѣнникъ Бруховецкій, что какъ Іуда Христа предалъ, такъ онъ великому государю измѣнилъ. Я же обѣщался за государя помереть и впередъ пусть слава такова будетъ на родъ мой!»

Дмитрашка Райча, ударивъ по столу, съ жаромъ произнесъ: «Полно ужъ намъ такихъ гетмановъ *обирать*, что изъ-за нихъ кровь христіанская лилась. Будемъ себѣ единаго государя имѣть неотступно, а своевольниковъ станемъ укрощать».

Всѣ положили на общемъ совѣтѣ не склоняться ни на какія непріятельскія прельщенія, упорно стоять противъ каждаго непріятеля и во всемъ быть послушнымъ гетману.

Все это, однако, не оказывалось вполнѣ искреннимъ. 19-го апрѣля, на другой день послѣ рады, на которой былъ данъ гетману обѣтъ въ послушаніи, одинъ гетманскій челядникъ сказалъ великороссійскому подьячему, бывшему тогда гонцомъ: «только переяславскій полковникъ, да стародубскій Петръ Рославченко съ гетманомъ за-одно служатъ государю, а прочіе — такъ и сякъ».

Полтавскаго и миргородскаго полковъ казаки, увлекаемые въ одну сторону универсалами Дорошенка, въ другую — универсалами Многогрѣшнаго, сами не знали, къ кому имъ пристать, а, находясь въ безпрестанномъ сношеніи съ казаками другихъ полковъ, распространяли повсемѣстно въ народѣ духъ непостоянства; не менѣе ихъ оказывали на народъ вліянія запорожцы, повсюду въ Малороссіи шатавшіеся и учившіе всѣхъ не повиноваться никому [1]).

Край малороссійскій все больше и больше приходилъ въ упадокъ отъ нескончаемыхъ междоусобій и татарскихъ нашествій; пустѣли селенія, жители во множествѣ переселялись въ слободскіе полки и вообще въ царскія земли [2]), обнищало хозяйство остававшихся на родинѣ отцовъ и дѣдовъ. Недавно было еще то время, когда поляки называли Украйну плодороднымъ Египтомъ, когда даже и послѣ тяжелыхъ и кровавыхъ войнъ Богдана Хмельницкаго, проѣзжавшій по Украйнѣ арабъ Павелъ, архидіаконъ патріарха Макарія, слѣдовалъ отъ подольскихъ границъ до Кіева посреди потонувшихъ въ садахъ и пасѣкахъ хуторовъ и хлѣбныхъ гуменъ, а пріѣхавши въ лавру, былъ угощаемъ виномъ, добываемымъ изъ собственныхъ виноградниковъ; теперь царь Алексѣй Михайловичъ пытался добыть

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 187.
[2]) Рук. А. М. Ю., V, 654.

изъ Малороссіи строителей виноградниковъ и овощныхъ садовъ и посылалъ затѣмъ въ Печерскую лавру, такъ какъ въ ея волостяхъ этого рода хозяйство давно уже пріобрѣло славу. Иннокентій Гизель [1]) отвѣчалъ ему: «таковыхъ строителей не токмо во всей святой лаврѣ нынѣ не стало, но и на иныхъ мѣстахъ въ нашихъ странахъ нѣтъ, за различными злыми мятежами здѣшними и многими обидами и сполохами, для чего и наши винограды запустѣваютъ». Упало тогда и духовное просвѣщеніе, такъ озарившее русскую церковь изъ Кіева. Кіево-Братскій монастырь съ его коллегіею, по свидѣтельству того же Иннокентія, пришелъ въ крайній упадокъ: церкви его были сожжены, братія бродила, нуждаясь въ пищѣ и въ одеждѣ; учители и проповѣдники слова Божія, пребывая «алчными и хладными», не могли вести своего добраго дѣла. Иннокентій просилъ для нихъ царской милости и царь Алексѣй Михайловичъ обѣщалъ подавать имъ пособіе. Изъ всѣхъ вотчинъ Братскаго монастыря оставалась одна деревня на Днѣпрѣ, даръ Петра Могилы, но и та была разорена. И другіе кіевскіе монастыри Межигорскій и Выдубицкій находились въ нуждѣ и просили пособій отъ благочестиваго царя [2]).

VII.

Многія мѣстечки лѣвобережной Украйны сдаются Многогрѣшному. — Усилія Ханенка и Дорошенка удержать свои партіи.—Наказной гетманъ Лизогубъ.— Вопросъ о резиденціи гетмана въ лѣвобережной Украйнѣ. — Полтавскій полковникъ присягаетъ царю.—Романовскій выправляетъ у константинопольскаго патріарха неблагословенную грамоту противъ Демьяна. — Царь успокоиваетъ Демьяна и ходатайствуетъ за него предъ патріархомъ. — Подозрѣніе Демьяна на Ханенка.—Отзывъ Ханенка о Демьянѣ.—Посольство Дорошенка въ Польшу. — Проектъ примиренія съ поляками. — Острожская коммиссія.—Ханенко принимаетъ польскія условія и признается гетманомъ отъ Рѣчи-Посполитой.

Безпокойства, угрожавшія власти Дорошенка на правомъ берегу Днѣпра, снова побудили его отложить намѣреніе подчинить себѣ лѣвобережную Украйну. Онъ вызвалъ съ лѣвой стороны Днѣпра и своихъ казаковъ и присланную ему отъ силистрійскаго паши бѣлгородскую орду. Но едва только вышли съ лѣвой стороны Дорошенковы казаки и татары,—городки, прежде державшіеся Дорошенка, стали сдаваться Многогрѣшному и при-

---

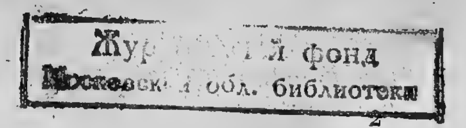
[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 194.

[2]) Рук. А. М. Ю., кн. V, 458, 471, 479.

сягать на подданство московскому государю. Такъ поступили гадячане, рашевцы, лохвичане, лубенцы, сорочанчане, бурченцы, лютенчане, сенчане, лукомляне, оржичане, боромцы, пирятинцы. Ихъ посланцы передъ святымъ евангеліемъ произнесли присягу и цѣловали крестъ на вѣрное и неотступное подданство законному государю, въ батуринской церкви св. Николая, и объ этомъ извѣстилъ гетманъ царя черезъ генеральнаго асаула Гвинтовку въ началѣ 1670 года [1]). Ханенко еще обратился къ Многогрѣшному и снова просилъ содѣйствія противъ Дорошенка, а Многогрѣшный отвѣтилъ ему, что онъ и такъ оказалъ ему содѣйствіе противъ Дорошенка, отбивши посланнаго Дорошенкомъ за войскомъ на лѣвую сторону Днѣпра Гамалѣю; между тѣмъ Многогрѣшный сообщалъ въ приказъ, что Ханенку вѣрить ни въ чемъ не слѣдуетъ: онъ дружитъ съ крымскимъ ханомъ и уповаетъ на помощь татаръ, а у запорожцевъ господствуетъ такой своевольный духъ, что они не хотятъ быть въ подданствѣ ни у какого государя [2]).

Ханенко безпокоилъ Демьяна уже тѣмъ, что, живучи въ Сѣчѣ, именовался гетманомъ войска запорожскаго и посылалъ своихъ запорожцевъ въ посольство то въ Москву, то въ Польшу. Многогрѣшный боялся, чтобъ Ханенко не успѣлъ поддѣлаться въ милость къ московскому правительству, не наклеветалъ бы на Демьяна и такимъ путемъ не свергнулъ бы его съ гетманства. Многогрѣшному особенно показалось страшно, когда онъ узналъ, что посланецъ Ханенка Степанъ Обида былъ принятъ милостиво въ царской столицѣ. Ханенко тогда прислалъ въ Москву льстивое увѣреніе, что ему удалось вынудить у крымскаго хана, въ качествѣ союзника запорожцевъ, обѣщаніе быть готовымъ на войну противъ царскихъ недруговъ [3]). И дѣйствительно, Ханенковы извѣстія имѣли видъ правды, когда посланный въ Турцію царскій гонецъ Порсуковъ извѣщалъ, что крымскій ханъ Адиль-Гирей объявилъ турецкому султану, что готовъ заключить съ московскимъ государемъ миръ и освободить Шереметева и другихъ московскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ Крыму, если только московскій государь обяжется давать хану каждогодную «дачу» [4]). Многогрѣшный боялся, чтобъ Ханенко не сдѣлалъ Москвѣ важныхъ услугъ и не обязалъ бы ее къ себѣ признательностію. Два тогдашніе малороссійскіе гетманы въ своихъ

[1]) Рук. А. М. Ю., кн. V, л. 381.
[2]) Ibidem, листъ 399.
[3]) Ibidem, л. 743, 534.
[4]) А. Ю. и З. Р. IX, 210—218.

сношеніяхъ съ Москвою кололи одинъ другого. Ханенко жаловался, что Демьянъ задержалъ его посланца, отправленнаго къ польскому королю, а Демьянъ, спрошенный объ этомъ изъ Москвы, отвѣчалъ, что никогда онаго не бывало [1]), и съ своей стороны роптал, что Ханенко въ своихъ письмахъ, посылаемыхъ въ Малороссійскій приказъ, не упоминаетъ о Демьянѣ, какъ о гетманѣ, но какъ будто считаетъ его за простого казака и ни во что вмѣняетъ царское утвержденіе въ гетманскомъ санѣ.

Дорошенко, послѣ ухода его военныхъ силъ съ лѣвой стороны, не посылалъ туда болѣе воиновъ, но не переставалъ волновать малороссіянъ лѣвой стороны своими универсалами и воззваніями, которыхъ смыслъ клонился къ тому, чтобъ внушать народу мысль о независимости Украйны болѣе, чѣмъ преданность московскому престолу. 21-го февраля распустилъ онъ универсалъ, обращенный къ духовенству, казачеству и всему поспольству лѣвой стороны Днѣпра. «Коли мы», — выражался онъ,— «въ одинъ гужъ всѣ потянемъ, то единокупнымъ промысломъ охранимъ свои вольности». Но тотъ же Дорошенко не переставалъ относиться дружелюбно и къ Москвѣ. «Увѣряю милость твою, — писалъ онъ Ромодановскому, — что мое и всѣхъ насъ православныхъ воиновъ малороссійскихъ не иное было намѣреніе, какъ только то, чтобъ намъ быть подъ монархомъ христіанскимъ, православнымъ, россійскимъ; но разныя въ странѣ нашей смятенія веліею къ тому богоугодному дѣлу помѣшкою, а наипаче за внутреннею войною народъ малороссійскій къ совершенному соединенію придти не можетъ» [2]).

Весною 1670 года городки лѣвобережной Украйны продолжали одинъ за другимъ сдаваться Демьяну и въ половинѣ апрѣля онъ извѣщалъ царя, что уже почти вся лѣвобережная страна склонилась въ подданство великому ґосударю; онъ просилъ указать, гдѣ ему имѣть гетманскую резиденцію, въ Гадячѣ ли, гдѣ она была при Бруховецкомъ, или въ Батуринѣ, гдѣ находился тогда Демьянъ самъ. Гетманъ также просилъ прислать московскихъ стрѣльцовъ, которые бы находились при немъ безотлучно, для обереганія гетманской особы, потому что иначе, при непостоянствѣ и шатости малороссійскаго народа, онъ не можетъ быть безопасенъ. 2-го мая на эту челобитную послѣдовалъ царскій указъ, что гетманъ можетъ жить, гдѣ пожелаетъ, но лучше

---

[1]) Рук. А. М. Ю. Малор. Прик., кн. V, л. 733—734.
[2]) А. Ю. и З. Р. IX, 166.

было бы, если бы онъ остался въ Батуринѣ. Съ тѣхъ поръ Батуринъ сталъ постоянною резиденціею гетмана, что и продолжалось вплоть до измѣны Мазепы. На просьбу Демьяна послали ему приказъ московскихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ Колупанова, съ тѣмъ, что Многогрѣшный обязанъ былъ давать имъ содержаніе. Съ той поры вошло въ обычай посылать гетману великороссійскихъ стрѣльцовъ для составленія около него отряда тѣлохранителей: это было подручно московской политикѣ, потому что стрѣлецкіе начальники вмѣстѣ съ тѣмъ могли и надсматривать надъ поведеніемъ гетмана. Въ концѣ мая и полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко, недавно избранный, принесъ отъ имени полка своего присягу царю на вѣрность въ батуринской церкви св. Николая.

Несмотря на успѣхи, гетманъ долженъ былъ постоянно опасаться тайныхъ враговъ, и дѣйствительно его поразила интрига, подведенная противъ него въ Константинополѣ. Послѣ избранія Многогрѣшнаго въ гетманы, Романъ Ракушка, бывшій при Бруховецкомъ войсковымъ дозорщикомъ въ Нѣжинѣ, ушелъ на правый берегъ Днѣпра, поддѣлался къ митрополиту Іосифу и былъ поставленъ отъ него въ священническій санъ. Отправился онъ послѣ того въ Царьградъ съ рекомендаціею митрополита, явился къ цареградскому патріарху Меѳодію въ санѣ брацлавскаго протопопа по имени Романовскаго, жаловался на гетмана Демьяна, что тотъ ограбилъ его—завладѣлъ его домомъ въ мѣстечкѣ Погарѣ. Какими-то путями Романовскій вкрался въ довѣріе патріарха Меѳодія до того, что выхлопоталъ отъ его имени неблагословенную грамоту на Многогрѣшнаго. Онъ прислалъ одинъ списокъ ея прямо гетману нарочно, чтобъ раздразнить его; вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ онъ въ Украйну разнымъ лицамъ еще нѣсколько списковъ той же грамоты, все для того, чтобъ возбудить о гетманѣ дурную молву въ народѣ. Гетманъ черезъ протопопа Адамовича, ѣздившаго въ Москву въ іюлѣ мѣсяцѣ, просилъ у государя ходатайства предъ патріархомъ о снятіи съ него неблагословенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Демьянъ Игнатовичъ просилъ государя не вѣрить, если бы Дорошенко, Суховѣенко, Ханенко или сумскій полковникъ Кондратьевъ, его враги, стали писать, что онъ, гетманъ, царю не вѣренъ. Гетманъ умолялъ охранять его царскими ратными людьми, если бы въ Малороссіи дошло дѣло до открытой вражды къ нему и, въ крайнемъ случаѣ, просилъ даровать ему убѣжище въ великороссійскомъ краѣ, а не выдавать его головою врагамъ. Отъ царя послѣдовалъ такой отвѣтъ: «вы людскимъ ссорамъ не вѣрьте, а если бы кто гетмана Демьяна

Игнатовича похотѣлъ оболговати, то я тому вѣрить не буду, и всякіе листы о томъ, откуда бы они ни были присланы, укажу скорыми гонцы къ нему, гетману, отсылать, потому что я знаю, что гетманъ мнѣ вѣренъ, и архіепископъ Лазарь, благочестивый и ученый человѣкъ, мнѣ также вѣренъ». По поводу неблагословенной грамоты патріаршей послана была къ патріарху Меѳодію грамота отъ царя Алексѣя Михайловича. Въ ней объяснялось, что Романовскій обвинялъ Многогрѣшнаго неправильно: Демьянъ Игнатовичъ не грабилъ его и дома у него въ Погарѣ не отнималъ, а потерялъ Романовскій свое достояніе въ то смутное время, когда малороссійскіе жители, съ подущенія измѣнника Бруховецкаго, произвели междоусобіе, избивали и изгоняли великороссійскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Царь Алексѣй Михайловичъ просилъ патріарха снять съ гетмана Демьяна неосмотрительно наложенную клятву и впередъ по извѣтамъ подобнаго рода ни на кого изъ его подданныхъ не налагать клятвы.

Между тѣмъ въ Польшѣ прекратилось междуцарствіе. Избирательный сеймъ, на который и Дорошенко посылалъ пословъ съ требованіями, возвелъ преемникомъ отрекшемуся отъ престола Яну-Казиміру Михаила Вишневецкаго, сына знаменитаго Іереміи. Ханенко искалъ сближенія съ Польшею, надѣясь получить тамъ опору противъ Дорошенка. Польша находилась тогда въ примиреніи съ Москвою и между обѣими державами все болѣе и болѣе укрѣплялись дружескія отношенія. Такимъ образомъ, Ханенко могъ тогда имѣть большія надежды и сдѣлаться опаснымъ Дорошенку. Сообразивъ это, Дорошенко разсчелъ, что ему, до поры до времени, не удастся разсорить Москву съ Польшею, а потому не слѣдуетъ еще разрывать окончательно связи съ Польшею. Не прекращалъ онъ сношеній съ Турціею и отправилъ онъ къ турецкому государю послами Бѣлогруда и Портянку, и чрезъ нихъ повторялъ увѣренія въ желаніи склониться подъ высокую руку турецкаго монарха; но разомъ отправилъ онъ и въ Польшу послами Петрановскаго и Тарасенка съ проектомъ примиренія войска запорожскаго съ Польшею. Коронный гетманъ Собѣскій извѣстилъ Дорошенка, что по этому вопросу назначенная коммиссія будетъ отправляться въ Острогѣ; пусть гетманъ Дорошенко снарядитъ туда своихъ депутатовъ. Дорошенко назначилъ на эту коммиссію генеральнаго писаря Воеховича и бывшаго генеральнаго судью Гапоновича. Первымъ дѣломъ этихъ посланцевъ, по наученію Дорошенко, было потребовать у гетмана Собѣскаго отъ поляковъ для казаковъ «заставы», то-есть заложниковъ безопасности казацкихъ пословъ.

«Вы,—отвѣчалъ Собѣскій:—сноситесь и съ царемъ московскимъ, и съ турецкимъ султаномъ, и съ крымскимъ ханомъ, и отъ нихъ заставы не требуете, отчего же своему наслѣдственному монарху не вѣрить».

Но Дорошенко требовалъ заложниковъ потому, что ему выгодно было тянуть время. Онъ требовалъ, чтобъ этими заложниками были Гнѣзненскій архіепископъ и иныя самыя знатныя особы [1]; поляки не соглашались, а Дорошенко безъ заложниковъ не отпускалъ своихъ пословъ на коммиссію. Наконецъ, порѣшили начать переговоры письменно, и Дорошенко послалъ проектъ договора, какой могъ по его видамъ состояться на коммиссіи. Проектъ этотъ былъ подписанъ 10-го мая 1670 года. Это собственно наказъ назначеннымъ отъ гетмана казацкимъ коммиссарамъ Восховичу и Гапоновичу. Изъ него видно, что Дорошенко, нѣкогда сподвижникъ и соумышленникъ Выговскаго, и теперь держался основъ, создавшихъ въ оное время неудачный гадячскій договоръ; только опытъ прошедшихъ послѣ того лѣтъ положилъ на нихъ свой отпечатокъ. Свобода православной вѣры обозначена здѣсь еще опредѣлительнѣе и шире, чѣмъ прежде. Православная вѣра должна была пользоваться правомъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ совершенно въ одинакой степени съ римско-католическою на всемъ пространствѣ, куда только простирается русскій языкъ, какъ въ коронѣ Польской, такъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ; унія совершенно уничтожается: всѣ церкви и монастыри, бывшіе во владѣніи унитовъ, должны быть возвращены православію со всѣми записанными за ними маетностями; никто ни изъ духовныхъ, ни изъ мірскихъ владѣльцевъ не смѣетъ строить ни въ своихъ дѣдичныхъ маетностяхъ, ни въ королевщинахъ унитскихъ церквей; митрополитъ кіевскій, непремѣнно избранный духовнымъ и мірскимъ чиномъ и утвержденный гетманомъ, занимаетъ мѣсто въ сенатѣ послѣ римско-католическаго архіепископа львовскаго, а съ нимъ засѣдаютъ также пять православныхъ епископовъ. Въ кіевскомъ воеводствѣ всѣ сановники и должностныя лица непремѣнно должны быть православнаго исповѣданія, а въ брацлавскомъ и черниговскомъ воеводствахъ наперемѣну съ католиками, такъ что по кончинѣ лица, принадлежащаго къ одной изъ двухъ вѣръ, на оставшееся послѣ него вакантное мѣсто опредѣляется лицо, исповѣдующее другую вѣру. Во всѣхъ мѣстахъ Короны и великаго княжества ни шляхтѣ, ни мѣщанамъ православная

[1] Рукоп. Арх. М. Юст. V, 970.

вѣра не можетъ быть препятствіемъ къ полученію должностей. Кіевская академія должна имѣть такія же права, какія имѣетъ краковская, и въ Кіевѣ не дозволяется заводить іезуитскихъ училищъ; другую такую же академію надлежитъ основать въ Могилевѣ или въ другомъ мѣстѣ, смотря по удобству, съ правами, равными кіевской; затѣмъ свободно дозволять заводить повсюду школы и типографіи. Объявить полную амнистію по поводу бывшихъ междоусобій и уничтожить силу всѣхъ документовъ, составленныхъ во вредъ кому бы то ни было за участіе въ возстаніи противъ Польши вмѣстѣ съ казаками. Въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ дозволять жительствовать казакамъ, какъ въ королевскихъ и въ духовныхъ, такъ и въ дѣдичныхъ шляхетныхъ маетностяхъ, пользуясь правомъ собственности на поля, дома, хуторы, мельницы и прочія угодья, а также правомъ винокуренія, пиво- и медо-варенія, безъ всякаго препятствія со стороны старостъ и пановъ. Войско запорожское требуетъ обозначенія границъ Украйны отъ прочихъ земель Рѣчи-Посполитой въ трехъ вышеуказанныхъ воеводствахъ, гдѣ будутъ распредѣлены полки: кіевскій, паволоцкій, брацлавскій, уманскій, кальницкій, подольскій и тарговицкій, такъ какъ и стародавніе казацкіе полки чигиринскій, черкасскій, каневскій и бѣлоцерковскій. Въ повѣтахъ, гдѣ жительствовать будутъ казаки, не только коронныя войска не могутъ править съ жителей никакихъ сборовъ, но и владѣльцы наслѣдственныхъ имѣній не будутъ имѣть права въѣзжать въ свое имѣніе и присылать своихъ довѣренныхъ слугъ, но будутъ получать разъ въ годъ черезъ своихъ высыльныхъ подати, надлежащія имъ отъ поспольства по общему договору и постановленію, ибо иначе паны стали бы дѣлать насилія казакамъ и не устоялъ бы миръ. Всѣ казацкія имущества должны быть свободны отъ поборовъ и податей, какія впередъ будутъ налагаться на украинское поспольство, а сами казаки ни отъ кого не могутъ зависѣть, кромѣ своего гетмана и лицъ, отъ него назначенныхъ. Отъ мытъ и перевозовъ по дорогамъ и переправамъ казаки должны быть свободны. Коронныя войска, являясь въ Украйну по требованію гетмана для помощи противъ непріятеля, должны находиться подъ начальствомъ гетмана запорожскаго и безъ его вѣдома не смѣютъ пребывать въ Украйнѣ. По волѣ и по назначенію гетмана будетъ набираться еще войско охочее—конное и пѣшее, и содержаться съ королевскихъ и дѣдичныхъ маетностей. На гетманскую булаву дается чигиринское староство и Терехтемировъ съ тамошнимъ монастыремъ, а на гармату—ста-

роства лисянское, корсунское и богуславское; генеральнымъ же и полковымъ старшинамъ слѣдуетъ опредѣлить равный доходъ со староствъ, но не съ тѣхъ, которыя отданы уже на гетманскую булаву и на гармату. Гетманъ, кромѣ того, безпрепятственно можетъ брать что ему нужно будетъ на войсковые расходы въ имѣніяхъ королевскихъ и дѣдичныхъ шляхетскихъ. Король можетъ требовать войско запорожское на службу въ польскую сторону, и въ такомъ случаѣ самъ присылаетъ къ гетману свой указъ, а никакъ не польскіе коронные гетманы, и въ такомъ случаѣ гетманъ, отправляя казаковъ, посылаетъ вмѣсто себя наказного гетмана, имъ же назначеннаго. Въ заключеніе наказа подтверждалось, чтобы, сообразно тому, какъ уже просили казаки при избраніи короля Михаила, унія непремѣнно была бы уничтожена и впередъ въ законахъ нигдѣ не оставалось бы ни малѣйшаго намека на русскую унію, чтобы вездѣ говорилось о русскомъ народѣ. Само собою разумѣлись бы дизуниты [1]).

Казацкія требованія равнялись отъ Польши требованію духовнаго самоубійства. Угождая казакамъ, Польша должна была отречься отъ своей исторической миссіи, которую сознавали за собою поляки какъ самое высокое призваніе, миссіи—дать торжество западному католичеству надъ восточнымъ православіемъ, считаемымъ по ученію западной церкви ересью, которую уничтожать есть богоугодное дѣло. Самъ Дорошенко былъ убѣжденъ, что такія требованія не будутъ приняты, что съ поляками не можетъ быть ладу и ему остается надѣяться исключительно на Турцію. Продолжая сношенія съ этой державой, онъ еще цѣлое лѣто 1670 года водилъ поляковъ и хитрилъ съ ними, подобно тому, какъ они хитрили съ нимъ. Дорошенко посылалъ два раза въ Острогъ толковать о формальностяхъ и потомъ просилъ себѣ копіи съ инструкціи, данной польскимъ коммиссарамъ. Ему прислали инструкцію. Изъ ней увидѣлъ Дорошенко, что поляки обѣщали ему амнистію, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали ему вопросы: зачѣмъ онъ искалъ протекціи московской и турецкой, и такими вопросами естественно уничтожался всякій смыслъ амнистіи; въ самыхъ же главныхъ условіяхъ Дорошенко видѣлъ полное нежеланіе примириться. Коммиссарамъ не давалось права толковать объ уничтоженіи уніи, — напротивъ, въ инструкціи сказано было, что король «безъ консенсу столицы апостольской трактовать о томъ не можетъ». Давалось только обѣщаніе устроить

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 206,

бесѣду духовныхъ по вопросу, касавшемуся вѣры [1]). Коммиссары польскіе должны были объявить казацкимъ, что церкви, какія были у унитовъ, останутся за ними по-прежнему, и въ крайнемъ случаѣ коммиссарамъ предоставлялось брать во вниманіе гадячскій договоръ, но постоянно имѣя въ виду, что католическое духовенство ему сопротивлялось. Насчетъ гадячскаго договора дѣлалось такое замѣчаніе, что казакамъ было дозволено многое въ виду шведской войны съ тѣмъ, чтобы казаки были вѣрны Рѣчи-Посполитой; но казаки тотчасъ послѣ того отдались Москвѣ, а потомъ подъ Чудновымъ сами отреклись отъ гадячскаго договора, находя, что этотъ договоръ былъ полезенъ только приватнымъ лицамъ, а не цѣлому войску. Равнымъ образомъ рѣшительно отвергалось домогательство казаковъ о проведеніи границы Украйны въ трехъ воеводствахъ и о предоставленіи казакамъ жительствовать въ маетностяхъ королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ [2]). Понятно, что поляки не могли дозволить этого, потому что требованіе казаковъ прямо влекло за собою прекращеніе панской власти надъ народомъ, а Польша, какъ аристократическая республика, уже много вѣковъ держалась господствомъ привилегированнаго класса надъ массою рабочаго народа.

По полученіи такой инструкціи, Дорошенко посылалъ въ Острогъ еще разъ просить аманатовъ въ обезпеченіе казацкихъ пословъ, но ему отвѣчали, что этого вовсе не нужно, что того и прежде не дѣлалось; достаточно присяги польскихъ коммиссаровъ въ безопасности казацкихъ пословъ. Потомъ Дорошенко посылалъ снова требовать привилегій, захваченныхъ Тетерею, уплаты взятыхъ Тетерею, по смерти митрополита Балабана, тысячи червонныхъ, возвращенія имущества и денегъ вдовѣ Данила Выговскаго и вознагражденія за разоренія, учиненныя въ монастырскихъ волостяхъ. Тогда коммиссары задержали Дорошенкова посланца и обратились къ Ханенку, соображая, что этотъ человѣкъ, ищущій гетманства, скорѣе согласится на условія, какія дадутъ ему поляки, чѣмъ упорный Дорошенко, тѣмъ болѣе, что Ханенко, именуясь кошевымъ гетманомъ, посылалъ уже кошевого атамана Пелеха съ изъявленіемъ покорности королю и писалъ къ самому Дорошенку, уговаривая его быть въ повиновеніи у польскаго короля. Все это давало поводъ надѣяться, что съ Ханенкомъ можно удобнѣе и скорѣе сойтись. По первому же приглашенію, обрадованный Ханенко отправилъ

---

[1]) Лѣт. Величка, II, 243.

[2]) „Взглядомъ зась добръ шляхетскихъ, дѣдичныхъ на подобне одерваніе не можемъ дозволити". А. Ю. и З. Р. IX, 311.

изъ Сѣчи въ Острогъ войскового судью Семена Богаченка съ товарищами: Ярошенкомъ, Малюкомъ, Пултавцемъ, Завишею, Бѣлымъ и Олексѣенкомъ, съ отрядомъ изъ сорока человѣкъ конныхъ. Услышавши о посольствѣ Ханенка, Дорошенко, съ своей стороны, поспѣшно отправилъ въ Острогъ трехъ посланцевъ: Шунявскаго, Корицкаго и Лешковскаго [1]) просить перемирія и увѣренія въ томъ, что съ польской стороны не будетъ сдѣлано на него нападенія. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Сохранилась инструкція, данная этимъ посланцамъ въ томъ же смыслѣ, какъ и та, которая дана была прежнимъ посламъ, но съ добавленіями, вызванными послѣдовавшими событіями. Такимъ образомъ требованіе, чтобы въ воеводствахъ, отрѣзанныхъ для Украйны отъ Польши, паны не въѣзжали въ свои владѣнія—объяснялось и оправдывалось тѣмъ, что уже около двадцати лѣтъ жители пріучились не повиноваться панамъ; они, при малѣйшемъ стѣсненіи, поднимутъ бунты и самое казацкое начальство ничего съ ними сдѣлать не можетъ [2]).

Коммиссары польскіе заключили тогда договоръ съ посланцами Ханенка, признали его отъ лица Рѣчи-Посполитой въ званіи гетмана войска запорожскаго. Въ этомъ договорѣ было много краснорѣчивыхъ фразъ, но въ существѣ онъ не давалъ надеждъ на прочное соединеніе малороссійскаго края съ Польшею и на примиреніе малороссійскаго народа съ поляками. Толковалось о великодушіи короля, о прощеніи казакамъ всѣхъ ихъ прошлыхъ винъ, о забвеніи всего происходившаго между малороссіянами и поляками, а со стороны казаковъ давалось гораздо болѣе обязательствъ, чѣмъ сколько предоставлялось русскому народу правъ. Достаточно того, что унія оставалась во всей силѣ, обособленіе Украйны не допускалось, владѣльцамъ шляхетскихъ дѣдичныхъ и духовныхъ имѣній безпрепятственно дозволялось управлять ими безъ всякихъ ограниченій, гетману запрещалось имѣть сношеніе съ посторонними державами безъ вѣдома короля и коронныхъ гетмановъ, самые походы съ войскомъ запорожскимъ противъ непріятеля должны были предприниматься по требованію коронныхъ гетмановъ, а не исключительно по волѣ короля, какъ домогался Дорошенко. Главнымъ заправщикомъ съ польской стороны былъ тотъ же Станиславъ Бѣнёвскій, нѣкогда состряпавшій гадячскій договоръ.

22 декабря этотъ договоръ утвержденъ былъ сеймовою кон-

---

[1]) Лѣт. Величка, II, 252.
[2]) А. Ю. и З. Р. IX, 305.

ституціею. Съ посланцами Дорошенка Петрановскимъ и Тарасенкомъ не вели формальныхъ переговоровъ. Ихъ призвали на сеймъ и дали имъ письменные отвѣты въ такомъ смыслѣ: уничтоженіе уніи не можетъ зависѣть отъ свѣтскихъ властей и потому король обѣщаетъ просить папу созвать синодъ, на которомъ засѣдать будутъ архіепископы и епископы, а король, съ своей стороны, насколько то зависѣть отъ него можетъ, будетъ споспѣшествовать устраненію всего, что можетъ производить раздоръ въ духовенствѣ. Обособленіе Украйны въ предѣлахъ трехъ воеводствъ признается невозможнымъ, какъ и предоставленіе мѣстъ дизунитскимъ духовнымъ сановникамъ въ польскомъ сенатѣ: тогда возстановилось бы русское княжество, проектированное при Выговскомъ, а отъ него уже казаки сами отреклись чудновскою сдѣлкою. Эта ссылка на чудновскую сдѣлку была уловка. Во-первыхъ, чудновская сдѣлка совершилась тогда, когда казаки находились въ положеніи, какое не могло быть признано свободнымъ; во-вторыхъ, казаки были недовольны въ гадячскомъ договорѣ только предоставленіемъ нѣкоторымъ лицамъ шляхетскаго званія (чѣмъ нарушалось равенство казачества), а вовсе не другими статьями, соединявшимися съ существомъ русскаго княжества. Поляки, однако, теперь повернули этотъ вопросъ такъ, какъ будто казаки вообще не хотѣли автономіи для Руси. Такимъ образомъ, желая не допустить ничего такого, что казакамъ было желательно, поляки дѣлали придирку, будто казаки сами отъ всего этого отказались [1]).

Въ заключеніе, пригласили въ сенатъ Петрановскаго и Тарасенка. Коронный подканцлеръ сказалъ имъ: «вы пріѣхали безъ полномочія къ окончательному постановленію договора, но въ вашей инструкціи видны такія требованія, какихъ сеймъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять. Вотъ вамъ отвѣтъ на вашу инструкцію».

Посланцы Ханенка, избѣгая задержанія на своемъ пути отъ Дорошенка, возвратились черезъ область, состоявшую подъ управленіемъ Многогрѣшнаго, и Демьянъ Игнатовичъ извѣщалъ о томъ царя, а посланцевъ задерживалъ до полученія царскаго указа объ ихъ отпускѣ. Въ томъ же январѣ 1671 года, черезъ область Многогрѣшнаго провозили Ханенку изъ Польши знаки гетманскаго достоинства—знамя, булаву и бунчукъ, но исполнявшій это порученіе польскаго правительства Жальскій въ январѣ 1671 года былъ возвращенъ изъ Малороссіи назадъ въ Польшу,

[1]) Лѣт. Вел., II., 282—286.

не добравшись до Сѣчи [1]). Въ томъ же январѣ у Дорошенка въ Корсуни происходила рада: всѣ старшины и полковники составили и послали въ запорожскую Сѣчу отъ имени всего войска запорожскаго протестъ противъ договора Острожской коммисссіи, принятаго посланцами изъ Сѣчи, Богаченкомъ съ товарищами. Войско находило этотъ договоръ неудовлетворительнымъ. «Намъ (было сказано въ посланіи корсунской рады въ Сѣчу) даютъ такія вольности, какія у насъ были до войны съ поляками. Но каждый изъ насъ знаетъ, что̀ это были за вольности. Ляхи были надъ нами старшинами и по своему произволу сгоняли со свѣта лучшихъ изъ нашихъ товарищей подъ самыми ничтожными предлогами, ни въ чемъ намъ не давали воли, наипаче же огорчали насъ тѣмъ, что стѣсняли свободу нашей древней греко-русской вѣры, умножали въ украинскихъ городахъ свои костелы и всѣми способами отягощали въ Украйнѣ нашъ народъ ярмомъ рабства. Если бы намъ было хорошо до войны, то не слѣдовало бы тогда и воевать, а теперь, послѣ того, какъ уже болѣе двадцати лѣтъ проливалась кровь и столько головъ легло, какъ не стыдно будетъ намъ оставаться съ такими вольностями, которыя прежде грызли намъ шею и побудили насъ къ войнѣ? Нѣтъ. Мы съ прежними гетманами и съ нынѣшнимъ нашимъ гетманомъ Дорошенкомъ хотѣли и хотимъ болѣе широкихъ вольностей, чѣмъ тѣ, какія у насъ были до войны, а потому не принимаемъ того, что̀ вы постановили на Острожской коммиссіи, дозволивши панамъ и старостамъ въѣзжать въ свои маетности по всей Украйнѣ и владѣть подданными по старому обычаю» [2]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX., 326.

[2]) Ojczyste Spom.. II., 333. Упомянемъ о событіи, не относящемся непосредственно къ исторической жизни Малороссіи, но прикоснувшемся къ ней. Мятежникъ, величаясь именемъ батюшки Степана Тимоѳеевича, разсылалъ своихъ, такъ-называемыхъ, сынковъ по всей Руси, а между прочимъ и по Малороссіи. Одного изъ такихъ сынковъ, пойманнаго въ Малороссіи, отослалъ гетманъ Многогрѣшный въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ назначилъ на помощь великороссійскимъ войскамъ противъ Разина казаковъ подъ предводительствомъ генеральнаго есаула Гвинтовки и своего брата Василія Многогрѣшнаго. (См. А. Ю. и З. Р. IX., 291—321).

VIII.

Доносъ на Многогрѣшнаго и его болѣзнь. — Просьба царю о маетностяхъ. — Снятіе клятвы.—Посольство Іеронима Комара въ Москву.—Отвѣтъ московскаго правительства Польшѣ. — Желаніе Дорошенка сблизиться съ Россіею и подвинуть ее противъ Польши.—Разговоръ Дорошенка съ архіепископомъ Манассіею. —Свиданіе Манассіи съ Тукальскимъ.—Письмо Дорошенка къ царю. — Донесенія Многогрѣшнаго о несостоятельности Андрусовскаго договора. — Дорошенко подъ Бѣлою-Церковью.—Война Дорошенка съ Ханенкомъ, Сѣркомъ и поляками.—Многогрѣшный допускаетъ своихъ казаковъ помогать Дорошенку. —Казаки Дорошенковы переходятъ къ Ханенку. — Колебаніе хана.—Пріостановка военныхъ дѣйствій зимою.—Прибытіе татаръ.—Зимовка ихъ въ Украйнѣ.—Тревога на лѣвой сторонѣ Днѣпра.—Польскій полковникъ Пиво.—Польскій посланникъ Гнинскій въ Москвѣ.—Толки его съ боярами.

Еще не утверждена была польскимъ сеймомъ острожская коммиссія, какъ Ханенко извѣщалъ польскія власти, что соперникъ его, Дорошенко, согласился втайнѣ съ Многогрѣшнымъ, и оба замышляютъ отдать Украйну обѣихъ сторонъ Днѣпра Турціи въ качествѣ вассальнаго владѣнія. Поляки тотчасъ извѣстили объ этомъ московское правительство [1]). Въ Москвѣ этому доносу не дали полной вѣры и не показали къ Многогрѣшному подозрѣнія [2]). Многогрѣшный сдѣлался боленъ. Онъ внезапно упалъ на крыльцѣ своего дома и цѣлый часъ оставался безъ языка; его постигъ ударъ, но не смертельный; онъ оправился, проболѣвши нѣкоторое время [3]). Во время своей болѣзни онъ билъ челомъ царю и хлопоталъ черезъ содѣйствіе боярина Матвѣева о томъ, дабы на случай его кончины даровали наслѣдственное имѣніе въ Черниговскомъ или Стародубскомъ полку его матери, женѣ, сыну Петру Демьяновичу и прочимъ дѣтямъ, «гдѣ бы они могли вести мирное житіе» [4]). Скоро послѣ своей челобитной черезъ гонца Змѣева получилъ онъ царскую грамоту на просимыя маетности и грамоту цареградскаго патріарха, снимавшаго съ него неблагословеніе. Разрѣшеніе патріарха оживило Многогрѣшнаго, который думалъ, что внезапная болѣзнь, постигшая его, была послѣдствіемъ церковной клятвы, да и вообще у подчиненныхъ распространились такіе толки, и въ умахъ происходило смущеніе, которое было утишено патріаршимъ разрѣшеніемъ.

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX., 314—315.
[2]) Ibidem., 439.
[3]) Лѣт. Самов., 56.
[4]) А. Ю. и З. Р. IX, 322.

Признаніе поляками Ханенка въ званіи гетмана возбудило толки въ царской Малороссіи, особенно въ Кіевѣ. Теперь (толковали тамъ) при помощи войска запорожскаго поляки отважатся съ своимъ королемъ придти въ Кіевъ и будутъ оставаться здѣсь, пока не успѣютъ всѣ украинскіе города приворотить къ себѣ мечемъ или *наговоромъ*, тогда всѣ церкви православныя обратятъ въ костелы или въ унію; съ королемъ пріѣдетъ унитскій митрополитъ и станутъ насъ всѣхъ обращать въ римскую вѣру для вѣчнаго и прочнаго подданства всей Украйны польскому королю и Рѣчи-Посполитой. О такихъ толкахъ въ народѣ доносилъ царю Иннокентій Гизель, сообщившій также, что въ Кіевѣ говоритъ народъ, будто въ печерскомъ монастырѣ помѣстятъ бискуповъ и королевскихъ дворянъ, а въ печерскомъ городкѣ поставятъ 6000 войска.

Польскій король Михаилъ, послѣ утвержденія на сеймѣ коммиссіи, заключенной съ Ханенкомъ, отправилъ въ Москву Іеронима Комара, уговаривать московское правительство содѣйствовать военнымъ способомъ къ укрощенію Дорошенка. Но изъ Украйны приходили невѣрныя вѣсти, будто польскій коронный гетманъ Собѣскій, недовольный королемъ Михаиломъ, начинаетъ дружить съ Дорошенкомъ. По такимъ разнорѣчивымъ извѣстіямъ, московское правительство находило несвоевременнымъ вступать въ союзъ съ Польшею и оказывать ей помощь противъ Дорошенка, задѣвая въ то же время и Турцію; соображали при этомъ, что если въ самомъ дѣлѣ Собѣскій соединится съ Дорошенкомъ, то узнавши, что царь противъ нихъ готовитъ войско на помощь Польшѣ, Дорошенко съ Собѣскимъ ранѣе пошлютъ сами военную силу въ малороссійскіе царскіе города, и въ лѣвобережной Украйнѣ начнутся внутреннія безпокойства. Въ Москвѣ отвѣчали польскимъ посламъ, что надлежитъ собраться полномочнымъ посламъ на съѣздъ и обсудить мѣры, полезныя въ будущемъ для обѣихъ державъ. Посламъ, назначеннымъ на такой съѣздъ изъ Москвы, давался наказъ объявить полякамъ, что царь не можетъ посылать своихъ войскъ, потому что поляки не подали помощи великому государю московскому, когда во время измѣны Брюховецкаго разоряли татары царскіе города. Велѣно было поставить на видъ полякамъ, что, въ противность андрусовскому договору, въ польскихъ владѣніяхъ учали быть великія гоненія на православную вѣру, принужденія къ уніи, всякаго рода притѣсненія, и по этой-то причинѣ Дорошенко отступилъ отъ Рѣчи-Посполитой и отдался турку, а того бы не было, еслибъ отъ поляковъ не сталось гоненія православной вѣрѣ. О Кіевѣ приказано

было объявить, что Кіевъ удержанъ и не возвращенъ полякамъ оттого, что Дорошенко отдался турскому султану со всѣми малороссійскими городами, и, такимъ образомъ, Кіевъ могъ бы достаться туркамъ, а тѣмъ бы отворился путь бусурманамъ не только въ Украйну, но и во всю россійскую державу; теперь же для того, чтобъ Кіевъ не достался туркамъ, этотъ городъ снабженъ ратными людьми и хлѣбными запасами съ большими издержками для московскаго государства. Прибавлялось, что Кіевъ не отданъ еще и потому, что послѣ андрусовскаго договора изъ королевской канцеляріи выходили грамоты за королевскимъ подписомъ и печатью, а также отъ старостъ и подстаростъ порубежныхъ городовъ писались письма и отписки, гдѣ именовался неправильно царскій титулъ «съ великимъ безчестіемъ и укоризною для его царскаго величества». Сверхъ того, въ королевскихъ владѣніяхъ печатались латинскія книги «съ такимъ великимъ безчестьемъ и укоризною царскому величеству, что и простому человѣку слышать не годится, не только Божію помазаннику и монарху христіанскому». Поляки претендовали, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ не пропустилъ королевскаго посла Жальскаго, везшаго Ханенку клейноты; полякамъ велѣно было объяснить, что Жальскаго приказалъ отправить назадъ царь, потому что посылка въ запорожскую Сѣчь сдѣлана была вопреки андрусовскому договору: по этому договору запорожцы должны оставаться подъ обороною обоихъ государей, а слѣдовательно, король долженъ былъ ссылаться съ Запорожьемъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго сношенія о томъ съ Москвою.

Отправлены были на новый съѣздъ 31 марта Ордынъ-Нащокинъ, Иванъ Ив. Чаадаевъ и думные дьяки Башмаковъ и Самойловъ.

Не удалось Дорошенку устроить мирныя отношенія казацкой Украйны съ Польшею. Утвердилась въ немъ пуще прежняго готовность искать для Украйны опоры въ турецкой державѣ. Но все-таки въ его глазахъ это былъ предѣлъ крайней необходимости. Зналъ онъ настроеніе православнаго народа, да и самъ былъ человѣкомъ православной вѣры. И теперь, какъ прежде, онъ готовъ былъ предпочесть всякой другой власти надъ Украйною власть единовѣрнаго московскаго государя, только съ такими условіями, какія онъ считалъ выгодными и почетными для своего народа, да въ-добавокъ желалъ онъ побудить царя на рѣшительную брань за всю южную Русь, какъ за свое исконное достояніе. Проѣзжалъ черезъ Молдавію и Украйну греческій архіепископъ Манассія изъ Македоніи. Дорошенко принялъ его

съ подобающими почестями, угощалъ его и весь архіерейскій причетъ, а оставшись съ нимъ на-единѣ, сталъ передъ образомъ Спасителя и Богородицы и говорилъ:

«Предъ Богомъ свидѣтельствуюсь, какъ твоя святыня будешь въ Москвѣ, донеси его царскому величеству: мы ради бы служить великому государю и стать его рабами, но великій государь не принимаетъ насъ, а велитъ намъ быть подъ властію поляковъ. Наша церковь божія и нашъ православный народъ терпятъ отъ поляковъ утѣсненія и гоненія и для того принуждены были мы на время отдаваться агарянскому монарху. Если поляки станутъ намъ докучать, такъ мы противъ нихъ учнемъ стоять головами своими съ женами и дѣтьми, соединимся съ турками и татарами за-одно, но польской тяготы никакими мѣрами терпѣть намъ невозможно! Милости отъ польскаго короля и заступленія никакого не имѣемъ! Мы всѣ того только желаемъ: пусть бы для единой святой восточной церкви милость свою государскую къ намъ царь явилъ, подъ свою высокую руку принялъ, насъ всѣхъ въ своей царской милости содержалъ, какъ и прочую братію нашу, и оборонялъ бы отъ непріятеля нашего. А если великій государь не изволитъ принять насъ подъ свою государскую руку, то пусть бы насъ съ поляками помирить изволилъ, чтобъ намъ поляки никакихъ тягостей не чинили, а держали бы насъ по договору Подга́ецкому. Въ прошлыхъ годахъ хоть я и ходилъ съ татарами за Днѣпръ, однакожъ я казаковъ и татаръ до бою съ царскими ратными людьми не допустилъ и взятыхъ въ плѣнъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей въ Москву отпустилъ, а полковниковъ и гетмана Демьяна отъ царскаго величества не подговаривалъ и не подговариваю».

Дорошенко, между прочимъ, просилъ передать царю его челобитіе, чтобъ царь не вѣрилъ людямъ, распускающимъ про Дорошенка клеветы, приказалъ бы Демьяну быть съ нимъ въ дружбѣ, не мѣшать ему, Дорошенку, пользоваться купленными мельницами на Днѣпрѣ подъ Чигириномъ и позволять пріѣзжать въ Кіевъ богомольцамъ съ правой стороны Днѣпра. «Пусть государь,—присовокупилъ Дорошенко, — изволитъ только прислать мнѣ указъ; я Стеньку Разина къ его царскому величеству въ подданство и послушаніе наговорю и приворочу».

Гетманъ далъ ему письмо, адресованное къ царю. Архіепископъ Манассія изъ Чигирина поѣхалъ въ Каневъ и тамъ увидѣлся съ митрополитомъ Тукальскимъ. Этотъ архіерей показался ему совершенно одинаковыхъ мыслей съ гетманомъ. Сначала митрополитъ хотѣлъ-было на время удержать архіепископа и

говорилъ: «пошлемъ вмѣстѣ гонца къ государю; когда государь изволитъ насъ принять подъ свою государскую высокую руку, тогда и я поѣду съ тобою въ Москву». Однако, митрополитъ вскорѣ передумалъ и отпустилъ архіепископа одного съ его причетомъ, поручивши ему передать на словахъ то же что Дорошенко. «Писать не смѣю,—говорилъ онъ,—прежнія мои письма, что я посылалъ въ Москву, объявились у поляковъ».

Въ письмѣ, которое Манассія привезъ въ Москву отъ Дорошенка, гетманъ увѣрялъ, что онъ, «какъ соборной православной церкви удъ и благожелатель всему православному христіанству, хочетъ имѣть православнаго царя за главу себѣ», просилъ не поставить ему въ грѣхъ того, что онъ принялъ отъ турскаго султана санджаки (знаки власти). «Я сдѣлалъ это, —выражался Дорошенко,—щадя цѣлость всей Украйны, защищая отъ разоренія церкви божіи и отводя отъ людей пагубу. Иногда дѣлаю такое, чего и самъ не хочу: еслибъ мы не приняли знаковъ турецкихъ, то пришлось бы намъ творить брань съ сильными бусурманами, живущими близко насъ, а на это мы немощны». «Да будетъ извѣстно вамъ, православный милостивый царь, что сей россійскій народъ, надъ которымъ я старшинствую, не хочетъ носить ига, которое возлагаетъ на него Рѣчь-Посполитая: не допускаютъ поляки войску запорожскому и народу россійскому имѣть тѣхъ вольностей, о которыхъ черезъ пословъ своихъ я просилъ. И вотъ по такой причинѣ нашъ народъ прилѣпляется къ братству съ сосѣдствующими бусурманами въ надеждѣ своего спасенія! Я не былъ врагомъ вашего пресвѣтлаго величества и во вся дни живота не измѣню къ вашему величеству желательства, и если ты, великій царь, православный христіанскій монархъ, меня своимъ царскимъ словомъ обнадежишь, гдѣ бы я могъ главу свою преклонить, то я готовъ буду не токмо здоровье свое изліять, но и душу положить за православную христіанскую вѣру и за цѣлость православнаго христіанскаго народа».

Вслѣдъ затѣмъ и Демьянъ Игнатовичъ въ письмѣ къ царю указывалъ на то, что андрусовскій договоръ заключалъ въ себѣ условія нескончаемыхъ несогласій. Этотъ договоръ не только раздражалъ Дорошенка, оставивши его съ казаками въ подданствѣ Польшѣ, но, передѣливъ на двѣ половины Украйну, которая прежде была едина, сдѣлался теперь источникомъ всякаго рода споровъ о владѣніяхъ. Тѣ, которые достались теперь подъ державу русскую, имѣли прежде еще владѣнія на правомъ берегу, отнесенному по договору къ Польшѣ, и наоборотъ: Дорошенко, гетманъ на лѣвой сторонѣ, начавши отъ Кременчуга

чуть не по самый Кіевъ владѣлъ землями и отбиралъ на себя доходы. Королевскіе старосты владѣли на той сторонѣ селами и угодьями, принадлежавшими издавна городу Любечу, расположенному на лѣвомъ берегу Днѣпра и доставшемуся по раздѣлу Россіи. Рѣка Сожъ, впадающая въ Днѣпръ, сдѣлана границею по андрусовскому договору, но старосты Рѣчи-Посполитой присвоивали себѣ мѣста по сю сторону Сожи. Объ этомъ обо всемъ представлялъ царю Многогрѣшный. Поляки съ своей стороны жаловались, что сотникъ Седневскій съ воинскими людьми переходилъ на другой берегъ Сожи и закладывалъ новый рубежъ. Демьянъ, на вопросы, сдѣланные ему изъ Москвы по этому поводу, оправдывалъ сотника, и указывалъ, что, напротивъ, польскіе подданные дѣлаютъ русскимъ подданнымъ безпрестанныя оскорбленія и нарушаютъ андрусовскій договоръ: грабятъ у себя кіевскихъ и черниговскихъ купцовъ, ѣздящихъ къ нимъ по торговымъ дѣламъ, смущаютъ малороссіянъ разсказами, будто царь скоро всю Украйну лѣвой стороны Днѣпра Польшѣ отдастъ, а слушающіе такіе разсказы, пріѣхавши домой, пересказываютъ о томъ у себя и оттого происходитъ всенародное смятеніе. Главное же нарушеніе договора со стороны ляховъ по указанію Демьяна состояло въ томъ, что они продолжаютъ преслѣдовать у себя православную вѣру: въ послѣднее время въ Полонномъ и въ Витебскѣ обратили православныя церкви въ унію, хотѣли то же сдѣлать въ Могилевѣ, но поспольство не допустило.

На такія представленія гетмана Многогрѣшнаго послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ, именно, что обо всѣхъ обидахъ и недоумѣніяхъ будетъ писано въ Польшу надлежащимъ путемъ, а настоящимъ владѣльцамъ спорныхъ угодій слѣдуетъ удерживать за собою свои владѣнія по прежнему, пока не устроится размежеваніе рубежей, о чемъ въ свое время гетману данъ будетъ указъ [1]).

Объявивши себя рѣшительно врагомъ Польши, Дорошенко призывалъ крымскаго хана, какъ данника Турціи — съ тѣмъ, чтобы взять Бѣлую-Церковь, гдѣ сидѣлъ гарнизонъ Рѣчи-Посполитой, состоявшій преимущественно изъ нѣмцевъ, которыхъ всегда было множество въ польскомъ войскѣ, набиравшемся наймомъ. Братъ Дорошенковъ Григорій съ Брацлавскимъ полкомъ стоялъ тогда на западной границѣ въ мѣстечкѣ Стѣнѣ [2]). Дорошенко не

---

1) Ibidem, 407.
2) Ibidem, 149.

дождался хана. Запорожцы въ числѣ шести тысячъ съ Ханенкомъ и Сѣркомъ перегородили путь хану, шедшему на помощь Дорошенку. Послѣ непродолжительной битвы Адиль-Гирей помирился съ запорожцами и съ Ханенкомъ [1]). Онъ уже прежде былъ не расположенъ къ Дорошенку и шелъ къ нему на помощь только по приказанію падишаха, а потому легко склонился на предложенія Ханенка. Дорошенко, узнавши о случившемся, отправилъ въ Константинополь жалобу на хана, и въ іюнѣ получилъ извѣстіе, что будетъ назначенъ въ Крымъ новый ханъ, Селимъ-Гирей [2]). Ожидая этого новаго хана въ іюлѣ съ своимъ казацкимъ войскомъ и съ небольшимъ числомъ бывшихъ при гетманѣ татаръ, Дорошенко приступилъ къ Бѣлой-Церкви и пытался побудить польскій гарнизонъ къ добровольной сдачѣ; онъ простоялъ подъ Бѣлою-Церковью нѣсколько недѣль, писалъ убѣжденія бѣлоцерковскому коммендату, обѣщая всѣмъ полякамъ цѣлость, писалъ къ бѣлоцерковскимъ жителямъ, стараясь выманить ихъ къ себѣ въ станъ [3]). Между тѣмъ коронный гетманъ Собѣскій съ польскимъ войскомъ вошелъ на Подоль, понуждалъ тамошніе городки къ покорности Рѣчи-Посполитой, и къ Дорошенку писалъ, что является съ королевскимъ порученіемъ составить мирный договоръ между войскомъ запорожскимъ и Рѣчью-Посполитою. Дорошенко не поддавался польскимъ уловкамъ, стоялъ на своихъ прежнихъ требованіяхъ, заявленныхъ въ прошломъ году; наконецъ, 20 августа, услыхавши, что братъ его Григорій осажденъ поляками въ Брацлавѣ, отступилъ отъ Бѣлой-Церкви [4]).

Отлучившій крымскаго хана отъ союза съ Дорошенкомъ, Ханенко, вмѣстѣ съ Сѣркомъ, давнимъ «Дорошенковымъ хлѣбоядцемъ», пошелъ на помощь полякамъ. Дорошенко выступилъ противъ нихъ, но, не доходя десяти верстъ до рѣки Буга, услыхалъ о большомъ наводненіи, которое не допуститъ переправить его войско, и отступилъ къ Чигирину, откуда 27 сентября писалъ къ Многогрѣшному, что надѣется поправить свое дѣло, когда придутъ татары [5]). Но враги воспользовались пріостановкою военныхъ дѣйствій со стороны гетмана Дорошенка. Въ октябрѣ коронный гетманъ Собѣскій, при содѣйствіи Ханенка и Сѣрка, принудилъ покориться Рѣчи-Посполитой подольскіе городки Брац-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IV, 446, 451.
[2]) Ojcz. Spom., II, 312.
[3]) А. Ю. и З. Р. IV, 432, 435, 437.
[4]) Ojcz. Spom., II, 312, 329. А. Ю. и З. Р., IV, 438.
[5]) Ibid., 454, 455.

лавъ [1]), Стѣну [2]), Могилевъ, Ямполь, Тымановку [3]), Яругу [4]), Баръ [5]), Межибожъ [6]), Винницу [7]), и другіе. Нѣкоторые уступали только послѣ отчаяннаго сопротивленія, другіе были податливѣе; всѣхъ упорнѣе показалъ себя Кальникъ, благодаря обширности своего замка и двухъ посадамъ (містамъ), обведеннымъ валами и палисадами и представлявшимъ безопасное убѣжище для осажденныхъ [8]). Сдававшіеся города признавали надъ собою власть гетмана Ханенка, признаннаго Польшею въ гетманскомъ званіи. Ханенку пособилъ много его союзъ съ Сѣркомъ, котораго имя, какъ славнаго богатыря, вездѣ уважали малороссіяне [9]); съ другой стороны побратимство Дорошенка съ бусурманами отвращало отъ него народныя сердца: трудно было увѣрить малороссіянъ, какъ того добивался Дорошенко, чтобъ тѣ бусурманы, которыхъ они отъ прадѣдовъ и дѣдовъ привыкли считать своими прирождеными врагами и разорителями, вдругъ превращались въ ихъ сторонниковъ и защитниковъ, и страхъ очутиться подъ властію бусурманъ уже многихъ погналъ за Днѣпръ искать новаго отечества. Самые приверженцы Дорошенка колебались, и если подъ его вліяніемъ мирились съ мыслію быть подъ турецкимъ господствомъ, ради сохраненія самобытности Украйны, то легко и отвращались отъ такой мысли по другимъ противнымъ наущеніямъ. Осенью 1671 года у Дорошенка оставалось вѣрнымъ ему охочее войско—серденята, да выборные казаки изъ разныхъ полковъ [10]). Татаръ съ нимъ было мало. Новаго крымскаго хана Селимъ-Гирея онъ не могъ дождаться. Прибылъ къ нему Нураддинъ-султанъ, но только съ шестью тысячами и сталъ у Городища, недалеко Корсуни; съ нимъ однимъ Дорошенко не рѣшался возобновить борьбы, не дождавшись бѣлгородской орды, которую обѣщалъ ему прислать падишахъ, и которая явилась не ранѣе 18 ноября, въ количествѣ двадцати тысячъ; съ нею прибыли и турки, по однимъ извѣстіямъ въ числѣ десяти, по другимъ — только двухъ тысячъ [11]).

---

1) Ojcz. Spom., II, 151. А. Ю. и З. Р., IX, 452, 585.
2) Село Ямпольск. уѣзда под. губ., при р. Русавѣ.
3) Мѣст. Ямп. уѣзда под. губ.
4) Мѣстечко Ямп. уѣзда под. губ., при впад. р. Буши въ Мурахву.
5) Мѣст. Могил. уѣзда под. губ., при р. Ровѣ.
6) Мѣст. Литичевск. уѣзда под. губ., при впад. р. Бужка въ Бугъ.
7) Ojcz. Spom., II, 329, 330, 333, 340, 342, 343.
8) Ibid., 338.
9) А. Ю. и З. Р. IX, 581.
10) Ibid., 587, 590.
11) Ibid., 577, 585, 612, 655.

Между тѣмъ король Михаилъ приказалъ въ началѣ зимы пріостановить военныя дѣйствія и коронный гетманъ ушелъ изъ-подъ Кальника, котораго не добылъ, во Львовъ, оставивши на Подоли своего товарища, польнаго гетмана Вишневецкаго. Самъ польный гетманъ стоялъ въ Барѣ. Въ городкахъ Рашковѣ, Чечельникѣ, Могилевѣ, Брацлавѣ, Стѣнѣ, Карсановкѣ, Тымановкѣ разставлены были польскія хоругви [1]). Казаки Ханенка занимали Бершадъ и Лодыжинъ [2]). Въ Илинцахъ [3]) Сѣрко и Ханенко собрали поспольство съ Подоли и казаковъ на раду; прислали туда своихъ делегатовъ и польскіе гетманы—увѣрить малороссіянъ подъ присягою, что впередъ будутъ ихъ содержать сообразно стариннымъ правамъ [4]). Конечно въ этомъ не было ничего искренняго и прочнаго и никакія старинныя права не могли удовольствовать народа, искавшаго новой жизни, а не старыхъ правъ. Самъ Собѣскій понималъ это и писалъ: мы стараемся ихъ увѣщаніями удержать въ повиновеніи и они обѣщаютъ, а какъ явится здѣсь турецкій паша или крымскія орды, такъ ужъ не наша воля здѣсь будетъ [5]).

По прибытіи бѣлгородскихъ татаръ, Дорошенко одну часть ихъ размѣстилъ въ Украйнѣ, а другую взялъ съ собою и двинулся къ Подоли. Лодыжинцы тайно прислали извѣстить его, что сдадутся какъ только онъ явится [6]), и по ихъ подущенію Дорошенко 24-го ноября напалъ на Лодыжинъ, но Ханенко заперся въ зàмкѣ. Городки и селенія стали приставать къ Дорошенку. Отстали отъ поляковъ Ямполь, Тульчинъ, Черниховцы, Винница, Камяница и другіе; польскіе жолнѣры, составлявшіе въ нихъ залоги, ушли въ болѣе крѣпкіе—Рашковъ, Могилевъ, Шаргородъ и запрятались въ нихъ, уклоняясь отъ вступленія въ бой съ непріятелемъ: они знали, что ни казаки, ни татары, не рѣшаются охотно тратить продолжительное время на добываніе укрѣпленныхъ мѣстностей [7]). На первый день Рождества Дорошенко сдѣлалъ нападеніе на городокъ Тростянецъ; посадъ, или «місто», былъ взятъ, жители частію истреблены, частію захвачены въ яссыръ татарами, но зàмка, гдѣ засѣли поляки, Дорошенко

---

1) Ibid., 584.
2) Ojcz. Spom., II, 151.
3) Мѣст. Липов. уѣзда кіев. губ., при р. Соби.
4) А. Ю. и З. Р. IX, 575.
5) Ojcz. Sp., II, 330.
6) Ojcz. Spom., II, 154.
7) А. Ю. и З. Р. IX, 612. Ojcz. Spom., II, 159.

не взялъ и отступилъ отъ него 30-го декабря [1]). Бѣлгородскіе татары, бывшіе на войнѣ съ Дорошенкомъ, не только составляли его главную силу, но расходились по сторонамъ загонами, хватали жителей и угоняли въ свои степи. Дорошенко этому не препятствовалъ, но самъ осуждалъ на яссыръ татарамъ тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые окажутъ сопротивленіе или же измѣнятъ Дорошенку, и перейдутъ къ Ханенку. Набравши яссыру, бѣлгородскіе татары спѣшили уходить домой [2]) и самъ Дорошенко послѣ новаго года уѣхалъ въ Чигиринъ [3]). Есть польское извѣстіе, что паволоцкій полковникъ замышлялъ овладѣть булавою войска запорожскаго, и это побудило Дорошенка преждевременно прервать войну.

Тѣмъ бѣлгородскимъ татарамъ, которыхъ, выступая на Подоль, Дорошенко размѣстилъ въ Украйнѣ, дано было отъ гетмана строгое приказаніе—не предпринимать набѣговъ на лѣвый берегъ Днѣпра; но одно появленіе ихъ на правой сторонѣ, и притомъ не далеко отъ Кіева, произвело чрезвычайную тревогу въ поспольствѣ. Правобережные прочане, которыхъ отъ прихода татаръ стало болѣе, разнесли переполохъ между обывателями лѣвобережной Малороссіи. Посѣщавшіе въ ту зиму этотъ край, московскіе гонцы писали: «въ городахъ и мѣстечкахъ всполохи бьютъ, изъ вѣстовыхъ пушекъ стрѣляютъ безпрестанно, чтобъ люди съ своими пожитками убѣгали въ осаду въ городы; твердятъ, что не сегодня-завтра появятся татары и станутъ забирать въ полонъ жителей» [4]). Страхъ этотъ оказался напрасенъ. Всѣ бѣлгородскіе татары, разставленные по Украйнѣ, пошли за своими товарищами домой. Осталось ихъ только полтораста съ мурзою, да Нураддинъ-султанъ съ своею ордою, расположившійся въ Корсуни.

По сосѣдству съ Кіевомъ поляки наводили страхъ не хуже татаръ. 30-го декабря, польскій полковникъ Пиво-Запольскій взялъ Васильковъ и расположилъ тамъ своихъ полчанъ; малороссійскіе жители хотѣли-было не пускать къ себѣ поляковъ и многіе за то лишились жизни. Въ январѣ 1672 года Пиво-Запольскій занялъ Макаровъ, Брусиловъ и Межигорскій монастырь [5]) и очутился подъ Кіевомъ. Служилые царскіе люди, ѣздившіе изъ города за дровами въ лѣсъ, за Лыбедью наткнулись на поляковъ,

---

[1]) Ojcz. Spom., II, 156.
[2]) А. Ю. и З. Р., IX, 628, 895.
[3]) Ojcz. Spom., II, 161.
[4]) А. Ю. и З. Р. IX, 609.
[5]) А. Ю. и З. Р. IX, 595, 623.

и тѣ отняли у нихъ лошадей, оружіе, поснимали съ нихъ платье и самихъ покололи оружіемъ. Кіевскій воевода кн. Козловскій доносилъ, что въ Кіевѣ мало царскихъ ратныхъ людей, всего 2,489 человѣкъ—и опасно, чтобы поляки, провѣдавши про это, не попытались внезапно захватить Кіевъ въ свои руки. Побывавшіе на правой сторонѣ Днѣпра малороссіяне, возвратясь домой, разсказывали, что поляки говорили имъ: «мы вотъ когда-нибудь нежданно-негаданно перейдемъ Днѣпръ и надѣлаемъ разореній, а вы не будете въ силахъ ничего: пока-то вы отъ вашего царя указъ получите». Еще въ октябрѣ 1671 года одинъ кіевскій мѣщанинъ разсказывалъ, что видѣлъ двѣнадцать торговыхъ малороссіявъ, ѣхавшихъ изъ Волощины и порубленныхъ поляками, а въ селахъ, принадлежавшихъ печерскому монастырю, жолнѣры полковника Пиво-Запольскаго нагло забирали у жителей скотъ, хлѣбъ, даже выбирали ихъ пожитки изъ скрынь; и гетманъ Многогрѣшный, донося объ этомъ въ приказъ, прибавлялъ, что коли поляки начинаютъ съ малороссіянами задоръ, то и малороссіяне станутъ имъ отплачивать тѣмъ же, потому что народъ малороссійскій этого терпѣть не обыкъ. Тогда Демьянъ Игнатовичъ разрѣшилъ всѣмъ свободно переходить на правую сторону Днѣпра и подъ знаменами гетмана Дорошенка воевать ляховъ.

И въ Москвѣ стало было не ладиться съ поляками. Когда пріѣхалъ въ царскую столицу польскій посолъ Гнинскій, вести съ боярами переговоры о мирѣ, на основаніи андрусовскаго договора, московскіе бояре домогались допустить къ совѣщаніямъ посланцевъ казацкихъ, пріѣхавшихъ отъ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Поляки ни за что не хотѣли этого. Когда польскіе послы стали просить содѣйствія со стороны царя къ усмиренію Дорошенка, бояре, не оправдывая Дорошенка, и Гнинскому, какъ Комару, замѣтили, что обращеніе его къ оттоманской державѣ вызвано гоненіями со стороны поляковъ на православную вѣру. Бояре сообщали, что Дорошенко не разъ по этому поводу просилъ московскаго великаго государя принять его подъ свою высокую руку; великій государь отказывалъ, не желая ссориться съ королевскимъ величествомъ; теперь же, когда Дорошенко, отдавшись Турціи, пересталъ быть польскимъ подданнымъ, царь могъ бы такъ поступить, но не хочетъ безъ королевскаго согласія. На это поляки замѣтили: принявши Дорошенка подъ свою высокую руку, царь черезъ то никакого права на Украйну не получитъ. Угодно было польскому королю поставить гетманомъ въ Украйнѣ Дорошенка, можетъ король и перемѣнить его, и вмѣсто Дорошенка дать гетманское достоинство иному лицу, а

Украйна все-таки останется, какъ была, достояніемъ Рѣчи-Посполитой. И въ этомъ вопросѣ, какъ въ вопросѣ о превращеніи андрусовскаго перемирія въ вѣчный миръ, не договорились тогда ни до чего важнаго польскіе и русскіе дипломаты. Между тѣмъ бояре и на этотъ разъ повторяли передъ польскими послами жалобы на пропуски въ написаніи царскаго титула, и на разныя укоризны противъ московскаго царя и его державы, допускаемыя въ книгахъ, выходившихъ въ Польшѣ. Поляки могли быть увѣрены, что бояре держатъ у себя кое-что про запасъ на будущее время, чтобы, пользуясь удобнымъ случаемъ, завести старую пѣсню, которая, какъ хорошо поляки помнили, во времена Богдана Хмельницкаго, довела до войны между Москвою и Польшею. Къ разрыву, однако, на этотъ разъ не дошло; обѣ стороны увѣряли другъ друга во взаимномъ союзѣ и доброжелательствѣ и отложили толки объ окончательномъ мирѣ на будущее время.

IX.

Свиданіе Многогрѣшнаго съ подьячимъ Михайломъ Савинымъ.—Рѣзкіе отзывы гетмана.—Пріемъ Танѣева.—Вопросъ о Гомелѣ.—Первый разговоръ Танѣева съ Неѣловымъ.—Многогрѣшный опасается соперничества кіевскаго полковника Солонины.—Разговоръ Многогрѣшнаго съ нѣжинскимъ протопопомъ.—Извѣстія о буйномъ поведеніи гетмана.—Царская грамота гетману Многогрѣшному.—Вторичный пріѣздъ Танѣева.—Недовѣріе гетмана къ Москвѣ.—Смѣлая и рѣзкая рѣчь гетмана Многогрѣшнаго, произнесенная Танѣеву.—Второй разговоръ Танѣева съ Неѣловымъ.—Ночное совѣщаніе у обознаго Петра Забѣлы.—Послѣднее свиданіе Танѣева съ гетманомъ.—Отъѣздъ Танѣева.

Надъ гетманомъ Демьяномъ Игнатовичемъ Многогрѣшнымъ собиралась грозная туча, а онъ не замѣчалъ ея и не чувствовалъ ни въ чемъ ея приближенія. Дни его гетманства были сочтены, а онъ того не предвидѣлъ.

Въ описываемый нами вѣкъ въ Малороссіи всякое начальствующее лицо, и старѣйшее и меньшее, было выбранное, поступленіе его въ должность зависѣло отъ воли подчиненныхъ. Сообразно древнимъ народнымъ правамъ и обычаямъ, начальствующая особа должна была держать совѣтъ съ подчиненными. Но на дѣлѣ выходило, что какъ только такая особа получала власть, достававшуюся по выбору подчиненныхъ, такъ уже начинала считать себя въ правѣ дѣйствовать самовластно и, при случаѣ, позволяла себѣ самыя деспотическія выходки. Главною причиною этого было то, что получившее по выбору должность лицо должно было опасаться болѣе гнѣва высшаго своего на-

чальника, также выбраннаго, чѣмъ нерасположенія къ себѣ своихъ подчиненныхъ. Выбранный въ своей сотнѣ, сотникъ дѣлался самовластнымъ господиномъ надъ сотнею, но за то старался угождать своему полковнику, подчинялся его произволу и раболѣпствовалъ передъ нимъ; законное поступленіе полковника въ свою должность не могло совершиться безъ воли гетмана, но зависѣло также отъ желанія полчанъ имѣть его своимъ полковникомъ, однако, болѣе или менѣе прочно укрѣпившись въ должности, онъ былъ въ своемъ полку такой самовластный господинъ, какъ средневѣковой феодальный баронъ, хотя, въ свою очередь, всегда могъ ожидать надъ собою деспотическихъ выходокъ отъ гетмана. Еще шире это проявлялось въ поведеніи гетмана, какъ главы цѣлаго края. Гетманъ юридически не былъ неограниченнымъ государемъ: съ одной стороны онъ не смѣлъ начинать ничего важнаго безъ совѣта со старшинами, а въ особенно важныхъ случаяхъ—безъ генеральной рады, куда сзывались всѣ казаки; съ другой, онъ долженъ былъ относиться за окончательнымъ разрѣшеніемъ къ государю черезъ посредство малороссійскаго приказа. Но это не мѣшало гетману, при случаѣ, дѣлать такія выходки, на какія могъ имѣть право только ни отъ кого независимый деспотъ. Грубость нравовъ того времени располагала къ этому. Демьянъ Игнатовичъ былъ человѣкъ нрава вспыльчиваго и при томъ нерѣдко бывалъ пьянъ, а потому не сдержанъ ни на языкъ, ни на руки; возвышеніе избаловало его скоро, царь былъ къ нему милостивъ и онъ сталъ показывать себя въ поступкахъ и рѣчахъ человѣкомъ вольнымъ и сильнымъ. Все вокругъ кланялось ему; — но за то кругомъ его все было пропитано коварствомъ и много охотниковъ было погубить его. Между тѣмъ положеніе края было самое смутное и шаткое; малороссіяне сами не знали, что съ ними будетъ, въ ту или въ другую сторону выгоднѣе будетъ имъ обратиться. Въ такомъ положеніи понятно, что главѣ такого края могли безпрестанно угрожать нежданные перевороты, и какъ бы онъ ни держалъ себя, всегда бы нашлись имъ недовольные. И гетманъ Демьянъ Игнатовичъ возбуждалъ противъ себя много недовольныхъ, да въ-добавокъ своею несдержанностью самъ давалъ этимъ недовольнымъ поводъ при случаѣ копать подъ нимъ яму. Надобно, однако, замѣтить, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, при своей вспыльчивости и нерѣдко грубости, не показалъ тѣхъ чертъ хитрости и коварства, которыми отличились многіе малороссійскіе историческіе дѣятели той эпохи. Напротивъ, сколько можно прослѣдить его дѣятельность, онъ, казалось, былъ человѣкъ прямой и добродушный.

18-го декабря 1671 года пріѣхалъ въ Батуринъ царскій подьячій Михайло Савинъ. Онъ былъ посланъ собственно для того, чтобы сдѣлать дознаніе о гробѣ патріарха Аѳанасія, скончавшагося на возвратномъ пути изъ Москвы въ Турцію въ Лубнахъ: объ этомъ святителѣ начались тогда носиться слухи, обыкновенно предшествующіе открытію мощей святого. Какъ-бы мимоходомъ, Савину поручили привезти гетману царскую грамоту. Въ этой грамотѣ указывалось Демьяну, чтобъ онъ отнюдь не велѣлъ чинить ни съ кѣмъ, особенно съ поляками, задоровъ, и объявлялось, что, до окончательнаго разграниченія рубежей, всякими спорными землями должны владѣть тѣ, которые въ данное время уже ими владѣютъ.

Демьянъ Игнатовичъ при гонцѣ московскомъ сталъ дѣлать такія замѣчанія на царскую грамоту.

«Изъ-за рѣки Сожи съ королевской стороны на нашу сторону переѣзжаютъ люди и начинаютъ селиться, а великій государь ихъ ссылать не велитъ. Этакъ, если пустить поляковъ селиться за Сожъ, такъ они начнутъ вступаться въ наши городы и села и говорить, что эти городы и села были ихъ маетностями».

Савинъ замѣтилъ, что противъ этого существуетъ андрусовскій договоръ, гдѣ обозначены границы. Демьянъ сказалъ:

«Въ андрусовскомъ договорѣ того подлинно не означено, по какое мѣсто Малороссія и чѣмъ мнѣ владѣть! Коли великій государь изволитъ земли наши по-немногу королю отдавать, такъ лучше бы велѣлъ насъ всѣхъ разомъ отдать: король радъ будетъ! Только у насъ на сей сторонѣ войска тысячъ сто наберется: будемъ боронитъся, а земли своей никакими мѣрами не уступимъ: отъ насъ задору никакого ни съ кѣмъ нѣтъ и не будетъ; это великому государю извѣстно;—а за правду мы головы свои положимъ!»

Савинъ сталъ ему дѣлать успокоительныя представленія, но гетманъ такъ разгорячился, что перебивалъ его рѣчь и сталъ говорить еще рѣзче:

«Ожидалъ я отъ царскаго величества къ себѣ и къ малороссійскому народу милости паче прежняго, а онъ насъ отдаетъ въ лядскую неволю! Поляки грабятъ нашихъ малороссійскихъ купцовъ и въ тюрьмахъ держатъ, около Кіева монастырскія села разоряютъ, а великій государь за то имъ ничего не учинилъ! Насъ совсѣмъ не обороняютъ! Колибъ мы сами себя не обороняли, давно бы насъ всѣхъ поляки въ неволю побрали. Видно, нечего намъ надѣяться на московскихъ людей!»

Проговоривши это сердитымъ тономъ, гетманъ отпустилъ Савина на подворье, а самъ съ своею челядью поѣхалъ «на поле» (на охоту).

— Гетманъ нашъ сердитъ,—говорили подьячему гетманскіе челядинцы.— Какъ придетъ въ сумнительство, такъ все «на поле» ѣздитъ и про всякія дѣла думаетъ.

Все это передано было подьячимъ по принадлежности въ малороссійскій приказъ, когда, окончивъ возложенное на него порученіе, онъ вернулся въ Москву. Савинъ привезъ туда вѣсти о переполохѣ, возникшемъ по поводу прибытія къ Дорошенку татаръ, разсказы о зацѣпкахъ со стороны польскаго жолнѣрства. Въ Москвѣ уразумѣли, что въ Украйнѣ готовятся новыя безпокойства [1]).

27-го января 1672 года отправили изъ Москвы новаго гонца и уже въ Батуринъ прямо къ гетману. То былъ стрѣлецкій полуголова Александръ Танѣевъ съ подьячимъ Дементьемъ Ивановымъ. Они прибыли въ Батуринъ 6-го февраля.

На другой день представился царскій посланникъ гетману и отъ имени великаго государя спросилъ гетмана, всѣхъ полковниковъ и все войско запорожское о здоровьѣ, что по тогдашнему этикету было знакомъ монаршей милости. Въ заключеніе объявилъ Танѣевъ, что великій государь жалуетъ и милостиво похваляетъ гетмана Демьяна Игнатовича за его вѣрную службу. Гетманъ, выслушавши такое привѣтствіе, поклонился до земли; посланецъ подалъ ему грамоту, гетманъ поцѣловалъ на ней печать и опять поклонился до земли; потомъ съ своей стороны спросилъ о здоровьѣ великаго государя и въ третій разъ поклонился до земли. Эти оффиціальныя церемоніи показывали самое дружелюбное настроеніе и никакъ не дозволяли предполагать, что вскорѣ поднимется буря.

Гетманъ приказалъ читать грамоту. Тамъ подтверждалось, чтобъ на рубежахъ съ Польшею и Литвою малороссіяне владѣли всякими урочищами, какія были у нихъ во владѣніи при андрусовскомъ договорѣ, пока не съѣдутся на границу межевые и расправные суды и не проведутъ окончательно въ точность рубежей. Писано было, что чинится договоръ съ польскими послами, что посланцу Многогрѣшнаго, Константину Солонинѣ, оказываютъ милость, и что есть надежда на скорое установленіе вѣчнаго мира съ Польшею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчалось гетману, что непристойны были произнесенныя имъ подьячему

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 605.

Савину слова на-счетъ того, будто государь отдаетъ ихъ земли ляхамъ. Гетманъ послѣ окончанія чтенія сказалъ:

«Чтó я говорилъ Михайлу Савину объ отдачѣ земель нашихъ ляхамъ, такъ это я сказалъ оттого, что польская правда и постоянство мнѣ вѣдомы: на чемъ они пункты постановятъ, того никакъ не держатся; и теперь самовольствомъ заѣзжаютъ за Днѣпръ и за Сожу и малороссійскимъ жителямъ чинятъ разоренія и убытки. Истинно желаю, чтобъ у великаго государя съ королемъ польскимъ состоялось мирное постановленіе, только пусть бы великій государь, милосердуя о насъ, стародавнихъ своихъ подданныхъ, освободилъ насъ, всѣхъ людей греческаго закона, отъ иновѣрцевъ и дѣдичную свою отчину, преславный городъ Кіевъ, гдѣ почиваютъ чудотворныя мощи, никогда не отдавалъ бы въ королевскую сторону. Мы же на всякомъ мѣстѣ готовы противъ непріятеля стоять и головы складывать за великаго государя и его наслѣдниковъ».

Гетманъ сообщилъ словесно царскому посланцу о тогдашнихъ обстоятельствахъ.

«Дорошенка, — говорилъ онъ, — подбиваютъ поляки соединиться съ королемъ, — посылаютъ ему подарки, обѣщаютъ все, чего онъ захочетъ! Это все того ради, что когда бы Дорошенко съ ними соединился, такъ они тотчасъ пошли бы на сю сторону войною. Только Дорошенко никогда не сойдется съ ляхами и не отстанетъ отъ турскаго царя, — на насъ же войною не нападетъ. Онъ безпрестанно ко мнѣ присылаетъ и клянется, что съ нами ссориться не станетъ: ни самъ не перейдетъ войною на сю сторону, ни другихъ воевать противъ насъ не пуститъ. Изъ орды, чтò при немъ, кое-какіе вздумали-было переходить черезъ Днѣпръ и малороссійскимъ жителямъ чинить худое, такъ онъ, сдѣлавши сыскъ, велѣлъ нагишомъ ихъ бить плетьми, водя по таборамъ, и потомъ далъ крѣпкій заказъ, чтобъ никто ни изъ казаковъ, ни изъ татаръ не смѣлъ къ намъ за Днѣпръ переѣзжать и чинить обиды».

Гетманъ давалъ совѣтъ государю присоединить къ себѣ Гомель, — иначе будетъ малороссіянамъ утѣсненіе. «Если, — говорилъ онъ, — не состоится миръ между Россіею и Польшею, такъ ляхи въ Гомель насадятъ своихъ людей и тогда проѣзда не будетъ до Кіева, до Остра, до Нѣжина и до Чернигова. Изъ Гомеля вышли жители и живутъ теперь въ слободахъ; пусть бы великій государь указалъ взять Гомель и воротить въ него этихъ жителей, такъ они будутъ ляховъ къ намъ не пропускать. Теперь въ Гомелѣ остается всего душъ со ста и тѣ безпрестанно

просятъ, чтобъ ихъ царь велѣлъ, вмѣстѣ съ Гомелемъ, принять подъ свою державу».

Поживши нѣсколько дней въ Батуринѣ, Танѣевъ разговорился съ начальникомъ стрѣльцовъ, находившихся постоянно при гетманской особѣ, Григоріемъ Неѣловымъ, и тотъ сообщилъ такія свѣдѣнія о Демьянѣ Игнатовичѣ: «Ужасно онъ мятется, услыхавши, будто царь хочетъ его перемѣнить и назначить гетманомъ Солонину. Намедни пріѣхалъ къ нему нѣжинскій протопопъ; гетманъ сталъ ему говорить на-счетъ Солонины, а протопопъ сказалъ: «не вѣрь такимъ слухамъ; царь тебя жалуетъ и не перемѣнитъ!» Не понравилось это гетману и сказалъ онъ протопопу: «ты за-одно съ москалями торгуешь мною». Слово за слово, дошло у нихъ до того, что гетманъ разбранилъ протопопа и похвалялся саблей голову у него отсѣчь въ свѣтлицѣ. Протопопъ мнѣ сказалъ объ этомъ втайнѣ въ церкви, а при гетманѣ подходить къ себѣ не велѣлъ, чтобъ какого дурна отъ тѣхъ словъ не учинилось. Гетманъ когда не пьянъ, тогда у него все разсмотрительно, а какъ напьется, такъ—бѣда: приступа къ нему нѣтъ! Всѣ старшины взгляда его боятся,—говорить о дѣлахъ съ нимъ не смѣютъ; непомѣрно жестокъ! Какъ услыхалъ, будто государь гетманомъ хочетъ наставить Солонину, такъ пилъ непомѣрно и сердитъ былъ многое время: меня къ себѣ не призывалъ и не говорилъ со мною; а со старшиною,—какъ только что не по немъ, тотчасъ за саблю! Дмитрашку Райчу порубилъ саблею у себя въ свѣтлицѣ, и тотъ отъ ранъ боленъ теперь; судью Ивана Домонтовича пьяный билъ по щекамъ и пинками и саблею хотѣлъ изрубить, только я отнялъ у него саблю и рубить не далъ; онъ меня за то бранилъ и называлъ москалемъ. Константина Солонины брата, Якова, наказнаго кіевскаго полковника, приказалъ привезти къ себѣ въ Батуринъ и посадить скованнаго за карауломъ; жену Константина Солонины приказалъ привезти въ Батуринъ. Доложили ему, что козелецкіе казаки говорили, будто царь хочетъ Солонину гетманомъ поставить, такъ Демьянъ велѣлъ тѣхъ казаковъ сыскать и посадить въ тюрьму. А въ Нѣжинѣ полковникъ, Гвинтовка, большой его пріятель; когда воевода Ржевскій звалъ его къ обѣду,—полковникъ не пошелъ и сказалъ: «какъ съ вами можно хлѣбъ-соль вести, коли вы поступаете непостоянно? вонъ, изволитъ государь, вмѣсто Демьяна, Солонину гетманомъ поставить и насъ, старшину, перемѣнить!» А какъ пріѣхалъ изъ Москвы Игнатъ Кальницкій и разсказалъ, какая Солонинѣ въ Москвѣ милость, такъ Демьянъ велѣлъ Якова изъ-подъ караула освободить. Рослав-

ченка, стародубскаго полковника, посадилъ гетманъ въ Батуринѣ, никто не знаетъ—за что́, а вмѣсто него полковникомъ въ Стародубѣ поставилъ Шумейку. Никто не смѣетъ спросить у него объ этомъ. Съ Дорошенкомъ ссылается безпрестанно тайно, на банкетахъ за его здоровье пьетъ и меня заставлялъ пить. Хорошо бы, говоритъ, кабы Дорошенка изволилъ великій государь принять подъ свою высокую руку: Дорошенко оставался бы гетманомъ на той сторонѣ, а я — на сей, и пребывали бы мы въ смиреніи и тишинѣ. Писалъ къ нему Дорошенко, будто отъ польскаго посла передъ рождественскимъ праздникомъ слыхалъ, что царь помирился съ королемъ и Кіевъ уступилъ. Тогда Демьянъ говорилъ: «если подлинно такъ, такъ мы покинемъ женъ своихъ и дѣтей и всѣ пойдемъ головами своими противъ поляковъ, не отдадимъ Кіева и печерскаго монастыря, у короля въ подданствѣ намъ не быть никогда!» Безпрестанно пьянъ и коли такъ будетъ вести себя, то я опасаюсь всякаго дурна; ключи городскіе живутъ у меня, только, какъ кто пріѣдетъ въ городъ, гетманъ велитъ къ нему посылать ихъ».

Когда въ Москву пришли эти слухи, 28 февраля 1672 года, изъ малороссійскаго приказа послана была гетману Демьяну Игнатовичу царская грамота, гдѣ говорилось: «ты, гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, отъ какихъ-то крамольниковъ въ великомъ сумнѣніи пребываешь, будто, по нашему указу, велѣно кіевскому полковнику Солонинѣ быть гетманомъ, но указа нашего о томъ не бывало — и мы, безъ челобитья войска запорожскаго и безъ войсковой рады, даже и по смерти твоей не учинимъ никого иного гетманомъ, не только при животѣ твоемъ! Вы, гетманъ, и все войско имѣете опасеніе отъ головы стрѣлецкаго Неѣлова, что онъ доносилъ намъ, будто ты, гетманъ, учинился не по прежнему: все это вмѣщаетъ какой-то плевосѣятель и вамъ говоритъ, будто мы хотимъ польскому королю уступить Кіевъ. Этого нѣтъ вовсе». Въ грамотѣ сообщалось, что Солонина удержанъ въ Москвѣ по поводу совѣщанія бояръ съ польскими послами.

Съ этою грамотою отправленъ былъ къ гетману снова Танѣевъ, но уже съ другимъ подьячимъ—Семеномъ Щеголевымъ. Между тѣмъ гетманъ 29 февраля снарядилъ новое посольство къ государю въ Москву: поѣхали нѣжинскій протопопъ и генеральный есаулъ Грибовичъ съ товарищами. Демьянъ Игнатовичъ писалъ въ приказъ снова о недоразумѣніяхъ, возникшихъ съ поляками по поводу рубежа; андрусовскій договоръ устанавливалъ какой-то старый рубежъ, а поляки въ старомъ рубежѣ счи-

тали Стародубъ, Черниговъ и другія мѣстности по ту сторону Десны. Это посольство разминулось съ московскимъ, которое ѣхало отъ царя къ гетману.

Танѣевъ пріѣхалъ въ Батуринъ 7 марта и въ тотъ же день представился гетману, вручивъ ему царскую грамоту. Гетманъ Демьянъ былъ въ этотъ день въ возбужденномъ состояніи и, кажется, пьянъ. Приказавши прочитать грамоту и замѣтивши, что царь не велитъ ему имѣть никакого опасенія, Демьянъ говорилъ:

«Какъ намъ всѣмъ не имѣть опасенія, когда его царское величество тайно отдаетъ въ сторону короля польскаго свою вѣчную отчину—преславный градъ Кіевъ съ малороссійскими городами и со всѣмъ войскомъ запорожскимъ въ вѣчную и нестерпимую неволю! Были въ Москвѣ договоры польскихъ пословъ съ царскими боярами; по глуховскимъ договорнымъ статьямъ должны были съ послами сидѣть и наши посланцы отъ войска запорожскаго; а наши посланцы, кіевскій полковникъ Солонина съ товарищами, не допущены въ посольскую избу для прислушиванія и для вольнаго голоса, держатъ нашихъ посланцевъ въ Москвѣ какъ невольниковъ, отговариваются тѣмъ, будто польскіе послы и коммиссары ихъ не допустили, называя ихъ своими холопами. Нѣтъ. Не польскіе послы и коммиссары, а царскіе бояре и думные люди то учинили,—все для того, чтобъ войску запорожскому была невѣдома отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ! Этимъ вы войску запорожскому вѣчное безчестіе нанесли и у поляковъ посмѣхъ учинили. Какъ польскіе послы и коммиссары пріѣдутъ въ свою землю, король пошлетъ по Украйнѣ свои грамоты и въ тѣхъ грамотахъ напишутъ: видите, что вамъ Москва учинила! Отъ этого настанетъ великое смятеніе въ народѣ. Да и въ хроники свои поляки впредь для вѣрности запишутъ, что Москва въ посольство казаковъ не допустила. Коли кому на лбу учинятъ рану, такъ послѣ ту рану хоть и залечатъ, а знакъ отъ ней до смерти будетъ оставаться. Такъ и у насъ, въ войскѣ запорожскомъ, это безчестье вѣчно забвено не будетъ! Его царское величество преславный нашъ городъ Кіевъ и малороссійскіе города не саблею взялъ: поддались мы подъ его высокодержавную руку добровольно для единой православной христіанской вѣры и для обороны отъ непріятельскихъ иновѣрныхъ силъ. А когда великому государю городъ Кіевъ и малороссійскіе города и все войско запорожское не надобны,—пусть велитъ государь своихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ Кіева и изъ малороссійскихъ городовъ вывести: тогда мы съ войскомъ запорожскимъ сыщемъ себѣ иного государя. Бруховецкій, видя

московскія неправды, много терпѣлъ, да не стало терпѣнія, и хотя смерть принялъ, а на своемъ поставилъ! И я, гетманъ, видя неправды ваши, уже велѣлъ Черниговъ большой городъ отъ малаго города оттородить: чтó изъ того выйдетъ,—про то Богъ вѣдаетъ! Видно время пришло намъ искать себѣ другого государя, только ужъ никакъ не польскаго короля. Польскій король былъ бы радъ, еслибъ мы подъ его руку захотѣли идти: и теперь уже онъ призываетъ насъ, поступается намъ своей королевской вотчины къ малороссійскому краю по Слуцкъ и по Березу-рѣку со всѣми городами и землями и вольностями, только съ тѣмъ, чтобъ мы его королевскихъ и сенаторскихъ и шляхетскихъ маетностей не трогали. Однако мы, казаки, полякамъ не вѣримъ ни въ чемъ, да и весь нашъ народъ малороссійскій не захочетъ идти подъ власть польскую: хоть до ссущаго младенца всѣ помрутъ, а подъ Польшею отнюдь не будутъ. Знаемъ мы и про то, что польскіе послы въ Москвѣ выговаривали для усмиренія казаковъ Дорошенка либо 30,000 человѣкъ московскаго войска, либо денегъ на такое число войска, а бояре и думные люди приговорили дать имъ на 30,000 войска денегъ. И прежде, по андрусовскому договору, переслали уже изъ Москвы въ Польшу сколько-то десятковъ тысячъ рублей. Куда какъ умно и мудро чинятъ поляки: продаютъ то, чего сами въ рукахъ не имѣютъ и чего никогда имѣть не будутъ! Мы, казаки, не проданные и не купленные! Коли поляки, наполнившись московскими деньгами, пойдутъ на Дорошенка, чтобъ его усмирить и потомъ принять подъ свою власть Кіевъ со всѣми малороссійскими городами, такъ мы, казаки, соединимся съ турскимъ войскомъ и съ татарами и пойдемъ противъ польскихъ силъ; хоть всѣ помремъ, а Кіева и малороссійскихъ городовъ Польшѣ не дадимъ! Не станемъ дожидаться, пока поляки соберутся съ силами; тотчасъ послѣ свѣтлаго воскресенія сами пойдемъ въ польское государство великимъ собраніемъ! Городы одинъ за другимъ будутъ намъ сдаваться, потому что во всѣхъ городахъ православныхъ людей много. Устоитъ развѣ одинъ Каменецъ-Подольскій, да и то не на долгое время! Ни одного поляка не останется у насъ, только православной вѣры люди, и тѣ будутъ подъ державою турскаго султана. Тѣ времена приходятъ, что конечно тому быть! Ну, а какъ надъ польскимъ государствомъ что-нибудь учинится, тогда и кому-то иному достанется».

Такая смѣлая рѣчь, сказанная въ глаза московскому посланнику, по тогдашнимъ понятіямъ, была уже поводомъ къ подозрѣнію въ измѣнѣ. Демьянъ въ эти минуты высказалъ весь свой

характеръ. Онъ говорилъ то же, что́ нѣкогда Богданъ Хмельницкій Киселю, но правду надобно сказать, что при своемъ положеніи показалъ въ своей рѣчи еще болѣе смѣлости, прямоты и геройства, чѣмъ Богданъ Хмельницкій.

Послѣ этой рѣшительной рѣчи, Танѣевъ велъ съ гетманомъ разговоръ о другихъ предметахъ и между прочимъ насчетъ договоровъ, какіе велись въ Москвѣ польскими послами, сказалъ, что великій государь сообщитъ ему черезъ Солонину списокъ съ тѣхъ статей, какія будутъ постановлены у бояръ съ польскими послами.

Демьянъ сказалъ: — никакимъ спискамъ вашимъ мы не вѣримъ; чего наши очи не видали и уши не слыхали — ничему тому не вѣримъ! Много къ намъ писанаго изъ Москвы присылаютъ, только бумагою да ласковыми словами насъ утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявятъ. Съ польскими послами толкуютъ, а границъ не проведутъ и поляки мало-по-малу малороссійскій край заѣзжаютъ (захватываютъ). Больше всего полковникъ Пиво намъ пакоститъ: около Кіева все запустошилъ, людей побиваетъ, а царскій воевода Козловскій не даетъ ему никакого отпору и не обороняетъ бѣдныхъ людей.

Зашла рѣчь о Гомелѣ. Демьянъ сказалъ:

— Мнѣ гомельскихъ жителей нельзя не принять; войско запорожское никого отъ себя не отгоняетъ; если и иные городы станутъ къ нему склоняться, такъ не откажетъ. Время пришло мнѣ свой разумъ держать.

— Что ты, гетманъ, писалъ о Дорошенкѣ и о запорожцахъ, такъ о томъ обо всемъ будетъ тебѣ царскій указъ присланъ вскорѣ съ головою стрѣлецкимъ, Михайломъ Колупаевымъ.

— Знаю я, — сказалъ подозрительно гетманъ, — зачѣмъ Колупаевъ пріѣдетъ! Пусть нездоровъ уѣдетъ.

Танѣевъ сталъ увѣрять, что Колупаевъ прибудетъ не съ какою-нибудь секретною цѣлью, но Демьянъ перебилъ его и сказалъ:

— Всѣ вы набрались отъ поляковъ ихъ лукавыхъ нравовъ; и ты, Александръ, коли еще разъ пріѣдешь ко мнѣ съ неправдою, то будешь въ Крыму.

Свидѣлся Танѣевъ съ Неѣловымъ и этотъ ему сказалъ: «гетманъ совсѣмъ не тотъ сталъ, что́ прежде былъ; уже, конечно, соединился съ Дорошенкомъ; и со мною, и съ моими сотниками, стрѣльцами, обходится не по прежнему: по се время стояло на караулѣ у воротъ и у фортокъ малаго города стрѣльцовъ человѣкъ по сту и больше, а теперь велитъ ставить только человѣкъ

тридцать. Старшины: обозный, судьи и Дмитрашко Райча великому государю служатъ вѣрно и мнѣ обо всемъ даютъ вѣдомости, только опасаются видаться со мною въ день, потому что гетманъ приказалъ своимъ челядникамъ надсматривать за ними, чтобъ они ни со мною, ни съ тобою и ни съ кѣмъ изъ нашихъ московскихъ людей не сходились; поэтому, если какія вѣдомости услышатъ, такъ сказываютъ мнѣ въ ночное время. Я привелъ ихъ къ вѣрѣ; цѣловали они предо мною Спасовъ образъ, что быть имъ подъ высокодержавною рукою великаго государя неотступно. Они сами тебѣ обо всемъ подлинно скажутъ».

По предложенію Неѣлова, Танѣевъ и сопровождавшій его подьячій Щеголевъ, вмѣстѣ съ самимъ Неѣловымъ, въ ночь съ 7 на 8 марта пошли къ обозному Петру Забѣлѣ, переодѣтые въ стрѣлецкіе зипуны съ банделерами и бердышами. Они застали тамъ, кромѣ обознаго Забѣлы, генеральныхъ судей Домонтовича и Самойловича, да Дмитрашку Райчу. Послѣдній, бывшій нѣсколько лѣтъ переяславскимъ полковникомъ, былъ въ концѣ 1671 года отставленъ гетманомъ по слѣдующей причинѣ. Дмитрашко Райча собралъ своихъ полчанъ на раду въ Барышевку и сталъ склонять ихъ на сторону Ханенка. Переяславскіе казаки не послѣдовали за внушеніями своего полковника и дали о его поступкѣ знать гетману Демьяну Игнатовичу. Гетманъ самъ съ отрядомъ пошелъ приводить къ покорности Дмитрашку Райчу. Изъ всего переяславскаго полка одна барышевская сотня держалась своего полковника, но, когда приближался Многогрѣшный, прогнала Дмитрашку Райчу просить у гетмана прощенія. Дмитрашко Райча въ мѣстечкѣ Басани валялся въ ногахъ у гетмана. Многогрѣшный приказалъ заковать его и отправить въ Батуринъ его компанію, состоявшую изъ двухъ-сотъ человѣкъ, разобрать по полкамъ, а вмѣсто Дмитрашки Райчи поручилъ управленіе переяславскаго полка генеральному бунчужному Стрыевскому [1]). Съ тѣхъ поръ Дмитрашко Райча пребывалъ въ Батуринѣ; гетманъ простилъ его и обращался съ нимъ какъ со всѣми старшинами вообще, но Дмитрашко Райча сталъ его заклятымъ врагомъ. Малороссійскіе старшины сквозь слезы говорили великороссіянамъ такъ:

«Бѣда великая, печаль неутѣшимая, слезы неутоленныя! По наученію дьявольскому, гетманъ нашъ, забывъ страхъ Божій, великому государю измѣнилъ и соединился съ Дорошенкомъ подъ державу турскаго султана. Нашъ гетманъ посылалъ къ Доро-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 579, 581.

шенку чернеца и Дорошенко передъ тѣмъ чернецомъ присягнулъ, а чернецъ присягнулъ передъ Дорошенкомъ за нашего гетмана. Потомъ Дорошенко прислалъ своихъ посланцевъ къ нашему гетману въ Батуринъ со Спасовымъ образомъ; на томъ образѣ присягнулъ нашъ гетманъ передъ посланцами Дорошенковыми, а посланцы присягнули за своего гетмана передъ нашимъ гетманомъ. Демьянъ далъ въ помощь Дорошенку на заплату войску 24,000 ефимковъ. 15 марта Демьянъ хочетъ ѣхать съ женой и дѣтьми въ Лубны, а пускаетъ слухъ, будто хочетъ ѣхать въ Кіевъ Богу молиться; на самомъ же дѣлѣ, коли будетъ въ Кіевѣ, такъ только для того, чтобы видѣться съ Дорошенкомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Какъ онъ изъ Батурина уѣдетъ, такъ ужъ назадъ не воротится. Братъ его Василій по гетманскому приказу отгородилъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго, гдѣ находятся царскіе ратные люди, а животы гетманскіе вывозятъ изъ Чернигова въ Седнево».

Обозный Забѣла прибавилъ: «какъ изъ Батурина поѣдетъ, такъ и намъ старшинамъ велитъ ѣхать съ собою, а потомъ прикажетъ насъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ за то, что мы въ измѣнѣ съ нимъ быть не захотимъ! И то опасно: какъ уѣдетъ онъ изъ Батурина и велитъ мужикамъ послѣ себя на воротахъ стать, а стрѣльцы пускать ихъ не захотятъ; съ того начнется раздоръ и кровопролитіе великое и зачатіе въ войнѣ. Стрѣльцовъ въ Батуринѣ малолюдно, и тѣ худы; надѣяться на батуринскихъ стрѣльцовъ нечего! А тебя, Григорій Неѣловъ, вымaня за городъ, какъ бы не связалъ и въ Крымъ не отослалъ! Давно бы надъ Неѣловымъ и надъ стрѣльцами онъ что-нибудь дурное учинилъ, кабы мы не берегли. Да и васъ, Александръ и Семенъ, наврядъ ли отпуститъ; а буде отпуститъ, поѣзжайте на Путивль, а то въ Королевцѣ и Глуховѣ станутъ у васъ обыскивать писемъ: опасно, чтобъ васъ не задержали».

Тутъ кто-то изъ старшинъ говорилъ: «Степана Гречанаго, что̀ былъ съ Солониною въ Москвѣ, призвалъ Демьянъ къ себѣ въ комнату, и привелъ къ вѣрѣ — быть ему за-одно съ гетманомъ, и велѣлъ ему писать про московскія дѣла такое, что̀ въ Москвѣ и не бывало, все затѣмъ, чтобы отвратить Украйну отъ высокодержавной царской руки. Потомъ созвалъ насъ, старшину, и говорилъ намъ: пишетъ мнѣ царское величество многажды, чтобы всю старшину послать къ Москвѣ, а изъ Москвы хочетъ васъ царь разослать въ Сибирь. Мы ему въ томъ не повѣрили, знаемъ добре, что такого указа къ нему не бывало, — самъ

своимъ умысломъ затѣваетъ! А вотъ и теперь, какъ пріѣдетъ въ Лубны, либо въ Сосницу, соберетъ къ себѣ всю старшину и духовнаго чина людей, прочитаетъ имъ Степана Гречанаго извѣтъ, настращаетъ всѣхъ Сибирью, будетъ говорить: видите, какова Москва обманчива! чего намъ отъ ней добраго ждать».

Дмитрашко Райча сказалъ: «меня гетманъ призвалъ къ себѣ одного ночью, завелъ въ комнату и велѣлъ Спасовъ образъ цѣловать на томъ, чтобъ мнѣ быть съ нимъ за-одно и царскихъ ратныхъ людей, что въ Батуринѣ и въ иныхъ городахъ, побивать. Только я такой присяги не ставлю въ присягу, потому что я присягалъ неволею, убоясь смерти, а не по правдѣ. Я по своему прежнему обѣщанію готовъ умирать за великаго государя, хотя бы гетманъ велѣлъ меня по членамъ разнять. А вы, Александръ и Семенъ, наши слова спишите и подайте думному дворянину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобъ онъ надъ нами и надъ всѣмъ малороссійскимъ краемъ свою милость показалъ, мудрымъ ходатайствомъ своимъ доложилъ государю, чтобъ царское величество не далъ своей отчины злохитрому волку въ разоренье и прислалъ бы въ Путивль выборныхъ конныхъ людей человѣкъ 400 или 500, а къ обозному и къ намъ ко всѣмъ обнадежительную грамоту. Какъ тѣ ратные люди въ Путивль прибудутъ, пусть бы къ намъ царская грамота была донесена тайно съ кѣмъ пригоже и къ Неѣлову указъ, чтобъ насъ не выдавалъ. Тогда мы, старшины и Григорій Неѣловъ, дадимъ знать тѣмъ ратнымъ людямъ въ Путивль, чтобъ сюда поспѣшали, а изъ Путивля въ Батуринъ можно конно поспѣть въ одну ночь. Тѣмъ временемъ мы волка свяжемъ и отдадимъ Григорію Неѣлову, да съ тѣми прибылыми ратными людьми отправимъ его въ Путивль, потомъ, написавъ его вины, сами повеземъ его къ великому государю въ Москву. А пока все не учинится, пусть бы великій государь указалъ посланцевъ гетманскихъ и совѣтниковъ — нѣжинскаго протопопа Симеона, асаула Грибовича, Миклашевскаго и батуринскаго сотника Еремѣя задержать въ Москвѣ, потому что коли эти совѣтники будутъ отпущены изъ Москвы до твоего, Александръ, пріѣзда, то еще у него, гетмана, всякое зло ускорится; а вся бѣда чинится и отъ тѣхъ помянутыхъ выше совѣтниковъ, да еще промышленникъ во всемъ—нѣжинскій полковникъ Гвинтовка; большая надежда у Демьяна на этого Гвинтовку! Протопопъ Симеонъ Адамовичъ большой ссорщикъ; гетманъ посылаетъ его провѣдывать всякихъ вѣдомостей, — и онъ, пріѣхавши къ нему, гетману, чтобы гетмана удобрить къ себѣ, станетъ сказывать ему такое, чего и не бывало!»

«Глуховскія статьи становилъ я,—сказалъ обозный Забѣла,—а въ тѣхъ статьяхъ написано: духовнаго чина особъ въ посольство не посылать и именно протопопа Симеона Адамовича. А гетманъ посылалъ еще Максаковскаго игумена Ширкевича въ Варшаву и въ Вильну, невѣдомо для чего!»

«Мы того опасаемся, — сказалъ еще кто-то, — если гетманъ уѣдетъ изъ Батурина, произойдетъ много бѣдъ и кровопролитія! Только у насъ и надежды, что на митрополита Призренскаго, который живетъ въ Батуринѣ; онъ гетмана задержитъ, будто для лекарства, гетманъ здѣсь останется, покамѣстъ ратные люди сюда поспѣшатъ. Насъ, старшинъ, не послушаетъ гетманъ: онъ мало что̀ и говоритъ съ нами! Безмѣрно сталъ жестокъ съ нами, не даетъ слова промолвить, бранитъ, бьетъ, саблей рубитъ. Во всѣхъ полкахъ разсадилъ зятьевъ своихъ, братьевъ, да друзей и собесѣдниковъ!»

Обозный Петръ Забѣла объяснялся потомъ съ Танѣевымъ одинъ-на-одинъ и выражался уже такъ, какъ не рѣшался выражаться при товарищахъ. Онъ хвалилъ самого себя, выставлялъ себя испытаннымъ другомъ Москвы и подавалъ такіе совѣты, которые, какъ онъ полагалъ, должны были придтись по вкусу Москвѣ. «Какъ Богданъ Хмельницкій,—говорилъ онъ,—учинился подъ высокодержавною государевою рукою, и по се время,—какъ началъ я служить великому государю вѣрно, такъ и совершаю; за мою правду меня Господь Богъ хранитъ, что еще живъ! Вся бѣда отъ гетмановъ, а не отъ старшинъ. Только имъ измѣнникамъ Господь Богъ не терпитъ за царскую хлѣбъ-соль: всѣ одинъ за другимъ пропадаютъ; жаль только, что невинныхъ людей съ собою губятъ! Если этого злохищника Господь Богъ предастъ и въ руки наши изыманъ будетъ, пусть бы великій государь пожаловалъ насъ: велѣлъ быть у насъ гетманомъ боярину изъ великороссійскихъ людей; тогда у насъ постоянно будетъ, а пока гетманъ будетъ у насъ изъ малороссійскихъ людей, никогда добра не будетъ».

При послѣднемъ свиданіи неосторожный и откровенный гетманъ сдѣлалъ передъ Танѣевымъ выходки, подтверждавшія въ глазахъ московскаго человѣка доносъ старшинъ. Многогрѣшный отозвался о Дорошенкѣ совсѣмъ не такъ, какъ отзывался, бывало, въ прежнее время, когда считалъ Дорошенка своимъ постояннымъ врагомъ. Теперь онъ заявлялъ, что татары не смѣютъ пройти на лѣвую сторону Днѣпра, потому что Дорошенко ихъ не пуститъ. Хочетъ, — говорилъ Танѣеву гетманъ,—Дорошенко посылать къ государю своихъ посланцевъ и съ ними тѣ санд-

жаки, каковы ему присланы отъ турскаго султана; тѣ посланцы будутъ у великаго государя милости просить, чтобъ его царское величество изволилъ Дорошенка принять подъ свою высокодержавную руку въ вѣчное подданство и прислалъ бы ему, вмѣсто турецкихъ санджаковъ, свои царскіе знаки.

— А если турскій султанъ войско пошлетъ за то на Дорошенка?—замѣтилъ Танѣевъ.

«Дорошенко,—сказалъ Демьянъ,—будетъ бить челомъ великому государю, чтобъ указалъ его оборонять своею царскою ратью».

Гетмана Демьяна очень коробило то, что, какъ онъ слыхалъ, московское правительство давало полякамъ денегъ на наемъ войска и онъ не побоялся при Танѣевѣ произнести такія слова: «коли бы польскіе послы и коммиссары, набравшись въ Москвѣ отъ васъ денегъ, ворочались въ Польшу черезъ Кіевъ и наши малороссійскіе города—было бы хорошо! Тогда бы и намъ что-нибудь изъ тѣхъ суммъ досталось!»

Это прямо уже казалось угрозою ограбить польскихъ пословъ.

Марта 10-го уѣхалъ Танѣевъ изъ Батурина съ своимъ товарищемъ.

Когда Танѣевъ былъ въ Батуринѣ, въ Москвѣ находились посланцами отъ гетмана Многогрѣшнаго нѣжинскій протопопъ Симеонъ, генеральный асаулъ Грибовичъ и войсковой товарищъ Михаилъ Миклашевскій (впослѣдствіи стародубскій полковникъ). Нѣжинскій протопопъ былъ давно уже тайнымъ врагомъ Многогрѣшнаго, но подбивался къ нему въ дружбу, часто не ладилъ онъ съ Демьяномъ по причинѣ раздражительнаго характера послѣдняго, но всегда потомъ примирялся съ нимъ, и враги Демьяновы считали протопопа соумышленникомъ гетмана. Будучи въ Москвѣ, протопопъ не смѣлъ слишкомъ рѣзко поднимать голоса во вредъ гетману, послѣ того какъ прежде письма его противъ гетмана и Лазаря Барановича не имѣли послѣдствій, вредныхъ для того и другого. Только слегка набрасывалъ протопопъ на гетмана тѣнь въ бесѣдахъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, завѣдывавшимъ малороссійскимъ приказомъ. «Я,—говорилъ протопопъ,—сколько могу, вѣрно служу и радѣю великому государю, только гетмана не могу никакими притчами исцѣлить отъ нашедшей на него скорби. Кто-то наговорилъ ему, будто великій государь Солонину гетманомъ поставить хочетъ и Демьянъ скорбитъ о томъ зѣло; и о томъ скорбитъ, что Пиво съ ляхами около Кіева монастырскія вотчины опустошилъ, а паче всего о

Кіевѣ сѣтуетъ, чтобъ государь Кіева и другихъ малороссійскихъ городовъ ляхамъ не отдалъ, все спрашиваетъ меня: покуль у насъ граница будетъ съ ляхами? А мнѣ почему знать? Я ему клянусь душею и священствомъ своимъ, что государь не мыслитъ Кіева отдавать, а онъ на меня, оскорбившись, говорилъ: вотъ я какъ услышу, что Москва учнетъ что-нибудь дурное, — велю тебя лютою смертью уморить! А я на то ему: за истину и за великаго государя, говорю, готовъ помереть, а только-что тебѣ разсказываютъ и тебя стращаютъ, — такъ это все ложь! Ничего съ нимъ не подѣлаешь! Попечитесь вы, пошлите къ нему умнаго человѣка съ царскою грамотою, обнадеживался бы онъ, что великій государь Кіева ляхамъ не отдастъ и Солонину на гетманство не поставитъ. Потѣшьте его, ради Бога!»

Болѣе рѣзко не смѣлъ протопопъ отзываться въ Москвѣ о своемъ гетманѣ, пока Демьянъ еще находился въ царской милости.

1-го марта 1672 года отпустили изъ Москвы протопопа съ товарищами, а съ ними отправились съ царскими гонцами къ гетману стрѣлецкій голова Михайло Колупаевъ и подъячій Малороссійскаго приказа Максимъ Алексѣевъ. Не доѣзжая двадцати верстъ до Сѣвска, услыхали они странную и неожиданную вѣсть. Прибѣжалъ въ Сѣвскъ изъ Путивля стрѣлецкій сотникъ Ушаковъ отъ путивльскаго воеводы Волконскаго съ извѣстіемъ, что генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ и переяславскій полковникъ Дмитрашко Райча привезли въ Путивль гетмана Демьяна Игнатовича скованнымъ.

15-го марта возвращавшееся изъ Москвы малороссійское посольство пріѣхало въ Сѣвскъ. Тамошній воевода Вердеревскій задержалъ протопопа подъ предлогомъ, что въ Сѣвскѣ всѣ подводы разобраны и надобно посылать въ села и деревни для сбора свѣжихъ подводъ. Это сдѣлалъ Вердеревскій по наущенію сопровождавшаго малороссіянъ стрѣлецкаго головы. По поводу страннаго приключенія съ гетманомъ, Грибовичъ и Миклашевскій сказали своимъ великороссійскимъ провожатымъ: «отъ гетмана мы никакого дурна не чаемъ, колибъ онъ что̀ дурное замышлялъ, то насъ бы съ протопопомъ къ великому государю въ Москву не посылалъ. Да и потомъ, какъ мы были въ Москвѣ, гетманъ прислалъ глуховскаго сотника съ лошадьми въ даръ великому государю».

Но протопопъ отнесся иначе. Когда Грибовичъ и Миклашевскій ушли къ себѣ на подворье, гдѣ ихъ помѣстили, Симе-

онъ, оставшись съ Колупаевымъ и подьячимъ, говорилъ имъ такъ: «Давно уже я замѣчалъ за гетманомъ, что онъ сталъ не прежній; слова говоритъ не добрыя и меня, протопопа, ганилъ многажды худыми словами и голову московскихъ стрѣльцовъ Григорія Неѣлова безчестилъ. Обозный и судьи и Дмитрашко не разъ сказывали ему, Григорію, что у гетмана недоброе на умѣ и чтобъ онъ остерегался. Судьи и Дмитрашко служатъ великому государю вѣрно. Они, въ Батуринѣ сидя, въ тайнѣ написали письмо къ Ржевскому въ Нѣжинъ о гетманскихъ неправдахъ, а Ржевскій отправилъ то письмо въ Москву. А какъ меня посылалъ гетманъ съ челобитьемъ въ Москву, то говорилъ мнѣ: «коли провѣдаешь подлинно, что государь хочетъ отдать Кіевъ и Малую-Россію ляхамъ, я тотчасъ пошлю въ Гомель засѣсть многихъ людей!» Я ему на то сказалъ: безъ царскаго указа въ Гомель посылать людей не годится. Ты предъ святымъ евангеліемъ обѣщалъ никакихъ дѣлъ не дѣлать безъ царскихъ указовъ,—на кого ты надѣешься? «Надѣюсь, — говорилъ Демьянъ,—на того же, на кого надѣется Дорошенко; Бруховецкій сгинулъ за правду и я сгину такъ же, какъ онъ. Въ Переяславлѣ московскихъ породныхъ людей мало, а Черниговъ я людьми своими осажу... На Запорожье послалъ 6,000 талеровъ, чтобъ запорожцы были ему послушны. Теперь, слышу, везутъ его скованнаго въ Москву, такъ мнѣ уже въ Нѣжинѣ жить незачѣмъ; буду бить челомъ великому государю, чтобъ дозволилъ мнѣ жить въ Москвѣ и пожаловалъ бы меня такъ, чтобъ мнѣ сыту быть».

«Живи-ка лучше въ Нѣжинѣ по-прежнему и служи правдою государю, какъ прежде служилъ», сказалъ ему Колупаевъ.

«Мнѣ,—сказалъ протопопъ,—и въ измѣну Бруховецкаго было много мученія и товаровъ своихъ осталъ (достоянія своего лишился). Мы съ Дмитрашкою Райчею Спасовъ образъ на томъ цѣловали, что буде гетманъ Демьянъ великому государю измѣнитъ, такъ намъ уѣзжать совсѣмъ въ Путивль. Какъ я былъ въ Москвѣ, то некогда было мнѣ поговорить объ этомъ съ думнымъ дворяниномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, потому что онъ безпрестанно за царскими дѣлами сидитъ въ приказѣ».

X.

Старшины арестуютъ гетмана въ Батуринѣ и везутъ въ Москву.—Приключеніе съ Гвинтовкою. — Обозный Забѣла временно управляетъ Малороссіей съ старшинами.—Допросы гетману.—Обвиненіе.—Казнь.—Ссылка въ Сибирь.

Въ ночь съ 12-го на 13-е марта пришли къ Григорію Неѣлову старшины, обозный Забѣла, судьи Домонтовичъ и Самойловичъ, генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ и полковники: переяславскій Дмитрашка Райча, наказной нѣжинскій Уманецъ и стародубскій Рославецъ.

Они сказали: «гетманъ собрался завтра ѣхать въ Кіевъ какъ-бы на поклоненіе печерскимъ чудотворцамъ. Но это одинъ отводъ. На самомъ дѣлѣ онъ хочетъ измѣнять царскому величеству и по примѣру Дорошенка поддаться турецкому султану. Мы хотимъ предупредить такое страшное дѣло; если промедлимъ хоть немного и выпустимъ Демьяна изъ Батурина, то неминуемо дойдетъ до кровопролитія. Надобно взять его подъ караулъ, теперь же ночью, до разсвѣта».

Неѣловъ не сталъ противорѣчить, потому что уже былъ вооруженъ противъ гетмана. Взяли стрѣльцовъ и отправились въ замокъ, или такъ-называемый малый городъ. Демьянъ ничего не ожидалъ. Демьянъ спалъ. Старшины свободно вошли въ его опочивальню, быстро схватили его, не допустивши ни кричать и звать на помощь, ни объясняться, связали, вынесли изъ дома, положили въ подвезенныя заранѣе сани, закрыли шкурою и немедленно вывезли изъ Батурина подъ конвоемъ стрѣльцовъ. Все это сдѣлано было такъ внезапно и такъ тихо, что въ Батуринѣ до утра никто не могъ узнать, что̀ случилось, и наемное (затяжное) войско, состоявшее при гетманской особѣ, не могло получить приказа спѣшить на оборону гетмана.

«Слава Богу,—говорили послѣ того старшины,—что не было здѣсь асаула Грибовича: онъ былъ гетману вѣренъ, надсматривалъ надъ нами, ходилъ даже по дворамъ каждую ночь и обо всемъ, что̀ замѣчалъ, переносилъ Демьяну».

Поутру генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ и стародубскій полковникъ Рославецъ уже ѣхали со скованнымъ гетманомъ черезъ Путивль и Сѣвскъ въ Москву. Имъ придали пятнадцать человѣкъ казаковъ и челядниковъ. Дмитрашко Райча отвернулъ отъ нихъ и поѣхалъ въ Курскъ дать знать о поступкѣ старшинъ съ своимъ гетманомъ боярину Ромодановскому.

Оставшіеся въ Батуринѣ старшины отправили по всѣмъ пол-

камъ универсалъ, извѣщавшій объ измѣнѣ гетмана, запрещали признавать его начальникомъ и предписывали прислать въ Батуринъ сродниковъ и совѣтниковъ Многогрѣшнаго скованными, чтобъ удержать ихъ подъ карауломъ до царскаго указа [1]). Тогда же арестовали четырехъ посланцевъ Дорошенка, прибывшихъ наканунѣ въ Батуринъ.

Мокріевичъ съ арестованнымъ гетманомъ прибылъ въ Сѣвскъ 17 марта и, повидавшись съ провожавшими Демьяново посольство изъ Москвы, просилъ, по порученію остальныхъ старшинъ, чтобы протопопъ ѣхалъ назадъ въ Москву разомъ съ ними, асаула же Грибовича, считаемаго другомъ Многогрѣшнаго, оставилъ въ Сѣвскѣ, поручивши тамошнему воеводѣ. Затѣмъ Миклашевскаго и подписка Андрѣенка Мокріевичъ отправилъ въ Батуринъ съ письмомъ къ остающимся тамъ старшинамъ. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждалъ своихъ товарищей ловить и сажать подъ караулъ всѣхъ, которые своими рѣчами начнутъ показывать себя соумышленниками преступнаго гетмана. На другой день 18 марта царскіе гонцы поступили такъ, какъ хотѣлъ Мокріевичъ. Миклашевскій и Андрѣенко уѣхали въ Батуринъ, а прочіе двинулись къ Москвѣ со скованнымъ гетманомъ.

Протопопъ, до сихъ поръ не рѣшавшійся объявить себя противникомъ гетмана, теперь круто повернулъ и сталъ за-одно съ гонителями Демьяна. 19 марта, выѣхавши въ путь, отправилъ онъ впередъ себя къ Матвѣеву письмо и въ этомъ письмѣ выражался, что «Демьянъ въ чести сый не разумѣ, приложился сыномъ несмысленнымъ», что Демьянъ «забылъ Бога и присягу свою, что есть явныя улики гетманской измѣны какъ на письмѣ, такъ и на словахъ».

Одинъ изъ друзей Многогрѣшнаго, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка находился тогда въ Коропѣ; тамъ узналъ онъ о событіи съ Многогрѣшнымъ, на́-скоро убѣжалъ въ Путивль, явился къ тамошнему воеводѣ князю Волконскому и показывалъ видъ, будто онъ не въ добрыхъ отношеніяхъ съ гетманомъ, будто гетманъ, задумавши измѣнить, зналъ твердость и вѣрность къ царскому престолу его, Гвинтовки, и послалъ казаковъ убить его. Гвинтовка передъ Волконскимъ притворялся, будто первый разъ слышитъ, когда ему сказали о взятіи гетмана подъ стражу. Такимъ образомъ давній другъ и товарищъ Демьяна, чуть-только услыхалъ о противной судьбѣ гетмана, задумалъ не только устраниться отъ него, а еще воспользоваться его бѣдою и стать въ

---

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 686—689.

число его губителей. Не удалась Гвинтовкѣ эта хитрость. Мокріевичъ, бывшій уже въ Путивлѣ, заранѣе объявилъ Волконскому, что Гвинтовка одинъ изъ соучастниковъ измѣны Многогрѣшнаго, и просилъ задержать его при случаѣ. Напрасно Гвинтовка выгораживалъ себя предъ воеводою. Волконскій объявилъ: «не мое дѣло разбирать, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ; въ Москвѣ будетъ вамъ царскій указъ». Онъ отправилъ Гвинтовку съ приставомъ и провожатыми въ Сѣвскъ.

Въ Москвѣ получили извѣстіе о случившемся съ гетманомъ 21 марта, ранѣе чѣмъ могли туда привезти самого гетмана. Немедленно послана была въ Малороссію царская грамота: старшины получали похвалу за то, что не склонились на измѣнническія подущенія Демьяна и взяли его подъ караулъ. Управленіе Малороссіею до дальнѣйшихъ распоряженій поручалось обозному Забѣлѣ и съ нимъ двумъ судьямъ; они должны были часто ссылаться съ малороссійскимъ приказомъ и съ мѣстными воеводами. Велѣно было разослать по полкамъ отъ имени царя увѣщаніе, чтобъ жители Малороссіи пребывали въ законной вѣрности своему государю, а посланцевъ Дорошенка, прибывшихъ тогда въ Батуринъ къ Многогрѣшному, приказано препроводить въ Москву. Эту царскую грамоту повезъ въ Малороссію стольникъ Самаринъ съ подьячимъ Шестаковымъ.

Разомъ съ отправкою грамоты въ Малороссію посланъ былъ изъ Москвы стрѣлецкій сотникъ Горюшкинъ, ему приказали ѣхать по большой кіевской дорогѣ черезъ Калугу на Сѣвскъ и гдѣ встрѣтитъ онъ гетмана,—взять его отъ казацкихъ старшинъ и везти въ Москву съ великимъ береженіемъ. Сѣвскому воеводѣ Вердеревскому приказано отправить туда же задержаннаго асаула Грибовича.

Стольникъ Самаринъ прибылъ въ Батуринъ 1 апрѣля и въ тотъ же день вручилъ обозному царскую грамоту. Именемъ государя пріѣхавшій московскій гонецъ увѣрялъ старшинъ, что служба ихъ у государя забвенна не будетъ и въ окрестныхъ земляхъ будетъ имъ слава за то, что они не склонились ни на какія смутныя прелести Демьяна и его совѣтниковъ. Управляющіе малороссійскимъ краемъ старшины немедленно отправили челобитную царю объ указѣ, чтобы въ Украйнѣ приступили къ избранію иного гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ посылались еще новоотысканныя улики измѣны Многогрѣшнаго.

Батуринскій сотникъ Карповичъ передъ генеральною старшиною объявилъ, что пріѣзжалъ отъ Дорошенка изъ Чигирина въ Батуринъ къ Многогрѣшному Семенъ Тихій и привозилъ

Спасовъ образъ; какую присягу они взаимно приносили—неизвѣстно; но потомъ гетманъ отпустилъ Тихаго вмѣстѣ съ нимъ, Карповичемъ, за Днѣпръ. «Пришли мы,—показывалъ Карповичъ, —въ Каневъ, гдѣ живетъ Тукальскій. Мы къ митрополиту пошли. Семенъ Тихій положилъ передъ нимъ на столѣ образъ, а митрополитъ поцѣловалъ этотъ образъ и спрашивалъ: ну, что тамъ добраго учинили?—Зачѣмъ посланъ былъ, все то совершилось,—отвѣчалъ Семенъ Тихій.—Митрополитъ, подошедши къ сотнику, взялъ его за пуговицу и сказалъ: «давно бы такъ, пане сотнику, такъ надобно было бы поступить вашему гетману; сами добре вѣдаете: при комъ хамъ, тотъ и панъ, а у турскаго султана такъ много силы, что и Москвѣ и ляхамъ дастся въ знаки! Не только что на насъ не посмѣютъ наступать, но и своихъ городовъ не оборонятъ. Отъ сего времени наши гетманы въ неразрывномъ пріятствѣ пребываютъ и все устроится какъ нельзя лучше»

Перехвачены были письма Василія Многогрѣшнаго, черниговскаго полковника, къ наказному, черниговскому же полковнику, Леонтію Полуботку, и въ этихъ письмахъ усматривали намѣреніе не допустить хлѣбныхъ запасовъ въ черниговскій малый городъ (замокъ), гдѣ помѣщались царскіе ратные люди.

Отъ 3-го апрѣля управлявшіе Малороссіею старшины извѣщали, что уже сродники Многогрѣшнаго посажены подъ караулъ и вмѣсто нихъ на начальническія мѣста выбраны иныя лица. Вмѣсто Василія Многогрѣшнаго и Шумейки, братьевъ бывшаго гетмана, поставленныхъ имъ въ Черниговѣ и въ Стародубѣ, назначили въ Черниговъ прежняго полковника Бурковскаго, а въ Стародубъ наказнымъ до возвращенія Рославца, Григорія Дащенка. Въ нѣжинскомъ и прилуцкомъ полкахъ получили снова свои уряды прежніе полковники Филиппъ Уманецъ и Лазарь Горленко; переяславскій полкъ возвратили Дмитрашкѣ Райчѣ, гадячскій—Ѳедору Михаленку, въ лубенскомъ, вмѣсто зятя Демьянова, Андрея Нестеренка, сдѣлался полковникомъ какой-то Михайло Степановъ, а въ миргородскомъ — Иванъ Дубяга. Изъ сродниковъ и свойственниковъ Многогрѣшнаго никто не казался столько опаснымъ, какъ его закадычный другъ Матвѣй Гвинтовка. Старшины просили не давать вѣры оправданіямъ Гвинтовки; этотъ человѣкъ, какъ показывали на него старшины, много разъ уже заявлялъ свое нерасположеніе къ власти, не держалъ бесѣды съ стрѣлецкимъ головою Нелѣдовымъ и съ вѣрными государю старшинами, а *волкохищно ходилъ:* оставивши нѣжинское полковничество и жену свою, пріѣхалъ къ Демку на первой недѣлѣ

великаго поста, пошептался съ нимъ на-единѣ и уѣхалъ въ Коропъ. Тотчасъ по арестованіи гетмана, старшины, не знавшіе еще, что Гвинтовка изъ Коропа уѣхалъ въ Путивль, послали къ нѣжинскому воеводѣ челобитную задержать Гвинтовку, но воевода Ржевскій, за отсутствіемъ Гвинтовки въ Нѣжинѣ, приказалъ взять подъ караулъ жену его и сына Ѳеська, а дворъ его запечатать тремя печатями, потомъ призвалъ къ себѣ наказнаго нѣжинскаго полковника Гуменскаго, войта, бурмистра, знатнѣйшихъ казаковъ и мѣщанъ и привелъ ихъ всѣхъ къ присягѣ на вѣрность государю, а Гуменскому приказалъ разослать въ нѣжинскій полкъ универсалъ, чтобы сотники, атаманы, войты и лучшіе жители изъ мѣстъ и селъ ѣхали въ Нѣжинъ къ воеводѣ принести крестное цѣлованіе. Все это совершилось и скоро, и благополучно. Видно, однако, что по случаю неожиданнаго арестованія гетмана, боялись какого-нибудь смятенія въ народѣ. Нѣжинскій воевода, извѣщая малороссійскій приказъ о своихъ распоряженіяхъ, приказалъ стрѣльцу, съ которымъ отправилъ свою отписку въ Москву, проѣзжать черезъ малороссійскій край пустою степью, минуя города, села и деревни. Въ то же время воевода всѣхъ ратныхъ царскихъ людей для ихъ безопасности согналъ въ замокъ и разставилъ по стѣнамъ караульныхъ. Хотя на другой день приведенные нѣжинцы къ присягѣ увѣряли, что царскіе ратные отъ нихъ не могутъ ожидать ничего худого, но Ржевскій всетаки не довѣрялъ и не велѣлъ никуда выходить изъ замка великороссіянамъ [1]). Съ своей стороны и архіепископъ Лазарь Барановичъ извѣщалъ царя, что уже разослалъ по всей Малороссіи свой пастырскій универсалъ, укрѣпляя «своихъ овечокъ», чтобъ оставались вѣрны принесенному разъ крестному цѣлованію и не слушали никакихъ прелестей.

Когда скованнаго гетмана привезли въ Москву, генеральный писарь Мокріевичъ подалъ въ малороссійскій приказъ извѣтъ на Многогрѣшнаго, написанный въ 38 пунктахъ. Гетманъ обвинялся въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ съ цѣлью измѣнить царю и поддаться, по примѣру Дорошенка, турецкому султану. Въ этихъ-то видахъ Многогрѣшный, какъ показывалъ извѣтъ, старался замѣстить полковничьи мѣста своими свойственниками и пріятелями, и всякими способами распространить вражду къ московской власти. Указывались произнесенныя имъ въ разныя времена изреченія, свидѣтельствующія о его нерасположеніи къ Москвѣ. Онъ передъ старшиною говорилъ такъ: «наберу

[1]) А. Ю. и З. Р., т. IX, стр. 815.

тысячъ шесть выборныхъ людей конныхъ и пойду на великороссійскіе города, а весною придетъ мнѣ на помощь крымскій ханъ. Дамъ людямъ московскимъ такой отпоръ, какъ Александръ Македонскій; тотъ былъ Александръ, а я Демьянъ — не меньше того Александра надѣлаю дѣлъ, какъ опустошу московское государство! ...Я, — говорилъ гетманъ, — не царскій подданный, не хочу у царя быть въ подданствѣ: хоть онъ мнѣ весь Батуринъ богатствомъ наполни!» Всегда Демьянъ славилъ турскаго султана и разсказывалъ: «Въ одно время пріѣхали къ султану послы московскій и польскій. Султанъ велѣлъ сказать польскому, чтобъ король польскій звался не королемъ, а короликомъ, понеже, дескать, онъ мой подданный, а что царь московскій—такъ я того считаю какъ бы за одного изъ черныхъ татаръ моихъ». Въ сей великій постъ, говорилъ онъ старшинѣ: «видите, господа, каково царское желательство къ намъ, поступился ляхамъ всю Украйну отдать и проведутъ границу отъ Кіева Десною и Сеймомъ до Путивля. Сказывалъ мнѣ капитанъ Мазапета, слыхалъ-де онъ отъ царскаго сигклита: — тебѣ, гетману, уготовано въ царскихъ слободахъ 500 дворовъ подданныхъ, только ты выдай намъ старшинъ и начальныхъ людей украинскихъ». Старшины, слыша отъ него такія рѣчи, сказали: не можетъ этого быть; государь обѣщался насъ въ милосердіи своемъ хранить! А Демьянъ на это сказалъ: «се у васъ бороды выросли, а ума не вынесли! Я совершенно ихъ намѣреніе уразумѣлъ». Обозному Забѣлѣ наединѣ Демьянъ говорилъ: «надобно намъ пещись объ иномъ государѣ, а отъ Москвы не надѣяться намъ добра!» Не хотѣлъ Демьянъ отпускать Танѣева съ подьячимъ и говорилъ старшинамъ: «не вѣдаете вы хитрости московской, а я ее давно постерегъ и васъ оберегаю. Царь васъ всѣхъ велитъ къ себѣ призвать, да въ Сибирь зашлетъ!» Самовольно, не совѣтуясь со старшинами, Демьянъ безъ причины отставилъ полковниковъ черниговскаго, нѣжинскаго, миргородскаго, лубенскаго, переяславскаго, стародубскаго, гадячскаго и прилуцкаго, а на ихъ мѣста поставилъ другихъ, своихъ сродниковъ и совѣтниковъ. Дмитрашкѣ Райчѣ обѣщалъ четыре полка: переяславскій, лубенскій, миргородскій и полтавскій, лишь бы онъ только шелъ вмѣстѣ съ нимъ противъ царя войною. Андрею Мурашкѣ говорилъ: «вотъ увидишь, что̀ я съ Москвою учиню, увидишь мою саблю въ крови московской. Я ихъ за столицу загоню; только вы будьте мнѣ неотступны». Съ Дорошенкомъ задумалъ родниться и высваталъ дочь Дорошенка за своего племянника Мишку, и посылалъ къ Дорошенку Исаію Андрѣенка словесно объявить о пріятствѣ и дружбѣ, а Доро-

шенко отправилъ къ Демьяну войсковаго товарища Семена Тихаго установить союзъ, чтобъ имѣть общихъ пріятелей и непріятелей.

14 апрѣля 1672 года въ приказѣ Малыя-Россіи бояре и думные люди дѣлали Демьяну допросъ. Они спрашивали:

— Демьянъ Игнатовъ! Будучи въ малороссійскихъ городахъ гетманомъ, учалъ ты ссылку имѣть съ гетманомъ тое стороны Петромъ Дорошенкомъ и пріискивать способовъ, какъ бы измѣнить великому государю и поддаться турскому салтану. Говори: съ кѣмъ о такой измѣнѣ думалъ? Кто былъ тебѣ совѣтникомъ? Зачѣмъ перемѣнялъ полковниковъ? По какому царскому указу велѣлъ за рѣкою Сожею во мстиславскомъ воеводствѣ заѣзжать королевскія земли и заводить съ королевскимъ величествомъ ссору? Зачѣмъ собирался ѣхать въ Кіевъ?

Демьянъ отрицалъ всякое противъ себя обвиненіе въ измѣнѣ.

— Я, — говорилъ онъ, — служилъ государю вѣрно, полковниковъ перемѣнялъ по совѣту всѣхъ старшинъ, въ Кіевъ хотѣлъ ѣхать по письму печерскаго архимандрита, который извѣщалъ меня, что печерскимъ жителямъ ляхи чинятъ насилія и разоренія: я посылалъ уже къ кіевскому воеводѣ князю Козловскому, чтобъ онъ отборонялъ отъ поляковъ печерскихъ людей, а писарь Карпъ Мокріевичъ меня привелъ на то, чтобъ для обороны идти мнѣ самому съ обозомъ. Съ Дорошенкомъ я ссылался о томъ, чтобъ Дорошенко на сю сторону казаковъ и татаръ не пускалъ войною, а служили бы мы вмѣстѣ великому государю на оборону отъ непріятелей. Къ Сожѣ я посылалъ по совѣту всѣхъ старшинъ, а особенно писаря Карпа Мокріевича, полковника Ворошилу съ полкомъ его, велѣлъ ему: по Сожѣ учинить рубежъ для того, чтобы когда станутъ польскіе послы говорить съ боярами о рубежѣ, такъ малороссійскимъ жителямъ былъ бы уже тотъ рубежъ рѣкою Сожью по Днѣпръ. Я поступалъ такъ не самъ собою, а по совѣту всѣхъ начальныхъ людей, которые знаютъ, что мѣста эти были въ нашемъ владѣніи до андрусовскаго договора, я о томъ писалъ къ его царскому величеству.

Ему возразили:—Коли бы, какъ ты говоришь, малороссійскіе жители владѣли мѣстами по рѣку Сожь, то для чего было тебѣ тѣ мѣста заѣзжать, минуя три года послѣ андрусовскаго договора? При томъ рубежъ ты велѣлъ заѣхать по Сожь для того, говоришь, чтобъ рубежъ былъ по эту рѣку; а вѣдь городъ Гомель стоитъ за Сожью! Зачѣмъ же въ этотъ городъ велѣлъ ты людей ввести и городъ засѣсть?

Демьянъ сказалъ:—Въ томъ воля великаго государя. Хотя

городъ Гомель за Сожью, только во время польской войны отъ того города малороссійскимъ жителямъ было великое утѣсненіе; для того-то я этотъ городъ велѣлъ занять малороссійскимъ жителямъ — такъ, что если бы отъ поляковъ впередъ сталась какая война, то малороссійскимъ жителямъ было бы тѣмъ городомъ бережeніе великое, потому что тотъ городъ стоитъ за Сожью.

Его спросили:—Пріѣзжалъ къ тебѣ подьячій Михайло Савинъ, ты говорилъ ему: «какъ царь изволитъ насъ отдавать королю понемногу, такъ лучше бы уже всѣхъ разомъ отдалъ; король будетъ радъ, а царское величество насъ не защищаетъ, и еслибъ мы сами себя не боронили, такъ насъ бы поляки въ неволю побрали, а на московскихъ людей надѣяться нечего».

— Такихъ рѣчей не говорилъ!—отвѣчалъ Демьянъ.

Дали очную ставку съ Савинымъ. Демьянъ утверждалъ, что не помнитъ этого, а если чтó говорилъ, то, быть можетъ, въ пьяномъ состояніи («пьянымъ обычаемъ»).

Его продолжали допрашивать: «говорилъ ты полуголовѣ Танѣеву и подьячему Щеголеву, что государь обѣщалъ полякамъ отдать Кіевъ и малороссійскіе городы въ вѣчную неволю и посрамленіе, а церкви Божіи на запустѣніе и разореніе и поэтому королевскіе послы не допустили сидѣть твоихъ посланцевъ въ посольской избѣ, называя ихъ своими холопами».

— Такихъ рѣчей я не говорилъ,—отвѣчалъ Демьянъ, — а вотъ какъ пришла царская грамота о Кіевѣ съ Василіемъ Бурковскимъ, то я сказалъ писарю Карпу: изволилъ государь насъ о Кіевѣ грамотою своею обрадовать; писарь же молвилъ: не само ты тому вѣрь; держи свой разумъ. Не такъ бы вышло, какъ прежде было, когда прислали царскую грамоту при Бруховецкомъ, войско запорожское обнадежили, а потомъ князь Данило Степановичъ Великогагинъ вступилъ съ войскомъ, Золотаренка, Сомка и Силича побили. Я слышалъ отъ писаря и былъ въ сумнѣніи, и отъ царскихъ войскъ въ опасеніи; въ томъ виноватъ, а измѣнять не думалъ!

— Зачѣмъ же,—сказали ему, — ты на писаря старшинамъ и войску не объявилъ и къ царскому величеству не написалъ? Тебѣ чтó о томъ опасеніе имѣть, что князь Великогагинъ съ войскомъ приходилъ? Онъ на раду присланъ былъ, а у васъ никогда рада совершенія не воспринимала безъ царскихъ ратныхъ людей. У васъ при выборѣ гетмана учинился бы на радѣ бой, кабы царскаго величества войскъ тамъ не было.

— Я человѣкъ простой, — сказалъ Демьянъ,—не писалъ ве-

ликому государю—спроста; чаялъ, что писарь говоритъ правду, остерегаючи меня; въ томъ предъ великимъ государемъ виноватъ.

Изъ старшинъ болѣе всѣхъ старался вредить Многогрѣшному генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ. Онъ показывалъ: «передъ нами всѣми, предъ генеральною войсковою старшиною, говорилъ Демко такія рѣчи: соберу коннаго войска тысячъ шесть и пойду войною на великороссійскіе городы, а весною ко мнѣ ханъ крымскій съ ордою прибудетъ на помощь. Задамъ тогда я москалямъ: поймаю за волосы ихъ лучшаго человѣка Артамона и ужъ тогда буду знать, что̀ съ нимъ сдѣлать!»

Это написано было въ сказкѣ, поданной Мокріевичемъ. Прочитали эту сказку Демьяну Игнатовичу. Онъ сказалъ:—въ мысли у меня никогда не бывало собирать войско да идти войною на великороссійскіе городы и Артамона за волосы поймать! Не говорилъ я ничего такого. И про хана, чтобъ его ждать себѣ въ помощь—не говорилъ. Вольно писарю Карпу теперь это показывать: онъ со старшинами въ соумышленіи хочетъ меня погубить и для того такое про меня выдумываетъ!

Явился у разспроса нѣжинскій протопопъ и сказалъ: «какъ онъ, Демко, будучи гетманомъ, посылалъ меня къ царскому величеству, я предъ отъѣздомъ своимъ укрѣплялъ его, чтобъ держался милости царской; я напоминалъ ему, что̀ сталось съ Брюховецкимъ, а онъ мнѣ сказалъ: поѣдь-ко ты въ Москву, такъ на Москвѣ будешь въ тюрьмѣ».

Демьянъ сознался, что было такъ, и винился.

Думные люди продолжали спрашивать подсудимаго: «говорилъ ты стрѣлецкому полуголовѣ, будто посланцевъ твоихъ не допускаютъ царскіе бояре для слушанія дѣлъ, чтобъ отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ войску запорожскому невѣдома была».

— Не говорилъ,—отвѣчалъ Демьянъ.

Его продолжали допрашивать: «говорилъ ты—великій государь городъ Кіевъ не саблею взялъ, поддались вы ему добровольно и коли теперь не нуженъ ему Кіевъ, пусть выведетъ воеводъ и ратныхъ людей, а вы найдете себѣ иного государя, и про Брюховецкаго говорилъ, что онъ много терпѣлъ отъ московской неправды, да и не утерпѣлъ».

— Отнюдь ничего такого не говорилъ,—отвѣчалъ Демьянъ.

— Зачѣмъ,—спрашивали его, — Черниговъ большой городъ отъ малаго отгородить велѣлъ?

Демьянъ отвѣчалъ: «писарь мнѣ сказалъ, что слухъ пошелъ, будто войска царскія хотятъ города малороссійскіе засѣсть. Я для осторожности велѣлъ отгородить».

Его продолжали допрашивать: «тому же Танѣеву и подъячему ты сказывалъ, будто польскимъ посламъ по договору дали 30,000 денегъ для найма войска на Дорошенка; вы же непродажные и некупленные: пойдете на Польшу войною, а какъ надъ польскимъ государствомъ что учинится, такъ и иному кому-то достанется. Еще тому же Танѣеву ты сказалъ, что никакимъ спискамъ, присланнымъ изъ Москвы, ты не повѣришь, что васъ только ласковыми словами утѣшаютъ, а правды не объявляютъ. Да еще о Колупаевѣ ты сказалъ: коли пріѣдетъ, такъ пускай нездоровъ уѣдетъ, а Танѣеву грозилъ, что коли еще пріѣдетъ, такъ будетъ въ Крыму; да еще говорилъ, что коли польскіе послы, набравши въ Москвѣ денегъ, пойдутъ черезъ вашу землю, то казаки казну у нихъ раздѣлятъ. Говорилъ ли ты все это? Скажи теперь правду и вину свою великому государю принеси чистымъ сердцемъ».

Демьянъ все отрицалъ.

Его спрашивали: «зачѣмъ ты велѣлъ Нефлову ставить на воротахъ стрѣльцовъ только человѣкъ по тридцати, когда прежде ихъ ставилось по сту и больше? Зачѣмъ обозному Забѣлѣ и другимъ старшинамъ запрещалъ сходиться съ Неѣловымъ и челядниковъ своихъ подсылалъ надсматривать за ними, чтобъ не сходились съ московскими людьми? Дѣлалъ ты такъ? скажи правду».

Демьянъ объяснялъ такъ:—Одинъ разъ, шедши въ церковь, я спросилъ — есть ли караульщики? Мнѣ отвѣчали: два человѣка пятидесятниковъ, а съ ними стрѣльцовъ человѣкъ со сто. Я спросилъ: нѣтъ ли въ кормахъ скудости? Отвѣчали—нѣтъ, а только много слишкомъ ставится караульщиковъ и то имъ досадно и скорбно. Я, поговоривши съ Неѣловымъ, велѣлъ стрѣльцовъ на караулахъ убавить; старшинамъ же не заказывалъ сходиться съ московскими людьми и челядниковъ не посылалъ надсматривать за ними.

Ему сказали: «на тебя сообща всѣ старшины показываютъ, что ты измѣнилъ великому государю, посылалъ къ Дорошенку чернецовъ и тѣ именемъ твоимъ присягу учинили, а Дорошенко присылалъ въ Батуринъ своихъ посланцевъ съ образомъ и ты передъ ними присягалъ и Дорошенку далъ на заплату войску 24,000 ефимковъ. Говорятъ на тебя, что ты во всѣхъ полкахъ учинилъ начальными людьми своихъ свойственниковъ и единомышленниковъ и во всѣ полки писалъ универсалы, чтобъ всѣ шли въ осаду».

Демьянъ отвѣчалъ:—Чернецовъ я къ Дорошенку не посылалъ и Дорошенко ко мнѣ Спасова образа не присылывалъ, а присылалъ ко мнѣ онъ Семена Тихаго возвратить жителей, взятыхъ

на сей сторонѣ татарами: двадцати-четырехъ тысячъ ефимковъ Дорошенку я не давалъ; съ почтатку гетманства моего такого большого числа ефимковъ у меня не было, даже и двухъ тысячъ левковъ въ сборѣ не было. А полковниковъ я перемѣнялъ съ согласія старшинъ.

Допрашивали его далѣе: «сказываютъ, созывалъ ты старшинъ, и говорилъ имъ, будто царь писалъ къ тебѣ, чтобъ ты старшинъ прислалъ въ Москву, а оттуда сошлютъ ихъ въ Сибирь; ты для того и животы свои вывозилъ въ монастырь, хотѣлъ самъ изъ Батурина ѣхать въ Лубны и слухъ пустилъ, будто ѣдешь Богу молиться въ Кіевъ; ты же Степану Гречаному приказывалъ писать, будто дѣлалось на Москвѣ такое, чего тамъ вовсе и не бывало, чтобы потомъ прочитать казакамъ и говорить — вотъ какъ Москва обманчива! такъ ли было?»

Демьянъ отвѣчалъ:—Никакихъ такихъ рѣчей я не говорилъ, не подговаривалъ Гречанаго писать ложное и животовъ не вывозилъ,—да и нечего было: у меня всего было только полторы тысячи золотыхъ червонныхъ, да 60 злотыхъ. Хотѣлъ точно ѣхать въ Кіевъ на богомолье, а не въ Лубны и не для свиданія съ Дорошенкомъ.

— А правда ли, — спрашивали его, — что ты Дмитрашку Райчу призывалъ къ себѣ ночью и толковалъ съ нимъ, какъ царскихъ людей побивать.

— Не было этого,—отвѣчалъ Демьянъ,—а съ Дмитрашкою мы дарились по свойству: я ему подарилъ лукъ, а онъ мнѣ лубье (колчанъ).

— Зачѣмъ,—спрашивали его,—посылалъ ты игумена Ширкевича въ Вильну за какимъ-то лекаремъ?

Демьянъ объяснилъ: «игумена я не посылалъ, а онъ самъ ѣздилъ по своему дѣлу, не въ Вильну, а въ Могилевъ; по этому случаю просилъ я для меня достать лекаря, и онъ мнѣ лекаря привезъ».

Поставили на очную ставку съ Демьяномъ Танѣева и Щеголева. Они уличали его, увѣряли, что все, записанное ими въ ихъ статейный списокъ, слышали они отъ гетмана.

Демьянъ все отрекался.

Спрашивали подсудимаго о похвалкахъ передъ старшинами: ка́къ онъ пойдетъ на великороссійскіе городы войною; ка́къ прибудетъ къ нему въ помощь ханъ съ ордою; что лучше-де жить подъ властью турскаго султана, чѣмъ московскаго царя; что Москва, вмѣстѣ съ поляками, хочетъ истребить малороссійскихъ жителей, что онъ дастъ Москвѣ отпоръ какъ Александръ Маке-

донскій; какъ онъ хотѣлъ Дорошенкову дочь сговорить за своего племянника и для этого пріѣзжалъ къ нему отъ Дорошенка Куницкій.

Демьянъ отвѣчалъ:—Ничего такого не говорилъ я. Затѣяли на меня все это старшины: не любятъ они меня и хотятъ отлучить отъ царской милости. Куницкій точно пріѣзжалъ ко мнѣ: Дорошенко черезъ него передавалъ мнѣ, что хочетъ быть подъ рукою царскаго величества, только опасается, чтобъ царь не выдалъ его польскому королю, а я увѣрялъ Куницкаго, что великій государь Дорошенка польскому королю не выдастъ.

«Демко,—сказали думные люди,—принеси свою вину передъ великимъ государемъ чисто, — скажи правду: какъ ты съ Дорошенкомъ ссылался объ измѣнѣ? Скажи: кто вѣдалъ про твой совѣтъ съ нимъ? Объяви: на чемъ у тебя съ Дорошенкомъ постановлено было иного государя искать, и если хотѣли вы быть у турскаго султана въ подданствѣ, то на какихъ статьяхъ? Про все скажи правду и вину свою великому государю принеси истинно. А буде правды не скажешь и вины своей великому государю не принесешь, то его царское величество укажетъ тебя въ твоемъ воровствѣ пытать».

Многогрѣшный продолжалъ твердить прежнее:

«Никогда не думалъ я измѣнять великому государю и искать иного государя. Съ Дорошенкомъ ссылался я о дружбѣ, чтобъ онъ на нашу сторону войною не ходилъ и людей не посылалъ, и онъ то обѣщалъ мнѣ. А чтобъ Дорошенко меня подводилъ въ подданство турскому султану, — того никогда не бывало. Говорю правду: готовъ не только идти на пытку, а хоть и смерть принять».

«А вотъ,—сказали ему,—генеральный обозный и всѣ старшины показываютъ на тебя, что ты безпрестанно велъ ссылки съ Дорошенкомъ, — хотѣлъ измѣнить царю и отдаться турскому султану, и многія рѣчи неистовыя противъ царскаго величества и похвалки на московское государство говорилъ. Да ты и самъ въ такихъ рѣчахъ не заперся, что, можетъ быть, и говорилъ съ-пьяна. Дорошенко присылалъ къ тебѣ письмо и инструкцію съ своимъ войсковымъ товарищемъ Исайеею Андрѣенкомъ, и письмо его писано закрытыми словами».

Ему прочитали письмо Дорошенка и инструкцію.

Демьянъ замѣтилъ:

«Въ этомъ писаніи дѣло идетъ только о томъ, чтобъ намъ въ дружбѣ жить съ Дорошенкомъ и ему черезъ Днѣпръ ни самому съ войскомъ не переходить — и войска не посылать для

войны въ область его царскаго величества. Если-жъ я по-глупости съ-пьяна сказалъ что-нибудь нехорошее, — въ томъ надо мною воленъ великій государь».

«Если бы,—сказали ему думные люди,—у тебя съ Дорошенкомъ ссылка была только о томъ, чтобъ ему, Дорошенку, не ходить войною въ наши города, такъ отчего же тебѣ не пересылать было всѣхъ Дорошенковыхъ писемъ къ великому государю?»

Демьянъ сказалъ:—Человѣкъ я простой и неученый; положено было это дѣло на войсковаго писаря; онъ долженъ былъ всѣ получаемыя письма посылать къ великому государю, а онъ ихъ не посылалъ оттого, что старшины умыслили отлучить меня отъ царской милости и взвести на меня измѣну. У нашей старшины всегда такъ ведется: какъ захотятъ учинить надъ гетманомъ какое-нибудь зло, тотчасъ подведутъ его. Я человѣкъ простой. Можетъ быть, и Дорошенко меня обольстилъ, что хотѣлъ со мной быть въ дружбѣ, обѣщалъ на сю сторону Днѣпра войною не ходить и къ царскому величеству радѣть; я ему повѣрилъ, а измѣны никакой не мыслилъ. Въ той моей пересылкѣ съ Дорошенкомъ воля его царскаго величества».

Поставили еще обвинителя — батуринскаго атамана Ярему Андрѣенка. Онъ у пытки объявилъ: «Посылалъ меня Демко къ Дорошенку и при Дмитрашкѣ Райчѣ молвилъ мнѣ: «скажи Дорошенку, что двое за одинъ кожухъ торгуются». Я спросилъ его: чтó это слово значитъ? Демко отвѣчалъ: «скажи Дорошенку такъ, какъ я тебѣ велѣлъ,—онъ знаетъ, чтò это слово значитъ». Тогда Демко далъ мнѣ письмо къ Дорошенку. Я къ Дорошенку пріѣхалъ, письмо отдалъ и сказалъ то, чтó велѣлъ сказать Демко. Дорошенко сказалъ: «знаю я, чтò это слово значитъ — двое за одинъ кожухъ торгуются». Какъ Дорошенко меня отпустилъ, то вмѣстѣ со мною прислалъ къ Демку своего посланца — Луговскаго. Луговскій, ѣдучи со мною, говорилъ, что везетъ письмо отъ Дорошенка къ Демку, а пріѣхавши сказалъ Демку, что Дорошенко ему письма не далъ, а приказалъ что-то передать словами».

Судившіе Демьяна спрашивали: «За какимъ дѣломъ посылалъ ты Ярему къ Дорошенку, и чтó значитъ слово: двое за одинъ кожухъ торгуются?»

Демьянъ сказалъ:

«Я посылалъ Ярему не одинъ разъ къ Дорошенку, а трижды, можетъ быть, и четырежды, и все объ одномъ писалъ, чтобъ онъ жилъ со мною въ согласіи,—на сю сторону Днѣпра войною не

ходилъ, зацѣпокъ и задовъ чинить не велѣлъ. А того, что двое за одинъ кожухъ торгуются,—я не помню».

Поставили на очную ставку Ярему съ Демкомъ. Ярема уличалъ Демка. Демко твердилъ, что ничего не помнитъ.

Повели Демка къ пыткѣ, раздѣли, продѣли руки въ страшный московскій «хомутъ», привязали ремнями руки и ноги къ противоположнымъ между собою столбамъ, такъ-что все тѣло пытаемаго болталось на воздухѣ. Дали 19 ударовъ кнутомъ. Демко, человѣкъ нервный и раздражительный, какъ всегда бываетъ съ подобными натурами, не могъ выдержать мученій съ твердостью и сознался, что дѣйствительно говорилъ: тяжело ему въ подданствѣ быть у Москвы. Въ такомъ смыслѣ онъ точно выражался въ разговорѣ съ Танѣевымъ—и трудно было ему теперь запираться. Но онъ стоялъ непоколебимо на томъ, что, сносясь съ Дорошенкомъ, не думалъ измѣнять законному государю и поддаваться турскому султану. Подъ пыткою допрашивали его, что̀ значатъ слова: «двое за одинъ кожухъ торгуются?» Демьянъ сказалъ: «Это значитъ, что поляки хотятъ овладѣть Кіевомъ, а царь не отдаетъ его».

Недовольство подданствомъ Москвѣ, въ которомъ сознался подсудимый, признано было явнымъ признакомъ измѣны. Не вынимая изъ хомута, его спрашивали:

«Объяви: кто вѣдалъ твои мысли и кто былъ съ тобою въ совѣтѣ?»

«Никто,—отвѣчалъ Демко,—не былъ со мною въ совѣтѣ. Мыслилъ я одинъ».

Ему дали нѣсколько ударовъ, думая вымучить у него иное сознаніе, и спрашивали:

«Былъ ли съ тобою въ совѣтѣ Матвѣй Гвинтовка? Старшины показываютъ, что это былъ твой задушевный другъ и совѣтникъ?»

«Гвинтовка въ измѣнѣ не былъ,—за нимъ ничего не знаю», сказалъ Демьянъ.

Сняли Демьяна съ пытки. Принялись за Гвинтовку. Его спрашивали:

«Какъ Демко забылъ Господа Бога и великаго государя къ себѣ милость и жалованье, учалъ мыслить объ измѣнѣ, ты о той измѣнѣ вѣдалъ. Для чего къ великому государю о томъ не написалъ и старшинамъ не объявлялъ?»

Гвинтовка сказалъ:

«Никакой за Демкой измѣны я не вѣдалъ и въ совѣтѣ съ нимъ о такой измѣнѣ не былъ».

Повели Гвинтовку къ пыткѣ, раздѣли, руки заложили въ

хомутъ, стали бить кнутомъ, «крѣпко и съ большимъ пристрастіемъ разспрашивали про Демкову измѣну».

Гвинтовка на пыткѣ говорилъ одно:

«За Демкомъ измѣны не вѣдаю, самъ измѣнять великому государю не мыслилъ и служилъ его царскому величеству вѣрно».

Сняли Гвинтовку. Принялись допрашивать сына Гвинтовки.

«Я ни за своимъ отцомъ, ни за Демкомъ измѣны не знаю; да и вѣдать я не могъ, въ какихъ совѣтахъ былъ мой отецъ съ гетманомъ, потому что я у отца жилъ мало,—учился въ школѣ при монастырѣ».

Молодого Гвинтовку не пытали. Но подвергли вторичной пыткѣ бѣднаго Демьяна Игнатовича. Его спрашивали подъ кнутомъ:

«Принеси свою вину великому государю безо всякія лжи, признайся во всемъ: ка́къ ты хотѣлъ измѣнить великому государю и поддаться турскому султану, и ка̀къ о томъ съ Дорошенкомъ ссылку держалъ?»

Демьянъ подъ ударами кнута говорилъ одно:

«Не думалъ я измѣнять великому государю, не думалъ поддаваться турку. Воленъ Богъ и государь» [1]).

Былъ обвиняемъ, какъ участникъ въ недозволительныхъ выходкахъ гетмана и въ измѣнническихъ замыслахъ, братъ Демьяна Василій Многогрѣшный. Въ малороссійскій приказъ досталось письмо, писанное къ нему отъ митрополита Іосифа Тукальскаго. Митрополитъ благодарилъ Василія Многогрѣшнаго за присланнаго коня и хвалилъ Василія за то, что желаетъ, чтобъ митрополитъ жилъ въ соборѣ кіевскихъ митрополитовъ.

Прежде спрошенный объ этомъ письмѣ Демьянъ отозвался, что онъ о письмѣ не вѣдаетъ, но ему извѣстно, что Василій, братъ его, посылалъ митрополиту и архіепископу Лазарю Барановичу въ подарокъ по лошади, послѣ того, какъ по челобитью духовныхъ властей, патріархъ александрійскій Паисій, проѣзжавшій черезъ Малороссію въ Москву и обратно, разрѣшилъ его отъ эпитиміи, наложенной за убійство жены, и Василію дозволено было въ другой разъ жениться.

6-го мая подвергнутъ былъ допросу Василій Многогрѣшный, вмѣстѣ съ генеральнымъ асауломъ Грибовичемъ.

Судившіе сказали Василію Многогрѣшному:

«По доносу старшинъ, ты обвиняешься въ томъ, что зналъ объ измѣнѣ, затѣваемой братомъ твоимъ, бывшимъ гетманомъ».

Василій Многогрѣшный отвѣчалъ:

---

[1]) А. Ю. и З. Р., т. X, стр. 760—781.

«Объ измѣнѣ брата моего ничего не знаю, и онъ мнѣ о томъ не говорилъ и не писалъ. Что онъ съ Дорошенкомъ ссылался—это я знаю, но о чемъ ссылался—про то не знаю. Я спрашивалъ брата: зачѣмъ онъ ссылается съ Дорошенкомъ, а братъ сказалъ, что то дѣлается по указу великаго государя. Я, слыша такія рѣчи отъ брата, писалъ къ митрополиту Тукальскому, чтобъ онъ отводилъ Дорошенка отъ польской стороны къ великому государю».

Ему показали семь писемъ, писанныхъ къ черниговскому наказному полковнику Леонтію Полуботку. Въ одномъ изъ нихъ приказывалъ онъ держать въ тюрьмѣ безчинствовавшихъ въ Черниговѣ великороссіянъ до гетманскаго указа, а потомъ, извѣщая, что гетманъ велѣлъ выпустить ихъ изъ тюрьмы, поручалъ одного изъ нихъ, подьячаго, передъ выпускомъ изъ тюрьмы пытать [1]), подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ хотѣлъ уйти. Это, какъ оказывалось изъ письма, дѣлалось надъ подьячимъ изъ мести за то, что послѣдній грозилъ казакамъ носить ихъ кафтаны.

Василій Многогрѣшный сознался въ этомъ.

Въ другихъ письмахъ Василій не велѣлъ пропускать хлѣбныхъ запасовъ, которые черниговскій воевода приказалъ возить для отсылки польскому полковнику Пиво. Спрашивали его по этому поводу. Василій Многогрѣшный объяснилъ: «я не приказалъ возить польскимъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ, потому что гетманъ, братъ мой, запрещалъ покупать въ лѣвобережной Малороссіи пріѣзжимъ съ польской стороны и увозить за Днѣпръ хлѣбъ, по причинѣ возникшей дороговизны, а когда гетманъ разрѣшилъ — и я велѣлъ пропускать. Дѣлалъ я это не съ худымъ умысломъ, не для измѣны».

«А если ты,— спросили судившіе,— объ измѣнѣ брата твоего, Демка, не вѣдалъ и самъ не хотѣлъ измѣнить, зачѣмъ же, оставивши свое полковничество, убѣжалъ изъ Чернигова и надѣлъ на себя чернеческое платье?»

Василій Многогрѣшный сказалъ:

«Черниговскій воевода приказалъ на городовое строеніе лѣсъ навозить и государевы люди стали отъ насъ опаску имѣть. Слухъ пошелъ, что начальные московскіе люди въ зáмкѣ пульки льютъ, а шляхтичъ Половецкій, перешедшій съ правой стороны Днѣпра на нашу сторону, говорилъ мнѣ, будто государевы ратные люди

---

[1]) „Подьячаго, вынявъ изъ тюрьмы и давъ вину надгнети животовъ, кіями не бей, чтобы не было синятвины, но такъ подержи въ рукахъ, чтобъ не забылъ до вѣка“.

для того пульки льютъ, что хотятъ съ нами биться. Я этого шляхтича послалъ къ брату, а братъ прислалъ его обратно ко мнѣ, и вмѣстѣ съ нимъ прислалъ «выростка» Ивана. Черезъ него братъ приказалъ мнѣ не попускать чинить задоръ съ воеводою и государевыми людьми, пока не воротится изъ Москвы протопопъ Симеонъ съ государевымъ указомъ. Тотъ Иванъ выростокъ мнѣ тайно сказалъ: пріѣхалъ изъ Москвы въ Батуринъ чернецъ и говорилъ, будто приказано Демку схватить и въ Москву отослать и будто братъ-гетманъ сказалъ: «пусть будетъ воля Божія, а я ничего не опасаюсь». На другой день воевода прислалъ ко мнѣ полуполковника звать къ себѣ. Полуполковникъ звалъ меня такъ сурово, что я началъ догадываться,— видно, какъ сказывалъ чернецъ, и впрямъ брату что-то нездорово. Осѣдлалъ я лошадь и поѣхалъ-было въ городъ къ воеводѣ; вижу—изъ города прямо противъ меня идутъ пѣшіе москали съ ружьями и бердышами. Я, какъ увидѣлъ государевыхъ ратныхъ людей, испугался, убѣжалъ въ Елецкій монастырь и сталъ совѣтоваться съ архимандритомъ Голятовскимъ: что̀ мнѣ дѣлать?— бѣжать ли куда подалѣе, или къ воеводѣ ѣхать? Архимандритъ сказалъ: какъ себѣ хочешь. Я изъ монастыря поѣхалъ за Десну и пріѣхалъ въ Никольскій монастырь; тамъ у одного старца — имени его не знаю — взялъ чернеческую ряску, а свое платье и лошадь оставилъ въ монастырѣ. Я хоронился по разнымъ мѣстамъ,—наконецъ, пришелъ въ Максаковскій монастырь къ игумену Ширкевичу; игуменъ далъ мнѣ старца и челядника и велѣлъ проводить меня въ лодкѣ рѣкою Десною до Кіева. Такъ я добрался до Братскаго монастыря, пришелъ къ отцу ректору и сталъ просить, чтобъ онъ меня прихоронилъ. Ректоръ обѣщалъ прихоронить, а вмѣсто того пошелъ и объявилъ кіевскому воеводѣ; кіевскій воевода взялъ и меня, и старца, и служку, что̀ провожали меня изъ Максаковскаго монастыря, да и отправилъ всѣхъ въ Москву».

Его спрашивали: куда хотѣлъ ты бѣжать изъ Братскаго монастыря? на которые городы и мѣста? Къ Дорошенку и Тукальскому? Что̀ думалъ у нихъ дѣлать?

Василій отвѣчалъ:

— Я не хотѣлъ никуда бѣжать; ухоронившись въ чернеческомъ платьѣ, хотѣлъ жить въ Братскомъ монастырѣ. У Дорошенка и Тукальскаго мнѣ дѣлать было нечего, и я къ нимъ не хотѣлъ бѣжать.

— Зачѣмъ,—спрашивали его,—ты по письму брата своего приказалъ отгородить большой городъ Черниговъ отъ малаго го-

рода, гдѣ жили воевода и государевы ратные люди? Какое дурно хотѣлъ ты учинить надъ воеводою и государевыми ратными людьми?

Василій Многогрѣшный отвѣчалъ:

— Не отгораживалъ я большого города Чернигова отъ малаго, не думалъ чинить никакого дурна воеводѣ и государевымъ ратнымъ людямъ, письма отъ брата о томъ мнѣ не было и объ измѣнѣ брата моего я не зналъ и не знаю. А въ чемъ по своимъ письмамъ я великому государю виноватъ, пусть въ томъ будетъ его царская воля, только измѣнять я не хотѣлъ и не мыслилъ [1]).

Подвергнутый допросу старецъ максаковскаго монастыря, который сопровождалъ Василія Многогрѣшнаго въ кіево-братскій монастырь, показалъ, что Василій просилъ ректора отправить его къ митрополиту Тукальскому, надѣясь, что Тукальскій будетъ къ нему добръ и вспомнитъ, какъ Василій, будучи въ полковникахъ, присылалъ ему въ подарокъ лошадь и червонцы. Ректоръ обѣщалъ сдѣлать все по желанію Василія послѣ Свѣтлаго праздника, но въ великую суботу доложилъ о немъ воеводѣ.

— Какъ же,—сказали судившіе: — ты, Василій, въ своихъ рѣчахъ утаилъ про Тукальскаго и, значитъ, про свой побѣгъ правды не сказалъ?

Василій Многогрѣшный, не допуская себя до пытки, сознался. — «Виноватъ, — сказалъ онъ: — хотѣлъ бѣжать къ Тукальскому отъ великаго страха и просить, чтобъ митрополитъ меня у себя ухоронилъ и въ сторону царскаго величества не отдалъ. А чтобъ, собравшись съ кѣмъ-нибудь войну вести, такого вымысла у меня не было. Еслибъ я и хотѣлъ такъ поступать, то не могъ бы: Дорошенковъ писарь Воеховичъ мнѣ великій недругъ. Да и до войны ли мнѣ было,—лишь бы отъ великихъ бѣдъ голову свою ухоронить! Я хотѣлъ, все покинувъ, постричься. Всю вину свою предъ государемъ я сказалъ и больше того говорить мнѣ нечего. Во всемъ пусть будетъ воля великаго государя [2]).

Спрошенный асаулъ Павелъ Грибовичъ не показалъ ничего обличающаго Демьяна Многогрѣшнаго въ измѣнѣ, и заявлялъ, что ничего не зналъ и не вѣдалъ о непристойныхъ рѣчахъ гетмана.

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. X, стр. 782—791.

[2]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. X, стр. 796—799.

Допрошенные Дорошенковы посланцы, задержанные въ Батуринѣ, объявили, что они—Дорошенковы дворовые люди и пріѣзжали къ Многогрѣшному просить дозволенія продать лошадей, а на вырученныя деньги накупить матеріаловъ для церковнаго строенія [1]). Ихъ показанія не представили ничего къ обвиненію Многогрѣшнаго и его соучастниковъ.

Государь, сохраняя права малороссійскаго народа, сперва указалъ отправить бывшаго гетмана съ другими прикосновенными къ его дѣлу лицами въ Малороссію и отдать мѣстному войсковому суду. Но 20-го мая прибылъ въ Москву посланецъ отъ временнаго малороссійскаго правительства сынъ генеральнаго обознаго Степанъ Забѣла съ батуринскимъ сотникомъ Григоріемъ Карпенко, который прежде ѣздилъ отъ Многогрѣшнаго къ Дорошенку и теперь отправляемъ былъ нарочно для того, чтобъ уличать Многогрѣшнаго [2]). Съ ними старшины присылали челобитную отъ 13-го мая: объясняли, что какъ только разнеслась вѣсть о намѣреніи государя прислать Демка въ Малороссію на войсковой судъ, то сдѣлалось смятеніе, и они теперь просятъ не посылать Демка въ Украйну, а совершить надъ нимъ достойную казнь въ Москвѣ.

Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный и братъ его осуждены были на смертную казнь. 28-го мая въ Москвѣ, на Болотѣ, за кузницами, назначено было исполненіе приговора. Многочисленное было стеченіе народа, обыкновенно склоннаго глазѣть на подобныя зрѣлища. Вывели осужденныхъ братьевъ, прочитали имъ роковой приговоръ. Въ этомъ приговорѣ, обращенномъ къ лицу «измѣнника и клятвопреступника Демка Игнатова», говорилось, что Демьянъ Игнатовъ забылъ Господа-Бога и прежнее государево къ себѣ жалованье и умыслилъ отдаться турскому султану, чтобъ невинныхъ христіанъ отдать въ вѣчную и нестерпимую бусурманскую неволю, ссылался объ этомъ съ гетманомъ той стороны Днѣпра Дорошенкомъ и на томъ учинилъ съ нимъ присягу. Ему ставили въ осужденіе еще и то, что онъ хотѣлъ поссорить великаго государя съ братомъ его, польскимъ королемъ, овладѣлъ неправильно нѣкоторыми мѣстами въ повѣтахъ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ и ложно сообщалъ царю, будто это сдѣлалось по приговору старшинъ. Сверхъ того, говорилъ онъ въ Батуринѣ московскимъ присланнымъ людямъ—подьячему Михайлу Савину, стрѣлецкому полуголовѣ Александру Танѣеву

[1]) Ibidem, стр. 791—795.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, стр. 890.

и подьячему Щеголеву непристойныя рѣчи о царскомъ величествѣ, будто царь хочетъ Кіевъ и всѣхъ малороссійскихъ жителей отдавать польскому королю, грозилъ послѣ Пасхи идти войною на Московское государство въ соединеніи съ турками и татарами, воровски увѣрялъ старшинъ, будто царь хочетъ сослать ихъ въ Сибирь, приводилъ переяславскаго полковника Дмитрашку Райчу къ присягѣ, чтобы царскихъ ратныхъ людей въ малороссійскихъ городахъ побивать, объявлялъ старшинамъ, что не хочетъ быть у царя въ подданствѣ и приказалъ не пропускать въ Кіевъ и другіе малороссійскіе города гонцовъ съ вѣстовыми письмами. Старшины, не допуская до конечной измѣны, поймали его и доставили въ Москву, а онъ подъ пыткою «во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ винился». По желанію старшинъ, полковниковъ, всего войска запорожскаго сей стороны Днѣпра со всѣмъ народомъ малороссійскимъ, великій государь указалъ ему учинить смертную казнь.

Василію Многогрѣшному прочитали приговоръ. Онъ осуждался за участіе въ измѣнѣ брата; уликами въ такомъ участіи признавалось то, что онъ отгородилъ Черниговскій замокъ отъ города, приказывалъ держать въ тюрьмѣ великороссійскихъ ратныхъ людей, не велѣлъ пропускать запасовъ, закупленныхъ черниговскимъ воеводою, ссылался съ Тукальскимъ, и, узнавши о взятіи подъ караулъ своего брата гетмана, переодѣлся въ чернеческое платье и ушелъ въ кіево-братскій монастырь, намѣреваясь оттуда бѣжать за Днѣпръ, къ митрополиту Тукальскому.

Головы осужденныхъ Демьяна и Василія уже положили на плахи, вдругъ прибѣжалъ царскій гонецъ, стрѣлецкій сотникъ Ѳедоръ Меркуловъ. Онъ всенародно объявилъ, что «великій государь, по упрошенію дѣтей своихъ, царевичей Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей, пожаловалъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ Демку и Ваську, не велѣлъ казнить смертію, а указалъ ихъ сослать въ Сибирь съ ихъ семьями».

Сняли съ плахи осужденныхъ и отвели въ малороссійскій приказъ: — Кромѣ Демьяна и Василія Многогрѣшныхъ опредѣлены были для отправки въ Сибирь: бывшій войсковой асаулъ Павелъ Грибовичъ и бывшій нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка съ сыновьями своими Евфимомъ и Ѳедоромъ; хотя эти лица ни въ чемъ не были осуждены, но ссылались въ Сибирь потому только, что были друзьями Демьяна Многогрѣшнаго, и малороссійскіе старшины не хотѣли ихъ держать въ отечествѣ.

На другой день объявлено было, что великій государь велѣлъ дать на милостыню Демку 15 рублей, а Васькѣ 10 руб-

лей, прочимъ по пяти рублей и возвратить имъ бывшую съ ними рухлядь. Эта рухлядь у самого гетмана состояла изъ выбойчатой постели, подложенной кумачомъ, двухъ подушекъ, шелковаго пояса, голубого кафтана, лисьяго мѣха, жестяной кружки, деревянной посуды: стакана, чашки, блюда и солонки, склянки и муравленаго горшечка, да рубахи съ портками. Все имущество Многогрѣшнаго, которое вообще было невелико, приказано было обратить на церковное строеніе, такъ какъ бывшій гетманъ обѣщалъ построить въ Братскомъ монастырѣ церковь и устроить тамъ школу, да сверхъ того началъ строить церкви въ Нѣжинѣ и въ Батуринѣ. О присылкѣ семействъ, осужденныхъ для препровожденія ихъ въ Сибирь, посланъ былъ указъ въ Малороссію. Къ Демьяну присланы были: жена его Анастасія, сыновья Петръ и Иванъ, дочь, называемая по однимъ Елена, по другимъ Марина, племянникъ Михайло и двѣ работницы. Ихъ всѣхъ отправили въ Тобольскъ, гдѣ приказали держать скованными за крѣпкимъ карауломъ, а потомъ разослать по разнымъ городамъ, поверставши въ казачью службу. Павелъ Грибовичъ ушелъ съ дороги и это отягчило участь остальныхъ.

Дорошенко, узнавши о несчастіи, постигшемъ Многогрѣшнаго, писалъ кіевскому воеводѣ, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ сносился съ нимъ и находился съ нимъ въ дружбѣ, *«не для якои здрады, якъ удаютъ самй превратныи головы, але для стверженя добрыхъ рѣчей православнаго христіанства къ вѣкупомной славѣ его царскаго величества»*; злые люди оклеветали пана Демьяна Игнатовича, доброжелательнаго его царскому величеству человѣка, и, внезапно низложивши его съ гетманскаго уряда, неизвѣстно куда дѣли. Если въ этомъ дѣлѣ не будетъ разсмотрѣнія царскаго величества, то я увѣренъ, что Богъ на каждомъ взыщетъ за его невинность. Но такое заступничество Дорошенка могло только расположить московскія власти къ тому, чтобы смотрѣть на Демьяна, какъ на измѣнника: въ числѣ главнѣйшихъ уликъ въ измѣнѣ поставлено было его дружелюбное сношеніе съ Дорошенкомъ.

Каждый, прочитавши все производство суда надъ Многогрѣшнымъ, не можетъ не придти къ тому убѣжденію, что этотъ человѣкъ потерпѣлъ совершенно безвинно, единственно только по несдержанности своего характера, за произнесеніе въ пьяномъ видѣ рѣзкихъ, хотя, надобно правду сказать, и правдивыхъ словъ. Онъ своею вспыльчивостью и раздражительностью вооружилъ противъ себя старшинъ и они рѣшились поступить съ нимъ съ безпримѣрною наглостью, надѣясь, что выходки гетмана въ при-

сутствіи царскихъ гонцовъ достаточно вооружать противъ него московскія власти. Они не ошиблись. Успѣхъ увѣнчалъ самое вопіющее дѣло. Подчиненные, безъ всякаго слѣдствія, суда и верховнаго указа, хватаютъ утвержденнаго царскою властью главу края, везутъ въ оковахъ въ столицу, предаютъ суду и получаютъ за то высочайшую похвалу и одобреніе. Нельзя не поражаться страннымъ безправіемъ, господствовавшимъ тогда въ московскомъ правительствѣ, не говоря уже о томъ, что, по допросу, гетманъ и его сообщники не оказались виновными ни въ какихъ противозаконныхъ дѣлахъ; если бы даже они были виновны, то все-таки самовольное взятіе ихъ подъ караулъ было преступленіе, достойное наказанія. Что малороссійскій народъ не сочувствовалъ такому беззаконному поступку, показываетъ отписка князя Ромодановскаго, отъ 12-го іюня 1672 года, о народномъ волненіи, когда генеральные старшины боялись, что ихъ побьютъ.

О судьбѣ несчастнаго Многогрѣшнаго мы знаемъ, что онъ былъ сосланъ въ Селенгинскъ, поверстанъ въ дѣти боярскія и жилъ долго. Въ 1688 году, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Петромъ Демьяновичемъ, онъ содѣйствовалъ полномочному русскому послу Головину въ усмиреніи табунутовъ и въ разбитіи мунгаловъ. Дочь Многогрѣшнаго была въ замужствѣ за сибирскимъ дворяниномъ Иваномъ Бейтаномъ, была жива еще въ 1726 году, а внука была за священникомъ селенгинской Спасской церкви Игнатіемъ Боршевскимъ[1]).

Гетманство Многогрѣшнаго не осталось безъ вліянія на исторію Малороссіи того времени. Принявши правленіе въ такое время, когда лѣвобережная Украйна распадалась, онъ съ большимъ усиліемъ добился до того, что соединилъ ее снова. Онъ потомъ началъ пытаться дружелюбнымъ отношеніемъ съ Дорошенкомъ охранять ее отъ грозившихъ ей ударовъ съ правой стороны Днѣпра и тутъ-то неизбѣжно встрѣтились его попытки съ пагубными слѣдствіями андрусовскаго договора. По своему открытому нраву, Многогрѣшный высказывалъ Москвѣ прямо то, что̀ чувствовалъ и думалъ: прямота и смѣлость его Москвѣ пришлись не по вкусу; тотчасъ воспользовались этимъ домашніе враги и погубили его.

Н. Костомаровъ.

---

1) Ист. М. Р., II, 126.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Сѣдой и удрученный не столько годами, сколько болѣзнію, купецъ Семенъ Игнатьевичъ Ивановъ сидѣлъ въ мягкомъ покойномъ креслѣ на балконѣ своего большого каменнаго дома. Лѣто. Воздухъ чистъ и ясенъ. Предъ сидящимъ старикомъ открывается прекрасный видъ: внизу, подъ крутымъ обрывомъ берега, на которомъ стоитъ его домъ, начинаются раздольные, поемные луга съ озерами и зеленью и блескомъ солнца, отражающимся въ зигзагахъ вьющейся въ этой зелени рѣчки. Идутъ эти луга далеко, вплоть до самыхъ береговъ широкой многоводной рѣки, разливающейся по веснѣ безбрежнымъ моремъ по этимъ лугамъ. Тогда видъ съ балкона, на которомъ сидитъ теперь Семенъ Игнатьевичъ, еще красивѣе, и въ особенности въ то время, когда разливъ воды въ полной силѣ и пароходы подходятъ почти къ самому дому Семена Игнатьевича, считающемуся лучшимъ домомъ во всемъ городѣ Малиновскѣ. И теперь, среди лѣта, когда вода уже сошла съ луговъ и зелень царитъ на нихъ во всей своей красотѣ и силѣ, видъ на луга и на отдаленную рѣку превосходенъ. Тянутся по этой рѣкѣ разнообразныхъ формъ и размѣровъ суда, и баржи, и расшивы, и паруса ихъ, сверкая на солнцѣ своей бѣлизной, долго, долго замѣтны изъ города и долго иной разъ смотритъ на нихъ горожанинъ, наблюдая, какъ, по мѣрѣ своего удаленія, уменьшаются и тускнѣютъ паруса, увлекая за собою его мысль. Бѣгутъ по рѣкѣ пароходы, шумя колесами и спѣша перегнать одинъ другого, для того, чтобы

успѣть первому захватить съ пристани города Малиновска пассажировъ, расплачивающихся иногда за эту погоню собственною жизнію. Просвиститъ, прошумитъ пароходъ, застелетъ потомъ густымъ чернымъ дымомъ и пристань и противоположный гористый берегъ рѣки, и минуты двѣ-три спустя уже не видно его, и только черная полоса дыма отъ его трубы остается нѣкоторое время въ воздухѣ.

Хорошъ видъ съ крутого берега города Малиновска—и въ особенности въ ясный, солнечный день, когда противоположный, гористый берегъ рѣки обрисовывается не только со всѣми своими селами и ихъ храмами, но и со всѣми разнообразными оттѣнками красотъ лѣса и долинъ, идущихъ вдоль рѣки и вправо и влѣво и тянущихся далеко, далеко, пока глазъ можетъ различать предметы.

Сидитъ Семенъ Игнатьевичъ на балконѣ и чуть-ли ему не кажется вся эта мѣстность чѣмъ-то новымъ, никогда до этого часа невиданнымъ, хотя онъ знаетъ ее съ первыхъ дней своего дѣтства. Сидитъ онъ на балконѣ, или, вѣрнѣе сказать, полулежитъ, и ноги его, окутанныя плэдомъ, покоятся на подложенной подъ нихъ подушкѣ. Самъ онъ тоже въ достаточной степени со всѣхъ сторонъ обложенъ подушками и окутанъ плэдами. Видно, что человѣкъ боленъ и не самъ пришелъ на балконъ, а чуть-ли даже не на рукахъ вынесенъ сюда слугами. Лицо его блѣдно и сильно сквозь эту блѣдность пробивается желтизна, глаза ввалились, и борода, когда-то пушистая и окладистая, широкой массой красовавшаяся въ дни здоровья на груди его, теперь смотритъ какимъ-то скомканнымъ пучкомъ и уже обрѣзана, по причинѣ болѣзни, болѣе чѣмъ на-половину. Здоровье его до сихъ поръ было крѣпкаго русскаго закала. Руки—что клещи, спина—что твой столъ и въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень... «Все во мнѣ прилажено подъ стать, — думалъ онъ и теперь, смотря на свои большія жилистыя руки,—да вотъ, поди-жъ ты, статья какая—ослабъ!»

Заболѣлъ Семенъ Игнатьевичъ, давно ужъ слегъ въ постель, да вотъ сегодня ему полегче—и попросилъ онъ у доктора позволенія на балкончикѣ посидѣть.

Прежде, если ему случалось иной разъ выдти на балконъ своего прекраснаго дома, онъ быстрымъ соколинымъ взглядомъ окидывалъ всѣ пристани, амбары и кладовыя, десятками настроенные внизу у самаго берега рѣки, и сразу онъ видѣлъ, все ли тамъ въ порядкѣ и то ли дѣлаютъ, что нужно, его служащіе, рабочіе, приказчики, довѣренные и т. п. люди. Потомъ онъ,

бывало, оглянетъ улицу, и все видитъ, видитъ, что проходятъ мимо его дома какіе-то скромные, точно кипяткомъ ошпаренные люди въ зипунахъ и низко кланяются, проходя мимо балкона, видитъ, какъ проѣзжаютъ по улицѣ экипажи и какъ сидящіе въ нихъ кланяются, глядя вверхъ, именно на него, стоящаго на балконѣ—и радуется его душа всему этому. Теперь же сидитъ онъ на балконѣ и точно также всѣ мимо проходящіе отвѣшиваютъ ему поклоны и одинаково, какъ тѣ, которые смотрятъ пришибенными и ошпаренными кипаткомъ, такъ и тѣ, которые сами принадлежатъ къ числу ошпаривающихъ и жирѣющихъ на чужой счетъ... Но теперь Семенъ Игнатьевичъ не видитъ этихъ поклоновъ. Съ нимъ произошло превращеніе, положимъ, временное, вызванное болѣзненнымъ состояніемъ его здоровья, но все-таки произошло превращеніе, и видитъ онъ то, что̀ прежде, до этого времени, оставалось для него во мракѣ, заслоненное разными амбарами, приказчиками, счетами и разсчетами. Видитъ онъ нѣчто совершенно новое, никогда прежде невиданное, и думаетъ онъ теперь:—«что̀ это такое со мной, что это я,—жилъ, жилъ, больше пятидесяти годовъ прожилъ, а ничего такого прелестнаго, что̀ вижу теперь, никогда не видывалъ. Вѣдь, какъ это все хорошо, какъ эти облачка-то чудесно по полю перебѣгаютъ, какъ это свѣтъ-то солнца хорошо въ зелени-то и какъ все въ разныхъ мѣстахъ по-своему—гдѣ потемнѣе, гдѣ посвѣтлѣе—удивительно! И птички-то, птички, какія онѣ веселыя и живыя! Эхъ, мало я раньше-то на это смотрѣлъ, все какъ-то не замѣчалъ, да и все какъ-то некогда было, а теперь вотъ вижу, да и жаль... Много больно годовъ-то прошло... Но вотъ, Богъ дастъ, поправлюсь, насмотрюсь... Полно, полно съ дѣлами-то все возиться, надо и отдыхъ знать. Поправлюсь, поѣду въ Крымъ: очень одобряютъ тамъ мѣста, и море, говорятъ, изъ оконъ видно, какъ вотъ, напримѣръ, у меня теперь съ балкона, виноградъ на волѣ растетъ... Такъ-то вотъ, живемъ, живемъ, все около денегъ, все вокругъ нихъ вертимся, а настоящаго житья и не отвѣдаемъ, каково оно есть на свѣтѣ... Господи, дай только поправиться, поѣду смотрѣть на море, на винограды»...

Подъ впечатлѣніемъ такихъ пріятныхъ мыслей онъ дремалъ и переносился въ другіе края, гдѣ вѣчно синее небо. Но проходила дремота, проходили съ нею хорошія минуты—и больной Семенъ Игнатьевичъ начиналъ томиться другимъ.

«Что̀ это, Господи, какое на меня затмѣніе находитъ», думалъ онъ, тревожно ворочаясь въ креслѣ, «что я ротъ-то разиня сижу здѣсь».

Глаза его по привычкѣ обратились къ амбарамъ, къ кладовымъ, гдѣ суетилась масса рабочихъ, сваливая какіе-то грузы съ возовъ и перетаскивая ихъ въ амбаръ. Семенъ Игнатьевичъ хотѣлъ-было подняться на ноги, крикнуть туда внизъ, спрашивая, какой это грузъ сваливаютъ; но ему не служатъ ноги—«ходу нѣтъ», какъ говоритъ онъ самъ, да и голосъ слабъ не только для крика, но и для обыкновеннаго разговора. Хотѣлъ бы онъ спросить кого-нибудь изъ своихъ служащихъ, да по-близости никого нѣтъ.

Онъ сдѣлалъ слабый поворотъ головой къ дверямъ балкона, гдѣ стояла, прислонившись къ дверному косяку, какая-то старушка и безучастно смотрѣла въ даль, причемъ, замѣчая то или другое движеніе Семена Игнатьевича, она каждый разъ пугливо оправлялась отъ своей задумчивости. Теперь она снова замѣтила его движеніе и поспѣшно подошла къ нему съ вопросомъ:

— Не нужно-ли вамъ что-нибудь?

— Пошлите узнать, вонъ, тамъ, видите... въ амбарахъ,—слабо проговорилъ онъ—и замолкъ.

Старушка подождала продолженіе его словъ и переспросила.

— Такъ что же узнать?

Онъ вмѣсто отвѣта отмахнулся отъ нея рукой и сухо проговорилъ:

— Не нужно. Я вспомнилъ...

Старушка молча отошла къ дверямъ балкона и опять стала смотрѣть безучастно въ даль.

Семенъ Игнатьевичъ закрылъ глаза.

Спустя нѣкоторое время его перенесли съ балкона въ кабинетъ: усталъ, говоритъ, сидѣть. Но, несмотря на видимое физическое безсиліе, голова его по-прежнему неустанно работаетъ. Широкій лобъ то морщится, то разглаживаются его морщины и въ глазахъ, теперь потускнѣвшихъ, снова появляются тѣ искры блеска, которыя такъ знакомы всѣмъ помнящимъ Семена Игнатьевича въ его здоровомъ состояніи. Порою онъ стонетъ, говоритъ жалобнымъ голосомъ, но эти стоны и жалобы не останавливаютъ его думъ, перебѣгающихъ отъ Малиновска въ Петербургъ, въ Рыбинскъ и во многіе другіе города и мѣстечки русскаго царства, но только не въ Крымъ и не къ его виноградникамъ.

— Время-то, время-то какое горячее, совсѣмъ бы не до хвори теперь, надо бы и туда и сюда смахать и на-счетъ женитьбы сына погорячѣе приложить стараніе, а замѣсто того—вотъ тебѣ кроватка одна. «Дѣла мои,—не разъ говаривалъ онъ,—

все равно, что большущая машина, умѣнье надо ей править, то-есть—чтобы, значитъ, съ толкомъ. Запусти въ одномъ мѣстѣ, не подмажь во-время колеса — затрещитъ вся машина, только осколки полетятъ во всѣ стороны».

Въ такомъ видѣ представлялъ себѣ Семенъ Игнатьевичъ положеніе своихъ дѣлъ. Онъ русскій человѣкъ и, выражая свои мысли, любитъ подкрѣплять ихъ сравненіями, сразу опредѣляющими значеніе предмета.

— Ошарашило! — бормочетъ онъ теперь о своемъ безсиліи, голова кругомъ идетъ, точно меня кто съ колокольни брякнулъ.

II.

Несмотря на то, что у Семена Игнатьевича своихъ дѣлъ довольно, онъ успѣваетъ и обществу служить. Онъ директоръ малиновскаго общественнаго банка и собственныхъ векселей его теперь въ этомъ банкѣ, какъ говорится, непочатый уголъ. Приходятъ сроки векселямъ, переписываются они на другую бумагу, въ книгахъ обозначается уплата и на новыхъ векселяхъ пишутся новые сроки—и дѣло чисто, и Семену Игнатьевичу спокойно.

Правда, поругиваютъ его подъ рукой мѣстные мелкопромышленники, жалуются, что онъ ссуды совсѣмъ имъ не даетъ, но это Семена Игнатьевича не очень безпокоитъ. Приходятъ, напримѣръ, къ нему въ банкъ мелкопромышленники просить ссуды, онъ ласково встрѣчаетъ ихъ и въ отвѣтъ на подаваемыя ими прошенія о выдачѣ ссудъ отечески поучаетъ:

— Ссуда,—говоритъ имъ Семенъ Игнатьевичъ,—дѣло тонкое, она, что твоя красная дѣвица, заманчива и притягиваетъ къ себѣ малодушнаго человѣка. Берегитесь, братцы вы мои, ссуды, берегитесь: теперь у васъ, какъ вотъ видно и изъ документовъ вашихъ, есть и домишки, и то и другое, а вѣдь въ срокъ не заплатите ссуды, все это ваше трудовое добро съ молотка пойдетъ ни за копѣйку.

Слушаютъ мелкопромышленники и молчатъ, понуривъ головы, пока Семенъ Игнатьевичъ убѣждаетъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Кончитъ онъ увѣрять, начнетъ перебирать свои директорскія бумаги, массами всегда наваленныя на столѣ «для бóльшей внушительности», и поглядываетъ искоса на переминающихся съ ноги на ногу искателей мелкаго кредита, ожидая ихъ выхода изъ банка; но они продолжаютъ переминаться и не идутъ, пере-

шептываются между собой односложными словами и, наконецъ, кто-нибудь болѣе смѣлый «буркнетъ»:

— Ужъ вы, Семенъ Игнатьевичъ, удостойте, соблаговолите разрѣшить, большая есть надобность... Залоги наши, какъ изволите видѣть, очень благонадежны, домишки все же какіе ни на есть, а застрахованные и оцѣнка вотъ городомъ же самимъ и произведена... Соблаговолите ссуду...

— Вѣдь я ужъ вамъ, братцы вы мои, сказалъ, развѣ вы не поняли...

— Мы очень чудесно все поняли, да вотъ только на-счетъ ссуды-то, соблаговолите, помилосердуйте...

— Дома наши залогомъ служатъ... и вотъ теперь оцѣнка сдѣлана и страховка, все въ настоящемъ порядкѣ и въ лучшемъ видѣ...

Просители кланяются, мнутъ въ своихъ жилистыхъ, загорѣлыхъ и замозоленныхъ рукахъ шапки и ждутъ отъ директора милости, точно просятъ у него «ради Христа».

Семенъ Игнатьевичъ косится, то на того, то на другого изъ просителей, хмуритъ свои густыя сѣдыя брови и погружается въ разсмотрѣніе бумагъ, коротко и сухо промолвивъ:

— Ну, хорошо, я разсмотрю. Приходите на-дняхъ...

— Да ужъ и то ходимъ, отецъ, другу недѣлю... Удостойте...

— Нельзя же братцы вы мои, такъ вотъ вдругъ и раскрыть ящикъ; знаете, деньги общественныя. Вамъ извѣстно, помните, главный жертвователь, положившій двѣсти-то тысячъ на вѣчныя времена въ этотъ банкъ, завѣщалъ при смерти, помните, читывалъ здѣсь же на общемъ собраніи, читывалъ вѣдь не разъ...

— Помнимъ, какъ же-съ... Вамъ, Семенъ Игнатьевичъ, обязаны и тѣмъ, что онъ вкладъ сдѣлалъ въ нашъ банкъ... На этомъ всегда благодарны...

Искатели мелкаго кредита кланяются, ублаготворяютъ Семена Игнатьевича, и хотя очень хорошо знаютъ, что умершій жертвователь двухъ-сотъ тысячъ, жертвуя ихъ банку, настаивалъ, чтобы ссуды были выдаваемы всего болѣе «мелкими суммами»; но, зная объ этомъ, они молчатъ, они люди опытные, понимаютъ, что такое замѣчаніе раздражитъ Семена Игнатьевича и напираютъ всего болѣе на восхваленіе его добродѣтелей.

Такъ добиваются они ссуды и иной разъ успѣшно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлахъ самого Семена Игнатьевича нѣтъ большой надобности въ деньгахъ.

III.

Семенъ Игнатьевичъ человѣкъ дѣятельный. Бывало, въ здоровомъ состояніи утро его подниметъ съ постели въ то время, когда еще полъ-города спитъ въ глубокомъ снѣ, пьетъ онъ наскоро чай, въ какіе-нибудь десять минутъ опростаетъ стакановъ пять, шесть чаю и—улетѣлъ изъ дому. Куда? Никто не знаетъ. Гдѣ былъ Семенъ Игнатьевичъ? — спрашиваютъ потомъ кучера.

— Гдѣ былъ!—недовольнымъ голосомъ отвѣчаетъ кучеръ:—были въ разныхъ мѣстахъ: мнѣ еще попало въ шею—долго, говорятъ, запрягалъ лошадей, спишь, говорятъ, на козлахъ, не браво сидишь... Пойди, угоди ему!

— Но все же, куда ѣздилъ?

— Ѣздилъ много: въ шестомъ часу погнали, а вотъ ужъ къ полудню дѣло идетъ, все гоняли. На заводѣ были, на пристани были, а опосля того въ сосѣднюю деревню къ попу ѣздили —тамъ чай пили; ну, а потомъ и пошли кружить съ девятаго-то часу по городу, изъ одного конца въ другой... Ишь, вонъ лошадь-то какая, вся въ мылѣ...

Такъ иногда, покруживъ полъ-дня, Семенъ Игнатьевичъ другую половину дня сидитъ въ кабинетѣ и никто его не видитъ; что онъ тамъ дѣлаетъ—для всѣхъ тайна. Столъ заваленъ бумагами и погруженъ въ нихъ Семенъ Игнатьевичъ. Перечитываетъ онъ письма да телеграммы, съ непонятными никому извѣстіями о какихъ-то шкурахъ да мѣхахъ, да орѣхахъ, о которыхъ въ его торговыхъ книгахъ никогда никакого помину нѣтъ. Оказывается, что подъ этими вымышленными названіями подразумѣваются названія другихъ товаровъ, о какихъ знаетъ только самъ Семенъ Игнатьевичъ. Такъ пробудетъ онъ въ строгомъ уединеніи нѣсколько часовъ, сдѣлаетъ на письмахъ помѣтки и разъясненія для конторы и ушлетъ ихъ потомъ главному конторщику. Глядишь, опять вскочилъ съ кресла, облекся въ одну минуту въ черную суконную пару, шляпу надвинулъ на свой широкій лобъ, перчатки натянулъ на могучія, хотя и сильно уже морщинистыя руки и полетѣлъ на сѣромъ рысакѣ, рыская по городу вдоль и поперекъ. Прошелъ день, другой—у него обѣдъ, угощаетъ онъ всѣхъ на-славу, наговариваетъ гостямъ любезности и въ кабинетъ уже успѣлъ нужныхъ людей отвести. Для этого момента, можетъ быть, и самый вечеръ устраивался. И въ то время, когда гости отплясывали подъ звуки музыки, молчаливый конторщикъ уже обдѣлывалъ въ кабинетѣ разные переводы, отсрочки, перезалоги.

И въ такіе трудные дни, устроивъ, наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ, свои денежныя дѣла и отходя съ болѣе или менѣе спокойнымъ духомъ ко сну, вспоминаетъ иногда Семенъ Игнатьевичъ тѣ свои молодые годы, когда онъ былъ свободенъ отъ долговъ и всякихъ общественныхъ и другихъ связей. Видитъ онъ себя молодымъ человѣкомъ, съ маленькой черноватой бородкой, въ длиннополомъ сюртукѣ съ ухватками лихача-кудрявича, и руки въ боки, и ногами козыряетъ и рукава поддергиваетъ, чтобы, значитъ, пальцамъ было свободнѣе. Какъ легко на душѣ-то было,— думаетъ онъ:—нѣтъ тебѣ заботъ о долгахъ или о томъ, о другомъ, что̀ теперь давмя давитъ, нѣтъ тебѣ тревоги, ка̀къ жить, ка̀къ выбиваться изъ хомута, въ который залѣзъ, да вѣдь залѣзъ-то какъ—и самъ не замѣтилъ, вѣдь исподволь, помаленьку, не торопясь... Именно, кому какая судьба: а все жадность наша, хорошо было, нѣтъ—надо лучше. Есть выгоды,—нѣтъ, надо больше. А тамъ и пошло и пошло... У того домъ хорошъ—мнѣ такой же надо, у того архіерей въ гостяхъ бываетъ—и мнѣ тоже надо. Зачѣмъ? спросить—и не отвѣтишь; та́къ, одна амбиція... Хорошо еще, когда все ладится да клеится, а какъ вотъ все неудачи: тамъ сорвется да тутъ обломится, а платежи не ждутъ, они знать этого не хотятъ,—и томится душа-то, какъ у чорта въ лапахъ. Оно, конечно, положеніе мое видное, да какой цѣной оно покупается... Ахъ, еслибъ знать да вѣдать объ этомъ прежде, никогда-бъ и никто бы меня не заманилъ. Жилъ себѣ тихо, смирно, какое дѣло, что у товарища господинъ губернаторъ въ домѣ бываетъ: что̀ мнѣ въ этомъ пріятности, канитель одна, да хлопоты!.. А вѣдь какъ тогда въ тѣ молодые годы все это было заманчиво! Да времена-то ныньче какія стали, силушки нѣтъ! Покойный родитель торговалъ всего не десять тысячъ ассигнаціями, а какой почетъ имѣлъ вотъ здѣсь же, въ этомъ же нашемъ Малиновскѣ... Не было ни этихъ пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, а тѣмъ паче распроклятыхъ банковъ, которые теперь нашего брата давмя давятъ. Торговалъ тогда каждый, смотря по своимъ средствамъ, и почетъ имѣлъ настоящій. Теперь вотъ что̀ понадѣлали: фонари, да панели, а жить стали хуже. Да и нашъ братъ тоже другой человѣкъ сталъ. Ныньче на медали-то, ежели кто пособразительнѣе, и глазомъ не моргнетъ, всякій норовитъ орденъ, да не въ петлицу, а чтобы на шею... а не то и прямо въ генералы. А развѣ такъ бывало прежде? Бывало медальку-то золотую во-снѣ увидишь—недѣли три благодать себѣ чувствуешь. При этой мысли воскресаетъ въ памяти Семена Игнатьевича то счастливое время, когда онъ впервые

получилъ золотую медаль. Какъ онъ былъ тогда доволенъ, какой торжественный обѣдъ справилъ по этому случаю, какъ всѣ гости поздравляли его и каждый троекратно облобызалъ, желая ему паки получить такую же, и самъ онъ плакалъ отъ умиленія. Вспомнилъ Семенъ Игнатьевичъ затѣмъ свою Анну въ петлицѣ, потомъ Станислава на шеѣ и сравнилъ впечатлѣніе восторга отъ нихъ съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, какое когда-то принесла ему золотая медаль.

«Да, времена не тѣ,—думалъ онъ:—не тотъ размѣръ, шире все стало: масштабъ другой, пространнѣе, а жить стало труднѣе!»..

Такъ думалъ онъ, засыпая послѣ труднаго дня, а на завтра утромъ, довольный удачнымъ исходомъ затрудненій, опять хлопоталъ по-прежнему, полный силъ, надеждъ и дѣятельности.

IV.

Семенъ Игнатьевичъ любитъ жить на широкую ногу, про него всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что онъ умѣетъ жить, а почетомъ пользуется не напрасно: угощаетъ онъ самыми тонкими блюдами и лучшими винами. Лучше другихъ знаютъ достоинства его обѣда тѣ, въ комъ онъ имѣетъ или имѣлъ когда бы то ни было нужду. Знаютъ они еще болѣе того, что появляется на обильномъ и вкусномъ столѣ Семена Игнатьевича; они не разъ имѣли случай выигрывать съ него въ карты значительныя суммы денегъ, садясь «провести время» послѣ вкуснаго обѣда. Ихъ счастливые выигрыши, казалось, бывшіе всегда случайностью, постоянно въ то же время имѣли связь съ выгодами Семена Игнатьевича по его различнымъ дѣламъ.

— Подлецы, тоже взятокъ не берутъ, а вотъ въ карты имъ проигрывай тысячи по двѣ, по три—про всякую честь забудутъ и продадутъ хоть мать родную...—такъ отзывается о своихъ гостяхъ Семенъ Игнатьевичъ.

Въ видѣ этихъ гостей появлялись въ его домѣ время отъ времени разныя лица, и толстоносые, съ большими животами и одутловатыми физіономіями, выпячивавшіе свои груди съ разными регаліями, и тонконогіе въ новомодныхъ фракахъ — съ учеными знаками въ петлицахъ и съ золотыми очками на носахъ, вылощенные и отполированные франты, у которыхъ въ головахъ ловко совмѣщаются и статьи законовъ и рѣшенія кассаціоннаго департамента и игра въ штосъ, и разнообразныхъ видовъ и формъ петербургскія кокотки. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково

искусно вели свои сношенія съ Семеномъ Игнатьевичемъ, одинаково тонко держали себя до тѣхъ поръ, пока не накачивались виномъ и не превращались въ обыкновенныхъ пьяныхъ людей. Иногда ихъ веселый кутежъ на чужой счетъ затягивался такъ долго, что Семенъ Игнатьевичъ, любезничая съ ними вслухъ, мысленно посылалъ ихъ, какъ говорится, ко всѣмъ чертямъ, и только тогда вздыхалъ полной грудью, когда удавалось, наконецъ, ихъ выпроводить изъ дому.

— Ну, что, Семенъ Игнатьевичъ, устроили?..—шопотомъ спрашивалъ потомъ безмолвный конторщикъ, появляясь какимъ-то таинственнымъ привидѣніемъ у письменнаго стола Семена Игнатьевича, тотчасъ послѣ того, какъ сытые и выпившіе и набившіе себѣ туго карманы деньгами чиновные гости выходили изъ дому, пошатываясь и мурлыкая «Стрѣлка».

— Устроилъ,—сердито отвѣчаетъ Семенъ Игнатьевичъ,—недовольный собственно не тѣмъ, что таинственный посѣтитель появился нежданно въ его кабинетѣ (это бывало часто и въ немъ онъ имѣлъ лучшаго исполнителя своихъ предначертаній), а тѣмъ недовольный, что гости долго его томили, играя въ честность.

— Самое главное теперь, Спиридонъ Ѳедоровичъ, въ томъ,—шепчетъ Семенъ Игнатьевичъ, чтобы завтра же состоялся и журналъ въ общемъ присутствіи и чтобы постановленіе было приведено въ исполненіе... Пошлите тотчасъ же утромъ туда, ассигнуйте еще на этихъ мелкотравчатыхъ... Ну, тамъ знаете сколько... По характеру каждаго...

Молчаливый Спиридонъ Ѳедоровичъ только головой киваетъ въ знакъ утвержденія того, что очень хорошо понимаетъ всѣ предначертанія Семена Игнатьевича.

Семенъ Игнатьевичъ самъ притворяетъ дверь изъ кабинета, намѣреваясь уже отойти ко сну и отдохнуть послѣ окончанія такого труднаго дѣла, какое ему пришлось въ продолженіи цѣлаго дня и вечера устроивать; но пріотворивъ двери въ залъ, онъ видитъ, что въ прихожей еще горитъ огонь и съ парадной лѣстницы слышенъ какой-то странный говоръ.

— Что это тамъ?—удивленно спрашиваетъ онъ, входя въ прихожую.

Слуга сдержанно улыбается и говоритъ:

— Гостей никакъ не можемъ проводить: сѣли на ступеняхъ лѣстницы и что-то разговариваютъ.

Семенъ Игнатьевичъ махнулъ рукой и шопотомъ сказалъ Спиридону Ѳедоровичу, какія нужно принять мѣры, а самъ осторожными шагами скрылся къ себѣ въ кабинетъ. Гости между

тѣмъ расположились на коврахъ лѣстницы и бормочутъ. Кто восхваляетъ хозяина, кто самъ себя, кто мурлычетъ «нашъ стрѣлокъ», «нашъ стрѣлокъ», а слуги хозяйскіе ждутъ да ждутъ.

Спиридонъ Ѳедоровичъ спускается внизъ по лѣстницѣ, одѣтый въ пальто и съ фуражкой на головѣ, и съ-разу оживляетъ всю компанію, уже соскучившуюся восхваленіями добродѣтелей хозяина и бормотаньемъ «Стрѣлка».

— А, а! Иродъ! правитель дѣлъ,—провозгласилъ кто-то, увидя Спиридона Ѳедоровича:—гдѣ хозяинъ? гдѣ Симеонъ-медоточивыя уста?

Оказалось, по словамъ ловкаго конторщика, что хозяинъ лежитъ «безъ заднихъ ногъ», что сынъ давнымъ-давно куда-то уѣхалъ и что самое лучшее теперь выпить. Однако же, несмотря на нѣкоторое оживленіе, внесенное въ общество гостей, засѣдающихъ на коврахъ лѣстницы, появленіемъ конторщика, гости эти смутно понимаютъ, что̀ такое онъ имъ разсказываетъ. Они оживляются только при послѣднемъ его словѣ «надо выпить», съ-разу уяснивъ себѣ его понятный смыслъ.

— Выпить, выпить... Это невредно... это... освѣжаетъ...—повторяютъ они одинъ за другимъ, и только кто-то изъ нихъ, должно быть ужъ очень навязчивый, не перестаетъ лѣзть къ самому носу конторщика, неотвязно прося объясненія.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, что̀ такое «безъ заднихъ ногъ».

Однако кое-какъ его успокоили и вся компанія перекочевала съ парадной лѣстницы во флигель, гдѣ помѣщалась контора,—и тамъ долго еще слышался «Стрѣлокъ» и восхваленіе добродѣтели хозяина, и тутъ же вмѣстѣ такіе отзывы, что онъ подлецъ.

Семенъ Игнатьевичъ, между тѣмъ, утомленный гостями, долго не можетъ заснуть и думаетъ.

— Вѣдь вотъ выгодныя дѣла наклевываются, вѣдь всѣ завидуютъ, что онѣ въ мои руки попадаютъ, а сведешь счетъ въ концѣ—никакого остатка, все по рукамъ расходится: тому сунь, тутъ обѣдъ задай, тамъ въ карты проиграй... Имъ что, схватили свои тысячи, накатились шампанскимъ,—только ихъ и видѣлъ, а тамъ возись какъ знаешь... А безъ нихъ нельзя, всѣ подряды уплывутъ изъ рукъ... Этакое проклятое племя, и какъ по долгу живутъ! Вотъ на кого мои доходы-то тратятся.

Но такъ безцеремонно отзываясь о своихъ недавнихъ собутыльникахъ, съ которыми Семенъ Игнатьевичъ обдѣлывалъ свои дѣла, бражничалъ, цѣловался, и смотря по надобности, даже плясалъ русскую,—онъ думалъ, что по-крайней-мѣрѣ за его

обѣды и тысячныя взятки они не говорятъ о немъ дурного. А они между тѣмъ злословили его не только теперь, въ пьяномъ видѣ, но и потомъ, тотчасъ послѣ того, какъ деньги уплывали изъ ихъ тощихъ кармановъ.

— Мошенникъ онъ, мало мы съ него взяли-то, вѣдь все равно поставлять въ казну матеріалъ будетъ не доброкачественный. Лучше бы драть съ него больше. И на винѣ пропоилъ мало. Нужно бы еще дюжины двѣ шампанскаго... Ораторъ! Тосты тоже произноситъ! Говоритъ красно, что твоя книга, только нѣтъ-нѣтъ да и ляпнетъ: «теперича, ежели, къ примѣру».... Мужикъ во фракѣ!

Въ такихъ отзывахъ было кое-что и справедливое, но во всякомъ случаѣ не все, а главное — такіе отзывы, исходя отъ подобныхъ господъ, теряли свое значеніе.

— Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! говоритъ и самъ Семенъ Игнатьевичъ и не считаетъ себя образцомъ честности; но вѣдь я, говоритъ онъ, по крайней мѣрѣ тягости заботъ несу, я мучусь, терзаюсь въ хлопотахъ. Подвергаюсь риску... А они? Хапнутъ, да и отошли въ сторону... Да если ихъ, думаетъ онъ, поставить на мое мѣсто, то они не только гниль негодную будутъ сдавать къ казну, они даже вовсе ничего не сдадутъ, а совершатъ либо подлогъ, либо пожаръ, чтобы скрыть свое мошенничество.

Но и Семену Игнатьевичу, какъ человѣку, прикосновенному къ дѣлу, нельзя давать вѣры во всѣхъ его словахъ. Однако же изъ его словъ и отношеній къ подобнымъ господамъ видно, какими путями приходилось ему иной разъ устраивать дѣла. Опытные торговые дѣльцы не считали его за большого богача. Можетъ быть, есть, говаривали они, у Семена Игнатьевича такъ сотня-другая тысченокъ, да и тѣ, чай, всѣ въ разбродѣ, а свободныхъ не должно полагать, а впрочемъ, заключали они, кто его знаетъ: въ чужомъ, молъ, карманѣ трудно считать.

Въ городѣ Малиновскѣ, только одинъ купецъ, Кузьма Ильичъ Полозовъ, недовѣрчиво относился къ богатству Семена Игнатьевича, да и то больше потому, что не любилъ его за дворянскій образъ жизни. «Широко Семенъ живетъ, всѣ барыши протранжириваетъ», ворчалъ онъ иногда, сидя на лавочкѣ у воротъ своего дома; но слушающихъ его ворчанье было немного, да и тѣ относились къ нему недовѣрчиво: ворчитъ, молъ, старикъ, либо отъ старости, либо отъ жиру. Кузьма Ильичъ былъ дѣйствительно колоссальныхъ размѣровъ, и въ жаркій лѣтній день ему невозможно было не ворчать на своего сосѣда, — хотя-бы сосѣдъ

этотъ велъ самую умѣренную жизнь: жара душила его. Семенъ Игнатьевичъ тоже ворчалъ на Кузьму Ильича, но не по причинѣ жаровъ или недовольства за его образъ жизни, а по другимъ, болѣе уважительнымъ поводамъ. Спалъ-ли спокойно Кузьма Ильичъ въ тѣ дни, когда поругивалъ его Семенъ Игнатьевичъ, —неизвѣстно, но что брани на него сыпалось много—это фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію, а чѣмъ затрудненія въ дѣлахъ Семена Игнатьевича были сложнѣе и многочисленнѣе, тѣмъ сильнѣе сыпалась брань на сосѣда Кузьму Ильича.

Досадовалъ онъ на него, досадуетъ и теперь и едва-ли не всегда будетъ досадовать, потому что разница въ ихъ состояніяхъ огромная: Кузьма Ильичъ накопилъ милліона три рублей чистыми деньгами—и легъ на печь, ходи кто хочетъ, проси—не выпросишь, а Семенъ Игнатьевичъ видѣлъ такіе милліоны развѣ только во снѣ. Часто ворчитъ онъ, вспоминая состояніе сосѣда и даже ставитъ ему въ вину ревность его къ храму Божію, которую Кузьма Ильичъ поставляетъ себѣ за великую честь и гордится ею.

— Съ деньгами-то,—говоритъ Семенъ Игнатьевичъ,—конечно, о чемъ-же больше думать, какъ не о Богѣ, знай молись, да молись. Но вѣдь это что же за жизнь: ни себѣ, ни людямъ.... Неужели только съ деньгами лежать — и все счастье въ этомъ?

Семену Игнатьевичу не завидно смотрѣть, какъ бухаетъ свои земные поклоны въ монастырской церкви его сосѣдъ, и какъ пыхтитъ при этомъ на всю церковь, а то обидно, что Кузьма Ильичъ не знаетъ тѣхъ мученій, какія по временамъ испытываетъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Накопилъ деньжищъ и пыхтитъ теперь на нихъ лежа. Разнесло!—ворчитъ онъ на сосѣда.

Случается, сосѣдъ сядетъ иной разъ на скамеечкѣ у воротъ, и именно въ то самое время, когда Семенъ Игнатьевичъ на балконѣ.

Складываетъ онъ на широкомъ животѣ своемъ жирныя руки, приподнимаетъ свою массивную голову по направленію къ балкону и баситъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Семенъ Игнатьевичъ, кого это ты такъ жаришь?

Спохватится Семенъ Игнатьевичъ, замѣтивъ неожиданное появленіе сосѣда и спѣшитъ поправить свою оплошность.

— Это я пса ругаю... который у тебя по ночамъ на блокѣ бѣгаетъ...

— Чѣмъ онъ тебѣ помѣшалъ?

— Золъ больно, спать не даетъ.

— Песъ лютъ, это ты точно, лютъ песъ.

— Ожирѣлъ, дьяволъ, заплылъ! — продолжаетъ Семенъ Игнатьевичъ, мысленно обращая свои ругательства на самого Кузьму Ильича.

Кузьма Ильичъ даже доволенъ, посмѣивается себѣ въ бороду. Ладно, молъ, я съ этимъ псомъ спокойно сплю, а до тебя мнѣ дѣла нѣтъ.

— Колода деревянная, — не унимается Семенъ Игнатьевичъ. — Сало!

— Ну, что ты, что ты, Семенъ Игнатьевичъ, какое у него сало? Ежели до сала кормить — онъ и лаять перестанетъ.

— Ну, и чортъ съ нимъ. Стóитъ о псѣ говорить. — И уходитъ Семенъ Игнатьевичъ съ балкона, занятый своими денежными затрудненіями.

А Кузьма Ильичъ между тѣмъ думалъ о Семенѣ Игнатьевичѣ и о самомъ себѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ. Кузьма Ильичъ сравнивалъ жизнь Семена Игнатьевича съ жизнью евангельскаго богача, причемъ себя самого представлялъ бѣднымъ Лазаремъ, забывая о томъ, что не только его милліоны, но и самыя формы его тѣла, по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, мѣшали этому сравненію. Такимъ образомъ, Лазарь въ лицѣ толстаго Кузьмы Ильича являлся лишь смѣшною каррикатурою на того Лазаря, котораго онъ желалъ собою изображать, сравнивая свой образъ жизни съ жизнію Семена Игнатьевича. Но, несмотря на явную каррикатурность сравненія, Кузьма Ильичъ и не думалъ считать это сравненіе смѣшнымъ; напротивъ, съ совершенною искренностію онъ разсказывалъ своимъ слушателямъ, бóльшею частію сборщикамъ «благостыни» и странникамъ, евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ и даже плакалъ, утирая слезы своими массивными кулаками.

— «Жилъ нѣкій богачъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ, и веселился по вся дни свѣтло», — громко провозглашалъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ, тыкая въ то же время огромныхъ размѣровъ указательнымъ пальцемъ по направленію къ дому сосѣда.

Искатели «благостыни» охали и вздыхали при этомъ и косили свои глаза тоже по тому направленію, которое указывалъ перстъ Кузьмы Ильича. Но они не забывали посматривать и на чайныя чашки, ожидая, пока молчаливая и въ крайней степени угрюмая старушка, сестра Кузьмы Ильича, ихъ снова, — можетъ быть уже въ десятый разъ, — наполнитъ чаемъ.

— «Бысть же нѣкій бѣдный, именемъ Лазарь», — продолжалъ Кузьма Ильичъ, переходя въ плачевный тонъ; но вдругъ, пре-

рывая свое повѣствованіе, онъ поспѣшно и уже совершенно другимъ, дѣловымъ тономъ, замѣчалъ старушкѣ сестрѣ: «Налей имъ, Степанида Юрьевна, еще по чашкѣ».

Искатели «благостыни» отвѣшивали низкіе поклоны предъ массивной фигурой Кузьмы Ильича, а онъ опять поучалъ ихъ благочестію, поднималъ кверху свои едва-едва видимые изъ-за оплывшихъ щекъ и вѣкъ маленькіе глазки, напоминавшіе глаза мыши, и вздыхалъ о грѣхахъ, что не мѣшало ему, впрочемъ, прерывать свою духовную бесѣду короткимъ и торопливымъ замѣчаніемъ:

— Степанида Юрьевна, наливай еще...

Но отъ этой, такъ-сказать, прозы жизни онъ снова переходилъ къ духовной бесѣдѣ, и самая рѣчь его принимала незамѣтно возвышенный тонъ.

— Я живу тихо, мирно... А у него тамъ свѣтъ и ликованіе и шумные звуки трубъ всяческихъ, а у меня лампадочки горятъ и жду я въ тихомъ снѣ благовѣстъ къ заутрени... И будетъ онъ просить,—продолжалъ Кузьма Ильичъ, опять тыкая пальцемъ на домъ сосѣда,—пошли, Господи, Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени семъ...

Слушатели вздыхаютъ, отираютъ свои потные лбы и никто изъ нихъ не смѣетъ возразить Кузьмѣ Ильичу, что все имъ разсказанное о мукахъ богача должно быть обращено именно къ нему самому, а не къ сосѣду и не къ нимъ, полуголоднымъ нищимъ, поставленнымъ роковою силою житейскихъ невзгодъ въ печальную необходимость слушать его бесѣды. Именно въ силу этихъ печальныхъ обстоятельствъ они и вздыхали, силясь изображать душевное сокрушеніе о грѣхахъ... Вздыхалъ и Кузьма Ильичъ и вздохи его, по огромности поглощаемаго имъ воздуха, заглушали всѣ вздохи гостей, въ особенности когда онъ послѣ такого вздоха совсѣмъ уже неожиданно провозглашалъ:—протранжиритъ все, потому—зря живетъ, расходы велики...

Такъ евангельская притча вдругъ получала новое заключеніе и низводилась на степень простого коммерческаго разсчета.

— Лишился онъ разума совсѣмъ,—говорилъ о Кузьмѣ Ильичѣ Семенъ Игнатьевичъ,—только не знаю отъ чего, отъ денегъ ли, отъ сидячей ли жизни, но только несомнѣнно, что разума лишился. Нѣтъ, его бы на мое мѣсто поставить—забылъ бы притчу о Лазарѣ, не сталъ бы благочестивыя бесѣды разводить въ то время, когда по книгѣ долговъ оказываются векселя, требующіе немедленной уплаты...

V.

Тихо въ обширномъ кабинетѣ Семена Игнатьевича, одиноко стоитъ у письменнаго стола кресло съ высокой спинкой, на которомъ въ дни здоровья по нѣскольку часовъ въ сутки сиживалъ Семенъ Игнатьевичъ.

Теперь на бархатномъ креслѣ около его кровати дежурятъ поочередно то сидѣлка, старушка изъ монастыря, то дочь Семена Игнатьевича Маша, то дальняя родственница его, живущая въ домѣ въ качествѣ экономки, всѣми именуемая тетушкой и всѣми ненавидимая за свой злой нравъ.

Въ настоящее время Семенъ Игнатьевичъ чувствуетъ себя лучше и велѣлъ поднять на окнахъ шторы, бывшія спущенными уже нѣсколько недѣль.

— Папенька, — возразила Маша, — хорошо ли это будетъ, не повредитъ ли вамъ свѣтъ...

— Не повредитъ, Маша, открывай знай.

— Какъ угодно, — сухо говоритъ Маша, и идетъ открывать шторы и занавѣсы. Въ комнату врывается яркій свѣтъ солнца, идущаго къ закату, темнозеленая матерія портьеръ вдругъ разгорается яркимъ свѣтомъ, на стѣнахъ точно выступили изъ ихъ глубины и выдвинулись на поверхность портреты въ золоченыхъ рамахъ — на одномъ самъ Семенъ Игнатьевичъ, а на другомъ полная краснощекая барыня, въ чепчикѣ съ широчайшими лентами, — супруга Семена Игнатьевича, давно уже покоящаяся сномъ праведныхъ.

Семенъ Игнатьевичъ доволенъ свѣтомъ солнца, такъ хорошо отразившагося въ его комнатѣ, и по его исхудалому лицу пробѣгаетъ счастливая улыбка.

— Видишь, Маша, какъ хорошо, — расчудесное дѣло — а то вдругъ, говоришь, повредитъ...

— Докторъ говоритъ такъ, — сухо отвѣчаетъ дочь и молча садится на кресло около кровати.

— Докторъ, докторъ! Чего они, эти самые доктора, знаютъ: деньги за визиты — только. Эту науку они очень хорошо знаютъ.

Семенъ Игнатьевичъ уже успѣлъ забыть, какимъ молитвеннымъ тономъ просилъ докторовъ о помощи, какъ хвалилъ ихъ усердіе и знаніе, когда ему впервые стало легче; а теперь уже все это улетѣло изъ его воспоминанія. Но Маша не забыла этого, и давно холодная къ отцу, по причинамъ, ей лишь одной извѣст-

нымъ, она теперь еще болѣе чувствуетъ къ нему отчужденности и за то, что онъ такъ скоро измѣнилъ свое мнѣніе о докторахъ.

— У васъ, папенька, память нѣсколько ослабѣла, — сухо замѣтила она.

— Ну, ну, поменьше, Маша, говори, поменьше говори: у кого изъ насъ память короче—я знаю безъ тебя.

Онъ и самъ не особенно близокъ къ дочери: женское это сословіе—народъ непостоянный; пой ихъ, корми, да еще и мужа имъ найди, и приданое дай. Такъ отзывается онъ и смотритъ на дочь почти безучастно.

«Оно, конечно, бываетъ удача и съ дочерями,—думаетъ онъ, взглядывая по временамъ на Машу:—иной разъ выгораетъ чудесный случай—присватается такой женихъ, что и цѣны ему опредѣлить нельзя, либо богачъ несмѣтный, либо вліятельный въ Питерѣ, а это подъ-часъ дороже и богатства... Да вѣдь за мою Машу такой не посватается: она не то что бы «рыломъ не вышла», ничего себѣ, на покойницу свою мать похожа, да нравъ худой, нравъ材材материнъ, груба, ласки нѣтъ, на слова скупа, какова была и покойница мать. Ну, да мать все же лучше дочери была».

Онъ уныло взглядываетъ изъ-за своихъ подушекъ на Машу, потомъ холодно отводитъ отъ нея глаза, но ненадолго: замѣтно, что многосложные проекты, касающіеся его торговыхъ дѣлъ, не захватили окончательно его думъ, оказалось въ нихъ мѣсто и думамъ о дочери. Снова его взглядъ останавливается на ея сосредоточенномъ лицѣ и онъ не то съ упрекомъ, не то съ сожалѣніемъ говоритъ:

— Вотъ, Маша, не захотѣла тогда выдти замужъ. А женихъ былъ хорошій, надежный. Прожила бы жизнь и въ богатствѣ, и въ почетѣ.

Маша вопросительно на него взглядываетъ, точно удивляется, съ чего это онъ опять заговорилъ объ этомъ.

— И чудесно бы прожила,—повторяетъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Богъ съ нимъ, онъ мнѣ не нравился.

— Такъ-то такъ... Оно, конечно, не неволить же... А вотъ теперь я хвораю... Упаси Богъ, помру—что тогда?

Маша опять вопросительно взглядываетъ на него и тихо отвѣчаетъ:

— Богъ дастъ, поправитесь.

— Да, да, дай Богъ, дай Богъ!.. Дай-ка выпить, сохнетъ въ горлѣ.

Она молча подала ему воды съ лимономъ и молча поставила опять на столъ, когда онъ отхлебнулъ нѣсколько глотковъ.

Безсильно опустившись на подушки, послѣ того какъ поднимался на локоть, глотая воду, онъ полежалъ нѣкоторое время съ закрытыми глазами и потомъ снова сказалъ:

— Ну, а если я, Маша, не поправлюсь. — Безъ меня тебѣ богатаго жениха не найти.

— Зачѣмъ богатаго?

— Толкуй съ тобой! А какъ безъ богатства жить? Не знаешь ты жизни и говоришь несообразное. Нынче какой вѣкъ! — все на деньгахъ. Безъ нихъ по нонѣшнему времени намаешься, заклюютъ тебя всѣ.

— Нѣтъ, я несогласна...

— Съ чѣмъ несогласна? Что̀ ты хочешь сказать?

Маша въ нерѣшительности посмотрѣла на отца, видимо колеблясь: говорить ли то, что̀ она думаетъ, или лучше промолчать. Пожалуй, думала она, ея отвѣтъ будетъ ему непріятенъ и повредитъ ходу болѣзни.

— Съ чѣмъ ты несогласна, Маша?—переспросилъ онъ, хмурясь.

— Нѣтъ, я такъ, о другомъ...

— Разговаривай! Развѣ, думаешь, я хуже сталъ видѣть, чѣмъ раньше до болѣзни?.. Напрасно ты это думаешь. Я вижу, чудесно вижу, что̀ у тебя на умѣ.

Она улыбнулась и, тихо поправивъ на колѣняхъ складку платья, почти шопотомъ отвѣтила.

— Если знаете, такъ зачѣмъ же спрашиваете?

— Вотъ этотъ твой нравъ, Маша, меня всего больше и огорчаетъ. Далеко ты съ нимъ не пойдешь.

— Куда идти?

— Видишь, какъ ты отвѣчаешь. Вѣдь и философію твою я тоже довольно достаточно понимаю. Говоришь ты, куда идти, т.-е., значитъ, на счетъ того, напримѣръ, что всѣ къ одному мѣсту придемъ. Такъ, что ли?

— Да.

— Это ты по-монашески толкуешь. Къ сосѣду бы тебя моему въ гости, тамъ на счетъ святости просторно.

— Я не о святости.

Онъ, чувствуя нѣкоторое облегченіе отъ своей болѣзни, приподнялся на локоть и попросилъ поправить ему подушки. Маша исполнила что̀ было нужно и опять молча усѣлась въ свое кресло.

— Ежели, Маша, не о святости, то какія же такія эти самыя твои слова?

— Зачѣмъ говорить? Вы со мной не согласитесь.

— Какъ не соглашусь; если ты, напримѣръ, умное что̀ мнѣ разскажешь, такъ неужли-жъ я завѣдомо буду упираться.

— Умное, папенька, не для всѣхъ одинаково. По-моему — умно, по-вашему — глупо.

— Ну, мудрено что-то.

Прошло нѣсколько времени въ молчаніи. Семенъ Игнатьевичъ ждалъ, что̀ первая заговоритъ Маша, но она не ждала, чтобы заговорилъ отецъ. Самое лучшее, по ея мнѣнію, было бы прекратить такой разговоръ. Еще прежде, до начала болѣзни отца, когда она кончала курсъ въ мѣстной женской гимназіи, ей приходилось не разъ говорить съ отцомъ на эту же тэму, и не разъ тогда отецъ пытливо на нее посматривалъ и думалъ про себя: «времена не тѣ». Не разъ онъ громко оспоривалъ ее и въ концѣ-концовъ приказывалъ замолчать. Теперь, заговоривъ съ дочерью по поводу ея будущей участи, онъ не замѣтилъ, какъ разговоръ снова попалъ на непріятную для него тэму. Но теперь онъ не сердился, чувствуя облегченіе отъ болѣзни, и продолжалъ разговоръ именно потому же, что ему было легче.

— Я знаю, Маша, ты у меня умная, только съ такимъ умомъ люди счастливы не бываютъ. Да, повѣрь мнѣ. Я больше твоего прожилъ на свѣтѣ.

— У каждаго, папенька, свое счастіе.

— Ну, такъ что же?

— Я буду искать своего.

— И не найдешь, Маша. Попадется хорошій человѣкъ, женится — другое дѣло. Не попадется — просидишь въ дѣвкахъ.

— Такъ развѣ счастіе только въ замужствѣ?

— А то какъ же? Неужли-жъ до старости въ дѣвкахъ сидѣть?..

— Отчего же нѣтъ? Что же тутъ такого... постыднаго? Я даже желаю этого...

— Пустое дѣло! Такъ жизнь промаешься, себѣ въ тягость, да и другимъ не на радость.

— Не думаю.

— Да, ужъ думай не думай, это вѣрно...

Онъ внимательнымъ и долгимъ взглядомъ окинулъ ее, думая: спорщица изъ нея выйдетъ здоровенная, если мужъ плохонькой попадется...

— Вы обо мнѣ не заботьтесь: я вамъ въ тягость не буду.

— Отчего не заботиться: Богъ дастъ, поправлюсь вотъ, ну, и

не оставлю же тебя, авось попадется человѣкъ тебѣ по душѣ... Отчего-жъ, Маша, не позаботиться, вѣдь я тоже, чай, отецъ...

— Благодарю васъ... Но я бы просила не заботиться. Я какъ-нибудь такъ... Какъ-нибудь — сама...

— Что же такое это, нашла себѣ жениха, что-ли?

— Нѣтъ, другое... Я не хочу, чтобы обо мнѣ заботились...

— Чего же ты хочешь-то, что тебѣ нужно?

Маша помолчала, опять колеблясь въ отношеніи отвѣта и затѣмъ тихо проговорила:

— Я хочу самостоятельности...

Семенъ Игнатьевичъ улыбнулся и съ сожалѣніемъ въ голосѣ отвѣчалъ:

— Безъ денегъ-то?

— Деньги даетъ умъ, такъ вы сами говорили...

— Это правда, правда...

— Но не каждый стремится къ деньгамъ, къ почету.

Она бросила на отца пытливый взглядъ, не рѣшаясь—продолжать ли ей или остановиться. Отецъ какъ-бы замѣтилъ это и прекратилъ разговоръ, холодно сказавъ:

— Усталъ.

Маша еще разъ бросила на него вопросительный взглядъ и замолчала. Наступилъ часъ принимать лекарство. Она подала его, не прерывая молчанія. Семенъ Игнатьевичъ между тѣмъ думалъ.

«Время-то нынче какое, Господи, время-то какое! Дѣвицы въ ученые люди мѣтятъ. Науку въ голову забрали, съ книжками знакомство ведутъ... А вѣдь знаютъ что̀, вѣдь знаютъ только то, что̀ въ книжкахъ,—настоящаго, вѣдь, дѣла не смыслятъ. Книжка-то она, можетъ быть, другая и хорошая, да и какъ не быть хорошимъ книжкамъ—мало ли умнаго и ученаго народу, да, вѣдь, книжку-то нужно понять въ настоящемъ видѣ. Вѣдь она заставляетъ человѣка своей головой работать, а какая голова—вотъ хоть бы у ней»...

Онъ мелькомъ бросилъ взглядъ на Машу и точно въ первый разъ замѣтилъ ея костюмъ.

«Положимъ, она скромная», думалъ онъ, «да вѣдь эта нынѣшняя скромность не прежняя. Вѣдь это все не то, совсѣмъ другая статья. Та̀къ, баловство какое-то, мода-ли — Богъ ихъ знаетъ. Ученье оно, конечно, хорошо,—кто говоритъ, дѣло хорошее... Да, вѣдь, хорошо для того, кому оно нужно, то-есть ежели вполнѣ, въ настоящемъ видѣ; а Машѣ-то моей зачѣмъ? Зачѣмъ ей въ науку залѣзать по уши? Не ея ума это дѣло, да и не

идетъ по нашему сословію. Получила свое образованіе, знаетъ все, чтò нужно въ хорошемъ обществѣ,—иди замужъ, живи себѣ припѣваючи... Нѣтъ, не тѣ времена, не тѣ, не наши... А тутъ еще и съ сыномъ горе, хотя и совсѣмъ другого сорту: и хорошій, и дѣльный, а все мелокъ, мелко плаваетъ».

Разговоръ между отцомъ и дочерью болѣе не возобновлялся. Не будь отецъ серьёзно боленъ, не такой бы разговоръ повела съ нимъ Маша, она бы не сдерживалась такъ въ своихъ словахъ, а отвѣчала бы смѣло и, можетъ быть, рѣшительно бы высказала все, чтó думала и чтó рѣшилась осуществить при первомъ же удобномъ случаѣ. Къ своему окончательному рѣшенію она пришла, впрочемъ, еще не очень давно. Не замѣчали до сихъ поръ ни отецъ, ни братъ, ни злая тетушка, къ чему готовится Маша, да и замѣтить, впрочемъ, было трудно, такъ какъ видимыхъ приготовленій никакихъ почти не было у ней, а по образу ея мыслей и разговоровъ они пока не могли составить опредѣленнаго понятія объ ея стремленіяхъ. Любитъ дѣвушка книжками заниматься, ведетъ себя тихо, никому не мѣшаетъ—и слава Богу. Если ей не мѣшать, то и день незамѣтно проходитъ. Брату, казалось, не было до нея никакого дѣла, а отецъ, занятый своими торговыми соображеніями, думалъ одно: «былъ женихъ хорошій—не пошла; пусть ждетъ другого, дождется—хорошо, не дождется—ея дѣло».

У Маши, между тѣмъ, на умѣ былъ вовсе не женихъ. Она давнымъ-давно уже плѣнилась разсказами о женскихъ курсахъ, бредитъ ими во снѣ и на яву—и рвется въ Петербургъ. Пока никому ни слова Маша не передаетъ о своихъ замыслахъ, думаетъ—рано, не нужно говорить—только напрасные тревоги и споры; вотъ придетъ время, тогда скажу.

Маша не знала положенія дѣлъ отца, т.-е. собственно сложности ихъ и нѣкоторой, начинавшей въ послѣднее время чаще обнаруживаться, неровности. Но давно ею замѣчено, что въ характерѣ этихъ дѣлъ есть много такого, чтó отчуждало ее отъ родного дома, и вся его богатая обстановка становилась ей, такъ сказать, поперекъ горла. Маша росла сиротой, оставшись отъ матери семи лѣтъ. Ласки она не знала—и это несомнѣнно имѣло нѣкоторое вліяніе на складъ ея характера.

Теперь, сидя у постели больного и исполняя безмолвно все то, чтò нужно было для него, она мыслью своею была не тутъ, въ богатомъ домѣ ея отца, первомъ по красотѣ своей въ городѣ Малиновскѣ, а далеко отъ него, тамъ, въ той маленькой комнаткѣ на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ, о которой ей такъ увлекательно разсказывали еще недавно подруги. Семенъ Игнатьевичъ

лежитъ въ дремотѣ и своими думами переносится отъ одного сложнаго торговаго дѣла къ другому, а Маша и забыла о немъ: она тамъ, въ далекомъ огромномъ городѣ, исчезла въ его милліонномъ населеніи, невидимая никѣмъ изъ лицъ, такъ ей надоѣвшихъ въ противномъ Малиновскѣ, уже слушаетъ лекціи на женскихъ курсахъ. И все то, что̀ ей разсказывали подруги, все то она теперь сама переживаетъ и видитъ во-очію, пока не придетъ ее смѣнить у постели больного тетушка.

VI.

Востроносая тетушка, дежурившая иногда у постели Семена Игнатьевича, имѣла, между прочимъ, замѣчательное свойство: она не могла одной минуты посидѣть спокойно на мѣстѣ.

Такъ и теперь, сидя у постели больного, она то вертитъ головой, то уставитъ глаза прямо на лицо Семена Игнатьевича, то ее займетъ потолокъ, и она задираетъ глаза кверху, Богъ знаетъ что̀ тамъ разсматривая. Стòитъ только Семену Игнатьевичу сдѣлать какое-нибудь движеніе, она уже вздрагиваетъ, вертится на своемъ мѣстѣ, пугливо смотритъ на больного, готовясь поймать его желаніе и услужить.

Семенъ Игнатьевичъ, наконецъ, замѣчаетъ ей, сердито хмурясь:

— Ты, Карповна, сидишь точно на шилѣ.

— Ахъ, голубчикъ мой, Семенъ Игнатьевичъ, да я все какъ бы тебѣ услужить, какъ бы, родной мой, чтобы только тебѣ полегчало...

Шопотъ ея и усиливающіяся еще болѣе тревожныя движенія въ креслѣ безпокоятъ Семена Игнатьевича и онъ дѣлаетъ движеніе рукою, заставляя этимъ замолчать Лимону Карповну.

Настоящее имя Лимоны Карповны собственно Матрена Карповна, но это послѣднее почти утрачено ею съ того времени, когда гдѣ-то въ гостяхъ хозяйка, угощая ее чаемъ, спуталась въ словахъ и, вмѣсто того, чтобы сказать: «да вы, Матрена Карповна, выкушайте съ лимончикомъ»—сказала: «вы бы, Лимона Карповна, съ матренчикомъ». Хотя съ того времени и таитъ Матрена Карповна безконечную злобу на неповинную купчиху за ея оплошность, но возвратить себѣ прежняго имени не можетъ.

Въ настоящее время молчать для Лимоны Карповны, и въ особенности тихо сидѣть въ креслѣ большая пытка, но волей-неволей она ее переноситъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда Семенъ Игнатьевичъ лежитъ съ открытыми глазами. Лишь только

онъ сомкнетъ ихъ и начнетъ нѣсколько забываться въ дремотѣ— Лимона Карповна уже завертѣла головой во всѣ стороны, точно въ самомъ дѣлѣ она попала въ его кабинетъ въ первый разъ въ жизни.

Семенъ Игнатьевичъ открылъ глаза и нахмурился, должно быть, недовольный поведеніемъ Лимоны Карповны. Только-что онъ ей далъ знакъ рукой, указывая на то, чтобы зеленый абажуръ на свѣчѣ, стоявшей у его кровати, былъ поправленъ, какъ Лимона Карповна уже вскочила съ мѣста и совалась во всѣ стороны, точно помѣшанная и шипѣла своимъ рѣзкимъ непріятнымъ шопотомъ, приговаривая къ каждому слову: ахъ, мой голубчикъ, ахъ, соколикъ! Но та цѣль, которой думала достичь этими возгласами Лимона, только все далѣе отъ нея уходила. Семенъ Игнатьевичъ хмурился и наконецъ проворчалъ:

— Лимона, замолчи!

Лимона Карповна сразу смолкла, но видно было, какую пытку она теперь несетъ, будучи осуждена на молчаніе.

Пытка эта еще болѣе увеличивалась и тѣмъ, что вертѣть головой и ворочаться въ креслѣ ей было нельзя: Семенъ Игнатьевичъ пересталъ дремать и лежалъ все время съ открытыми глазами.

«Что это, Господи, онъ не дремлетъ», думала она, боязливо по временамъ взглядывая на него: «такъ-то вотъ тутъ и томись, а глаза-то у него что твои шпаги, такъ вотъ въ сердце и вонзаются».

Медленно тянется время; слышно, какъ большіе часы, висящіе на стѣнѣ у письменнаго стола, отбиваютъ ударъ за ударомъ и какъ вслѣдъ за этими равномѣрными ударами бѣгутъ частые и едва слышные звуки карманныхъ часовъ. Семенъ Игнатьевичъ лежитъ на спинѣ, уставивъ глаза на Лимону Карповну и, конечно, не ея пришибленную фигуру видитъ онъ передъ собой. Мысли его далеко отъ Малиновска и переносятся отъ одного торговаго дѣла къ другому, изъ города въ городъ.

— Ну-ка, Карповна, приподними мнѣ немного подушки. Я усталъ такъ-то лежать...

— А, сейчасъ, голубчикъ ты мой дорогой, батюшка ты мой сердечный... А вотъ такъ, вотъ этакъ... вотъ такъ... вотъ этакъ-то тебѣ будетъ вольготнѣе... Отецъ ты мой!—такъ лепетала Лимона Карповна, поправляя подушки и суетясь болѣе чѣмъ нужно.

— Карповна, молчи! Дѣло дѣлай, а молчи, — сердито промычалъ Семенъ Игнатьевичъ.

Сжала опять свои сухія губы Лимона Карповна, сморщила

ихъ въ комочекъ и въ видѣ скромнѣйшей и благонравнѣйшей дѣвицы изъ пансіона усѣлась на креслѣ, смотря въ полъ.

Раннее лѣтнее утро начинало пробираться въ комнату сквозь спущенныя шторы и занавѣсы. Откуда-то доносился крикъ пѣтуха, слѣдомъ за которымъ послышался другой, третій — и пошла ихъ непрерывная перекличка. Спустя нѣсколько времени, свѣтъ начинающагося дня уже окончательно преодолѣлъ тьму ночи и съ колокольни сосѣдней церкви раздался звонъ къ заутрени. Слышно было вслѣдъ за этимъ, какъ заскрипѣли ворота сосѣдняго дома и старая костлявая лошадь Кузьмы Ильича поволокла массивныя старинныя дрожки вдоль по улицѣ по направленію къ церкви, и дрожки эти, скрипя и треща, медленно протащились мимо дома Семена Игнатьевича, точно жалуясь на непомѣрный грузъ, навалившійся на нихъ въ видѣ огромной фигуры Кузьмы Ильича. Эти каждодневные поѣзды сосѣда къ заутрени не разъ видалъ Семенъ Игнатьевичъ и прежде во время своего здороваго состоянія, когда, обдѣлывая различныя свои торговыя дѣла, засиживался за письменнымъ столомъ до разсвѣта. Послѣ того, какъ проѣхалъ Кузьма Ильичъ, звуки съ улицы начали доносится чаще и чаще, потянулись бочки за водой, послышался различный говоръ, мычаніе коровъ, угоняемыхъ въ поле — и тишина ночи окончательно разсѣялась. Лимона Карповна догадалась, что теперь, когда сквозь шторы и занавѣсы уже въ значительной степени проникаетъ дневной свѣтъ, — загасила лампу и раздвинула оконныя занавѣсы, оставивъ спущенными только однѣ шторы.

— Ну, слава Богу, ночь прошла, — вздохнулъ Семенъ Игнатьевичъ, туша лѣвой рукой свѣчу на столикѣ около своей кровати.

— Утро, родной мой, да какое ясное и теплое надо быть. И дай только Господи, тебѣ-то, нашъ голубчикъ, благодѣтель нашъ... Дай только тебѣ Господи, кормилецъ ты нашъ...

— Карповна, молчи!..

Опять замолкъ шипящій шопотъ Семена Игнатьевича, опять онъ лежитъ и смотритъ прямо въ лицо Лимонѣ Карповнѣ, пугающейся этого взгляда и не знающей того, что Семену Игнатьевичу вовсе не видно ея лица, хотя онъ и смотритъ на него. На этомъ желтомъ, сморщенномъ и весьма близко похожемъ на старую грецкую губку лицѣ онъ видитъ какіе-то векселя, какіе-то передаточные бланки, которые, исчезая одинъ за другимъ, замѣняются потомъ недовольными хмурыми лицами разныхъ векселедержателей и бланконадписателей, жаждущихъ уплаты вексельной суммы. Принимаетъ Семенъ Игнатьевичъ время отъ времени лекарство, морщится и сердито отталкиваетъ отъ себя пу-

стую ложку, послѣ того какъ противная жидкость, бывшая въ ней, проглатывается имъ съ сильнѣйшимъ отвращеніемъ.

«Чортъ съ ними, пускай пичкаютъ, чѣмъ хотятъ, только бы мнѣ поправиться», думаетъ онъ, «теперь бы надо въ Рыбинскъ ѣхать... Хлѣбы бы, можетъ быть, продалъ... Ежели урожаи пойдутъ, тогда, пожалуй, еще и упадетъ цѣна-то... А тутъ вотъ хворай»...

Семенъ Игнатьевичъ оправился на своихъ подушкахъ и, откинувъ отъ себя лѣвую руку, сталъ барабанить ея пальцами по стѣнѣ. Лимона Карповна вздрогнула и закашляла отъ испуга, непонимая чтó это вокругъ нея дѣлается, она только-что стала-было клевать своимъ птичьимъ носомъ, а тутъ какъ на грѣхъ Семенъ Игнатьевичъ вдругъ забарабанилъ рукой по стѣнѣ.

— Чтó, Карповна, дрогнула? Сонъ страшный увидала, да?— грустно улыбаясь, спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Нѣтъ, я не спала, голубчикъ, что вы, какъ можно! Смѣю ли я...

— Ну, ну ладно. Не спала, такъ не спала, и не о томъ вовсе рѣчь. Разсказывай-ка вотъ мнѣ лучше что-нибудь, а я послушаю, да подремлю... Да не охай и славословіе-то свое брось,— ворчливо добавилъ онъ.

— Ахъ, отецъ ты мой, соколикъ...—заахала она, привскакивая съ своего мѣста.

— Брось, говорю, славословіе-то свое, брось—не надо. Говори такъ что-нибудь,—ну, чтó тамъ въ городѣ, гдѣ какъ...

— Ахъ... да вотъ вдругъ-то вѣдь и не схватишься, все такъ изъ головы-то и выползнуло... Да что же я... Голубчикъ ты... благод... Да нѣтъ, нѣтъ, не то... Ахъ, да, вотъ что. Вспомнила, вспомнила.

Она усѣлась въ кресло, даже приловчилась нѣсколько поудобнѣе, прикасаясь своей спиной къ спинкѣ кресла, въ сознаніи того положенія, которое ей, по великой своей милости, предоставилъ теперь Семенъ Игнатьевичъ, губы ея сложились сначала въ комочекъ, глаза закрылись, руки оказались сложенными на груди, одна ладонь на другую—все это предшествовало сосредоточенію мыслей Лимоны Карповны, уже заранѣе наслаждавшейся удовольствіемъ отъ полученнаго разрѣшенія на разговоръ.

— И вотъ, изволишь знать, батюшка, Семенъ Игнатьевичъ, сосѣдъ нашъ съ лѣвой стороны, Кузьма Ильичъ Полозовъ, вчера послѣ заутрени прогналъ отъ себя сына старшаго-то, который у своей жены въ домѣ живетъ, прогналъ за то, что онъ не по-

спѣлъ въ свое время къ заутрени и сегодня тотъ все около воротъ стоялъ и ждалъ прощенія. Потому онъ человѣкъ бѣдный, дѣтей у него штукъ восемь и всѣхъ поить и кормить надо, а денегъ нѣтъ. Кузьма Ильичъ ворчалъ на него: Бога, говоритъ, забылъ, заутреню проспалъ... Ну, однако, говорятъ, простить хочетъ. Сынъ-то ужъ и самъ старикъ, а все около отца трется, да ручки цѣлуетъ, потому человѣкъ бѣдный, а у отца милліоны...

— О Кузьмѣ не говори, Карповна, противно мнѣ слышать,—перебилъ Семенъ Игнатьевичъ, и тотчасъ же и подумалъ: «богатъ, чортъ, а глупъ и взаймы не добьешься...»

Карповна завертѣлась на креслѣ во всѣ стороны, какъ рыба, попавшая живою на горячую сковороду, и опять оказалась въ совершенномъ затрудненіи относительно матеріаловъ; но вскорѣ, спохватившись, она снова продѣлала тотъ же приступъ, что сначала, т.-е. сложила губы въ комочекъ, закрыла глаза и, прижавъ ладони одна къ другой, притиснула руки къ своей высохшей какъ старый грибъ груди. Все это, видимо, было нужно для того, чтобы нѣсколько сосредоточить свои мысли. Но, сосредоточивъ свои мысли и открывъ глаза, она пытливо посмотрѣла на Семена Игнатьевича, думала, что, молъ, не попросить ли его на счетъ обѣщаннаго наслѣдства, однако, не рѣшилась и отбросила эту грѣшную мысль въ сторону и, опять прижавшись спиною къ спинкѣ кресла, начала:

— Сосѣдъ нашъ съ правой стороны, Устиновъ, и вмѣстѣ съ женой, ужъ дней пять сряду все навѣдываются къ намъ, все о вашемъ здоровьи разспрашиваютъ... Ужъ такъ они, голубчикъ мой, о васъ заботятся, такъ заботятся...

Семенъ Игнатьевичъ слегка нахмурилъ брови, припоминая:

— Когда это Устинову нужно платить? Кажется, въ сентябрѣ... да, двадцать тысячъ... да, банковые билеты взяты у нихъ для представленія залогомъ по подрядамъ... да!

— И какъ вамъ, батюшка мой, стало полегче-то и такъ они тогда хорошо вздыхали, и такъ это сердечно шептали: слава тебѣ Господи, слава тебѣ Господи!.. Видите, какъ васъ, соколикъ мой милый...

— Не славь, говорю, Карповна, не славь...

— Ахъ, ты, Господи! — всплеснула руками Лимона Карповна,—да вѣдь я настоящую, истинную, самую праведную правду вамъ говорю: приходили они, и оба приходили, и оба Господа Бога благодарили, радуясь вашему-то здоровью... И нашъ-то Петръ Семеновичъ, вотъ здѣсь около вашего кабинета,

вотъ тутъ въ залѣ, и чаемъ ихъ угощалъ, и очень, очень что-то такое имъ нашептывалъ... Все, должно быть, на счетъ вашего-то здоровья...

— Да, да, въ сентябрѣ... двадцать тысячъ—это вѣрно.

Карповна, видя, что попала на хорошую тэму, идя по которой не встрѣчаетъ препятствій, пошла впредь по ней смѣлѣе.

— Вы знаете, родной мой, батюшка, вѣдь они давнымъ-давно свое имѣніе-то спустили, да!... Деньжонки-то свои, говорятъ, кому-то убухали въ долгъ, а нынче, знаете, какой народъ-то, вѣдь только дай кому взаймы—находишься, да накланяешься за свое-то добро... Ну, вотъ попали денежки-то въ чужія лапы, теперь вытащить назадъ и нелегко будетъ...

— Карповна, молчи,—строго перебилъ Семенъ Игнатьевичъ, —дай тебѣ волю-то, нагородишь съ три-короба всякой всячины...

Разсказчица совсѣмъ растерялась, не понимая, что же это такое сдѣлалось съ Семеномъ Игнатьевичемъ и съ чего это вдругъ такъ ее оборвалъ.

— Пойди вонъ!—гнѣвно проговорилъ Семенъ Игнатьевичъ.

Карповна робко поднялась съ кресла и едва-едва могла выговорить:

— Батюшка, голубчикъ, если чѣмъ прогнѣвала... Но его гнѣвъ уже смягчился и онъ, почти смѣясь, замѣтилъ:

— Пошли на смѣну старуху. Устала, чай, болтать-то. Городишь несообразное.

Карповна съёжилась, сократилась до малѣйшихъ размѣровъ и, уже выйдя изъ кабинета, долго оставалась съёжившейся. Она недоумѣвала, чтò за причина такая заставила Семена Игнатьевича такъ на нее разгнѣваться.

— Сорока! — ворчалъ по ея уходѣ Семенъ Игнатьевичъ, недовольный ея послѣдними соображеніями на счетъ Устиновскихъ денегъ.

А Лимона Карповна въ это время, провожая старуху на смѣну себя въ кабинетъ, шипѣла надъ ея ухомъ:

— Ужъ такъ сердитъ, такъ сердитъ, что не приведи Богъ!

VII.

Утромъ слѣдующаго дня кабинетъ Семена Игнатьевича имѣлъ настоящій дѣловой характеръ. За письменнымъ столомъ сидѣлъ сынъ его Петръ Семеновичъ. Онъ сидѣлъ, сильно сгорбившись надъ бумагами, которыхъ большую пачку самъ же принесъ въ

комнату отца. Въ бумагахъ, какъ видно, оказывалось много непріятныхъ извѣстій, о чемъ можно было заключить изъ того, что Петръ Семеновичъ, перебирая ихъ, хмурился и ворчалъ. Семенъ Игнатьевичъ тоже былъ въ мрачномъ настроеніи духа и даже охалъ по-временамъ, жалуясь на усиленіе боли около сердца.

— Ну, Петруха, читай дальше. Что еще тамъ есть...

— Вотъ пишутъ на счетъ цѣнъ хлѣба въ Рыбинскѣ... Не очень тоже утѣшительно.

— Какъ же такъ-то? Вѣдь на урожаи виды ненадежные?

— Трудно судить, батюшка, дѣло закрытое, а что цѣна на хлѣбъ идетъ не въ гору, а подъ-гору—это вѣрно.

— Да, Петруха, ежели такъ-то будетъ все спускаться, пожалуй, вмѣсто барыша-то и убытки схватимъ...

Сынъ молчалъ и хмурился.

Долго еще потомъ Петръ Семеновичъ говорилъ отцу о положеніи текущихъ дѣлъ, о планахъ къ выполненію предстоящихъ впереди, о томъ, кого и куда изъ довѣренныхъ предполагаетъ отправить и кто уже отправился въ путь на баржахъ съ грузами, слѣдовавшими въ Рыбинскъ за пароходомъ и т. д. Бесѣда ихъ въ общемъ имѣла характеръ грустный, что отчасти зависѣло и отъ состоянія здоровья Семена Игнатьевича и отъ положенія его торговыхъ дѣлъ въ данное время. Видно было, что Петръ Семеновичъ еще имѣетъ что-то сказать отцу, но удерживается, какъ-будто опасаясь, не растревожить бы его этимъ. Онъ то посмотритъ исподлобья, то искоса поведетъ на него глазами, точно сомнѣвается, говорить ли отцу задуманное. Семенъ Игнатьевичъ, несмотря на болѣзнь, сохранялъ еще во всей цѣлости всѣ свои духовныя силы и уловилъ пытливый взглядъ сына.

— Что ты, Петруха, какъ на меня смотришь?

— Я, ничего...

— Какъ ничего, не отговаривайся, я вижу. Говори прямо, въ чемъ дѣло.

— Дѣло такое, батюшка, щекотливое. Пожалуй, вы подумаете и не вѣсть что; а оно, если разсудить, такъ необходимо... иначе можетъ выдти исторія.

— Да ты небольно разводи горохъ-то, чего запинаешься, говори прямѣе.

— Прямо-то говорить тоже не очень ловко, — улыбнувшись, сказалъ сынъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Я хотѣлъ бы... Видите ли, въ видахъ нашихъ же тор-

говыхъ интересовъ одну штуку устроить. Оно было бы полезно и въ томъ случаѣ, когда вы, Богъ дастъ, поправитесь...

— Ежели для дѣла полезно, такъ чего же волкомъ-то смотрѣть—говори прямо...

— Нужно-бы, батюшка, видите-ли... Да это совсѣмъ не простое дѣло, его такъ вамъ и разсказать нельзя: не выйдетъ, значитъ, толку. Надо говорить обстоятельнѣе, чтобы вы узнали сначала, что къ чему...

Отецъ сморщилъ свой открытый лобъ, недовольный словами сына. Должно полагать, подумалъ онъ, опять какая-нибудь неудача въ дѣлахъ, а то съ чего бы бобы-то ему разводить...

— Ну-ка, поправь мнѣ, Петръ, въ ногахъ: зябнутъ; заверни покруче... Да говори, что-ли, не путай, такъ только—напрасно томишь.

— Вы не томитесь—скажу вамъ не худое и для дѣла оно будетъ полезное,—утѣшалъ Петръ, укутывая ноги отца.

— Скажу, скажу, а самъ тянешь, точно слѣпого черезъ жордочку... Ну, что такое, говори...

— Нужно бы... духовное завѣщаніе...,—сказалъ сынъ, понизивъ голосъ, и потомъ, замѣтивъ, что отецъ сильно нахмурился, поспѣшно добавилъ:—не на случай смерти, не на случай смерти, а по торговымъ разсчетамъ...

— Ну, Петръ, видно я очень расхворался, что никакъ не могу понять, къ чему ты все это толкуешь...

— Ничуть не сильно вы расхворались и вы понимаете, къ чему я говорю... Болѣзнь ваша, можно сказать, ужъ и на исходѣ, и скоро вы сами будете на своихъ ногахъ, а только надо духовное завѣщаніе, хорошо оно для торговыхъ дѣлъ нашихъ; всякій будетъ знать, въ какомъ положеніи они находятся.

— Ну, если будутъ знать въ какомъ положеніи, то тутъ мало хорошаго, Петруха,—иронически замѣтилъ отецъ.

— Мы ихъ покажемъ въ лучшемъ видѣ, въ наслѣдство назначимъ большой капиталъ... будто-бы изъ наличности, хранящейся у васъ въ банковыхъ билетахъ...

Семенъ Игнатьевичъ широко раскрылъ глаза и внимательно посмотрѣлъ на сына въ то время, какъ онъ, договоривъ свои послѣднія слова, скромно потупился, склонивъ голову.

— Эго, Петръ, пожалуй... Оно, разумѣется, можетъ сильно поднять мнѣніе... Только будто какъ-то не ловко. Вѣдь все же духовное завѣщаніе... Вѣдь это предсмертное слово...

Сынъ подошелъ къ кровати и, быстро придвинувъ кресло

поближе къ больному, заговорилъ шипящимъ шопотомъ, какимъ недавно еще шипѣла Карповна.

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что здоровье ваше въ опасномъ положеніи?—горячо шепталъ онъ, вѣдь вы же сами сознаете, что оно поправляется. Давно ли вы были еще почти безъ сознанія, ничего не пили, не ѣли, кромѣ лекарствъ, а теперь вотъ уже нѣсколько дней и чай, и булку, и бульонъ... Совсѣмъ это напрасно съ вашей стороны боязнь такая... А ежели мы такое-то завѣщаніе составимъ, да законнымъ порядкомъ засвидѣтельствуемъ,—всѣмъ въ глаза пыль пустимъ и кредитъ нашъ будетъ крѣпко держаться...

Имѣлъ въ виду Петръ Семеновичъ сказать и еще кое-что для болѣе яснаго развитія своей мысли, но нашелъ неудобнымъ. Для этой ясности потребовалось бы упомянуть и о томъ, что въ случаѣ смерти отца Петру Семеновичу будетъ легче дѣйствовать въ торговыхъ дѣлахъ: всюду распространится слухъ, что онъ получилъ большое наслѣдство. Понятно, что было своего рода неудобство въ употребленіи словъ: «въ случаѣ смерти», неловко было говорить ихъ больному, и Петръ Семеновичъ всю силу своего шопота посвятилъ на то, чтобы доказывать ему пользу составленія такого завѣщанія для него же самого.

— Ну, ну ладно ужъ...—перебилъ отецъ рѣчь сына,—вотъ кстати и докторъ... Онъ, надо быть, стучитъ въ дверь-то пальцемъ... Онъ, надо быть...

Семенъ Игнатьевичъ обрадовался его приходу, даже болѣе, чѣмъ это всегда бывало, а теперь въ особенности потому, что разговоръ о духовномъ завѣщаніи нѣсколько разстроилъ его расположеніе духа.

— Войдите, войдите,—поспѣшно проговорилъ сынъ, вставая съ кресла и отодвигая его на прежнее мѣсто.

Докторъ въ своемъ неизмѣнномъ вицъ-мундирѣ показался въ двери кабинета. Пріотворивъ ее на половину, онъ бокомъ вошелъ въ комнату и, чувствуя, что на пути чрезъ узкій проходъ, имъ же самимъ устроенный въ дверяхъ, задѣлъ животомъ другую половинку двери,—моментально оглянулъ ее чрезъ очки, точно подумавъ: «экая ты какая неуступчивая», и почистилъ рукою задѣтое мѣсто. Въ комнатѣ съ его появленіемъ распространился запахъ аптеки, несмотря на то, что у Семена Игнатьевича на столикѣ предъ кроватью аптечнаго запаха было и безъ того достаточно.

— Ну-съ, что, какъ наши сердца?—весело проговорилъ докторъ, поправляя свои очки и приготовляясь подойти къ больному.

— Пожалуйте, докторъ, пожалуйте сюда за портьеру,—приглашалъ Петръ Семеновичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, нужно дать нѣсколько времени установиться воздуху; я съ улицы.

Хотя на дворѣ было не только тепло, но даже жарко, но докторъ все-таки находилъ нужнымъ нѣкоторое время по приходѣ къ больному быть отъ него въ почтительномъ разстояніи, сохраняя эту привычку отъ зимы до зимы.

— Ну-съ, Семенъ Игнатьевичъ, будемъ наблюдать ваше сердце, какъ оно поживаетъ и что подѣлываетъ...

Докторъ былъ веселъ и еще нѣсколько минутъ пошутилъ, приготовляясь выслушивать грудь Семена Игнатьевича, но потомъ, послѣ этого выслушиванья, тонъ его разговора съ-разу измѣнился. Правда, онъ старался поддержать себя въ прежнемъ тонѣ и до нѣкоторой степени его выдерживалъ, но все-таки замѣтно было, что это уже не тотъ тонъ, которымъ онъ говорилъ при входѣ къ больному, а другой, неестественный.

— Ничего, ничего,—успокоивалъ онъ, протирая платкомъ свои золотые очки, все идетъ по порядку.—Семенъ Игнатьевичъ и самъ любитъ порядокъ... Правда вѣдь, а? Семенъ Игнатьевичъ, истинно я глаголю?

— Полно вамъ болтать-то. Говорите лучше толкомъ: что-то вотъ я чувствую какъ будто мнѣ около сердца...

— Больно, да, и острая такая боль, да?—пытливо глядя чрезъ очки, разспрашивалъ докторъ.

— Да, очень чувствительно...

— Гм... гм... это хорошо,—мычалъ докторъ, это хорошо... Ну, а дыханіе какъ, затрудняетъ, если когда вы посильнѣе вздохнете? Такъ, если во всю грудь—затрудняетъ?

— Да, во всю грудь не могу... больно...

— Гм... гм... Это хорошо... это хорошо...

— Чего же хорошаго, когда больно?

— Ничего, ничего, Семенъ Игнатьевичъ, терпи, знаешь, —сказано: претерпѣвый до конца... Хе, хе, хе... Ну, что дѣлать! вижу, хмуришься... да ужъ ничего, братъ, не подѣлаешь. Вотъ я тебѣ еще пропишу мази, она облегчитъ, и все будетъ въ порядкѣ.

Докторъ усѣлся за письменный столъ, причемъ Петръ Семеновичъ поспѣшно сдвинулъ въ сторону всѣ бумаги и очистилъ ему мѣсто. Составляя рецептъ, докторъ искалъ глазами встрѣтиться съ Петромъ Семеновичемъ и, встрѣтившись, мигнулъ ему, показывая на дверь. Тотъ понялъ, что это значитъ, и сталъ под-

бирать бумаги, опасаясь, не замѣтилъ бы Семенъ Игнатьевичъ ихъ перемигиваній.

— Ну-съ, все хорошо... Это все въ порядкѣ,—заявилъ докторъ, окончивъ свой рецептъ и затѣмъ сталъ раскачиваться въ креслѣ изъ стороны въ сторону и растирать себѣ по привычкѣ правое колѣно, что̀ дѣлалъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда размышлялъ о ходѣ болѣзни своего паціента.

— Итакъ, порѣшилъ онъ, окончивъ свое растиранье и вставая съ мѣста,—вотъ отъ этой мази вы получите облегченіе отъ боли; ну, а дыханіе свободнѣе будетъ, если на нѣсколько времени отложите свои занятія... Уменьшите ихъ, и если можно, совсѣмъ оставьте на время... А тамъ—увидимъ...

Онъ простился и вышелъ изъ кабинета съ тою же осторожностью, съ какою и вошелъ въ него.

— Я, батюшка, сейчасъ... Надо же его проводить,—заботливо прошепталъ Петръ Семеновичъ и вышелъ въ залъ.

Докторъ ждалъ его, но только не у дверей кабинета, а въ передней и уже успѣвъ накинуть на плечи пальто.

— Вы устраните его отъ дѣлъ, вредно это: если я не ошибаюсь, то ему скоро опять будетъ трудно...

Докторъ прошепталъ эти слова, смотря на Петра Семеновича чрезъ очки, и, сердито нахмурившись, быстро добавилъ: вечеромъ я заѣду—и прошмыгнулъ въ дверь на лѣстницу.

— Вотъ тебѣ и на!—развелъ руками Петръ Семеновичъ, и скорыми шагами вернулся къ отцу.

— Ну, что̀ онъ говоритъ, Петруха, а?—заботливо спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Ничего, говоритъ, только нужно спокойствіе, чтобы не тревожиться.

— Да, хорошо ему говорить-то... Знай себѣ, строчи рецепты, а облегченіе-то еще все только обѣщаетъ...

Петръ Семеновичъ старался его успокоить и главнымъ образомъ навести на тѣ разговоры, которые оборвались приходомъ доктора.

— Вотъ что̀, Петръ,—неожиданно прервалъ самъ отецъ, духовное завѣщаніе тамъ... какъ самъ знаешь... Ты безъ того полный наслѣдникъ... Только вотъ видишь ты, что̀ я тебѣ скажу: ты еще человѣкъ молодой, ну, и все же, хоть и умный и дѣльный, а все же еще молодой—опыта настоящаго нѣту. Завѣщаніе оно... конечно... подниметъ кредитъ, да, смотри, вѣдь сильно зарваться можно. Надо осторожнѣе... кредитъ все равно что ножъ, съ обѣихъ сторонъ острый. Можно обрѣзаться... Такъ-то...

А оно, конечно, что же... духовное завѣщаніе, ничего... Пожалуй... Такъ-то...

Теперь стало замѣтно, что пришла очередь что-то сказать и Семену Игнатьевичу и онъ самъ какъ будто стѣснялся чѣмъ-то и хочетъ о чемъ-то разсказать сокровенномъ, а не можетъ. Петръ Семеновичъ давно уже замѣтилъ это колебаніе и уловилъ, что отецъ говоритъ совсѣмъ не то, о чемъ думаетъ, а такъ только что-то плететъ, не рѣшаясь сказать всего нужнаго съ-разу.

— Видишь-ли, я замѣтилъ, докторъ что-то пришелъ такой, а ушелъ другой, да и ты что-то какъ будто немного... вдругъ... завялъ... Ну, ну, ладно, ужъ не перебивай: я вѣдь вижу, старый воробей,—что ты только бумагами давеча сталъ шелестить, а я ужъ догадался, что вы съ нимъ переглянулись... Ну, что же, что же онъ говоритъ—опасно, что-ли?

Петръ Семеновичъ, понурившій-было голову, вдругъ встрепенулся.

— Ничего онъ не говорилъ, только совѣтовалъ меньше тревожиться... Вечеромъ, говоритъ, заѣдетъ.

— Такъ вотъ какія дѣла, Петруха, вотъ видишь-ли, я замѣчаю, что... Ну, да такъ-ли иначе-ли, рано-ли поздно-ли, а знать тебѣ о всѣхъ дѣлахъ моихъ надо.

— Я же, батюшка, вѣдь знаю.

— Нѣтъ, Петруха, всего не знаешь... Спиридонъ—и тотъ всего не знаетъ... Дѣла-то сложны, сложнѣе, чѣмъ вы думаете... Если ты будешь неусыпно стараться, ну, и если Богъ дастъ все пойдетъ безъ скачковъ—авось и выкрутишься...

Сталъ Семенъ Игнатьевичъ открывать сыну разныя сокровенныя свои тайны, и оказалось въ концѣ-концовъ, что если привести дѣла къ окончанію, то не только наслѣдства не останется дѣтямъ, но и еще и долговъ придется принять тысячъ до трехъсотъ.

По мѣрѣ разсказа Петръ Семеновичъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и переставъ вертѣть правой рукой свою массивную золотую цѣпочку. Отецъ попроситъ выпить, велитъ поправить подушки и опять начинаетъ медленно, слово за словомъ, разсказывать о разныхъ такихъ долгахъ, существованіе которыхъ до сихъ поръ было тайною не только для Петра Семеновича, но и для Спиридона Ѳедоровича, пользовавшагося большимъ довѣріемъ отъ Семена Игнатьевича, именно за его удивительную молчаливость. По временамъ Петръ Семеновичъ встряхивалъ волосами, точно хотѣлъ этимъ движеніемъ отмахнуться отъ свѣдѣній, впервые сообщаемыхъ ему отцомъ.

— Ну, вотъ теперь, Петръ, знаешь ты... уже все... Наслѣдства нѣтъ, одни долги. Въ наслѣдство тебѣ только одинъ умъ... У тебя его довольно... Съумѣешь—все пойдетъ хорошо... Старайся только неусыпно.

— Однако я думаю это...—запинаясь, началъ сынъ, почесывая затылокъ—и запнулся.

— Да вѣдь какъ не колебайся, а вѣдь дорога одна—другой нѣтъ.

— Какая, батюшка?—пытливо смотря на отца, спросилъ сынъ.

— Одна только и есть: принять наслѣдство и вести дѣла, пока есть возможность... Будутъ идти ладно, продолжай; не будутъ—что дѣлать, согнись немного, проси у кредиторовъ разсрочки, ну, сдѣлку сдѣлай... Заплатишь тамъ за рубль, смотря по ходу дѣла, половину-ли, больше-ли, меньше... Это, какъ знаешь, а другого пути нѣтъ.

— Я тоже думаю, другого нѣту пути...

— Ты самъ знаешь, есть законъ, можешь отказаться отъ наслѣдства, будешь свободенъ отъ всѣхъ моихъ обязательствъ...

— Я знаю, знаю, батюшка.

— Ну, если знаешь, такъ и говорить тебѣ нечего...

— Тогда я,—бойко сверкнувъ глазами, заговорилъ сынъ,—тогда я буду свободенъ и отъ долговъ и отъ дѣлъ—это я очень хорошо знаю. Очень-бы хорошо, но только при деньгахъ... А гдѣ же ихъ взять? Я самъ-то, положимъ, найду себѣ, а Маша?

— Да, погоди, погоди, что ты найдешь, гдѣ? Какъ?—недовольнымъ голосомъ перебилъ отецъ.

— Вы меня однако, батюшка, не очень поняли, я не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы отказаться отъ наслѣдства, а только такъ, для примѣра... Я только чтобы сказать, что съумѣю, дѣло изъ рукъ не выпадетъ...

— Знаю, знаю, Петруха, а вотъ ты сказалъ о Машѣ... Она вонъ что-то такое все говоритъ несообразное: ты вразуми ее... Если я расхвораюсь или... чего Боже избави, помру...

— Ну, полноте, полноте. Это, батюшка, не дѣло говорите. Богъ дастъ, поправитесь... А вотъ на счетъ Маши... что же я могу съ ней, если она такъ упирается? Былъ женихъ—не пошла, ну, подождетъ другого... Поищемъ, авось найдемъ.

— Твой, Петръ, долгъ... святой это долгъ, ты долженъ ее устроить... Помнишь, мать умирала... Помнишь, какъ просила Машу беречь. Материнское сердце горячее. Ну, помни и мое слово—береги ее... устрой...

Голосъ Семена Игнатьевича нѣсколько дрогнулъ, самая тэма рѣчи была такая, непосредственно дѣйствовавшая на чувство. Но онъ скоро оправился и опять отдался разсужденіямъ о дѣлахъ. Теперь, когда сынъ уже былъ посвященъ во всѣ ихъ подробности, и отецъ зналъ, какъ онъ намѣренъ поступить въ будущемъ, имъ стало легче разсуждать—все сдѣлалось понятно и ясно. Отецъ даже и не ожидалъ, чтобы его Петръ Семеновичъ оказался такимъ сообразительнымъ. Онъ предполагалъ ранѣе, что придется много объяснять сыну о тѣхъ преимуществахъ, какія имѣетъ человѣкъ, находящійся въ долгахъ, предъ человѣкомъ, у котораго ихъ вовсе нѣтъ. Объясненія эти оказались лишними, Петръ Семеновичъ и самъ очень хорошо зналъ, что лучше принять дурное и разстроенное дѣло и всѣ долги на немъ лежащіе, чѣмъ вовсе остаться безъ дѣла и безъ всякихъ средствъ. Онъ, говоря откровенно, не ожидалъ, чтобы дѣла были въ такомъ положеніи, въ какомъ обрисовалъ ихъ теперь отецъ; но и это, какъ видно, не устрашило сообразительнаго Петра Семеновича. Э-ге, знаемъ, думалъ онъ, откажись-ка отъ отцовскихъ дѣлъ, полетятъ кредиторы, какъ коршуны, разорвутъ все на маленькіе кусочки, кто половчѣе, да побогаче, тотъ захватитъ то, что поцѣннѣе, да поприбыльнѣе, а мы съ сестрой будемъ издали смотрѣть, да ногти себѣ кусать, глядя на нихъ. Начнется вездѣ и между нашими служащими воровство, всѣ поймутъ, что надо каждому запасать себѣ на черный день, пока гдѣ новое мѣсто найдешь... Нѣтъ, шалишь, стара штука. Хоть мы и молоды, а видовъ на своемъ вѣку уже видали довольно...

— Такъ вотъ, Петруха, видишь... Самъ знаешь, какіе планы... Ежели сможешь, держись крѣпче, плати долги аккуратнѣе—этимъ дѣло крѣпко держится... Ну, а если ужъ придется туго, сократи дѣло, продай хоть пароходы, или тамъ—по обстоятельствамъ глядя—заводъ... Можетъ—компаніона найдешь — все это впереди. Сдѣлка съ кредиторами уже послѣдняя соломенка.

Отецъ думалъ, что сына надо учить и не замѣчалъ, что Петръ Семеновичъ слушаетъ его слова, какъ говорится, изъ пятаго въ десятое. Онъ нѣсколько разъ порывался удержать отца отъ продолженія разговора, но тэма такая была щекотливая, что, казалось, неловко прерывать ее. Отецъ даетъ совѣтъ, какъ же его останавливать и сказать: знаю, знаю лучше васъ. Петръ Семеновичъ дѣйствительно зналъ лучше отца, что предстоитъ ему дѣлать; у него собственно давно уже складывался планъ насчетъ того, какъ жить на бѣломъ свѣтѣ, когда не будетъ отца, и планъ этотъ казался такъ легко исполнимымъ.

Примѣшивалось къ нему одно обстоятельство непріятнаго свойства, но и его Петръ Семеновичъ надѣялся обойти безъ вреда своимъ дѣламъ. Обстоятельство это—планы на-счетъ женитьбы на богатой невѣстѣ: они требовали выжидательнаго образа дѣйствій, а дѣла складывались, повидимому, такъ, что ждать-то неудобно, въ особенности если ожиданіе нужно продлить на болѣе или менѣе продолжительное время. Дѣло въ томъ, что невѣста еще росла и не доросла до настоящихъ лѣтъ. Петръ Семеновичъ и то заждался уже порядочно—ему уже двадцать-шесть, а невѣстѣ только-только что подходитъ узаконенный для замужства срокъ, и еще собственно не наступилъ,—нужно еще ждать его около года. Намѣтилъ ему эту невѣсту отецъ и много лѣтъ подстроивалъ дѣло такъ, чтобы оно не выскользнуло изъ рукъ. Уже давно онъ съ ея опекуномъ въ короткое знакомство вошелъ, давно и Петръ Семеновичъ въ ея душу забрался, — да вотъ, поди-жъ ты, невѣста молода, — нельзя жениться. Отецъ и самъ теперь думаетъ по поводу этой невольной задержки въ женитьбѣ сына. Невѣста такая выгодная—тысячъ двѣсти за ней, и теперь бы эти деньги какъ-разъ кстати—да что дѣлать? какъ нарочно, растетъ тихо и время идетъ такъ медленно...

— Если, Петруха, Боже сохрани, я помру... — опять заговорилъ отецъ.

— Ну, вотъ! что вы, Богъ съ вами...

— Погоди, Петръ, не мѣшай,—дѣло говорю: невѣсту тебѣ, знаешь, я намѣтилъ...

— Ну, еще бы, батюшка,—знаю.

— Много ужъ тутъ потрачено, Петръ, и времени, и хлопотъ... Да что скрывать?—опекунъ-то мнѣ, признаться, тысячъ семь уже и задолжалъ: перебралъ въ разное время, — то пятьсотъ, то тысячу. Ты поддержи. Дѣвушка она хорошая, самъ знаешь,—и сирота...

Замѣчая, что отецъ, видимо, утомился отъ разговоровъ, онъ тихо поднялся съ кресла и шопотомъ сказалъ:

— Вы отдохните... Я пришлю къ вамъ старушку.

Отецъ махнулъ ему рукой, закрывая глаза. Петръ Семеновичъ осторожно вышелъ, но, войдя въ залъ, вдругъ остановился у дверей, что-то обдумывая и, видимо, колеблясь,—вернуться ли назадъ, или пока не мѣшать отцу?

Онъ думалъ о духовномъ завѣщаніи: теперь ли его составить или подождать?

VIII.

Петръ Семеновичъ относился къ болѣзни отца почти спокойно: выздоровѣетъ отецъ — хорошо, будетъ опять всѣ дѣла держать въ своихъ сильныхъ рукахъ; не выздоровѣетъ — Богъ съ нимъ, и безъ него какъ-нибудь управимся: значитъ, такая ему ужъ судьба, — дошелъ до предѣла, вышелъ въ тиражъ погашенія и, слѣдовательно, «ничего не подѣлаешь». На случай смерти отца у Петра Семеновича былъ ясный и опредѣленный планъ, осуществить который онъ надѣялся при помощи духовнаго завѣщанія. Соображалъ на-счетъ этого дѣла Петръ Семеновичъ такъ: «напишетъ отецъ въ этомъ завѣщаніи, что оставляетъ мнѣ, кромѣ всѣхъ капиталовъ, находящихся въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и въ торговыхъ предпріятіяхъ, еще двѣсти тысячъ наличными деньгами въ процентныхъ бумагахъ — и тогда я съумѣю устроить свои дѣла: завѣщаніе засвидѣтельствуютъ въ нотаріальной конторѣ, впишутъ его слово въ слово въ нотаріальную книгу — и понесется по городу молва: такъ и такъ, молъ, Семенъ Игнатьевичъ завѣщалъ сыну, кромѣ всѣхъ дѣлъ, еще двѣсти тысячъ, — молва эта пойдетъ дальше и разнесется между всѣми торговыми людьми, съ которыми мы имѣемъ дѣла... Ну, а что же дальше? — спрашивалъ себя Петръ Семеновичъ: — гм... гм — дальше... Денегъ-то вѣдь этихъ, двухъ-сотъ тысячъ-то въ процентныхъ бумагахъ, все-таки нѣтъ и не будетъ: онѣ, такъ-сказать, въ туманѣ, а въ мой карманъ вѣдь не попадутъ, потому что и отецъ ихъ не имѣетъ... Но это не бѣда... Мы обойдемся и безъ нихъ. Довольно будетъ, что слухъ пройдетъ объ этихъ двухъ-стахъ тысячахъ... Я съумѣю и такъ устроить свои дѣла... Въ самомъ дѣлѣ, что за охота метаться круглый годъ, какъ угорѣлому, отъ одного дѣла къ другому, постоянно отыскивать средства для уплаты однихъ долговъ съ тѣмъ, чтобы дѣлать другіе... Конечно, у отца это въ характерѣ: минуты не можетъ посидѣть спокойно — и вездѣ успѣваетъ, а я этого не хочу, я не могу и желаю устроить дѣла съ-разу — и я поставлю все иначе. Сдѣлаю такъ, что въ полгода все приведу къ одному знаменателю: надѣлаю кучу долговъ, нахватаю товаровъ въ долгъ, увеличу производство на заводѣ, наберу задатковъ по разнымъ предпріятіямъ, а потомъ — потомъ и объявлю торговую несостоятельность: разбирайся кредиторы, какъ имъ будетъ угодно, — я же, пока они будутъ разбираться, махну за границу, отдохну гдѣ-нибудь на берегахъ Женевскаго озера, «по разстроенному здоровью». Мѣсяца три-четыре прой-

деть въ такомъ разстроенномъ-то здоровьѣ... Кредиторамъ можно будетъ предложить копѣечекъ десять-пятнадцать за рубль—и слава Богу. И я буду съ капиталомъ, и дѣло будетъ очищено отъ всѣхъ долговъ... Тогда и невѣста изъ рукъ моихъ не уйдетъ, а останься я безъ средствъ послѣ смерти отца,—пожалуй, и она отвернется отъ меня: безъ денегъ-то нашего брата не очень одобряютъ...»

Впрочемъ, такой планъ дѣйствій не самъ Петръ Семеновичъ выдумалъ: планъ этотъ старый и практикуется онъ въ русской купеческой жизни уже много десятилѣтій. Петру Семеновичу принадлежитъ только идея духовнаго завѣщанія съ двумя-стами тысячъ рублей небывалаго наслѣдства.

Спустя часа два-три послѣ того, какъ онъ былъ въ кабинетѣ отца, духовное завѣщаніе оказалось уже приготовленнымъ: Петръ Семеновичъ постарался объ этомъ самъ, — самъ все написалъ, переписалъ и затѣмъ принесъ къ отцу. Оказалось, однако-жъ, что «обдѣлать» было не такъ легко: Семенъ Игнатьевичъ чувствовалъ себя значительно лучше и сталъ оспоривать мнѣніе сына на-счетъ ожидаемой отъ завѣщанія пользы.

Петръ Семеновичъ почесалъ въ затылкѣ, тревожно оглянулся по сторонамъ и въ нерѣшительномъ состояніи поднялся съ своего кресла. Онъ томился своими мыслями, ему хотѣлось разбить доводы отца, но, разбивая, нужно было сказать и о своемъ планѣ, который онъ имѣлъ намѣреніе осуществить послѣ смерти отца. Говорить теперь объ этомъ планѣ было невозможно: отецъ могъ его не одобрить — и тогда весь планъ разрушался. Онъ могъ его не одобрить не потому собственно, что планъ былъ «неудобоисполнимъ», — нѣтъ: онъ бы и самъ, пожалуй, призналъ его хорошимъ, еслибъ захотѣлъ прибѣгнуть съ-разу къ крутымъ мѣрамъ въ своихъ дѣлахъ, но прибѣгать къ такимъ мѣрамъ Семенъ Игнатьевичъ не считалъ пока нужнымъ, и—главное—онъ дорожилъ своимъ общественнымъ положеніемъ, любилъ играть роль прямого человѣка, дѣятеля и большого коммерсанта, а эта роль съ объявленіемъ несостоятельности должна была пасть. Словомъ, Семенъ Игнатьевичъ имѣлъ большое самолюбіе и дорожилъ своимъ общественнымъ положеніемъ; кромѣ того, онъ былъ еще очень силенъ духомъ и вѣрилъ, что стоитъ поправить ему здоровье—дѣла пойдутъ опять именно такъ, какъ онъ самъ ихъ поставилъ. Улыбалась впереди и надежда женить сына на богатой невѣстѣ, и надежда на удачный исходъ разныхъ торговыхъ операцій, которыя въ это время были еще не закончены. Онъ слишкомъ богатъ былъ вѣрой въ свою счастливую звѣзду.

— Такъ вотъ, Петруха, по-моему, это дѣло пустое и надо

его бросить...—сказалъ, какъ-бы въ заключеніе своихъ доводовъ, Семенъ Игнатьевичъ: — я теперь вотъ, слава Богу, чувствую себя какъ-будто и немного того... получше... Вотъ, Богъ дастъ, и встану—тогда къ чему вся эта канитель?..

— Какъ угодно, батюшка... — вздохнувъ, отвѣтилъ сынъ и замолчалъ, упорно смотря въ полъ.

— Ну, былъ въ селѣ-то у попа?—спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, круто перемѣняя разговоръ:—что̀ онъ говоритъ?

— Да упирается... говоритъ все то же...

— Экой кремень! вѣдь вотъ поди ты: маслю-маслю его ужъ болѣе полугода — не поддается... — съ огорченіемъ думалъ Семенъ Игнатьевичъ:—да ты ему говорилъ ли, Петръ, прямо-то?

— Я сказалъ, наконецъ, прямо: берите на выборъ — либо выхлопочемъ вамъ другой приходъ, богаче,—либо тысячу рублей.

— Ну, и что же?

— Головой качаетъ, улыбается такъ сладко: видно, что кусокъ лакомый, а не рѣшается... Руки жметъ, гладитъ мнѣ ихъ, а шепчетъ все одно и то же: «большое опасеніе сокрушаетъ». Однако заявилъ, что лучше ужъ если согласиться, такъ прямо на деньги, говоритъ: тамъ ждать прихода—пока до владыки доберетесь, да пока состоится его рѣшеніе, а тутъ изнемогай въ тщетномъ ожиданіи. Благопріятнѣе, говоритъ, получить воздаяніе наличностью...

— Значитъ, согласенъ повѣнчать несовершеннолѣтнюю, да?

— Въ томъ-то и бѣда, что прельщается только, да руки гладитъ мнѣ, и глаза такіе странные: то онъ ихъ жмуритъ, то широко раскрываетъ и даже плачетъ,—и все шепчетъ: «сокрушаюсь, сокрушаюсь». Когда я сталъ уходить и, признаюсь, батюшка, даже немного разсердился, онъ мнѣ шепнулъ, что къ осени, пожалуй, и обвѣнчаетъ, въ сентябрѣ...

— Гмъ... Долго... Лучше-бъ въ іюлѣ передъ ярмаркой...

— Да, конечно бы...

— И чего же онъ боится: если ужъ рѣшается обвѣнчать ранѣе совершеннолѣтія, то все равно — въ іюлѣ ли, въ сентябрѣ ли...

— Ну, вотъ, говорите съ нимъ! Онъ свое твердитъ: меньше, говоритъ, останется сроку,—всего около полгода. Могу, говоритъ, сослаться на недосмотръ, неумышленность.

Отецъ вздохнулъ, сынъ—тоже; оба нѣкоторое время молчали, каждый думая объ одномъ и томъ же, т.-е. что хорошо бы въ іюлѣ устроить свадьбу, а если же нельзя, то и въ сентябрѣ не дурно. А и такъ лучше, чѣмъ ждать еще полгода. Дѣло шло,

какъ понятно читателю, о невѣстѣ Петра Семеновича, находящейся подъ опекой у своего дяди — Павла Павловича Коромыслова. Со стороны этого дяди не было уже препятствій на бракъ Петра Семеновича съ избранницей его сердца—Людмилой Николаевной, но препятствіе было въ ея лѣтахъ. Семенъ Игнатьевичъ давно предусмотрѣлъ это препятствіе и давно уже ведетъ о свадьбѣ переговоры съ сельскимъ священникомъ, надѣясь склонить его на свою сторону.

— Ну, что же дѣлать, Петръ, — терпѣть надо... ждать...— со вздохомъ сказалъ отецъ.

— Да, — подсказалъ сынъ, — занятый своими сложными думами о духовномъ завѣщаніи, и о несостоятельности и женитьбѣ на несовершеннолѣтней племянницѣ Павла Павловича Коромыслова.

IX.

Докторъ, какъ видно, имѣлъ свои основанія опасаться за будущее въ ходѣ болѣзни Семена Игнатьевича. Не прошло и двухъ дней послѣ того, какъ больной сидѣлъ, обложенный подушками на балконѣ, выступивъ, казалось, уже на путь выздоровленія,— онъ снова лежалъ, какъ говорится, пластомъ на кровати, и снова стали около него дежурить по-очередно то Маша, то тетушка, то старушка. Боль около сердца дѣлалась то слабѣе, то сильнѣе, по временамъ дыханіе затруднялось вслѣдствіе, какъ говорилъ докторъ, внутренней опухоли, и тогда Семенъ Игнатьевичъ уже не могъ заниматься дѣлами, и отклонялъ даже всякія о нихъ напоминанія. Смущенныя лица Петра Семеновича и безмолвнаго конторщика, появлявшіяся по временамъ у его кровати, были замѣтно непріятны Семену Игнатьевичу и онъ хмурился, отмахивался отъ нихъ рукою и видимо не желалъ ничего слышать о дѣлахъ.

Оставивъ комнату больного, конторщикъ Спиридонъ Ѳедоровичъ молча пожималъ плечами, смотря прямо въ глаза Петру Семеновичу и ждалъ, что̀ онъ скажетъ, а Петръ Семеновичъ, съ своей стороны, искалъ отвѣта въ глазахъ Спиридона Ѳедоровича и тоже пожималъ плечами.

Такъ они взаимно выражали другъ другу свои мысли и потомъ начинали измѣрять длину зала, шагая отъ одного его конца до другого.

— Ну, что̀ же теперь намъ дѣлать, Спиридонъ Ѳедоровичъ,

какъ вы думаете, а? — волновался Петръ Семеновичъ, неистово вертя въ пальцахъ золотую цѣпь своихъ карманныхъ часовъ,— необходимо бы духовное завѣщаніе, немедленно бы его нужно подписать, засвидѣтельствовать, дать надлежащій законный видъ... а какъ теперь это сдѣлать—онъ руками отъ всего отмахивается... Какъ же быть-то, а?

Спиридонъ Ѳедоровичъ, давно уже извѣстный своимъ молчаніемъ, пожималъ плечами и только показывалъ глазами на дверь кабинета Семена Игнатьевича, какъ-бы говоря этимъ взглядомъ, что тамъ, въ этомъ кабинетѣ, отвѣтъ на всѣ вопросы.

Петръ Семеновичъ уже познакомилъ его съ сущностью задуманнаго имъ завѣщанія, хотя познакомилъ только въ общихъ чертахъ, не высказывая своихъ дальнѣйшихъ намѣреній на счетъ объявленія несостоятельности въ случаѣ смерти отца. Спиридонъ Ѳедоровичъ, впрочемъ, и самъ понялъ, что дѣло задумано съ этою цѣлью. Онъ зналъ Петра Семеновича съ дней его юности и не могъ не замѣтить, что его стремленія клонятся лишь къ тому, чтобы добыть поскорѣе возможность залечь гдѣ-нибудь поскорѣе на мягкомъ и удобномъ для отдыха диванѣ. Спиридонъ Ѳедоровичъ и самъ, въ глубинѣ души, давно уже лелѣялъ эту мысль, но возможность ея осуществленія онъ едва-едва замѣчалъ—и то лишь въ отдаленномъ будущемъ. Съ дѣлами Ивановыхъ онъ былъ связанъ десятилѣтнимъ контрактомъ, который недавно былъ возобновленъ на новое десятилѣтіе. Теперь, въ виду возможной смерти Семена Игнатьевича, Спиридону Ѳедоровичу предстояло нѣчто лучшее, и именно зависѣвшее отъ исполненія намѣренія Петра Семеновича. «Закончитъ онъ всѣ отцовскія дѣла,—догадывался Спиридонъ Ѳедоровичъ,—закончитъ и мнѣ долженъ будетъ заплатить, да еще и раньше, чѣмъ всѣмъ другимъ: у меня въ рукахъ будетъ его тайна, и я съумѣю свое взять»...

Строили они оба свои планы и дѣлили добычу въ то время, когда эта добыча была еще не въ ихъ рукахъ. Одна только Маша оставалась сама съ собою, не совѣщаясь ни съ кѣмъ ни о чемъ. Часто, сидя въ залѣ, въ ожиданіи, пока ее позовутъ къ отцу, Маша не знала, куда уйти отъ давившей ее тоски. Кругомъ безмолвная тишина, ничѣмъ не прерываемая. Въ комнатѣ горятъ только свѣчи на столикахъ около зеркалъ и свѣтъ отъ нихъ достигаетъ лишь до половины огромной залы. Маша старается не смотрѣть туда, въ отдаленную часть комнаты, гдѣ царитъ полумракъ. Иногда, взглянувъ вверхъ на люстру, закутанную въ бѣлый чехолъ и казавшуюся какимъ-то привидѣніемъ посреди слабо освѣщенной комнаты, она вздыхала, представляя

себѣ въ этомъ бѣломъ привидѣніи что-то близкое страшное, имѣющее, какъ думала она, совершиться въ ихъ домѣ.

Спиридонъ Ѳедоровичъ, выходя изъ кабинета Семена Игнатьевича и встрѣчаясь съ Машей въ залѣ, отвѣшивалъ ей, по обыкновенію, поклонъ, но въ этотъ разъ отвѣшивалъ ей поклонъ съ такой улыбкой, которая какъ-бы говорила: «а вотъ, Машенька, мы за васъ, Богъ дастъ, послѣ смерти папеньки и посватаемся». Маша отвѣчала на эту улыбку тѣмъ, что тотчасъ же отвертывалась отъ противнаго ей Спиридона Ѳедоровича. Онъ, впрочемъ, не смущался и, идя далѣе, сохранялъ на своемъ гладко выбритомъ лицѣ все ту же сладкую улыбку, съ которой раскланивался съ Машей.

Спиридонъ Ѳедоровичъ ходилъ какъ-то особенно — съ припрыжкой, былъ сутуловатъ и широкоплечъ, что, однакожъ, не мѣшало ему имѣть тоненькій голосокъ. Теперь, возвращаясь изъ кабинета Семена Игнатьевича, онъ часто потиралъ себѣ руки, сидя за конторскимъ своимъ столомъ и, будучи крайне близорукъ, еще шире, чѣмъ обыкновенно пялилъ глаза, всматриваясь въ окружавшія его стѣны громадной конторской комнаты. Точно отъ этихъ стѣнъ онъ хотѣлъ узнать, скоро ли разрѣшатся всѣ тѣ вопросы, которые создались болѣзнью Семена Игнатьевича, и обѣщаютъ ему въ будущемъ большое счастіе.

По всему видно было, что счастіе это для Спиридона Ѳедоровича имѣло громадное значеніе. Спокойный при другихъ, онъ, оставаясь одинъ, самъ съ собою не могъ долгое время быть въ спокойномъ состояніи, то начиналъ барабанить пальцами по столу, то вскакивалъ съ своего конторскаго кресла и ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, то опять садился на стулъ и, сложивъ на груди крестообразно руки, высоко поднималъ голову.

— Гм... гм... что̀-то будетъ, что̀-то будетъ...—начиналъ онъ тоненькимъ голоскомъ, но вдругъ, спохватившись, вскакивалъ со стула и опять припрыгивалъ, шагая по комнатѣ. Все это происходило обыкновенно въ то время, когда дневная суета конторы оканчивалась, когда двери, хлопавшія въ теченіи дня, впуская входящихъ и выпуская выходящихъ, наконецъ, запирались на крючокъ и старикъ, отставной солдатъ, служившій въ качествѣ сторожа при конторѣ, уже уходилъ въ свою коморку около крыльца и тачалъ сапоги. Спиридонъ Ѳедоровичъ, такимъ образомъ, имѣлъ полную возможность разсуждать самъ съ собой, сколько ему угодно.

— «А если онъ не умретъ! Если онъ не умретъ!..»—бормоталъ теперь Спиридонъ Ѳедоровичъ, шагая по комнатѣ, —

«нѣтъ, умреть, умретъ,—это ужъ замѣтно, что умретъ. Семенъ Игнатьевичъ человѣкъ обстоятельный, и ужъ если заболѣлъ, то заболѣлъ какъ слѣдуетъ, настоящимъ маперомъ. Да и пора, ей-ей пора!»

Такъ вспоминалъ прошлое Спиридонъ Ѳедоровичъ и посматривалъ по временамъ на часы, часто ожидая прихода къ себѣ въ комнату Петра Семеновича или присылки отъ него посланнаго съ приглашеніемъ придти въ залу. Получивъ приглашеніе, онъ опять шелъ въ хозяйскія комнаты. Проходя чрезъ залу и встрѣчая возвратившагося и уѣзжавшаго куда-нибудь по дѣламъ Петра Семеновича, онъ все же успѣвалъ окинуть своими близорукими глазами всю комнату и вытаращить ихъ сквозь очки, силясь разсмотрѣть, не тутъ ли Маша, или, какъ онъ ее называлъ, «Марія Семеновна».

Въ одно изъ такихъ посѣщеній больного, Спиридонъ Ѳедоровичъ, бывшій вмѣстѣ съ Петромъ Семеновичемъ въ кабинетѣ Семена Игнатьевича, вышелъ оттуда сильно чѣмъ-то озабоченный и на этотъ разъ даже не обратилъ вниманія на Машу, уныло ходившую по залѣ изъ угла въ уголъ. Маша это замѣтила и сама поспѣшила на-встрѣчу Спиридону Ѳедоровичу.

— Что̀ съ папенькой? Ему хуже, да? Или что-нибудь случилось по дѣламъ непріятное, разстроившее его, да?

Спиридонъ Ѳедоровичъ обрадованъ былъ тѣмъ, что къ нему такъ близко подошла Маша и первая заговорила съ нимъ, но заботы по дѣламъ, устроивавшимся въ это время въ кабинетѣ, влекли его въ контору, и онъ, приложивъ руку къ сердцу, горячо сказалъ: «нѣтъ!» и, кивнувъ головой въ подтвержденіе своего краткаго отвѣта, поспѣшно прошагалъ въ контору. Возвращаясь оттуда чрезъ двѣ-три минуты, онъ самъ подошелъ къ Машѣ и опять съ тою же страстностью въ голосѣ, какъ и раньше, сказалъ ей «нѣтъ» и ударилъ себя рукою въ грудь. Что̀ означало это «нѣтъ»—Маша въ точности не могла понять, догадывалась только, что въ кабинетѣ идетъ суета не по причинѣ болѣзни, а по какимъ-то, вѣроятно, торговымъ, думала она, дѣламъ. Въ кабинетѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ это время устроивались дѣла, сводились какіе-то счеты, куда-то уѣзжалъ Петръ Семеновичъ, привозилъ къ отцу какія-то бумаги на подпись и опять увезъ ихъ. Это ли имѣло вліяніе на ухудшеніе болѣзни Семена Игнатьевича, или ужъ таковъ былъ ея нормальный ходъ, но только къ ночи описываемаго дня страданія больного значительно усилились. Еще вечеромъ, когда пріѣзжалъ къ больному докторъ, всѣ замѣтили, что онъ что-то скоро уѣхалъ, оставивъ всѣ тѣ же

лекарства, какія давалъ днемъ. Замѣтила, что, надѣвая въ передней пальто, онъ что-то долго покачивалъ головой, силясь въ то же время попасть рукой въ рукавъ пальто и попадая каждый разъ въ боковой карманъ его. И это покачиванье доктора головой и его молчаливость — все указывало семейству и прислугѣ Семена Игнатьевича, что больному хуже, и, дѣйствительно, предъ утромъ слѣдующаго дня въ домѣ началась усиленная суета. Старушка торопливо звонила въ залѣ въ колокольчикъ, тетушка съ птичьимъ носомъ совалась по комнатамъ, не зная, куда броситься въ испугѣ. Маша плакала и спѣшила оказать помощь отцу, дышавшему съ видимымъ трудомъ; она едва удерживала въ дрожащихъ рукахъ ложку съ лекарствомъ и спѣшила подать больному, но тотъ отстранялъ ее и, тяжело дыша, показывалъ обѣими руками что-то, какъ-бы выражавшее, что ему трудно дышать. Петръ Семеновичъ пробѣжалъ въ кабинетъ, съ всклокоченными волосами, кинулся изъ кабинета въ залу и отдавалъ различныя приказанія: за докторомъ и т. д. Старику сдѣлалось совсѣмъ худо. Онъ едва-едва могъ говорить и только шепталъ что-то, только руками что-то показывалъ, подзывалъ къ себѣ сына и дочь—они видѣли слезы на его глазахъ и сами плакали; но что̀ онъ шепталъ, чему хотѣлъ научить, какое слово силилось сорваться съ его языка — это они не понимали. Маша плакала и цѣловала руки отца, а братъ въ это время думалъ о своихъ дѣлахъ, именно о томъ, какъ бы осуществить планъ на счетъ подписи духовнаго завѣщанія.

Ему немного и совѣстно было тревожить отца въ такія минуты, да и желаніе сильно въ немъ кипѣло, тѣмъ болѣе, что такъ легко было осуществить: духовное завѣщаніе онъ имѣлъ при себѣ, стоило его вынуть изъ боковового кармана и дать отцу подписать. Такъ мучили его думы объ этомъ завѣщаніи, что онъ рѣшительно терялся, не зная, что дѣлать—то бросится въ залу, спрашивая, не пріѣхали ли доктора, то прибѣжитъ въ кабинетъ и спрашиваетъ Машу, что̀ ему дѣлать.

Утро уже совсѣмъ наступило и пламя свѣчей, горѣвшихъ предъ зеркалами въ залѣ едва было видимо, но никто не замѣчалъ, что онѣ напрасно горятъ и не тушилъ ихъ; всѣ толпились около кабинета, откуда поминутно выходили, куда возвращались то сынъ, то тетушка съ птичьимъ носомъ. Одна Маша оставалась около постели больного и растирала ему грудь, замѣчая, что это облегчаетъ его дыханіе.

Вскорѣ появились разомъ два доктора, одинъ уже извѣст-

ный намъ, а другой—молодой, съ густыми длинными волосами и едва-едва пробивающейся бородкой. Оба одновременно подошли къ кровати больного. За ними слѣдомъ вошелъ въ комнату и священникъ, и, въ-торопяхъ, самъ того не замѣчая, расчесывалъ пальцами пряди своихъ волосъ, закладывая ихъ за уши.

Доктора осмотрѣли больного. Перекинулись двумя-тремя словами и затѣмъ отошли въ сторону отъ кровати. Петръ Семеновичъ и Маша послѣдовали за ними, шопотомъ разспрашивая о болѣзни отца. Священникъ тоже стоялъ около докторовъ, нерѣшительно оглядываясь, то на кровать, гдѣ лежалъ больной, то на докторовъ.

— Я предполагаю,—прервалъ онъ ихъ разговоръ:—что, во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ болѣзни, надлежитъ больного напутствовать.

— Да... Ну, что-жъ... это хорошо,—согласился старый докторъ. Молодой только махнулъ головой и оба доктора вышли въ залу. Они продолжали шопотомъ разговоръ между собой. Петръ Семеновичъ хотѣлъ-было принять въ немъ участіе, но они отклонили его и намѣренно отошли въ сторону. Знакомый намъ докторъ, лечившій Семена Игнатьевича, проходя мимо горѣвшихъ у зеркалъ свѣчей, молча загасилъ ихъ и подойдя за симъ къ своему собрату, удалившемуся въ противоположную сторону залы, шопотомъ сказалъ какое-то латинское названіе болѣзни, тотъ въ отвѣтъ, молча, кивнулъ ему своей мохнатой головой. Они еще пошептались между собою, упоминая латинскія слова. Потомъ молодой, крутя русые волосы своей коротенькой бородки, сказалъ что-то такое, должно-быть непріятное старшему, и тотъ возразилъ ему, немного нахмурившись, но не возвышая голоса:

— Знаете, трудно дѣлать діагнозъ болѣзни въ первый разъ, потомъ послѣ десяти разъ становится совершенно легко, а послѣ сотни — опять трудно. Эта трудность для васъ еще не наступала...

Онъ покровительственно тронулъ молодого доктора за плечо и показалъ глазами на дверь комнаты, гдѣ лежалъ больной, однако, молодой человѣкъ сильно на чемъ-то настаивалъ, и засимъ оба вскорѣ подошли къ Петру Семеновичу, бесѣдовавшему со священникомъ, окончившимъ уже обрядъ напутствованія. Пока доктора совѣщались, Петръ Семеновичъ успѣлъ устроить и свое дѣло. Онъ тотчасъ же, послѣ окончанія обряда, предложилъ отцу подписать духовное завѣщаніе, которое отецъ и подписалъ безпрекословно.

Подъ вліяніемъ гнетущихъ его физическихъ страданій онъ махнулъ, наконецъ, на все рукой и ничего не слышалъ изъ того, что ему читалъ Петръ Семеновичъ. Получивъ подпись на завѣщаніи и скрѣпивъ ее еще свидѣтельскою подписью священника, Петръ Семеновичъ вышелъ изъ кабинета какъ разъ въ то время, когда доктора кончили свое совѣщаніе и шли изъ глубины залы къ нему на-встрѣчу. Молодой докторъ выступилъ впередъ и, встряхивая своими длинными волосами, обратился къ Петру Семеновичу съ предложеніемъ сдѣлать больному операцію.

— Это, собственно говоря, даже и не операція,—объяснилъ молодой докторъ, — это, такъ сказать, разрѣзъ, или даже еще менѣе, чѣмъ разрѣзъ, это — проколъ... Но, собственно говоря, онъ нѣсколько представляетъ трудности и даже опасности по мѣсту нахожденія самой опухоли.

Во время объясненія молодого доктора, коллега его поправлялъ свои очки и видимо тревожился тѣмъ страннымъ положеніемъ, въ которомъ находился въ это время, уступивъ ему свое мѣсто въ разговорѣ и болѣзни Семена Игнатьевича. Петръ Семеновичъ колебался, не зная что сказать въ отвѣтъ на сдѣланное предложеніе. Священникъ переглянулся съ нимъ и, запахнувъ свою рясу, обратился къ докторамъ съ вопросомъ:

— Какъ вы предполагаете, — вкрадчиво спросилъ онъ, — нельзя ли какимъ-либо инымъ путемъ облегчить страданія больного, ибо если, какъ изволили вы сообщить, операція представляетъ нѣкоторую опасность...

Священникъ опять взглянулъ на Петра Семеновича, какъ-бы спрашивая, согласенъ ли онъ съ его словами.

Петръ Семеновичъ понялъ этотъ взглядъ и тоже обратился къ докторамъ съ вопросомъ, нельзя ли помочь безъ операціи. Старый докторъ молчалъ и вопросительно смотрѣлъ на молодого. Молодой опять встряхнулъ волосами и, пощипывая свою маленькую бородку, заговорилъ снова спокойнымъ голосомъ, какъ-будто дѣло шло о предметѣ самомъ простомъ и въ сущности ничего незначащемъ.

— Собственно говоря,—началъ онъ,—вопросъ до такой степени ясный, что было бы странно затрудняться въ его разрѣшеніи: если мы не будемъ дѣлать разрѣза, или, какъ я сказалъ уже, прокола, то больной неминуемо задохнется, можетъ быть, черезъ два часа, можетъ быть черезъ три, но никакъ не болѣе. Счастливо сдѣланный проколъ можетъ имѣть весьма благопріятное значеніе во всемъ ходѣ болѣзни; но, предупреждаю, можетъ

быть, и не принесетъ желаемой пользы... Собственно говоря, я не нахожу другого пути для облегченія страданій больного, и въ случаѣ несогласія вашего на мое предложеніе устраняю себя отъ леченія.

Пока онъ говорилъ, Петръ Семеновичъ и священникъ нѣсколько разъ обмѣнивались взглядами и потомъ почти въ одно время оба заявили:

— Ну, что-жъ, нужно рѣшиться... Конечно, воля Божія... Чтó дѣлать, если другого средства нѣтъ...

Доктора снова отправились въ кабинетъ, гдѣ въ это время около больного находились Маша и тетушка. Немедленно было приступлено къ нѣкоторымъ приспособленіямъ, кровать выдвинули изъ-за занавѣски, подняли шторы на окнахъ и едва дышавшаго больного положили на спину, совершенно раскрывъ его грудь...

Маша и тетушка были высланы въ залу, въ которой чрезъ плотно притворенную дверь изъ кабинета ничего не было слышно. И Маша и тетушка оставались въ полномъ невѣдѣніи на счетъ того, чтó происходило въ кабинетѣ. Маша плакала, тетушка вздыхала и охала, и вертѣлась во всѣ стороны, безпорядочно бормоча то жалобу на докторовъ, что они затѣяли какія-то тайныя штуки, то неудовольствіе на самого Семена Игнатьевича, зачѣмъ онъ такъ сильно расхворался.

— Этакій большой, рослый человѣкъ, этакій здоровенный — и вдругъ свалился... Да на чтó же это похоже! И мнѣ ничего не оставилъ: — обѣщалъ, обѣщалъ, да такъ съ носомъ теперь я и шлепайся. Да чего же они тамъ дѣлаютъ?.. Да Господи...

Ея причитанья дѣлались все громче, движенія порывисты, такъ что, наконецъ, Спиридонъ Ѳедоровичъ, бывшій въ это время тоже въ кабинетѣ, пріотворилъ оттуда дверь и, ничего не сказавъ, скорчилъ такое выраженіе на лицѣ, которое краснорѣчивѣе всякаго многословія подѣйствовало на причитанія тетушки. Она закрыла себѣ лицо обѣими руками и моментально замолкла.

Спустя нѣсколько времени дверь изъ кабинета отворилась и священникъ, первый вышедшій оттуда, возгласилъ, глубоко вздыхая:

— Благодареніе Создателю!

Операція кончилась благополучно, Семенъ Игнатьевичъ дышалъ значительно свободнѣе, и молодой докторъ высказывалъ надежду на скорое и совершенное выздоровленіе больного.

Петръ Семеновичъ, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства въ ходѣ болѣзни отца, все-таки осуществилъ свой планъ: онъ далъ подписать духовное завѣщаніе обоимъ докторамъ въ

качествѣ свидѣтелей и, немедля, въ это же утро, устроилъ его засвидѣтельствованіе въ нотаріальныхъ книгахъ.

Такимъ образомъ та цѣль, которой онъ добивался, осуществилась: содержаніе завѣщанія всѣ узнали и въ Малиновскѣ пошелъ разговоръ о двухъ-стахъ тысячахъ наличнаго капитала, кромѣ всякой движимости и недвижимости завѣщаннаго Семеномъ Игнатьевичемъ его сыну.

X.

Опасное положеніе болѣзни Семена Игнатьевича вызвало въ городѣ самые разнорѣчивые толки. Одни, слышавшіе о счастливомъ окончаніи операціи, говорили, что онъ «сразу выздоровѣлъ и уже махнулъ по дѣламъ на заводъ», другіе, поймавшіе новость менѣе свѣжую, увѣряли, что онъ умеръ еще ночью, а именно предъ самой заутреней, и разсказывали о послѣднихъ минутахъ больного съ такими подробностями, какъ-будто сами при этомъ присутствовали; третьи, наконецъ, подтверждали извѣстіе о смерти Семена Игнатьевича на томъ основаніи, что лично видѣли въ конторѣ нотаріуса духовное завѣщаніе и знаютъ навѣрное, что Семенъ Игнатьевичъ скончался въ этотъ день утромъ. Затѣмъ поднимались споры, слышались взаимныя уличенія въ страсти ко лжи; спорящіе расходились врагами и новость неслась дальше по городу, еще болѣе искалѣченная, и удивляла слушающихъ невѣроятностію сообщаемыхъ ею свѣдѣній. Говорили, что Семенъ Игнатьевичъ сначала померъ, а потомъ ожилъ, говорили, что ему вырѣзали сердце и, починивъ, опять вставили на прежнее мѣсто, что, по мнѣнію разсказывавшихъ, въ виду современныхъ успѣховъ науки, не представляло рѣшительно никакихъ затрудненій. Интересъ новости осложнялся еще и духовнымъ завѣщаніемъ, которое тоже перетолковывалось на разные лады, и сумма завѣщаннаго капитала быстро увеличивалась, переходя изъ дома въ домъ, и достигла, наконецъ, нѣсколькихъ милліоновъ рублей.

Пока эти слухи носились по городу, давая пищу всѣмъ падкимъ до распространенія новостей, къ дому Семена Игнатьевича не переставали подъѣзжать и приходить разныя лица, заинтересованныя состояніемъ его здоровья, и Петръ Семеновичъ нашелъ нужнымъ даже отрядить на крыльцо особаго человѣка, чтобы избавлять гостей отъ напраснаго труда подниматься на лѣстницу и тѣмъ прекратить тревожный говоръ и шорохъ въ прихожей.

Но еще задолго до того времени, когда Петръ Семеновичъ отрядилъ особаго человѣка къ крыльцу, многіе изъ знакомыхъ лично наводили справки о здоровьѣ Семена Игнатьевича, узнавая ихъ отъ сына.

Заслышалъ о трудномъ положеніи больного и сосѣдъ Кузьма Ильичъ, возвращавшійся въ это время отъ ранней обѣдни. Его костлявая и шаршавая лошаденка, запряженная въ длинныя дроги, была остановлена по приказу Кузьмы Ильича у подъѣзда дома Семена Игнатьевича. Случай этотъ былъ необыкновенный, и правившій лошадью оборвышъ-мальчишка, у котораго изъ прорванной макушки шапки торчала кудель, удивился, представивъ себѣ, что Кузьма Ильичъ ошибся домомъ.

Онъ повернулъ къ нему свое грязное лицо и пропищалъ почти дѣтскимъ голосомъ:

— Это не нашъ домъ. Нашъ вотъ рядомъ...

— Стой здѣсь, остолопина,—заворчалъ Кузьма Ильичъ, накладывая на его плечо свою массивную ладонь. Лошаденка остановилась и Кузьма Ильичъ заворочался на дрогахъ, намѣреваясь съ нихъ слѣзть, причемъ дроги заскрипѣли; мальчишка съёжился подъ давленіемъ руки Кузьмы Ильича и за симъ дроги и кучеръ освободились отъ давившаго ихъ громаднаго груза.

«Вотъ умираетъ сосѣдъ», думалъ Кузьма Ильичъ, поднимаясь на крыльцо Ивановскаго дома. «Вѣдь вотъ здоровый, крупный человѣкъ, а умираетъ! Видно, ничего не подѣлаешь»...

Поднявшись по лѣстницѣ почти до самыхъ дверей, онъ встрѣтилъ Павла Павловича Коромыслова, извѣстнаго уже читателямъ, опекуна Людмилы Николаевны Коромысловой, его племянницы, которую Семенъ Игнатьевичъ мѣтилъ въ невѣсты сыну.

Павелъ Павловичъ уже возвращался изъ дома и Кузьма Ильичъ остановилъ его, желая узнать, живъ ли еще больной.

— Живъ, живъ, поправляется. Ему теперь очень хорошо стало и такъ говорятъ, что болѣе никакой и опасности нѣтъ.

Кузьма Ильичъ выпрямился во весь ростъ и на его лоснящемся лицѣ выразилось изумленіе.

Павелъ Павловичъ былъ очень маленькаго роста, говорилъ слабымъ и тихимъ голосомъ, и всегда съ необыкновенной ровностью и спокойствіемъ. Услыша отъ него странное извѣстіе о состояніи болѣзни сосѣда, Кузьма Ильичъ пожелалъ узнать подробности. Онъ хрипѣлъ и сопѣлъ и напиралъ на Павла Павловича всей массою своего огромнаго тѣла, желая вслушаться въ его слова.

— Поправляется, поправляется,—почти пищалъ Павелъ Павловичъ.

— А, такъ вотъ какъ! Такъ вотъ оно что! Идти ли мнѣ, полно... Вѣдь я шелъ къ Семену проститься: часто тоже ругивались другой разъ, вѣдь суета суетъ, знаешь... Но, а теперь, ежели онъ поправляется, такъ зачѣмъ, успѣю послѣ... Еще, можетъ, Семенъ со мной разъ двадцать поссорится. Такъ ли я говорю, а?—уже съ улыбкой спросилъ Кузьма Ильичъ.

Павелъ Павловичъ на эту улыбку не отвѣтилъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Я тоже шелъ проститься, по христіанскому обычаю; но, говорятъ, теперь тревожить больного послѣ операціи не ловко.

— Такъ его рѣзали? — съ удивленіемъ спросилъ Кузьма Ильичъ.

— Да, дѣлали разрѣзъ около сердца.

— Ишь ты! народъ какой,—около сердца: я бы ни за что— умирать, такъ умирать, потому воля Божія, а рѣзать, да еще около сердца—это ужъ не по закону...

— Какъ случится: другой разъ воля Божія этимъ самымъ и проявляется.

— Гм... гм... Бываетъ, бываетъ, всяко бываетъ. Все отъ Бога...

Кузьма Ильичъ опять засопѣлъ и держалъ за руку Павла Павловича, уставивъ на него свои маленькіе, мышиные глазки.

— Да, да, говорятъ, было плохо,—продолжалъ Павелъ Павловичъ, — Семенъ Игнатьевичъ уже духовное завѣщаніе подписалъ, и послѣднее таинство было совершено—готовился совсѣмъ умирать... А, знаете, вѣдь двѣсти тысячъ наличности оставилъ. Подумайте, вѣдь это отлично...

— А долговъ сколько, а?—пытливо устремляя свои маленькіе глазки въ глаза говорившаго, спросилъ Кузьма Ильичъ: — сколько долговъ-то?

— Этого я не знаю.

Коромысловъ сдѣлалъ шагъ назадъ отъ Кузьмы Ильича, недовольный не только его вопросомъ, но и тѣмъ презрительнымъ тономъ, которымъ этотъ вопросъ былъ сдѣланъ. На это недовольство Кузьма Ильичъ не обратилъ никакого вниманія, и хотя ухватился за руку Павла Павловича, но совершенно по другимъ причинамъ, болѣе, по его мнѣнію, заслуживавшимъ уваженія, чѣмъ какое-то тамъ недовольство.

— Нѣтъ, братъ, какъ хочешь,—захрипѣлъ онъ, возвышая тонъ,—какъ хочешь, я тебя не пущу: потому войти-то я сюда вошелъ, а сойти-то ужъ одинъ не могу.

Павелъ Павловичъ молча покорился своей печальной участи, быть проводникомъ такой огромной массы, какую представлялъ собою въ общей сложности Кузьма Ильичъ — и оба стали спускаться съ лѣстницы. Кузьма Ильичъ держался за плечо Коромыслова, какъ дѣлалъ это по обыкновенію во всѣхъ случаяхъ, грозившихъ его тѣлу опасностію паденія, и сильно утруждалъ Павла Павловича своей тяжестью. Коромыслова не столько утруждала эта тяжесть, сколько опасеніе за то, что если Кузьма Ильичъ оступится и повалится внизъ, то отъ этого можетъ произойти большое крушеніе. Оба осторожно спускались внизъ и, спускаясь, не разговаривали; только когда, наконецъ, вступили на послѣднюю ступеньку и почувствовали подъ ногами надежную почву, Кузьма Ильичъ первый сказалъ:

— Живетъ широко, а мужикъ умный, умный... Я тебѣ скажу одно: умный мужикъ!.. Министръ!.. Только живетъ широко...

— Да, да, правда,—согласился собесѣдникъ и потомъ добавилъ какъ-бы въ оправданіе Семена Игнатьевича: — дѣла большія и нельзя, значитъ, иначе...

Но Кузьма Ильичъ, недовольный такимъ объясненіемъ, пригрозилъ своимъ огромнымъ пальцемъ собесѣднику и такъ посмотрѣлъ на него, какъ-будто самъ онъ, этотъ собесѣдникъ, былъ обвиняемъ имъ въ расточительствѣ.

— Вы нынѣшніе молодые, вы всѣ такъ—нельзя да нельзя... А помнишь притчу о богатомъ и Лазарѣ, помнишь? Какое воздаяніе-то за широкую-то жизнь. Этого нельзя — всѣмъ умирать придется, нужно смертный часъ помнить...

Собесѣдникъ молчалъ, давно уже зная, что съ Кузьмой Ильичемъ спорить безполезно: какіе бы ему доводы ни были представлены, онъ, какъ дятелъ, будетъ стучать все въ одно мѣсто и твердить свое. Они спустились на улицу, и Кузьма Ильичъ намѣревался уже поплестись къ своему дому и протянулъ на прощанье собесѣднику свою огромную руку, но, потомъ припомнивъ что-то, спохватился и спросилъ:

— Такъ ты говоришь, двѣсти тысячъ наличности, да?

— Двѣсти тысячъ. Это вѣрно: самъ видѣлъ у нотаріуса въ книгѣ.

Кузьма Ильичъ задумался. Снялъ свой малахай, почесалъ въ затылкѣ и потомъ, помычавъ что-то, сказалъ:

— Мужикъ, я тебѣ скажу, одно слово — министръ, да!.. Министръ!..

И молча протянувъ руку, пошелъ себѣ, переваливаясь всей огромной массой тѣла съ одной ноги на другую...

Съ этого дня въ мнѣніи Кузьмы Ильича Семенъ Игнатьевичъ занялъ мѣсто болѣе видное, чѣмъ раньше. Онъ рѣже сталъ говорить про него, что «протранжиритъ» и только никакъ не могъ отдѣлаться отъ овладѣвшей уже имъ привычки уподоблять Семена Игнатьевича евангельскому богачу, которому предстоитъ въ будущемъ печальная участь — кипѣть въ смолѣ. Насчетъ той участи, какая должна была на томъ свѣтѣ пріуготовиться его собственной персонѣ, Кузьма Ильичъ благоразумно умалчивалъ, лелѣя, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ такое мнѣніе, что во-первыхъ, онъ живетъ «тихо, смирно», во-вторыхъ, у него «горятъ лампадочки», и, въ-третьихъ, что онъ много пожертвовалъ и еще пожертвуетъ, «а слѣдовательно—опасаться за будущее нечего, за него, такъ-сказать, было заплачено впередъ».

«Однако, гм... гм... Семенъ-то? Гм... гм... Вѣдь это мнѣ удивленіе», все-таки думалъ онъ по временамъ, догадываясь своимъ чуткимъ, купеческимъ умомъ, что въ дѣлѣ духовнаго завѣщанія что-то какъ-будто не такъ. Послѣ многихъ вздоховъ и почесываній затылка, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что «двѣсти тысячъ, положимъ, и были въ эти дни въ наличности, но не свободныя деньги, а такія, которыя, можетъ быть, на другой же день нужно было куда-нибудь сунуть въ уплату. Нѣтъ, у него, полагать надо, свободныхъ не бываетъ—развелъ дѣло большое и мечется въ немъ какъ оглашенный!»...

Но нужно было имѣть такую смётку, какую имѣлъ Кузьма Ильичъ, всю жизнь возившійся съ деньгами, чтобы придти къ такому заключенію о дѣлахъ Семена Игнатьевича; другимъ было это не подъ силу, а въ особенности тѣмъ изъ торговыхъ людей, которые жили не въ Малиновскѣ и не имѣли возможности видѣть, во всей совокупности, дѣлъ Семена Игнатьевича. Да и самъ Кузьма Ильичъ, такъ сказать, «спеціалистъ по части денегъ», высказывалъ свое мнѣніе не въ окончательной формѣ.

— Кто знаетъ, можетъ и въ правду: мужикъ умный...

Такимъ образомъ, Петръ Семеновичъ, не получивъ, по совершенно неожиданнымъ обстоятельствамъ, возможности осуществленія своего плана, далъ все-таки многимъ неразрѣшимую задачу о состояніи наличной кассы Семена Игнатьевича въ тяжелые дни его болѣзни. Еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, Семенъ Игнатьевичъ померъ, то, конечно, сынъ съумѣлъ бы воспользоваться благопріятными слухами о суммѣ его наслѣдства и извлечь изъ этихъ

слуховъ значительное увеличеніе кредита, для объявленія вслѣдъ засимъ несостоятельности по всѣмъ торговымъ дѣламъ; но теперь, когда Семенъ Игнатьевичъ сталъ поправляться отъ болѣзни, эти слухи о двухъстахъ тысячахъ наличнаго капитала не только могли путать дѣло, но породить даже множество затрудненій, какъ это предвидѣлъ и самъ Семенъ Игнатьевичъ еще въ то время, когда сынъ только задумывалъ осуществленіе своей идеи.

Въ характерахъ отца и сына, какъ могъ до сихъ поръ замѣтить читатель, была громадная разница: отецъ любилъ широкую дѣятельность, а сынъ стремился къ покою. Теперь дѣло складывалось такъ, что къ дѣятельности отца, расплачивавшагося всегда за любовь къ ней массою треволненій, должны были прибавиться новыя тревоги, новыя усложненія въ игрѣ той трудной роли богача, которую онъ разыгрывалъ, не имѣя капитала.

Петръ Семеновичъ нимало не задумывался объ этомъ трудномъ положеніи, предстоявшемъ отцу впереди, не задумывался онъ потому, что отецъ всегда былъ, по его мнѣнію, въ такомъ положеніи, а слѣдовательно, съумѣетъ и теперь его переносить. Петръ Семеновичъ задумывался о своихъ собственныхъ дѣлахъ: ему хотѣлось поскорѣе на покой, а покой этотъ отъ него все отодвигался далѣе и далѣе. Теперь его почти и не было видно впереди. Развѣ вотъ, — думалъ онъ, — женюсь, да разбогатѣю...

Такого рода думы посѣщали Петра Семеновича не разъ и прежде, когда отецъ еще только начиналъ приготовляться къ пріискиванію для него богатой невѣсты, но тогда сыну не такъ еще хотѣлось добыть себѣ самостоятельность, какъ теперь. Теперь это желаніе самостоятельности, послѣ неосуществившагося предположенія о смерти отца, еще сильнѣе проникло въ его душу и стало томить ее. Онъ живо представилъ себѣ, какъ вскорѣ по выздоровленіи отца начнется опять суетливое время, опять заботы, хлопоты, тогда какъ онъ, Петръ Семеновичъ, желалъ совсѣмъ другого и это желаніе было уже такъ близко къ своему осуществленію.

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю! Какъ ему угодно, такъ пусть онъ и дѣлаетъ съ своими дѣлами, а въ мои дѣла я ему путаться не дамъ... Вотъ только бы мнѣ жениться, да получить деньги за невѣстой, тогда поминай какъ звали!

Такъ предполагалъ устроить въ будущемъ свои отношенія къ отцу Петръ Семеновичъ и, казалось, даже недоволенъ былъ тѣмъ, что онъ начинаетъ выздоравливать...

XI.

Но если недовольство по случаю начавшагося выздоровленія Семена Игнатьевича замѣчалось до нѣкоторой степени въ его сынѣ, то лишь потому, что сынъ этотъ еще не достаточно былъ помятъ жизнію, не съумѣлъ надлежащимъ образомъ держаться на ея сценѣ, тѣмъ болѣе, что главный режиссеръ, подъ управленіемъ котораго онъ находился, лежалъ еще въ постели и не могъ ободрить его, направить, сдѣлать внушеніе и вообще «подтянуть».

Не таковъ былъ Спиридонъ Ѳедоровичъ: онъ также помалчивалъ и теперь, когда явно разрушались его надежды на близкую смерть Семена Игнатьевича, какъ помалчивалъ и тогда, когда эта близость уже почти была осязаема. Онъ и теперь также подпрыгивалъ на лѣвую ногу, шагая изъ комнаты хозяина въ контору, какъ подпрыгивалъ раньше въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, и только одну перемѣну можно было замѣтить въ немъ—это особенную заботливость о своемъ туалетѣ. Онъ сталъ тщательнѣе слѣдить, чтобы на его платьѣ не было ни одной пылинки, сталъ таращить глаза за спину, вертясь предъ зеркаломъ въ своей комнатѣ, очевидно, въ заботахъ о томъ, хорошо-ли сшитъ его сюртукъ и вообще есть-ли во всей его фигурѣ надлежащая представительность для того, чтобъ при помощи ея покорить чье-то сердце. Въ такомъ вспомогательномъ средствѣ, какое представляетъ собою при покореніи женскихъ сердецъ хорошій покрой платья, онъ сталъ ощущать надобность, повидимому, съ того времени, какъ запала въ его сердце надежда—жениться на Машѣ. Эта тщательная ревизія пылинокъ и покроя платья предъ зеркаломъ не была бы никѣмъ замѣчена и осталась бы тайною, въ которую и облекалъ ее Спиридонъ Ѳедоровичъ, если бы по случайному обстоятельству Петръ Семеновичъ не появился въ его комнатѣ совершенно не въ указанный часъ. Свиданіе это произошло ночью, на другой день послѣ сдѣланной Семену Игнатьевичу операціи.

— Что это вы, Спиридонъ Ѳедоровичъ, вертитесь передъ зеркаломъ?—спросилъ Петръ Семеновичъ, входя въ его комнату.

Спиридонъ Ѳедоровичъ вздрогнулъ и широко раскрылъ глаза, силясь сквозь очки разсмотрѣть, что это такое за неожиданность.

— Вы собираетесь, что-ли, куда, въ клубъ, или, можетъ, назначено какое-нибудь свиданіе... Въ такомъ случаѣ, пожалуйста,

не стѣсняйтесь:—я не хочу вамъ мѣшать, я уйду и завтра переговоримъ.

Въ голосѣ Петра Семеновича не было слышно ничего насмѣшливаго, скорѣе онъ говорилъ печальнымъ тономъ, какъ человѣкъ, у котораго есть на душѣ невысказанное горе. Спиридонъ Ѳедоровичъ не сталъ распространяться о томъ, что ему рѣшительно незачѣмъ ѣхать послѣ полночи въ клубъ, что у него не назначено нигдѣ и никакого свиданія, а, по привычкѣ говорить коротко и ясно, отвѣтилъ Петру Семеновичу, указывая себѣ на рукава.

— Жметъ!

— Новый сюртукъ, что-ли, сшили?

Спиридонъ Ѳедоровичъ утвердительно кивнулъ головой и сталъ шагать по комнатѣ, подпрыгивая на лѣвую ногу.

Петръ Семеновичъ сѣлъ за конторскій столъ, облокотился на него и, склонивъ голову на ладонь руки, слѣдилъ глазами за Спиридономъ Ѳедоровичемъ.

Спиридонъ Ѳедоровичъ, заложивъ руки за спину и нѣсколько сгорбившись, шагалъ изъ угла въ уголъ, казалось, забывъ, что въ комнатѣ былъ Петръ Семеновичъ. Для посторонняго человѣка, незнакомаго съ характерами этихъ двухъ лицъ, ихъ безмолвіе могло казаться подозрительнымъ: навѣрное они поссорились, могъ бы подумать онъ. Между тѣмъ ни Петръ Семеновичъ, ни Спиридонъ Ѳедоровичъ не имѣли никакихъ поводовъ къ ссорѣ и даже не только не тяготились обоюднымъ молчаніемъ, но и понимали его. Насколько понималъ Петръ Семеновичъ молчаніе Спиридона Ѳедоровича — это еще вопросъ, но что Спиридонъ Ѳедоровичъ зналъ, о чемъ думаетъ хозяйскій сынъ,—это ясно выразилось послѣ нѣкоторыхъ минутъ ихъ обоюднаго молчанія. Совершивъ еще десятковъ пять движеній изъ угла въ уголъ и не отнимая рукъ изъ-за спины, Спиридонъ Ѳедоровичъ остановился, наконецъ, передъ сидѣвшимъ за столомъ Петромъ Семеновичемъ и, уставивъ на него сквозь очки свои большіе сѣрые глаза, сказалъ:

— **Надо ждать.**

И опять съ правильностію часового маятника зашагалъ изъ угла въ уголъ.

— Да, жди, когда еще все это дѣло устроится,—рѣзко замѣтилъ Петръ Семеновичъ—и порывисто перемѣнилъ свое положеніе на стулѣ.

— Жди! Еще прошедшій разъ я попа ублажалъ цѣлый часъ, и такъ и этакъ уговаривалъ его... Сколько было потра-

чено словъ и обѣщаній... да вѣдь это ужъ и не первый разъ: еще отецъ до болѣзни чуть-ли уже не съ годъ времени ходилъ около него, обѣщалъ ему тысячу рублей, а все не поддается.

— Тысячу мало,—промолвилъ Спиридонъ Өедоровичъ, опять останавливаясь предъ Петромъ Семеновичемъ.

— Предложить развѣ еще тысячу.

— Да!

— Гм! гм,—продолжалъ Петръ Семеновичъ:—этакъ сколько разбросаешь денегъ, пока дѣло-то кончится!..

— Да!

Нужно замѣтить, что Спиридону Өедоровичу не было въ точности извѣстно, сколько выдано Павлу Павловичу Коромыслову денегъ въ ожиданіи выхода замужъ его племянницы за Петра Семеновича; но что онъ догадывался на-счетъ этихъ выдачъ—это было ясно, потому что теперь, отвѣтивъ «да» на слова Петра Семеновича, онъ не отошелъ отъ него, чтобы начать снова свое измѣреніе комнаты, а стоялъ передъ нимъ, широко разставивъ ноги и смотря прямо ему въ глаза.

— Да! — снова повторилъ онъ, какъ-бы вызывая продолженіе разговора на ту же тэму.

Такъ какъ послѣдніе трудные дни болѣзни Семена Игнатьевича вызвали уже много такихъ тайнъ, о которыхъ до сихъ поръ никто не зналъ, кромѣ его самого, то тайна о количествѣ суммы, выданной Павлу Павловичу Коромыслову, уже не составляла большой важности въ общей сложности сюрпризовъ, заявленныхъ больнымъ въ тѣ трудныя минуты, которыя онъ считалъ предшествовавшими переходу его въ вѣчность. Теперь количество этой суммы было интересно только по самой тэмѣ разговора собесѣдниковъ, но ея навѣрное не могъ опредѣлить и самъ Петръ Семеновичъ, потому что, по словамъ отца, Павелъ Павловичъ бралъ у него деньги въ разное время и разными суммами.

— Однако, сколько?—спросилъ Спиридонъ Өедоровичъ, закладывая руки въ карманы брюкъ.

— Тысячъ до семи, кажется...

— Мало!

— Да, мало, какъ же!—недовольнымъ тономъ возразилъ Петръ Семеновичъ:—мало! тысячъ десять убудетъ изъ всей-то суммы; вѣдь это, батенька, пять процентовъ...

Спиридонъ Өедоровичъ ничего на такую жалобу не возразилъ, замѣтно не придавая ей никакого значенія, и зашагалъ

опять по комнатѣ. Можетъ быть, и Петръ Семеновичъ понялъ, наконецъ, что его жалобный тонъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ неумѣстенъ—вздохнулъ и замолчалъ.

Спустя нѣсколько времени оба они сошлись на срединѣ комнаты и на этотъ разъ заговорили уже не о планахъ на-счетъ женитьбы, а по поводу тѣхъ сюрпризовъ, которые заявилъ накануне Семенъ Игнатьевичъ. Оба знали положеніе дѣлъ, количество предстоящихъ впереди платежей, количество товаровъ и полученій разныхъ суммъ, словомъ, оба знали теперь о степени трудности, съ какою бороться нужно было Семену Игнатьевичу и даже удивлялись, какъ онъ могъ такъ долго хранить отъ нихъ въ тайнѣ нѣкоторые изъ своихъ значительныхъ долговъ. Поохалъ Петръ Семеновичъ, повздыхалъ, подводя итоги разнымъ суммамъ долговъ, камнемъ лежащихъ на торговыхъ дѣлахъ отца, и рѣшительно заявилъ, что безъ несостоятельности обойтись трудно.

— Выкрутится!—замѣтилъ Спиридонъ Ѳедоровичъ.

— На время только оттянетъ, ну, на полгода, на годъ, а тамъ все равно нужно будетъ идти на несостоятельность. Лучше бы теперь, самое подходящее время. Увеличилъ бы кредитъ до милліона—и конецъ.

— Не захочетъ.

— Знаю я его, конечно, не захочетъ, пока его совсѣмъ не скрутитъ дѣло. Будетъ кряхтѣть, ночи не спать, все придумывать разные выверты да выходы...

— Уменъ!

— Что-жъ изъ этого? Уменъ — никто не споритъ, а глупостей развѣ мало въ немъ. Есть достаточное количество. Вотъ хоть бы амбиція его—предѣловъ ей нѣтъ: первую роль въ городѣ играетъ, а чего это стóитъ!.. Предсѣдатель комитета вспомоществованія, директоръ въ банкѣ, управляющій общества улучшенія и поощренія и т. д. и т. д. И все это ему такъ дорого и все это для него почти цѣль жизни.

— Всякому свое,—замѣтилъ Спиридонъ Ѳедоровичъ, начиная опять ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

Однако былъ уже поздній часъ, и такъ какъ безплодныя жалобы ни къ чему не могли привести собесѣдниковъ, то оставалось имъ снова разойтись для того, чтобы на слѣдующій день, когда кончится дневная суета и снова наступитъ свободное время, опять сойтись для взаимныхъ объясненій о дѣлахъ и предположеній на-счетъ того, чтó предприметъ Семенъ Игнатьевичъ, когда совершенно оправится послѣ болѣзни.

Теперь, когда Петръ Семеновичъ ушелъ и Спиридонъ Ѳедоровичъ, оставшись одинъ, могъ свободно заняться тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, онъ прежде всего заперъ дверь на замокъ, снялъ поспѣшно свой сюртукъ, бережно повѣсилъ его въ гардеробъ и затѣмъ завалился съ ногами на диванъ. По глазамъ, гнѣвно сверкавшимъ злобой, по бровямъ, часто хмурившимся и по энергичнымъ быстрымъ поворотамъ его, съ одного бока на другой, дѣлаемымъ по временамъ при необычайномъ скрипѣ дивана, можно было заключить, что онъ сильно сердитъ на кого-то за что-то. На кого же было сердиться, какъ не на Петра Семеновича,—онъ былъ сейчасъ въ его комнатѣ, но за что—это вопросъ. Петръ Семеновичъ всегда былъ съ нимъ, какъ говорится, запросто, почти на равной ногѣ, они знали другъ друга уже болѣе десяти лѣтъ. Спиридонъ Ѳедоровичъ былъ постарше его лѣтъ на восемь—не болѣе, такъ что и въ сходствѣ лѣтъ была разница не слишкомъ крупная. Но Спиридонъ Ѳедоровичъ теперь, дѣйствительно, сердился на него. Впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ сердился часто, стараясь однако же отъ всѣхъ скрывать состояніе своего духа. Насколько онъ былъ мало разговорчивъ съ другими, настолько много разговаривалъ мысленно самъ съ собой и разбиралъ по косточкамъ каждаго, съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло. Теперь, ворочаясь на диванѣ съ боку на бокъ и безжалостно комкая подушку, на которой былъ вышитъ шерстями голоногій испанецъ съ гитарой, Спиридонъ Ѳедоровичъ точно вымещалъ на этомъ голоногомъ испанцѣ всѣ тѣ обиды, какія онъ будто бы перенесъ въ этотъ вечеръ отъ Петра Семеновича.

«Этакое полѣно неотесанное», злобно думалъ онъ о немъ, «рожу разнесло поперекъ шире, щеки чуть не лопаются отъ жиру, на Кузьму Ильича сталъ походить, а тоже охаетъ и вздыхаетъ о здоровьи: и грудь, говоритъ, ноетъ и тоска щемитъ сердце. На долго тебѣ эта тоска! Велишь вотъ запречь себѣ сѣраго рысака, погонишь на немъ сломя голову, народу перепугаешь по улицамъ сколько—вотъ тебѣ и облегченіе; а то натрескаешься шампанскаго съ такими же, подобными тебѣ остолопами—и тоска вся прошла до завтра... И всѣ-то заботы у нихъ, у проклятыхъ, только о деньгахъ. Ну, хоть бы разъ, разъ одинъ сказалъ о своей невѣстѣ, что вотъ, молъ, она мнѣ нравится, что вотъ, молъ, какъ я ее люблю, вотъ какіе у нея глазки, или вотъ такъ она сказала, такъ посмотрѣла... Эхъ, вы, истуканы серебряные!»

И понеслись мысли Спиридона Ѳедоровича отъ этихъ серебряныхъ истукановъ къ тому обаятельному образу, который жилъ давнымъ-давно въ его сердцѣ и мучилъ и томилъ его собою.

«Вѣдь вотъ какая моя несчастная судьба», думалъ онъ, «вѣдь могъ бы я устроить свою жизнь обстоятельно, и дѣвица Марія Семеновна тихая, кроткая, по гостямъ ходить не любитъ, и былъ бы я для нея мужъ самый подходящій».

Такъ мечтая о своей женитьбѣ, Спиридонъ Өедоровичъ уже не ворочался съ боку на бокъ и не мялъ безжалостно голоногаго испанца, а, развалившись во всю спину и заложивъ обѣ руки за подушку, мечтательно пялилъ глаза куда-то въ даль, какъ-бы стараясь прозрѣть въ этой дали свою будущую судьбу».

«Нѣтъ, я несчастливый человѣкъ, другому это все такъ легко дается, а мнѣ нѣтъ. Не везетъ. Главное, нѣтъ въ ея сердцѣ мнѣ отвѣта. Если бы, да если бы, да вѣдь какъ бы съ ней зажили: вѣдь ужъ какъ тамъ ни говори, а все же ужъ Семенъ Игнатьевичъ за дочкой-то отсыпалъ бы десяточка три тысченокъ. Нѣтъ, не везетъ. Не смотритъ она на меня, а впрочемъ, вѣдь иногда я замѣчалъ, какъ будто и взглядываетъ. Тутъ на-грѣхъ еще моя поганая близорукость, черезъ нее много теряю. Другой разъ, можетъ быть, она такъ на меня смотритъ, что до нея, какъ говорится, рукой подать, а я не вижу... Самыя увеличительныя очки купилъ, а все какъ-то не ясно, все какъ-то въ туманѣ... Замѣчаю, однако-жъ, что она поскучиваетъ, пригорюнилась, жениха поджидаетъ. Какъ не поджидать, дѣвушкѣ двадцать лѣтъ, родныхъ мало, тётка злющая, да тутъ отъ скуки удавиться можно. Не велика важность, что родитель въ другой разъ полгорода собираетъ на вечеръ, да развѣ это часто? Оно гораздо пріятнѣе, ежели когда гостей по-меньше, да народъ подходящій, по́-сердцу, напримѣръ... Вотъ бы вышла за меня, тогда бы мы выбрали, что́ намъ на руку... Ну, чѣмъ бы я ей не женихъ, чѣмъ я ей не пара?»

Спиридонъ Өедоровичъ снова поднялся съ дивана, зажегъ опять двѣ свѣчи и, поставивъ ихъ передъ зеркаломъ, надѣлъ свой новый сюртукъ и сталъ опять пялить глаза себѣ на спину, силясь разсмотрѣть сквозь очки «пара-ли онъ теперь Машѣ»...

«Надо уповать», думалъ онъ потомъ, завалившись спать, «никто какъ Богъ. Не вѣкъ же такъ жить и своего угла не имѣть! Все же чай тысячъ... ну, хоть двадцать дастъ же онъ за ней. Гм... гм... Да вѣдь надо еще ее сначала добыть—дорога дальняя: иду, иду, а все ничуть не ближе. Эхъ, ты жизнь моя горькая!»

Такимъ образомъ, уподобленіе Петра Семеновича серебряному истукану было со стороны Спиридона Өедоровича, если и справедливо, то нѣсколько односторонне, такъ какъ и самъ онъ

плѣнялся въ Машѣ всего болѣе тѣмъ, что за нею могло быть получено хорошее приданое.

А Маша въ это время сидѣла въ своей комнатѣ, занятая думами, не имѣвшими ничего общаго съ думами Спиридона Ѳедоровича. Сознавая, что здоровье отца уже близко къ полному возстановленію, она сосредоточивалась на мысли, какъ ей поступить въ томъ случаѣ, когда отецъ окончательно встанетъ съ постели: высказать-ли ему прямо о своемъ намѣреніи уѣхать въ Петербургъ на медицинскіе курсы, или уѣхать ничего не говоря. Если сказать, то когда и какъ; если ѣхать тайно, то какое для этого избрать время?

Д. Стахѣевъ.

ЧЕРНОГОРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

I.

Родилась черногорка... Мать убаюкиваетъ ее словами юнацкихъ пѣсенъ, обѣщая въ нихъ ей мужа — не богача, не красавца, но богатыря:

„Расти, кчери, докле не порастеш,
Кад порастеш, кад лепа нарастеш,
Удатьу те за добра јунака".
(Рости, дочка, пока не выростешь красивою дѣвушкою,
тогда я выдамъ тебя замужъ за храбреца).

Вотъ первое воспитаніе черногорки, — первое пророчество и желаніе ея матери, которая только объ одномъ и думаетъ, чтобы ея дочь вышла замужъ за богатыря. Но что̀ отецъ, — ка̀къ онъ относится къ новорожденной? «Извините», говоритъ отецъ, разсказывая о рожденіи дочери, «у меня родилась дочь» — и это «извините» («опростите»), характеризующее отношеніе отца къ новорожденной, сопровождаетъ ее до могилы: черногорецъ о своей дочери, женѣ, сестрѣ, матери, не можетъ иначе говорить, какъ прибавляя слово «опростите». Почему же это такъ?

Многіе путешественники, не проникнувъ въ центръ страны, по незнанію языка и нравовъ, по недоступности горъ и самаго народа, не любящаго сближаться съ иностранцами, поняли этотъ обычай, какъ фактъ, говорящій въ пользу ихъ предположенія, что черногорка — рабыня. Но они очень ошибаются: я, зная свою родину и ея обычаи, готовъ опровергнуть эти нелѣпыя свѣдѣнія, распространяемыя по Европѣ, и постараюсь дальше

объяснить, что черногорка пользуется полнымъ равенствомъ съ черногорцемъ.

Дѣйствительно, черногорецъ не радуется новорожденной: онъ предпочитаетъ, чтобы у него родился сынъ; но этого самаго мнѣнія придерживаются поселяне всего міра, потому что, получая сына, они со временемъ пріобрѣтаютъ рабочую силу. А въ Черногоріи и еще болѣе нуждались въ сыновьяхъ: историческая жизнь этого народа сложилась такъ, что ему приходилось 500 лѣтъ бороться за свободу своей родины съ врагомъ, гораздо сильнѣйшимъ его—турками, и очень естественно, что онъ, какъ народъ воинственный, желалъ имѣть побольше людей, способныхъ воевать; во-вторыхъ, общественная жизнь черногорца заставляла его постоянно съ нетерпѣніемъ ожидать сына: до владыки Петра II между самими черногорцами шли племенныя распри, происходившія изъ «кровной мести», и надѣяться на побѣду должна была та сторона, въ которой преобладало мужское населеніе. Въ-третьихъ, домъ и, наконецъ, племя, въ которомъ находилось больше мужчинъ, брало верхъ надъ другими племенами и называлось «кугичи», а другіе — «никоговичи» (это замѣняло въ Черногоріи несуществующія тамъ сословія). Нельзя было не желать сыновей, — и такъ это бывало и бываетъ у всѣхъ воинственныхъ народовъ.

Но почему же «опростите», почему съ такимъ пренебреженіемъ встрѣчаетъ черногорецъ черногорку, появляющуюся на свѣтъ? Какъ вы увидите изъ моего разсказа, черногорецъ уважаетъ женщину и готовъ погибнуть за нее; но патріархальные нравы смотрятъ вообще на отношенія къ женщинѣ, какъ на грѣхъ, и черногорецъ также говоритъ «опростите» и о родившемся сынѣ. Если ему необходимо сказать, что его супруга находится въ интересномъ положеніи, онъ не находитъ словъ для выраженія этого обстоятельства, и смѣшно смотрѣть, какъ усиливается онъ подыскать болѣе приличное и удобное слово.

Но, несмотря на предпочтеніе сыновей, черногорская дѣвочка растетъ, встрѣчая такую же любовь; съ того времени, какъ дѣвочка начинаетъ говорить, отецъ не пренебрегаетъ ею, играетъ съ ней, цѣлуетъ ее. Хотя она при появленіи на свѣтъ и не возбуждаетъ такого одушевленія и радости, какъ сынъ, котораго встрѣчаютъ выстрѣлами, поздравленіями и пиршествами, но все-таки она считается равнымъ членомъ семейства, какъ и ея братъ. Ея воспитаніемъ — опять, какъ вездѣ — занимается мать, сестра, тётка, вообще женщины; отцу принадлежитъ исключительно воспитаніе сына. Но и дочь внимательно слушаетъ, какъ отецъ, сидя вече-

ромъ у костра, поетъ эпическія пѣсни своего народа, «уз гуслярски звон», и также съ ребячества напитывается духомъ храбрости и самопожертвованія, который отличаетъ черногорскихъ женщинъ.

II.

Воспитаніе черногорской женщины — спартанское. Она растетъ въ родительскомъ домѣ до седьмого года; подросши, она исключительно занимается уходомъ за птицами; на нее до этого времени и не обращаютъ много вниманія. Но когда исполнилось дѣвочкѣ семь лѣтъ, въ ней уже появляется инстинктивное стремленіе къ труду, ее начинаютъ считать членомъ семейства, которое своимъ трудомъ заработываетъ хлѣбъ. Не разъ путешественникъ встрѣчалъ на отвѣсныхъ скалахъ Черногоріи молодую дѣвчонку, которая тащитъ на плечахъ тягу дровъ, ею самою нарубленныхъ,—не разъ онъ могъ видѣть румяную восьмилѣтнюю дѣвочку, которая, какъ серна, прыгаетъ по неприступнымъ скаламъ романтичнаго Ловчена за бѣлорунными стадомъ.

Въ Черногоріи развито скотоводство, особенно въ краяхъ сосѣднихъ съ Герцеговиной, Старой-Сербіей и Албаніей. Заниматься скотоводствомъ, быть пастухомъ — считается почетнымъ; несмотря на родъ, племя и развитіе, всѣ черногорцы и черногорки переживаютъ эту фазу жизни. Странно это кажется многимъ путешественникамъ; одинъ изъ русскихъ ученыхъ путешественниковъ удивлялся, что черногорскій князь былъ прежде пастухомъ... Но пастушество для черногорца—и военная школа. За недостаткомъ въ своемъ краю пастбищъ, черногорцы принуждены были водить свои стада на турецкую территорію и тамъ пасти ихъ силой. Окруженные со всѣхъ сторонъ ренегатами, которые въ храбрости нисколько не уступаютъ имъ самимъ, черногорцы неоднократно вынуждены бывали съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать своего барана,—иной баранъ стоитъ головы черногорскаго юноши, нерѣдко и дѣвушки. Благодаря этой обстановкѣ и у черногорской дѣвушки и женщины формируется такой характеръ, — пріобрѣтается энергія, храбрость, которыя стали славой черногорскаго народа. Здѣсь черногоркѣ-дѣвицѣ случается увидать раненаго брата, убитаго дядю, обезглавленнаго отца! Нервы ея крѣпнутъ, она исполняется местью туркамъ; ей не разъ приходится и самой участвовать въ схваткѣ...

Вотъ одинъ случай. На восточномъ краю Черногоріи живетъ

племя Дрекаловичей, которые пасутъ свои стада въ густыхъ лѣсахъ высокаго, вѣчно покрытаго снѣгомъ Дурмитора, большая часть котораго принадлежитъ туркамъ-колашинцамъ. Паслось стадо черногорца Митры, смотрѣла за нимъ двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка Яница, рядомъ паслись стада и другихъ черногорцевъ: всего въ этомъ краю находилось до двадцати пастуховъ и пастушекъ. На противоположной сторонѣ пасли турки-колашинцы. Въ одно майское утро, раньше зари, послышался голосъ Яницы: «братцы, на ноги! идутъ турки!» Моментально этотъ голосъ разнесся между молодыми пастухами и пастушками. Всѣ встали, вооружились и, собравъ раньше свое стадо и заперши его въ торъ, заняли позицію. «Гдѣ турки, Яница?» — «Вотъ, смотри, уже подымаются на гору. Идите, ребята, веселѣй, рубите турка, — вѣдь онъ несетъ намъ свое оружіе въ подарокъ».

«За крестъ частни и слободу златну — кто черногорецъ — впередъ!» закричала Яница и бросилась впередъ, вооруженная однимъ кремневымъ пистолетомъ. Для черногорца и не нужно больше этого слова: тогда онъ бросаетъ ружье—цефердарь, хватаетъ «святой ятаганъ» и бросается на врага. Пастушки тоже послѣдовали за ними: у одной—дубина, у другой—топоръ, у третьей—ружье, но у большинства—камни, которые онѣ и бросаютъ съ высокихъ скалъ на наступающаго врага...

Схватка началась... Турки отступаютъ, черногорцы торжествуютъ, возвращаясь съ окровавленными ятаганами и турецкими трофеями; они безъ особенныхъ потерь уничтожили двадцать турокъ. Но кого несутъ на носилкахъ по извилистой тропинкѣ? Это—Яница: она довольно тяжело ранена ятаганомъ по плечу; спасая другого, она получила сама ударъ, но она не плачетъ,— она смѣется, она радуется, что спасла своего жениха Марка.

При такихъ примѣрахъ, которыхъ множество, черногорки не только участвуютъ въ битвѣ, но послѣ ухаживаютъ за ранеными, становясь сестрами милосердія. Не мудрено, что изъ нихъ воспитываются впослѣдствіи матери—славянскія спартанки...

Въ послѣдніе годы и русскимъ докторамъ не разъ случалось видѣть между своими паціентами дѣвочекъ 8—12-ти лѣтъ. Лично я зналъ двухъ такихъ,— онѣ лежали въ цетиньскомъ госпиталѣ «Билярда». Обѣ были ранены въ правое плечо.

О чемъ же думаетъ такая пастушка въ продолженіи своего пастушества?

На неприступныхъ романтичныхъ черногорскихъ горахъ, пропитанныхъ кровью турецкой, нерѣдко увидишь молодую строй-

ную, красивую дочь природы, которая, какъ олень, прыгаетъ за молодыми ягнятками.

„Расти драги, докле не порастеш,
Кад порастеш, проси ме у отца,
Па донес ми на дар тиябуку,
Турску главу на верх оштра колца".
(Расти мой женихъ, пока не выростешь; когда выростешь, проси меня у отца, но принеси мнѣ въ подарокъ яблоко — турецкую голову на остромъ колу).

Такъ черногорка еще ребенкомъ пропитана традиціоннымъ озлобленіемъ противъ турокъ и подстрекаетъ своего будущаго жениха, чтобы онъ непремѣнно постарался добиться ея любви «кровью турка», — она отъ него ничего не желаетъ, только чтобы онъ былъ юнакъ.

Цивилизованныя дамы могутъ придти въ ужасъ: «что тутъ хорошаго? Варварство, отсутствіе женской нѣжности, жажда къ пролитію крови» и т. п. Но я скажу въ защиту моихъ соотечественницъ, что женщина, которая съ самаго рожденія слушала «уз гуслярни звон» о подвигахъ своихъ прадѣдовъ, которая видѣла, можетъ быть, не разъ, какъ турки ранили ея отца, оскорбили сестру, мучили старую мать, отрубили голову любимому брату и пр., и не можетъ иначе чувствовать; ея условія жизни, окружающая среда, доблестная исторія ея народа—даже обязываютъ ее быть подстрекательницею народа, которому она считается дочерью.

III.

Но пускать взрослыхъ дѣвушекъ въ пастушки или «пастирицы», какъ ихъ у насъ называютъ, въ обществѣ молодыхъ «пастырей», безъ всякаго родительскаго присмотра, — не покажется ли съ перваго взгляда страннымъ и щекотливымъ? Правда, странно для человѣка незнакомаго съ высокою нравственностью черногорцевъ, но вполнѣ естественно для того, кому она извѣстна. Народъ черногорскій придаетъ великое значеніе чистотѣ нравовъ, — рѣдко случается, чтобы дѣвушка нарушила строгій обычай. Если такая и найдется, — она не только бываетъ прогнана изъ родительскаго дома, но народный обычай прогоняетъ ее и изъ границъ ея маленькаго отечества; обыкновенно она обречена искать убѣжища въ Турціи и Австріи. Но и молодца, который осмѣлился пренебречь обычаемъ, ждетъ ужасная казнь:

въ большинствѣ случаевъ его убиваютъ братья оскорбленной дѣвушки, хотя случается, что дѣло приходитъ къ обоюдному соглашенію, т.-е. онъ женится на дѣвушкѣ. Но и впослѣдствіи, уже въ законномъ бракѣ, она не пользуется уваженіемъ. Не разъ изъ-за этого повода выходили ужасныя кровопролитія между племенами, изъ которыхъ однѣ принимали сторону дѣвушки, другія—юноши.

Тридцать лѣтъ тому назадъ,—разсказывала мнѣ бабушка,—жила въ моей деревнѣ дѣвица Мака, которую родители послали пасти стадо на островъ Вранину, на Скутарскомъ озерѣ. Тамъ пасло и племя цеклинъ. Между цеклинскими пастухами былъ сынъ капитана Лага Джуканова, Иванъ, который соблазнилъ Маку. Несчастная дѣвица поздно опомнилась—и рѣшила удавиться. Но въ ту минуту приходитъ ея братъ и спрашиваетъ: что сестрица? Отчего ты такъ скучна? Что съ тобой?

— Братъ, я недостойна зваться твоею сестрою, я несчастная, я нанесла пятно на нашъ храбрый домъ...

— Что ты сестра, съ-ума сошла или шутишь! Не можетъ быть! Кто оскорбилъ тебя? Покажи его или я убью тебя,—слышишь—покажи!..

Но несчастная не хотѣла выдать любимаго юнака, она предпочла смерть и бросилась въ глубокое озеро. Братъ посмотрѣлъ на эту сцену спокойно, онъ только сказалъ: «и лучше честно умереть, чѣмъ нечестной жить!» и бросился искать молодыхъ пастуховъ. Не долго искалъ; нашелъ ихъ онъ въ веселой бесѣдѣ, которую онъ прервалъ такими словами:

— Гдѣ скрылся извергъ, трусъ, подлецъ, который осмѣлился осрамить мою сестру? Если онъ юнакъ, то пусть выходитъ на поединокъ? Гдѣ онъ, баба?..

Закипѣла кровь, поднялась рука—и въ ней ятаганъ: вышелъ молодой, красивый парень, Иванъ: «Вотъ я! вотъ тебѣ и поединокъ!» Скрестили они ятаганы: разъ, два—и все кончено! Нѣтъ головы у Ивана—онъ убитъ...

Послѣ этого событія загорѣлась война между двумя племенами, стоившая сорока человѣкъ убитыми и ранеными. Такъ дорого цѣнятъ честь черногорки!..

Молодая черногорка сама сознаетъ, какъ она можетъ своей несдержанностью уронить свой домъ, даже племя, и предпочитаетъ смерть безчестію. Вотъ примѣръ изъ прошлогодней турецко-черногорской войны, извѣстный всей Черногоріи. На границѣ Васоевичей находится турецкая крѣпость Колашинъ, которая, кстати замѣтить, въ силу берлинскаго трактата, уже находится

въ рукахъ черногорцевъ. Въ 1877 году Мехмедъ-али-паша напалъ на племя Васоевичей; Али-Саибъ-паша двигался на соединеніе съ извѣстнымъ Сулейманомъ-пашой, который прошелъ Дугу, достигъ Никшича, перевалилъ на правую сторону и находился въ Бѣлопавличѣ.

Именно въ это время войско Мехмеда-али-паши, состоявшее изъ албанцевъ, которые его впослѣдствіи убили, заняло деревню, кажется, Смоково. Часть неуспѣвшихъ спастись жителей была вырѣзана, другая—посажена на колъ, третья—брошена на съѣденіе свиньямъ. Осталась въ живыхъ одна только жертва, шестнадцатилѣтняя дѣвушка Іоке. Во время всеобщаго избіенія она успѣла спрятаться въ какую-то пещеру, но зоркіе глаза юсбаши Мехмеда не упустили изъ виду красавицы; онъ бросился на Іоку, защищавшуюся, насколько было возможно, камнями. Бой былъ неравенъ; Мехмедъ естественно оказался сильнѣе, можетъ быть, не вполнѣ еще сформировавшейся дѣвицы... Онъ ее взялъ живую въ плѣнъ. Началъ онъ цѣловать свою плѣнницу. Защищаться было напрасно, оставалось употребить прирожденную горцамъ хитрость. Іоке обратилась къ Мехмеду съ такими словами: «делибаша (красавецъ)-турокъ, вѣдь я не убѣгу отъ тебя, я твоя... но только не здѣсь,—здѣсь насъ увидятъ, пойдемъ подальше, пойдемъ, делибаша!»

Мехмедъ послѣдовалъ за Іоке на край отвѣсной скалы. Здѣсь, стоя на границѣ жизни и смерти, Іоке прошептала Мехмеду: «поцѣлуй меня, делибаша!» Разгорѣлись глаза у свирѣпаго турка, охватилъ онъ ее своими окровавленными руками, охватила и она его за шею, крѣпко прижала къ своей дѣвической груди и —бросилась вмѣстѣ съ нимъ въ пропасть... Они погибли... Спустя нѣсколько дней родственники спустились въ пещеру и тамъ нашли два трупа: изверга Мехмеда и героини Іоке. Народъ впослѣдствіи говорилъ: молодецъ-дѣвушка!

На правой сторонѣ рѣки Тари, текущей въ черногорскихъ Дробнякахъ, находится монастырь Доволя, построенный монахомъ Германомъ въ 1707 г. Прелестная мѣстность, покрытая лѣсомъ, окруженная горами, приманила сюда и турокъ. Въ 1857 году въ этомъ монастырѣ находилась турецкая посада (гарнизонъ); начальнику ея пришлась по душѣ четырнадцатилѣтняя черногорская дѣвушка—и онъ рѣшилъ, во что бы ни стало, овладѣть ею. Но какъ это сдѣлать? Онъ хорошо зналъ, что черногорка не станетъ съ нимъ, мусульманиномъ, и разговаривать; оставалось увезти ее, что̀ онъ и сдѣлалъ. Несчастная дѣвушка пала жертвой страстей турецкаго бимбаши...

Вѣсть разнеслась по Черногоріи и особенно на Цетиньѣ. Тогдашній князь Даніилъ, человѣкъ мужественный и энергичный, никоимъ образомъ не хотѣлъ перенести оскорбленія, сдѣланнаго простой дѣвушкѣ, и немедленно приказалъ черногорцамъ уничтожить турецкій гарнизонъ. Сказано—сдѣлано. Гарнизонъ былъ истребленъ до единаго человѣка.

Считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о бесѣдѣ русскаго путешественника, А. Н. Попова, съ владыкой черногорскимъ, Петромъ II.

Поповъ. «Отчего нѣтъ въ Черногоріи ни одного постановленія объ оскорбленіи дѣвицы или замужней женщины?»

Владыка. «Не нужно».

Поповъ. «Но, а если кто оскорбитъ женщину?»

Владыка. «Это было бы то же самое, если бы вы сказали: «ну, а если кто вспрыгнетъ на луну?»

Далѣе въ своей книгѣ Поповъ говоритъ: «права мужчинъ и женщинъ въ Черногоріи однѣ и тѣ же, и нѣтъ никакой зависимости, кромѣ нравственной; личность женщины обезпечена еще болѣе, нежели личность мужчины».

Не разъ дѣвушки совершали подвиги, которымъ удивлялся весь народъ, и которые сохраняются въ народныхъ пѣсняхъ.

Вотъ, между прочимъ, историческій фактъ, вложенный народомъ въ уста гуслярамъ:

На деревню Камтелъ напалъ сильный отрядъ турецкихъ войскъ; онъ грозилъ превратить все въ пепелъ. Не трудно было взять приступомъ слабо защищенную деревню, и турки, дѣйствительно, взяли и разорили ее, но не могли овладѣть они «кулою» (башнею), въ которой искали убѣжища женщины и дѣти, геройски защищавшія ее. Много турокъ легло подъ стѣнами башни, но подъ конецъ не доставало силы храбрымъ женщинамъ.

— Что же намъ дѣлать?—спросила одна.

— Я знаю что!—отвѣтила дѣвица Іела Марунова и, стащивъ въ уголъ башни весь остававшійся порохъ, поспѣшно отворила ворота.

Турки, озлобленные потерями, воспламеняемые—отчасти желаніемъ отмстить за павшихъ товарищей, отчасти овладѣть женщинами, жадно бросились въ башню. Но когда вошло въ нее человѣкъ до 500, страшный гулъ взрыва пронесся по окрестностямъ: отъ башни остались только развалины—и въ нихъ похоронены всѣ—кто въ ней были—и славянки, и турки...

IV.

Черногорская дѣвушка бываетъ «планинкой» (пастушкой, отъ «планина»—гора) только весною и лѣтомъ—и тогда учится хозяйству: дѣлать масло, сыръ и проч., не забывая въ свободное время заняться работой. Она вяжетъ свои живописныя рубашки, схожія съ малороссійскими, шьетъ одежду брату, отцу, родственникамъ, дѣлаетъ обувь, т.-е. «опанки» или русскіе лапти: только у насъ они далеко прочнѣе, лучше и красивѣе.

Дѣвушку считаютъ за хорошую рабочую силу; она трудолюбива, она работаетъ постоянно — лѣтомъ и весной въ густыхъ лѣсахъ и пастбищахъ, осенью и зимой у родительскаго очага. Иначе не можетъ и быть. Условія черногорскаго быта заставляютъ женщину вести именно такую труженическую жизнь. Въ то время, какъ мужчины дерутся съ врагомъ, въ двадцать разъ сильнѣйшимъ, чтобы спасти свою родину, женъ и дѣтей, женщины занимаются домашними работами, чтобы имѣть возможность прокормить юнаковъ. Если къ этому еще прибавить, что, до послѣдняго времени, черногорцы, какъ народъ воинственный, всевозможныя ремесла считали ниже достоинства воина, и что не находилось человѣка, который согласился бы взять въ руки ремесленный инструментъ, то не мудрено, что приходилось женщинѣ дѣлать то, чего черногорецъ такъ боялся.

Кстати упомяну здѣсь, какимъ способомъ появился первый ремесленникъ въ Черногоріи, сапожникъ Чокета.

Молодой бѣлопавличъ Чокета приготовлялся въ какой-то школѣ къ священническому званію, но такъ какъ онъ хромалъ на одну ногу, то владыка и не согласился посвятить его. Въ это время князь Николай пригласилъ нѣсколько ремесленниковъ изъ Австріи въ учителя молодымъ черногорцамъ, которыхъ князь намѣревался собрать и отдать въ руки австрійскимъ учителямъ. Но, увы! князю не удалось собрать молодежи: кому онъ ни предложитъ,— всѣ отказываются. Всѣ говорятъ: «господару! наши предки рѣзали турокъ, а не сапоги шили, — мы убѣжимъ въ Турцію, если насъ заставятъ работать». Родители тоже взбунтовались. Нечего было дѣлать; князь долженъ былъ отказаться отъ своего плана. Только несчастный Чокета, не принадлежавшій къ хорошему племени, былъ жертвой черногорскаго прогресса. Князь, разъ гуляя съ своей свитой въ Цетиньѣ, замѣтилъ Чокету и, подозвавъ его къ себѣ, началъ говорить: «Ну, Чокета, знай,— я тебя повѣшу, если ты не начнешь работать!» «Вѣшай, госу-

дарь, я предпочитаю смерть этому постыдному ремеслу».—Какъ постыдное? Ты, мой милый, не знаешь, что многіе европейскіе государи учатся ремеслу,—не то, что ты, бѣдняжка. Пойдемъ, Чокета, къ сапожнику, поработаемъ вмѣстѣ, чтобы черногорцы не смѣялись надъ тобой,—и если кто тебѣ что-нибудь скажетъ, ты ему отвѣчай: я съ господаремъ работалъ». Сказано—сдѣлано. Князь взялъ въ руки работу и, такимъ образомъ, заставилъ работать Чокету. Такъ явился въ 1869 году первый черногорскій сапожникъ!

Но народъ не переставалъ смотрѣть на него съ презрѣніемъ, говоря: «ты занимаешься бабьимъ дѣломъ», а женщины говорятъ: «нашъ другъ Чокета».

V.

Итакъ, дѣвушкѣ приходится много и усердно работать. На этотъ трудъ черногорцы привыкли смотрѣть съ благодарностью, которую они высказываютъ не словами, а дѣломъ: отмстить за дѣвицу считается одинаковымъ, какъ и отмстить за мужчину. Поповъ разсказываетъ въ своемъ путешествіи по Черногоріи фактъ, случившійся въ его время.

Черногорцы хотѣли разрушить одну австрійскую казарму, находящуюся на границѣ маленькаго княжества, но ихъ было мало, штурмомъ взять ее было невозможно. Тогда одна черногорская дѣвушка безъ вѣдома мужчинъ вздумала поджечь казарму; ее замѣтили австрійцы и убили...

Увидавъ это, черногорцы взбѣсились: «какъ же можно убивать женщину? это бабье дѣло!» (Самъ черногорецъ считаетъ самымъ постыднымъ дѣломъ тронуть непріятельскую женщину). И, вынувъ ятаганы, бросились на казарму и отмстили за молодую героиню.

Черногорецъ считаетъ своею обязанностью защищать вездѣ и противъ всякаго хотя бы и незнакомую женщину или дѣвушку. Приведу въ примѣръ дѣйствительное событіе изъ жизни племени кучи.

Былъ праздникъ въ извѣстномъ монастырѣ Бѣлопавличскомъ подъ Острогомъ, гдѣ почиваетъ тѣло св. Василія, поклониться которому стекается почти вся Черногорія, часть Албаніи и Герцеговины, не исключая и турокъ. Отправилась и одна дѣвушка изъ племени кучи, по имени Ружа. Подкараулилъ ее молодой Станко и преслѣдовалъ ее по дорогѣ, пока не догналъ. Загово-

рилъ онъ съ нею, началъ любезничать, какъ выучился въ Подгорицѣ, турецкой крѣпости, гдѣ жилъ два года, предложилъ ей присѣсть: она его послушала. Взялъ онъ изъ своей торбы разныхъ съѣстныхъ припасовъ и предложилъ ей съ нимъ позавтракать: она не отказалась. Онъ было позволилъ себѣ и болѣе фамильярное обращеніе съ ней; отвѣтомъ былъ ударъ, который нанесла ему по лицу Ружа, говоря: «извергъ! ты за хлѣбъ и соль хочешь оскорбить меня и мой домъ». Подвыпившій Станко, думая, что никто его не видитъ и не слышитъ, кромѣ Ружи, схватилъ ее и силой повалилъ на землю. Но все это видѣлъ и слышалъ его родной братъ, который, какъ звѣрь, прыгнулъ чрезъ какую-то стѣну и ятаганомъ отрубилъ голову родному брату... За то онъ спасъ честь молодой черногорки. Этотъ фактъ случился въ 1858 году.

Какая громадная разница въ отношеніяхъ черногорца къ женщинѣ сравнительно съ нѣкоторыми изъ кавказскихъ племенъ: черкесовъ, имеретинцевъ и др., гдѣ продаютъ своихъ дочерей, чтобы наполнить гаремы турецкихъ вельможъ, гдѣ по случаю прохода турецкихъ войскъ добровольно приводятъ своихъ женъ въ палатки турецкихъ офицеровъ. И вотъ такихъ-то женщинъ нѣкоторые путешественники сравниваютъ съ свободными дочерями свободнаго народа!

Въ дополненіе этихъ эпизодовъ, не могу умолчать объ одномъ фактѣ нашей исторіи, гдѣ весь народъ принимаетъ участіе въ судьбѣ и чести нѣсколькихъ дѣвицъ.

Великій визирь боснійскій (1756 г.) съ 45,000 войскомъ вздумалъ заставить храбрыхъ черногорцевъ прислать ему «горный букетъ изъ лучшихъ цвѣтовъ неприступныхъ горъ». По преданію, визирь писалъ владыкѣ и государю черногорскому, Василію Петровичу: «слушай меня, горный монахъ: пришли мнѣ немедленно двѣнадцать красивыхъ дѣвицъ 12—15-ти-лѣтняго возраста, и кромѣ того еще вдову, красавицу Бѣлу Станишину: ихъ возьму я вмѣсто подати. Если не исполнишь моего желанія—клянусь тебѣ, черный монахъ, святымъ Мухамедомъ и богомъ Аллахомъ, что предамъ пламени всю Черногорію, и весь народъ вашъ или подъ саблю положу, или въ плѣнъ возьму!.. Помни о томъ, что̀ теперь написано тебѣ и скорѣй отвѣчай». Черногорія находилась тогда въ критическомъ положеніи: изнуренная продолжительными войнами, она была доведена до крайности, былъ недостатокъ въ военныхъ припасахъ, свирѣпствовалъ голодъ, не было, наконецъ, ни денегъ, ни лошадей... Что̀ оставалось дѣлать владыкѣ? Онъ собралъ всѣхъ племенныхъ старшинъ Черногоріи, прочиталъ

письмо, на которое рѣшено было, по эпическому преданію, отвѣтить такимъ образомъ: «пошлю я тебѣ вмѣсто дѣвицъ молодыхъ—двѣнадцать свиныхъ хвостовъ, а за одну Бѣлу Станишину — двѣнадцать бараньихъ роговъ, чтобы все это носилъ ты на своемъ турбанѣ; кромѣ того, пошлю тебѣ двѣнадцать камней, чтобы ты ихъ отослалъ царю, вмѣсто подати, и чтобы зналъ — что такое Черногорія». Послѣ такого отвѣта послѣдовалъ полный разрывъ между владыкою и визиремъ; черногорцы ждали турокъ у Оногошти. Сраженіе продолжалось четырнадцать дней — съ перемѣннымъ счастьемъ, подъ конецъ турки начали одерживать верхъ. У черногорцевъ уже истощился запасъ пороху, но имъ удалось добыть аммуницію отъ бокезовъ; они напали на турокъ, разбили ихъ, визирь самъ едва ускакалъ.

VI.

Обратимся къ домашней и общественной жизни черногорской дѣвушки.

Дѣвушка въ Черногоріи пользуется такою широкою свободою, съ которою можетъ сравниться только отчасти свобода американскихъ дѣвицъ. Родители пускаютъ ее вездѣ одну; даже и за границей Черногоріи, напр. на австрійскихъ и турецкихъ рынкахъ, присмотръ предоставляется ей. Иностранныхъ наблюдателей, которые считаютъ черногорку рабыней, поражаетъ и убѣждаетъ въ этомъ одинъ, съ перваго взгляда, странный обычай — цѣлованія дѣвушками и женщинами рукъ у мужчинъ, а въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи еще удержался обычай умовенія ногъ гостямъ. Этотъ послѣдній обычай очень древній, старославянскій и даже античный; существуетъ онъ въ пограничныхъ округахъ съ Герцеговиной и Старой-Сербіей: въ Банянахъ, Зубцахъ, Васоевичахъ и др. Что касается цѣлованія рукъ старшему,—то отъ него не освобождены и мужчины до шестнадцатилѣтняго возраста, т.-е. до той поры, пока они не начнутъ носить оружіе и воевать съ врагомъ отечества. Кромѣ того, женщина цѣлуетъ руку старшей женщины и сама получаетъ отвѣтный поцѣлуй въ щеку, напр., при встрѣчахъ на дорогѣ, хотя бы и незнакомыхъ черногорокъ. Неженатому мужчинѣ дѣвушка избѣгаетъ цѣловать руку; она считаетъ его недостойнымъ этой чести, потому что онъ еще не выросъ, чтобы носить оружіе, не выросъ, чтобы жениться, не выросъ, чтобы рѣзаться съ турками. Единственный случай, при

которомъ цѣлуютъ руку и у юноши, — это когда онъ отсутствовалъ изъ дома болѣе, чѣмъ на годъ.

Конечно, этотъ обычай кажется нѣсколько страннымъ иностранцу, привыкшему, напротивъ, изъ уваженія къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, цѣловать прелестныя ручки, пропитанныя ароматами и духами. Признаюсь, и для меня, черногорца по рожденію, этотъ обычай показался страннымъ. Въ 1870 г., когда по окончаніи гимназическаго курса, я возвратился въ свою родную деревню, гдѣ уважали меня, какъ сына племеннаго предводителя, — я помню, какъ собралась вокругъ толпа юнаковъ. Всѣ они цѣловали меня въ лицо, но, вдругъ, приходятъ дѣвушки, женщины и старушки, годящіяся мнѣ въ прабабушки, схватываютъ мои руки и покрываютъ ихъ поцѣлуями. Я покраснѣлъ при такой неожиданности и поднялъ руки вверхъ, чтобы не дать имъ возможности продолжать эту для меня непріятную сцену. Я крайне удивился, когда одна красотка заплакала при этомъ; послѣ я узналъ, что она обидѣлась — зачѣмъ я не далъ поцѣловать ей мою руку, — хотя я охотно перецѣловалъ бы ея руки.

Не дать поцѣловать руку женщинѣ очень опасно, потому что не даютъ цѣловать только тѣмъ, которыя слывутъ за безчестныхъ.

Этотъ обычай черногорцы получили въ наслѣдство отъ древнихъ сербовъ, и онъ до того укоренился, что если вы скажете черногоркѣ: отчего вы цѣлуете у мужчинъ руки? то, навѣрное, получите всегда такой отвѣтъ: «какъ же не цѣловать руки у такихъ юнаковъ, какъ наши братья, отцы, родственники, которые такъ храбро защищаютъ насъ и нашихъ дѣтей; они богатыри, а богатырей нужно уважать!»

Дѣвушки въ Черногоріи или совсѣмъ не пьютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ или въ самыхъ незначительныхъ дозахъ. Пьяную женщину (какъ, впрочемъ, и пьянаго черногорца, который постоянно жилъ бы въ своемъ отечествѣ) — видѣть невозможно; недаромъ сложилась у насъ поговорка: «пьяница — готовая блудница». Дѣвушка тоже не уважаетъ мужчины, который много пьетъ; она радуется, если женихъ у ней трезвый, и говоритъ въ пѣснѣ:

„Мать моя! Оставила я шутить,
Я себѣ выбрала жениха...
Не пьетъ онъ, не куритъ,
Развѣ немного вина,—но ни капельки водки".

Дѣвушки, ничуть не теряя въ своей строгой скромности, бываютъ на общественныхъ сходкахъ, на народныхъ праздникахъ, собираются на «кѐрстно имя» (день сербскаго святого, который считается патрономъ чьего-либо дома), гдѣ бываютъ національные танцы, такъ-называемые «хори». Здѣсь юнакъ не стыдится протанцовать съ дѣвицею оригинальный и довольно интересный народный танецъ, послѣ котораго цѣлуетъ ее предъ лицомъ всего народа. Этотъ традиціонный обычай очень уважаетъ нашъ народъ.

Правда, находятся знатоки нашего народа, въ родѣ француза Фриллея и сербскаго капитана Влаховича, которые въ своей книгѣ о Черногоріи утверждаютъ, что черногорецъ никогда не цѣлуетъ женщину въ лицо, а только въ воздухъ, наглядно показывая ей свое презрѣніе. Эти два автора сравниваютъ «рабство» черногорской женщины съ рабствомъ женщины у дикихъ первобытныхъ индійцевъ на берегахъ Ореноко и т. д. Но эти сужденія людей, совсѣмъ не понявшихъ черногорской жизни, не заслуживаютъ никакого вниманія. Какъ большинство иностранныхъ писателей, они не только не знаютъ народа черногорскаго, но и не могутъ знать, потому-что никогда не входили внутрь народной жизни. Писатели этого рода всего чаще просто переписываютъ другъ у друга. Перечитавъ едва ли не всѣ книги о Черногоріи, я пришелъ къ заключенію, что очень большая доля того, что находится въ книгахъ полковника Віалла 1720 г., Ами Буэ 1840 г., С. Робера 1844 г., Шопена и Убичини 1856 г., Ленормана 1866 г., Деларю 1862 г., а также и другихъ писателей, не что иное, какъ буквальное переписываніе одного у другого. Единственные путешественники, заслуживающіе нашего вниманія—это русскіе: А. Н. Поповъ и Е. П. Ковалевскій, о которыхъ впослѣдствіи упомяну.

Віалла, Буэ, Роберъ имѣютъ значеніе только потому, что передаюгъ нѣсколько характеристичныхъ фактовъ, забытыхъ народомъ.

Почти всѣ путешественники говорили о черногорской жизни подъ вліяніемъ своихъ домашнихъ взглядовъ и привычекъ. И нашли странным, что дѣвушки или женщины сами пашутъ землю, носятъ на плечахъ по два и по три пуда изъ Цетинья въ Каттаро на разстояніи болѣе пяти часовъ ходьбы и т. п. Но они не подумали, что въ это самое время ихъ мужья, братья, отцы или работаютъ еще усерднѣе, или стоятъ на турецкой границѣ часовыми, слѣдя за движеніемъ турокъ; что черногорцы заставляютъ женщинъ работать не изъ принципа, какъ восточ-

ные народы, а изъ нужды, изъ бѣдности. Нужда и бѣдность заставляетъ работать вездѣ. Мнѣ случалось видѣть самому въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и проч. женщинъ — отъ восьмилѣтнихъ дѣвочекъ до шестидесятилѣтнихъ старухъ, работающихъ въ удушливой атмосферѣ фабрикъ, съ семи часовъ утра до семи вечера. Стало быть, нѣмки, француженки, англичанки тоже рабыни? Эм. Зола говоритъ о французскихъ женщинахъ, которыя рабынями не считаются, слѣдующее: «французская крестьянка, разъ выйдя замужъ, по большей части хорошо ведетъ себя. Она очень много работаетъ. Среди каждаго поля мы видимъ согбенныхъ женщинъ, работающихъ безъ отдыха, безъ перерыва,— это рабочіе волы. На сѣверѣ Франціи крестьянка большею частію умственно ниже крестьянина. Она покорна ему. На югѣ она трепещетъ мужа, на сѣверѣ иногда попадаются бой-бабы. Смерть приходитъ, какъ избавленіе. Во французскихъ селахъ роль женщины ограничивается рожденіемъ дѣтей и трудомъ; у нея нѣтъ другого дѣла. Суевѣрно-набожная, она слѣдуетъ узкимъ обрядамъ религіи и не можетъ способствовать смягченію нравовъ своихъ близкихъ. Если крестьяне развиваются такъ медленно, то это потому, что ихъ женщины не въ состояніи играть своей цивилизующей роли».

Вотъ характеристика самой свободной женщины; развѣ она лучше черногорки по Фриллею?

«Черногорки, — говорятъ Фриллей и Влаховичъ,—находятъ удовольствіе въ ихъ подчиненности и униженіи и даже видятъ въ этомъ удовлетвореніе своего самолюбія, совершенно не понимая того, что оно — просто самолюбіе вьючнаго животнаго, работающаго изъ всѣхъ своихъ силъ. Черногорецъ бьетъ свою жену, дочь или сестру самымъ жестокимъ образомъ, но это наказаніе не озлобляетъ ее; напротивъ, она переноситъ его съ гордостью!»

Возможно-ли вѣрить, чтобы такой нравственный народъ, какъ черногорцы, которые не заставили работать даже плѣнныхъ турчанокъ, чтобы они заставляли работать своихъ родныхъ матерей или чтобы ихъ матери сносили побои съ охотою и даже съ удовольствіемъ? Черногорецъ счелъ бы оскорбленіемъ назваться сыномъ «рабыни» и Боже сохрани, чтобы онъ назвалъ жену «рабой». Какая разница въ этомъ отношеніи у турка-помака и черногорца. Турокъ всегда скажетъ: «я взялъ жену хорошенькую — рабыню», черногорецъ не иначе какъ: «моя вѣрная люба». Пѣсня говоритъ именно о свободной черногорской женщинѣ: «Не родила меня рабыня-дѣвица, ни була, ни бѣлая

латинка, родила меня храбрая черногорка, которая не знаетъ никакого рабства». Чтобы меня не заподозрили въ пристрастіи къ своему народу, приведу слова А. Н. Попова: «Постоянная война черногорцевъ была одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ развитію особаго характера семейныхъ отношеній. Всякій черногорецъ—воинъ, онъ вооруженъ съ того времени, какъ только можетъ носить оружіе и драться съ врагами. Этотъ военный характеръ черногорца придаетъ ему особенное значеніе въ общественномъ быту, ярко отличное отъ значенія женщины, потому-что женщина, какъ не воинъ, не входитъ въ государственныя дѣла, какъ ея мужъ; ея дѣятельность ограничивается кругомъ семьи.

«При родовомъ устройствѣ, женщина не должна была мстить (хотя и есть очень многіе примѣры женской мести, которые и самъ Поповъ приводитъ), равно и мщеніе никогда не падало на женщинъ.

«Во время самой жестокой мести и междоусобной войны, женщина всегда безопасна, свободно ходитъ во враждебныя села, встрѣчается съ врагами, и никогда рука черногорца не поднималась на женщину. Очень интересенъ обычай: когда враждуютъ два племени, то враги, изъ опасенія быть убитыми по дорогѣ, обязаны не покидать своихъ деревень. Но такъ какъ нужно же бывать на общественныхъ рынкахъ: въ Каттаро, Рѣкѣ, Вирѣ, Даниловѣ градѣ, то собираются женщины, дѣвицы, и сопровождаютъ мужчинъ до рынка. Этотъ конвой, сильнѣе всякой вооруженной силы, потому-что черногорецъ никогда не убьетъ человѣка въ присутствіи женщины.

«Уваженіе къ женщинамъ у черногорцевъ такъ сильно, что онъ раньше проститъ обиду свою, чѣмъ обиду женѣ, матери, сестрѣ, или даже незнакомой женщинѣ. На каждое дерзкое слово, направленное на женщину, одинъ отвѣтъ: или ударъ ятаганомъ, или пуля пистолета. Строгое разграниченіе семейныхъ обязанностей и военный характеръ черногорца кладетъ особый отпечатокъ на отношенія мужчинъ къ женщинамъ и условливаетъ нѣкоторые обычаи, кажущіеся странными съ перваго взгляда, въ которыхъ думаютъ видѣть какое-то рабство и угнетеніе женщины, между тѣмъ, какъ всматриваясь внимательно въ особенныя начала ихъ быта, это поверхностное предубѣжденіе исчезаетъ само собою.

«Правда, что черногорецъ мало заботится о семейственныхъ занятіяхъ; почти всѣ домашнія работы принадлежатъ женѣ; она цѣлуетъ мужчинамъ руку и называетъ мужа не иначе, какъ

господаремъ,—но съ другой стороны, черногорка можетъ имѣть свое имущество, ея личность обезпечена болѣе еще, нежели личность мужчины. Права мужчинъ и женщинъ однѣ и тѣ же, и нѣтъ никакой зависимости, кромѣ нравственной.

«Женщина черногорская дика и робка внѣ своего дома, но за то нѣтъ гостепріимнѣе и услужливѣе хозяйки, какъ черногорка—дома».

С. Роберъ также понялъ эту сторону черногорской жизни:

— Черногорка, — говоритъ онъ, — для черногорца святыня, онъ бережетъ ее отъ всякаго оскорбленія. Черногорка очень учтива и гостепріимна, если вы путешественникъ и особенно иностранецъ. Стóитъ спросить у женщины воды, чтобы она принесла вамъ молока или вина и, притомъ, безъ всякаго денежнаго вознагражденія». Таковъ же отзывъ и Ами Буэ.

VII.

Черногорская дѣвушка всѣми любима въ домѣ. Особенно нѣжная любовь существуетъ между братомъ и сестрой, и подобной любви, по моему мнѣнію, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ отыскать невозможно. Дѣвушка, какъ членъ семейства, по смерти отца, можетъ получить въ наслѣдство все имущество, кромѣ родительскаго оружія, принадлежащаго въ силу обычнаго права—ближнему родственнику, способному употребить это оружіе противъ врага. Есть обычай, что если остаются послѣ смерти отца малолѣтнія дѣти и между ними сыновья, то дочь въ наслѣдство ничего не получаетъ, кромѣ собственнаго имущества матери; но за то братья, а въ случаѣ ихъ малолѣтности опекуны изъ ближайшихъ родственниковъ, должны выдать ее за-мужъ и купить всѣ необходимыя для приданаго вещи. Если она почему-нибудь не выйдетъ замужъ, то имѣетъ право оставаться подъ родительскимъ кровомъ до самой смерти.

Дѣвушка пользуется совершенною полноправностью съ мужчиною. Ее допускаютъ одну предъ сельское начальство, предъ высшій судъ—сенатъ, предъ лицо государя и вездѣ она можетъ изложить ея претензіи; ея присяга имѣетъ одинаковое значеніе съ присягой мужчины. Во многихъ случаяхъ она пользуется снисхожденіемъ, недоступнымъ мужчинѣ. Ее всякій защищаетъ, если только она пользуется хорошей репутаціей; въ противномъ случаѣ даже ея близкіе родственники отказываются принимать въ ней участіе.

Въ Черногоріи, какъ и вездѣ на югѣ, женятся и выходятъ замужъ очень рано: тринадцати-четырнадцати-лѣтній возрастъ считается зрѣлымъ.

Обрученія дѣлались, бывало, еще въ колыбели между пятимѣсячными дѣвочками и двухлѣтними мальчиками. Между прочимъ и я былъ обрученъ такимъ же образомъ.

Въ 1856 году, во время непрерывной войны съ турками, мой отецъ предводительствовалъ нашимъ племенемъ и, однажды, аттаковалъ непріятельскую позицію около Скутарскаго озера. Турки-албанцы, которые въ храбрости нисколько не уступаютъ черногорцамъ, защищались очень удачно; нѣсколько безуспѣшныхъ аттакъ еще болѣе воодушевило дикое арнаутское племя и оно, не выждавъ послѣдняго нападенія, бросилось на черногорцевъ съ ятаганами въ рукахъ. «Страшная была эта минута!— разсказывалъ мнѣ послѣ отецъ.—Ружейные выстрѣлы стихли, только изрѣдка щелкали «леденицы»—маленькіе пистолеты, которыхъ пули или достигали убѣгающаго, или заканчивали жизнь раненаго... Успѣхъ сначала клонился на нашу сторону, албанцы отступали, но, вдругъ, я увидѣлъ на правомъ флангѣ два турецкіе полка, которые открыли по насъ огонь. Не мудрено было ужаснуться въ десять разъ сильнѣйшаго и не менѣе храбраго непріятеля! Чтó оставалось дѣлать? Нужно было отступать. Такъ мы и сдѣлали. Я шелъ,—если не послѣднимъ, то изъ послѣднихъ. Вдругъ, непріятельская пуля, сыскавшая меня, ранила въ ногу... Я упалъ и не могъ тронуться ни на шагъ. Голосъ мой, звавшій помощь,—былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ: отъ сильной ружейной пальбы ничего не было слышно. Значитъ, я пропалъ... Вслѣдствіе сильнаго кровотеченія я ослабѣлъ ужасно, но не потералъ сознанія; ожидая вѣрной смерти, я все-таки рѣшился продать жизнь подороже: въ рукахъ я держалъ два пистолета, заряженные—каждый тремя пулями—и ждалъ своего палача... Недолго мнѣ пришлось ждать, я и теперь припоминаю, какъ албанцы съ азартомъ приближались, перегоняя другъ-друга: каждый хотѣлъ первымъ отрубить мою голову. Наконецъ, одинъ красивый горецъ, съ ятаганомъ въ правой рукѣ, и съ головой черногорца въ лѣвой, кинулся на меня, крича какія-то непонятныя для меня слова, но удачный мой выстрѣлъ послалъ этого храбраго молодца въ рай Мухамеда. Другой, старый, свалился къ моимъ ногамъ съ разбитымъ черепомъ. Но за то третій бросился на меня съ ужаснымъ ревомъ. Страшно мнѣ было видѣть смерть предъ своими глазами!.. Еще два шага, еще одинъ ударъ —и я былъ бы убитъ.. но судьба, которой я вѣрю, спасла

меня. Не знаю, откуда-то выскочилъ молодой черногорецъ Михайло, уроженецъ Цеклина, который однимъ ударомъ ятагана отрубилъ голову смѣлому арнауту, и, затѣмъ, не долго думая, взвалилъ меня на плечи и вынесъ въ безопасное мѣсто. Чрезъ нѣсколько дней я его увидѣлъ и предложилъ слѣдующую благодарность: «первый сынъ у меня и первая дочь у тебя—будутъ мужемъ и женой». Такъ и случилось: родился ты, и у него родилась дочь—Милица. Какъ только вы родились,—я сейчасъ послалъ ему обручальное кольцо и, обмѣнявшись посѣщеніями, повеселились, радуясь тому, что между двумя племенами «пріятельство».

Но если случайно родится у обоихъ отцовъ по сыну, тогда они должны быть «побратимами», — а если по дочери, тогда онѣ должны быть «сестрами». Объ этомъ я поговорю впослѣдствіи.

Я свою невѣсту видѣлъ только разъ въ жизни—и то, когда мнѣ было отъ роду лѣтъ семь. Она мнѣ нравилась, я называлъ ее «вѣреницею» (невѣстою), отдалъ ей въ подарокъ какую-то турецкую брошь, но обстоятельства заставили насъ разойтись; я уѣхалъ заграницу учиться, а она осталась дома, заболѣла и умерла...

Такихъ случаевъ бываетъ много—и обычай считается святымъ, сильнѣйшимъ иного религіознаго. Рѣдко найдется черногорецъ или черногорка, которые отказались бы отъ брака, заключеннаго ихъ родителями; черногорское народное право позволяетъ отказаться только въ случаѣ наличности какого-либо умственнаго или физическаго недостатка, напр. въ случаѣ сумасшествія, слѣпоты и пр. Правда, не разъ случалось, что два племени, поссорившись, измѣняютъ этому условію, или, по-просту, дѣвушка заинтересовавшись другимъ, отказывается отъ жениха. Тогда начиналась «кервàва освѣта» (кровавая месть). Приведу въ примѣръ эпизодъ, случившійся лѣтъ сорокъ назадъ, о которомъ говорила вся Черногорія.

На четверть часа разстоянія отъ Цетинья находится подъ высокими скалами маленькое село, въ которомъ видно до двадцати бѣлокаменныхъ домовъ, которые всѣ снабжены бойницами на случай нападенія непріятеля. Эта деревня называется «Даньи Край»; живетъ въ ней маленькое племя Ивановичей.

Одинъ изъ нихъ, по имени Илья Ивановъ, отправившись однажды въ гости въ сосѣднюю деревню Баице, къ племени Мартиновичамъ, увидѣлъ красивую дѣвочку еще въ колыбели. Она такъ ему понравилась, что Илья въ азартѣ отъ нея и отъ уго-

щенія сказалъ предводителю Мартиновичей: «слышишь, братъ, мы сосѣди, живемъ дружно, а чтобы скрѣпить эту дружбу родствомъ — отдай твою дѣвочку за моего пятилѣтняго сына Маркишу! Пусть дѣти растутъ, пока не выростутъ, а потомъ сыграемъ свадьбу». Илья согласился. Сказано — сдѣлано. Сейчасъ послѣ этихъ словъ вышелъ изъ дому одинъ изъ Мартиновичей и выстрѣлилъ изъ пистолета. Этимъ выстрѣломъ онъ далъ знать, что будетъ празднество. Немедленно собралось все племя, появились водка и вино, началось веселье, стрѣльба, занялъ и гусляръ свое мѣсто, началъ онъ «уз гуслярни звон» пѣть «Женитьбу Максима Черноевича». Пиршество продолжалось всю ночь; церемонія свадебная тоже была соблюдена: подъ конецъ привели пятилѣтняго жениха, одѣтаго въ золото съ двумя маленькими пистолетами за поясомъ, и онъ, подойдя къ своей невѣстѣ и поцѣловавъ ее, подарилъ ей перстень.

Утромъ всѣ разошлись. Годъ шелъ за годомъ, пока росла Кристина. Четырнадцати лѣтъ отроду—она была высокой стройной красавицей и обращала на себя всеобщее вниманіе. Молодцомъ оказался и Маркиша, но не съумѣлъ затронуть сердца невѣсты; не его полюбила она, а другого юнака, который, опасаясь Маркишиной мести, рѣшился уйти въ Турцію. Долго отговаривали его родственники отъ этого поступка,—но все по-напрасну; онъ убѣжалъ въ Антивари съ Кристиной и тамъ поселился. Этимъ не кончилось дѣло. Ивановичи нашли себя оскорбленными, зачѣмъ Мартиновичи такъ вѣроломно уничтожили этотъ бракъ— и рѣшили мстить. За смерть одного Мартиновича, его родственники убили одного Ивановича: выступила на сцену «кровавая месть». Рѣзня продолжалась шестнадцать лѣтъ — и въ теченіи этого времени съ обѣихъ сторонъ погибло шестьдесятъ два человѣка, все отборныхъ, храбрѣйшихъ и честнѣйшихъ черногорцевъ. Только усиліями владыки Петра они помирились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Мартиновичи выдали за одного изъ Ивановичей дочь воеводы Богдана: послѣ свадьбы заключенъ былъ вѣчный миръ.

Бываютъ и такіе примѣры, что вслѣдствіе постоянныхъ войнъ родъ имѣетъ только единственнаго представителя, какого-нибудь мальчугана. Что же дѣлать? Парень хотя и малолѣтній, но все-таки черногорецъ и, притомъ, хозяинъ дома. Положимъ, хозяинъ плохой, у него нѣтъ жены, да и самый домъ безъ женщины считается пустымъ, согласно съ пословицами: «тешко кучи, гдѣ нема жене» (тяжело дому, въ которомъ нѣтъ женщины), «пуста куча, гдѣ нема котуле» (пустой тотъ домъ, въ которомъ нѣтъ

юбки). Слѣдовательно, нужно женить мальчугана. Находятъ ему невѣсту изъ храбраго племени, которая обыкновенно моложе его самого и вѣнчаютъ ихъ какъ взрослыхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ церемоній. Дѣвчонку приносятъ въ домъ ея мужа, гдѣ она и воспитывается, пока не будетъ въ состояніи раздѣлить супружеское ложе. Такимъ образомъ женился и теперешній князь Николай. Княгиня Милена жила и воспитывалась у отца князя воеводы Мирка, пока князь оканчивалъ свое воспитаніе въ Парижѣ.

Но въ продолженіи этого времени — Боже сохрани! — если мужъ поцѣлуетъ свою малолѣтнюю жену. Это считается грѣхомъ въ силу стараго преданія, гласящаго: «великій грѣхъ развращать дѣвицу раньше, чѣмъ придетъ ея способность рождать». Такого человѣка преслѣдуютъ русалки и плодъ въ утробѣ его жены превращаютъ въ камень. Но и не будь этого повѣрья, уже самая честь черногорца не позволила бы ему совершить проступка. Примѣръ покажетъ, насколько сильна въ подобномъ случаѣ нравственность юноши-черногорца.

У брата черногорскаго владыки и князя Петра II былъ братъ Перо, при жизни владыки—предсѣдатель сената и полководецъ, а послѣ его смерти, владѣтель Черногоріи, до совершеннолѣтія Даніила I. У Пера была хорошенькая дочь Іоанна, которую онъ обѣщалъ еще въ колыбели нѣкоему Дулагичу, уроженцу Цеклина. Но Іоанна, выросши, влюбилась въ моего дядю Петра Мартиновича, и на-отрѣзъ отказала Дулагичу. Отказъ былъ выслушанъ далеко не хладнокровно; не только женихъ, но и все племя возстало противъ этого поступка и in corpore, конечно всѣ вооруженные, пришли въ Цетинье искать правды. Они не посмотрѣли на то, что Іоанна дочь государя черногорскаго и что она невѣста сына представителя сильнаго и храбраго племени Мартиновичей: они категорически предложили «или выдать имъ дѣвицу Іоанну—или бой на жизнь и смерть». Угроза произвела такое впечатлѣніе, что Перо рѣшилъ лучше мирнымъ путемъ окончить это дѣло. Хотя Іоанна и не любила Дулагича, но въ виду того, что она была ему обѣщана, владыка разрѣшаетъ взять ее съ собой Дулагичу и держать въ продолженіи двухъ лѣтъ: если Іоанна полюбитъ его въ это время — пусть женится, если нѣтъ—то будетъ женою Петра Мартиновича. Дулагичъ согласился и съ пальбою, съ пѣснями повезъ красавицу къ себѣ. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ старался ласковымъ обхожденіемъ и подарками подѣйствовать на сердце дѣвушки, но всѣ усилія его были напрасны, она осталась вѣрна своему Петру. «Прежній женихъ,

—разсказывала мнѣ послѣ тетка,—старался всѣми способами, чтобы я его полюбила въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ, но никогда не позволялъ себѣ фамильярности, онъ только честно и добросовѣстно угождалъ во всемъ, что̀ я желала». Она осталась непреклонна и, возвратившись домой подъ пальбу изъ ружей, вышла за моего дядю.

Помню еще случай съ дочерью знаменитаго воеводы Вукаловича и уроженцемъ Грахова Булаичемъ. Она была обѣщана Булаичу еще въ колыбели и свадьба была сыграна съ соблюденіемъ всѣхъ церемоній. Но невѣста, выросши, не взлюбила жениха и рѣшилась лучше совсѣмъ не выходить замужъ. Просьбы, даже заклинанія ея отца, извѣстнаго своимъ честнымъ характеромъ—пощадить его, старика, не срамить въ глазахъ народа,—не привели ни къ чему: она осталась вѣрною своему намѣренію. Тогда молодой Булаичъ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, рѣшился съ горя навсегда оставить свое отечество и переселился въ Сербію, гдѣ и теперь служитъ капитаномъ.

Упомяну еще, что сестра князя Николая, нынѣ г-жа Пламенацъ, также не согласилась выдти за мужъ за того, кого ей выбрали родители.

Изъ подобныхъ фактовъ видно, что дѣвушка выходитъ замужъ весьма часто по любви. Но въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ право отца: онъ выбираетъ своему малолѣтнему или совершеннолѣтнему сыну невѣсту.

Матери также, хотя рѣже, заключаютъ подобные браки дѣтей. Напр., двѣ подруги дѣтства изъ взаимной любви рѣшаютъ, что ихъ первыя дѣти будутъ мужъ и жена и, утвердивъ свое рѣшеніе клятвою, обмѣниваются подарками. Какая-нибудь черногорка спасла другую отъ смерти или спасла ея отца, брата, сына, родственника, во время междоусобной войны: опять случай для заключенія ранняго брака.

Многіе путешественники утверждаютъ, что въ Черногоріи не существуетъ не только любви, но не бываетъ даже знакомства между женихомъ и невѣстою, что они не видятъ другъ друга до самой свадьбы—и самый день этотъ ожидается очень спокойно и равнодушно дѣвушкою, которая и не старается понравиться своему жениху. Въ этихъ словахъ есть доля правды, но, какъ выше упомянуто, есть большой процентъ выходящихъ замужъ по любви, разумѣется не любви салонной, а по дѣйствительному увлеченію. По обычному праву черногорцевъ, также какъ и по законникамъ Петра I, Петра II, Даніила I, въ бракѣ нужно согласіе родителей, но народъ смотритъ на принужденіе къ браку, какъ

на смертный грѣхъ. Уже старая сербская поэзія говоритъ въ пользу свободнаго выбора женихомъ невѣсты, и наоборотъ.

VIII.

Способовъ женскаго гаданья множество. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать все, что̀ можно было бы собрать; ограничимся нѣсколькими примѣрами.

Мара Милошева Ковачъ разсказывала мнѣ, что въ Цеклинѣ существуетъ такой обычай: въ день св. Георгія, дѣвушки, придя на зарѣ къ колодцамъ за водой, смотрятъ въ глубину до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не потускнѣетъ отъ слезъ, а въ водѣ не покажется изображеніе будущаго жениха. Многія утверждаютъ, что имъ дѣйствительно удавалось его видѣть.

Наканунѣ дня св. Ѳеодора, дѣвушки, выходя изъ церкви, усиленно смотрятъ на небо, стараясь среди причудливыхъ облачныхъ очертаній отыскать силуэтъ жениха, что̀ и удается при пылкомъ воображеніи.

Въ Бѣлопавличѣ дѣвушки въ первый день масляницы берутъ у недавно вышедшихъ замужъ женщинъ ночную рубашку и, надѣвая ее, приговариваютъ: «Боже, дай, чтобы я дѣвица... (слѣдуетъ имя гадальщицы) видѣла въ этой рубашкѣ во снѣ — моего жениха, какъ видѣла въ ней моя подруга своего мужа (такого-то)».

Въ Граховѣ зимой собираются дѣвушки вмѣстѣ и проводятъ день въ бесѣдахъ и въ взаимномъ угощеніи, а когда наступаетъ часъ гаданья, онѣ дѣлятся по двѣ и шопотомъ говорятъ:

Мака. «Я чу мужа черноока!» (Я хочу мужа черноокаго).

Стана. «Я—висока!» (Я—высокаго).

Мака. «Я—юнака!» (Я—молодца).

Стана. «Я—на ноге лака, да уграби главу у турака!» (Я—легконогаго, чтобы опередилъ всѣхъ, когда будетъ снимать турецкую голову).

Мака. «Я—племича-господичича!» (Я — родовитаго юнака).

Стана. «Я—отъ юначке куче Кривокапича!» (Я отъ храбраго семейства Кривокапичей).

Мака. «Я—потена!» (Я—честнаго).

Стана. «Да будеш ти и я ускоро испрошена!» (И чтобы ты и я были въ скоромъ времени сосватаны).

Подобный разговоръ идетъ у нихъ очень быстро и та считается

лучшей гадалкой, которая можетъ живо и складно отвѣтить на слова первой.

Есть повѣрье, что дѣвица можетъ заколдовать, влюбить въ себя молодца помимо его воли, или, выражаясь народнымъ терминомъ: «замаджати»...

Говоря о брачныхъ обычаяхъ, надо упомянуть о такъ-называемой «отмицѣ»: это—похищеніе, увозъ дѣвицы, который часто случался прежде и случается даже теперь, несмотря на строгія запрещенія еще со времени Законника черногорскаго 1798-го г. Между прочимъ, онъ говоритъ: «который человѣкъ украбитъ чужую жену, если у нея есть мужъ или увезетъ дѣвушку безъ согласія родителей и родственниковъ,—такого человѣка нужно прогнать изъ Черногоріи, какъ беззаконника, мошенника и вора чужихъ дѣтей, а его движимое и недвижимое имущество продать и раздѣлить, все равно, какъ если бы онъ убилъ человѣка». Въ другомъ параграфѣ говорится, что священникъ, повѣнчавшій похитителя на похищенной, лишается сана и прогоняется изъ Черногоріи. То же самое говоритъ и Законникъ князя Даніила I-го 1855 г.

Но эти узаконенія не достигали цѣли. Черногорцы считали подвигомъ увезти дѣвицу. Болѣе всего этотъ обычай практиковался въ Бердѣ и въ Герцеговинѣ. Для уясненія его процедуры я приведу фактъ 1853 г. Жилъ въ деревнѣ Загарачъ черногорецъ съ красавицей дочерью, на которую давно засматривался молодой парень Керсто. Іоке—такъ звали дѣвушку—вполнѣ сочувствовала Керсту, но ея отецъ, заклятой врагъ отца Керста, не могъ хладнокровно видѣть предполагаемаго будущаго зятя и на предложеніе молодого человѣка не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ предпочиталъ выдать дочь за своего избранника, съ которымъ и уговорился скрутить свадьбу въ нѣсколько дней. Керсто рѣшилъ увезти дѣвушку. Въ одну темную ночь онъ пришелъ въ деревню, вызвалъ знаками свою суженую и предложилъ ей бѣжать съ нимъ. Но Іоке боялась: у нея было три брата, и множество родственниковъ, они не могли бы простить Керсто, они убьютъ его.

— Не бойся,—разувѣрялъ ее Керсто, — вѣдь я приду не одинъ, а съ десятками двумя товарищей; завтра ночью мы—не какъ воры, а съ выстрѣлами сыграемъ нашу свадьбу... пусть она будетъ кровавая, но за то юнацкая.

Но Іоке не успокоивалась.—Жаль мнѣ тебя, Керсто,—говорила она, да жаль отца и трехъ братьевъ. Долго-ли погибнуть

кому-нибудь изъ васъ? И какъ тяжело будетъ думать мнѣ, что я одна всему причиною. Но что же дѣлать мнѣ? Обмануть тебя нечестно и страшно, убѣжать съ тобой — значитъ навлечь на себя родительское проклятіе, а что̀ можетъ быть этого страшнѣе?

— Но еще страшнѣе—это стыдъ видѣть свою невѣсту въ рукахъ другого... Что скажутъ юнаки?..

— А! Если такъ, я согласна!.. Оставайся юнакомъ. За тѣмъ васъ Богъ и создалъ, чтобы носить оружіе... Приходи завтра... я буду ждать, но, Бога ради, щади моихъ братьевъ и отца...

Назавтра, вечеромъ, горсть молодежи тихомолкомъ подошла къ дому Іоке. Керсто, не теряя времени, увезъ свою невѣсту. Племя Загарачъ черезъ четверть часа узнало въ чемъ дѣло и бросилось догонять Керста съ его компаніей. Догнали около Спужскаго луга; произошла кровавая схватка, стоившая нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ. Загарчане однако возвратились домой, когда подоспѣло подкрѣпленіе къ Керсту.

Этимъ не кончилась печальная исторія. Племя Бѣлопавличей, услышавъ, что Пиперы отбили у нихъ невѣсту, рѣшили непремѣнно отмстить, и разъ ночью, собравшись въ числѣ ста человѣкъ, отправились къ дому Керста. Ночь была темная, глухая, облака закутали высокія верхушки крѣпости Спужа. Молодые спали непробуднымъ сномъ: несмотря на яростный лай собакъ, они проснулись не ранѣе, чѣмъ Бѣлопавличи окружили цѣпью домъ.

— Эй, Керсто Ивановъ, выходи не надолго; мнѣ нужно кое-что тебѣ сказать! Выходи скорѣе! — закричалъ одинъ изъ Бѣлопавличей.

— Сейчасъ! послышался отвѣтъ изъ избы.

Черезъ минуту, фигура Керста появилась въ дверяхъ. Тотчасъ раздались три выстрѣла—и, вслѣдъ за ними, замирающій голосъ: «изверги! обманомъ убили!..»

На шумъ и грохотъ выстрѣловъ выскочила въ одной рубашкѣ, прямо со сна, красавица Іоке. Трупъ мужа, окруженный убійцами, попалъ ей на глаза. «Мстить!» мелькнуло въ головѣ Іоке, она повернулась, чтобы взять пистолетъ, но сильныя руки убійцы уже вцѣпились въ нее. Отчаянный крикъ замеръ въ пространствѣ... Черезъ какихъ-нибудь два часа Іоке была уже въ домѣ ея перваго жениха—и Бѣлопавличи стрѣляли на воздухъ отъ радости. Эта кража Іоке и убійство Керста не обошлось Бѣлопавличамъ даромъ. Пиперы нѣсколькихъ изъ нихъ выждали въ ущельяхъ и убили, а Іоке черезъ два мѣсяца покончила съ своимъ мужемъ

и убѣжала въ Загарачъ. Только тогда окончилось дѣло. Къ Іоке, какъ къ женщинѣ, кровавая месть была непримѣнима. Черногорецъ никогда не согласится обратить оружіе на женщину, хотя бы она въ его глазахъ убила его отца, сына, брата. Недаромъ они говорятъ: «менѣе согрѣшишь, если убьешь безъ причины сотню вооруженныхъ людей, чѣмъ если рукой тронешь беззащитную женщину». Въ 1875 г. во время герцеговинскаго возстанія, турчанка Фатима на глазахъ черногорцевъ убила двухъ изъ нихъ,—и однако черногорцы, имѣвшіе полную возможность отплатить ей смертью за смерть, отпустили ее здравою и невредимою въ Мостаръ. По старому обычаю, женщины всегда имѣли полное право и возможность во время самой ожесточенной рѣзни между двумя племенами свободно ходить въ деревни воюющихъ племенъ.

«Отмица» практиковалась не только въ Черногоріи, но и въ Албаніи, и у турокъ-помаковъ.

IX.

Для уясненія свадебныхъ обычаевъ Черногоріи, въ которыхъ, по моему мнѣнію, проглядываетъ чисто славянская далекая старина, передамъ слѣдующій разсказъ.

Молодой юнакъ Михаилъ не разъ встрѣчался на хороводахъ съ красавицей Зоркой, танцовалъ съ нею нѣсколько разъ, сопровождая танецъ публичнымъ поцѣлуемъ.

Придя однажды домой, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда домашніе усядутся вкругъ костра — толковать о старинѣ. Наконецъ, заколыхалось красноватое пламя, раздался звонъ гуслей—національнаго инструмента, безъ котораго черногорецъ считаетъ домъ пустымъ: «тешко кучи, гдѣ гусала нема», говоритъ черногорская пословица («тяжело дому, въ которомъ нѣтъ гуслей»). Только Михаилъ что-то грустенъ... «Милошу, што ти е?» спросили его окружающіе. «Ништа!» отвѣчаетъ Михаилъ, покуривая короткую трубочку. Однако подъ конецъ его языкъ развязался.

— Отецъ!—началъ онъ,—приглядѣлась мнѣ одна дѣвица— и я хотѣлъ бы жениться на ней... Разрѣшишь ли ты мнѣ это?

— Разрѣшаю, Милошъ, разрѣшаю... Но какого она дому и племени? Если она дочь не храбрыхъ родителей,—тогда только не соглашусь благословить тебя.

— Она изъ кроваваго и храбраго рода Янковичей.

— Янковичей? А, въ такомъ случаѣ я согласенъ, даже если она слѣпая или хромая.

И старикъ началъ разсказывать подвиги этого храбраго племени, которое два раза брало у турокъ крѣпость Жаблякъ одними ятаганами.

Кто-то изъ женщинъ спросилъ еще: «красивая ли она?»

— Ну, что̀ такое... красивая?.. Не посылать ее въ Венецію на показъ!.. А вотъ, здорова ли она? Будетъ ли рожать молодцовъ,—похожихъ на ея родственниковъ?

— Да, она красива,—отвѣтилъ, краснѣя, Милошъ.

Въ домѣ рѣшили просить руку Зорки, но предварительно сговорились никому о томъ не сказывать, потому что, въ случаѣ отказа, будетъ стыдъ и срамъ. На слѣдующій день одинъ изъ пожилыхъ и достойнѣйшихъ членовъ племени Милоша, Богданъ, отправился просить руку Зорки.

Депутатъ пришелъ въ домъ Янковича и повелъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Остановившись на порогѣ дома, онъ прежде всего закричалъ: «добар вече!»—«Добра ти среча!» отвѣчали гостю. Онъ вошелъ въ домъ. «А дома ли старина Марко!»—«Дома».—«Ну, что, друзья, какъ поживаете, нѣтъ ли голосовъ изъ Албаніи, не бывали ли въ гайдуцкихъ четахъ, убили-ли сколько-нибудь турокъ?» посыпались обычные вопросы. Между тѣмъ женщины, случайно оказавшіяся въ нарядной одеждѣ, подошли поцѣловать руку Богдану. Въ числѣ ихъ была и Зорка. Депутатъ обратилъ на нее особенное вниманіе. Осмотрѣвъ дѣвушку, что называется, съ головы до ногъ, онъ проговорилъ наконецъ: «згодна си, дѣвойка, жива била!—(красивая ты, дѣвица, будь здорова!)

Жена хозяина сняла съ гостя «струку» (родъ плэда) и подала ему треногій стульчикъ. Вскорѣ появилась у костра водка, а затѣмъ и ужинъ. Подкрѣпившись, старикъ Богданъ началъ такую рѣчь:

— Самъ я знаю, да и отъ честныхъ людей слышалъ, что есть у тебя дочь Зорка. Я и все наше племя желало бы породниться съ вами, — согласенъ ли ты выдать ее за моего племянника замужъ?

— Не знаю... — отвѣчалъ хозяинъ, — я бы и самъ хотѣлъ того же, но нужно сначала спросить дочь. И, позвавъ жену и дочь, спросилъ—какъ онѣ находятъ партію?

Стыдливое молчаніе невѣсты — у черногорцевъ знакъ ея согласія. Отцу оставалось только пожать Богдану руку и сказать при этомъ: даю вамъ ее... Дай Богъ, чтобы она принесла вамъ счастіе.

— Хвала тебѣ, братъ!—отвѣтилъ Богданъ. Они поцѣловались. Богданъ вынулъ изъ кармана червонецъ и подарилъ его Зоркѣ. — Если дѣвица не беретъ денегъ — значитъ, она не согласна на бракъ.

Утромъ депутатъ началъ сбираться домой, предварительно уговорившись никому не разсказывать объ обрученіи и, затѣмъ, еще назначивъ время окончательной, такъ-называемой «великой просьбы»—въ отличіе отъ «малой», о которой сейчасъ разсказано.

Возвратился Богданъ домой и разсказалъ, что все хорошо, что чрезъ недѣлю будетъ «великая просьба». Послѣ такого радостнаго извѣстія пригласили всѣхъ почти родственниковъ: по обычаю они тоже, положимъ только по формѣ, должны дать согласіе на этотъ бракъ. Отецъ началъ рѣчь общеупотребительною фразой:

— Что скажете вы, мои сродники, — я хочу женить моего сына Милоша на дѣвицѣ Зоркѣ (дочери) Янковича. Согласны ли вы на этотъ бракъ?

— Мы согласны! — отвѣтили сродники, и начался веселый пиръ, продолжавшійся до утра.

Точно также сдѣлали и родственники Зорки.

Черезъ недѣлю племя выбрало четырехъ старыхъ и храбрыхъ черногорцевъ, между которыми былъ и отецъ Милоша, — и отправились съ подарками формально искать руки Зорки. Получивъ формальное согласіе, отецъ Милоша далъ кольцо красавицѣ Зоркѣ: она взяла его и надѣла на палецъ. Послѣ этой церемоніи, всѣ усѣлись вокругъ стола и началось угощеніе, сопровождаемое пѣснями, гуслярнымъ звономъ и грохотомъ выстрѣловъ. Въ пирушкѣ приняла участіе и Зорка.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи существуетъ обычай — послѣ поднесенія гостямъ по третьему стакану вина подносить его и дѣвицѣ. Если она его выпьетъ, то это съ ея стороны равносильно публичному согласію на бракъ.

За обѣдомъ гости обѣихъ сторонъ перемѣняются подарками: рубашками, опанками, платками, — женщинъ дарятъ мыломъ и т. п. Между прочимъ, отецъ Милоша подарилъ Зоркѣ румяное яблоко,—а въ немъ золотую или серебряную монету. Этотъ символическій подарокъ, по мнѣнію многихъ, — пожеланіе невѣстѣ здоровыхъ и румяныхъ дѣтей, а монета—пожеланіе имъ золота и серебра въ изобиліи. Невѣста немедленно по полученіи этихъ подарковъ — отдала ихъ въ руки брата (иногда подарки передаются при посредствѣ матери жениха).

Невѣста отвѣчаетъ тоже подарками. Она даритъ рубашки,

полотенца, платки, даритъ и будущаго свекра: только въ знакъ особеннаго уваженія рубашка для него была завернута и подана въ платкѣ.

По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, отецъ невѣсты, взявъ гусли, затянулъ обычную въ данномъ случаѣ народную пѣсню:

Перстен дава Јанко харамбаша,
За перстеном јабуке се маша,
У њю мече до десет дуката,
Све дуката от чистога злата, и проч.
(Янко атаманъ даетъ кольцо, а за кольцомъ и яблоко румяное, вложивъ въ него десять червонцевъ изъ червоннаго золота).

Послѣ этой пѣсни, имѣющей значеніе обряда, дѣло считается оконченнымъ: «перстен давај — свадбу уговарај»; перстен је највеча вѣра»; «без прстена нема разговора» (кольцо давай — про свадьбу говори; кольцо — самое сильное ручательство; безъ кольца нѣтъ и бесѣды о свадьбѣ). Златан перстен род вѣре дѣвојци: чи је перстен — тога и дѣвојка (Золотое кольцо замѣняетъ слово дѣвушки: чье кольцо—того и дѣвушка).

Конечно, бываетъ, что сватанье разстраивается, особенно, если находятся какія-нибудь уважительныя причины. Народъ презираетъ вѣроломство, и извиняетъ только слѣдующіе случаи: 1) если дѣвица измѣнитъ своему жениху и войдетъ въ интимныя сношенія съ другимъ; 2) если, послѣ сосватанія, невѣста по несчастію потеряла разсудокъ, зрѣніе, способность говорить и т. п.; 3) если какими-нибудь судьбами открылось, что женихъ съ невѣстой близкіе родственники и, стало быть, по православнымъ канонамъ, бракъ состояться не могъ бы. Сватанье разстраивается также, если женихъ не понравится невѣстѣ или наоборотъ; но на это народъ смотритъ уже какъ на преступленіе и съ презрѣніемъ относится къ племени, измѣнившему своему слову, а оскорбленная сторона съ оружіемъ въ рукахъ ищетъ удовлетворенія. Народъ говоритъ въ пѣснѣ:

Грехота је љубити дѣвојку,
Облюбити, па ю оставити.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи не такъ строго смотрятъ на измѣну жениха «великой просьбѣ» (свилѣ), какъ на измѣну слову, данному лично невѣстѣ. Обманутая дѣвушка преслѣдуетъ его проклятіями, имѣющими, по мнѣнію народа, большую силу.

«Проклятъ будь, незнаемый молодецъ, — поется въ пѣснѣ, —

что испортилъ все мое лицо. Боже, дай болѣзнь тебѣ на девять лѣтъ! чтобъ болѣлъ ты—не поправился, и чтобъ смерти тебѣ не было, пока не выпросишь прощенія, не выстроишь церковь средь дороги: пусть тогда лишь похоронитъ передъ ней тебя твоя матушка! Такъ кляла Дунайка-дѣвица, такъ кляла, да такъ и сбылося».

Женихъ, если онъ измѣнитъ невѣстѣ, обязанъ навсегда оставить свою родину, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда, въ силу особаго соглашенія, онъ обязывается только возвратить полученные имъ подарки. Невѣста при подобныхъ же условіяхъ возвращаетъ вдвое болѣе подарковъ. Часто случается, что измѣнникъ, боясь мести невѣстиныхъ родственниковъ, бѣжитъ въ Турцію, Австрію или поступаетъ въ гайдуки, между тѣмъ какъ отецъ его, чтобы предотвратить весьма возможное несчастіе, старается женить на оставленной невѣстѣ своего другого сына или какого-нибудь родственника.

Случается также, что женихъ до самой свадьбы не знакомъ съ своею невѣстою и даже не видитъ ея. Впрочемъ, нынѣ это бываетъ очень рѣдко. Въ силу стариннаго обычая, женихъ имѣетъ возможность видѣть свою суженую, если хорошенько попроситъ ея родственницъ; какъ скоро онѣ согласны, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, цѣлуетъ ее. А она принимаетъ этотъ поцѣлуй со стыдомъ, съ смущеніемъ и—даже какъ-бы съ негодованіемъ, и обыкновенно бѣжитъ отъ жениха. Тотъ, въ свою очередь, догоняетъ и даетъ бѣглянкѣ золотую или серебряную монету, которая обыкновенно бываетъ съ презрѣніемъ отброшена невѣстой. Какое символическое значеніе имѣетъ этотъ обычай, не знаю, но думаю, что цѣль его — поднять по возможности въ глазахъ мужчинъ униженную природой женщину. Здѣсь мужчина какъ-бы теряетъ свою естественную власть надъ женщиной, онъ вынужденъ просить; невѣста показывается ему въ видѣ только особеннаго снисхожденія, котораго онъ, собственно говоря, не заслуживаетъ. Съ тою же мыслью о нравственномъ возвышеніи женщины нерѣдко составляется уговоръ между дѣвушками-невѣстами—не принимать монеты: «мы, молъ, не хотимъ продавать себя за золото и серебро». Быть можетъ, въ этомъ уговорѣ отразился протестъ женщины, игравшей такую жалкую пассивную роль въ прежнее время, когда невѣстъ дѣйствительно покупали за деньги, не спрашивая ихъ согласія.

X.

Между «великой просьбой», когда невѣста принимаетъ кольцо, и свадьбой проходитъ разное время, что̀ вполнѣ зависитъ отъ заключеннаго обѣими сторонами условія. Обыкновенный срокъ —годъ, но бываетъ и больше. Наши народныя пѣсни говорятъ о долгихъ промежуткахъ: одна дѣвушка назначаетъ семь лѣтъ до свадьбы, другая ждетъ девять лѣтъ, и т. п.

Между «просьбой» и свадьбой женихъ очень часто посѣщаетъ свою невѣсту. Извѣстный знатокъ нашего народа, Вукъ Караджичъ утверждаетъ, что женихъ бываетъ въ домѣ невѣсты только на Рождествѣ, на Пасхѣ, или на «крестное имя» и что онъ никогда не говоритъ съ своей невѣстой, что она отъ него скрывается и смотритъ изъ-за угла на своего будущаго мужа. Но этого нельзя считать за правило. Это можетъ быть справедливымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда разстояніе между ними на пять, на шесть дней ходу, но если разстояніе не велико, женихъ безъ церемоніи заходитъ въ пріятельскій домъ. Также не точенъ Караджичъ, когда говоритъ, что женихъ обязанъ снабжать невѣсту «опанками» до самой свадьбы. Я такого обычая въ Черногоріи не видѣлъ. Женихъ можетъ дѣлать подарки невѣстѣ, но не обязательно обувью. Невѣста пользуется полной свободой: ей, какъ и прежде, дозволяется ходить одной по рынкамъ, бывать на хороводахъ, на общественныхъ праздникахъ и т. п. Всѣ домашніе помогаютъ ей въ заготовкѣ приданаго («перчіи»), которое состоитъ только изъ одежды. Черногорецъ очень рѣдко беретъ за женой деньги или какое-нибудь недвижимое имущество, исключая тотъ случай, когда она останется единственной наслѣдницей всего родительскаго имущества.

Наконецъ, приходитъ пора и увозитъ невѣсту. Чтобы это было сдѣлано болѣе дружески, сходятся съ обѣихъ сторонъ депутаты и уговариваются, во-первыхъ, относительно времени прихода или пріѣзда свадебнаго кортежа за невѣстой (обыкновенно выбирается время, когда полевыя и домашнія работы прекращаются) и, во-вторыхъ, сколько будетъ со стороны жениха сватовъ и кто именно.

Приглашенные въ сваты обыкновенно избираются изъ всей Черногоріи. Наканунѣ дня отъѣзда они сходятся въ домъ жениха, который получаетъ въ это время въ подарокъ большіе хлѣбы (такъ-называемые «погачи»), цѣлыхъ жареныхъ барановъ, свиней (такъ-называемыя «пецива»), вино, водку и т. п. Всѣ

сваты ужинаютъ, пьютъ и веселятся, здѣсь же условливаются—кто какое выберетъ себѣ названіе. Одинъ назовется первенецъ, второй—старый сватъ, другіе два—шаферы, далѣе — воевода, кумъ, остальные—просто сваты. «Первенацъ» — это передовой вѣстникъ, на немъ лежитъ обязанность идти передъ кортежемъ и извѣстить родственниковъ невѣсты, что кортежъ приближается. Обыкновенно онъ избирается изъ храброй лихой молодежи. «Старый сватъ» (большей частью, лицо отличное отъ «первенца»), долженъ владѣть даромъ слова. Ему приходится болѣе всѣхъ говорить рѣчи: это искусство даетъ славу умнаго человѣка; онъ выбирается изъ честныхъ, храбрыхъ и пожилыхъ черногорцевъ. Шафера бываютъ всегда родные или двоюродные братья жениха; если же таковыхъ не имѣется, то они берутся изъ самыхъ близкихъ родственниковъ. «Воевода» въ свадебномъ поѣздѣ занимаетъ роль незначительную. «Кумъ» избирается по разсчету,—выборъ падаетъ на то лицо, которое семьѣ жениха желательно бы было ввести въ число своихъ родственниковъ. «Сваты» бываютъ друзья и пріятели жениха, набираемые изъ всей Черногоріи.

Весь этотъ кортежъ, въ которомъ женщины не участвуютъ, рано утромъ съ пѣснями, шумомъ, выстрѣлами отправляется въ далекій путь, который весьма часто тянется по пяти, шести дней; само собой разумѣется, вино и провизію приходится везти съ собой. Первымъ идетъ «первенецъ», потомъ «старый сватъ», за нимъ «кумъ», шафера и «сваты», послѣднимъ идетъ «воевода». Этотъ порядокъ, впрочемъ, не вездѣ одинаковъ; въ нѣкоторыхъ краяхъ есть и знаменоносецъ. Роль его, по народному обычаю, состоитъ въ томъ, что, недоходя на 100 шаговъ до дому невѣсты, онъ выходитъ изъ кортежа сватовъ, держа въ одной рукѣ знамя, а въ другой заряженный пистолетъ, и начинаетъ танецъ, подскакивая вверхъ. Ему навстрѣчу выходитъ знаменоносецъ со стороны невѣсты и они танцуютъ визави, сильно прикрикивая и стрѣляя изъ своихъ пистолетовъ. Потанцовавъ вдоволь, они цѣлуются и этимъ даютъ знакъ сватамъ входить въ домъ невѣсты, что они и дѣлаютъ, стрѣляя въ воздухъ.

Возвращаемся къ свадебному кортежу. Итакъ, онъ отправился въ путь.

Шумъ голосовъ, ржанье лошадей, выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ—все это смѣшивается въ одинъ общій гулъ, постепенно уменьшающійся по мѣрѣ удаленія отъ деревни. Традиціонный обычай предписываетъ, чтобы сваты несли съ собой водку и вино, которыми и потчуютъ всѣхъ встрѣчныхъ по до-

рогѣ, не исключая даже турокъ и племенныхъ враговъ. Отказъ отъ этой чести считается грѣхомъ и потому предложеніе принимаютъ всѣ съ благодарностью, а сватовъ провожаютъ благословеніями. Если случайно не хватитъ водки, то ее требуютъ на дорогѣ, въ первой же деревнѣ; и она предлагается безъ всякаго вознагражденія. Если во встрѣчныхъ деревняхъ есть знакомые жениха или невѣсты, они всегда выносятъ большую бутылку ракіи или водки (такъ-называемую «боцу»), а на горлышко бутылки кладутъ яблоко и апельсинъ и предлагаютъ взамѣнъ угощенія сватовъ: «пусть пьютъ на здоровье, въ добрый часъ». Выстрѣламъ и пѣснямъ въ родѣ: «ой, ябуко зеленико» или «шета Новакъ Дебелевичъ» и т. п. нѣтъ конца. Въ старину, если два свадебные поѣзда встрѣчались на дорогѣ, то они никакъ не соглашались дать одинъ другому дорогу; это значило бы унизить одну невѣсту передъ другою. Изъ-за этого происходили иногда рукопашныя схватки, кончавшіяся потерею нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Какъ скоро свадебный кортежъ приблизится къ дому невѣсты, «первенацъ» спѣшитъ увѣдомить ея родителей. При входѣ въ деревню невѣсты, сваты обыкновенно потчуются жителями деревни водкой, виномъ и благожеланіями, въ родѣ слѣдующихъ: «сретна ви была»; «родила ви девет Юговича»; «сречу ви у дом доніела»; «юнаке родила ко што су њој стари» (счастливъ путь вашъ да будетъ; чтобъ родила вамъ девять Юговичей; чтобы счастье въ вашъ домъ принесла; пусть богатырей родитъ вамъ, какъ ея предки). На всякое доброе слово со стороны сватовъ слѣдуетъ выстрѣлъ. Подъѣхавъ къ дому невѣсты, сваты останавливаются, а изъ дому выходятъ невѣстины братья и родственники и потчуютъ сватовъ винами. Но въ самый домъ прежде всего входятъ два шафера, изъ нихъ одинъ несетъ «опанки», которыя и кладетъ подъ столъ; свадебный калачъ и бутылка краснаго вина кладутся на столъ. По окончаніи этой церемоніи, шаферъ выходитъ на порогъ дома и даетъ выстрѣлъ, на который сваты дружно отвѣчаютъ тоже выстрѣлами и всѣ входятъ въ домъ невѣсты. Эти свадебные выстрѣлы вѣроятно остатокъ патріархальнаго обычая увозить силой невѣстъ, что̀ сопровождалось рѣзней. Женихъ былъ врагомъ и невѣсты, и ея рода; онъ добывалъ себѣ жену только послѣ упорнаго боя.

По входѣ въ домъ начинаются обрядности, унаслѣдованныя отъ далекой старины. Шаферъ беретъ свой свадебный хлѣбъ («погачу») и передаетъ его «старому свату» со стороны невѣсты, который, взявъ его и держа въ рукахъ, говоритъ:

«позолотите его». На это старый сватъ жениха отвѣчаетъ: «у добри час», но не хочетъ «позолотить» сразу, а спрашиваетъ сколько нужно, чтобы «позолотить». Тутъ начинается настоящая торговля. Наконецъ, сговорившись, «старый сватъ» жениха кладетъ на хлѣбъ нѣсколько червонцевъ. «Старый сватъ» невѣсты кладетъ хлѣбъ себѣ на голову и, ломая его, произноситъ: «такъ какъ изъ этого дома уходитъ дѣвица, то дай Богъ и св. Іоаннъ, чтобы въ новомъ ея домѣ родилась пшеница и кукуруза; дай Богъ, чтобы расплодились овцы, какъ на небѣ звѣзды; чтобъ сколько въ морѣ песку, столько было бы въ ея домѣ жита; сколько у Югъ Богдана [1]) сыновей, чтобы столько Богъ далъ и ей; чтобы крыша ея дома не проваливалась» etc.

Хлѣбъ кладется на «терпезу», которая бываетъ убрана слѣдующимъ образомъ: кромѣ хлѣба и вина, на столѣ находится, на большихъ мѣдныхъ турецкихъ тарелкахъ, цѣлый жареный баранъ или свинья (кстати замѣтить: мало найдется такихъ вкусныхъ кушаньевъ, если ихъ приготовить по горскому способу). Кто-нибудь изъ сватовъ вынимаетъ ятаганъ, который не разъ срѣзалъ турецкую голову, и рубитъ «пециво». Начинается пиръ. Вино пьютъ сначала безъ всякихъ спичей, но потомъ, когда вино ударитъ въ удалыя головы, начинаются рѣчи. По большей части онѣ переполнены благожеланіями, говорятся стихами. Многіе знатоки черногорскихъ нравовъ говорятъ, что въ Катунской нахіи существуетъ родительскій благословъ, т.-е. что родители даютъ кубокъ вина невѣстѣ и при этомъ благословляютъ ее, а она, выпивъ вино, удерживаетъ у себя кубокъ на всегдашнюю память. Но я нигдѣ не видѣлъ такого обычая.

Когда гости наѣлись и напились, шаферъ приноситъ невѣстѣ опанки и кольцо (если оно не было дано на «просьбѣ»), напоминая ей, что пришло время сбрасывать родительскую обувь и надѣвать женихову. Этотъ обычай объясняютъ различно. Одни говорятъ, что это дѣлается для того, чтобы она знала, что ходитъ не по родной землѣ (которая могла попасть въ старую обувь); другіе указываютъ на народное повѣрье, по которому невѣста, сбрасывая старую обувь, сбрасываетъ вмѣстѣ съ нею злыя качества и старые грѣхи. Въ Бѣлопавличахъ говорили мнѣ, что существуетъ проклятіе: «дай Богъ, чтобы не доносила родительской обуви и чтобы раньше этого возвратилась отъ мужа

[1]) Извѣстный сербскій герой Югъ Богданъ имѣлъ девять храбрыхъ сыновей, которые всѣ вмѣстѣ съ отцомъ погибли на Косовомъ-полѣ.

безъ чести». Вотъ, чтобы избѣгнуть этого проклятія, невѣста и уходитъ изъ родительскаго дома, покидая родительскую обувь. Послѣднее мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ потому, что черногорцы довольно суевѣрны.

Между тѣмъ, въ отдѣльной комнатѣ подруги и родственницы невѣсты раздѣваютъ ее до-гола и, затѣмъ, одѣваютъ въ новое, начиная рубашкой и кончая верхнимъ платьемъ. Но шапкой— этой эмблемой дѣвственности — никто не можетъ распоряжаться, кромѣ родного брата или, за его отсутствіемъ, близкаго родственника: именно онъ приходитъ въ уборную своей сестры (или близкой родственницы) и съ словами: «у добри час, сестро» (въ добрый часъ, сестра) снимаетъ шапку и, бросивъ ее въ уголъ, надѣваетъ невѣстѣ «маражу»— черный шелковый платокъ съ красными краями. Тогда она одѣтая и совершенно готовая приходитъ въ сопровожденіи брата въ столовую, гдѣ сваты усаживаютъ ее въ головѣ трапезы, т.-е. на самомъ почетномъ мѣстѣ. Этимъ она, по мнѣнію нѣкоторыхъ, получаетъ, какъ будущая мать, право сидѣть въ обществѣ отборныхъ мужчинъ-юнаковъ, и теперь должна стараться быть вездѣ и всегда честною, чтобы не потерять этого права. Ей предлагаютъ вина, но она, по обычаю, сначала отказывается, пока не упросятъ ее сваты. Но какъ она допила стаканъ, — спичи оканчиваются; всѣ встаютъ и собираются ѣхать. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ сваты получаютъ подарки въ родѣ шелковыхъ платковъ [1]). Братья невѣсты передаютъ сестру въ руки двухъ шаферовъ, которые съ словами: «хвала вам, пріятели», выводятъ ее изъ родительскаго дома.

Кортежъ поднимается, распѣвая удалыя юнацкія пѣсни. Невѣста идетъ между двумя шаферами. Когда она удалится на нѣкоторое разстояніе, родители кричатъ ей вслѣдъ: «Прощай, родимая дочь!» Она, по обычаю, должна обернуться и посмотрѣть на родительскій домъ и на своихъ братьевъ: тогда у нея дѣти будутъ похожи на своихъ дядей. На обратномъ пути кортежъ по прежнему встрѣчается съ «боцами ракiи». Всѣ, сопровождая невѣсту благожеланіями, пьютъ, а она съ унылымъ видомъ упорно смотритъ въ землю. Боже сохрани, чтобы шафера

---

[1]) „Но је мене данас најжалiе,
Што я не мам свиленога дара,
Да даруемъ кичене сватове".

(Теперь я всего болѣе сожалѣю, что у меня нѣтъ шелковыхъ подарковъ—въ подарокъ убраннымъ сватамъ).

Вообще, подарки вещами и деньгами — остатокъ отъ древняго обычая покупки невѣстъ, замѣнившаго собою другой, еще болѣе древній—„умыканіе".

оставили невѣсту хотя на минуту одну во все продолженіе дороги къ жениху: такая оплошность была бы постыдна. Этотъ довольно стѣснительный обычай получилъ начало давно, вѣроятно въ тѣ времена, когда сербы отбивали по дорогамъ чужихъ невѣстъ, а турецкіе гайдуки были настолько смѣлы и дерзки, что пускались въ самую глубь Черногоріи и тамъ, встрѣчая сватовъ, отбивали у нихъ невѣсту. Случалось и такъ, что во время схватки шафера, не сдержавъ сердечнаго порыва и бросивъ невѣсту, кидались съ ятаганами въ рукахъ и отбивали аттаку; въ схваткѣ невѣста пропадала, нападающіе успѣвали увезти ее — и тогда весь стыдъ на шаферовъ. Отсюда поговорка: «као дѣвери безъ дѣвойке» (какъ шафера безъ дѣвицы).

По мѣрѣ приближенія къ деревнѣ жениха, пѣсни и выстрѣлы учащаются, компанія, не стѣсняясь, стрѣляетъ даже у церковныхъ воротъ. Снимая шапки, но не снимая свои кубури-пистолеты и ружья, она преклоняется предъ иконами. Женихъ приходитъ въ церковь незамѣтно и вѣнчается съ своею невѣстою въ православной церкви. Черногорцы всѣ безъ исключенія православные и ни за какія блага въ мірѣ не согласятся вступить въ бракъ съ субъектомъ неправославнаго вѣроисповѣданія. По словамъ извѣстнаго ученаго Богишича, свадьба считается оконченной, какъ скоро священникъ совершитъ половину св. обряда и что въ народѣ существуетъ повѣрье—будто до половины обряда еще можно отказаться отъ брака, но послѣ половины—уже нѣтъ. Когда обрядъ совершенно оконченъ, женихъ выходитъ изъ церкви и даетъ выстрѣлъ изъ пистолета. Имъ онъ даетъ знать, что онъ уже не холостой. И, затѣмъ, незамѣтно уходитъ домой. Свадебный кортежъ отправляется вслѣдъ за женихомъ, напѣвая національную пѣсенку:

«Ой ябуко зеленико,
„Зелен ли си род родила“ и т. д.

Или другую:

„Све за славу Бога великого,
А за здравлje князя свѣтлого
И великог цара Александра“ и т. д.

И. Поповичъ-Липовацъ.

ДРУГЪ ДОМА

РОМАНЪ УЙДА.

Окончаніе.

XI *).

— Эта связь длится уже нѣсколько лѣтъ, но я не думаю, чтобы они были пара другъ другу, — говорила лэди Кардифъ, наблюдая въ лорнетъ фигуры Іориса и жены м-ра Чаллонера, проходившія по анфиладѣ ея собственныхъ многочисленныхъ покоевъ. Они были у нея съ визитомъ въ ея пріемный день. — Я не думаю, чтобы они были пара другъ другу; онъ воплощенный романъ, а она олицетворяетъ собой биржу. Эросъ, который былъ бы ему по-нраву, — нѣжный, кроткій богъ безмолвія и полумрака; а ея Эросъ — шумный торговый агентъ, съ карманами и руками, набитыми объявленіями. И какъ не прилично, сказать мимоходомъ, выставлять такимъ образомъ на-показъ свои отношенія.

Etoile, успѣвшая тѣмъ временемъ подружиться съ злоязычной маркизой и тоже пріѣхавшая къ ней съ визитомъ, слегка покраснѣла.

— Вы часто обѣдаете у нея, лэди Кардифъ?

— Какимъ трагическимъ тономъ вы говорите это! Нѣтъ, дорогая графиня, я не часто обѣдаю у нея. Напротивъ того. Я нахожу слишкомъ разорительнымъ покупать всякій разъ послѣ обѣда какой-нибудь горшокъ или блюдо, или безобразнаго *magot*...

---

*) См. выше: августъ, 636 стр.

ихъ дешевле можно пріобрѣсти въ лавкѣ. Но она меня забавляетъ. Умная женщина... знаетъ, какъ угодить обществу и *никогда* не замѣчаетъ, когда ее щелкаютъ по носу. Какъ это удобно!

— Вѣроятно, ей не приходится переносить щелчковъ?—замѣтила Etoile.—Всѣ, повидимому, такъ любятъ ее.

Изъ чувства уваженія къ отсутствующему старому другу и не желая злословить о женщинѣ, которой дружески пожимала руку, она вступалась за нее, хотя въ душѣ и не одобряла ея поведенія.

Лэди Кардифъ улыбнулась и опустила лорнетъ.

— О, конечно, люди любятъ ее. Она не знаетъ скуки. А это самое популярное качество. Кромѣ того, она имѣетъ несокрушимый оплотъ въ своемъ добрѣйшемъ мужѣ. Съ такимъ мужемъ, какъ м-ръ Чаллонеръ, вы можете считать себя въ безопасности. Вамъ вовсе не надо о немъ думать. Онъ существуетъ— и этого съ васъ достаточно. Онъ всегда будетъ сидѣть за вашимъ обѣденнымъ столомъ и красоваться на вашихъ визитныхъ карточкахъ. Этого довольно. Онъ представляетъ за васъ респектабельность, и вамъ не нужно брать на себя трудъ быть самой респектабельной. Респектабельность такая вещь, что форма ея гораздо пріятнѣе, чѣмъ самая сущность. Къ счастью для насъ, общество довольствуется одной формой.

И съ этими словами лэди Кардифъ, остроумнѣйшая изъ женщинъ по наслѣдству, такъ какъ ея бабушка загоняла Фокса и привела въ трепетъ Сидни Смита, встала съ мѣста, чтобы зажечь папироску.

— А любовь,—спросила Etoile,—при чемъ она въ вашихъ воззрѣніяхъ?

— Любовь—десертъ, душа моя,—отвѣчала лэди Кардифъ.— А я говорю про супъ, рыбу и жаркое... и про человѣка, который доставитъ вамъ все это. Молодыя женщины мало думаютъ о жаркомъ. Онѣ влюбляются въ какого-нибудь красиваго осла, который говоритъ имъ комплименты во вкусѣ французскихъ фельетоновъ, и думаютъ, что вся жизнь пройдетъ въ томъ, что онѣ будутъ глядѣть на луну и цѣловаться. А онъ, какъ женится, такъ сейчасъ примется проматывать ихъ приданое, посылаетъ ихъ къ чорту двадцать разъ на дню, а улыбки свои приберегаетъ для гостей, и при этомъ изъ десяти разъ девять бываетъ ревнивъ, какъ турокъ. Луна и поцѣлуи—прекрасная вещь въ своемъ родѣ, но ихъ слѣдуетъ отнести на второй планъ. Это уже десертъ. Вы не можете питаться имъ. Эти милыя бездѣлицы

созданы для Паоло и Франчески, а не для мистера и миссисъ Римини. Я очень безправственна? Дорогая графиня, я только практична. Покладливый супругъ, который никогда ни о чемъ васъ не разспрашиваетъ и не заботится о томъ, съ кѣмъ вы переписываетесь... ахъ! я бы вамъ дала въ мужья лорда Кардифа,—тогда бы вы узнали, какое *это* блаженство. Вамъ это непонятно? — Ну, да, разумѣется, потому что вы поэтъ и не даете себѣ труда понимать общество. Вы живете на Олимпѣ, а мы простые смертные.

Маркиза де-Кардифъ любила называть себя старухой. Но у ней сохранились отъ молодости три вещи: прекрасный цвѣтъ лица, откровенный смѣхъ и душевная свѣжесть. Она была свѣтской женщиной до кончика ногтей и провела бурную и веселую жизнь; она обращала ночь въ день; читала только Фильдинга и Бальзака и не чуждалась безнравственныхъ людей, если только они не были скучны. Она была величественна и все еще хороша собой, и походила на императрицу, когда входила въ гостиную, покрытая брилліантами. Съ другой стороны, она умѣла хохотать до слезъ; умѣла дѣлать добро и тщательно скрывать это; уважала людей несуетныхъ, когда ей таковые встрѣчались, хотя и считала направленіе ихъ умовъ въ нѣкоторомъ родѣ возвышеннымъ помѣшательствомъ. И при всей своей проницательности была такъ мягкосердечна, что самый злостный шарлатанъ могъ исторгнуть слезы изъ ея глазъ и деньги—изъ ея кошелька. Она постоянно проводила зиму въ Римѣ и никогда не жила съ лордомъ Кардифомъ. Онъ и она были рады всякому обществу, кромѣ общества другъ друга. Она была торіемъ старой школы и чистокровнымъ легитимистомъ; вѣрила въ божественное право и никакъ не могла понять, къ чему понадобилась избирательная реформа. Тѣмъ не менѣе, ея пророкомъ былъ Вольтеръ, а молитвенникомъ—правила Ларошфуко; и хотя она не видѣла спасенія внѣ Готскаго альманаха, но быстрый умъ придавалъ порою ея мыслямъ какую-то демократическую окраску. Аномаліи всегда забавны — и лэди Кардифъ была самой забавной женщиной въ Европѣ.

— Почему вы не курите? — спросила она у Etoile. — Вы напоминаете мнѣ Талейрана и вистъ. Какую печальную старость вы готовите себѣ, моя милая графиня? Вы стали что-то очень серьёзны. Мнѣ кажется, вы слишкомъ серьёзно смотрите на жизнь. На вашъ поэтическій взглядъ она представляется чѣмъ-то прекраснымъ и грознымъ, въ родѣ трагедіи Эсхила. Вкладывать душу въ жизнь — великая ошибка: это значитъ давать своимъ

врагамъ залогъ, который вамъ придется выкупать цѣной своей погибели. Но безполезно толковать объ этомъ. Для васъ жизнь была и будетъ трагедіей, а для насъ, простыхъ смертныхъ, она была и будетъ трактатомъ о вистѣ. Вотъ и все!

— Трактатомъ о вистѣ! Нѣтъ, хуже того. Это—тюремный списокъ, куда вносятся имена всѣхъ тѣхъ, кого сажаютъ въ заточеніе только за то, что ихъ нельзя подкупить деньгами, интригами, мошеннической хитростью или пороками.

Лэди Кардифъ засмѣялась и съ нѣжной лаской помогла своей гостьѣ закутаться въ мѣховое пальто.

— Свѣтъ—не что иное, какъ Гарпагонъ, а вы и вамъ подобныя, вы—Maître Jacques. «Puisque vous l'avez voulu!» говорите вы, и откровенно величаете его въ глаза: «avare, ladre, vilain, fessemathieu», а Гарпагонъ отвѣчаетъ вамъ палочными ударами и кричитъ: «Apprenez à parler!» Бѣдный maître Jacques! Когда я читаю о немъ, я всегда думаю, къ какому роду геніальныхъ людей принадлежитъ онъ. Не обижайтесь, душа моя. Онъ былъ настолько уменъ, что понималъ, что его не простятъ за то, что онъ говоритъ правду — и все-таки говорилъ. Истинный типъ генія.

Etoile уѣхала домой задумчивая, съ смутною тревогой въ душѣ.

Она поселилась въ старинномъ дворцѣ, главный фасадъ котораго обращенъ былъ на Montecavallo, а заднія окна выходили на сады Роспильози.

Комнаты были громадныя, со сводами, благородныхъ размѣровъ, превосходными фресками, работы неизвѣстнаго художника временъ Караччи. Здѣсь она поселилась на зиму и чувствовала, что могла бы прожить двадцать лѣтъ сряду. Она охотно просиживала бы въ одиночествѣ въ своихъ расписанныхъ фресками покояхъ тѣ часы, которые не проводила среди статуй Ватикана или Капитолія, или подъ деревьями виллы Боргезе и Памфили. Но не легко отдѣлаться отъ общества или укрыться отъ гласности человѣку, составившему себѣ извѣстность; гости охотно навѣщали Etoile, и чтобы они не отнимали у ней всей недѣли, она по неволѣ должна была назначить у себя пріемный день по воскресеньямъ.

— Я не буду пріѣзжать къ вамъ по воскресеньямъ,—объявилъ Іорисъ, когда услышалъ объ этомъ. Etoile улыбнулась:— О, да, вы пріѣдете, если вашей повелительницѣ угодно будетъ приказать вамъ сопутствовать ей.

— Plâit-il?—спросилъ Іорисъ съ невиннымъ видомъ; затѣмъ прибавилъ вполголоса:—вы жестоки.

Въ Casa Чаллонеръ принимали по средамъ, посвящая этотъ день торжественнымъ жертвоприношеніямъ Bona-Dea. Въ этотъ день все въ домѣ было прибрано, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; трубки и сигары заперты подъ замокъ; слишкомъ откровенныя статуэтки удалены съ глазъ долой; красивые поклонники изгонялись и маленькая Эффи, очень мило одѣтая, усердно ласкалась къ своей мамашѣ; а м-ръ Чаллонеръ былъ такъ радушенъ и разговорчивъ, какъ только умѣлъ. Іорисъ обыкновенно изгонялся по средамъ, но лэди Джоанъ имѣла обыкновеніе поминать его имя черезъ каждыя пять минутъ.

— Іо поѣхалъ купить мнѣ нѣсколько камелій, или: Іо отправился за картинами по моему порученію. А не то она подсовывала его фотографію подъ самый носъ миссисъ Грюнди и говорила: — да, это Іо... вы встрѣтили его у меня на прошлой недѣлѣ. Красивъ, говорите вы? Да, пожалуй, но мы не думаемъ объ его наружности. Мы дружески расположены къ нему, бѣдный Іо!

И миссисъ Грюнди уѣзжала успокоенная и на слѣдующую среду привозила свою дочку.

И всѣ жены банкировъ, консуловъ и негоціантовъ, всѣ мелкотравчатые дворяне и свободнорожденные республиканцы, которые не бывали по воскресеньямъ на Montecavallo, имѣли привычку сравнивать восхитительныя среды, проводимыя за чайнымъ столомъ и въ дружеской бесѣдѣ, съ нечестивыми воскресными днями.

— Говорятъ, что въ комнатахъ графини Etoile ни зги не видать изъ-за густого табачнаго дыма... и у ней подаютъ всякаго рода ликеры... всякій играетъ и поетъ, что̀ кому вздумается. Князь Шельдъ пѣлъ прошлый разъ пѣсни, какія поются въ café-chantans и въ кордегардіяхъ и передразнивалъ Терезу и кошекъ на крышахъ... о, скандалъ! чистѣйшій скандалъ! говорятъ...

И не будучи приняты по воскресеньямъ, они ѣздили и пили чай по средамъ и разсуждали о томъ, какое счастіе вращаться въ безукоризненномъ обществѣ.

— Да, я тоже не бываю у нея по воскресеньямъ; или, по крайней мѣрѣ, бываю очень рѣдко, — говорила лэди Джоанъ, и тѣнь сожалѣнія, омрачавшая ея откровенное лицо, досказывала остальное.

— У Etoile по воскресеньямъ бываетъ очень весело,—объявила лэди Кардифъ, которая поѣхала въ воскресенье, и увѣрилась, что не промахнулась, встрѣтивъ въ дверяхъ княгиню Вѣру, а нѣсколько дальше—другую посланницу.

— Я очень люблю ее; я ужасно ее люблю, хотя она совсѣмъ не уважаетъ, кажется, знатности и титуловъ; она презрительно, просто презрительно обошлась съ княземъ Шельдомъ и была необычайно любезна съ маленькимъ, старенькимъ, смѣшнымъ грибомъ, лѣтъ восьмидесяти отъ роду, по крайней мѣрѣ, только за то, что тотъ собаку съѣлъ на Бетховенѣ и на Шуманѣ.

Іорисъ, несмотря на свой отказъ, бывалъ время отъ времени по воскресеньямъ, но пріѣзжалъ одинъ, и рѣдко. Онъ говорилъ Etoile:—Вы сказали, что я рабъ и я не хочу являться въ цѣпяхъ передъ вашими безпощадными, насмѣшливыми глазами и... мнѣ вовсе не весело бывать у васъ, когда другіе васъ монополизируютъ.

Лэди Джоанъ онъ говорилъ:—Ахъ! ma chère, вы знаете, что я боюсь знаменитостей. Оставьте меня въ покоѣ. Я слишкомъ часто встрѣчаюсь съ ней въ вашемъ домѣ для моего спокойствія. Это была не ложь; но его слушательница понимала ее не въ томъ смыслѣ и была довольна и спокойна.

— Его не притянешь къ ней и на арканѣ,—говорила она своему сторожевому псу, Маржори Скрэпъ.

У сторожевого пса чутье было болѣе тонкое и онъ уже почуялъ опасность. Разъ или два сторожевой песъ, проходя мимо дворца, занимаемаго Etoile, видѣлъ, какъ въ него входила стройная фигура князя Іориса. Сестры Скрэпъ-Стерсъ разыгрывали неоцѣненную роль Цербера у дверей Casa Чаллонеръ, и лэди Джоанъ снабжала ихъ за то свѣжими яицами и овощами съ самой признательной аккуратностью. Церберъ зачастую надоѣдалъ ей до смерти, но былъ ей полезенъ и она ласкала его. Она звала сестеръ своими дорогими дѣвочками, хотя онѣ были старше ея, всегда приглашала ихъ на второстепенные обѣды, надѣляла ихъ выкройками для платьевъ, возила въ театры, посылала имъ дичь, медъ и вино, приглашала гостить въ Фіорделизу и позволяла Маржори вдосталь любоваться княземъ Іорисомъ.

Бѣдная Маржори въ первыя времена, какъ лэди Джоанъ только-что прибыла съ береговъ Евфрата, обуреваемая желаніемъ убить кого-нибудь, послужила для нея не сторожевымъ псомъ, но лапкой, которой вытаскиваютъ изъ печи жареные каштаны. Прежде чѣмъ лэди Джоанъ достигла той чудной неустрашимости,

съ вершины которой она теперь приглашала церковь завтракать въ Фіорделизѣ,—въ тѣ времена, когда она еще была подъ гнетомъ опасеній, внушаемыхъ ей призракомъ британской Bona-Dea, мелькнувшемъ передъ ея глазами, когда она выходила на берегъ въ Бриндизи,—она считала необходимымъ быть осторожной. Въ видахъ предосторожности, она заставила Іориса ухаживать за своей дорогой пріятельницей Маржори, и всюду таскала ее съ собой. Іорисъ смѣялся, жалѣлъ самого себя и повиновался. Онъ граціозно разыгрывалъ роль въ этой низкой комедіи, и его жертва предалась самымъ дикимъ надеждамъ, столь же необузданнымъ, какъ онѣ были неосновательны. Когда она убѣдилась, что надъ ней подшутили, что она послужила лишь ширмой для удобства другого лица, страсть пережила убитую надежду. Она изнывала отъ ярости и горя, но молчала. Порвать съ Casa Чаллонеръ значило бы никогда не видѣть Іориса; она продолжала цѣловать свою пріятельницу при людяхъ и наединѣ, носила въ груди свою подавленную страсть и, какъ голодный, питалась взглядомъ, голосомъ, жестами любовника своей пріятельницы. Она усматривала то, что ускользало отъ ея пріятельницы; она предвидѣла время, когда, по пословицѣ, черезъ-чуръ натянутая струна лопнетъ; она отмѣчала всѣ ошибки своей пріятельницы, она видѣла все ея тиранство и понимала, что та злоупотребляетъ своей властью, и ждала... хотя сама бы не могла сказать, чего она ждетъ.

Лэди Джоанъ хорошо было извѣстно ея безуміе и она подсмѣивалась надъ нимъ про себя, но была очень довольна. Оно было ей полезно, а это соображеніе для лэди Джоанъ было выше всѣхъ остальныхъ.

Съ теченіемъ времени Маржори Скрэпъ привыкла къ своему положенію, если и не примирилась съ нимъ и признала владычество лэди Джоанъ за неизбѣжный фатумъ. Но теперь она возненавидѣла свою новую соперницу той смертельной ненавистью, которая не знаетъ жалости и не имѣетъ себѣ равной,— ненавистью неизвѣстной и недовольной женщины къ женщинѣ знаменитой и обожаемой. Etoile вовсе о ней не думала, смутно сожалѣла о ней иногда, какъ о покорной рабынѣ общества и прихвостнѣ лэди Джоанъ. Но Маржори Скрэпъ думала о ней съ утра до ночи, слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, ловила каждое слово, изучала шелестъ ея платья, и ненавидѣла ее пуще всего за то выраженіе, какое принимали глаза Іориса, когда глядѣли на нее; въ тиши ночной она грезила о ней и, просы-

паясь, бормотала: — я достаточно вытерпѣла... *этого* я не потерплю! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Если бы Etoile приласкала Скрэпъ-Стерсъ, если бы она пріѣзжала къ нимъ пить чай, подарила бы сестрамъ какія-нибудь хорошенькія бездѣлушки, хвалила бы ихъ акварельные рисунки и купила который-нибудь изъ нихъ — быть можетъ, даже этотъ вихрь злобы и ненависти улегся бы. Но она неспособна была на это.

— Душа моя, вы кажется совсѣмъ не боитесь черни, — говорила ей лэди Кардифъ, — но вѣдь чернь-то и воздвигаетъ гильотины; а геніальная женщина для черни та же Марія Антуанетта «проклятая гордячка австріячка» — и чернь не успокоится, пока не отрубитъ ей голову.

XII.

— Chère comtesse Etoile, извините меня, но вы совсѣмъ не практичны! — говорила лэди Кардифъ однимъ утромъ, катаясь на Пинчіо. — Не можетъ же быть, чтобы вы желали наживать враговъ; право, вы не можете желать этого, у васъ ихъ и безъ того довольно! Я не хочу быть рѣзкой, но не могу не высказать вамъ того, что́ думаю. Къ чему вы наживаете себѣ враговъ безъ всякой нужды? Объясните мнѣ.

— Что́ такое я сдѣлала? — спросила Etoile удивленно и нѣсколько разсѣянно. — Она думала о томъ, что̀ ей говорилъ наканунѣ Іорисъ въ палаццо Фарнезе, гдѣ былъ раутъ.

— Что́ вы сдѣлали? — повторила лэди Кардифъ. — Какъ что? да вы сразили на смерть нашу любезную миссисъ Генри Кламсъ! Безсознательно, полагаю, но тѣмъ хуже! Вы глядѣли на нее и не поклонились ей, точно не видали ее. Я бу́ду всѣмъ говорить, что вы не видѣли ея, если меня спросятъ.

— Я въ самомъ дѣлѣ не видала ея, — отвѣчала Etoile, хотя сознаюсь, что охотно не замѣтила бы ея и намѣренно, если хотите знать.

— Боже милосердый! Она оскорбила васъ?

— Нисколько; но зачѣмъ я съ ней буду знаться? Она гораздо необразованнѣе моей горничной, и въ десять разъ пошлѣе.

— Разумѣется! но что-жъ изъ этого?

— А то, что пошлость еще больше рѣжетъ глаза, когда является разряженной въ пухъ и прахъ, а тутъ пошлость соединяется еще и съ безнравственностью.

Лэди Кардифъ переложила зонтикъ изъ одной руки въ другую.

— Ужасно вы рѣзко выражаетесь; конечно, все это кажется очень страшно, когда вы представляете это въ такомъ свѣтѣ. Но вѣдь всѣ съ ней знакомы. Таковы нравы въ наше время. Почему вы не напишите комедію въ родѣ «L'Etrangère» или «La Famille Benoîton» и не выскажете тамъ все это? Мы бы стали рукоплескать вамъ на сценѣ; но въ жизни все это очень неудобно. Вы не сердитесь за мою откровенность.

— Пожалуйста, будьте всегда откровенны. Продолжали ли бы вы знакомство съ миссисъ Кламсъ, если бы мужъ ея разорился.

— Боже милостивый! разумѣется, нѣтъ; да она и не разсчитываетъ на это. Она знаетъ свое мѣсто. Знаться съ ней, когда бы она разорилась! Вотъ идея! Вы, пожалуй, думаете, что и Фонтебранда сталъ filer le parfait amour, послѣ того какъ она разорилась.

— Бѣдная женщина!—произнесла Etoile.

— Напрасно вы ее жалѣете, душа моя. Вы можете быть увѣрены, что она отлично знаетъ, чего стоятъ мои визиты и его преданность. Если бы завтра она вылетѣла въ трубу, то переплыла бы себѣ спокойно океанъ и открыла бы таверну, какъ ни въ чемъ не бывало.

Кстати, вы поѣдете на балъ къ Эшеансъ?

— Я не люблю баловъ.

— Прекрасно; если вы не любите танцовать, то не танцуйте, хотя знаете, если женщина не танцуетъ, то про нее непремѣнно распустятъ, что у нея одна нога короче другой или одна нога изъ пробки или что-нибудь другое, такое же ужасное. Но почему бы вамъ не показываться на балахъ? Только показываться. На балы вѣдь ѣздятъ какъ въ церковь. Этого требуютъ приличія,—чтобы не казаться чудачкой. Я бы на вашемъ мѣстѣ поѣхала. Наша милая Джоанъ покажетъ себя во всемъ блескѣ; Іо будетъ торчать у ней за стуломъ во время ужина и будетъ служить у ней на посылкахъ: — Іо, дайте мнѣ майонезу.—Іо, подайте лэди Кардифъ землянику.—Іо, передайте мнѣ землянику. Вы бы послушали ее! Я ухмылялась невольно и всѣ ухмылялись, кромѣ ея превосходнаго деревяннаго супруга. На ней былъ надѣтъ великолѣпный уборъ изъ сапфировъ, и я слышала отъ нея пять различныхъ исторій о томъ, какъ она его добыла. Извѣстно вамъ, откуда она его достала? Я думаю, что объ этомъ лучше всего знаетъ Іо. Она желала, чтобы мы взяли акціи какого-

то общества разведенія кроликовъ въ Кампаньѣ. Умная женщина! Право она очень забавна. Полъ-жизни ея проходитъ въ томъ, что она трепещетъ, какъ бы люди не подумали, что у ней есть любовникъ, а другую половину она проводитъ въ страхѣ, какъ бы они не подумали, что у ней его нѣтъ. Я оставила ее на балѣ, а между тѣмъ уѣхала только въ пять часовъ утра. Бѣдный Іо казался очень утомленнымъ. Какая хитрая штука—любовь.

Etoile молчала. Она думала о томъ, какъ она встрѣтила его въ тотъ же вечеръ въ палаццо Фарнезе только раньше. Ее сердило—хотя она находила это неблагоразумнымъ — что онъ поѣхалъ послѣ того на этотъ балъ.

Въ это время коляска проѣхала мимо боскетовъ виллы Медій, озаренныхъ розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца, и они увидѣли подъ деревьями лэди Джоанъ и Іориса. Лэди Джоанъ послала имъ поцѣлуй съ веселой и привѣтливой улыбкой. Іорисъ, кланяясь, покраснѣлъ, а затѣмъ поблѣднѣлъ.

— Умная женщина, лэди Джоанъ,—продолжала лэди Кардифъ.—Знаетъ какъ угождать людямъ, а въ этомъ-то все и дѣло, повѣрьте мнѣ. И вотъ почему она достигаетъ своихъ цѣлей. Цѣли ея мелкія, согласна: она желаетъ, чтобы къ ней ѣздили въ гости, какъ и къ другимъ, чтобы ее приглашали на чашку чая жены священниковъ и на балъ жены банкировъ и вообще желаетъ играть роль въ обществѣ дюжинныхъ людей. Вотъ въ чемъ заключается ея честолюбіе. Но поглядите, чѣмъ она добивается того, что ей нужно? а тѣмъ, что улыбается женщинамъ, которыхъ ненавидитъ, и дѣлаетъ видъ, что какой-нибудь грошевый капелланъ можетъ переносить ее своими проповѣдями на небо! О! все это кажется вамъ неизмѣримо ничтожнымъ,—замѣтила она съ нетерпѣніемъ, такъ какъ Etoile непочтительно разсмѣялась.—Вы умный, поэтическій народъ, создаете себѣ свой собственный міръ, какой-то утесъ среди волнъ, подобно гробницѣ Шатобріана. Но, душа моя, мы хотимъ жить въ свое удовольствіе, а люди, живущіе на утесѣ, среди волнъ, и залетающіе къ намъ, подобно орламъ, только мѣшаютъ намъ. Это вѣрно. Вы заставляете насъ размышлять, а общество терпѣть не можетъ размышленія. Вы называете вещи ихъ именами, а общество этого не выноситъ. Вы трубите намъ въ уши про наше ничтожество, а мы совсѣмъ не хотимъ этого слушать, потому что слишкомъ хорошо знаемъ объ этомъ сами. Вы содрогаетесь отъ грѣха, а мы согласились въ томъ, что грѣха вовсе не существуетъ, а есть только различіе въ мнѣніяхъ, которое, лишь бы оно не задѣвало насъ, до насъ не касается: преступную любовь мы зовемъ

«liaison», лганье—сплетнями, долги—временнымъ затрудненіемъ, безнравственность—шалостью и такъ далѣе; и разъ что мы придумали этотъ хорошенькій словарь приличныхъ псевдонимовъ, намъ никакъ не можетъ быть пріятно, когда намъ бросаютъ въ лицо страшныя, допотопныя слова, приличныя лишь въ книгахъ, которыхъ никто не читаетъ, какъ Мильтона, напримѣръ, или библіи. Мы не желаемъ мыслить. Мы не желаемъ разсуждать. Мы не хотимъ ни о чемъ заботиться. Давайте намъ хорошіе обѣды и много денегъ и дайте намъ затмить своихъ сосѣдей. Вотъ евангеліе девятнадцатаго столѣтія.

И лэди Кардифъ, наблюдавшая за свѣтомъ и за своимъ поколѣніемъ съ тѣмъ же полу-презрительнымъ, хотя и добродушнымъ смѣхомъ, съ какимъ она наблюдала за дѣтьми, обирающими елку или за молодыми дѣвчонками, кружащимися въ котильонѣ, перевела духъ послѣ своей длинной рѣчи, и, закуривъ папироску, поѣхала домой, вздыхая по блаженнымъ днямъ Людовика XIV.

— Іо, отчего вы не разговариваете?—спрашивала тѣмъ временемъ лэди Джоанъ, проходя подъ деревьями мимо кіоска.

— Mais, ma chère, отъ этихъ экипажей столько шума.

— Глупости! видѣли вы Etoile?

— Видѣлъ.

— Она проѣхала съ лэди Кардифъ. Какая противная женщина, эта лэди Кардифъ! Не могу постичь, чѣмъ она вамъ нравится; она такъ дерзка, какъ только можно быть. Я совершенно вѣрю тому, что лордъ Кардифъ бросилъ ее потому, что она вздула его хлыстомъ за то, что онъ повезъ другую женщину въ Ричмондъ...

— Ça se peut,—проговорилъ Іорисъ, пожимая плечами:—если только не было чего-нибудь *похуже*. Многіе говорятъ, что было *похуже*.

Въ эту минуту къ нимъ присоединился м-ръ Сильверли Бель. Лэди Джоанъ очень любила его; м-ру Сильверли Бель очень льстило ея вниманіе. У него была мягкая, кроткая улыбка, которая никогда не была слаще и кротче, какъ тогда, когда онъ злословилъ; въ этомъ проходила его жизнь. Никто не могъ бы назвать Сильверли Беля злымъ; онъ никогда не отзывался дурно ни о комъ; онъ только «сожалѣлъ», онъ только «желалъ», онъ только «опасался». Когда кто-нибудь оказывался настолько безнравственнымъ, что Сильверли Бель былъ вынужденъ, какъ спаситель общества, утопить этого человѣка въ чай-

никѣ, то онъ всегда вздыхалъ, дѣлая это и имѣлъ крайне огорченный видъ. Лэди Джоанъ оцѣнила по достоинству всѣ его качества: улыбки, вздохи, и все прочее. Онъ сначала былъ очень предубѣжденъ противъ нея, но она такъ привѣтливо встрѣчала его, такъ настойчиво звала къ себѣ, такъ превозносила его, что онъ сдался и чувствовалъ себя польщеннымъ, водя подъ руку такую красавицу на чайныхъ вечерахъ разныхъ старыхъ дѣвъ и клержименовъ. Въ награду онъ отдалъ всего себя въ ея распоряженіе: улыбку, вздохи и все прочее, и это оказалось неоцѣненнымъ.—Сильверли Бель увѣряетъ меня, что тутъ ничего нѣтъ *такого*. Онъ долженъ знать; онъ такъ часто у ней бываетъ,—говорила миссисъ Грюнди, время отъ времени, когда ей бросалась въ глаза фигура лэди Джоанъ, за плечомъ которой красовался профиль Іориса.

Искусство нравиться гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ, основано на томъ, чтобы самой восхищаться другими, и лэди Джоанъ обезоруживала предубѣжденія своихъ недоброжелателей, выказывая самое неподдѣльное восхищеніе ихъ особами. Вы можете быть очень дурного мнѣнія о женщинѣ, но не можете дурно отзываться о ней послѣ того, какъ она сто разъ повторитъ вамъ, что смерть, какъ любитъ васъ. Лесть крайне успѣшное и популярное орудіе; она всесильна.

— Микель-Анжело былъ дуракъ, — говорилъ, напр., м-ръ Пратъ, англійскій скульпторъ, водившійся съ римскою знатью и прозванный артистами вообще Фидіемъ Пратъ, конечно, въ насмѣшку, но онъ серьёзно принялъ это прозвище за комплиментъ. Геніальный дуракъ, но все-таки дуракъ!—утверждалъ Фидій-Пратъ, сдвигая на бокъ свою красную феску.—Всю свою работу дѣлалъ самъ: подумайте только, какая потеря времени. Полжизни проводилъ, обтесывая камень; дѣлалъ работу чисто каменьщика. Ну, а я вотъ нанимаю шестьдесятъ рабочихъ и никогда не притрогиваюсь къ мрамору, никогда не притрогиваюсь! а поглядите, сколько статуй въ годъ я выпускаю.

— А идеи, м-ръ Пратъ?—замѣтила Etoile.—Вы ихъ тоже нанимаете или обходитесь безъ нихъ?

— Идеи! Идеи!—повторилъ Фидій, вытаращивъ глаза, и, насупившись, съ чувствомъ обиды отошелъ къ своимъ мраморнымъ дѣтищамъ, которыя безсмысленно глазѣли въ пространство, такъ какъ въ нихъ было меньше души, чѣмъ въ любой нюренбергской деревянной куклѣ.

Онъ женился двадцать лѣтъ тому назадъ на двадцати тысячахъ годового дохода, въ лицѣ наслѣдницы одного альдермена,

и его произведенія красовались въ судебныхъ палатахъ и общественныхъ залахъ, во дворцахъ и въ паркахъ. На что ему были идеи? Тѣмъ не менѣе, онъ почувствовалъ все неприличіе такого намека.

Лэди Джоанъ, которая привезла Etoile въ его мастерскую, усмѣхнулась про себя, хотя сама въ это время ахала надъ статуей, изображавшей «Горе», объявляя, что готова отрѣзать ножницами складки ея туники, до того мраморъ былъ похожъ на нитяную ткань.

— Какъ вы могли заговорить съ нимъ объ идеяхъ? — прошептала она Etoile. — Разумѣется, онъ имѣетъ свои идеи; талантливые молодые итальянцы продаютъ груды идей за сто франковъ. Все, что принадлежитъ доброму старому Фидію въ его скульптурныхъ произведеніяхъ, — это имя, выставленное на пьедесталахъ.

Лэди Джоанъ засмѣялась.

— Но Фидій на-вѣки возненавидитъ васъ. Почему вы не скажете ему, что его купающаяся Венера прекрасна?

И она пошла за насупившимся Фидіемъ и объявила ему, что его «Сабрина» — самое благородное произведеніе нашего вѣка. «Сабрина» была закутана съ головы до ногъ; Фидій-Пратъ считалъ голое тѣло варварствомъ; онъ находилъ также, что очень легко дѣлать его, — стóитъ только изучить анатомію.

— Какая умная женщина жена Чаллонера, — замѣтилъ нѣсколько часовъ спустя добрый Фидій своей супругѣ. — На твоемъ мѣстѣ я бы оставилъ карточку у ея дверей.

Жена его, стоявшая до сихъ поръ на томъ, что Casa Чаллонеръ слишкомъ неприличное мѣсто, чтобы водиться съ ней, уступила на этотъ разъ убѣжденіямъ мужа и завезла карточку, а нѣсколько дней спустя прислала пригласительный билетъ, гласившій: «Миссисъ Пратъ. Принимаетъ по вторникамъ». Лэди Джоанъ съ торжествомъ улыбнулась при видѣ пригласительнаго билета. Музыкальныя собранія у миссисъ Пратъ по вторникамъ считались одними изъ избраннѣйшихъ римскаго сезона.

Іорисъ встрѣчалъ Etoile въ двухъ или трехъ знатныхъ домахъ, въ посольствахъ и дворцахъ, гдѣ лэди Джоанъ не бывала, но куда она позволяла ему ѣздить въ надеждѣ, что когда-нибудь проберется туда по его пятамъ. Etoile смотрѣла сначала на него, какъ на какой-нибудь портретъ или статую; но портретъ этотъ улыбался, а статуя говорила; онъ расхаживалъ возлѣ

нея по благороднымъ галлереямъ, гдѣ геній прошлаго глядѣлъ на мелочность настоящаго; когда она разговаривала съ другими, онъ стоялъ возлѣ, молча, и слушалъ ее; тамъ, гдѣ она бывала, онъ слѣдовалъ за нею, какъ тѣнь; тамъ, гдѣ его не было, она чувствовала, что ей какъ будто чего-то недоставало. Etoile, съ того времени, какъ она восторгалась Шекспиромъ, Расиномъ и Гёте въ лѣсистой тѣни своихъ мирныхъ Арденнъ, не знавала иной страсти, кромѣ страсти къ искусству, но свѣтъ не могъ повѣрить такой простой вещи. Весьма рѣдко бываетъ, чтобы свѣтъ былъ настолько простъ, чтобы повѣрить истинѣ. «Я—истина и у меня очень мало знакомыхъ», — говоритъ джентльменъ въ комедіи Конгрева:—когда онъ приходитъ, большинство стремится уйти. Etoile была художницей до мозга костей; художница поглощала въ ней женщину. Мужчины считали ее холодной... потому что она была къ нимъ холодна. Они ухаживали за ней на всѣ лады, но это ее не трогало. Порою, когда она видѣла влюбленныхъ, гулявшихъ подъ деревьями, при свѣтѣ луны или молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ, ей хотѣлось полюбить. Но любовь не приходила. Она находила, что художникъ для того, чтобы быть великимъ, долженъ много времени проводить наединѣ съ самимъ собой и съ природой, и весь свой досугъ она посвящала искусству. Когда ей случалось бывать въ гостяхъ, это развлекало ее на полчаса, а затѣмъ ей становилось скучно. Она больше любила свою библіотеку, свою мастерскую, свое уединеніе или же открытый воздухъ, гдѣ каждый проносившійся вѣтерокъ переносилъ ее въ воображеніи въ лѣта ея счастливаго дѣтства.

— Вы добродѣтельная женщина,—сказалъ ей однажды одинъ великій и мудрый человѣкъ.

— Нѣтъ, мнѣ все чего-то какъ будто недостаетъ.

Между тѣмъ свѣтъ вообще зналъ, что она знаменита, думалъ, что она счастлива, и не вѣрилъ, что она добродѣтельна. Іорисъ, какъ и всѣ другіе, находилъ удивительнымъ, что молодая женщина, принадлежащая къ высшему обществу, проводила свое время въ занятіяхъ и въ размышленіи. Пріѣзжать къ ней рано поутру и заставать ее надъ старыми хрониками и ветхими манускриптами, улавливающей нити спорныхъ событій или вникающей въ мысли забытаго прошлаго, стало для него очень заманчиво. Его привлекало и вмѣстѣ съ тѣмъ дразнило то обстоятельство, что чистыя отвлеченности поглощаютъ ее,—то же, что составляетъ удовольствіе для другихъ женщинъ, едва лишь на одну секунду останавливаетъ ея вниманіе. Онъ сознавалъ, что позна-

комить эту женщину съ земной страстью значитъ совлечь ее на землю и подрѣзать крылья, уносящія ее въ небо, и ему хотѣлось сдѣлать это—и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Тѣмъ временемъ женщина, воображавшая, что хранитъ ключъ отъ его мыслей, не подозрѣвала обо всемъ этомъ.

— Какъ нелѣпо, что *она* бываетъ въ такихъ мѣстахъ! — сказала однажды лэди Джоанъ, сидя за завтракомъ и съ яростью бросила газету, гдѣ имя Etoile стояло въ числѣ приглашенныхъ на раутъ одной великой княгини. — Почему нелѣпо? — спросилъ Іорисъ сквозь зубы, не глядя на нее. Лицо его потемнѣло и онъ поднялъ газету. — Почему?—передразнила лэди Джоанъ, — *почему?* Потому что это хуже нежели нелѣпо, это отвратительно.—Почему? —спросилъ Іорисъ холодно.

Лэди Джоанъ разразилась хохотомъ.

— Боже мой, Іорисъ! Гдѣ вы жили? А еще утверждаете, что знаете Парижъ, какъ свои пять пальцевъ!

— Я васъ не понимаю,—продолжалъ тотъ еще холоднѣе.

— О, вы меня не понимаете! скажите! Но развѣ вы не знаете какую она жизнь вела!

— Вполнѣ невинную? Это рѣдко бываетъ, но развѣ это запрещено, развѣ это худо?

Лэди Джоанъ пожала плечами и снова расхохоталась.

— Невинную! Сами вы невинный! Прочтите-ка вотъ это, если мнѣ не вѣрите.

И она подала ему письмо, которое вынула изъ письменнаго стола. То было письмо отъ человѣка, потерпѣвшаго неудачу на томъ поприщѣ, на которомъ Etoile встрѣтила успѣхъ, человѣка, завидовавшаго ей всей душой, что́ не помѣшало ему ухаживать за ней, конечно съ такимъ же неуспѣхомъ. Лэди Джоанъ хорошо его знала и написала ему, задавъ, между прочимъ, два-три небрежныхъ вопроса объ Etoile. Въ отвѣтъ тотъ прислалъ ей преувеличенный сводъ всѣхъ клеветъ, распускаемыхъ про Etoile.

— Доказательно, если вѣрно,—безпечно произнесъ Іорисъ, возвращая ей письмо. — Но къ чему намъ ссориться изъ-за нея; сегодня она здѣсь, завтра ея нѣтъ.

Сердце его билось отъ гнѣва и досады, и мучительное сомнѣніе, какъ тѣнь, промелькнуло въ его мозгу, но онъ привыкъ скрывать свои мысли и ощущенія отъ своей повелительницы. Въ эту минуту вошелъ м-ръ Чаллонеръ.

— Мы говоримъ объ Etoile, Робертъ,—сказала его жена:—

не правда ли, со стороны стараго дурака Вуателя было очень безразсудно убѣдить отца прислать ее *ко мнѣ?*

М-ръ Чаллонеръ привыкъ понимать жену съ двухъ словъ.

— Безъ сомнѣнія, это было очень безразсудно,—повторилъ онъ самымъ внушительнымъ и деревяннымъ голосомъ. — Надо быть очень осмотрительнымъ въ своихъ знакомствахъ, а на ея счетъ ходятъ такіе странные слухи.

— Да, да! конечно, лучше было бы, если бы мы съ ней вовсе не знакомились, но когда она уѣдетъ отсюда, то знакомство порвется само собой, а если она пріѣдетъ сюда на будущую зиму, то можно и не возобновлять его. Вотъ телеграмма изъ Сициліи, Іорисъ.

Телеграммы изъ Сициліи сыпались дождемъ въ Casa Чаллонеръ. Въ благодарность за пріятное убѣжище, какое они нашли въ освобожденной Италіи, м-ръ Чаллонеръ и его жена (или, вѣрнѣе, жена м-ра Чаллонера и онъ) рѣшились наградить ее трубчатымъ мостомъ. Мостъ долженъ былъ идти черезъ Мессинскіе проливы, черезъ заливъ Фаро и соединить Сицилію съ материкомъ и навѣки устранить разбойничество и варварство. Но до сихъ поръ еще этотъ мостъ существовалъ только на бумагѣ, хотя объявленіе о немъ было напечатано и акціи распроданы четыре года тому назадъ, и шотландскій герцогъ стоялъ номинально во главѣ предпріятія, и великое множество клерковъ и агентовъ суетилось въ Калабріи и въ Cannon Street.—«Мой мостъ», говорила лэди Джоанъ, подобно тому, какъ говорила «моя ферма» о Фіорделизѣ. Она считала себя очень дѣловитой женщиной. Вѣкъ денегъ, концессій, капиталистовъ произвелъ типъ женщины-финансиста. Другія столѣтія создавали ученую и изящную гетеру, святую и аскетическую отшельницу, героиню знамени Алой-Розы, la dame de beauté, всю сотканную изъ грацій и свѣта, философа-précieuse, революціонерку—каждый изъ этихъ типовъ сообщилъ особый отпечатокъ своему столѣтію. Девятнадцатый вѣкъ, заимствовавъ окраску отъ всѣхъ этихъ типовъ, создалъ новый, въ лицѣ женщины-спекулянта. Женщина, съ замираніемъ сердца слѣдящая за hausse и baisse; женщина, къ сердцу которой даетъ доступъ только золотой ключъ, которая создаетъ банки, затѣваетъ компаніи, держитъ маклера, подобно тому, какъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ держала обезьяну, а въ двѣнадцатомъ рыцаря; спеціальное искусство которой заключается въ томъ, чтобы во-время продать и купить, которая посвящена въ тайны желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, открытія новыхъ водъ и проведенія новыхъ улицъ; которая избираетъ любовниковъ, соображаясь съ концес-

сіями, которая цѣлуетъ своихъ пріятельницъ затѣмъ, чтобы вытянуть изъ нихъ секреты, довѣренные имъ мужьями—кто можетъ сказать, какой приговоръ изрекутъ надъ ней будущіе вѣка.

XIII.

На слѣдующій день погода была ненастная и холодная. Теплые и солнечные дни, стоявшіе во время карнавала, смѣнились суровыми вѣтрами, дувшими изъ ущелій Абруццъ и Апеннинскихъ горъ и вздымавшихъ бурныя волны на темномъ Тибрѣ.

Іорисъ пришелъ домой озябшій и унылый. Онъ сидѣлъ въ своей спальной, подъ зоркимъ взглядомъ висѣвшаго тамъ портрета, и рылся въ массѣ бумагъ, стараясь составить себѣ понятіе о своемъ положеніи и о своихъ обязательствахъ относительно громадныхъ международныхъ работъ, предпринятыхъ въ заливѣ Фаро, въ которыя онъ дозволилъ замѣшать свое имя. Все, что̀ онъ могъ понять — это что его деньги таютъ, какъ воскъ. Онъ никогда не былъ богатъ, но, довѣривъ управленіе своими финансами лэди Джоанъ, становился съ каждымъ днемъ бѣднѣе. Денежныя потери были единственнымъ результатомъ всѣхъ предпріятій, въ которыя она его втягивала. Скучныя цифры рябили у него въ глазахъ, нескончаемыя письма наводили тоску. Онъ зналъ, что̀ значитъ разореніе, и что-то въ родѣ разоренія глядѣло ему въ лицо со страницъ, испещренныхъ цифрами, и изъ кипы различныхъ дѣловыхъ писемъ. Голова его болѣла, и сердце также. Онъ былъ свободенъ, тиранъ его отправился подъ руку съ красавцемъ Дугласомъ Гремъ, прихвативъ для приличія Сильверли Беля въ классическій концертъ, который давала лэди Анни Монмоутширъ въ своемъ отелѣ; а потомъ должна была обѣдать съ деканомъ св. Эдмонда, въ томъ же самомъ великолѣпномъ отелѣ, съ тѣмъ строгимъ соблюденіемъ свѣтскаго декорума, которому ни страсти, ни развлеченія, ни скука никогда не могли заставить лэди Джоанъ измѣнить, подобно тому какъ страсти, развлеченія или скука не могли заставить дамъ эпохи Борджіа пренебречь постомъ или исповѣдью во грѣхахъ. Инстинктивно Іорисъ, выйдя изъ дому, усталый и въ тоскливомъ настроеніи, направился въ тотъ старый дворецъ, на порогѣ котораго его всегда охватывало какое-то поэтическое и юношеское чувство. Было пять часовъ вечера. Etoile не было дома, но она должна вернуться черезъ нѣсколько минутъ,—сказали ему. Онъ вошелъ, бросился на кушетку и сталъ ее ждать. На столикѣ возлѣ ле-

жала раскрытая книга. Онъ взялъ ее въ руки. То была «Nélida» Даніеля Стерна. Она была открыта на слѣдующемъ краснорѣчивомъ мѣстѣ, дышавшемъ презрительнымъ негодованіемъ мужественной натуры къ мелкому эгоизму трусливыхъ душъ.

«Marcher environnée des hommages que le monde prodigue aux apparences hypocrites; jouir à l'ombre d'un mensonge de lâches et furtifs plaisirs; ce sont là les vulgaires sagesses de ces femmes, que la Nature a faites également impuissantes pour le bien qu'elles reconnaissent et pour le mal qui les séduit; également incapables de soumission ou de révolte, aussi dépourvues du courage qui se résigne à porter des chaînes que de la hardiesse qui s'efforce à les briser».

«Вотъ портретъ Джоанъ», подумалъ Іорисъ, и съ нетерпѣніемъ бросилъ книгу, досадуя, что ему напоминаютъ о томъ, что́ бы ему хотѣлось забыть. Однако ему было пріятно думать, что Etoile прочитала это мѣсто — и такъ какъ оно было подчеркнуто карандашомъ, то онъ подумалъ, что, видно, и она вспомнила о лэди Джоанъ, когда подчеркивала его. Онъ думалъ, что въ ней говорила ревность, но ошибался.

— Это вы!—произнесъ голосъ лэди Кардифъ, вошедшей въ эту минуту въ комнату.

Хотя она вообще никогда ничему не удивлялась, но присутствіе его здѣсь такъ удивило ее, что у ней вырвалось это восклицаніе. «Онъ, кажется, здѣсь совсѣмъ какъ у себя дома», подумала она въ то время, какъ Іорисъ со свойственной ему веселой любезностью поздоровался съ ней.

— Любезный князь, очень рада васъ видѣть; я зашла на минутку; мнѣ сказали, что она сейчасъ вернется. Какія славныя комнаты,—не правда ли? и сколько цвѣтовъ! Для головы вредно, но для глазъ—красиво,—говорила лэди Кардифъ, усаживаясь въ кресло и закуривая папиросу.—Желаете курить? Или она вамъ не позволяетъ? Мнѣ она позволяетъ. Отвратительная погода,—не правда ли? Я только-что изъ концерта лэди Анны; они настраивали свои инструменты въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что они настраиваютъ инструменты; но всѣ говорятъ, что они исполняли ор. 101. Великолѣпная вещь, говорятъ они. Я рѣшительно не постигаю ея прелести. Ваши друзья, Чаллонеры, были тамъ,—по крайней мѣрѣ, лэди Чаллонеръ была тамъ; она-то и сообщила мнѣ, что это ор. 101.

— Лэди Джоанъ любитъ музыку, — замѣтилъ Іорисъ, раздражаясь не въ мѣру при одномъ упоминовеніи объ особѣ, которую онъ надѣялся здѣсь позабыть.

— О! это значитъ, по-вашему, любить музыку—восхищаться какимъ-то ор. 101?

И лэди Кардифъ перешла отъ разговора о музыкѣ къ политикѣ, и хотя собесѣдникъ ея напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы быть любезнымъ, но лэди Кардифъ въ душѣ забавлялась, видя, что глаза его невольно обращаются въ ту сторону, гдѣ стояли часы во вкусѣ Людовика XV на пьедесталѣ.

Наконецъ, вернулась Etoile съ прогулки и принесла съ собой цѣлую кучу фіалокъ, собранныхъ ею собственноручно въ лѣсу. Лэди Кардифъ наблюдала за молчаливымъ рукопожатіемъ, какимъ она обмѣнялась съ Іорисомъ, прикидываясь, что очень занята спичкой, которая никакъ не хотѣла зажигаться. «Ага!» подумала она, опытная въ этихъ дѣлахъ и понимающая ихъ значеніе. «Такъ вотъ какъ! Что-жъ, почему бы и не такъ! Но только ему придется выдержать сильную борьбу, а способенъ ли онъ къ борьбѣ? Съ такой бой-бабой, какъ эта милая женщина, которая любитъ ор. 101, не легко справиться». И сказала вслухъ:

— Господи! какъ скучны эти спички; милый князь, нѣтъ ли у васъ другихъ? Благодарю васъ. Ахъ, фіалки! какая ихъ куча и какъ онѣ мокры! Вы бы могли ихъ купить, сколько угодно, на любомъ перекресткѣ... Но эти вещи для меня то же, что и ор. 101. Вы ничего не слыхали про ор. 101?—О! благодарю, душа моя, но мнѣ, право, надо ѣхать. Я хотѣла только дождаться васъ, чтобы сказать вамъ и пр. и пр.

И она выставила какой-то пустой предлогъ для своего посѣщенія. Въ сущности, она пріѣхала, чтобы поболтать въ свое удовольствіе въ сумеркахъ, но понимала, что, по меньшей мѣрѣ, одинъ изъ присутствующихъ желалъ, чтобы она уѣхала, а лэди Кардифъ была слишкомъ доброй и благовоспитанной женщиной, чтобы не сообразить съ-разу, въ чемъ дѣло, и не принести себя въ жертву. Она распрощалась, отлично разыгравъ, что очень торопится, и Іорисъ проводилъ ее до кареты. «Господи!» повторяла самой себѣ лэди Кардифъ, сидя въ экипажѣ. «Все это добромъ не кончится. Какая жалость, что на немъ такая обуза! Онъ такъ хорошъ собою и у него такія прекрасныя манеры, а вѣдь это такая рѣдкость въ наши дни! Какая жалость!»

Тѣмъ временемъ Іорисъ вернулся въ комнаты, наполненныя запахомъ фіалокъ.

— Я боюсь, что это послѣднія въ нынѣшнемъ году, — сказала ему Etoile, когда онъ вернулся. — Тюльпаны уже отошли. Я больше всего люблю фіалки. Я помню, что маленькимъ ребенкомъ я сильно плакала, когда наши слуги бросали ихъ въ

сиропъ и кипятили... продавать ихъ на перекресткахъ, кажется мнѣ, почти также безжалостно. Вы понимаете меня, или все это для васъ ор. 101?

— Я понимаю васъ,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ и съ улыбкой.—Могу я остаться у васъ? Я очень усталъ. Въ переносномъ смыслѣ, я цѣлый день простоялъ на перекресткѣ, покупая и продавая. Я усталъ, мнѣ скучно и тоскливо. Могу я остаться?

— Разумѣется,—отвѣчала она, слегка покраснѣвъ.

Она вязала букеты изъ фіалокъ и вкладывала ихъ въ вазы на каминѣ. Глаза его съ нѣжностью слѣдили за всѣми ея движеніями.

— Почему вы не носите колецъ?—вдругъ спросилъ онъ.

Она разсмѣялась.

— Изъ тщеславія! Они портятъ руку, скрываютъ ея форму.

— Это мысль скульптора; я думаю, что она справедлива. Ваши руки такъ хороши, что не нуждаются въ украшеніяхъ...

— Или въ комплиментахъ.

— Правда—не комплиментъ. Я никогда не говорю комплиментовъ *вамъ;* вы это очень хорошо знаете. Скажите... вы читали книгу Даніеля Стерна: «Nélida»?

— Да, это не особенно умная книга, даромъ, что написана умной женщиной, но...

— Но одинъ отрывокъ въ ней краснорѣчивъ. Думали ли вы обо мнѣ, когда отмѣчали его?

— Да.

Онъ взялъ книгу и снова молча прочиталъ отрывокъ. Затѣмъ со вздохомъ отложилъ книгу.

— Точно съ нея списано,—сказалъ онъ презрительно.

— Вы *не въ правѣ* этого говорить! — поспѣшно замѣтила Etoile; ей было пріятно его замѣчаніе, хотя она и упрекнула его, и вмѣстѣ съ тѣмъ досадно на себя за это чувство. — Это, безъ сомнѣнія, похоже на нее; это похоже на тысячи женщинъ, похоже на всѣ слабыя мірскія страсти, прикрывающіяся маской приличія и пошлой мудрости; но не вамъ говорить это про нее!

— Почему?

— Потому что это нечестно.

Онъ громко разсмѣялся.

— Нечестно! Я такъ честенъ относительно ея, какъ и она относительно меня. Повѣрьте мнѣ, преступная страсть, идущая наперекоръ свѣту, можетъ быть честна, потому что она должна быть сильна; но въ такой интригѣ, какъ наша съ ней,—гласной, какъ бракъ, но закутанной лицемѣрнымъ покровомъ обществен-

ной лжи,—не можетъ быть честности, потому что мы всѣхъ обманываемъ: людей, самихъ себя; лжемъ на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли. Это настоящій адъ лжи.

— Замолчите.

— Зачѣмъ? Дайте мнѣ, наконецъ, высказать вамъ правду. Ни одна женщина не имѣла на меня такого вліянія, какъ вы. Я думаю, что вы могли бы сдѣлать изъ меня все, что́ вамъ угодно, если бы я всегда былъ возлѣ васъ. Вы похожи на цвѣты, которые вы любите; вы напоминаете людямъ про бога, котораго они забыли. Цвѣты не сознаютъ своего вліянія такъ же, какъ и вы не сознаете вашего. Вы не разсердились? Простите меня.

Etoile помолчала съ минуту.

— Разсердилась, нѣтъ! не то. Но не это не хорошо относительно ея. Кромѣ того, вы такъ не думаете.

— Предоставьте ей самой позаботиться о себѣ; она это съумѣетъ сдѣлать, повѣрьте. Вы говорите, что я не думаю того, что́ сказалъ про васъ? Поглядите мнѣ въ лицо.

Она взглянула ему въ лицо тѣмъ спокойнымъ, откровеннымъ и невиннымъ взглядомъ, какимъ всегда глядѣла въ лицо мужчинъ. Страсти ихъ никогда ее не волновали и она сдерживала ихъ или уходила отъ нихъ безъ всякаго усилія. Но передъ глубокимъ мечтательнымъ взглядомъ его глазъ, взглядомъ ласкающимъ, горячимъ, таинственнымъ, говорящимъ о страсти, въ которой онъ не смѣлъ признаться, она опустила глаза; что-то въ его глазахъ удивило, смутило, задѣло ее.

— Князь Іорисъ, — холодно сказала она, — уже половина седьмого. Васъ ждутъ въ Casa Чаллонеръ. Вы забываете о своихъ обязанностяхъ.

Іорисъ опомнился и отвелъ отъ нея глаза.

— Я не поѣду туда сегодня; я поѣду домой и буду обѣдать одинъ. Но онъ не тронулся съ мѣста; молчаніе воцарилось между ними; онъ облокотился на старый желтый мраморъ камина; вѣки прикрыли его краснорѣчивые глаза. Слуга принесъ лампу. Сердце ея сильно забилось. Она боялась, что была слишкомъ жестка съ нимъ.

— Обѣдайте у меня,—сказала она нѣсколько торопливо.— Черезъ полчаса я жду моего стариннаго друга Вуателя; онъ долженъ пріѣхать изъ Парижа. Согласны? Ну, такъ сидите и читайте «Nélida», пока я пойду, переодѣнусь.

Онъ поцѣловалъ ея руки; оставшись одинъ, онъ сталъ читать не «Nélida», но бурную исторію своего сердца. Тѣмъ временемъ онъ надѣялся, что снѣгъ на Альпахъ задержитъ барона Вуателя.

XIV.

Снѣгъ на Альпахъ не задержалъ барона Вуателя; въ девять часовъ и десять минутъ онъ внесъ въ комнаты Etoile свои зеленые очки, свою сѣдую бороду и свое язвительное остроуміе, и, увидя Іориса, казавшагося какъ-бы у себя дома, и въ петличкѣ котораго красовалась одна изъ ея чайныхъ розъ, подумалъ, ухмыляясь себѣ въ бороду: — A la bonne heure! Этимъ всегда кончается. Желалъ бы я знать, какого сорта этотъ человѣкъ, что плѣнилъ нашу равнодушную красавицу!

Они очень весело отобѣдали и провели нѣсколько пріятныхъ часовъ у камина, и Вуатель ни за что не угадалъ бы, что Іорисъ желалъ ему провалиться въ снѣгъ, до того Іорисъ былъ милъ, любезенъ, и, когда въ полночь оба простились съ хозяйкой, проводилъ Вуателя въ его гостинницу и, сжимая обѣ его руки, высказалъ, какую честь и какое удовольствіе доставляетъ ему знакомство съ знаменитымъ путешественникомъ. — «Обаятельный человѣкъ,—подумалъ Вуатель.—У него прекрасныя манеры и историческое лицо».

Тѣмъ не менѣе покачалъ головой, всходя на лѣстницу своей гостинницы.

Вуатель отправлялся въ Бриндизи и могъ пробыть въ Римѣ всего лишь двое сутокъ. Большая экспедиція, снаряженная тремя государствами, поручена была его руководству, и ему нéкогда было читать романы. Вуатель былъ ученый изслѣдователь всякихъ пустынь, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ наблюдать и людей; онъ былъ старъ и рѣзокъ, хитеръ и ученъ; знакомство съ цивилизованной и варварской жизнью расположило его такъ же цѣнить простое мужество, какъ оно цѣнилось въ Спартѣ, и сдѣлало его отчасти нечувствительнымъ къ преимуществамъ всякаго рода, на которыя претендуютъ цивилизованные люди. На этомъ пунктѣ онъ былъ своенравенъ и сильно раздражалъ иныхъ слушателей. У него была неприличная память на всѣ мелочи; его нельзя было обмануть; онъ видѣлъ насквозь ложь и лицемѣріе, но всего несноснѣе было то, что онъ вѣрилъ въ честность, когда встрѣчалъ ее въ дѣйствительности, и глубоко презиралъ ходячія людскія мнѣнія о порокѣ и добродѣтели.

Ложась спать въ этотъ вечеръ, Вуатель нашелъ у себя на столѣ медоточивую записочку, гласившую, что такъ какъ газеты возвѣстили объ его прибытіи, то м-ръ и лэди Джоанъ Чаллонеръ просятъ его не забыть объ искреннѣйшихъ и преданнѣй-

шихъ изъ его друзей. Вуатель, который былъ человѣкъ неблагодарный, или слылъ по крайней мѣрѣ за неблагодарнаго у всѣхъ, кромѣ разныхъ дикихъ племенъ, которыя его обожали, свернулъ записочку и закурилъ ею свою трубку. Но на другой день, повидавшись съ королемъ, нѣсколькими министрами, съ полусотней археологовъ и ученыхъ, онъ нашелъ время заглянуть въ Casa Чаллонеръ, гдѣ былъ встрѣченъ съ самымъ восторженнымъ привѣтомъ и самыми тоскливыми вздохами о томъ, что онъ можетъ подарить всего лишь полчаса.

Было пять часовъ вечера и, какъ нарочно, среда, пріемный день лэди Чаллонеръ, и она была окружена толпою дамъ; Вуатель внушалъ ужасъ миссисъ Грюнди, потому что имѣлъ самыя ужасныя идеи о полигаміи и также потому, что про него говорили, что онъ съѣлъ своего юнгу въ котлетахъ на Караибскихъ островахъ. Но лэди Джоанъ, съ полнымъ пренебреженіемъ на этотъ разъ къ своей Bona-Dea, приняла его съ безусловнымъ обожаніемъ и восторгомъ, настаивала на томъ, чтобы онъ закурилъ трубку и выставила передъ нимъ всевозможные ликёры, какіе только существуютъ на свѣтѣ. Вѣдь онъ такой дорогой и давнишній другъ! Развѣ она можетъ забыть, съ какой добротой онъ относился къ ней въ милые, былые дни, въ дорогомъ Дамаскѣ! Вуатель позволялъ ей ухаживать за собой, попивалъ ликёръ, курилъ трубку въ кругу чопорныхъ вдовъ и дѣвъ и говорилъ съ самымъ неподдѣльнымъ добродушіемъ:

— Мы не забыли Дамаска, неправда ли? Какое вкусное шампанское très-sec пивали мы у васъ тамъ, Джоанъ, и какъ ловко Горасъ Веръ сбивалъ головки у бутылокъ. Мы стрѣляли при этомъ въ кошекъ, бѣгавшихъ по крышамъ, и въ воронъ также. Вы никогда не давали промаха въ тѣ дни. Что, ваша рука также тверда и теперь? Веселое то было времячко, очень веселое! Бѣдный Джекъ Сивиль!

Лэди Джоанъ почувствовала, что ее точно обдали ледяной водой, и еще усиленнѣе и жарче стала подчивать его ликёромъ.

«Все та же самая, — думалъ Вуатель, глядя на нее, — все та же самая, только постарѣла; да и чего ей мѣняться; и здѣсь есть кошки, вороны и шампанское, и я полагаю, что у добраго Роберта есть контора, гдѣ онъ можетъ торчать по цѣлымъ днямъ».

Въ эту минуту вошелъ Іорисъ.

— Іо, идите сюда и позвольте мнѣ представить васъ самому дорогому другу, какой только у меня есть... моему второму отцу, — закричала лэди Джоанъ.

«Мы уже познакомились вчера», вертѣлось-было на губахъ Вуателя, но онъ увидѣлъ, что Іорисъ церемонно поклонился ему, какъ незнакомый человѣкъ; Вуатель былъ старъ и сметливъ; онъ могъ въ одно мгновеніе ока схватить сущность дѣла и угадать многое; онъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ Іориса и почувствовалъ, что Іорисъ ему за это благодаренъ.

— Онъ большой вашъ пріятель?—спросилъ Вуатель у лэди Джоанъ, a parte. — Да, такой же большой пріятель вѣроятно, какъ Джекъ Сивиль? Бѣдный Джекъ! Этотъ человѣкъ красивѣе; но вѣдь за то вы и находитесь въ странѣ живыхъ картинъ. Джекъ только рисовалъ ихъ.

Лэди Джоанъ покраснѣла и смутилась.

— М-ръ Чаллонеръ арендуетъ имѣніе Іориса, — отвѣчала она поспѣшно:—князь очень бѣденъ, знаете, и м-ръ Чаллонеръ очень расположенъ къ нему.

— Чаллонеръ былъ также очень расположенъ къ бѣдному Джеку, да и къ Горасу также,—отвѣчалъ Вуатель съ невинной задумчивостью.—Вашъ мужъ всегда былъ очень добръ. Итакъ, вы арендуете имѣніе? Выгодная ли эта операція? Страна-то вѣдь здѣшняя красива, да, кажется, прибыли въ ней мало.

— Мы дѣлаемъ это не для прибыли,—отвѣчала лэди Чаллонеръ почти рѣзко, потому что терпѣніе ея подвергалось страшному испытанію.

— Что́ значитъ жить въ поэтической странѣ! — замѣтилъ Вуатель:—но всего удивительнѣе сила фантазіи; когда я ѣлъ того юнгу, про котораго, я слышу, разсказываетъ своей сосѣдкѣ вотъ эта превосходная лэди въ полиняломъ красномъ платьѣ, то онъ мнѣ казался такимъ же вкуснымъ, какъ нѣжная телятина. Все это сила фантазіи; моимъ гостямъ онъ такъ же показался вкусенъ, какъ телятина и даже еще вкуснѣе. Безъ сомнѣнія, въ улицѣ Pall-Mall жареный юнга показался бы мнѣ отвратительнымъ. Всѣ мы игрушки обычая, не такъ ли, сударыня?

Лэди въ полиняломъ красномъ платьѣ была лэди Джоржъ Скрэпъ-Стеръ и при этой неожиданной рѣчи, обращенной къ ней, пришла въ такой ужасъ, что лишилась способности отвѣчать ему. (Я слышала своими ушами, какъ онъ самъ сознался въ этомъ, говорила всегда впослѣдствіи лэди Джоржъ, когда при ней заходила рѣчь о томъ, что Вуатель съѣлъ корабельнаго юнгу).

— Ахъ! онъ былъ очень миленькій мальчикъ, сударыня, и мы съѣли его подъ соусомъ изъ мушкатнаго орѣха и каперсовъ,—продолжалъ Вуатель и всталъ и ушелъ, а хозяйка пошла провожать его на лѣстницу.

Іорисъ, подъ предлогомъ предложить ему зонтикъ, послѣдовалъ за нимъ на улицу, гдѣ шелъ небольшой дождь.

— Я сейчасъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ васъ, дорогой баронъ, потому что лэди Джоанъ такъ часто говорила объ удовольствіи, съ какимъ она представитъ меня вамъ, что я не хотѣлъ лишить ее этой радости,—объяснилъ онъ съ самой любезнѣйшей улыбкой:—она такъ почитаетъ васъ. Вуатель поглядѣлъ ему въ лицо сквозь зеленые очки.

— Понимаю,—сухо отвѣчалъ онъ, и они разстались съ вѣжливымъ поклономъ на мостовой передъ Casa Чаллонеръ.

Вуатель чувствовалъ, что опасность неминучая грозитъ Etoile, и если бы только его караванъ не былъ въ сборѣ и его арабы не вооружены съ ногъ до головы, и конвой не дожидался его въ песчаныхъ степяхъ, то онъ остался бы въ Римѣ, чтобы видѣть, какъ разыграется этотъ романъ и взять его нити въ свои руки, если понадобится. «Красивый человѣкъ и обаятельный, но слабый, боюсь», думалъ Вуатель.

Послѣ этого онъ направился въ домъ Etoile. Въ эту минуту впервые въ жизни онъ пожалѣлъ, что не ея отецъ и не можетъ ей сказать:—Берегись!

За обѣдомъ онъ осторожно старался вывѣдать отъ нея истину, такъ какъ ни въ чемъ не былъ увѣренъ.

— Я видѣлъ сегодня вашего вчерашняго гостя, — сказалъ онъ ей безпечнымъ тономъ послѣ обѣда.

— Да,—красивый человѣкъ, очень красивый! Я видѣлъ его у Джоанъ Чаллонеръ.

Etoile молчала.

— Онъ ея пріятель, не такъ ли?—Они большіе друзья, да!

Вуатель проницательно глянулъ на нее и усмѣхнулся.

— Гмъ! Дружба — такое вѣдь эластичное слово. У нашей милой Джоанъ столько было такихъ друзей, хотя, кажется, досихъ поръ ни одинъ не отдавалъ ей въ аренду своего помѣстья. Какого рода его помѣстье?

— Оно велико, но, кажется мнѣ, не очень прибыльно.

— Когда имъ управляетъ Джоанъ? Еще бы!

— Зачѣмъ вы ѣздили къ ней, если ее не любите?

— Душа моя, она меня любитъ.

— Ну, такъ вы очень неблагодарны.

Вуатель засмѣялся.

— Она стала удивительно какъ прилична, право. У ней подается чай и кэкъ. Въ Дамаскѣ она насъ угощала шампанскимъ и икрой. Я напомнилъ ей про Дамаскъ. Оглядка на про-

шлое всегда бываетъ такъ пріятна. Мнѣ показалось, что она не желаетъ, чтобы князь, котораго она взяла въ аренду, много разговаривалъ со мной. Удивляюсь, что она позволяетъ вамъ дарить ему чайныя розы. О! тысячу извиненій, я не хочу сказать этимъ ничего особеннаго! Но только мнѣ кажется, что лэди Джоанъ не благоволитъ къ вамъ, а вѣдь она можетъ быть очень непріятна, когда разсердится. О, пожалуйста, не глядите на меня съ такимъ спокойнымъ пренебреженіемъ; и надѣюсь, что вы скоро уѣдете изъ Рима, — не правда-ли? Она озлоблена, говорите вы? — Да, я думаю, что она озлоблена. Не весело выдти замужъ за м-ра Чаллонера и продавать чайныя чашки и ухаживать за миссисъ Грюнди; не весело для человѣка, родившагося въ иной долѣ, и, разумѣется, должно ожесточать душу. Зачѣмъ я бываю у нея?—Помилуйте, я ей оказываю этимъ величайшую услугу. Я бываю у ней чисто изъ христіанскаго милосердія. «Добрый старикъ Вуатель обѣдалъ со мною», — хвастается лэди Джоанъ и это придаетъ ей извѣстный вѣсъ. Кромѣ того, если вы будете бѣгать отъ всѣхъ красивыхъ женщинъ, за которыми водятся грѣшки, то вамъ совсѣмъ нельзя будетъ ѣздить на званые обѣды. Именно потому, что я кое-что о ней знаю, она и рада оказать мнѣ вниманіе. А званый обѣдъ вещь пріятная послѣ пустыни. Хотя я могу питаться одними овощами, но люблю также и устрицы. Извѣстно ли мнѣ ея прошлое? — О, разумѣется, она знаетъ, что мнѣ все извѣстно, — заключилъ онъ съ язвительной усмѣшкой.—Теперь она, говорятъ, проповѣдуетъ платоническую любовь и продаетъ картины, и находятся люди, которые вѣрятъ въ то и въ другое. Ну, что-жъ, людская наивность неизмѣрима.

И онъ вытянулъ ноги съ довольнымъ видомъ, потягивая хересъ.

— Платоническая любовь и картины, — повторилъ онъ съ усмѣшкой,—славная комбинація, весьма популярная, полагаю, чортъ меня побери! Я видѣлъ сегодня Іориса, какъ вамъ уже говорилъ; онъ представляетъ странную фигуру за ея чайнымъ столомъ. Онъ былъ бы болѣе у мѣста на нашей плоской крышѣ въ Дамаскѣ. Да! онъ никогда не разстанется *съ нею*, замѣтьте это. Я прочиталъ его судьбу на его лицѣ. Джекъ Сивиль тоже никогда бы не разстался съ ней, если бы не умеръ. Съ ней могъ бы справиться только какой-нибудь буянъ и забіяка... такой, который ее бы самое заткнулъ за поясъ. Единственный законъ, который она признаетъ,—это кулачное право. А этотъ человѣкъ— джентльменъ и притомъ же слабъ. Онъ безвозвратно погибъ.

Онъ вѣдь не прибѣгнетъ съ ней къ кулаку, ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Это, кажется, его портретъ, вонъ тамъ?—Да.

Etoile разсердилась на себя, что покраснѣла.

Вуатель подошелъ къ мольберту и молча постоялъ передъ нимъ; затѣмъ вернулся въ прежнее мѣсто.—Лицо, достойное кисти Джіорджіоне или Тиціана; настоящее историческое лицо; вамъ бы слѣдовало нарисовать его въ кольчугѣ. Господи! если бы онъ зналъ все, что я могъ бы ему поразсказать.

Вуатель снова язвительно усмѣхнулся.

— Но, приходится держать языкъ за зубами, — осторожно прибавилъ онъ, надѣясь, что Etoile станетъ его разспрашивать. Но она объ этомъ и не подумала; напротивъ того, она постаралась перемѣнить разговоръ. Ея честной натурѣ было противно слушать дурные отзывы о женщинѣ, которую общество, хотя бы и по недоразумѣнію, считало ея другомъ. Но, прощаясь съ нею, Вуатель замѣтилъ ей, крѣпко пожимая ей руку и съ нѣкоторой тревогой въ своихъ проницательныхъ глазахъ,—Méfiez-vous! Помните это, помните это. Я желалъ бы, чтобы Арчи не знакомилъ васъ съ нею и желаю, чтобы вы уѣхали цѣлы и невредимы изъ Рима. Если вы останетесь здѣсь, то накупите у ней побольше кружевъ и намекните ей, что вы можете подвинуть французское правительство купить для Лувра картину одного изъ стариннѣйшихъ мастеровъ. О! душа моя! если вы будете такъ упрямы, что не захотите задобрить змѣю, пододвинувъ ей чашку съ молокомъ, то она васъ непремѣнно ужалитъ. Это неизбѣжно.

Когда онъ разстался съ нею, слезы стояли въ старыхъ, рѣшительныхъ глазахъ его. Она же, думавшая до сихъ поръ, что участь ея въ ея собственныхъ рукахъ и никогда не вѣрившая въ силу рока или какихъ бы то ни было обстоятельствъ, лежащихъ внѣ натуры самого человѣка, — она тоже ощущала какое-то глухое безпокойство, и долго сидѣла погруженная въ думы у потухавшаго камина.

Въ то время какъ Etoile сидѣла у камина, а поѣздъ увозилъ Вуателя на югъ, Іорисъ всходилъ по лѣстницѣ своей темницы. Было десять часовъ вечера; сегодня былъ балъ, для котораго требовался его конвой. Онъ былъ въ бальномъ костюмѣ и нѣсколько орденовъ висѣло у его петлицъ. Его собственное мнѣніе на этотъ счетъ не уважалось.

— Ордена неумѣстны въ частныхъ домахъ—постоянно утвер-

ждалъ онъ,—ихъ слѣдуетъ носить только при дворѣ и въ посольствахъ. Увѣряю васъ, ma chère, что внѣ этого считается дурнымъ тономъ надѣвать ихъ.

— Надѣвайте ихъ, когда вы ѣдете *со мной*,—отрѣзала лэди Джоанъ.

Она знала лучше, чѣмъ онъ, ту сферу, въ какой вращалась; женамъ банкировъ и консуловъ, мелкотравчатымъ дворянамъ и свободнымъ американскимъ республиканцамъ и всѣмъ снобсамъ вообще очень импонировали ордена.

Лэди Джоанъ была одна, когда онъ вошелъ и лежала на диванѣ. М-ръ Чаллонеръ совершалъ свой послѣобѣденный сонъ въ своей собственной небольшой каморкѣ.

— Какъ ты поздно, Іо! — закричала она и, вставъ, обвила руками его шею.

Онъ не противился, хотя ему было совѣстно. Сердце упрекало его въ вѣроломствѣ, но не относительно ея чувствовалъ онъ себя вѣроломнымъ.

— Почему ты не пріѣхалъ къ обѣду? — спросила она, лаская его шелковистые волосы. — Робертъ былъ золъ, какъ медвѣдь. Ты теперь сталъ очень неаккуратенъ. Гдѣ ты пропадаешь?

— Мнѣ приходится часто являться ко двору и я пропасть времени трачу въ этой скучной Мессинской конторѣ,—отвѣчалъ Іорисъ и, опустившись на скамейку, положилъ голову на ея колѣни. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, не въ духѣ, досадовалъ на нее и на себя. Онъ сознавалъ себя трусомъ и предателемъ. Тѣмъ не менѣе она была одна, въ комнатѣ царствовалъ полу-свѣтъ; сила привычки взяла свое. Страсть его давно обратилась въ привычку, а когда страсть и привычка сживутся между собой, то весьма не скоро и съ большимъ недовѣріемъ замѣчаетъ, наконецъ, привычка, что подруга ея испарилась и оставила ее въ одиночествѣ. Часы проходили, она была счастлива, а ему не хотѣлось думать, что онъ вѣроломенъ. Затѣмъ она повезла его съ собой на балъ, гдѣ очень веселилась. Онъ никогда не танцовалъ; она плясала всю ночь напролетъ.

XV.

М-ръ Чаллонеръ, какъ подобаетъ добродѣтельному человѣку, который не ѣздитъ на костюмированные балы, и благоразумному человѣку, котораго не безпокоятъ привидѣнія, проснувшись поутру, комфортабельно выпилъ въ постелѣ чашку холоднаго чаю;

затѣмъ взялъ холодную ванну, прочиталъ утреннія газеты, повидался съ своей маленькой дочкой и ея гувернанткой, и затѣмъ неторопливымъ шагомъ направился по улицамъ, черезъ Тибръ, къ угрюмому старинному зданію въ центрѣ Трастевере, и вошелъ въ одну изъ многочисленныхъ дверей, выходившихъ на мрачную, широкую каменную лѣстницу, — дверь, отличавшуюся отъ окружающихъ современнымъ украшеніемъ въ видѣ мѣдной дощечки, на которой стояло внушительными буквами: «Società Italiana-Inglese del Ponte Calabrese-Siciliano», а подъ ними надпись: «Bureau della Direzione». Когда м-ръ Чаллонеръ всходилъ по этой мрачной лѣстницѣ и проходилъ въ эту дверь, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, еще счастливѣе, чѣмъ въ обществѣ своей маленькой дочки и ея гувернантки. Во-первыхъ, онъ былъ директоромъ,—что̀ ему чрезвычайно нравилось. Слово директоръ звучало такъ торжественно и важно; ему постоянно не везло въ его предпріятіяхъ, но слово «директоръ» всегда ослѣпляло его на счетъ значенія этого факта; оно какъ-будто выражало собой богатство и общественное уваженіе. Но всего слаще казалась дѣловая конторка м-ру Чаллонеру, потому что за ней онъ мстилъ Іорису, той утонченной местью, какой не замѣчалъ свѣтъ, дивившійся, что м-ръ Чаллонеръ какъ-будто не испытываетъ ни малѣйшаго желанія отмстить Іорису. Онъ разорялъ его.

Мостъ черезъ заливъ Фаро былъ однимъ изъ тѣхъ дутыхъ предпріятій, судьба которыхъ заранѣе предопредѣлена и названіе которыхъ звучитъ разореніемъ. Даже если бы его и удалось когда-нибудь построить, то торговля цѣлаго ряда вѣковъ не могла бы покрыть гигантскія издержки. А онъ къ тому же и не могъ быть выстроенъ: море и вѣтры не допускали этого.

— Кто говорилъ, что онъ будетъ выстроенъ?—раздражительно закричала лэди Джоанъ, разсерженная наивностью Іориса, котораго удивило и смутило это извѣстіе. — Кто говорилъ, что онъ будетъ выстроенъ? Мы только предлагали попытаться выстроить его. Это совсѣмъ иное дѣло.

Когда онъ никакъ не могъ понять, въ чемъ тутъ разница, она назвала его дуракомъ. Предложить было выгодно, а строить убыточно.

Въ это утро, вернувшись изъ конторы, м-ръ Чаллонеръ вошелъ безъ приглашенія въ комнату жены, не замѣчая или не желая замѣчать ея сердито нахмуренныхъ бровей.

— Худыя вѣсти изъ проливовъ, Іорисъ,—сказалъ онъ безъ всякаго предисловія, и началъ вытаскивать изъ кармановъ письма, бумаги и телеграфическія депеши.

Лицо Іориса, уже и безъ того блѣдное и усталое, поблѣднѣло еще сильнѣе.

— *Очень* худыя извѣстія, — повторилъ м-ръ Чаллонеръ съ притворнымъ вздохомъ, — я боюсь, что *мы* много потеряемъ. Прочитайте эти письма.

«Мы» было простой метафорой; это неопредѣленное, метафорическое мѣстоименіе ежечасно раздавалось въ Casa Чаллонеръ и въ Фіорделизѣ, но ровно ничего не значило.

Всѣ письма были худыя и не могли быть хуже; всѣ они гласили о безпокойныхъ рабочихъ, требующихъ платы, объ остановившейся работѣ, по недостатку денегъ, о несносныхъ приливахъ, смывавшихъ и уносившихъ начатыя постройки и — что хуже всего — о томъ, что акціонеры недовольны и жалуются и начинаютъ поговаривать о назначеніи слѣдственной коммиссіи.

Измѣнчивое лицо Іориса перешло отъ блѣдности къ гнѣвному и яркому румянцу.

— Я заплачу имъ, — проговорилъ онъ, сквозь зубы.

— О, небо! какой вы дуракъ! — закричала лэди Джоанъ съ крайней досадой. — Почему вы болѣе чѣмъ герцогъ Обенъ должны или обязаны имъ платить! Неужели вы воображаете, что потому, что имя его стоитъ на объявленіи, онъ возьметъ да и вывернетъ свои карманы для этихъ безпокойныхъ скотовъ? Работа пріостановлена на время за недостаткомъ фондовъ; пусть они обратятся къ тѣмъ, кто ихъ нанималъ. Мы не наниматели.

— Я расплачусь съ ними, — повторилъ Іорисъ, — если продамъ Фіорделизу.

— Продать Фіорделизу!!

Она вскочила на ноги. Тигрица, защищающая своихъ дѣтенышей, не могла бы быть больше разъярена. — Продать Фіорделизу! Съ ума онъ сошелъ? или она помѣшалась? или земля выскочила изъ своей орбиты? Продать Фіорделизу?!

М-ръ Чаллонеръ поднялъ глаза и увидѣлъ превращеніе, совершившееся съ его женой: глаза ея сверкали, губы тряслись, голова была закинута назадъ, голосъ звенѣлъ какъ охотничій рогъ, дыханіе прерывалось.

— Душа моя, ты забываешься! — произнесъ м-ръ Чаллонеръ съ достоинствомъ. — Если нашъ другъ желаетъ продать свое помѣстье, то какое намъ до этого дѣло?

М-ръ Чаллонеръ высказалъ это для очищенія совѣсти, потому что никто изъ его собесѣдниковъ его не слушалъ. Онъ собралъ всѣ письма и ушелъ въ свою каморку. Онъ всегда уходилъ отъ сценъ. Въ его каморку, хотя довольно отдаленную отъ комнаты

жены, до него все-таки долетали яростные взрывы женина голоса. М-ръ Чаллонеръ набилъ трубку турецкимъ табакомъ и развернулъ «Pall-Mall Gazette».

XV.

Etoile была на раутѣ въ палаццо Фарнезе, одномъ изъ многихъ знатныхъ домовъ, не открывавшихъ своихъ дверей для лэди Джоанъ. Раутъ давался въ честь бразильскаго императора и императрицы, путешествовавшихъ по Европѣ. Дѣло было на Пасхѣ, и въ Римѣ все еще толпились знатные иностранцы, хотя уже и готовились къ отъѣзду въ сѣверныя страны.

Іорисъ пріѣхалъ поздно, очень поздно: онъ вырвался изъ Casa Чаллонеръ, сославшись на обязанность сопровождать короля, обязанность, существовавшую только въ его воображеніи, и оставилъ лэди Джоанъ сердитую и угрюмую, надъ шифрованными телеграммами и ариѳметическими выкладками, курящую турецкій табакъ и пьющую черный кофе. Онъ издали увидѣлъ Etoile, разговаривавшую съ двумя иностранными посланниками и княгиней Вѣрой. Онъ увидѣлъ, что ея глаза остановились на немъ, что она перемѣнилась въ лицѣ, что дыханіе ея стало чаще и хотя онъ не могъ слышать ея словъ, но былъ увѣренъ, что они утратили свою ясность и краснорѣчіе и что стали разсѣянными и безсвязными. Онъ улыбнулся, подошелъ къ ней и вмѣшался въ разговоръ. Затѣмъ незамѣтно отвелъ ее въ сторону; онъ былъ необыкновенно ловокъ на эти вещи и къ тому же палаццо Фарнезе такъ обширенъ, что пять-сотъ человѣкъ, собранныхъ въ его громадныхъ покояхъ, казались пригоршнею листьевъ, брошенныхъ въ озеро.

— Я хочу попросить васъ кое-о-чемъ, если только вы обѣщаетесь не быть со мной жесткой,—прошепталъ онъ, нѣжно глядя на желтыя розы, приколотыя къ ея груди.

— Развѣ я бывала съ вами жестка? Говорите.

— Вы никогда больше не бываете у *нея*, — сказалъ онъ еще тише.

— Нѣтъ, и вы знаете почему?

Онъ колебался съ минуту, потомъ сказалъ съ застѣнчивостью, придававшей ему ласкательную и молящую грацію.

— Лучше было бы, если бы вы изрѣдка бывали у нея.

— Почему?

— Увы! вы знаете ея характеръ, ея раздражительность и

своенравіе; если она сочтетъ себя оскорбленной, то станетъ мстить...

— Вамъ?—спросила Etoile съ смутной тревогой.

— Ахъ! не мнѣ, но вамъ!

— Мнѣ!—повторила она тономъ глубокаго равнодушія и презрѣнія.

— Чтò можетъ сдѣлать мнѣ эта женщина? какіе пустые страхи! Неужели вамъ не стыдно высказывать ихъ?

— Увы!—промолвилъ Іорисъ со вздохомъ и умолкъ; онъ думалъ про низкія клеветы, распускаемыя его любовницей, но не посмѣлъ сказать про нихъ.

— Я понимаю, что дружба между вами невозможна,—прошепталъ онъ, но было бы благоразумнѣе придерживаться свѣтскихъ приличій; если бы вы бывали у нея изрѣдка...

— Я не хочу.

Etoile вдругъ повернулась къ нему; глаза ея загорѣлись гнѣвомъ и онъ не могъ не восхититься ея прямодушіемъ и откровенностью.

— Когда я въ первый разъ поѣхала къ ней, я не знала, какая она женщина. Теперь я знаю. Я стала вашимъ другомъ, болѣе чѣмъ другомъ; я пользуюсь вашимъ довѣріемъ. Быть можетъ, вы напрасно были откровенны со мною; быть можетъ я дурно сдѣлала, что допустила васъ быть откровеннымъ,—не спорю; но сдѣланнаго не передѣлаешь. Мы не можемъ забыть того, чтò было говорено. Если она пріѣдетъ ко мнѣ, я вѣжливо приму ее, изъ уваженія къ ея отцу, но сама я къ ней не поѣду ни за что на свѣтѣ! Я не стану притворяться, что уважаю ее, когда въ душѣ считаю ее презрѣнной... ни за что на свѣтѣ! Моя дружба никогда не была пустой, лживой, свѣтской формальностью.

Она говорила съ энергіей и волненіемъ. Личное соперничество ея съ этой женщиной служило для нея лишнимъ поводомъ дѣйствовать, относительно ея, вполнѣ прямодушно.

— Вы чудная женщина; но вы не отъ міра сего,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руки съ нѣжнымъ и восхищеннымъ взглядомъ.

— Я стараюсь быть справедливой, — отвѣчала Etoile съ утомленіемъ.

Іорисъ вздохнулъ. Прямодушіе казалось ему прекрасной вещью, потому-что было такъ не похоже на то, чтò онъ встрѣчалъ въ женщинахъ, игравшихъ роль въ его жизни, но оно стѣсняло его. Онъ чувствовалъ, хотя и ненавидѣлъ себя за это чувство, что легче имѣть дѣло съ женщинами, умѣющими лгать

и притворяться,—эти свойства онъ до сихъ поръ считалъ присущими всѣмъ женщинамъ.

— Справедливость очень трудная и очень рѣдкая вещь, — сказалъ онъ съ колебаніемъ.

— Да, гораздо болѣе трудная, чѣмъ простое состраданіе, но человѣкъ обязанъ быть справедливымъ даже ко врагу, если не хочетъ быть низкимъ.

Она вдругъ остановилась и покраснѣла, сообразивъ, что она призналась, что считаетъ его любовницу своимъ врагомъ. Онъ улыбнулся, отчасти довольный, отчасти смущенный.

— Вы героиня и вмѣстѣ съ тѣмъ дитя, и прежде всего—муза,—нѣжно проговорилъ онъ.—Но вы не созданы для нашего низкаго и пошлаго свѣта.

— Кругомъ достаточно женщинъ, которыя для него созданы. Идите къ нимъ. Почему вы къ нимъ не идете?

Она слегка улыбнулась, говоря это.

— Я не хочу.

— Ну, такъ не жалуйтесь на меня.

— Развѣ я жалуюсь?

Они говорили почти шопотомъ; возлѣ нихъ никого не было; большой покой былъ наполненъ благоуханіемъ розъ; надъ головами у нихъ блестѣли яркія, но нѣжныя краски фресокъ. Она опустила свои глаза передъ его взглядомъ.

— Зачѣмъ вы говорите со мной о ней?—упрекнула она его съ болью и нетерпѣніемъ въ голосѣ.—Вы поступаете вѣроломно относительно ея и относительно меня. Вы бы должны помнить это.

— Я никогда не могъ бы быть вѣроломнымъ относительно *васъ*,—прошепталъ онъ, такъ близко наклоняясь къ ней, что она почувствовала его дыханіе у себя на лбу, а щека его почти касалась ея щеки. Она очень поблѣднѣла; онъ видѣлъ, какъ сильно билось ея сердце.

— Вы не свободный человѣкъ и не имѣете права говорить такъ.

— Я буду свободенъ.

Они оба умолкли; за дверьми послышалось движеніе и шумъ голосовъ. Они были больше не наединѣ съ розами; свѣтъ, врагъ страсти, настигалъ ихъ. Великая императрица, для которой давалось это празднество, старая, милая дама въ вязаной шали и ея супругъ довели своего хозяина почти до изступленія, разспрашивая про хронологію и исторію каждаго скульптурнаго украшенія и каждой фрески на стѣнахъ и на потолкахъ. Они пожелали видѣть Etoile. Она пошла представляться имъ.

— Ужасная тоска! — прошептала на ухо лэди Кардифъ; но такъ какъ вы, душа моя, сильны въ хронологіи и въ исторіи, то, быть можетъ, не будете чувствовать себя такой несчастной, какъ нашъ бѣдный хозяинъ. Право, королей и императоровъ не надо было бы ничему учить; они гораздо милѣе, когда умѣютъ говорить только: какъ вы поживаете?

Іорисъ, увидя, что лэди Кардифъ глядитъ на него, принялся изо всѣхъ силъ любезничать съ одной соотечественницей, герцогиней Чёли.

«Желала бы я знать, онъ ли ловитъ въ свои сѣти Etoile или самъ старается выбиться изъ сѣтей,—думала лэди Кардифъ, слѣдя за нимъ взглядомъ.—Это большая разница. По началу будетъ и конецъ. Но мнѣ страшно. Онъ недостаточно энергиченъ, чтобы отдѣлаться отъ своего тирана. Что касается ея, если она любитъ его, то онъ долженъ быть Петраркой или Мирабо. *Наша* дюжинная любовь не удовлетворитъ ее. Свѣтскія страсти вспыхиваютъ, какъ спички, которыя хотя и бываютъ иногда обмокнуты въ петроль, но нисколько не похожи на солнце или на звѣзды, какія ей требуются». Не правда-ли, Іорисъ? —спросила она вдругъ громко.

— Чтó прикажете? — сказалъ Іорисъ, оставляя свою герцогиню.

— Я думала вслухъ; по своей дурной привычкѣ я думала, что изъ милліона мужчинъ ни одинъ не съумѣетъ любить женщину, какъ Мирабо, и изъ десяти милліоновъ ни одинъ, какъ Петрарка. А женщины, какъ нашъ Рафаэль въ юбкѣ, хотятъ непремѣнно любви Мирабо или Петрарки, которой нельзя найти. Не найдя солнца и звѣздъ, какъ вы думаете, удовлетворится такая женщина пламенемъ спички?

Онъ казался раздосадованнымъ.

— Я полагаю, что она сама всего лучше знаетъ, какое пламя можетъ удовлетворить ее,—холодно отвѣчалъ онъ; и мнѣ казалось, что она и не нуждается въ чьемъ-либо пламени, кромѣ своего собственнаго.

Лэди Кардифъ улыбнулась.

— Я очень рада слышать это отъ васъ; вы часто видаетесь съ нею, и полагаю, хорошо изучили ее съ этой стороны. Конечно, геній подобенъ моллюску-кораблику, который держится на волнахъ, благодаря своей раковинѣ и чувствуетъ себя, какъ дома, въ великомъ океанѣ и не боится бурь. Но шальной камень, брошенный съ проплывающей мимо лодки, можетъ разбить раковину—и чтó станется тогда съ корабликомъ? Онъ пойдетъ ко

дну, какъ самое обыкновенное созданіе. О! нѣтъ, я ни на что не намекаю! Скажите мнѣ, кто эта женщина въ черномъ и красномъ, съ крупнымъ жемчугомъ на шеѣ; никогда ея не видывала раньше. Румынская княгиня? Ахъ, онѣ всѣ княгини въ Румыніи!

Тутъ лэди Кардифъ оставила его въ покоѣ; но онъ не вернулся къ герцогинѣ.

— Пойдетъ ко дну, какъ самое обыкновенное созданіе! Эти слова звучали въ его ушахъ и преслѣдовали его. Онъ понималъ, какой смыслъ скрывала эта метафора. Онъ зналъ, кого она сравнивала съ корабликомъ, безопасно плывшимъ по бурному житейскому морю. Неужели его рука швырнетъ камень съ проплывающей мимо лодки и заставитъ его пойти ко дну. Спаси Боже!

Гости начали разъѣзжаться. Онъ вышелъ на улицу. Мимо него медленно проѣхала карета. Онъ велѣлъ своему экипажу слѣдовать за нею. Когда Etoile вышла изъ кареты, онъ встрѣтилъ ее у ея подъѣзда:

— Неужели вы думали, что я уйду, не простившись съ вами, — сказалъ онъ и повелъ ее по лѣстницѣ. Въ большихъ покояхъ лампы догорали, каминъ потухалъ, цвѣты благоухали. Онъ снялъ съ нея кашемировую шаль и его руки охватили ее вмѣсто шали.

— Вы меня любите, я васъ люблю, — мягко проговорилъ онъ. — Возьмите меня такимъ, какъ я есть, и сдѣлайте такимъ, какъ вы желаете. Я вашъ.

XVI.

Лэди Чаллонеръ не даромъ жила въ Дамаскѣ; она научилась тамъ спекулировать. Въ Азіи и въ Африкѣ спекулянты всякаго рода кишатъ какъ мускиты. Въ запущенныхъ садахъ колыбели міра англійскіе банкиры, французскіе финансисты, греческіе, итальянскіе и нѣмецкіе agents d'affaires жирѣютъ, какъ саранча, и какъ саранча пожираютъ всякую жатву; фантастическіе города арабскихъ сказокъ служатъ вертепами, въ которыхъ царятъ сыны Израиля, и великолѣпныя и чудныя страны, нѣкогда восхищавшія Александра Македонскаго и удивлявшія Геродота, бѣдствуютъ подъ игомъ тирановъ, могущихъ заткнуть за поясъ Фараоновъ, Митридатовъ и Тамерлановъ съ братіей, тирановъ, скипетромъ которыхъ служитъ перо, трономъ—грязный конторскій табуретъ, а символомъ—пара ножницъ. Лэди Джоанъ иногда взды-

хала по Азіи: «on revient toujours à ses premièrs amours». Въ Азіи рабочіе никогда не осмѣлились бы требовать уплаты денегъ; тамъ можно было искать защиты у любезныхъ пашей, которые знали бы, какъ поступить съ толпой оборванныхъ землекоповъ. Она вздыхала по Азіи, но такъ какъ у ней не было волшебнаго жезла, чтобы перенесть Мессину по ту сторону Дарданельскаго пролива, то она обратила свои взоры, faute de mieux, къ Лондону. Но только для того, чтобы привести въ исполненіе задуманные планы, ей необходимо было ѣхать самой, и немедленно, въ Лондонъ. А вознамѣрилась она ни болѣе, ни менѣе, какъ заново пустить въ ходъ свое предпріятіе съ мостомъ черезъ заливъ Фаро, окрестивъ его новымъ именемъ: «Средиземной компаніи для облегченія сообщеній съ югомъ». Она знала, или полагала, что знаетъ тотъ сортъ людей, какой требуется для того, чтобы муссировать предпріятіе; она знала, или по крайней мѣрѣ думала, что знаетъ маріонетокъ, которыми необходимо было замѣстить герцога Обена. Она сообщила о своемъ планѣ мужу. М-ръ Чаллонеръ задумчиво и торжественно устремилъ взоръ въ пространство.

— Да, это можетъ удасться! — проговорилъ онъ медлительно съ тономъ человѣка, который никогда себя не скомпрометтируетъ. — Да, это можетъ удасться... я такъ думаю; но ты понимаешь, конечно, что тебѣ надо самой ѣхать въ Лондонъ.

— Конечно, я это понимаю, — угрюмо проговорила она съ геройской рѣшимостью. Она знала, что надо ѣхать въ Лондонъ и ѣхать безъ него. Она проводила тревожные дни и безсонныя ночи, терзаемая желаніемъ и опасеніемъ: желаніемъ ѣхать и осуществить свои планы и опасеніемъ оставить его безъ себя, вмѣстѣ съ женщиной, которую она ненавидѣла. Если она не поѣдетъ, то Фіорделизу, чего добраго, продадутъ, а Іорисъ безъ Фіорделизы не имѣлъ и десятой цѣны въ ея глазахъ. Если бы ей пришлось выбирать между Іорисомъ и Фіорделизой, она бы выбрала Фіорделизу. Страсть въ ней была сильна, но корыстолюбіе еще сильнѣе. Dame du comptoir въ ней пересиливала Клеопатру.

Каждое утро Іорисъ собирался открыть ей истину и никакъ не могъ собраться съ духомъ. Наконецъ она уложилась и уѣхала, и онъ отпустилъ ее, не сказавъ ей правды.

— Мнѣ легче будетъ написать ей, — говорилъ онъ самому себѣ, по обыкновенію нерѣшительныхъ, слабыхъ людей оттягивая непріятное объясненіе до послѣдней минуты. Она уѣхала, увѣ-

ренная въ томъ, чего не существовало: она уѣхала, воображая, что отъѣздъ ея сокрушаетъ его.

Когда поѣздъ, увозившій ее, скрылся изъ виду, онъ тяжело перевелъ духъ, какъ человѣкъ, свалившій съ плечъ тяжесть, которую таскалъ слишкомъ долго. Затѣмъ отправился къ женщинѣ, которую любилъ.

— Радуйтесь со мной, — закричалъ онъ, бросаясь къ ея ногамъ: — она уѣхала!

— Уѣхала?

Онъ громко разсмѣялся.

— Да! она уѣхала; я больше не рабъ, потому что *ваша* любовь — счастіе, а не иго.

Соловьи пѣли на деревьяхъ и пѣніе ихъ казалось ему восхитительнымъ.

Лэди Джоанъ уѣхала, но оставила за собой свою сторожевую собаку, прикованную къ Форуму Траяна. Въ своемъ мрачномъ, пыльномъ углу три сестры списывали свои картины и приводились какъ образецъ дочерней любви за то, что наняли своимъ престарѣлымъ родителямъ помѣщеніе на берегу моря. Іорисъ, зная, что за нимъ слѣдятъ, былъ на-сторожѣ. На всѣ разспросы онъ отвѣчалъ уклончиво и неопредѣленно. Разъ или два онъ ходилъ въ Santa Maria Degli Angeli, смотрѣть какъ списывала Маржори картину Доменикино и давалъ ей совѣты съ тѣмъ тонкимъ пониманіемъ искусства, которое его отличало. Иногда онъ приходилъ въ ихъ мрачную, скучную квартиру. Онъ дѣлалъ это затѣмъ, чтобы отвести имъ глаза.

— Вы спрашиваете, что дѣлаетъ Etoile? Право, не умѣю вамъ сказать. Она наняла себѣ виллу, переѣхала туда и заперлась ото всѣхъ. Говорятъ, она принялась за какую-то большую картину, — отвѣчалъ онъ такъ натурально и равнодушно, что почти убѣдилъ ихъ. Почти, но не совсѣмъ, потому что Маржори, душа которой томилась ревностью и подозрѣніями, нѣсколько разъ въ наемной коляскѣ ѣздила кататься въ окрестности виллы, занимаемой Etoile, и раза два или три видѣла знакомую фигуру, слышала стукъ лошадиныхъ копытъ и Іорисъ проѣзжалъ мимо нея, не замѣчая фигуры женщины, нагнувшейся на лугу, какъ будто она рвала траву. И вотъ Маржори, вернувшись домой, написала письмо своей дорогой пріятельницѣ, находившейся въ Лондонѣ, прибавивъ въ постскриптумѣ, какъ можно безпечнѣе: — «Іо совершенно здоровъ, какъ кажется; мы рѣдко видимъ его теперь, когда васъ здѣсь нѣтъ. Говорятъ, что онъ проводитъ все

свое время на виллѣ Etoile; его привлекаетъ, по всей вѣроятности, ея археологическая картина! Au revoir, дорогая».

Etoile и не подозрѣвала, что ей можетъ грозить какая-нибудь опасность со стороны лэди Джоанъ. Онъ былъ свободенъ, думала она; онъ любитъ ее, онъ свергнулъ недостойное иго. Она знала, что онъ пишетъ въ Англію, но объясняла это запутанностью его дѣлъ.

— Они могутъ разорить меня; я связанъ съ ними денежными обязательствами, — говорилъ онъ.

Разъ она сказала ему:

— Если они могутъ разорить васъ, какъ вы говорите, то примиритесь съ этимъ; разрубите гордіевъ узелъ всѣхъ этихъ спекуляцій и обязательствъ; хотя вы будете бѣдны, за то развяжетесь съ ними. Его подмывало послѣдовать ея совѣту; его подмывало отказаться отъ Фіорделизы и бросить остатки своего состоянія въ руки этой гарпіи и такимъ образомъ купить себѣ свободу. Но онъ былъ слишкомъ нерѣшительнаго характера, чтобы сдѣлать такой безвозвратный скачокъ въ неизвѣстное. Онъ ждалъ, онъ надѣялся; онъ медлилъ и разсчитывалъ, что случай выведетъ его изъ затрудненія. Онъ былъ счастливъ ея любовью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ непослѣдовательностью мужчины, порою какъ будто бы жалѣлъ, что погнался за ея любовью и не прошелъ мимо;—со временемъ она упрекнетъ меня за это, думалось ему. Etoile бережно обращалась съ нимъ. Онъ такъ долго былъ рабомъ; ей нравилось обращаться съ нимъ какъ съ королемъ. Даже тогда, когда онъ бывалъ капризенъ, несправедливъ и деспотиченъ, какимъ часто бываетъ влюбленный человѣкъ, она склоняла голову подъ игомъ и была терпѣлива, какъ Гризельда.

«Онъ такъ много выстрадалъ», думала она и допускала его вымещать на ней страданія, перенесенныя имъ отъ другой женщины. До сихъ поръ она была горда; теперь она принесла ему въ жертву свою гордость, подобно тому какъ пожертвовала бы для него всѣми царствами земли, если бы владѣла ими.

Въ писаніяхъ одного стараго забытаго поэта разсказывается исторія одной женщины, которая была королевой въ тѣ дни, когда міръ былъ еще молодъ, и царствовала надъ многими землями: она полюбила одного плѣнника, и выпустила его на свободу, и думая, что для его гордости будетъ пріятнѣе, если она перейдетъ въ низшее званіе, отказалась отъ престола, бросила свой скипетръ, смѣшалась съ простыми дѣвушками и думала:—

«такъ онъ сильнѣе будетъ любить меня»; но онъ, сдѣлавшись королемъ, думалъ только о престолѣ и о скипетрѣ и, завладѣвъ ими, не глядѣлъ на женщинъ, толпившихся у воротъ, и не узналъ ее, потому что въ ней онъ любилъ только королеву. Такимъ образомъ, свергнувъ съ себя корону, она лишилась разомъ и своего возлюбленнаго и своего королевства. Мудрый человѣкъ изъ толпы сказалъ ей: «тебѣ бы слѣдовало оставаться на твоемъ золотомъ сѣдалищѣ и давать ему чувствовать, что ты вольна въ его жизни и смерти, да хорошенько мучить его, да подольше водить за носъ и казаться неприступной. Вѣдь мужчины такія же легкомысленныя твари, какъ мошки».

Но Etoile не читала этой исторіи, а если бы и прочитала, то не усмотрѣла бы въ ней аллегоріи на свою собственную судьбу.

XVII.

Однажды утромъ Etoile сидѣла въ своей студіи. Было три часа пополудни и дождь освѣжилъ воздухъ. Въ поляхъ, за ея садомъ, люди собирали виноградъ; ихъ веселые крики доносились до нея вмѣстѣ съ смѣхомъ дѣтей и скрипомъ телѣгъ, проѣзжавшихъ вдоль аллей, усаженныхъ виноградной лозой. Вдругъ дверь студіи внезапно отворилась; Іорисъ, молча, вошелъ и торопливо прошелъ по мраморному полу и бросился къ ней. Онъ былъ худъ и очень блѣденъ; онъ опустился передъ ней на колѣни, и покрылъ ея руки поцѣлуями.

— Любовь моя, я долженъ разстаться съ тобой! — прошепталъ онъ. — Я долженъ ѣхать въ Парижъ; я буду не долго въ отсутствіи, но... но...

Etoile внезапно оттолкнула его неожиданнымъ движеніемъ, при которомъ вся кровь и жизнь, и душа, бывшія въ ней, бросились ей въ лицо и пламенемъ загорѣлись на щекахъ.

— Вы ѣдете... къ ней?

— Клянусь честью, нѣтъ!—закричалъ Іорисъ и вскочилъ такой же взволнованный и такой же негодующій, какъ она сама. — Какъ! вы оскорбляете меня, думая, что я могу оскорбить *васъ* и послѣдовать за этой женщиной. Нѣтъ, я ѣду въ Парижъ по дѣлу, гдѣ замѣшана моя честь, — вотъ и все; я ѣду, чтобы попытаться спасти что-нибудь для тѣхъ, кто довѣрялъ мнѣ въ этой проклятой, безумной сицилійской затѣѣ. Что до нея, то она въ Шотландіи! какъ вы могли такъ усумниться во мнѣ?

Она судорожно схватила его руки и поблѣднѣла какъ смерть.

— Вы ѣдете не къ ней, не правда-ли?

— Клянусь вамъ памятью моей покойной матери, если вамъ надобны клятвы, нѣтъ! клянусь небомъ, разстилающимся надъ нашими головами,—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Она горько зарыдала и жалобно прижалась къ нему.

— О! моя любовь! моя жизнь! къ чему ты покидаешь меня? Чѣмъ я прогнѣвала тебя? Чѣмъ провинилась? Развѣ ты несчастливъ?...

Онъ поцѣловалъ ея закрытые глаза и заключилъ въ свои объятія.

— Мы были слишкомъ счастливы! Боги всегда завидуютъ счастью людей. Неужели ты думаешь, что я разстался бы съ тобой изъ-за пустяковъ. Честь вынуждаетъ меня ѣхать. Я долженъ ѣхать, чтобы спасти тѣхъ, кто мнѣ вѣрилъ: другого исхода нѣтъ. Выслушай и постарайся успокоиться. Я скоро вернусь.

Голосъ его задрожалъ и подавленное рыданіе остановилось въ горлѣ; онъ прижималъ ее къ своему сердцу, и она чувствовала, какъ горячія слезы падали изъ его глазъ на ея лицо.

Въ ясное октябрьское утро лэди Джоанъ Чаллонеръ сидѣла въ комнатѣ улицы Риволи, въ костюмѣ глубокаго траура. Она лишилась своего отца, который утонулъ во время бури на морѣ, разбившей его яхту. Тяжелое, черное платье было все обшито крепомъ и другими символами горести, и записная книжка, которую она держала въ рукахъ, тоже была окаймлена чернымъ ободкомъ, но лицо ея сіяло торжествомъ подъ дорожнымъ загаромъ; глаза ея свѣтились счастіемъ. Она побѣдила. Трансфертъ компанейскаго дѣла совершился безповоротно. И передъ ней сидѣлъ Іорисъ. Комната была мала и душна и отдѣлана съ безвкусной роскошью. Золоченые часы стукали съ лихорадочной торопливостью. Солнечные лучи горячо и ослѣпительно отражались цинковыми крышами, напротивъ окна. Іорису было душно въ этой комнатѣ; онъ очень похудѣлъ и казался очень больнымъ. Онъ былъ кругомъ обманутъ; онъ сталъ жертвой измѣны и предательства. Такъ говорилъ онъ самъ себѣ, подобно разбитымъ націямъ, которыя говорятъ то же самое, когда, благодаря своему малодушію и безурядицѣ, потерпятъ пораженіе на войнѣ.

— Іо пріѣхалъ по случаю трансферта,—говорила она своимъ знакомымъ и роднымъ.

— Іо пріѣхалъ, чтобы утѣшить меня въ моемъ горѣ,—говорила она своимъ короткимъ пріятелямъ.

Мужъ ея уѣхалъ на какія-то воды, несмотря на позднюю осень. Новая сицилійская колонія появилась на свѣтъ божій въ образѣ акцій и объявленій на толстой бумагѣ, цвѣта crême. Іорисъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобы измѣнить что-либо; онъ увидѣлъ, что ему ничего не остается, какъ подписать то, что она желала, чтобы онъ подписалъ. Лэди Джоанъ оправляла складки своего крепа съ такимъ сознаніемъ, что она управилась бы съ имперіями, если бы отъ нея это потребовалось.

— Какой у тебя болѣзненный видъ, Іо,—ласково сказала она ему въ первую минуту ихъ встрѣчи.—Все это потому, что ты стосковался *по мнѣ*. Я больше никогда не разстанусь съ тобой, никогда, никогда!

Онъ содрогнулся, но промолчалъ.

Она вѣрила въ то, что говорила, и намѣревалась привести это въ исполненіе. На свой грубый, необузданный, неделикатный ладъ она любила его...

Парижъ былъ скученъ, потому что сезонъ еще не начинался, а трауръ не позволялъ ей развлекаться, ѣздить въ театры и посѣщать концерты на открытомъ воздухѣ; но все-таки то былъ Парижъ и она могла обѣдать въ café, и кататься лунными вечерами au Bois, и расхаживать по улицамъ, и заглядывать въ магазины и развлекать себя на различный манеръ... и даже изъ своего траура она умѣла извлечь пользу. Вотъ онъ теперь на ея глазахъ и подъ ея руками, и она не выпуститъ его больше до тѣхъ поръ, пока не вернется благополучно въ Фіорделизу.

Позднѣе, въ вечеръ его пріѣзда, ревнивыя опасенія проснулись въ ней.

— Я слышала, что вы почти не разставались съ Etoile во время моего отсутствія?—внезапно спросила она, не спуская съ него глазъ.

Но Іорисъ ожидалъ допроса и лицо его было непроницаемо.

— Разумѣется, я видѣлся съ нею нѣсколько разъ,—отвѣчалъ онъ.

— Я слышала гораздо больше, слишкомъ много.

— Вѣрьте во что вамъ угодно! Мнѣ это все равно.

— Вы жестоки, Иренео.

— Нѣтъ, это вы подозрительны и несносны!

— И это вы мнѣ говорите послѣ всего того, что я вынесла ради васъ, послѣ того, что я выстрадала въ это ужасное лѣто.

— Къ чему же вы говорите глупости?

— Вы не ухаживали за ней?

— Кто сказалъ вамъ, что я за ней ухаживалъ?

— Маржори.

— Она хочетъ насъ поссорить; она завистница.

— Но Etoile влюблена въ васъ!

— Не говорите мнѣ такихъ вещей ни про какую женщину; я этого не люблю.

— Это правда.

— Правда или нѣтъ,—не повторяйте этого, потому что это мнѣ непріятно. Развѣ я не пріѣхалъ къ вамъ?

Она успокоилась. Тщеславіе и самонадѣянность ослѣпляли ее настолько, что она не замѣчала, насколько отвѣты его уклончивы. Но совѣсть Іориса не была спокойна на счетъ этой уклончивости. Онъ считалъ себя неповиннымъ въ томъ, что обманываетъ своего тирана, но сознавалъ себя виновнымъ передъ той, которую любилъ, виновнымъ въ томъ, что отрицалъ эту любовь. Какой презрительный огонь зажегся бы въ спокойныхъ, задумчивыхъ глазахъ Etoile... если бы она знала объ этомъ.

— Еще немного—и все разъяснится, — говорилъ онъ, подобно тому, какъ въ Фіорделизѣ говорилъ себѣ: — легче будетъ написать. И вотъ, онъ жилъ въ Парижѣ и ненавидѣлъ себя за это и каждый день, просыпаясь, говорилъ себѣ:—«сегодня я все скажу ей и уѣду вечеромъ въ Римъ». И каждый разъ день проходилъ, а истина все еще не была открыта...

И другая, худшая бѣда стряслась надъ нимъ... онъ стыдился вернуться къ Etoile и сказать ей: — «я виноватъ, я измѣнилъ тебѣ!»

XVIII.

На дворѣ стояла поздняя осень; въ Римѣ начались непрерывные, скучные, томительные дожди; вѣтеръ бушевалъ на улицахъ, и туманъ, и облака окутывали городъ. Пробило шесть на часахъ мрачнаго, стариннаго палаццо, въ которомъ Скрэпъ-Стерсъ обитали близъ Форума Траяна. Сегодня впервые возобновлено было священнодѣйствіе чаепитія и собранія престарѣлыхъ дѣвъ и вдовицъ въ этихъ священныхъ покояхъ. Всѣ матроны и дѣвственницы британскихъ острововъ и свободной американской республики еще не прибыли въ Римъ, но многія уже находились тамъ и многія пріѣхали въ этотъ темный, скучный вечеръ выпить чаю, который служилъ какъ-бы очищеніемъ и поѣстью добродѣтельнаго кэку. Священнодѣйствіе уже кончилось;

только двое или трое изъ короткихъ знакомыхъ оставались: то были м-ръ Сильверли Бель и миссисъ Макскрипъ, дѣвственная лэди, написавшая ученый трактатъ «О наказаніяхъ и преимуществахъ весталокъ».

Они стояли у камина и бесѣдовали.

— Она все еще здѣсь?—спрашивала миссисъ Макскрипъ.

— Все еще здѣсь,—отвѣчалъ Сильверли Бель.

— Наняла великолѣпную виллу, извѣстную подъ названіемъ Рокальди?

— Да; она должна проживать кучу денегъ.

— Откуда она ихъ беретъ?

— Да! откуда? не слыхать, чтобы она была капиталисткой. Конечно, заработываетъ деньги,—но какъ? вотъ вопросъ.

— Я надѣюсь, что мы больше никогда не встрѣтимся съ нею въ обществѣ,—объявилъ авторъ «Преимуществъ и наказаній», съ дрожью послѣ всякаго слова.

— Врядъ ли,—отвѣчалъ м-ръ Сильверли Бель съ новымъ вздохомъ и вынулъ письмо изъ кармана.

— Вотъ небольшой отрывокъ, который я могу прочесть вамъ, не нарушая довѣрія. Это писано мнѣ нѣсколько недѣль тому назадъ, нашимъ отсутствующимъ другомъ: «...Мой бѣдный отецъ говорилъ мнѣ за нѣсколько дней до того, какъ отправился въ свое роковое плаваніе, что онъ былъ съ ней знакомъ не короче того, какъ бываютъ знакомы люди съ женщинами дурного поведенія; видалъ ее въ мастерскихъ художниковъ и на выставкахъ. Онъ просто выходилъ изъ себя, что кто-нибудь могъ вообразить, что онъ рекомендуетъ ее *мнѣ!* Вы можете сообщить объ этомъ всѣмъ. Мой отецъ былъ самаго низкаго о ней мнѣнія. Я думаю даже, что ея картины писаны не ею самой». Развѣ это не печально?—сказалъ чтецъ, окончивъ это сообщеніе.

— Бѣдная, милая лэди Джоанъ,—замѣтила миссисъ Макскрипъ.—Это просто низко! Такъ злоупотреблять ея гостепріимствомъ. Но она такъ всегда довѣрчива.

— Да! она сама такъ прямодушна, что не подозрѣваетъ о лжи!

— Именно,—вторилъ Сильверли Бель,—ея добротой злоупотребляютъ. Ей бы слѣдовало разспросить, разузнать хорошенько, прежде нежели принять къ себѣ въ домъ особу, которую рекомендовалъ такой завѣдомо безнравственный человѣкъ, какъ баронъ Вуатель; онъ безспорно великій человѣкъ—мы всѣ это знаемъ, но совершенно безсовѣстный. Человѣкъ можетъ открыть новый континентъ—и все-таки нарушать всѣ приличія обыденной жизни.

Всѣ лэди вздохнули хоромъ, а старуха лэди Джоржъ, прислушивавшаяся глухимъ ухомъ къ разговору, склонясь надъ своимъ вязаньемъ, пробормотала:

— Безнравственный! онъ людоѣдъ!

— Если бы это только!—мягко прибавилъ Сильверли Бель;—можно представить себѣ, что ужасныя муки голода человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, могутъ довести его до такой ужасающей крайности. Но совершенно хладнокровно, среди обстановки повседневной жизни, ввести извѣстную авантюристку въ домъ благородной и безупречной лэди...

— Какъ вы можете называть авантюристкой великую художницу?—спросилъ лордъ Джорджъ съ юмористическимъ выраженіемъ въ своихъ мутныхъ старческихъ глазахъ.

— Я хочу этимъ сказать,— поспѣшно заявилъ Сильверли Бель,—что когда никто не знаетъ, откуда явился человѣкъ, чѣмъ онъ живетъ...

— Etoile кредитуется у банкира Роттингера. Я бы желалъ тоже у него кредитоваться,—сказалъ лордъ Джоржъ, меланхолически подмигивая глазомъ.—Если ей понравился Іорисъ, то я считаю, что ему выпала завидная доля; я бы желалъ быть на его мѣстѣ; къ чему онъ уѣхалъ? Онъ глупъ, если не понимаетъ своего собственнаго счастья?

— Счастья!—повторилъ Сильверли Бель въ ужасѣ.—Дорогой сэръ, извините меня, вы съ ума сошли. Какая худшая участь могла постигнуть нашего обаятельнаго, но слишкомъ перемѣнчиваго друга, какъ попасть во власть безсовѣстной, хотя и геніальной женщины, которая...

— Вы находите, что безсовѣстная, но не геніальная женщина лучше? Ну, разумѣется, онъ нашелъ такую,— пробормоталъ сэръ Джоржъ, играя табакеркой.

Но дочери заглушили его слова своими воплями.

— О! папа! какъ вы можете такъ говорить! какъ вы смѣете такъ говорить! Конечно, вы шутили, но все-таки...

Лордъ Джоржъ спасся отъ грозы въ другую комнату.

Былъ вечеръ и Etoile сидѣла одна. Лампы были зажжены и распространяли мягкій свѣтъ въ большомъ покоѣ, озаряя бѣлые бюсты и мраморныя статуи, эскизы, сдѣланные углемъ, и зеленыя группы пальмъ и другихъ растеній, и мягкія очертанія фресокъ. Неконченная картина «Сорделло» стояла на большомъ дубовомъ мольбертѣ; Etoile не прикасалась къ ней со времени

отъѣзда Іориса; единственная вещь, оконченная въ ней, было лицо поэта, и это лицо было лицомъ Іориса. Она сидѣла одна и ничего не дѣлала. Впервые въ жизни часы ея были ничѣмъ не наполнены; они приходили непрошенные—и уходили, ничего не принеся съ собой. Тѣ счастливые дни, когда она не знавала скуки, какъ не знавала праздности, отлетѣли. «О! любовь моя! какъ дорого я заплатила за нее!» думала она со слезами на глазахъ. Дверь тихо отворилась. Онъ вошелъ блѣдный, какъ смерть, исхудавшій, измученный, пристыженный. Она увидѣла его сквозь слезы, туманившія ея глаза; съ крикомъ невыразимой радости бросилась она къ нему. Черезъ нѣсколько минутъ онъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій и опустился передъ ней на колѣни.

— Вы—добрый геній моей души! Что мнѣ сказать вамъ? Простите ли вы меня?..

Она оперлась на его плечи—въ то время, какъ онъ стоялъ на колѣняхъ—и пристально поглядѣла ему въ лицо и почувствовала, что ей какъ-будто вонзили ножъ въ сердце.

— Вы были... съ ней?!

Слова были такъ тихо сказаны, точно съ трудомъ выдавились изъ горла. Онъ спряталъ свое лицо въ ея колѣняхъ. Она поняла, что онъ былъ ей невѣренъ.

Наступило долгое молчаніе, нарушаемое только стукомъ падающаго дождя на дворѣ. Руки его все еще обнимали ее, лицо было спрятано въ ея колѣняхъ.

— Можете ли вы простить меня?—проговорилъ онъ, наконецъ:—клянусь, я не обманывалъ васъ; я не хотѣлъ ѣхать къ ней. Меня обманули, провели, хитростью заманили къ ней. Я согрѣшилъ передъ вами, но не сердцемъ.

— Вы были съ ней? — повторила она, и если бы у ней въ груди повернули настоящій ножъ, ей бы не было больнѣе.

— Я сознался,—устало проговорилъ онъ,—мужчины слабы и низки; мы не стóимъ вниманія. Я все время ненавидѣлъ себя, и все-таки... Мой ангелъ, поглядите на меня! ахъ! не глядите такъ, вы меня пугаете!

— Вашъ ангелъ! и вы могли!..

Сердце ея словно разорвалось; она оттолкнула его и залилась горькими слезами. Іорисъ подхватилъ ее, рыдающую, въ свои объятія и поцѣловалъ въ закрытые глаза.

«Она проститъ меня», подумалъ онъ: «если бы она не простила, то не плакала бы. Тщеславныя и жесткія женщины не горюютъ... онѣ мстятъ».

И грѣхъ его показался ему легкимъ, потому что его отпустили ему.

XVIII.

Лэди Джоанъ вернулась въ Римъ торжествующая и счастливая. Выбравъ ясный день, она отправилась въ Фiорделизу, въ сопровожденiи м-ра Сильверли Беля и еще одного изъ своихъ поклонниковъ. «Я спасла это помѣстье для Iориса», хвасталась она своимъ спутникамъ.

— Прiѣзжалъ ли сюда князь съ кѣмъ-нибудь въ мое отсутствiе?—спрашивала она крестьянъ, обходя имѣнiе.

Они сообщили ей, что князь рѣдко прiѣзжалъ и всегда одинъ.

«Если такъ, то, конечно, между нимъ и Etoile ничего не было такого», съ довольствомъ подумала она: «онъ бы прежде всего привезъ ее сюда, если бы между ними что-нибудь было». Такiя глупыя вещи, какъ деликатность чувства, ей никогда и въ голову не приходили. Она провела прiятный день и съ захожденiемъ солнца поѣхала въ Римъ, чувствуя, что для умной женщины открыты всѣ радости жизни.

— Что эта авантюристка, все еще здѣсь?—спросила она у своихъ спутниковъ въ то время, какъ экипажъ катился по освѣщенной золотистыми лучами заходящаго солнца равнинѣ.

— Какая авантюристка?

— Etoile.

— Да! Она пребываетъ въ своемъ уединенiи на виллѣ Рокальди.

— Что она, пишетъ что-нибудь?

— Неизвѣстно; она еще ничего не кончила; говорятъ, она больна.

Лэди Джоанъ улыбнулась.

— Она влюблена въ Io, вы знаете? — писала ему въ Парижъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Сильверли Бель осторожно,— а онъ?..

— Терпѣть ее не можетъ!—отвѣчала лэди Джоанъ; Io чуждается любви, какъ вамъ извѣстно; онъ такъ же, какъ и я, дорожитъ одной только дружбой!

Сильверли Бель кашлянулъ, не зная что сказать. Къ счастiю, солнце очень красиво закатывалось, и онъ сдѣлалъ какое-то замѣчанiе на счетъ этого.

Лэди Джоанъ въѣхала въ городъ съ улыбкой на лицѣ; ей было пріятно думать, что Etoile больна и не кончила начатой картины. Она высадила своихъ спутниковъ у ихъ квартиръ и затѣмъ отправилась къ Іорису. Его не было дома, но она вошла, какъ обыкновенно это дѣлала, и прошла мимо слуги по лѣстницѣ въ его кабинетъ: — мнѣ нужно взять бумаги у вашего господина,—объявила она. Слуга не смѣлъ мѣшать ей входить, когда ей вздумается. Она говорила правду: ей нужно было взять какія-то бумаги, относящіяся до новаго акціонернаго общества, вызваннаго къ жизни ея стараніями; эти бумаги, она знала, должны лежать у него на письменномъ столѣ. Въ кабинетѣ было темно, но она взяла свѣчу и принялась безцеремонно рыться между письмами, книгами и всякаго рода документами, которыми былъ заваленъ столъ. Вдругъ, среди этой массы дѣловыхъ бумагъ и оффиціальныхъ писемъ, ей бросился въ глаза почеркъ, отъ котораго вся кровь хлынула ей въ голову, а рука схватила записку, писанную этимъ почеркомъ, какъ кошка хватаетъ добычу. То была записка отъ Etoile, написанная въ этотъ же день и забытая имъ по непривычной разсѣянности на столѣ, вмѣсто того, чтобы быть спрятанной въ тотъ потайной ящикъ, о существованіи котораго посѣтительница его и не подозрѣвала. Лэди Джоанъ прочитала записку. Она была не длинна, но содержаніе ея открыло ей истину, такъ долго отъ нея скрываемую. Она три раза сряду прочитала записку; кровь отхлынула отъ ея лица, а зубы стиснулись, какъ зубцы стального капкана. Она была обманута, одурачена, осмѣяна. И наконецъ — знала это. Первымъ движеніемъ ея было движеніе раненой тигрицы: броситься и растерзать. Безумная ярость овладѣла ею: если бы онъ теперь предсталъ передъ нею, она, кажется, убила бы его. Но благоразуміе вскорѣ охладило ея ярые порывы. Какая польза убить человѣка? Онъ пострадаетъ десять минутъ, а вы будете страдать всю жизнь. Есть другіе способы отмстить. Первымъ движеніемъ ея было движеніе каждой женщины, узнающей, что она брошена для другой. Вторымъ движеніемъ было болѣе властное надъ ней соображеніе о личной выгодѣ. Какъ ни были необузданны и дики ея страсти, она никогда не увлекалась ими настолько, чтобы упустить изъ виду личный интересъ, практическій разсчетъ. Убить Іориса... даже поссориться съ нимъ—значило лишиться Фіорделизы.

Фіорделиза была на первомъ планѣ; а онъ — на второмъ. Если бы не Фіорделиза, она бы прогнала его съ глазъ долой или сдѣлала бы что-нибудь еще хуже; но Фіорделиза держала

ея ярость на серебряной цѣпи. Годы сказывались на ней и скоро уже улыбка ея перестанетъ околдовывать мужчинъ. Если она лишитъ себя Фіорделизы, то никогда больше не найдетъ другого такого царства, гдѣ все подвластно ея волѣ. И она знала это.

— Тебѣ никогда больше не встрѣтить другого такого дурака, — сказалъ ей разъ мужъ, въ припадкѣ откровенности, и она знала, что это правда...

И вотъ она рѣшилась молчать и притворяться.

Заслышавъ его медленные шаги на лѣстницѣ и усталый голосъ въ передней, она встала, отперла дверь и пригласила его войти. Когда онъ вошелъ, она обвила руками его шею.

— У меня лихорадка и ознобъ, Іо; потрогай мои щеки и руки. Я слишкомъ захлопоталась для тебя въ Фіорделизѣ. Гдѣ ты провелъ день?

И она поцѣловала его. И почувствовала, что онъ содрогнулся. И снова поцѣловала его; она нашла, какъ отмстить ему; такъ отмстить, чтобы не лишиться Фіорделизы. Если бы она не знала истины, она была бы подозрительна, надоѣдлива, ревнива, сердита, придирчива, любопытна; вѣчно бы разспрашивала и шпіонила; и Іорисъ рано или поздно, выведенный изъ терпѣнія, проговорился бы наконецъ и разбилъ свои цѣпи.

Но кто предупрежденъ, тотъ на-сторожѣ.

Зная истину и рѣшившись дѣлать видъ, что она не знаетъ ее, она стала оказывать ему такое довѣріе, пополамъ съ такой преданностью и жалкой любовью, что у него руки опускались и языкъ прилипалъ къ гортани, когда онъ хотѣлъ сказать ей правду.

— Господи! хоть бы она возненавидѣла меня,—въ безсиліи мечталъ онъ.

Но она не выказывала ему ненависти. Она укротила свой нравъ и обращалась съ нимъ, какъ терпѣливая Гризельда.

Иногда она играла своей жертвой, какъ кошка съ мышкой. Иногда, лежа на диванѣ, она подзывала его къ себѣ и, обхвативъ своими руками его руку, говорила:

— Не оставляй меня, милый: я больна и слаба. Но я опять поправлюсь весной... въ нашей милой Фіорделизѣ.

XIX.

Лэди Джоанъ сидѣла одна въ своей турецкой комнатѣ. Комната была пыльна и вся пропитана табачнымъ дымомъ; цвѣты, приносимые туда, увядали. Но это ее не смущало. Жизнь удивительно какъ упрощается, когда въ человѣкѣ нѣтъ поэтическихъ наклонностей. Она сидѣла совсѣмъ одна въ своей турецкой комнатѣ и лицо ея было мрачно, брови нахмурены, зубы стиснуты. Она знала теперь, гдѣ онъ находился въ тѣ часы, которые проводилъ не съ нею; а теперь онъ былъ не съ нею. Она видѣла, слышала, понимала все, что происходило въ немъ; все, что онъ скрывалъ отъ нея. Она стойко выносила это съ терпѣливостью, какая является у человѣка только тогда, когда у него въ виду великая цѣль. Она имѣла въ виду отмстить и завладѣть Фіорделизой.

Въ бурные годы своей обильной приключеніями жизни, она пріобрѣла много друзей; одинъ въ особенности былъ ей полезенъ. Онъ былъ всего лишь мелкій стряпчій, но очень ловкая и хитрая пройдоха. Онъ былъ очень смышленъ не въ юриспруденціи, которую оставилъ въ покоѣ, но въ спекуляціяхъ... въ тѣхъ неопредѣленныхъ, но пышныхъ спекуляціяхъ въ дальнихъ, невиданныхъ мѣстахъ, въ южныхъ или западныхъ моряхъ, откуда легко вернуться съ исторіями о серебряныхъ рудникахъ и брилліантовыхъ копяхъ и о повелителяхъ дикарей, обитающихъ въ жалкихъ дворцахъ, но надѣленныхъ великодушными сердцами. Съ этимъ стряпчимъ лэди Джоанъ вела дѣятельную переписку, ласкала его, баловала, почти любила за то, что онъ былъ ей такъ полезенъ и звала его Теодоромъ, съ той трогательной дружеской фамильярностью, характеризовавшей всѣ ея отношенія съ самыхъ юныхъ лѣтъ ея жизни.

Письма, полученныя ею, были отъ Теодора. Онъ находился въ настоящую минуту не въ Тихомъ океанѣ, но въ хорошо знакомой ей конторѣ лондонскаго Сити. Онъ привезъ гигантское предпріятіе съ Коралловыхъ острововъ — предпріятіе, которое существовало пока еще только въ идеѣ, подобно тому, какъ и Левіаѳанъ въ началѣ находится лишь въ состояніи эмбріона.

Идея заключалась въ томъ, чтобы провести желѣзныя дороги по всѣмъ Коралловымъ островамъ и завести между ними пароходство; то-есть не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ выстроить дороги и завести пароходство, потому что Теодоръ совсѣмъ объ этомъ не думалъ, а думалъ только о томъ, о чемъ думаютъ всѣ умные

люди, а именно: получить концессію на постройку дорогъ и заведеніе пароходовъ. Денежные интересы Теодора были связаны съ Коралловыми островами; у него были тамъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ говорилъ, что у него тамъ есть, лѣса пряностей, сахарныя плантаціи; быть можетъ, цѣлые острова, быть можетъ, даже и нѣсколько женъ-дикарокъ; по крайней мѣрѣ онъ называлъ своими друзьями короля У-у-та и короля Фи-фи-фа, и короля Зи-зу-за и разныхъ другихъ черныхъ величествъ. Отъ этихъ королей онъ разсчитывалъ получить все, что ему нужно, и идея эта уже пустила корни во многихъ меркантильныхъ умахъ,— почвѣ, какъ извѣстно, весьма плодородной.

Объ этомъ-то писалъ теперь Теодоръ и надъ его письмами задумалась лэди Джоанъ. Она рѣшила, что Іорисъ отправится на Коралловые острова. Другія женщины сочли бы это столь же труднымъ, какъ снять куполъ св. Петра и перенести его черезъ горы. Но для лэди Джоанъ затрудненій не существовало.

— Онъ уѣдетъ туда, — сказала она самой себѣ и лицо ея прояснилось.—Она не видѣла другого средства отнять его у своей соперницы, какъ сослать. Она не стала ломать головы надъ тѣмъ, какъ она этого добьется. Ей удавались болѣе трудныя вещи.

Она придвинула чернильницу и стала писать письмо Теодору. «Здоровье Іо сильно пострадало отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и волненій», заключила она свое письмо. «Его терзаетъ желаніе разсчитаться съ старыми акціонерами. Нельзя негодовать на такое благородное, хотя и преувеличенное понятіе о долгѣ. Я думаю, что ваша идея какъ разъ то самое, что ему нужно. Я еще ему о ней не говорила. Когда все дѣло созрѣетъ, тогда мы станемъ дѣйствовать; вы скажете мнѣ. Лучше всего вамъ было бы самому пріѣхать; ваша комната готова. Путешествіе съ вами было бы ему полезно и кто знаетъ? Можетъ быть, мы всѣ со временемъ пустимся въ путь. Мнѣ давно уже хочется поглядѣть на эти дальнія страны и синія моря. Іо долженъ какъ-нибудь заработать деньги; пріѣзжайте, Тео, и поскорѣй».

И подписалась «Джоанъ», съ красивымъ росчеркомъ.

Но, написавъ письмо, она продолжала сидѣть угрюмая и нахмуренная. Хоть и сладка месть, а все же не на столько, чтобы заглушить горечь обмана и обиды.

Она пошла и сама опустила въ почтовый ящикъ письмо, какъ и слѣдуетъ умной женщинѣ—и затѣмъ отправилась дѣлать визиты.

— Ступайте туда сами, если хотите; я не поѣду,—отвѣтилъ

Іо съ раздражительнымъ пренебреженіемъ, когда заслышалъ объ этомъ планѣ. Онъ зналъ Теодора и считалъ его пошлымъ, хитрымъ интриганомъ, и терпѣть его не могъ.

— О, разумѣется, я пошутила,—поспѣшила она заявить, будучи слишкомъ умной, чтобы показать сразу всѣ свои карты.— Подумать только, чтобы я поѣхала! Развѣ я могу жить гдѣ-либо, кромѣ милой, старой Фіорделизы! Но шутки въ сторону, имѣешь ли ты понятіе, amor mio, какія суммы ты истратилъ на этихъ заморскихъ рабочихъ? Я свела итоги. Боюсь, что мнѣ придется сообщить тебѣ нѣчто... весьма непріятное. Хочешь я скажу тебѣ?..

— Послѣ, послѣ,—поспѣшно отвѣчалъ онъ.

— Хорошо,—сказала лэди Джоанъ съ тѣмъ изумительнымъ терпѣніемъ, къ которому она пріучила себя теперь.—Но только не брани *меня,* если наживешь хлопотъ, вотъ и все. Кстати мнѣ нужна еще артель въ девяносто рабочихъ, чтобы отдѣлать новые виноградники. Деньги? Ну, разумѣется, у тебя есть деньги для этихъ заморскихъ бестій, а для полезнаго, домашняго дѣла нѣтъ! Кстати, Іо, какого ты мнѣнія о примѣненіи нашего способа обработки и ирригаціи въ Тихомъ Океанѣ? Тео говоритъ, что почва тамъ изумительно плодородна, но нуждается въ хорошей обработкѣ, какъ и твоя земля, пока я не взяла ее въ руки.

— Ну, такъ возьми въ свои руки эти дикіе острова,—отрѣзалъ Іорисъ нѣсколько грубо и презрительно.

Она добродушно засмѣялась.

— Слишкомъ далеко ѣхать, да и въ Фіорделизѣ пока не могутъ обойтись безъ меня. Я никогда не любила никакого мѣста такъ, какъ Фіорделизу. Какъ я жду апрѣля мѣсяца, чтобы снова поселиться подъ милой, старой крышей. А ты?

Іорисъ молчалъ.

— Такъ какъ Фіорделиза моя,—началъ онъ съ колебаніемъ...

— То она значитъ и моя, — докончила она, улыбаясь ему.

Вошелъ м-ръ Чаллонеръ съ руками, по обыкновенію, биткомъ набитыми бумагами и газетами.

— Очень хорошая эта идея относительно Тихаго Океана,— сказалъ онъ самымъ торжественнымъ тономъ.—Обѣщаетъ много выгодъ. Теодоръ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ... Если бы только найти капиталиста и выпустить акціи? Чудный климатъ, очаровательное путешествіе, интересное, неиспорченное населеніе, почва, которая, говорятъ, можетъ считаться садомъ вселенной...

— Ты еще не пишешь объявленіе, Робертъ,—сухо замѣтила его жена. — Я спрашивала Іо, не хочетъ ли онъ прокатиться

туда. Морской воздухъ принесъ бы ему пользу; онъ кажется такимъ больнымъ. Дѣла такъ досаждаютъ ему.

— Я почти самъ готовъ ѣхать туда,—сказалъ м-ръ Чаллонеръ съ свойственнымъ ему духомъ самопожертвованія.—Я думаю, что тамъ можно найти великолѣпныя разновидности Ninfea, преимущественно Ninfea rubra.

— Всѣ мы со временемъ съѣздимъ туда, — объявила лэди Джоанъ съ присущей ей счастливой рѣшимостью:—какъ-нибудь въ промежуткѣ между сборомъ винограда и наступленіемъ весны, чтобы не быть очень долго въ отсутствіи изъ Фіорделизы.

Іорисъ стоялъ между ними въ знакомой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто бывалъ и которая давила его своими стѣнами и потолкомъ, но не находилъ въ себѣ силы закричать, какъ ему хотѣлось:—отставьте меня въ покоѣ! отвяжитесь отъ меня; пусть я буду разоренъ, но свободенъ. Онъ молчалъ, повѣсивъ голову, мѣняясь въ лицѣ, пока въ немъ шла борьба между желаніемъ сказать имъ правду и нерѣшительностью. Она взглянула на него своими проницательными глазами—и прочитала, что̀ творилось въ его душѣ, точно будто бы онъ высказалъ свои мысли. Нѣсколько времени тому назадъ она пришла бы въ неописанное бѣшенство, разразилась бы яростными упреками; но опасность, грозившая ей, сдѣлала ее благоразумной и она сдержала себя.

— Мы всѣ вмѣстѣ туда поѣдемъ,—повторила она, съ самой откровенной и веселой улыбкой.—Ты, Робертъ, поѣдешь за своими водяными лиліями, я за коралломъ, Іо затѣмъ, чтобы нажить состояніе. А затѣмъ мы привеземъ съ собой лиліи, кораллы и деньги обратно въ Фіорделизу и заживемъ счастливѣе, чѣмъ когда-либо.

М-ръ Чаллонеръ улыбался добродушнѣе, чѣмъ когда-либо.

— Мы, разумѣется, поѣдемъ съ тобой, душа моя, за лиліями и за коралломъ,—любезно отвѣчалъ онъ.—Что касается состоянія, то это какъ будетъ угодно Іо. Мы не имѣемъ право убѣждать, тѣмъ менѣе уговаривать его; онъ самъ себѣ господинъ; мы только его друзья.

Некому было слушать этихъ возвышенныхъ рѣчей, но м-ръ Чаллонеръ никогда не сбрасывалъ театральной тоги и не разставался съ театральной декламаціей даже въ интимномъ, семейномъ кружкѣ.

Лэди Джоанъ опять отправилась съ визитами.

— Теодоръ, — вы помните Теодора Уанта? — говорила она своимъ знакомымъ. Онъ гостилъ у насъ въ Фіорделизѣ два года тому назадъ—и зимою тоже. Вы знаете, что онъ пользуется огром-

нымъ вліяніемъ въ Тихомъ Океанѣ,—да, на всѣхъ этихъ удивительныхъ тропическихъ островахъ, гдѣ произрастаютъ разныя пряности, про которыя мы такъ много читаемъ, но ничему не вѣримъ: онъ спасъ тамъ жизнь нѣсколькимъ королямъ дикарей, и у него тамъ есть обширныя владѣнія; и ему, въ самомъ дѣлѣ, пришла въ голову прекрасная идея, а именно: устроить цѣлую сѣть парового сообщенія между всѣми островами; со временемъ изъ нихъ можетъ образоваться морской союзъ. Теодоръ мастеръ на различныя комбинаціи. Не пожелаете ли вы принять участіе въ дѣлѣ? Если да, то я сообщу вамъ все, чтó о немъ узнаю. Тео заѣдетъ сюда, прежде чѣмъ отправится обратно въ Тихій Океанъ. Мнѣ сдается, что это предпріятіе заинтересуетъ Іо. Если бы только оно помогло ему. Увы! да! онъ ужасно много денегъ ухлопалъ на этихъ иностранныхъ рабочихъ; никто другой этого бы не сдѣлалъ; но онъ такъ благороденъ и всегда готовъ пожертвовать собой. Бѣдный Іо! право, если бы мой мужъ не сдерживалъ его, то онъ разорился бы въ одну недѣлю. М-ръ Чаллонеръ тоже очень великодушенъ, но онъ практичнѣе Іо. Хотѣлось ли бы вамъ поглядѣть на эти Коралловые острова и на ихъ милое, первобытное, неиспорченное, младенческое населеніе? Мнѣ бы хотѣлось.

XX.

Іорисъ вышелъ изъ ихъ дома послѣ бесѣды о кораллѣ и водяныхъ лиліяхъ, и вернулся къ себѣ домой. Портретъ ея болѣе не висѣлъ у него на стѣнѣ; онъ снялъ его, сославшись на то, что боится какъ бы это не повредило ея репутаціи. Вмѣсто него, висѣлъ какой-то темный святой на золотомъ фонѣ, работы какого-то стариннаго мастера.

Но когда онъ взглядывалъ на то мѣсто на стѣнѣ, ему все мерещилось, что на него устремлены ея жесткіе глаза, хотя ихъ больше тамъ и не было.

Золотые плоды на апельсинныхъ деревьяхъ виднѣлись въ открытый балконъ; небо было нѣжное свѣтло-голубое, какимъ его любилъ Рафаэль; птицы щебетали. Наступила весна.

Онъ сидѣлъ, опершись головой на руки. Ему было и стыдно и больно, совѣсть упрекала его въ трусости; бремя обязательствъ и непоправимыхъ ошибокъ давило его. По временамъ дрожь пробѣгала по его тѣлу; онъ чувствовалъ глубокое утомленіе.

Онъ хорошо зналъ, что разоренъ или будетъ разоренъ въ

весьма близкомъ будущемъ. Это лишало его послѣдней воли и рѣшимости. Передъ нимъ лежала кипа нераспечатанныхъ писемъ; онъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ нихъ; эти часы дня онъ привыкъ проводить съ Etoile и, откидывая своей рукой волосы съ ея лба, съ улыбкой глядѣть въ ея глаза. Уныніе и печаль, овладѣвшія имъ въ настоящую минуту, почти убили его любовь къ ней.

«Зачѣмъ она послушала меня», — думалъ онъ съ самой нелогичной неблагодарностью, которая бываетъ въ любви. «Я не тотъ человѣкъ, какого ей надо, — и никогда имъ не буду».

Зачѣмъ не оставилъ онъ музу въ холодныхъ сферахъ искусства? Зачѣмъ познакомилъ онъ ее съ человѣческими радостями и горестями? Совѣсть упрекала его и ея угрызенія дѣлали его несправедливымъ и капризнымъ.

«Зачѣмъ повѣрила она мнѣ?» думалъ онъ.

Да! онъ почти желалъ, чтобы онъ никогда не любилъ ее, а она его.

Вдругъ дверь его комнаты отворилась и въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца появилась она. Онъ всталъ, пораженный видомъ ея лица, и зная, что важная причина привела ее къ нему въ домъ. Волосы ея падали на глаза, которые были мрачны и влажны; губы очень блѣдны. Она торопливо подошла къ нему; руки ея дрожали, дотрогиваясь до его рукъ.

— Я пришла; можетъ быть, я дурно сдѣлала; я не могла дождаться тебя. Говорятъ, мое имя стало сказкой въ ея домѣ и ты молча позволяешь клеветать на меня. Правда это? Это не можетъ быть правда. Ты вѣдь не трусъ?

Слова эти точно ножомъ рѣзнули его по сердцу. Онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Такъ-то ты вѣришь въ меня? — уклончиво проговорилъ онъ, съ досадой отталкивая ея руку.

— Неужели это правда, — пробормотала она. — Мнѣ передавали, что въ ея кружкѣ вошло въ обыкновеніе бранить меня, а ты стоишь и слушаешь, они распинаютъ меня, а ты отрекаешься... отрекаешься...

— Отъ чего?

— Отъ того, что любишь меня.

— Никто не знаетъ про нашу любовь; въ этомъ и заключается ея прелесть! Кто наговорилъ тебѣ этихъ вещей?

— Женщина, желающая мнѣ добра, да и тебѣ тоже. Она давно уже слышала это, но не рѣшалась сообщить мнѣ; наконецъ, рѣшилась. Другъ мой, неужели это правда?

— Что правда? — спросилъ Іорисъ съ нетерпѣніемъ и смущеніемъ. — Я не понимаю, о чемъ вы говорите. Вы совсѣмъ на себя не похожи.

— Не похожа! но неужели правда, что вы позволяете *ей* клеветать на *меня.*

Онъ сердито отошелъ и сталъ глядѣть на заходившее за апельсинными деревьями солнце. Совѣсть терзала его и онъ искалъ убѣжища въ притворномъ негодованіи и раздраженіи.

— Вы засидѣлись въ одиночествѣ и вамъ въ голову приходятъ всякія фантазіи. Почему вы не ѣздите въ свѣтъ, какъ тогда, когда я впервые съ вами познакомился? Это было бы гораздо благоразумнѣе и вамъ не приходили бы въ голову разныя нелѣпости.

— Когда васъ нѣтъ со мной, я лучше люблю быть одна, вы это знаете. Кромѣ того, я не могла бы вынести, если бы увидѣла васъ съ нею.

— Вы ревнуете?

— Я ревную!

Она произнесла это слово съ невыразимымъ презрѣніемъ. Ей казалось, что оно ставитъ ее на одинъ уровень съ этой низкой интриганткой и злой женщиной. Ревнуетъ, она! когда она нашла его въ рабствѣ и онъ самъ пришелъ къ ней съ жалобами, и научилъ ее презирать своего тирана!

— Не думаю, чтобы я ревновала, — холодно проговорила она. — Это слово неподходящее. Могу ли я ревновать къ той, которая, какъ вы сами давно мнѣ это сказали, вамъ опротивѣла? Нѣтъ, это не то.

— Нѣтъ, это то, — отвѣчалъ онъ, въ эту минуту забавляясь ея горемъ. — Да, вы ревнуете, моя гордячка. Но напрасно. Я не могу порвать съ нею теперь же... то-есть какъ съ знакомой, я запутанъ въ разныхъ дѣлахъ, какъ вамъ уже говорилъ. Что касается клеветы, то какъ могу я запретить ей говорить то, чтó ей взбредетъ на умъ. Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. И охота вамъ слушать разный вздоръ. Какъ! вы, моя муза, слушаете сплетни! О, какой стыдъ!

Слабая улыбка появилась у нея на лицѣ; она взглянула на него — и вся любовь ея выразилась въ этомъ взглядѣ.

— О, скажите только одно слово — и я повѣрю.

Его глаза не глядѣли на нее.

— Я уже говорилъ это слово. Этого довольно.

Сомнѣніе уязвило ее въ сердце, но она промолчала.

— Простите меня,—сказала она послѣ минутнаго молчанія,— если я васъ оскорбила.

— Я прощаю, — великодушно объявилъ онъ,—онъ, который былъ кругомъ виноватъ, и поцѣловалъ ее. Впервые она слегка отшатнулась отъ него.

— Она все еще не знаетъ истины? — устало спросила она.

— Нѣтъ. Я никогда не говорю съ ней о васъ. Этакъ лучше... пока.

— Когда же это кончится?

— Если бы я не былъ почти разоренъ, то сегодня же вечеромъ.

— Развѣ она можетъ помочь или повредить вамъ?

— Брошенная женщина всегда бываетъ злѣйшимъ врагомъ.

Etoile встала и снова поглядѣла на него.

Она была очень блѣдна.

— Но вы не позволите ей переѣхать въ Фіорделизу? Это по крайней мѣрѣ вы сдѣлаете для меня?

Онъ молчалъ.

Рѣшимость и энергическая воля, какихъ онъ еще никогда не замѣчалъ въ ней, выразились у нея на лицѣ.

— Вы не пустите ее въ Фіорделизу, если любите меня, я этого требую.

— Не пущу, клянусь вамъ.

Онъ говорилъ поспѣшно, но рѣшительно.

Послѣ этого она ушла изъ его дома, гдѣ почти никогда не бывала и не любила бывать, потому что онъ казался ей, также какъ и Фіорделиза, оскверненнымъ воспоминаніями о прошлой, низкой страсти.

Когда она выходила изъ него при свѣтѣ вечерняго солнца, двѣ темныхъ фигуры торопливо проходили по той сторонѣ улицы: то были двѣ сестры изъ-подъ Форума Траяна.

— Вотъ ея сторожевыя собаки, — прошепталъ онъ. — Онѣ видѣли васъ. Вамъ бы не слѣдовало пріѣзжать. Я бы самъ явился къ вамъ послѣ солнечнаго заката.

Онъ церемонно поклонился ей и остался съ непокрытой головой. Ея лошади умчали ее домой при лучахъ заката.

Сторожевой песъ поспѣшно направился въ Casa Чаллонеръ.

— У меня есть, наконецъ, положительныя доказательства, дорогая!—восклицало это удивительное существо. — Она вышла изъ его дома... *изъ его дома*... мы видѣли это собственными глазами..., пять минутъ тому назадъ!

Взглядъ лэди Чаллонеръ вдругъ сталъ очень холоднымъ.

— Я знаю это, душа моя,—спокойно отвѣчала она. — Она постоянно бываетъ у него. Что же Іо можетъ тутъ подѣлать, какъ не выпроводить ее всякій разъ изъ дому? Онъ джентльменъ и слишкомъ мягкосердеченъ, иначе поступилъ бы рѣзче.

— Но это отвратительно.

— Конечно; но чего же другого ждать отъ нея?

— Это отвратительно.

И сторожевая собака оскалила зубы... въ интересахъ нравственности... разумѣется. Лэди Джоанъ холодно улыбалась.

— Бѣдный Іо! онъ воображалъ, что она Коринна, десятая муза, и желалъ позабавиться, вотъ онъ теперь и наказанъ! Конечно, ему, бѣдному, очень тяжко приходится за то, что онъ полюбезничалъ въ моемъ домѣ съ иностранкой. Вы знаете, какъ Іо любезенъ съ дамами, но вѣдь вы знаете также, что это ровно ничего не значитъ.

Маржори знала это... знала по личному опыту. Она вздохнула и помолчала.

— Но почему вы не поговорите съ нимъ объ этомъ?—робко замѣтила она.—Вѣдь это, право, отвратительно.

Лэди Джоанъ расхохоталась.

— Поговорить съ нимъ! Покорно благодарю! Какое мнѣ дѣло? По-дѣломъ ему; самъ захотѣлъ поиграть съ огнемъ—и обжегся. Намъ съ вами, милочка, остается одно только: не водиться съ Etoile; мы съ ней и не водимся. Пусть Іо самъ выкарабкивается, какъ знаетъ, когда самъ наглупилъ.

XXI.

Прошло нѣсколько времени и отчужденіе между Etoile и Іорисомъ стало сказываться все сильнѣе и сильнѣе. Хотя страсть долго ослѣпляла Etoile и до сихъ поръ держала повязку на ея глазахъ, но теперь она смутно стала понимать что что-то неладно. Съ терассы своей дачи она могла видѣть вдали сѣрыя башни Фіорделизы, окруженныя темными кипарисовыми деревьями. Она глядѣла на темныя пятна, виднѣвшіяся еще дальше; то были его рощи, она это знала, и чувствовала себя утѣшенной. «Тамъ, по крайней мѣрѣ, ей больше никогда не бывать», думала она, «а если онъ не позволитъ ей ѣхать въ Фіорделизу, то она поневолѣ узнаетъ правду».

И она прохаживалась взадъ и впередъ по терассѣ, пока солнце не закатилось и сумракъ приближающейся ночи не скрылъ

отъ нея Фіорделизу. Слуга принесъ ей письмо... одно изъ тѣхъ краткихъ посланій, которыя разбиваютъ всю жизнь въ короткихъ, несложныхъ словахъ.

Письмо извѣщало ее, что ея парижскій домъ сгорѣлъ до основанія; ничто не было спасено, кромѣ ея собственнаго бюста, работы Шлезингера, а такъ какъ бѣда никогда одна не приходитъ, то другое извѣстіе гласило, что завѣдующій ея денежными дѣлами въ Бельгіи обокралъ ее и бѣжалъ.

Первая мысль ея была объ Іорисѣ. «Очень ли это огорчитъ его?»—Вѣдь я стала теперь вдвое беднѣе. И она приказала заложить лошадей и везти ее въ Римъ. Первымъ движеніемъ ея было сказать ему все и спросить его совѣта. Іориса не было дома. Она спросила, куда онъ уѣхалъ—впервые въ жизни разспрашивала она про него. Слуга, знавшій кое-что и о многомъ догадывавшійся, засмѣялся:—Гдѣ же ему быть, madama mia, какъ не въ Casa Чаллонеръ. Онъ пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ миледи въ пять часовъ и затѣмъ они вмѣстѣ уѣхали.

Etoile ничего не сказала; она прислонилась къ подушкамъ кареты, вся похолодѣвъ и поблѣднѣвъ

Слова этого человѣка словно зарѣзали ее.

— Вези въ Casa Чаллонеръ,—сказала она кучеру холоднымъ, звонкимъ голосомъ.

Слуга, стоявшій у дверей, услышалъ приказаніе и испугался; лошади направились къ Corso по озареннымъ луною и газовыми рожками улицамъ Рима. Чувство отвращенія безраздѣльно овладѣло ею. Ѣхать туда, найти его тамъ, бросить имъ въ лицо правду, выразить имъ все свое презрѣніе—вотъ что влекло ее впередъ.

Въ лунномъ сіяніи, у дверей дома, стояли двѣ фуры, запряженныя двумя волами и до-верху нагруженныя.

— Мы укладываемъ вещи, милэди,—сказалъ одинъ изъ слугъ ея кучеру на его вопросъ.—Милэди завтра переѣзжаетъ въ Фіорделизу. Ваша госпожа пріѣхала въ гости въ такую позднюю пору? Что-жъ, я пойду доложу; у насъ никого нѣтъ, кромѣ князя Іориса.

И онъ захохоталъ, какъ слуги въ Италіи хохочутъ надъ такими вещами—и пошелъ въ домъ.

— Вези меня дальше!—сказала Etoile кучеру и, остановивъ его въ одной изъ прилегавшихъ боковыхъ улицъ, вышла изъ экипажа и пошла одна по улицѣ.

Итакъ, ея соперница ѣхала въ Фіорделизу.

Оскорбленіе вонзилось ей въ душу, точно стрѣла. Она ѣдетъ въ Фіорделизу,—эта женщина, которую онъ не любилъ и прези-

ралъ; она будетъ жить въ его домѣ, проведетъ съ нимъ все лѣто, будетъ царить тамъ. Оскорбленіе казалось ей свыше силъ. Въ эту минуту страшной боли, страшнаго униженія Etoile утратила ясность души, терпѣливость и нѣжную жалость къ нему.

Она чувствовала себя обманутой, униженной и поруганной. Впервые, съ тѣхъ поръ, какъ губы его коснулись ея губъ, она думала не о немъ, а о самой себѣ.

Такія минуты глубокаго самоуниженія переживаются всѣми, кто любилъ глубоко. Она была горда и честна и безгранично вѣрила; она чувствовала, что обманъ, которому она подверглась, свыше ея силъ. Она прохаживалась взадъ и впередъ при ясномъ свѣтѣ лунной ночи, смѣнившей пасмурный и удушливый день.

Она совсѣмъ забыла о своихъ денежныхъ потеряхъ. Темный и спокойный уголокъ, гдѣ стоялъ домъ ея врага, былъ теперь совершенно безлюденъ. Волы ушли и увезли за собой фуры. Дверь была настежъ открыта. Привратникъ тоже ушелъ. Лампы горѣли при входѣ. Комнаты наверху были освѣщены и оттуда доносились звуки гитары и голосъ, пѣвшій страстныя народныя пѣсни. Etoile стояла у дверей въ нерѣшимости. Вдругъ до нея долетѣлъ мужской смѣхъ: то онъ смѣялся.

Она содрогнулась и отошла отъ дверей. Онъ могъ смѣяться тамъ,—онъ, говорившій ей:—сдѣлайте меня такимъ, какимъ вы желаете, чтобы я былъ, — я вашъ.—И вотъ онъ тамъ. Онъ обманывалъ ихъ обѣихъ.

Вдругъ въ тиши ночной раздался скрипъ запирающейся двери; она была возлѣ дома и увидѣла выходившаго изъ него Іориса.

Привратникъ, поспѣшно вернувшійся изъ погреба, заперъ за нимъ дверь и заложилъ ее крюкомъ для бо́льшей безопасности. Іорисъ пошелъ по тротуару въ тѣни стѣнъ, и вдругъ, увидѣвъ ее, остановился съ крикомъ радости и вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣва.

— Боже мой! что случилось?—поспѣшно проговорилъ онъ, и, оглядѣвшись кругомъ, и видя, что никого нѣтъ по близости, хотѣлъ взять ея руки; но она быстро отскочила отъ него.

— Такъ-то вы вѣрны мнѣ?—сказала она тихимъ голосомъ.

Онъ измѣнился въ лицѣ. И искалъ спасенія въ гнѣвѣ.

— Такъ-то вы стережете меня? что вы дѣлаете здѣсь въ такой поздній часъ? вы слѣдите за мной? я не хочу, чтобы вы слѣдили за мной.

— Вы завтра пустите ее въ свое помѣстье?

Онъ молчалъ.

— Она ѣдетъ туда? это правда?

Онъ не отвѣчалъ; онъ былъ очень блѣденъ и снова попытался завладѣть ея руками.

— Вы взволнованы и сердиты; вы на самое себя не похожи; какъ очутились вы на улицѣ въ этотъ часъ ночи? Гдѣ ваши слуги? Вы слѣдите за мной? я не хочу, чтобы вы слѣдили за мной; этого съ меня слишкомъ довольно и безъ васъ.

— Должно быть, не довольно, если вы все-таки къ ней ѣздите.

— А! вотъ и упреки! вы такая же женщина, какъ и другія; вы не выше ихъ; вы подозрѣваете, вы обвиняете.

— Я ничего не подозрѣваю, я вижу, что вы вышли изъ ея дома; вы не можете отрицать, что она переѣзжаетъ въ ваше помѣстье; вѣдь завтра она переѣзжаетъ въ Фіорделизу?

Онъ молчалъ.

— Переѣзжаетъ она завтра Фіорделизу?

Онъ молчалъ. Она засмѣялась—и смѣхъ этотъ оледенилъ его душу.

— И вы въ первыя же минуты нашего знакомства жаловались мнѣ на свое рабство! Къ чему вы дѣлали это, если вы сами этого хотите? къ чему вы возбуждали мою жалость, приходили ко мнѣ и плакались на свою судьбу? Кто изъ насъ ослѣпленъ? кто обманутъ? кто одураченъ? она или я? Что вы хотѣли всѣмъ этимъ доказать? къ чему вы лгали?

Каждое слово ея вонзалось въ его душу, какъ терніе; совѣсть горько упрекала его, но по тому самому онъ и разсердился.

— Вы оскорбляете меня! быть можетъ, я и заслужилъ это. Что остается дѣлать человѣку, когда его преслѣдуютъ двѣ женщины, слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, ловятъ каждое его слово? Я веду собачью жизнь! Ложь! да, я лгу! безъ свободы не бываетъ правды. Но вы такъ же мало оставляете мнѣ свободы, какъ и она.

— Я предоставляю вамъ полную свободу; вы можете идти къ ней, если хотите.

Кровь ударила ей въ голову; въ глазахъ потемнѣло; невыразимая горечь, невыразимое униженіе, невыразимая тревога кипѣли въ ней. Она сама почти не сознавала, что̀ говорила.

— Развѣ вы не вольны идти къ ней? идите къ ней и поднимайте на смѣхъ меня и мое имя; топчите меня въ грязь.

— Она никогда не говоритъ про васъ.

— Неправда. Она всѣмъ разсказываетъ, что я безнадежно

влюблена въ васъ, а вы молча слушаете и не опровергаете ее.

— Если вы вѣрите чужимъ сплетнямъ...

Непривычное волненіе ея выразилось рыданіями.

— О, милый мой! кому я повѣрю, если ты скажешь мнѣ, что это неправда? Цѣлому свѣту не повѣрю. Ну, скажи мнѣ по чести, что она знаетъ правду?

— Нѣтъ, она не знаетъ правды,— отвѣчалъ онъ съ несвойственной ему грубостью. — Нѣтъ, она не знаетъ правды. Я не говорилъ ей правды. Я трусъ. Вы этого признанія желали добиться отъ меня. Вамъ пріятно оскорблять меня?

Она не отвѣчала. Вдругъ она взяла его руки и прижала къ своей груди.

— Милый мой, я на колѣняхъ готова буду просить у тебя прощенія, если ты сейчасъ пойдешь къ ней въ домъ и скажешь ей всю правду. Сейчасъ же, не теряя минуты.

Сердце ея шибко билось.

Онъ глядѣлъ въ землю и не поднималъ на нее глазъ.

— Вы такая же женщина, какъ и всѣ другія, — сказалъ онъ съ раздражительной уклончивостью. — Вамъ не любовь моя нужна, а торжество надъ соперницей.

Она выпустила его руки и отвернулась отъ него. Послѣ всѣхъ тѣхъ любовныхъ часовъ, которые они провели вмѣстѣ, вотъ какъ онъ понималъ ее!

— Идите къ ней! — сказала она, отталкивая его рукой: — идите къ ней: она годится вамъ въ подруги, а не я.

Эти слова разлучили ихъ на-вѣки. Холодный свѣтъ луны легъ между ними. Не оглядываясь назадъ, ушла она отъ него въ сумракъ къ дожидавшемуся ее экипажу. Онъ стоялъ какъ человѣкъ, которому нанесенъ смертельный ударъ, но который отъ гордости не показываетъ и вида, что онъ задѣтъ. Онъ не послѣдовалъ за нею. Жизненные пути ихъ разошлись на-вѣки, подобно тому, какъ холодный свѣтъ луны разлучилъ ихъ тѣни. Вверху, въ домѣ, тихо затворилось одно окно и за нимъ въ потемкахъ женщина весело расхохоталась, очень довольная. Все удается тѣмъ, кто умѣетъ ждать. Ей оставалось ждать терпѣливо и молча, не двигая, повидимому, ни однимъ пальцемъ для достиженія своей цѣли, и цѣль будетъ достигнута. Держаться зубами и ногтями за свою добычу, и быть глухой и слѣпой ко всѣмъ, кто говорилъ ей правду — вотъ въ чемъ заключалась ея сила — и она побѣдила.

А завтра поѣдетъ въ Фіорделизу.

XXII.

Пять часовъ пополудни бьетъ на часахъ въ Фіорделизѣ. На старой терассѣ слышится стукъ чашекъ, носится дымъ отъ сигаръ и раздаются звуки гитары. Красная Ђупоніа на южной стѣнѣ вся покрыта цвѣтами; павлинъ расхаживаетъ по длинной травѣ; пчелы носятся надъ цвѣтами земляники. Лэди Джоанъ смѣется и поетъ, настраивая свою гитару; она откинулась на спинку низенькаго плетенаго стула, и чувствуетъ себя вполнѣ счастливой.

У ней гости; нѣсколько приличныхъ, добродушныхъ господъ расхаживаетъ послѣ завтрака по цвѣтнику. Въ числѣ ихъ м-ръ Сильверли Бель шепчетъ миссисъ Максрипъ:

— О, да! это уже теперь старая исторія, но, къ несчастію, вполнѣ, вполнѣ достовѣрная.

— Неужели? она сторожила его въ полночь?

— Да! совершенно вѣрно! и у дверей дома милой лэди Джоанъ, и произвела такой скандалъ! И точно будто бы лэди Джоанъ принимаетъ какое-нибудь... не совсѣмъ приличное участіе въ нашемъ другѣ.

М-ръ Сильверли Бель вздыхаетъ и кажется огорченнымъ.

— О, нѣтъ, это преувеличено... по крайней мѣрѣ, я думаю, что это преувеличено. Іорисъ вѣдь джентльменъ; *онъ* ничего ровно не говоритъ; и трудно узнать истину, но нѣкоторые прохожіе говорятъ, что... право, это такъ печально. Она мнѣ нравилась одно время. Да! у ней пріятныя манеры, пока не узнаешь ее покороче... Но, у ней нѣтъ нравственности... и нѣтъ состоянія!... знаете, говорятъ, она понесла большія денежныя потери и гонялась за Іорисомъ въ ту ночь, чтобы онъ помогъ ей въ ея денежныхъ затрудненіяхъ. Но вѣдь это только ухудшаетъ дѣло.

— О! да, только ухудшаетъ, — подтвердила миссисъ Максрипъ: — я по крайней мѣрѣ никогда не вожусь съ артистами и рада, что и на этотъ разъ осталась вѣрна своему правилу.

— Да, вы хорошо сдѣлали! — произнесъ Сильверли Бель и вздохнулъ.

— Вы, значитъ, больше не бываете у ней? — спросила миссисъ Кламсъ.

М-ръ Бель чувствуетъ, какъ его сѣдые волосы встаютъ дыбомъ на его головѣ.

— Бывать у ней! Бывать у ней! My dear madame!

— Вы такъ страшно добродѣтельны, м-ръ Бель, что спасли бы Содомъ и обратили бы Лота въ соляной столбъ, — кричитъ эта веселая особа, забавно путая библейскія событія.—Альбертъ, велите подать кабріолетъ и принесите мою шаль.

Миссисъ Генри Кламсъ, которая не глупа въ своемъ родѣ и привезла съ собой юморъ янки изъ своихъ родныхъ лѣсовъ, забавляется всѣмъ, чего здѣсь наслушалась, и смѣется про себя, уѣзжая.

— Честное слово!—бормочетъ она, направляя кабріолетомъ въ ворота,—если бы Альбертъ влюбился въ другую женщину, я бы не съумѣла такъ ловко отдѣлаться отъ нея и оставить ее въ дурахъ. Честное слово! у меня бы не хватило терпѣнія. Я бы просто побѣжала и отхлопала ее по щекамъ.

И она мысленно склоняется передъ превосходствомъ лэди Джоанъ.

Красное солнце заходитъ; красные цвѣты горятъ. Маленькая Эффи играетъ. М-ръ Чаллонеръ, мирно растянувшись въ креслѣ, дремлетъ, прикрывъ глаза носовымъ платкомъ и размышляетъ... Коралловые острова далеко. Іорисъ бѣденъ. Еще нѣсколько удачныхъ спекуляцій, и кто знаетъ! Старыя помѣстья быстро разоряются, а старыя имена быстро меркнутъ. Фіорделиза красивое мѣсто. Она будетъ славнымъ приданымъ со временемъ для маленькой Эффи: и кажется съ помѣстьемъ связанъ титулъ?

И м-ръ Чаллонеръ видитъ въ своемъ воображеніи дѣтей Эффи, царящихъ тамъ, гдѣ не суждено родиться дѣтямъ Іориса.

Сторожевая собака смиренно сидитъ въ тѣни у стеклянной двери и вышиваетъ подушку, начатую ея пріятельницей и надоѣвшую ей, и время отъ времени бросаетъ долгіе, голодные, тревожные взгляды на Іориса и думаетъ про себя.

— Festina lente! Pazienza! кто знаетъ? иногда испорченная, усталая и равнодушная душа достается тому, кто сторожитъ ее, подобно тому какъ красивая бабочка съ перешибленнымъ крылышкомъ попадаетъ въ паутину терпѣливо-снующаго въ потемкахъ свою основу паука: кто знаетъ?

Жена м-ра Чаллонера, съ перевязью отъ гитары на плечѣ, тоже закрыла глаза, но не мечтаетъ, потому что рѣдко позволяетъ себѣ такія глупости. Она женщина практичная, а не простушка. Она думаетъ, думаетъ и улыбается.

Она получила все, чего желала, и очень довольна; она чувствуетъ себя побѣдоносной, какъ великій Наполеонъ. Она одна

царить въ Фіорделизѣ. Въ крайнемъ случаѣ у нея есть Теодоръ и Коралловые острова. Если Іорисъ будетъ непокоренъ, она пошлетъ его на Коралловые острова и будетъ говорить обществу:—Ахъ! бѣдный Іо! такъ это, право, печально! Мы дѣлали все, что̀ могли, чтобы спасти его помѣстье!

И она, и общество будутъ любезно улыбаться другъ другу. И она думаетъ объ этомъ, и картина эта такъ нравится ей, что она тоже начинаетъ дремать и грезить, пока гитара не выскальзываетъ у ней изъ рукъ и струны, убаюкивавшія такъ много ушей любовными пѣснями, не порываются.

Одинъ Іорисъ не грезитъ, потому что для него умерла надежда и свобода погибла навсегда.

А. Э.

ИТАЛІЯ

и

ВИКТОРЪ ЭММАНУИЛЪ.

„Italia una e Vittorio-Emmanuele!"
Garibaldi.

— Pie IX et Victor-Emmanuele. Histoire contemporaine de l'Italie. Par Jules Zeller, membre de l'Institut. Paris. 1879.

— Un empereur, un roi, un pape, une restauration. Par Anatole Leroy-Beaulieu. Paris. 1879.

I.

Скоро исполнится десятилѣтіе, какъ совершилось единство Италіи, и странно было бы, конечно, удивляться теперь самому освобожденію этой страны. Въ ней самой выросло уже молодое поколѣніе, не видавшее ея рабства. Для остальной же Европы въ послѣднія двадцать лѣтъ политическая панорама двигалась такъ быстро; та формальная исторія, которая состоитъ въ передѣлкѣ границъ и смѣнѣ царствованій, была такъ обильна событіями и впечатлѣніями, что и освобожденіе Италіи представляется уму большинства какъ-бы зауряднымъ фактомъ въ числѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ. Но за то будущіе историки, продолжатели всемірной хроники, едва ли не отмѣтятъ возрожденіе Италіи какъ удивительнѣйшій и наиболѣе утѣшительный изъ великихъ фактовъ, намъ современныхъ. Этого мало: фактъ этотъ — единственный въ своемъ родѣ во всей новой исторіи. Первая учительница новыхъ народовъ, посредница между классической древностью и новой

наукой, страна, манившая къ себѣ мечи всѣхъ завоевателей и мечты всѣхъ поэтовъ, многомилліонный, единый по природѣ народъ—въ продолженіи многихъ вѣковъ не располагали собой; цивилизація, духъ страны были подавлены рабствомъ, народъ не имѣлъ отечества. Лучшіе умы въ самой Италіи въ теченіи вѣковъ могли только мечтать объ устраненіи такой вопіющей несправедливости, а въ остальной Европѣ мечты эти даже поэтами считались за несбыточныя; даже эти поэты провозглашали Италію страною мертвыхъ. «Если Италія—царство мертвыхъ», писалъ Джусти Ламартину, «то почему же Австрія держитъ у насъ сто тысячъ солдатъ? Вѣдь мертвые не возстаютъ».

И вдругъ, Италія освободилась отъ иноземнаго ига, Италія объединилась, Италія явилась великой державой! Какъ это могло случиться? Правда, мы сжились съ этимъ явленіемъ и оно уже не удивляетъ насъ. Но если перенестись мыслью назадъ за четверть вѣка, если справиться, ка́къ смотрѣли на вѣроятность возрожденія Италіи даже тѣ самые итальянскіе патріоты, которые хотѣли вѣрить въ его неминуемость, то совершившееся все-таки представляется чѣмъ-то въ родѣ чуда. Въ первомъ томѣ записокъ, оставленныхъ французомъ Мишлѐ, приведена замѣтка, написанная имъ въ 1854 году въ Италіи, на которую можно сослаться здѣсь какъ на любопытное свидѣтельство о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ разговора съ нѣсколькими итальянскими патріотами, происходившаго въ тотъ самый день, когда составлена эта замѣтка. Изъ нея видно, что Мишлѐ приходилось еще *спорить*, что Италія должна быть единой, спорить съ такими людьми, какъ Манчини, Макки, Сперони. Несмотря на опытъ 1849 года, они еще только мечтали о союзѣ итальянскихъ государей; несмотря на казни патріотовъ, послѣдовавшія въ Римѣ, какъ и въ другихъ столицахъ Италіи за возстаніемъ, они еще вѣрили въ возможность освобожденія Италіи посредствомъ союза ея государей, подъ главенствомъ папы. О помощи извнѣ, то-есть о помощи Франціи они не хотѣли и слышать, полагая, что Франція, изгнавъ австрійцевъ, непремѣнно возьметъ себѣ весь сѣверъ. Эта замѣтка, писанная такъ-сказать по горячимъ слѣдамъ разговора съ итальянскими патріотами, показываетъ, что еще въ 1854 году, то-есть за годъ до того момента, когда Кавуръ, принявъ участіе въ восточной войнѣ, заложилъ основу международной постановки итальянскаго вопроса, сами патріоты еще не предвидѣли практическаго пути къ освобожденію Италіи, какъ страстно они его ни желали. Они сомнѣвались въ силѣ одного Пьемонта, они не довѣряли Франціи и—хуже всего—они не вѣрили въ согласіе

самихъ итальянцевъ между собою. Неудача Карла-Альберта, республиканское противодѣйствіе, какое ему оказывалъ Мадзини, сила муниципальнаго духа и вмѣстѣ разрозненность, взаимная зависть большихъ городовъ — все это, казалось, исключало возможность успѣшнаго дѣйствія сардинскаго правительства въ согласіи со свободнымъ народнымъ почином̃ъ.

А между тѣмъ, именно оно-то и оказалось возможнымъ. Французы разбили австрійцевъ на поляхъ Ломбардіи—вотъ все, что̀ сдѣлали они. Это было очень много, конечно. Они сдѣлали то, чего сама Италія не могла бы сдѣлать, какъ то было доказано неудачей мысли Карла-Альберта, что l'Italia farà da se. Но такъ точно, впослѣдствіи, пруссаки своими побѣдами въ Богеміи, а затѣмъ на французской территоріи, изгнали австрійцевъ изъ Венеціи и самихъ французовъ изъ Рима. Объединеніе же Италіи было дѣломъ самихъ итальянцевъ, причемъ сардинское правительство хотя и воспользовалось народнымъ почином̃ъ, но шло именно позади его, иногда его сдерживало, а въ одномъ случаѣ даже прямо ему противодѣйствовало, сознавъ его несвоевременность (попытка Гарибальди въ 1862 г. и сраженіе при Аспромонте).

На дѣлѣ ни недовѣрія, ни взаимной зависти вовсе не оказалось; общество, народъ оказались зрѣлѣе, чѣмъ сами себя считали. Мало того: въ странѣ, которая подъ игомъ рабства считалась погребенною, въ этомъ «царствѣ мертвыхъ», общество оказалось способнымъ къ исполненію либеральнѣйшей изъ всѣхъ конституцій континента. Этого опять никто въ Европѣ не ожидалъ. Заключивъ виллафранкскій миръ, который оставлялъ освобожденіе Италіи недодѣланнымъ, Наполеонъ III сказалъ Виктору-Эммануилу: «посмотримъ теперь, что̀ итальянцы съумѣютъ сдѣлать сами». Итальянцы отвѣтили на это сдѣлавъ то, чего Наполеонъ вовсе не имѣлъ въ виду: онъ хотѣлъ дать Пьемонту Ломбардію,—а они объединили всю Италію. Самъ Гизо, почти наканунѣ своего паденія и паденія іюльской монархіи, 11 февраля 1848 года, сказалъ во французской палатѣ депутатовъ о конституціи, которую возстаніе въ Неаполѣ требовало у короля Фердинанда II: «потребуется еще десять лѣтъ, двадцать лѣтъ прежде, чѣмъ народы Италіи могутъ имѣть конституцію». Правда, конституція короля Фердинанда оказалась ложью, но не по волѣ народа. Гораздо раньше, чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, этотъ народъ упрочилъ за собой конституцію даже болѣе либеральную, чѣмъ та, которую самъ Гизо погубилъ во Франціи, и несравненно болѣе широкую, чѣмъ та, какая еще двадцать-два года послѣ 1848 года существовала на родинѣ Гизо.

Вотъ этотъ-то, если можно такъ выразиться, — величайшій сюрпризъ всей новѣйшей исторіи, представленный счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, совокупностью замѣчательныхъ людей, и неожиданнымъ умѣньемъ, тактомъ и энергіею народа, считавшагося погребеннымъ, и до сихъ поръ продолжаетъ вызывать изученіе. Въ прошломъ году смерть двухъ виднѣйшихъ дѣятелей эпохи, заключившейся полнымъ объединеніемъ Италіи, дала новый толчокъ изысканіямъ о времени еще недавнемъ. Одновременно сошли со сцены и Викторъ-Эммануилъ и Пій IX, и европейская печать вспомнила, что новый строй, создавшійся вокругъ нихъ, тотъ строй, къ которому она успѣла привыкнуть, представлялся всего лѣтъ двадцать-пять назадъ совершенной невозможностью, какою онъ считался и многіе вѣка передъ тѣмъ. Послѣ кончины основателя итальянскаго королевства, писатели, перенесясь мыслью къ началу его царствованія, къ окружавшему его разочарованію и казавшейся полной безъисходности, какъ-бы спросили себя: не сонъ-ли это?

Взявъ для обозрѣнія двѣ новыя книги, въ которыхъ выступаютъ личности короля Виктора-Эммануила II и папы Пія IX, мы не намѣрены представлять связнаго разсказа фактовъ той революціи и тѣхъ войнъ, которыя создали освобожденіе и единство Италіи. Эти факты слишкомъ извѣстны. Насъ интересуетъ болѣе характеристика, чѣмъ хроника, и мы хотимъ только подмѣтить нѣсколько сравнительныхъ чертъ, личныхъ штриховъ и фактовъ менѣе извѣстныхъ, которые могутъ представлять интересъ для современнаго читателя.

II.

Здѣсь прежде всего представляется одно сравненіе. Вѣдь въ наше время совершилось и другое объединеніе, не менѣе важное въ смыслѣ практической политики, чѣмъ объединеніе Италіи. На нашихъ глазахъ создалась германская имперія. И дѣйствительно, въ образованіи этихъ двухъ національныхъ единствъ есть черты сходства. Оба они создались, главнымъ образомъ, во имя отпора внѣшнему врагу. Оба они торжествовали надъ Австріей, оба руководившія ими правительства вступали въ борьбу съ папской властью. Наконецъ, хотя унитарная мысль находила въ Германіи раньше, чѣмъ въ Италіи, многочисленныхъ приверженцевъ, но нѣтъ сомнѣнія, что для массы германскаго народа, да и для самого прусскаго правительства примѣръ Италіи, примѣръ

Пьемонта послужилъ сильнымъ толчкомъ для созданія единства Германіи. Оба факта однородны; но и осуществились они несовсѣмъ одинаково, и цѣна ихъ различная. Уже самый приступъ къ дѣлу былъ различенъ и даже взаимно-противоположенъ въ обѣихъ странахъ. Сардинскіе короли, начиная дѣло, прежде всего обратились за содѣйствіемъ къ принципу политической свободы. Карлъ-Альбертъ собственнымъ почином дал статутъ 1848 года, а Викторъ-Эммануилъ крѣпко держался его, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что первую основу для освобожденія Италіи утвердилъ именно онъ, — онъ лично. Послѣ пораженія сардинскихъ войскъ при Новарѣ, австрійскій фельдмаршалъ Радецкій, предписавъ молодому королю условія мира, предложилъ затѣмъ значительно смягчить ихъ — въ случаѣ, если бы король согласился отмѣнить конституцію и отказаться отъ трехцвѣтнаго національнаго знамени. Старые друзья его отца, пьемонтскіе аристократы, совѣтовали ему уступить; мать и жена его, обѣ австрійскія эрцгерцогини, умоляли его пожертвовать для реальныхъ выгодъ тѣмъ клочкомъ бумаги, о которомъ курфюрстъ гессенскій выражался такъ: «ich will zwischen dem lieben Gott und mir kein Stück Papier». Примѣръ всѣхъ прочихъ государей Италіи, которые при приближеніи австрійцевъ уже отмѣнили или спѣшили отмѣнить вынужденныя у нихъ вольности, былъ на лицо. Но этотъ молодой человѣкъ, будущій король всей Италіи, не уступилъ этимъ совѣтамъ и просьбамъ, не поддался этимъ примѣрамъ. Онъ согласился на всѣ требованія Радецкаго, но сохранилъ статутъ, — сохранилъ ту политическую свободу, какой въ то время не было нигдѣ на континентѣ Европы, за исключеніемъ развѣ Бельгіи, Нидерландовъ и Скандинавіи. Не говоря уже о личной честности, которая и заслужила Виктору-Эммануилу въ устахъ народа лучшее изъ всѣхъ прозвищъ, нельзя не признать, что недаромъ же и Радецкій торговался изъ-за отмѣны пьемонтскаго статута, а Викторъ-Эммануилъ справедливо видѣлъ въ немъ главную силу своего маленькаго государства. Свобода въ Сардиніи должна была притянуть къ ней всю Италію.

И въ Пруссіи, во всей Германіи, были люди, которые разсуждали сходно. Такова была программа Nationalverein'а—объединеніе Германіи либеральною Пруссіей; этого добивались либеральныя партіи въ самой прусской палатѣ представителей—расширенія политической свободы въ тогдашней монархіи Гогенцоллерновъ, установленія дѣйствительно парламентскаго правленія—для привлеченія къ Пруссіи всей Германіи. Но не такъ раз-

суждали тѣ люди, которые явились руководителями *ея* объединенія.

Если предположить, что король Вильгельмъ прусскій при вступленіи на престолъ уже имѣлъ намѣреніе дѣйствовать въ смыслѣ объединенія, то слѣдуетъ признать, что путь къ этому въ дѣлахъ внутреннихъ представлялся лично ему совсѣмъ иной, чѣмъ королю сардинскому. При самомъ своемъ короновaніи онъ счелъ нужнымъ торжественно напомнить націи, что его призваніе дано ему свыше, а не указаніемъ народа, и заявленіе въ этомъ смыслѣ въ свое время произвело между либералами переполохъ. Уже по этому началу видно, что король—впослѣдствіи императоръ—расходился съ ними въ самомъ основномъ пунктѣ и признавалъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія національной цѣли не расширеніе политическихъ правъ прусскаго народа, но укрѣпленіе королевской власти. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ конфликтъ королевской власти съ народными представителями, — конфликтъ, при которомъ министры, въ самыхъ ясныхъ и нѣсколько разъ повторенныхъ выраженіяхъ, напоминали, что въ Пруссіи существуетъ königliches Regiment, а не parlamentarisches System. Правительство воспользовалось тѣми искаженіями, какія еще Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV-мъ были самовольно сдѣланы въ конституціи, одобренной парламентомъ, и, объявляя, что въ этой конституціи есть пробѣлы, управляло совершенно по своему усмотрѣнію: производило преобразованіе арміи на основаніяхъ несогласныхъ съ требованіями второй палаты, нѣсколько разъ распускало ее, и, несмотря на ясную волю страны, выражавшуюся въ повторительномъ, неоднократномъ избраніи прежнихъ депутатовъ, дѣйствовало по-своему,— не обращало вниманія на выражаемое министрамъ недовѣріе, обходилось нѣсколько лѣтъ безъ утвержденнаго народными депутатами бюджета и собирало подати безъ ихъ согласія.

Открывая сессію 1859 года, въ то время, когда уже предвидѣлась новая война съ Австріею, король сардинскій говорилъ: «Пьемонтъ — малъ по своей территоріи, но онъ великъ тѣми сочувствіями, какія внушаетъ, и тѣми идеями, которыя имъ представляются». Прусскій министръ-президентъ Бисмаркъ, продолжавшій конфликтъ съ палатой въ тотъ моментъ, когда готовился къ первому шагу на пути къ объединенію, говорилъ депутатамъ: «не парламентскими рѣчами и не рѣшеніями большинства созидается могущество государствъ, но желѣзомъ и кровью».

Такое коренное различіе въ пріемахъ обоихъ правительствъ

сопровождалось не меньшимъ различіемъ и въ отношеніи обоихъ народовъ къ созданію единства. Достаточно напомнить, что война съ Австріею, повлекшая за собой присоединеніе къ Пруссіи Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау, вольныхъ городовъ, и основаніе сѣверогерманскаго союза, была предпринята вопреки желаніямъ либеральнаго большинства сейма въ самой Пруссіи. Что на помощь прусскому правительству не явилось волонтеровъ, что никакой нѣмецкій Гарибальди не раздѣлилъ съ Бисмаркомъ славы объединенія, это зависѣло, положимъ, отъ презрѣнія прусскаго милитаризма къ такимъ солдатамъ, которые не бывали на плацпарадахъ. Но что присоединяемыя нѣмецкія земли вовсе не приняли пруссаковъ въ свои объятія при самомъ ихъ появленіи, что баварскія и ганноверскія войска бились противъ нихъ со всей энергіею мѣстнаго патріотизма, что большинство населенія, особенно въ вольныхъ городахъ, вовсе не желало присоединенія къ Пруссіи, что на Франкфуртъ-на-Майнѣ объединители, осуществлявшіе національную идею, наложили контрибуцію въ 25 милл. талеровъ, какъ на враждебный завоеванный городъ— все это представляетъ уже черту весьма характерную. Она рѣзко отличаетъ отношеніе германскаго народа къ совершенію единства отъ того участія, какое въ томъ же дѣлѣ принялъ въ Италіи самъ народъ.

Здѣсь, еще при приближеніи войны 1859 года, на помощь сардинскому королю стеклись волонтеры, и изъ нихъ составился значительный отрядъ Гарибальди, на долю котораго и выпалъ одинъ изъ первыхъ успѣховъ похода противъ австрійцевъ (при Варезе). Когда заключенный въ Виллафранкѣ миръ предположилъ возвращеніе бѣжавшимъ государямъ средней Италіи ихъ владѣній, то само населеніе Тосканы, Модены, Пармы, въ которыхъ не было сардинскихъ войскъ, воспротивилось этому; народныя собранія этихъ провинцій провозгласили королемъ Виктора-Эммануила. Въ Моденѣ, Фарини объявилъ, что «Италія не ставитъ своей скрѣпы на виллафранкскомъ мирѣ». Риказоли въ Тосканѣ, Фарини въ Моденѣ и Пармѣ, Чипріани въ Болоньѣ заключили особую военную лигу этихъ областей и Гарибальди принялъ начальство надъ войскомъ этой лиги. Для этого ему пришлось выдти изъ сардинской службы, гдѣ онъ числился генералъ-маіоромъ. Провинціи лиги послали депутаціи свои въ Туринъ, но самъ король Викторъ-Эммануилъ могъ только обѣщать имъ, что будетъ «ходатайствовать предъ державами». Что касается Наполеона III, въ рукахъ котораго, казалось, должна была находиться въ то время судьба Италіи, то онъ не хотѣлъ

допускать ничего подобнаго. Еще во время войны онъ послалъ въ Тоскану принца Наполеона, какъ-бы разсчитывая на возможность устроить тамъ отдѣльный престолъ для двоюроднаго брата. Когда же области средней Италіи не хотѣли принимать своихъ прежнихъ владѣтелей и рѣшали избраніе Виктора-Эммануила, то въ оффиціальномъ «Moniteur français» явилось сообщеніе, которое напоминало, что возстановленіе государей средней Италіи есть одно изъ основныхъ условій виллафранкскаго мира; что измѣнить этихъ условій нельзя иначе, какъ новой войною. «Но пусть Италія» — гласили заключительныя, памятныя слова сообщенія — «не впадаетъ въ ошибку: во всей Европѣ только одна держава способна весть войну изъ-за идеи; а Франція уже исполнила свою задачу». Переговоры въ Цюрихѣ продолжались на основаніи прелиминарныхъ условій, заключенныхъ въ Виллафранкѣ, и въ видѣ программы окончательнаго устройства Италіи, Наполеонъ III предлагалъ федерацію ея государствъ,—федерацію, въ которой участвовала бы и Австрія, какъ обладательница Венеціи! Присоединить къ Пьемонту онъ соглашался только Парму и Піяченцу.

Мы не разсказываемъ всего хода событій; намъ нужно только указать черту энергической самодѣятельности итальянскаго народа для объединенія. Извѣстно, что Наполеонъ согласился на присоединеніе средней Италіи только цѣною уступки ему Ниццы и Савойи. Но пока продолжались переговоры, одно являлось несомнѣннымъ фактомъ, а именно, что само населеніе средней Италіи не допуститъ исполненія виллафранкскаго мира, что реставрація прежнихъ государей невозможна. Гарибальди приказомъ по своему войску возвѣстилъ о вѣроятности скорой борьбы. Тогда изъ всѣхъ концовъ Италіи, не только изъ центра ея, но и изъ Венеціи, и изъ Неаполя, стали стекаться къ нему новые волонтеры. Открылъ свои дѣйствія комитетъ dell'unità; открыта была повсюду подписка на пріобрѣтеніе милліона ружей. Гарибальди въ другомъ воззваніи обращался уже и къ неаполитанцамъ, приглашая ихъ свергнуть Франциска II, наслѣдовавшаго Фердинанду: «Братья, мы дрались съ австрійцами, этими наглыми притѣснителями Италіи, и васъ съ нами не было. Побѣдные клики раздавались на всѣхъ нарѣчіяхъ языка, кромѣ на вашемъ; а между тѣмъ и ваши сердца сильно бьются за дѣло страны».

Личное вмѣшательство Виктора-Эммануила потребовалось, чтобы сдержать тогда же, въ ноябрѣ 1859 г., возстаніе, которое могло возобновить войну съ Австріею. По слову Виктора-Эммануила, Гарибальди отказался отъ похода въ Неаполь и сло-

жилъ съ себя командованіе, но, удаляясь на Капреру, приглашалъ своихъ товарищей оставаться вѣрными дѣлу объединенія подъ знаменемъ Виктора-Эммануила. Отдѣльныя правительства Пармы, Болоньи и Модены соединились въ одно и союзъ средней Италіи принялъ имя Эмиліи. Преемникомъ Гарибальди былъ генералъ Фанти; у него уже было войско въ 30,000 человѣкъ, порядочно обученныхъ.

Когда уладилось дѣло о передачѣ Наполеону Ниццы и Савойи, тогда и произошло, наконецъ, соединеніе средней Италіи съ Пьемонтомъ. Но и окончательно произошло оно не въ видѣ занятія съ бою, съ наложеніемъ контрибуціи, какъ было въ Германіи, а въ видѣ народныхъ плебисцитовъ (въ мартѣ 1860 г.), въ отсутствіи сардинскихъ войскъ. И каковы были результаты этихъ плебисцитовъ: въ Тосканѣ за присоединеніе 360,775 голосовъ, противъ—14,925. Въ прочихъ областяхъ 426,006 *за* и 756 *противъ!* Только послѣ плебисцитовъ, Викторъ-Эммануилъ двинулъ свои войска въ присоединившіяся области.

Картина выходитъ совсѣмъ иная, чѣмъ та, какая представляется объединеніемъ Германіи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что итальянскій народъ сильнѣе и единодушнѣе желалъ въ 1859 и 1860 годахъ объединенія, чѣмъ народъ германскій—въ 1866 и даже въ 1870 годахъ. Единодушіе это явилось именно сюрпризомъ для самихъ итальянцевъ. Существовавшія опасенія насчетъ взаимной зависти большихъ городовъ оказались напрасными. Хотя зависть эта существовала, да и теперь еще существуетъ, но въ моментъ великаго народнаго порыва она оказалась ничтожною, въ сравненіи съ общей ненавистью къ иноземному игу, съ общимъ влеченіемъ къ тѣмъ свободнымъ учрежденіямъ, которыя представлялись Пьемонтомъ и были уже неразлучны съ властью Виктора-Эммануила.

Еще рельефнѣе, чѣмъ въ объединеніи средней Италіи, выразился народный починъ въ объединеніи Италіи южной. Возстаніе въ Сициліи привлекло къ себѣ на помощь Гарибальди. Въ маѣ 1860 г., онъ съ 1,200 волонтеровъ, собранныхъ въ Генуѣ, и четырьмя пушками, отправляется на двухъ купеческихъ корабляхъ къ сицилійскому берегу, въ то время, какъ двѣ тысячи волонтеровъ, собранныхъ въ Тосканѣ, подъ начальствомъ Никотеры и Піанчани угрожали Риму. Высадившись въ Марсалѣ, Гарибальди разбиваетъ при Калатафими неаполитанскаго генерала Ланди; отрядъ его растетъ по часамъ и къ Палермо онъ подходитъ уже съ 10 т. чел. Какъ только ему удалось взять первую баррикаду въ Палермо, жители бросились въ ряды

неаполитанскихъ солдатъ, съ просьбами и угрозами. Произошло такое замѣшательство, что Гарибальди вдругъ появился уже въ ратушѣ. Когда же неаполитанскій генералъ Ланца заперся въ нѣсколькихъ зданіяхъ и сталъ бомбардировать городъ, то на пожаръ приспѣло населеніе ближайшихъ деревень и начался штурмъ занятыхъ неаполитанскими солдатами зданій. Скоро сообщенія между ними были прерваны и Ланца заключилъ капитуляцію. Все это совершилось въ двѣ недѣли.

Затѣмъ, въ половинѣ іюля, Гарибальди отплылъ къ Мессинѣ, уже осажденной ранѣе его сподвижниками, Козенцомъ и Медичи. Въ своей прокламаціи онъ впередъ объявилъ, что вступитъ въ Мессину такого-то числа — и вступилъ этого числа. Теперь у него было уже 20 т. чел., онъ имѣлъ даже импровизированную кавалерію. Но что̀ значили эти силы противъ 80 тысячъ регулярныхъ войскъ, остававшихся у короля Франциска II? Мало того: французское правительство сильно настаивало въ Туринѣ противъ всякаго поощренія предпріятію Гарибальди. Король Викторъ-Эммануилъ писалъ ему 25 іюля: «вамъ извѣстно, любезный генералъ, что я не одобрялъ вашего отъѣзда въ Сицилію. Теперь же, для прекращенія войны итальянцевъ съ итальянцами, я вамъ совѣтую отказаться отъ перехода на твердую землю неаполитанскихъ владѣній, если только неаполитанскій король согласится предоставить свободу сицилійцамъ». На это Гарибальди 27 іюля отвѣчалъ: «государь, сожалѣю, что не могу послушаться васъ, какъ бы желалъ. Настоящее положеніе Италіи не позволяетъ мнѣ колебаться: меня зоветъ народъ. Я не исполнилъ бы своего долга и погубилъ бы итальянское дѣло, если бы не повиновался его голосу. Когда я свергну иго, тогда положу шпагу къ ногамъ вашего величества и буду повиноваться вамъ во всю остальную мою жизнь».

Понятно, что самъ Кавуръ втайнѣ благопріятствовалъ предпріятію Гарибальди. Это подозрѣвалось и въ то время. Но теперь обнародованы документы, которые уже не оставляютъ никакого сомнѣнія по этому предмету. Такъ, на другой же день послѣ приведеннаго отвѣта Гарибальди, Кавуръ писалъ сардинскому адмиралу Персано, который стоялъ съ эскадрой вблизи сицилійскаго берега: «я радуюсь побѣдамъ итальянскаго оружія. Передайте Гарибальди отъ меня пожеланія успѣха. Не вижу, какимъ образомъ могли бы теперь помѣшать его переходу на твердую землю. Предпріятіе не должно оставаться на полъ-дорогѣ. Національное знамя, поднятое въ Сициліи, должно развѣваться по всему королевству и вдоль берега Адріатики, и даже и на самой

владычицѣ этого моря (Венеціи)». Итакъ, тайныя внушенія Кавура прямо противорѣчили его оффиціальнымъ увѣреніямъ; онъ игралъ въ двойную игру, обманывалъ Европу. Но дѣло въ томъ, что велъ-то игру въ Сициліи и Неаполѣ не онъ. Эти волонтеры, этотъ Гарибальди, это мѣстное возстаніе, эти жители, нападающіе сзади на неаполитанскія войска, наконецъ —нерѣшительность и деморализація, проявившіяся въ неаполитанской арміи въ виду общаго сочувствія народа къ возстанію, все это—такое оружіе, которымъ сардинское правительство, положимъ, могло воспользоваться, но которое не имъ было создано. Это—проявленія нравственнаго состоянія народа,—факторы, въ которыхъ несомнѣнно выразился его собственный починъ. Принудить людей къ возстанію нельзя, и разъ оно началось, управлять имъ не легко и не всегда возможно. При высадкѣ Гарибальди въ Сициліи и затѣмъ его высадкѣ на другой берегъ, пособіе, оказанное народному самодѣйствію сардинскимъ правительствомъ, фактически ограничивалось тѣмъ, что оно не помѣшало предпріятію Гарибальди. Сардинскій флотъ могъ перехватить его суда, но не сдѣлалъ этого. А секретныя внушенія или сочувствія Кавура могли только обнадеживать народнаго вождя, но дѣлать дѣло онъ долженъ былъ все-таки самъ, опираясь на народный энтузіазмъ.

Въ половинѣ августа, Гарибальди высадился на неаполитанскомъ континентѣ, близъ Реджо, и при Монталеонѣ разбилъ неаполитанскихъ генераловъ Боско, Віале, Бриганти. Въ самомъ Неаполѣ господствовало полное смятеніе и революціонныя воззванія распространялись почти безпрепятственно.

И теперь Гарибальди за нѣсколько дней объявилъ приказомъ, что вступитъ въ Неаполь 7-го сентября. И вотъ, въ назначенный день, онъ сѣлъ въ коляску съ начальникомъ штаба и адъютантами, и преспокойно въѣхалъ въ Неаполь, гдѣ еще стояли неаполитанскія войска. Населеніе приняло его со всѣми заявленіями восторга, свойственными южному темпераменту. Передъ королевскимъ дворцомъ, Гарибальди вошелъ въ одинъ домъ и, выйдя на балконъ, снялъ шляпу передъ народомъ. Онъ сказалъ: «Неаполитанцы, мнѣ отрадно было вступить въ прекраснѣйшій изъ городовъ Италіи. Ваша свобода обрадуетъ всѣхъ итальянцевъ и для всего человѣчества будетъ утѣхой. Я явился къ вамъ одинъ; явился не для того, чтобы завоевать васъ, но чтобы протянуть вамъ руку. Теперь мы соединены и можемъ пренебречь всѣмъ, чтобы исполнить нашу задачу. Мы ничего ни у кого не просимъ, мы только хотимъ нашей Италіи—и Италія будетъ!»

Что Гарибальди не былъ только орудіемъ сардинскаго правительства и что управлять народнымъ возстаніемъ посредствомъ дипломатическихъ внушеній трудно — это доказывалось дальнѣйшими событіями. Сдѣлавъ свое дѣло на югѣ (неаполитанскій король укрылся съ 12 тыс. солдатъ въ крѣпость Гаэту), Гарибальди открыто заявилъ намѣреніе идти въ папскія владѣнія и на самый Римъ. Когда въ Сициліи хотѣли голосовать немедленное присоединеніе къ королевству Виктора-Эммануила, Гарибальди выступилъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Народъ палермскій! Скажи тѣмъ трусамъ, которые прятались въ то время, когда ты дрался на баррикадахъ, что мы провозгласимъ присоединеніе къ королевству короля-честнаго человѣка, но провозгласимъ это присоединеніе съ вершины Квиринала, когда Италія увидитъ собранными всѣхъ своихъ дѣтей». Съ правительствомъ Виктора-Эммануила, которое внушало осторожность, онъ ссорился; онъ даже написалъ королю письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы тотъ отставилъ своихъ министровъ. Между тѣмъ, сверхъ французскаго отряда въ Римѣ, папа имѣлъ 12 т. собственнаго войска подъ начальствомъ генерала Ламорисьера. Теперь наступилъ моментъ, когда сардинское правительство должно было рѣшиться на серьёзный шагъ. Въ Урбинѣ и Монтефельтро уже произошли возстанія. Должно было случиться одно изъ двухъ: или революціонныя силы разсѣяли бы войско Ламорисьера и овладѣли Римомъ; тогда въ Римѣ могла быть провозглашена республика; вообще при дальнѣйшемъ дѣйствіи однѣхъ силъ народныхъ, спрашивалось еще, чѣмъ революція увѣнчала бы зданіе единства, созданнаго ею одной? Если же Ламорисьеръ разбилъ бы повстанцевъ, въ такомъ случаѣ революція объявила бы преступнымъ нейтралитетъ Пьемонта. Поэтому сардинское правительство воспользовалось новой вспышкой, случившейся въ Фоссомброне и подавленной Ламорисьеромъ. Пьемонтская армія подъ начальствомъ Чальдини вступила въ Урбино, въ то время, когда въ другомъ пунктѣ папскую границу переходилъ генералъ Фанти. Ламорисьеръ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ настоящее время довольно странно вспомнить, что противъ такого нарушенія свѣтской власти папы протестовали не только Франція, но и Пруссія и Россія. Прусское правительство прислало прямо ноту въ Туринъ, а князь Горчаковъ жаловался на Пьемонтъ императору Наполеону. Единственной заслугой Наполеона III въ исторіи и останется освобожденіе Италіи отъ иноземнаго ига. Если вспомнить, что военныя приготовленія Пруссіи въ 1859 году способствовали къ скорѣйшему прекра-

щенію войны, предпринятой имъ за Италію, то представляется вовсе не невѣроятнымъ предположеніе, что не будь его, Пруссія вмѣстѣ съ Австріею не допустили бы занятія пьемонтцами папскихъ владѣній. Но Наполеонъ III до несчастной мексиканской экспедиціи не былъ похожъ на того нерѣшительнаго, путающагося въ собственныхъ своихъ комбинаціяхъ человѣка, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи. Французскій министръ отвѣчалъ князю Горчакову, что необходимо безусловно держаться принципа невмѣшательства; что поводомъ для внѣшней войны могло бы послужить только нападеніе Пьемонта на Венеціянскую область и, что даже въ этомъ случаѣ Франція осталась бы нейтральной только подъ условіемъ, чтобы Германія не принимала участія въ этой войнѣ. Но чтобы удостовѣрить передъ державами (въ томъ числѣ и передъ Россіей) свое искреннее намѣреніе защищать папу въ Римѣ, Наполеонъ усилилъ составъ находившагося тамъ французскаго корпуса.

Это былъ моментъ, когда графъ Кавуръ и король Викторъ-Эммануилъ рѣшились завершить дѣло революціи, не дозволивъ ей отклониться куда-нибудь въ сторону отъ первоначальной мысли объединенія Италіи подъ властью сардинскаго короля. То, что было сдѣлано въ Мархіяхъ, слѣдовало сдѣлать и на югѣ, и самъ Гарибальди, мимо воли, далъ къ тому поводъ. Онъ былъ взбѣшенъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ Кавура въ Мархіяхъ, придавая движенію сардинскихъ войскъ смыслъ недовѣрія Кавура къ итальянской революціи и лично къ нему, Гарибальди; такъ это въ дѣйствительности и было. Поэтому онъ рѣшился сдѣлать то, чего сардинцы не смѣли довершить: взять Римъ съ бою. Гарибальди откровенно высказалъ свое намѣреніе лорду Элліоту, посѣтивъ его на англійскомъ кораблѣ. — «Вы разсчитали-ли», спросилъ его адмиралъ — «каковы будутъ послѣдствія вашего столкновенія съ французами?» — «Римъ — городъ итальянскій», отвѣчалъ Гарибальди. «Я не боюсь Франціи, ничто меня не удержитъ; единство Италіи должно свершиться».

Началомъ движенія его на Римъ должно было служить нападеніе на отрядъ неаполитанскихъ войскъ, стоявшій на берегу Гаэтскаго залива. Первая аттака ему удалась и онъ овладѣлъ пунктомъ, который господствовалъ надъ позиціями неаполитанцевъ. Но черезъ три дня самъ Францискъ II сдѣлалъ вылазку изъ Гаэты и снова отнялъ этотъ пунктъ, а въ Неаполѣ распространились слухи, что Гарибальди, слывшій въ воображеніи народа непобѣдимымъ, потерпѣлъ пораженіе. Это происходило 23 сентября 1860 г. Въ этотъ моментъ смѣлый шагъ сардин-

скаго правительства могъ достигнуть нѣсколькихъ цѣлей: оказать военную помощь Гарибальди, вырвать его изъ рукъ Мадзини, Саффи и другихъ республиканскихъ совѣтниковъ, отвратить безумную его попытку на Римъ и вмѣстѣ—присоединить южную Италію къ свободной Италіи Виктора-Эммануила.

Кавуръ обладалъ тѣми практическими свойствами, которыми славится и Бисмаркъ, его «подражатель», какъ говорилось нѣкогда. Вѣрный взглядъ и быстрая рука—вотъ ихъ общія свойства. Но средства совсѣмъ несходны. Убѣдивъ короля, что моментъ для рѣшительнаго шага наступилъ, Кавуръ тотчасъ созвалъ парламентъ, и уже 2 октября, то-есть на девятый день послѣ военной неудачи Гарибальди, открыто попросилъ у парламента полномочія—занять области южной и средней Италіи съ тѣмъ, чтобы тамошнія населенія могли выразить свое желаніе присоединиться къ Италіи свободной, управляемой королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Между прочими аргументами, Кавуръ привелъ и необходимость прекратить неопредѣленное, революціонное состояніе Юга. «Мы объявляемъ отъ имени короля,—сказалъ онъ,—что какъ бы ни выпало рѣшеніе народа (въ южной Италіи), оно будетъ свято исполнено. Но если допустить неопредѣленное продолженіе революціонной стадіи въ Неаполѣ и Палермо, то власть и командованіе въ скоромъ времени могутъ перейти изъ рукъ того, кто начерталъ на своемъ знамени *Италія и Викторъ-Эммануилъ* (Гарибальди), въ руки такихъ людей, которые замѣнятъ эту практическую формулу—темнымъ и мистическимъ символомъ секты: *Богъ и народъ* (Мадзини)».

Полномочіе на совершеніе этого дѣла Кавуръ просилъ въ видѣ выраженія правительству парламентомъ полнаго довѣрія. Въ докладѣ коммиссіи по этому предмету и въ рѣчахъ Кавура выражалось всякое уваженіе и удивленіе къ «герою», «знаменитому патріоту», освободившему Югъ и т. п. При этомъ же случаѣ, Кавуръ открыто заявилъ, что столицею Италіи долженъ сдѣлаться Римъ, но оставилъ нерѣшеннымъ вопросы: «какъ» и «когда». Онъ заключилъ вторую свою рѣчь объявленіемъ, что «самъ готовъ идти навстрѣчу къ Гарибальди, протянетъ ему руку, призывая его къ согласію, во имя парламента и Италіи». Парламентъ большинствомъ 290 голосовъ противъ 6 выразилъ министерству полное довѣріе.

Такимъ умнымъ и чисто-конституціоннымъ образомъ рѣшенъ былъ вопросъ между сардинскимъ правительствомъ и Гарибальди. Въ глазахъ всей Италіи, какъ соединенной, такъ еще и не принадлежавшей къ монархіи Виктора-Эммануила, собраніе пред-

ставителей Пьемонта, Ломбардіи, Тосканы и Эмиліи было законнымъ органомъ желаній всего итальянскаго народа. Послѣ рѣшенія парламента, Гарибальди, если бы и хотѣлъ, не могъ бы противиться. Партикуляризмъ, который въ Неаполѣ сталъ-было выражаться то республиканскими заявленіями, то предложеніемъ короны самому Гарибальди (ему представлялись двѣ депутаціи, выразившія такое желаніе), былъ вырванъ съ корнемъ именно «рѣшеніемъ парламентскаго большинства»; между тѣмъ Бисмаркъ, года три спустя, приступая къ первому шагу объединенія Германіи, утверждалъ именно, что не «рѣшенія парламентскаго большинства создаютъ могущество государствъ».

Вотъ гдѣ основное различіе между объединеніемъ Италіи и Германіи. Различное по самому своему происхожденію, то и другое впослѣдствіи и получило различный характеръ.

Послѣ постановленія парламента, Гарибальди оставалось только согласовать съ нимъ свои дѣйствія. Онъ рѣшился предложить неаполитанскому народу плебисцитъ. Въ новомъ сраженіи съ войсками Франциска II, попытавшагося прорвать линіи Гарибальди и проникнуть въ Неаполь, диктаторъ былъ поддержанъ двумя полками сардинскихъ берсальеровъ. Это было видимымъ знакомъ примиренія. Гарибальди назначилъ продиктаторомъ маркиза Паллавичино, одного изъ неаполитанскихъ либераловъ, преданнаго Виктору-Эммануилу. Обращаясь къ народу 13-го октября, Гарибальди уже предвѣщалъ прибытіе новаго короля, и въ письмахъ къ нему торопилъ его. «Примемъ,— сказалъ онъ народу, — посланнаго провидѣніемъ; пусть слова: «единая Италія и король - честный человѣкъ», останутся вѣчными символами итальянскаго возрожденія». Народное голосованіе по вопросу о присоединеніи прежняго королевства «Обѣихъ Сицилій» къ итальянской монархіи происходило 21-го октября. Результатъ былъ слѣдующій: 1.310,266 голосовъ *за* присоединеніе, 100,000 пустыхъ билетовъ и 10,012 отрицательныхъ.

Викторъ-Эммануилъ и Гарибальди встрѣтились 26-го октября, близъ Теано. Оба выѣхали изъ фронта своихъ войскъ и пожали другъ другу руки. Волонтеры прокричали: «да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ!» А Гарибальди прибавилъ: «король Италіи!».

Въ Неаполѣ король, въ сопровожденіи Гарибальди, принялъ результатъ плебисцита, одновременно произведеннаго въ Умбріи и Мархіяхъ. Въ прокламаціи короля по поводу этихъ событій говорилось: «всенародное голосованіе дало мнѣ верховную власть въ этихъ благородныхъ областяхъ». Гарибальди удалился на

Капреру, а 13-го февраля 1861 года сдалась Гаэта, подвергнутая сильной бомбардировкѣ сардинскою артиллеріею. Францискъ II уѣхалъ въ Римъ.

III.

Припомнивъ себѣ эти факты, мы естественно приходимъ къ выводу, что, несмотря на наружное сходство объединенія въ Италіи и Германіи, первое осуществилось пріемами въ значительной степени различными отъ тѣхъ, какіе были употреблены для второго. Недавно, передъ закрытіемъ нынѣшней сессіи германскаго сейма, князь Бисмаркъ хвалился, что если конституціонный порядокъ удержался въ самой Пруссіи, несмотря на блестящіе успѣхи ея внѣшней политики, то это зависѣло отъ доброй воли лично его, князя Бисмарка. Онъ сказалъ, что въ 1866 году, послѣ побѣдъ надъ Австріею и ея союзниками, ему бы ничего не стоило возстановить въ Пруссіи абсолютизмъ, и что если онъ этого не сдѣлалъ, то руководствовался только личнымъ убѣжденіемъ. И нельзя не повѣрить германскому канцлеру. Если самыя войны за объединеніе онъ могъ начать съ усиленія конфликта съ парламентомъ, то нельзя сомнѣваться, что, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ, онъ могъ и совершенно устранить представительный образъ правленія. Но это только доказываетъ, что, по сознанію самого князя Бисмарка, германскій народъ никакого почина и никакого участія въ дѣлѣ объединенія не имѣлъ. Оно было достигнуто исключительно государственными силами, казенными средствами. Между тѣмъ въ Италіи государственныя силы — «желѣзо» Пьемонта и Франціи и кровь ихъ солдатъ — доставили Виктору-Эммануилу *только одну Ломбардію.* Да и то только при личномъ довѣріи, какое внушалъ этотъ король итальянскимъ либераламъ, и при нахожденіи въ его войскахъ отряда волонтеровъ и Гарибальди — въ Ломбардіи не возникла на этотъ разъ та рознь, какую вызвалъ въ ней Мадзини при Карлѣ-Альбертѣ. Тоскана, Модена и Парма, Сицилія и Неаполь, Умбрія и Мархіи были даны Виктору-Эммануилу народнымъ починомъ, народной революціею.

И то сказать: объединеніе для Италіи представлялось дѣломъ первостепенной, жизненной необходимости. Необходимость эта въ Италіи была столь несомнѣнна и велика, что въ сравненіи съ нею стремленіе къ объединенію въ Германіи было, можно сказать, прихотью. Германской національности, которая имѣла среди

пяти великихъ державъ двѣ державы нѣмецкія, главнымъ образомъ, хотѣлось пріобрѣсть такую международную роль, которой она, при раздвоеніи, не могла играть. Вотъ что было въ сущности главное—и это сдѣлано, но больше ничего и не сдѣлано. Правда, при этомъ германскіе либералы понимали единство въ томъ самомъ смыслѣ, какъ оно осуществилось въ Италіи; для Пруссіи они начертывали программу «нравственныхъ завоеваній»; въ черно-красно-золотомъ знамени они представляли себѣ, кромѣ военнаго могущества единой Германіи, еще и полное торжество либеральныхъ учрежденій, побѣду принципа народнаго самоуправленія и въ такихъ обиженныхъ судьбою мѣстностяхъ, каковы были Голштинія съ нѣмецкимъ Шлезвигомъ, Кургессенъ, Ганноверъ и Мекленбургъ. Но собственно эти стремленія осуществлены были объединеніемъ въ весьма слабой степени. Само черно-красно-золотое знамя, какъ извѣстно, осуществилось въ нѣсколько иномъ видѣ. Золотой цвѣтъ, который, можетъ быть, и долженствовалъ изображать собой золотыя мечты о германской свободѣ, былъ замѣненъ болѣе трезвой и скромной бѣлой краской, которою издавна отмѣчались прусскіе шлагбаумы.

Въ Кургессенѣ, дѣйствительно, не стоятъ теперь такъ-названные «карательные баварцы» (Strafbaiern), которые были присланы прежнимъ союзомъ на постой, для рѣшенія между народомъ и курфюрстомъ вопроса о конституціи 1830 года. Но Кургессенъ теперь, какъ и Ганноверъ—прусскія провинціи, и та прусская конституція, какою онѣ пользуются, не многимъ лучше прежней ганноверской, а въ сравненіи съ кургессенскою — менѣе либеральна. Мекленбургъ, по прежнему, конституціоннымъ правленіемъ не пользуется. Конечно, Голштинія и нѣмецкій Шлезвигъ теперь свободны отъ притѣсненій датчанъ. Но за то датскій Шлезвигъ попалъ подъ нѣмецкое притѣсненіе. Да и довольны ли эти «моремъ объятые братья» (Schleswig-Holstein meerumschlungen), объ освобожденіи которыхъ столько пѣлось 30 лѣтъ тому назадъ? Отвѣтъ можно найти въ избирательной статистикѣ, по которой оказывается, что освобожденные прусскимъ «желѣзомъ и кровью» братья стоятъ въ Германіи въ первомъ ряду по числу посылаемыхъ ими въ имперскій сеймъ соціалистовъ.

Да, наконецъ, если не соблазняться созвучіемъ словъ, но сравнивать реальные факты, то что такое были знаменитыя датскія притѣсненія въ Шлезвигъ-Голштиніи, въ сравненіи съ тѣми, отъ которыхъ страдала Италія, и отъ которыхъ она желала избавиться освобожденіемъ и—залогомъ его—единствомъ? Это были такія мелочныя притѣсненія, которыя далеко уступали всему, что

нынѣ практикуется нѣмцами въ Эльзасѣ-Лотарингіи и въ Познани: обязательность изученія государственнаго языка въ школахъ, веденіе административныхъ дѣлъ на этомъ языкѣ, смѣна учителей, назначеніе въ пасторы и чиновники природныхъ датчанъ, а не нѣмцевъ, какъ прусское правительство издавна назначаетъ въ своихъ инородческихъ областяхъ нѣмцевъ, а не туземцевъ.

Всякія притѣсненія, конечно, несправедливы и позволительно желать освобожденія отъ нихъ. Но могли ли совершавшіяся въ Шлезвигъ-Голштиніи дѣла изъ-за грамматикъ, и изъ-за мѣстъ, выдерживать хоть отдаленное сравненіе съ тѣми бѣдствіями, какія переносила Италія отъ иноземнаго ига и деспотическихъ правительствъ, имъ поддерживаемыхъ? Нѣтъ! здѣсь десятки, а иногда сотни людей томились въ крѣпостномъ заключеніи, года не проходило безъ казней, почти непрерывно лилась кровь, иногда цѣлыми потоками. Народная литература была подавлена, школы были подъ надзоромъ шпіоновъ, цѣлые города, какъ Венеція, разорялись.

Примѣровъ можно привести сколько угодно. Вся исторія Италіи съ двадцатыхъ годовъ до ея объединенія есть исторія секретныхъ обществъ, попытокъ возстаній, народныхъ войнъ за освобожденіе и ряда казней во всѣхъ большихъ городахъ, не исключая самого Турина, до царствованія Карла-Альберта. Достаточно привесть одинъ примѣръ: вооруженный народъ въ Брешіи, получивъ извѣстіе о пораженіи Карла-Альберта при Новарѣ, въ 1849 году, не хотѣлъ повѣрить и продолжалъ сопротивленіе австрійцамъ. Послѣ двухдневнаго страшнаго боя сперва на укрѣпленіяхъ, потомъ на улицахъ, въ которомъ австрійцы лишились 1 генерала, 3 полковниковъ, 38 офицеровъ и 1,500 солдатъ, триста домовъ въ городѣ были разрушены, и австрійскій генералъ Гайнау, захвативъ сотню такъ-называемыхъ «зачинщиковъ», всѣмъ имъ отрубилъ головы. Это ужъ нѣчто иное, чѣмъ споры между датскими и нѣмецкими учителями.

При вступленіи Виктора-Эммануила на престолъ, въ 1849 г., австрійскіе гарнизоны стояли въ Пармѣ, Моденѣ, Болоньѣ, Флоренціи, Ливорнѣ, въ Миланѣ и Венеціи. Въ Римѣ стояли французы. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ существовалъ безнравственнѣйшій деспотизмъ; патріоты были въ тюрьмахъ, національная мысль была убита, всѣмъ правила полиція, и эта полиція была за-одно съ разбойниками. Что́ подобнаго было въ Германіи, при вступленіи на престолъ Вильгельма I?

Да, повторяемъ, если сравнивать не однозвучныя слова:

«освобожденіе», «возрожденіе», «національное единство», но тѣ реальные факты, которые лежали въ основѣ этихъ стремленій, то и придется признать, что объединеніе Германіи было прихотью, роскошью, вопросомъ національнаго самолюбія, въ сравненіи съ объединеніемъ Италіи, которое было насущной потребностью, вопросомъ о жизни или смерти. Пусть такъ, скажутъ намъ; но оттого-то самъ итальянскій народъ и потрудился болѣе для объединенія, болѣе рисковалъ, болѣе жертвовалъ, чѣмъ народъ германскій. Но вѣдь больше этого мы ничего и не хотимъ доказать; цѣль нашего сравненія вовсе не та, чтобъ прославить доблесть итальянскаго народа насчетъ германскаго; это было бы ребячествомъ. Дѣйствительно, итальянскій народъ болѣе постарался самъ именно потому, что ему объединеніе было безъ всякаго сравненія нужнѣе, чѣмъ нѣмцамъ. Но дѣло въ томъ, что отсюда, въ свою очередь, и истекло огромное различіе въ самыхъ пріемахъ объединенія, а затѣмъ въ томъ характерѣ, какой оно получило въ обѣихъ названныхъ странахъ и тѣхъ послѣдствіяхъ, какія оно произвело здѣсь и тамъ. Народный характеръ итальянскаго объединенія обусловливалъ то, что оно совершалось во имя политической свободы и послужило прочнымъ для нея залогомъ. Милитарный характеръ германскаго объединенія сдѣлалъ то, что сумма политической свободы въ Германіи нисколько отъ него не увеличилась. Свободная жизнь, свободное развитіе, дарованное 25-ти-милліонному народу, представителю старѣйшей въ Европѣ цивилизаціи, вѣка томившемуся въ рабствѣ, было безусловнымъ благодѣяніемъ для человѣчества; это дѣло столь же утѣшительно, какъ постепенное освобожденіе балканскихъ народностей отъ ига турецкаго; но въ виду культурнаго значенія Италіи, оно еще цѣннѣе. Основаніе же германской имперіи доселѣ ровно ничего для блага человѣчества не произвело. Если при ней голштинцы и кур-гессенцы менѣе стѣснены, чѣмъ прежде, за то шлезвигскіе датчане, эльзасцы, прусскіе поляки стѣснены болѣе прежняго. Объединеніе же Италіи представляетъ еще ту свѣтлую сторону, что оно ни на кого не наложило новаго ига. Въ германской имперіи прусскій духъ милитаризма охватилъ всѣ подраздѣленія германскаго отечества. И единственные пути, по которымъ доселѣ сильно развернулась дѣятельность въ этой имперіи, все были пути совершенно безплодные для человѣчества: страшное развитіе спекуляціи и крахъ, исключительныя мѣры противъ духовенства, а потомъ исключительныя мѣры противъ соціалистовъ. Но это еще не все. Духъ милитаризма, воплощенный въ могущественнѣйшемъ нынѣ изъ евро-

пейскихъ государствъ, по отношенію къ однѣмъ странамъ — представляетъ постоянную опасность насилій въ будущемъ, а по отношенію къ другимъ странамъ — несомнѣнную задержку внутренняго ихъ развитія.

Въ Италіи только объединеніе могло дать свободу національной мысли, такъ какъ оно одно могло отмѣнить рабство. Въ Германіи, наоборотъ, національная мысль была свободнѣе при прежнемъ раздѣленіи. То, что запрещалось въ одномъ изъ ея владѣній, въ другомъ появлялось безпрепятственно. А нынѣ союзный совѣтъ принимаетъ общія мѣры по имперіи относительно печати. Впрочемъ, при всякихъ сравненіяхъ, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и съ чѣмъ именно сравнивается. Германскіе порядки мы сравниваемъ теперь только съ итальянскими, и они оказываются хуже этихъ послѣднихъ.

IV.

Бросивъ взглядъ на отличительныя черты итальянскаго объединенія, мы должны теперь хоть нѣсколько остановиться и взглянуть на личныя черты перваго короля Италіи. Это нужно потому, что именно личность короля-честнаго человѣка была весьма существеннымъ факторомъ объединенія. Она привлекала народъ и внушала ему довѣріе; объединеніе совершалось дѣйствительно во имя Виктора-Эммануила. У него былъ умный, пожалуй—геніальный министръ Кавуръ. Но Кавуръ былъ популяренъ только въ Пьемонтѣ, да еще въ Римѣ, пожалуй, гдѣ все сардинское нравилось, такъ какъ освобожденіе здѣсь именно казалось всего труднѣе. Но въ остальной Италіи Кавуръ популяренъ не былъ, а «партія дѣйствія», та партія, которая шла во главѣ движенія, положительно не довѣряла ему и по временамъ относилась къ нему самымъ враждебнымъ образомъ. Въ немъ она видѣла человѣка, который смотрѣлъ на нее какъ на орудіе. Но Виктору-Эммануилу вѣрили. Особенное счастье было для Италіи, что при такомъ кризисѣ въ ея исторіи былъ на лицо человѣкъ съ огромнымъ личнымъ обаяніемъ. Въ этомъ именно отношеніи Викторъ-Эммануилъ наиболѣе замѣчателенъ. Его любилъ Гарибальди, несмотря на свою вражду къ его первому министру, несмотря на рану, которую получилъ въ бою отъ сардинскаго берсальера. Германскій императоръ нисколько не измѣнилъ своихъ отношеній къ Виктору-Эммануилу, когда тотъ, будучи въ Берлинѣ, послѣ войны 1870 года, представилъ ему

двухъ своихъ министровъ слѣдующими словами: «вотъ тѣ господа, благодаря которымъ я не объявилъ вамъ войны (за Францію)». Папа Пій IX, неоднократно провозглашавшій полныя отлученія отъ церкви (excommunicatio major), падавшія прежде всего именно на сардинскаго короля, не перестававшій до самой смерти, въ каждомъ публичномъ заявленіи громить «похитителей», этотъ непреклонный старикъ, лишенный королемъ владѣній,—странно сказать!—въ душѣ своей едва ли не сочувствовалъ Виктору-Эммануилу. Узнавъ о кончинѣ его, Пій IX произнесъ: «онъ умеръ христіаниномъ, королемъ и честнымъ человѣкомъ (da cristiano, da re e da galantuomo)». Извѣстно, что со времени вступленія королевскихъ войскъ въ Римъ, папа считалъ и провозглашалъ себя «узникомъ». Присутствіе въ Квириналѣ короля-похитителя не могло быть пріятно папѣ. Но онъ зналъ, что и самому Виктору-Эммануилу было непріятно жить въ Квириналѣ; что онъ являлся туда только по обязанности и уѣзжалъ съ величайшимъ удовольствіемъ, не любя оставаться въ томъ городѣ, который онъ отнялъ у прежняго хозяина, исполняя свой долгъ. И Пій IX какъ будто сознавалъ именно это — что Викторъ-Эммануилъ исполнилъ свой долгъ, какъ король. Когда Гарибальди одно время пріѣхалъ въ Римъ, для сессіи, и поселился-было тамъ, то Пій IX, съ обычной своей улыбкой, замѣтилъ: «вотъ, говорили, что мы не уживемся здѣсь *вдвоемъ*, а теперь живемъ всѣ *трое*».

Не подлежитъ сомнѣнію, что именно личность перваго короля во многомъ облегчила дѣло объединенія. Стремленія къ нему тѣхъ частей Италіи, которыя еще не были свободны, выражались, несмотря на всѣ запреты мѣстныхъ властей, разными, иногда наивными способами. Такъ А. Леруа́-Больё разсказываетъ, что, путешествуя въ 1860 году по такимъ мѣстностямъ, онъ часто находилъ на стѣнахъ надпись: «Viva Verdi!»; его удивляла такая популярность композитора, пока ему не объяснили, что въ этихъ словахъ заключается анаграмма другихъ словъ: Viva Vittorio-Emmanuele, re d'Italia. Онъ же приводитъ два отзыва о возможности республики въ Италіи, одинъ самого короля, другой—Гарибальди, и оба эти отзыва характерны опять для личности Виктора-Эммануила. «Если бы я думалъ», сказалъ однажды король, «что при республикѣ Италія была бы сильнѣе, я сошелъ бы съ престола и попросилъ бы оставить мнѣ командованіе однимъ полкомъ». Положимъ, подобныя слова легко говорить, когда думаешь, что эта крайность не можетъ представиться. Но любопытно и то, что король позволялъ себѣ говорить

такимъ образомъ, то-есть допускалъ хоть въ разговорѣ мысль о республикѣ. Князь Бисмаркъ также позволяетъ себѣ иногда говорить лишнее; но его «лишнее» направлено въ иную сторону. «Если бы я думалъ въ 1866 году»,—сказалъ онъ недавно на сеймѣ,—«что для объединенія Германіи необходимо установить въ Пруссіи абсолютизмъ, то я безусловно посовѣтовалъ бы (королю) обратиться къ абсолютизму». Зато же оказывается, что именно въ виду особенностей итальянской монархіи, привитыхъ ей Викторомъ-Эммануиломъ, самъ Гарибальди не допускаетъ возможности республики въ Италіи въ наше время. Въ одномъ письмѣ, написанномъ въ прошломъ году, онъ выразился, что «благодарность связываетъ Италію съ савойскимъ домомъ и не дозволяетъ ей послѣдовать примѣру Франціи».

«Немногіе государи, — замѣчаетъ Зеллеръ, — обладали болѣе соотвѣтственными своему призванію качествами, чѣмъ король Викторъ-Эммануилъ. Блестящій и храбрый солдатъ, лихой наѣздникъ, человѣкъ откровенный, съ простыми манерами, онъ нравился арміи и народу; любитель удовольствій, общества, охоты, онъ обладалъ той твердостью, которая нужна королю, имѣющему иногда произносить рѣшительное слово, но не былъ своеволенъ, не имѣлъ той потребности всѣмъ управлять самому, которая можетъ затруднять ходъ правленія конституціоннаго; онъ былъ уважаемымъ посредникомъ среди партій, а не грознымъ ихъ повелителемъ». А. Леруá-Больё такъ опредѣляетъ свойства короля: «откровенность безъ рѣзкости, здравый смыслъ безъ вульгарности, хитрость безъ двуличности, твердость безъ упрямства. Но можно ли сказать, что у него было естественное предрасположеніе, особенное призваніе къ той роли конституціоннаго монарха, которую онъ исполнялъ съ такой развязностью (aisance)? Не думаю этого; Виктору-Эммануилу подходила бы роль монарха абсолютнаго не менѣе, чѣмъ его предкамъ. Онъ былъ темперамента сангвиническаго, человѣкъ цѣльнаго характера, живого, даже порывистаго; хладнокровіе и умѣренность его были продуктомъ его воли никакъ не менѣе, чѣмъ естественными свойствами».

Увлекаясь замѣчательными политическими талантами Кавура, внѣ Италіи обыкновенно считали Виктора-Эммануила человѣкомъ хорошимъ, но личностью вовсе не крупною, ни по силѣ ума, ни по силѣ воли. Но это была большая ошибка, хотя въ нее легко было впасть. Викторъ-Эммануилъ, дѣйствительно, не любилъ выказывать своей власти, не любилъ почестей и церемоній, личная его квартира состояла изъ трехъ комнатъ во дворцѣ, на-

вязывать своихъ рѣшеній по всѣмъ текущимъ дѣламъ онъ не хотѣлъ, но во всѣ дѣйствительно важные моменты рѣшительное направленіе дѣлу давалъ онъ, впрочемъ, всегда оставаясь за кулисами, что и соотвѣтствовало вполнѣ его роли монарха конституціоннаго. Началъ онъ править безъ Кавура, и по смерти Кавура царствовалъ 17 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ, въ средѣ итальянскихъ политиковъ, слылъ за самаго способнаго изъ всѣхъ государственныхъ людей. Онъ не выступалъ впередъ съ рѣчами или декретами, которые удивляли бы министровъ; но онъ давалъ направленіе важнѣйшимъ дѣламъ на частныхъ совѣщаніяхъ съ министрами и предводителями партій. Устроить такое дѣло, за кулисами, и, не ожидая оффиціальнаго заявленія о немъ съ министерской скамьи, уѣдетъ на охоту. Сила его воли, его убѣжденія и чувства долга лучше всего доказываются тѣмъ, что все, что онъ сдѣлалъ въ теченіи почти тридцати-лѣтняго царствованія, было несогласно съ его личными вкусами, требовало отъ него побѣды надъ собою. Король, вовсе не любившій властвовать, тяготившійся величіемъ даже сардинской короны, онъ долженъ былъ всю жизнь употребить на расширеніе своего царства, на усложненіе своихъ королевскихъ обязанностей и своей отвѣтственности. Глубоко- и искренно-набожный человѣкъ, онъ долженъ былъ съ самаго начала и до конца царствованія бороться съ духовенствомъ, отмѣнять клерикальное господство въ сардинскихъ законахъ, закрывать монастыри, отнимать землю у папы, наконецъ, лишать его престола, нести до самой смерти тягость папскаго отлученія отъ церкви. Достовѣрно извѣстно, что онъ умеръ, не произнеся ни малѣйшаго отреченія отъ своихъ дѣлъ, и если былъ причащенъ передъ смертью, то это послѣдовало безъ всякихъ условій, по личному разрѣшенію папы. Наслѣдникъ всѣхъ традицій древняго савойскаго дома, носившій до своего воцаренія титулъ герцога Савойскаго, любившій Туринъ болѣе всѣхъ городовъ Италіи, носившій въ душѣ преданія савойскаго милитаризма, Викторъ-Эммануилъ не только принесъ въ жертву свое родовое синее знамя (ту жертву, при мысли о которой доселѣ содрогается Генрихъ Бурбонскій), но и самую колыбель своей династіи — Савойскую область. Такой человѣкъ, какъ онъ, съ горячимъ сердцемъ и прямымъ характеромъ, не могъ не сохранить навсегда живого чувства благодарности къ Наполеону III, за неоцѣнимую услугу, оказанную имъ Италіи. И однакожъ, онъ не могъ помочь Наполеону, когда тотъ погибалъ. Какъ уже выше сказано, онъ открыто признался впослѣдствіи императору Вильгельму, что лично желалъ воевать противъ него.

Характеръ и историческое значеніе личности Виктора-Эммануила уяснятся еще лучше изъ нѣсколькихъ примѣровъ, въ которыхъ возможно сослаться на собственные его отзывы. Будучи еще сардинскимъ королемъ, онъ, какъ сказано выше, отказался отъ болѣе благопріятныхъ условій мира, предложенныхъ ему Радецкимъ, но сохранилъ конституцію, несмотря на просьбы матери, жены (первой) и тѣхъ друзей, съ которыми онъ былъ воспитанъ. Вопреки тѣмъ же вліяніямъ, онъ давалъ ходъ тѣмъ преобразованіямъ, которыя отмѣняли разныя привилегіи духовенства. Подписывая одинъ изъ этихъ законовъ, онъ, шутя, сказалъ своему министру, графу Сиккарди: «отвѣтственность на васъ; если этотъ законъ повергнетъ своихъ составителей въ адъ, то вамъ туда отправляться». Но, несмотря на такія шутки, онъ по временамъ глубоко грустилъ надъ этой необходимостью идти противъ церкви. Въ этихъ случаяхъ, какъ разсказываетъ біографъ его, лично-близкій къ нему человѣкъ—Массари, король находилъ утѣшеніе только въ задушевныхъ бесѣдахъ съ своимъ воспитателемъ, священникомъ, которому онъ выхлопоталъ званіе архіепископа генуэзскаго. Этотъ почтенный архипастырь, савоецъ, монсиньоръ Шарвазъ, говаривалъ ему: «слѣдуйте правиламъ конституціоннаго правленія и не обращайте вниманія на крики фанатиковъ и невѣждъ».

Какъ сильны были эти вліявія и какую королю приходилось выносить борьбу, видно изъ слѣдующаго примѣра. Противники изданныхъ законовъ угрожали Виктору-Эммануилу карою неба. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1855 году, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, король лишился матери, жены и единственнаго своего брата, герцога генуэзскаго. Вотъ рука Провидѣнія! восклицали вокругъ него клерикалы. А между тѣмъ въ палаты былъ внесенъ, и второю палатой уже принятъ, проектъ закона объ уничтоженіи духовныхъ конгрегацій. Проектъ этотъ обсуждался въ то время въ сенатѣ. На этотъ разъ, король не выдержалъ: онъ рѣшился сдѣлать попытку къ примиренію съ пьемонтскими епископами и римскимъ дворомъ. Кавуръ подалъ въ отставку и назначенъ былъ другой кабинетъ. Но когда Викторъ-Эммануилъ убѣдился, что римская курія отвергала всякія уступки государству, то черезъ нѣсколько дней призвалъ снова Кавура въ министерство и подписалъ вотированный обѣими палатами законъ. Необходимость постоянной борьбы съ церковью, а въ особенности лишенія папы его владѣній, необходимость взять у него Римъ и самому являться туда, какъ-бы для бравированія беззащитнаго старика, составляла для набожнаго и лично-уважавшаго папу Виктора-Эммануила самую

тягостную сторону его царствованія. Онъ сказалъ генералу Дурандо, когда тотъ отправлялся съ сардинскими войсками въ Крымъ: «вы счастливы; вы идете воевать съ русскими, а я здѣсь долженъ воевать съ монахами и монахинями». Онъ пытался примирить свою религіозную совѣсть съ очевиднымъ долгомъ короля. Біографъ его Массари передаетъ слышанное имъ разсужденіе Виктора-Эммануила на эту тэму: «какъ не допустить, что все совершающееся теперь согласно съ видами Провидѣнія, когда, несмотря на всѣ опасности, намъ встрѣчающіяся, и на наши ошибки, мы все-таки подвигаемся впередъ и даже тамъ, гдѣ боимся найти потери или пораженія, встрѣчаемъ пріобрѣтенія и успѣхи?» Неоднократно онъ пытался примириться съ папой, и съ этой цѣлью обращался къ нему лично. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, въ 1866 году, онъ говорилъ Пію IX: «если ваше святѣйшество не можете ни признать, ни благословить короля Италіи, то признайте въ немъ, по крайней мѣрѣ, и благословите то орудіе, которое употребляется божественнымъ промысломъ для цѣлей, нашей проницательности недоступныхъ».

Извѣстно, что ожидали со дня на день кончины папы въ то время, когда неожиданно умеръ король. Викторъ-Эммануилъ, находясь въ Квириналѣ, постоянно посылалъ къ папѣ освѣдомляться о его здоровьѣ, а когда самъ вдругъ опасно занемогъ, то Пій IX лично послалъ его духовнику разрѣшеніе исповѣдать и пріобщить умирающаго безъ всякихъ условій. Съ согласія же папы, первый король Италіи былъ похороненъ въ церкви св. Маріи dei Martiri, древнемъ Пантеонѣ Агриппы, превращенномъ въ церковь еще въ VII вѣкѣ. Но папа въ исполненіи того, что считалъ своимъ долгомъ, былъ не менѣе твердъ, чѣмъ король. Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ Виктора-Эммануила онъ вновь, и уже въ послѣдній разъ, протестовалъ противъ захвата «наслѣдія св. Петра и утраты своей независимости». А черезъ недѣлю послѣ этого послѣдняго протеста самъ Пій IX умеръ и тѣло его охранялось солдатами новаго короля Италіи.

Выше уже замѣчено, что личная роль Виктора-Эммануила въ освобожденіи и объединеніи Италіи въ дѣйствительности была весьма велика по тому довѣрію, какое онъ внушалъ къ себѣ и тому обаянію, какимъ онъ пользовался среди массъ. Но и твердость характера и тонкость ума короля давали ему большое вліяніе на ходъ дѣлъ. Такъ, рѣшимость продолжать дѣло освобожденія Италіи, опираясь на внутреннюю свободу Пьемонта и народныя стремленія, въ то время, когда войска его только-что были разгромлены, когда австрійцы занимали сѣверную и среднюю Италію

и еще стояли на самой территоріи Сардиніи, представляетъ несомнѣнную, личную заслугу Виктора-Эммануила. Массари передаетъ простыя слова, въ которыхъ онъ высказалъ въ то время свою рѣшимость и свою надежду: «на этотъ разъ мы сдѣлали фіаско; въ другой разъ постараемся сдѣлать лучше».

Во всякомъ случаѣ не властолюбіе влекло его къ этому. Д'Адзеліо, который всегда былъ близокъ къ королю, писалъ о немъ: «если бы всѣмъ было такъ же хорошо извѣстно, какъ мнѣ, до какой степени и пьемонтская маленькая корона ему кажется стѣснительною, то всѣ смѣялись бы надъ тѣми, кто указываетъ въ этомъ государѣ ненасытнаго честолюбца». Онъ просто считалъ освобожденіе Италіи завѣтомъ своего отца и своимъ долгомъ, и въ этомъ никто съ самаго начала его разубѣдить не могъ. Въ «Воспоминаніяхъ о графѣ Кавурѣ», г. де-Ла-Ривъ говоритъ: «никогда не узнаютъ, сколько потребовалось этому молодому королю здраваго смысла, хладнокровія и патріотизма, для того чтобы найти свой путь посреди раздраженныхъ и взаимно-противоположныхъ страстей».

Въ 1859 году, Наполеонъ III, совершенно неожиданно для Кавура, подписалъ въ Виллафранкѣ предварительныя условія мира. Кавуръ поспѣшилъ въ лагерь и высказался рѣшительно противъ нихъ. «Императоръ», сказалъ онъ, «отлично объяснилъ мнѣ, почему не слѣдуетъ продолжать войну, но ничѣмъ не доказалъ мнѣ, почему слѣдуетъ заключить миръ». Но неужели же было ссориться съ Наполеономъ въ этотъ моментъ? Викторъ-Эммануилъ былъ глубоко огорченъ внезапнымъ перерывомъ дѣла освобожденія, но съумѣлъ побѣдить себя; онъ рѣшился подписать условія мира. Кавуръ подалъ въ отставку и король назначилъ первымъ министромъ генерала Ла-Мармору. Однако король подписалъ виллафранкскія условія съ странною на первый взглядъ оговоркою: «въ томъ, что касается меня», выражая этимъ, что принимаетъ обязательства только за себя, а не за итальянскій народъ.

И дѣйствительно, народъ не принялъ этихъ условій; вслѣдъ за виллафранкскимъ миромъ средняя и южная Италія присоединились къ Пьемонту путемъ народной революціи. Викторъ-Эммануилъ, наслѣдникъ одной изъ самыхъ строго-легитимныхъ династій, одной изъ тѣхъ коронъ, которыя статуя Суворова охраняетъ своимъ мечомъ на петербургскомъ Марсовомъ полѣ противъ революціи, не усомнился ни на минуту стать во главѣ итальянской революціи. Въ своей прокламаціи 9 октября 1860 года, онъ говорилъ: «въ Европѣ моя политика, быть можетъ,

будетъ не безполезна для соглашенія народнаго прогресса съ устойчивостью монархіи. Въ Италіи же, знаю, что я заключаю эру революцій». Но онъ твердо зналъ и то, что для единства требовались еще жертвы, что дѣло въ 1860 году еще далеко не было окончено. «Наша удача до сихъ поръ», сказалъ онъ во Флоренціи, «при исполненіи части нашей задачи, должна придать намъ силу и мужество для исполненія остального». Когда флорентинскія дамы поднесли ему вышитое ими сѣдло, онъ сказалъ имъ: «этотъ подарокъ мнѣ кстати, такъ какъ возможно, что мнѣ придется провесть еще часть моей жизни въ сѣдлѣ, для защиты національнаго дѣла».

Правда, онъ имѣлъ Кавура, имѣлъ другихъ способныхъ министровъ; но замѣчательно, что онъ умѣлъ управлять съ министерствами изъ всѣхъ партій, начиная отъ консервативной — до республиканской, вполнѣ подчиняясь правиламъ парламентскаго правленія, и при всѣхъ сохранялъ большое вліяніе на общій ходъ дѣлъ, хотя свое вліяніе всегда скрывалъ. Самъ Кавуръ сказалъ о немъ: «король даетъ намъ дѣлать, какъ мы хотимъ, но когда мы хорошенько запутаемся, тогда онъ однимъ словомъ указываетъ намъ въ чемъ суть, и всегда вѣрно». Зеллеръ приводитъ характерную шутку самого Виктора-Эммануила. При концѣ его царствованія, когда онъ, постепенно слѣдуя за составомъ парламентскаго большинства, выбралъ, наконецъ министерство изъ республиканцевъ, то одинъ иностранецъ изъявилъ ему безпокойство, насчетъ того, къ чему это приведетъ. «Не бойтесь», весело и увѣренно отвѣчалъ ему король: «все будетъ благополучно. Помните, что вѣдь капельмейстеръ-то все тотъ же».

Когда, въ 1870 году, началась война между Францiею и Германiею и принцъ Жеромъ-Наполеонъ пріѣхалъ просить помощи для Наполеона у своего тестя, Викторъ-Эммануилъ лично былъ расположенъ оказать ее. Признанія дѣятелей тогдашняго времени, и въ особенности брошюра самого принца Жерома удостовѣряютъ, что Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ переговоры по этому предмету съ вѣнскимъ кабинетомъ. Но быстрые успѣхи германскаго оружія сдѣлали вмѣшательство безполезнымъ. Какъ только во Франціи была провозглашена республика, король послалъ къ папѣ графа Понца ди-Санъ-Мартино съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ ему о необходимости занять Римъ итальянскими войсками, чтобы предупредить тамъ борьбу революціи съ папскими солдатами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ручался за безопасность и спокойствіе св. престола и «съ сыновней привязанностью, съ вѣрою католика, сердцемъ короля и итальянца» предлагалъ

ему гарантіи для его независимости. Онъ просилъ Пія IX вспомнить, что самъ онъ, папа, — итальянецъ, и уволить иноземное войско. Пій IX отвѣчалъ ему: «письмо ваше, государь, не достойно любящаго сына, который гордится исповѣданіемъ католической вѣры и славится королевской честностью». Уже 18-го сентября 1870 г., черезъ двѣ недѣли послѣ Седана, итальянскій генералъ Кадорна подступилъ къ Риму; а 2 октября народный плебисцитъ, огромнымъ большинствомъ, присоединилъ Римъ къ Италіи.

Эта быстрая рѣшимость воспользоваться побѣдами пруссаковъ, которымъ первоначально онъ вовсе не желалъ успѣха, была вполнѣ согласна съ практическимъ умомъ и твердостью Виктора-Эммануила въ стремленіи къ одной цѣли. Чувства—чувствами, а дѣло прежде всего—такому правилу ему приходилось слѣдовать. Но, совершивъ объединеніе Италіи, онъ съ той самой минуты, какъ окончательно лишилъ папу свѣтской власти, положилъ ничего болѣе не предпринимать противъ него. Принятый парламентомъ окончательно 2 мая 1871 года, законъ о гарантіяхъ представляетъ одно изъ важныхъ пріобрѣтеній всеобщей культуры, выросшее на почвѣ обновленной Италіи. Законъ этотъ провозглашаетъ неприкосновенность папы, предоставляетъ ему въ Италіи царскія почести, ежегодную государственную дотацію въ 3.225,000 лиръ (франковъ), неотчуждаемую собственность дворцовъ ватиканскаго, латеранскаго и замка Кастель-Гандольфо, ненарушимость папской резиденціи и соборовъ, полную свободу дѣятельности, сношеній съ епископатомъ всего міра, безъ всякаго вмѣшательства правительства, съ управленіемъ университетомъ, академіями и другими духовными училищами.

Полное отреченіе государства отъ всякихъ правъ по замѣщенію духовныхъ должностей, отъ всякаго разрѣшенія на обнародованіе духовныхъ заявленій всякаго рода: буллъ, посланій и т. д., наконецъ, отъ присяги епископовъ государству; а вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ государства отъ приведенія въ исполненіе приговоровъ духовныхъ судовъ, которые вовсе не признаются, если въ чемъ-либо противорѣчатъ государственнымъ законамъ; однимъ словомъ—свобода церкви и полная независимость отъ нея государства,—вотъ то единственное окончательное, вполнѣ раціональное рѣшеніе вопроса, которое новой Италіею дано въ образецъ Европѣ. Тщетно Бисмаркъ, увлекшійся въ ту борьбу съ духовенствомъ, которая велась вторженіемъ государства въ чисто-церковную область, пытался въ 1875 году склонить Виктора-Эммануила къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ противъ

папы. Итальянскій король охотно разрѣшалъ постройку протестантской церкви въ Римѣ, утвердилъ и исполнялъ законъ о секуляризаціи имущества духовныхъ корпорацій въ самомъ Римѣ, но онъ рѣшительно отказался вторгаться въ область духовную. Въ послѣдніе годы жизни, король, вслѣдствіе побѣды лѣвой стороны на выборахъ, долженъ былъ призывать въ министерство людей, которые неоднократно заявляли республиканскія мысли: Никотеру, Депретиса, Криспи. О Криспи самъ Мадзини выразился когда-то, что это будетъ «послѣдній министръ савойскаго дома». Однакоже, и съ ними король уживался очень хорошо. Но когда Бисмаркъ въ 1877 году снова сталъ добиваться чего-то въ родѣ союза съ Италіею противъ папства (а вѣроятно и противъ Франціи, которою онъ пугалъ Италію), то онъ нашелъ Виктора-Эммануила непреклоннымъ. Король не согласился даже на внесеніе въ палаты закона «противъ злоупотребленій духовной власти».

Отъ Бисмарка онъ рѣшительно отличался тѣмъ, что не ощущалъ, подобно германскому канцлеру, постоянной потребности кого-нибудь душить, производить гдѣ-нибудь и какой-нибудь «скандалъ». Бисмарку вѣчно хочется разбить на чьей-нибудь головѣ бутылку, повторяю одинъ изъ своихъ студенческихъ подвиговъ: то грозя Франціи, то сажая въ тюрьмы поповъ, то ставя внѣ закона цѣлую партію, то называя самого Ласкера пособникомъ соціалистовъ, то мстя другимъ державамъ чрезвычайными таможенными мѣрами. За то же и отношенія между партіями въ Италіи мягче, человѣчнѣе, чѣмъ въ отечествѣ солдатчины. Итальянское правительство ежегодно предлагаетъ папѣ дотацію въ 3 милліона фр., и ежегодно получаетъ отказъ; папа отказывается отъ конституціонныхъ гарантій и громитъ ихъ своимъ осужденіемъ, а между тѣмъ эти гарантіи дѣйствуютъ и дѣйствительно охраняютъ папъ. Не только республиканецъ Криспи не сдѣлался послѣднимъ министромъ савойскаго дома, но по смерти Виктора-Эммануила другой министръ изъ республиканцевъ,—Кайроли, спасъ жизнь новому монарху савойской династіи, королю Умберту. Пріемы не тѣ!—Не тѣ и послѣдствія. Когда Викторъ-Эммануилъ открывалъ въ Римѣ первую сессію парламента, онъ сказалъ: «здѣсь, гдѣ мы узнаемъ родину нашихъ мыслей, все говоритъ намъ о величіи, но напоминаетъ и о долгѣ. Для исторіи Италіи открывается новая эра и мы не измѣнимъ своимъ принципамъ. Насъ поставила на ноги свобода—и вотъ въ свободѣ и порядкѣ мы должны полагать основу нашей силы и нашего согласія».

Л. А—въ.

НОВАЯ БІОГРАФІЯ
ЛОРДА БИКОНСФИЛЬДА

— Lord Beaconsfield (Benjamin Disraeli). Ein Characterbild von Georg Brandes. Berlin. 1879.

Двѣ характерныя фигуры рѣзко выдѣляются въ наше время на ровномъ фонѣ гладко-выбритаго и по послѣдней модѣ одѣтаго политическаго міра. Дородный померанскій помѣщикъ, повидимому, подготовленный лишь къ подвигамъ прусскаго юнкерства и достаточно смѣлый, чтобъ выбивать кружки пива изъ рукъ ненавистныхъ ему либераловъ, усвоиваетъ себѣ идею объединенія и внѣшняго величія Германіи, и силою своего характера и политическаго таланта въ нѣсколько лѣтъ осуществляетъ ее, преодолѣвая огромныя препятствія и трудности. Безвѣстный еврей, съ болѣе тонкою нервной организаціей, съ юныхъ лѣтъ проглотившій просвѣтительную литературу XVIII-го вѣка и пропитавшійся романтизмомъ двадцатыхъ годовъ, съ неимовѣрными усиліями борется съ обществомъ, вѣками привыкшимъ относиться къ евреямъ съ величайшимъ недовѣріемъ и даже ненавистью, терпитъ неудачи сначала на выборахъ въ парламентъ и затѣмъ въ парламентѣ, усвоиваетъ себѣ нѣкоторыя задачи своихъ политическихъ противниковъ и, ставъ, наконецъ, во главѣ самаго исключительнаго, самаго аристократическаго изъ европейскихъ государствъ, возвращаетъ ему внѣшнее значеніе и обаяніе.

Такимъ образомъ, и на нашихъ глазахъ вновь подтверждается та старая истина, что внѣшняя политика гораздо благодарнѣе внутренней, что она одна продолжаетъ открывать широкое поле дѣятельности для крупныхъ политическихъ талантовъ, по прежнему

застилая жгучіе внутренніе вопросы обаяніемъ дипломатическихъ и военныхъ побѣдъ.

Талантливый авторъ «Главныхъ направленій въ литературной исторіи XIX-го вѣка» и біографической характеристики Лассаля, Брандесъ, недавно издалъ отдѣльною книгой свою біографическую характеристику одной изъ двухъ выдающихся фигуръ политической современности, о которыхъ мы сейчасъ упомянули. И надо отдать автору справедливость: эта новая характеристика исполнена имъ съ тою широтою взгляда, свѣжестью мысли и тонкостью анализа, какими отличается и набросанная имъ характеристика Лассаля. Отличный знатокъ новѣйшихъ литературъ, Брандесъ умѣлъ найти богатый матеріалъ для біографіи и характеристики нынѣшняго перваго министра Англіи въ собственныхъ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ послѣднее относится не дальше какъ къ 1870 году. Такой источникъ, конечно, въ значительной степени усложнялъ задачу автора. Правдивое и серьёзное употребленіе такого источника, какъ собственные романы характеризуемаго лица, требуетъ отъ автора большой чуткости и осторожности, не говоря уже о художественномъ дарованіи. Въ отношеніи къ такимъ писателямъ, которые не знали публичной жизни и были преимущественно лириками или драматургами, какъ, напримѣръ, наши — Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, такая задача была бы просто неисполнима. Но Бенджеминъ Дизраэли, впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ, родился въ странѣ богатой политическою жизнью, былъ политическимъ романистомъ, общественнымъ человѣкомъ, членомъ парламента, министромъ; его романы были отраженіемъ политическихъ и общественныхъ идей, бродившихъ въ умѣ автора и въ англійскомъ обществѣ, — идей, къ которымъ авторъ этихъ романовъ, какъ современникъ и притомъ дѣйствующій, борющійся современникъ, не могъ относиться объективно, безъ сильныхъ симпатій или антипатій. Отсюда значеніе его сочиненій для личной и политической его біографіи. Мастерство, съ какимъ исполнилъ эту задачу Брандесъ, заставляетъ насъ подѣлиться съ читателями его матеріаломъ и выводами, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. Лордъ Биконсфильдъ явился самымъ рѣшительнымъ соперникомъ и противникомъ Россіи въ восточномъ вопросѣ за послѣдніе годы, самымъ рельефнымъ представителемъ англійскихъ интересовъ и предубѣжденій англійскаго общества противъ русской политики на Востокѣ. Но именно потому, что онъ ея соперникъ и противникъ, русской публикѣ не мѣшаетъ ближе познакомиться съ этимъ оригинальнымъ характеромъ.

Предки Дизраэли принадлежали къ аристократическому слою испанскихъ евреевъ, нѣкогда имѣвшихъ свои помѣстья въ Аррагоніи, Андалузіи и Португаліи. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка инквизиція разомъ лишила ихъ всего и заставила выселиться съ Пиренейскаго полуострова. Предки Дизраэли бѣжали въ Венецію, и тамъ, «въ знакъ благодарности къ Богу Іакова, руководившаго ихъ въ безпримѣрныхъ испытаніяхъ и неслыханныхъ опасностяхъ», приняли это имя, прямо указывавшее на ихъ еврейское происхожденіе. Два столѣтія прожили они въ Венеціи, и только въ половинѣ прошлаго вѣка одинъ изъ нихъ послалъ своего младшаго сына, Бенджемина, въ Англію по торговымъ дѣламъ. Это былъ одноименный дѣдъ нашего современника, нынѣшняго лорда Биконсфильда. Онъ вскорѣ составилъ себѣ состояніе, купилъ землю, устроилъ садъ въ итальянскомъ вкусѣ, пріобрѣлъ многочисленныхъ друзей и весело дожилъ почти до девяносто-лѣтняго возраста. Этотъ дѣдъ нѣкоторымъ образомъ предвѣщалъ своего внука. Извѣстно, что личныя свойства нерѣдко передаются по наслѣдству не только отъ матери или отца къ сыну, но и черезъ поколѣніе: отъ дѣда къ внуку. По свидѣтельству самого внука, дѣдъ его былъ человѣкъ южнаго сангвиническаго темперамента, дѣятельный, предпріимчивый и настойчивый, не останавливающійся ни передъ какими препятствіями, не смущаемый никакими неудачами. Наслѣдовавъ отъ него эти качества, нынѣшній первый министръ королевы Викторіи наслѣдовалъ, въ то же время, отъ отца литературные вкусы, такъ сильно мѣшавшіе дѣду положить основаніе могущественному финансовому дому. Отецъ—Исаакъ Дизраэли—повергъ своихъ родителей въ ужасъ, когда они узнали, что онъ пишетъ стихи. Его отправили учиться въ Амстердамъ, въ надеждѣ положить этимъ конецъ литературнымъ бреднямъ молодого человѣка; но завѣдывавшій амстердамскою школой, всею душою преданный философіи XVIII-го вѣка, имѣлъ отличную библіотеку, которая была вся прочитана его питомцемъ. Раньше 15-лѣтняго возраста Исаакъ Дизраэли уже читалъ Вольтера и Бэйля, а нѣсколько лѣтъ спустя, онъ возвратился въ Англію уже поклонникомъ и ученикомъ Руссо. На желаніе отца вторично отправить его на выучку въ одинъ изъ бордосскихъ торговыхъ домовъ, неисправимый юноша отозвался большимъ стихотвореніемъ противъ торговли, какъ язвы человѣчества, и поѣхалъ не въ Бордо, а въ Парижъ, гдѣ проводилъ время въ библіотекахъ и въ обществѣ ученыхъ до 1788 года. Потомъ онъ издавалъ въ Англіи свои мало-интересные нынѣ стихотворные опыты и замѣтки по исторіи литературы.

Дѣловая, практическая энергія и общительность дѣда и литературныя наклонности отца соединились въ Бенджеминѣ Дизраэли и, подъ вліяніемъ новыхъ, романтическихъ вѣяній времени, образовали изъ него дѣятельнаго писателя и еще болѣе дѣятельнаго трибуна. По остроумному замѣчанію Брандеса, ничто до такой степени не облегчаетъ возможности быстро овладѣть литературнымъ языкомъ, какъ обладаніе литературнымъ предкомъ; сверхъ того, сынъ несомнѣнно наслѣдовалъ отъ отца духъ XVIII-го вѣка. «Въ литературномъ отношеніи отецъ былъ, конечно, не болѣе какъ живымъ словаремъ, но словаремъ изъ временъ энциклопедистовъ; онъ рано отдѣлался отъ современныхъ ему предразсудковъ, чтобы напитаться современной философіей, и былъ рѣшительнымъ, хотя и скромнымъ вольнодумцемъ, не принадлежащимъ ни къ какому исповѣданію — ни въ формальномъ, ни въ нравственномъ смыслѣ слова. Въ своемъ сочиненіи «Genius of Judaism» онъ является деистомъ и прямо отвергаетъ еврейское вѣроученіе. Отрицательное направленіе отца перешло цѣликомъ къ его сыну, первыми сочиненіями котораго были сатиры въ духѣ XVIII-го вѣка. Но вмѣстѣ съ этимъ направленіемъ перешли къ сыну и торійскія симпатіи Исаака Дизраэли, романтически чтившаго память Стюартовъ, какъ непонятыхъ жертвъ пуританизма. Симпатія къ гонимымъ въ Англіи католикамъ была естественна со стороны иновѣрцевъ-евреевъ, также подвергавшихся усиленнымъ гоненіямъ въ Англіи и лишенныхъ всякихъ политическихъ правъ. На Дизраэли-сына перешло и то общественное уваженіе, которое окружало въ то время въ Англіи писателей вообще, и Исаака Дизраэли въ особенности. Уже въ домѣ отца онъ видѣлъ многія тогдашнія литературныя знаменитости, и уважаемое въ литературѣ имя отца открыло ему впослѣдствіи доступъ въ нѣкоторые аристократическіе дома. Всѣ эти факты, взятые цѣликомъ изъ жизни нынѣшняго министра, разсказаны имъ самимъ въ своихъ политическихъ романахъ и отнесены къ героямъ послѣднихъ.

Бенджеминъ Дизраэли родился въ декабрѣ 1804-го или въ началѣ 1805 года, и былъ принятъ въ еврейскую общину; но отецъ позволилъ своему англійскому другу Роджерсу брать мальчика съ собою въ церковь и даже окрестить его. Роджерсъ, какъ и Дизраэли-отецъ, былъ вольнодумцемъ и отнюдь не предавался прозелитизму. Но онъ сожалѣлъ о томъ, что этотъ красивый и бойкій мальчикъ будетъ лишенъ, по вѣроисповѣднымъ причинамъ, важнѣйшихъ гражданскихъ правъ и общественныхъ выгодъ. Мальчикъ былъ окрещенъ въ 1817 году, лѣтъ двѣнад-

цати отъ роду. Романы Дизраэли: «Вивіанъ Грей» и «Контарини Флемингъ» наполнены подробностями о первой юности ихъ автора. Герои обоихъ романовъ являются, по общему признанію, самыми способными учениками въ школѣ, оба единогласно признаются тамъ за самыхъ оригинальныхъ и остроумныхъ товарищей. Но рядомъ съ такою популярностью между товарищами, сказывается уже въ школѣ и сильное ихъ недоброжелательство къ мальчику другой породы, къ еврею. Раздраженный на Вивіана Грея, учитель называетъ его «буйнымъ чужеземцемъ», — товарищи подхватываютъ это прозвище и кричатъ: «долой чужака! вонъ его!» И хотя Вивіанъ Грей ни съ какой стороны не былъ иностранцемъ въ англійской школѣ, однако же авторъ счелъ возможнымъ написать эту сцену, конечно, вспоминая лишь собственное дѣтство. Въ романѣ «Контарини Флемингъ» еще сильнѣе сказывается рѣзкая противоположность между людьми сѣвера и человѣкомъ юга. «Ихъ называли моими братьями, — говоритъ герой этого романа, — но природа налагала на это увѣреніе печать неправды, какъ бы часто оно ни повторялось. Ихъ голубые глаза, ихъ свѣтлые какъ ленъ волосы и бѣлыя лица не имѣли ничего общаго съ моей венеціанской физіономіей. Куда бы я ни шелъ, гдѣ бы ни находился, куда бы ни смотрѣлъ — всюду встрѣчалъ я племя, непохожее на меня самого. Не было никакой симпатіи между моимъ тѣломъ и тѣмъ суровымъ климатомъ, въ которомъ мнѣ приходилось жить». Въ юности самого Дизраэли, къ венеціанскому происхожденію героя присоединялось еще и еврейское происхожденіе автора, вызывавшее ничѣмъ неустранимыя предубѣжденія его школьныхъ товарищей. Въ такіе юные годы презрительное отношеніе товарищей къ происхожденію мальчика глубоко западаетъ въ воспріимчивую и чуткую душу. Онъ чувствуетъ себя безвинно униженнымъ и опозореннымъ, отчужденнымъ, одинокимъ, осмѣяннымъ даже въ учебникахъ, неизмѣнно выставлявшихъ еврея смѣшнымъ или жаднымъ, уродомъ или безсовѣстнымъ ростовщикомъ. И вотъ Дизраэли приходится уже въ школѣ выдерживать ожесточенную борьбу противъ расы, ему враждебной, и только большая энергія и выдержка, въ соединеніи съ особенной даровитостью, дѣлали его положеніе въ школѣ болѣе или менѣе сноснымъ. Изъ школы (это была частная школа въ Винчестерѣ) онъ поступилъ въ адвокатскую контору.

Племенная борьба съ товарищами оставила по себѣ глубокій слѣдъ на всей жизни и на всемъ образѣ мыслей будущаго перваго министра Англіи. Въ школѣ онъ преждевременно пришелъ къ сознанію своей племенной отчужденности и той глубокой

пропасти, которая отдѣляла въ то время еврея отъ англичанина. Въ его романахъ постоянно проходитъ красною ниткой рѣзкій протестъ противъ этой общественной несправедливости, стремленіе возстановить поруганную честь своего племени и выяснить великія его заслуги передъ исторіей, передъ самимъ христіанствомъ. Въ раннихъ впечатлѣніяхъ дѣтства коренится и выработавшійся у него оригинальный, совсѣмъ не научный взглядъ на роль семитическаго и арійскаго начала въ прошлой и современной исторіи. Семитическій принципъ, въ его глазахъ, есть тотъ синтезъ, та цѣльность міросозерцанія, подъ вліяніемъ которой совершились всѣ великія историческія событія, двигавшія впередъ человѣчество. Въ примѣненіи къ англійской жизни и дѣйствительности, среди которой ему суждено было жить и дѣйствовать, принципъ этотъ всего болѣе сказывается въ торизмѣ, какъ носителѣ національныхъ преданій, романтически связующемъ интересы и благо королевской власти и народа, и способномъ высоко поднять международное значеніе націи. Принципъ арійскій — по преимуществу аналитическій, разъѣдающій, доктринерскій, парализующій великихъ людей и великія дѣла. Это принципъ виговъ, средняго сословія, кропотливыхъ внутреннихъ реформъ и немощной внѣшней политики. Но прежде чѣмъ окончательно выработалось это странное міровоззрѣніе, въ которомъ реальное отношеніе къ жизни такъ оригинально перемѣшано съ заблужденіями давно отжившаго романтизма, будущій министръ, какъ человѣкъ энергіи и дѣла, былъ прежде всего озабоченъ необходимостью проложить себѣ дорогу къ политической дѣятельности, въ ту замкнутую для него среду, которой дѣти относились къ нему въ школѣ какъ къ «чужому», къ человѣку презрѣнной еврейской расы.

По единогласному свидѣтельству современниковъ и по портрету, приложенному Брандесомъ къ біографической характеристикѣ лорда Биконсфильда, послѣдній былъ очень красивъ въ юности. Живые, умные глаза, длинныя, какъ смоль черныя кудри, правильный носъ, подернутыя нервною нетерпѣливостью губы и романтически блѣдный цвѣтъ лица—дѣлали его не только красивымъ, но и въ высшей степени интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ, конечно, рано нравился женщинамъ; но и мужчины цѣнили бойкость его ума, его оригинальную и остроумную бесѣду. Самъ онъ былъ исполненъ сознанія своей силы и питалъ ничѣмъ несокрушимое довѣріе къ своимъ талантамъ и своей будущности. Впервые явившись передъ избирателями кандидатомъ въ члены парламента, онъ выставилъ на своемъ зна-

мени слова: «Forti nihil difficile» (ничто не трудно сильному), вполнѣ отвѣчавшія его самоувѣренному настроенію. А трудностей предстояло ему не мало; но онъ былъ не только самоувѣренъ, онъ былъ еще и до крайности честолюбивъ. Само по себѣ, честолюбіе, конечно, не представляетъ ничего безнравственнаго. Оно можетъ быть и нравственно, и безнравственно, смотря по вложенному въ него содержанію, по его средствамъ и цѣлямъ. Слава, конечно, привлекала Дизраэли; но еще больше привлекала его власть. По его происхожденію и положенію въ обществѣ, ему было, правда, недосягаемо далеко до власти въ странѣ, управляемой до тѣхъ поръ чистокровными аристократами; но Дизраэли твердо рѣшился не останавливаться ни передъ какими преградами для достиженія цѣли. Уже первыя его литературныя произведенія изображаютъ первыхъ министровъ, и притомъ не фантастически только, но и съ политическимъ смысломъ. Брандесъ считаетъ оба романа, которые мы назвали выше, заранѣе разсказанной исторіей неутомимаго стремленія автора къ власти. Герой одного изъ нихъ («Контарини Флемингъ») говоритъ о себѣ: «Жизнь была мнѣ нестерпима, и я могъ бы наложить на себя руки, еслибъ меня не поддерживало честолюбіе, усилившееся съ каждымъ днемъ, такъ что жажда отличиться и совершить достойный удивленія подвигъ кипѣла въ моей душѣ; и когда я вспоминалъ, что даже и въ самомъ счастливомъ случаѣ должны пройти годы, прежде чѣмъ я получу возможность осуществить мою мысль, я въ нѣмой ярости скрежеталъ зубами и проклиналъ мое существованіе». Отецъ героя предсказываетъ ему, что онъ будетъ первымъ министромъ, и хотя сынъ остается потомъ литераторомъ, но авторъ вмѣстѣ съ отцомъ отдаетъ предпочтеніе политической дѣятельности передъ литературою. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ романовъ Дизраэли высказывается въ томъ же смыслѣ. «Слава и власть—цѣль всѣхъ людей». «Жажда власти и славы» представляется ему силою, извлекающею людей изъ неизвѣстности и толпы, а честолюбіе—«божествомъ или демономъ, которому мы всѣ приносимъ столько жертвъ». Въ общемъ смыслѣ, это не вѣрно; слава и власть,—замѣчаетъ Брандесъ,—не были цѣлями всѣхъ людей; онѣ не были цѣлями Франклина, Канта или Стюарта Милля. Не жажда этихъ благъ доставила безсмертіе Спинозѣ или Ньютону. Не всѣ великіе люди приносили жертвы честолюбію: Вашингтонъ ничѣмъ не пожертвовалъ ему, Гарибальди—тоже. Но въ мысляхъ, подобныхъ приведеннымъ выше, авторъ безсознательно бросаетъ свѣтъ на собственную душу.

Неопредолимыя, повидимому, преграды представлялись этому честолюбивому человѣку на пути къ власти. Онъ былъ неизвѣстенъ въ политическомъ мірѣ, не принадлежалъ къ англійскому дворянству, не имѣлъ сильныхъ родственныхъ связей. Англія была пропитана аристократическимъ духомъ и религіозною исключительностью, а онъ родился евреемъ. Случайный, совершонный въ дѣтствѣ переходъ въ христіанство, въ сущности мало облегчалъ ему трудное достиженіе власти. Особенности его племени и печать еврейскаго происхожденія не были упразднены этимъ переходомъ. Всѣ продолжали смотрѣть на него, какъ на иноплеменника, и притомъ иноплеменника иновѣрнаго, и еслибъ кто-нибудь сказалъ тогда, что этотъ иноплеменникъ можетъ сдѣлаться первымъ лицомъ въ Англіи, то онъ прослылъ бы за безумца. Его не счелъ бы безумцемъ одинъ только Дизраэли.

Онъ одинъ продолжалъ вѣрить въ свою судьбу и рѣзко побивать въ своихъ сочиненіяхъ предубѣжденія противъ еврейской расы. Онъ продолжалъ горячо провозглашать ее великою, единственною, среди которой могъ принадлежать Спаситель въ земной своей жизни. Онъ настойчиво и съ увлеченіемъ отрицалъ приписываемое *всѣмъ* евреямъ истязаніе Христа, онъ доказывалъ, что самая первая христіанская церковь состояла только изъ евреевъ, что христіанство было продолженіемъ ветхозавѣтной исторіи еврейства. Онъ убѣждалъ, что азіатское племя его предковъ въ духовномъ смыслѣ покорило себѣ Европу и всѣ заселенныя ею части свѣта, онъ открыто гордился своимъ происхожденіемъ отъ избраннаго, въ высшемъ смыслѣ аристократическаго народа, который стойко перенесъ вѣка гоненій и оказался неискоренимымъ, неистощимымъ, неизбѣжнымъ, дѣятельнымъ, геніальнымъ. Цѣлыя картины, ярко освѣщенныя этою идеей, были набросаны его богатою южной фантазіей въ разныхъ романахъ. Онъ, рожденный еврей, считалъ себя болѣе аристократомъ, чѣмъ всѣ эти будто бы древніе англійскіе дворянскіе роды,—онъ прямо говорилъ, что принадлежитъ къ древнѣйшей аристократіи рода человѣческаго!

Съ этою смѣлою мыслію на умѣ, вступилъ онъ въ свѣтъ настоящимъ денди. Дендизмъ былъ тогда въ модѣ. Байронъ сталъ идоломъ англійской молодежи; Дизраэли тоже былъ сильно увлеченъ великимъ лирикомъ. Въ Англіи, какъ потомъ во Франціи и отчасти у насъ, денди являлся существомъ, которое уже однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ выражало притязаніе на нѣчто высшее, необыкновенное. Брандесъ примѣняетъ къ Дизраэли двадцатыхъ годовъ выраженіе, употребленное имъ самимъ въ романѣ

«The Young Duke»—half fashion, half passion: именно смѣшеніе страстности съ свѣтскостью и составляло тогдашній дендизмъ. Свѣтъ имѣлъ для молодого Дизраэли всю прелесть новизны, всю привлекательность сцены, на которой могло развернуться его честолюбіе. Университетское образованіе не привлекало его; оно и не требовалось для денди. Библіотека отца, свѣтское общество Лондона и практическія занятія въ адвокатской конторѣ были первыми школами, чрезъ которыя прошелъ будущій министръ. Недостатокъ университетскаго образованія сильно сказался въ особенностяхъ его образа мыслей и дѣйствій. Отсутствіе этого образованія оставило неизгладимый слѣдъ въ ненаучности и фантастичности его теорій, сильно отзывающихся произволомъ самоучки. Быть можетъ, нѣкоторая шаткость его мнѣній въ вопросахъ политическихъ—шаткость, которую многіе, и въ томъ числѣ его біографъ, объясняютъ исключительно желаніемъ сдѣлать карьеру—проистекала отчасти изъ того же источника. Въ романѣ «Вивіанъ Грей» онъ изумляется мужеству одного юнаго политика, который не убоялся замуроваться на три года въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Отсюда парадоксальность многихъ его воззрѣній, на которыхъ до послѣдняго времени сохранилась рѣзкая печать романтизма двадцатыхъ годовъ; отсюда его склонность къ таинственному, мистическому, преувеличенное значеніе, приписанное имъ тайнымъ обществамъ въ исторіи, его высокое мнѣніе не о католицизмѣ только, но и объ іезуитахъ, соединяющихъ загадочныя средства съ практическими цѣлями. Отсюда и сохраненная имъ доселѣ антипатія къ утилитаризму, которою были проникнуты современники его юности. Въ утилитаризмѣ видѣли одно только порожденіе жалкой посредственности, врага всякой красоты и величія, тупого отрицателя поэзіи, религіи, героизма. Онъ былъ ненавистенъ Дизраэли еще и съ другой стороны: эта школа равняла людей, она по существу не допускала аристократизма. Дизраэли осмѣивалъ ее, гдѣ только представлялся къ тому случай, приписывалъ ей намѣреніе снести горы, вознесенныя природой, и выровнять земной шаръ, готовность уничтожить изящные парки лордовъ и самихъ лордовъ, какъ нѣчто совершенно безполезное. Онъ никогда не могъ примириться ни съ ученіемъ Бентама, ни съ манчестерской школой. Эти ученія были антипатичны ему, какъ слишкомъ положительныя, прозаическія, ничего не предоставлявшія вдохновенію и фантазіи; въ силу естественной ассоціаціи мыслей, онъ долженъ былъ явиться впослѣдствіи непримиримымъ противникомъ союза виговъ съ радикалами въ лицѣ Гладстона.

На основаніи романа «Конингсби», изданнаго Дизраэли уже въ 1844 г., Брандесъ очень характерно воспроизводитъ образъ мыслей автора. Вотъ точка зрѣнія Дизраэли на историческія событія, къ которой сводится этотъ интересный романъ: «Настоящимъ мыслителямъ извѣстно, какъ ограниченъ человѣческій разумъ. Мы не обязаны ему ни однимъ изъ тѣхъ дѣлъ, которыя являются верстовыми столбами человѣческихъ дѣйствій и человѣческаго прогресса. Не разумъ осаждалъ Трою, не разумъ вызвалъ сарациновъ изъ пустыни для завоеванія міра, не онъ внушилъ крестовые походы и учредилъ монашескіе ордена, не онъ создалъ іезуитовъ и, прежде всего, не разумъ возбудилъ французскую революцію. Человѣкъ тогда только дѣйствительно великъ, когда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, онъ тогда только неодолимъ, когда взываетъ къ фантазіи. Даже мормонъ насчитываетъ больше приверженцевъ, чѣмъ Бентамъ».

Мы не имѣемъ въ виду ни порицать, ни восхвалять образъ мыслей англійскаго министра. Отсталость его очевидна. Но оригинальность даровитаго человѣка имѣетъ свои неотъемлемыя права, и еслибъ онъ былъ похожъ по другихъ политическихъ дѣятелей Англіи, еслибъ онъ сложился по ихъ шаблону, то не былъ бы и оригинальнымъ явленіемъ. Мы только анализируемъ, и хотимъ показать, что если въ теоретическомъ отношеніи Дизраэли былъ и остается человѣкомъ отсталымъ, и тѣмъ не менѣе достигъ перваго мѣста въ правительствѣ свободной и образованной страны, то въ немъ же были таланты и живыя стороны, которыми онъ прямо соприкасался съ англійскою современностью. Эти таланты и живыя стороны сказались, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ виду разложенія торійской партіи, въ которую онъ внесъ духъ уступчивости требованіямъ времени, силу своего живого ума и блескъ своего таланта, все то, безъ чего застарѣлыя консервативныя партіи, коснѣя въ застоѣ, теряютъ наконецъ всякій смыслъ и способность хотя бы на искусственное дальнѣйшее существованіе.

Дизраэли явился реформаторомъ и обновителемъ торійской партіи, и намъ кажется, что талантливый его біографъ недостаточно остановился на этой сторонѣ его дѣятельности. Въ ней, какъ мы думаемъ, надо искать ключа къ объясненію того чуда, которое вознесло урожденнаго еврея на степень руководителя одной изъ аристократическихъ партій и перваго министра въ Англіи.

Дизраэли былъ и остается политическимъ человѣкомъ по призванію, по характеру своего таланта. Его романы, каковы бы

ни были ихъ литературныя достоинства и недостатки, были прежде всего политическими очерками, фантазіями, памфлетами. Они исполнены политическаго интереса; они представляютъ, по счастливому выраженію самого Брандеса, предварительное упражненіе въ будущихъ политическихъ ходахъ на парламентской или министерской шахматной доскѣ, нѣчто въ родѣ военной игры, посредствомъ которой офицеры упражняются въ тактикѣ. Картины природы и частныя отношенія служатъ въ романахъ Дизраэли лишь мелодраматическимъ фономъ для политической борьбы дѣйствующихъ лицъ. Это рѣшительное преобладаніе политики сказалось уже въ первомъ романѣ Дизраэли: «Вивіанъ Грей», вышедшемъ въ 1826 году, и оно проходитъ красною ниткой во всѣхъ произведеніяхъ писателя-министра. Читатели найдутъ у Брандеса прекрасную характеристику этихъ произведеній [1]); въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы послѣдуемъ за писателемъ-министромъ на поприще его политической дѣятельности.

Въ жизни людей высшихъ классовъ, этой дѣятельности обыкновенно предшествуетъ въ Англіи путешествіе, которымъ заканчивается учебный и воспитательный періодъ. Путешествіе было предпринято и 25-лѣтнимъ Дизраэли, но съ свойственною ему оригинальностью. Не центры арійской цивилизаціи, не Парижъ и другіе большіе города Европы привлекали его любопытство: онъ стремился на югъ и на востокъ, въ Сирію, въ Іерусалимъ, въ Испанію, въ Венецію. Человѣкъ двойной національности, поглощенный воспоминаніями о прошломъ своихъ семитическихъ предковъ, Дизраэли жаждалъ увидѣть Востокъ, какъ настоящую обѣтованную землю. Самъ онъ не описалъ потомъ своего путешествія отдѣльно, но изъ разныхъ его сочиненій видно, что онъ посѣтилъ въ 1829 году Римъ и Константинополь, въ 30-мъ году—Албанію, въ 31-мъ — Египетъ, Сирію, Іерусалимъ, и слѣды этого странствованія разбросаны въ его романахъ, изъ которыхъ иные даже вызваны его путевыми впечатлѣніями. Странствуя по слѣдамъ Байрона, ступивъ впервые на азіатскую землю, онъ, по собственному признанію, проклиналъ на

---

[1]) Вотъ, въ хронологическомъ порядкѣ, списокъ сочиненій Дизраэли: „Vivian Grey“, 1825—26,—„Popanilla“, 1828,—„The young Duke“, 1829,—„Contarini Fleming“, 1832,—„Alroy“, 1832,—„Ixion“, 1832,—„The infernal Marriage“ и „What is he“ (брошюра), 1833—„The revolutionary Epick“ и „The crisis examined“ (брошюра), 1834,—„Vindication of the english constitution“ (брошюра), 1835,—„Henrietta Temple“ и „Venetia“, 1837,—„Alarcos“, 1839,—„Coningsby“, 1844,—„Sibyl“, 1845,—„Tancred“, 1847,—„Life of Lord George Bentinck“, 1851,—„Parliamentary Reform“ (брошюра), 1857,—„Lothair“, 1870.

развалинахъ Трои судьбу, назначившую ему жить въ такое прозаическое время, которое похваляется тѣмъ, что оно чуждо поэзіи, и почувствовалъ призваніе быть Гомеромъ своего времени. Если Гомеръ воспѣлъ величайшее дѣяніе героическихъ временъ, Виргилій — созданіе римскаго міроваго государства, если Дантъ — былъ выразителемъ первой весны возрожденія, Мильтонъ — реформаціи и ея послѣдствій, то и современность не должна остаться невоспѣтою въ поэтическихъ образахъ. Французская революція, по его мнѣнію, не менѣе великое событіе, чѣмъ осада Трои, и Наполеонъ не менѣе интересное лицо, чѣмъ Ахиллъ. И онъ задумалъ создать революціонный эпосъ. Онъ, дѣйствительно, попытался создать его нѣсколько лѣтъ спустя; но отрывокъ этого опыта, изданный въ 1834-мъ году, подъ заглавіемъ: «The revolutionary Epick», вызвалъ такой единодушный хохотъ, что авторъ не рѣшился продолжать начатую поэму. Онъ намѣревался изобразить въ ней борьбу феодальнаго принципа съ федеративнымъ, и переходъ перваго во второй, олицетворяя эти принципы въ двухъ дѣйствующихъ лицахъ, которыя препираются между собою. Вмѣсто поэзіи, онъ давалъ публикѣ все ту же политику. Этотъ смѣлый поэтическій опытъ оказался совершенно прозаическимъ, и только подтвердилъ засвидѣтельствованный прежними романами фактъ, что Дизраэли отнюдь не поэтъ и не преемникъ Байрона, а политикъ подъ маской романиста. И то, что было сильнаго въ его тогдашнемъ образѣ мыслей, пригодилось ему не на созданіе новаго эпоса, а на обновленіе застывшаго торизма.

Въ то время въ Лондонѣ еще водились салоны, и однимъ изъ самыхъ пріятныхъ считался салонъ леди Блессингтонъ, гдѣ возвратившійся изъ путешествія денди часто встрѣчался съ Диккенсомъ, съ Больверомъ, съ членами фамиліи Бонапартъ, между прочимъ и съ будущимъ императоромъ французовъ, гдѣ чтили Байрона и относились враждебно къ вигамъ. Такой салонъ вполнѣ отвѣчалъ натурѣ и настроенію Дизраэли. Аристократъ по натурѣ, усвоившій себѣ революціонныя идеи XVIII вѣка, романтикъ и фантастъ, онъ говорилъ о сочувствіи къ королевской власти и народнымъ массамъ, и питалъ рѣшительное отвращеніе къ партіи, которая представлялась ему доктринерскою, ограниченною въ своихъ стремленіяхъ утилитарными цѣлями и опирающеюся на одни только матеріальные интересы средняго сословія.

4-го іюня 1832 года окончательно прошелъ законъ о парламентской реформѣ, проведенный министерствомъ виговъ и увеличившій число избирателей въ Англіи до 300,000 человѣкъ, а нѣсколько дней спустя, Дизраэли уже въѣзжалъ въ городокъ

Гайгъ-Уайкомбъ, гдѣ впервые выступалъ кандидатомъ въ члены палаты общинъ. Онъ въѣхалъ изящно одѣтый, въ открытой коляскѣ четверней, сопровождаемый музыкантами и знаменоносцами, раскланиваясь направо и налѣво. Подъѣхавъ къ гостинницѣ «Краснаго Льва», онъ тотчасъ произнесъ съ крыльца свою первую рѣчь, въ которой осыпалъ виговъ ѣдкими насмѣшками, и не за то, что ихъ законъ о реформѣ казался ему слишкомъ либеральнымъ,—напротивъ, онъ осмѣивалъ эту мѣру, какъ мизерную съ радикальной точки зрѣнія. Предпринимая свою первую избирательную кампанію, онъ запасся рекомендательными письмами вождей радикальной партіи въ парламентѣ: Джозефа Юма и ирландскаго агитатора О'Коннелля. Письма эти были имъ напечатаны и прибиты на улицахъ Уайкомба. Въ своей рѣчи къ избирателямъ онъ высказался въ демократическомъ смыслѣ, называя себя сыномъ народа, не имѣющимъ въ своихъ жилахъ ни капли крови Плантагенетовъ и Тюдоровъ; но мы не думаемъ, вопреки общепринятому мнѣнію, раздѣляемому и Брандесомъ, чтобы онъ былъ неискренъ въ этихъ заявленіяхъ. И въ нихъ уже проглядывалъ его торизмъ. Въ той же рѣчи онъ высказывалъ и свою любимую мысль о демократическомъ торизмѣ. Онъ говорилъ, что радуется, видя торіевъ на сторонѣ народа, что торіи должны отнынѣ искать опоры въ народѣ, а не народъ въ торіяхъ.

Но всѣ его кандидатскія усилія были тщетны. Его соперникъ, сынъ перваго министра, вига Грея, одержалъ надъ нимъ побѣду на выборахъ въ Уайкомбѣ. Въ томъ же году и въ томъ же городѣ постигла его и вторая неудача. Распущеніе парламента сопровождалось новыми выборами, на которыхъ онъ опять не прошелъ, хотя и высказался въ своей избирательной рѣчи въ пользу тайной подачи голосовъ и трехгодичныхъ парламентовъ, ссылаясь въ послѣднемъ вопросѣ на авторитетъ торія Болинброка, котораго онъ и послѣ считалъ однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Англіи. Но эта новая неудача нимало не лишила его бодрости. Не дальше какъ въ слѣдующемъ году, когда должна была открыться вакансія въ парламентѣ, онъ явился кандидатомъ въ Мерилебонѣ, и тутъ, желая во что бы то ни стало достигнуть цѣли, будущій глава сельской партіи обѣщалъ избирателямъ способствовать пересмотру всей системы налоговъ и освободить промышленность отъ тягостей, которыя могутъ быть легче переносимы землевладѣніемъ. Но ожидаемая вакансія не открылась, и Дизраэли ограничился изданіемъ своей первой политической брошюры, озаглавленной вопросомъ: «Что́ онъ такое?» (What is He?). Брошюра эта, появившаяся въ 1833

году, давно уже вышла изъ продажи, и одинъ экземпляръ ея недавно пріобрѣтенъ, какъ рѣдкость, Британскимъ Музеемъ. «Онъ» —это, конечно, самъ авторъ, а вопросъ о немъ, какъ говорили тогда, былъ сдѣланъ лордомъ Греемъ въ частномъ письмѣ. По крайней мѣрѣ выдержка изъ частнаго письма, содержащая именно этотъ вопросъ, выставлена авторомъ въ видѣ эпиграфа.

Брошюра содержитъ политическую исповѣдь автора, но мы не назовемъ ее, вмѣстѣ съ Брандесомъ, исповѣдью радикальной. Авторъ говоритъ, что до закона о парламентской реформѣ правительство имѣло по крайней мѣрѣ ту выгоду, что опиралось на опредѣленный аристократическій принципъ; теперь же оно не имѣетъ подъ собою никакого принципа. Онъ, Дизраэли, понимаетъ торія, понимаетъ радикала, но онъ не можетъ понять демократическаго аристократа—вига. Если торіи отчаяваются возстановить аристократическій принципъ, если они искренно думаютъ, что государство не можетъ быть управляемо при нынѣшнемъ правительственномъ механизмѣ, то ихъ прямая обязанность — соединиться съ радикалами и слить названія этихъ двухъ партій въ одно общее, всѣмъ понятное и единственно достойное названіе—партіи національной. Самъ онъ убѣжденъ, что аристократическій принципъ низвергнутъ не временно только, что возстановленіе его въ англійскомъ правительствѣ совсѣмъ неисполнимо. Европа, по его мнѣнію, находится въ переходномъ періодѣ отъ феодальныхъ къ федеративнымъ правительственнымъ принципамъ. Возстаніе Нидерландовъ противъ Испаніи ускорило наступленіе англійской революціи при Карлѣ I; возстаніе англо-американскихъ колоній ускорило, если не вызвало, взрывъ французской революціи; движеніе это неудержимо, и весь вопросъ въ томъ, какимъ путемъ было бы всего легче и естественнѣе доставить господство демократическому принципу. Онъ считаетъ такимъ путемъ немедленное упраздненіе семигодичныхъ парламентовъ, введеніе тайной подачи голосовъ и безотлагательное распущеніе парламента. Состояніе Англіи печально, говоритъ онъ; иногда почти склоняешься къ мысли, что утрата Англіею колоніальныхъ ея владѣній должна быть послѣдствіемъ постоянныхъ внутреннихъ ея раздоровъ; но нужно возлагать надежды и довѣріе на народный характеръ, на великихъ людей, которые должны выдти изъ его среды. «Не забудемъ—говоритъ онъ въ заключеніе съ своей обычной самоувѣренностью,—не забудемъ одного вліянія, которое слишкомъ мало цѣнится въ нашъ вѣкъ шумной посредственности,—не забудемъ вліянія личнаго характера. Еще могутъ подняться великіе люди, взять въ руки колеблющееся кормило и провести корабль по

безпокойнымъ водамъ, — люди, которымъ, быть можетъ, предназначено оградить въ одно и то же время и честь имперіи, и счастье народа.»

Въ этихъ словахъ Дизраэли, еще только неудавшагося кандидата въ члены парламента, нѣтъ рѣшительно ничего такого, чего бы не могъ повторить теперь лордъ Биконсфильдъ, первый министръ Англіи. Разумѣется, много воды утекло съ 1833 года; лордъ Биконсфильдъ выразился бы теперь уклончивѣе, сдержаннѣе; но основная мысль его была бы та же. Она проглядываетъ во всей его политикѣ, и внутренней и внѣшней. Въ своей, сравнительно, недавней парламентской реформѣ, онъ не затруднился согласиться на всѣ требованія либераловъ, и мы сейчасъ увидимъ, что именно эта основная мысль руководила имъ при основаніи ново-торійской партіи.

Сельская партія въ Англіи оставалась при своей устарѣлой программѣ, исключавшей всякія нововведенія; политическое значеніе ея падало съ каждымъ днемъ. Уже Робертъ Пиль, глава торійскаго кабинета, долженъ былъ измѣнить ея надеждамъ и требованіямъ. Она нуждалась въ умномъ и дѣятельномъ вождѣ, способномъ дать ей новое направленіе. Такимъ вождемъ задумалъ явиться Дизраэли. Будь онъ поэтъ или мыслитель, онъ, конечно, не пошелъ бы по этой дорогѣ и въ этотъ лагерь; но природа надѣлила его не только южной фантазіей, но и чисто-англійскими свойствами настойчиваго и практическаго политика. Для того, чтобы завоевать себѣ политическую арену, англичанину необходимо примкнуть къ одному изъ господствующихъ политическихъ лагерей. Издавна чувствуя антипатію къ вигамъ, не будучи настолько теоретикомъ, чтобы стать радикаломъ, онъ примкнулъ къ торіямъ, но примкнулъ самостоятельно, внося съ собою въ эту партію широкіе взгляды писателя, усвоившаго иныя идеи, хотя и безъ научной подкладки. Честолюбіе, конечно, играло во всемъ этомъ не малую роль; но честолюбіе, опирающееся на талантъ и практикуемое въ свободной странѣ, совсѣмъ не то, что честолюбіе въ деспотическомъ государствѣ, гдѣ дворская интрига замѣняетъ открытое парламентское соперничество и ораторскую борьбу. Проницательные люди не могли бы назвать Дизраэли радикаломъ послѣ первыхъ его романовъ и первой его рѣчи къ избирателямъ въ Уайкомбѣ, какъ никто не назоветъ теперь радикаломъ лорда Биконсфильда, и обращенные къ нему упреки въ нетвердости политическихъ убѣжденій едва ли справедливы, или по меньшей мѣрѣ преувеличены. Онъ всегда былъ денди,

всегда стремился въ ряды аристократіи, только не съ пустыми руками, а съ своими идеями и своимъ талантомъ.

Только пять лѣтъ спустя послѣ третьей неудачной попытки быть выбраннымъ въ члены парламента, Дизраэли удалось достигнуть этой недававшейся цѣли, помимо которой политическая роль была возможна для него только въ званіи писателя. Онъ былъ выбранъ въ Мэдстонѣ, и въ рѣчи своей къ избирателямъ явился уже настоящимъ торіемъ, съ тою сильной демократической примѣсью, которой онъ оставался вѣренъ и впослѣдствіи. Рядомъ съ старо-консервативными заявленіями о величіи государственной, англиканской церкви, онъ высказалъ самыя рѣзкія вещи по поводу новаго закона о бѣдныхъ, проведеннаго вигами, назвавъ его преступленіемъ противъ нравственности и политическою глупостью. Дизраэли говорилъ, что этотъ безнравственный и глупый, по его мнѣнію, законъ основанъ на ошибочномъ пониманіи правъ народа. Законодатели-виги, объяснялъ онъ, выходили изъ той мысли, что помощь бѣднымъ есть дѣло милосердія, а онъ и демократы-торіи признаютъ за бѣдными *право* на помощь. Земля, нѣкогда принадлежавшая монастырямъ, была фактически собственностью бѣдныхъ; съ тѣхъ поръ, какъ знатныя фамиліи подѣлили ее между собою, помогать бѣднымъ стало ихъ прямою обязанностью, и такъ понималось это дѣло до новаго закона. Бѣдные совершенно основательно повергнуты въ отчаяніе этимъ закономъ; отнынѣ бѣдность будетъ наказываема принудительной работой, точно преступленіе.

Дизраэли впервые занялъ свое мѣсто въ парламентѣ въ 1838 году. Его происхожденіе, его сочиненія и рѣчи, въ которыхъ онъ казался и радикаломъ, и торіемъ, его оригинальный способъ выраженія посѣяли сильныя предубѣжденія противъ него въ парламентской средѣ. Первая рѣчь его противъ виговъ была осмѣяна, заглушена перерывами и хохотомъ. Но онъ не потерялся, и кончилъ ее энергическими словами: «Я нисколько не удивленъ тѣмъ пріемомъ, какой выпалъ мнѣ на долю. Мнѣ случалось начинать кое-что по нѣскольку разъ, и въ концѣ-концовъ я добивался успѣха. Теперь я сяду; но придетъ время, когда вы будете меня слушать.»

Въ теченіи цѣлаго года онъ сдерживался, говорилъ коротко и рельефно, никого не затрогивая и не вызывая. Но съ 1839 года тактика его измѣнилась. Рѣчи его стали пространнѣе, онѣ касались важнѣйшихъ законодательныхъ проектовъ, онѣ уже затрогивали и вызывали, но никто не смѣялся болѣе. Всѣ привыкли къ его оригинальной манерѣ и убѣдились, что однимъ хо-

хотомъ нельзя побороть этого настойчиваго и энергическаго депутата, злого на языкъ и сильнаго своимъ характеромъ. Когда, уже послѣ такъ-называемой эманципаціи католиковъ, въ парламентѣ обсуждался вопросъ объ уравненіи также и евреевъ съ другими гражданами Англіи, Дизраэли, разумѣется, высказался въ пользу этой мѣры, но онъ не ссылался при этомъ на ученіе о равенствѣ всѣхъ исповѣданій передъ государствомъ. Вѣрный своей обычной точкѣ зрѣнія, онъ утверждалъ, что евреи, какъ поклонники того же семитическаго принципа, представительницей котораго является англиканская церковь, въ сущности уже принадлежатъ къ этой церкви: христіанство, по его мнѣнію, было только расширеннымъ еврействомъ, «еврействомъ для народа». Принципъ религіозной свободы представлялся ему «двусмысленнымъ»; свободно-мыслящіе люди науки казались этому еврею-романтику идеологами, представителями арійскаго принципа, которымъ нельзя довѣрять воспитаніе. Народъ долженъ имѣть религію, говорилъ Дизраэли, и еслибъ у него отняли установившуюся, высшую, азіатскую религію, то онъ непремѣнно возвратился бы во всей Европѣ къ старому язычеству. Дизраэли являлся, такимъ образомъ, и торіемъ, защитникомъ государственной церкви, и эманципаторомъ иновѣрцевъ.

Не менѣе оригинально отнесся онъ къ чартистамъ. Чартисты, какъ извѣстно, требовали чисто-политическихъ реформъ въ интересахъ большинства. Въ іюнѣ 1839 года, когда ихъ петиція съ милліономъ двумя стами тысячъ подписей была торжественно привезена въ парламентъ, и послѣдній отвергнулъ ее послѣ непродолжительныхъ и ничтожныхъ преній, одинъ только Дизраэли отнесся къ ней съ сочувствіемъ. Онъ нашелъ нужнымъ объяснить, что настоящая агитація рабочаго класса есть послѣдствіе той агитаціи, которую вели виги для парламентской реформы; чартисты, сказалъ онъ, не болѣе какъ ученики виговъ, и либералы поступаютъ крайне несправедливо, рѣзко осуждая радикаловъ. Причина всеобщаго неудовольствія — тотъ же законъ 32-го года объ избирательной реформѣ. Онъ далъ участіе во власти такому общественному слою, который не признаетъ за собой соціальныхъ обязанностей, лежавшихъ прежде на аристократіи. Чартисты, по его мнѣнію, жалуются собственно на управленіе среднихъ классовъ. «Я не стыжусь сказать,—прибавилъ онъ,—что какъ ни сильно я осуждаю петицію чартистовъ, я все-таки имъ сочувствую». Нѣсколько лѣтъ спустя, въ романѣ «Sibyl», онъ выяснилъ окончательно свою мысль. Народъ, по его мнѣнію, справедливо называетъ себя угнетеннымъ и обдѣленнымъ; но онъ не

правъ, полагая, будто торизмъ ему враждебенъ и одобряетъ то стѣсненное положеніе, въ какомъ онъ находится. Чтобы достигнуть лучшаго положенія, народъ долженъ понять, что онъ ничего не добьется съ своими нынѣшними вождями, что никто, кромѣ вождей англійской аристократіи, не желаетъ и не можетъ помочь ему. Мнѣніе, конечно, парадоксальное, обличающее крупный пробѣлъ въ научномъ образованіи оратора и романиста, но во всякомъ случаѣ указывавшее англійской аристократіи извѣстныя демократическія задачи и обязанности. Когда, вслѣдствіе осужденія парламентомъ петиціи чартистовъ, произошли кровавыя волненія въ Бёрмингэмѣ и другихъ мѣстахъ, Дизраэли подалъ голосъ противъ министерскаго предложенія—подавить эти волненія военною силой.

Вскорѣ послѣ рѣчи о чартистахъ, Дизраэли женился на вдовѣ своего парламентскаго товарища, Уиндгема Льюиса. Мистрисъ Льюисъ была десятью годами старше Дизраэли и имѣла большое состояніе; но бракъ этотъ былъ, тѣмъ не менѣе, необыкновенно счастливъ. Въ лондонскомъ обществѣ было извѣстно, что супруги Дизраэли обожаютъ другъ друга. Жена горячо принимала къ сердцу духовные и политическіе интересы мужа. О ней разсказывали, между прочимъ, очень характерный и трогательный анекдотъ. Когда супруги сѣли въ карету, чтобы ѣхать въ парламентъ, дверца сильно придавила два пальца мистрисъ Дизраэли; несмотря на нестерпимую боль, она скрыла ее отъ мужа, который въ этотъ день намѣревался говорить въ палатѣ общинъ, и которому могло помѣшать приключеніе съ женою. Но едва онъ вышелъ изъ кареты у зданія парламента, она упала безъ чувствъ. Въ 1868-мъ году, когда Дизраэли было предложено званіе пэра, онъ отклонилъ его для себя, но просилъ королеву возвести его жену въ званіе лэди Биконсфильдъ, и только по смерти ея согласился принять то же званіе самъ.

Дизраэли былъ теперь и членомъ парламента, обратившимъ на себя вниманіе политическихъ людей, и прочно поставленнымъ, вслѣдствіе брака, членомъ англійскаго общества. Начало политической карьерѣ было положено; но живой умъ его и дѣятельное честолюбіе чуть не фантастическихъ размѣровъ ставили ему нелегкую задачу. Ему предстояло еще создать себѣ партію; старый торизмъ не удовлетворялъ его, да онъ былъ и невозможенъ въ виду новыхъ вѣяній времени. Надо было найти въ средѣ этой партіи людей, согласныхъ идти съ нимъ одною дорогой, понимать торизмъ такъ, какъ онъ понималъ его. Людей съ привычками и понятіями, уже сложившимися, онъ передѣлать не могъ,

и вотъ онъ обратился къ торійской молодежи, задумалъ воспитать ее въ своихъ идеяхъ. Романтическое движеніе въ средѣ торійской молодежи вполнѣ отвѣчало этому намѣренію. Въ то время покидала аудиторіи англійскихъ университетовъ группа юныхъ аристократовъ, романтиковъ и энтузіастовъ, одушевленныхъ желаніемъ оживить древній духъ англійскаго дворянства. Эта восторженная молодежь рѣзко осуждала тотъ поверхностный и вмѣстѣ грубый способъ, какимъ была совершена реформація въ Англіи. Вмѣсто того, чтобы принести Англіи духовное и нравственное возрожденіе, она, по мнѣнію этой молодежи, ограничилась тѣмъ, что отняла у церкви всѣ тѣ сокровища, которыя церковь въ свои лучшія времена употребляла на народное воспитаніе и на помощь бѣднымъ, и передала эту добычу партіи виговъ, о которой брошюры и рѣчи Дизраэли свидѣтельствовали, что цѣль ея —учрежденіе въ Англіи олигархической республики по образцу венеціанской, и эксплуатація короны и народа. Подъ вліяніемъ романтизма, эти юные торіи склонялись въ пользу католичества; ихъ отталкивалъ сухой формализмъ современности; ихъ плѣняли живописныя и великолѣпныя церемоніи прежней церкви; они мечтали объ идиллическомъ согласіи между крестьянами и дворянствомъ, скорбѣли объ исчезновеніи народныхъ нарядовъ и старыхъ сельскихъ обычаевъ. Съ искреннимъ сожалѣніемъ вспоминали они то время, когда, вмѣсто бѣдствующей породы сельскихъ рабочихъ, въ Англіи жило свободное крестьянство, столь же древнее и обезпеченное, какъ и самые дворяне, и юноши клялись по возможности возстановить прежнее, возвратить народу и церкви все, что имъ принадлежало, воскресить тѣ золотыя времена, когда священникъ былъ народнымъ трибуномъ, а дворянинъ — защитникомъ и отцомъ своихъ крестьянъ.

Никто, конечно, не увидитъ въ этихъ романтическихъ грезахъ аристократической молодежи, какъ и мы не видѣли въ первыхъ произведеніяхъ и рѣчахъ Дизраэли,—ничего радикальнаго, ничего теоретически обдуманнаго и способнаго существенно улучшить дѣйствительно жалкое положеніе безземельнаго англійскаго крестьянина. Но въ этой аристократической оболочкѣ, тѣмъ не менѣе, сказалось демократическое вѣяніе времени, представителемъ котораго, въ аристократическомъ, чисто-англійскомъ смыслѣ, явился Дизраэли. Молодежь, о которой мы говоримъ, не замедлила признать его своимъ вождемъ и назваться «юной Англіей». Она составила, такъ-сказать, лѣвую сторону торизма, правой стороной котораго управлялъ лордъ Джонъ Маннерсъ. Въ своемъ романтическомъ увлеченіи, она считала своею задачей

«спасти» Англію отъ господства казармообразныхъ фабрикъ и меркантильныхъ среднихъ классовъ.

Какъ ни безвинно было это, отчасти реакціонное, движеніе среди торійской молодежи, оно сильно не нравилось ихъ «отцамъ». Въ 1844-мъ году, герцогъ Рётлендъ, отецъ лорда Маннерса, писалъ лорду Стронгфорду, отцу одного изъ членовъ «юной Англіи», Джорджа Сидни Смита: «Такъ же сильно, какъ и вы, сожалѣю я о вліяніи мистера Дизраэли на разныхъ юныхъ британскихъ сенаторовъ, въ особенности на моего и вашего сына. Я не знаю лично мистера Дизраэли, но уважаю его дарованія, которыми онъ, впрочемъ, по моему мнѣнію, печально злоупотребляетъ. Больно думать, что двое такихъ юношей, какъ мой Джонъ и мистеръ Смитъ, должны быть руководимы человѣкомъ, который, относительно чистоты своихъ намѣреній, представляется мнѣ совершенно въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ и вамъ, хотя я и могу судить о немъ только по его общественной дѣятельности. Достойный удивленія характеръ нашихъ сыновей тѣмъ легче поддается искусству хитраго человѣка.» «Отцы», очевидно, не вѣрили искренности аристократическихъ намѣреній Дизраэли, они подозрѣвали его въ радикализмѣ и видѣли авантюриста въ этомъ крещеномъ евреѣ. Но «дѣти» думали иначе. Они поклонялись самообладанію, литературному и ораторскому таланту, находчивости и искусству своего вождя, образъ мыслей котораго такъ близко подходилъ къ ихъ романтическимъ мечтаніямъ. Плодомъ бесѣдъ Дизраэли съ «юной Англіей» былъ его романъ «Конингсби, или новое поколѣніе», вышедшій въ 1844 году, и посвященный члену «юной Англіи», Генри Гопу, владѣльцу Динденскаго парка, гдѣ авторъ гулялъ и бесѣдовалъ съ своими юными друзьями. Романъ этотъ имѣлъ огромный успѣхъ, и важенъ въ жизни лорда Биконсфильда тѣмъ, что доставилъ ему большую политическую и литературную извѣстность въ Англіи и за границей. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ онъ разошелся въ трехъ крупныхъ изданіяхъ, и не менѣе пятидесяти тысячъ экземпляровъ его было продано въ однихъ Соединенныхъ-Штатахъ.

Собственно говоря, «Конингсби»—не романъ, а политическая брошюра въ лицахъ. Не ожидая большого успѣха отъ теоретическаго изложенія своей системы, авторъ прибѣгнулъ къ болѣе популярной формѣ романа, въ которомъ развилъ свою неизмѣнную мысль о новомъ торизмѣ, какъ народной и національной политической партіи, и вмѣстѣ создалъ программу для предводимой имъ «юной Англіи». Съ одинаковымъ безпристрастіемъ бичуетъ онъ въ этомъ романѣ и виговъ, и торіевъ старой школы.

Уже въ самомъ началѣ романа авторъ распространяется о «венеціанской» партіи, о жадномъ дворянствѣ, цѣль котораго — низвести народнаго короля на степень управляемаго аристократами дожа, о превращеніи палаты общинъ послѣднею парламентской реформой изъ народной думы въ представительство средняго сословія, поставленнаго въ привилегированное положеніе. Это о вигахъ. Не менѣе рѣзко отзывался авторъ и о торіяхъ. Обращаясь къ прошлому, онъ говорилъ, что торійское министерство Ливерпуля не имѣло никакихъ принциповъ или управляло Англіей на основаніи принциповъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, какими руководствовались въ прежнія времена великіе вожди торіевъ. По его мнѣнію, члены этого министерства не имѣли ни единаго изъ тѣхъ «божественныхъ» даровъ, какими должны быть надѣлены государственные люди: они не были ни ораторами, ни мыслителями, ни наблюдателями, и столько же знали дѣйствительное состояніе собственнаго отечества, сколько знаютъ дикари о предстоящемъ солнечномъ затмѣніи. Невѣжественные по всѣмъ отраслямъ политической науки, они хвалились тѣмъ, что они—люди практическіе; но на ихъ языкѣ практическимъ человѣкомъ былъ тотъ, кто «практикуетъ глупости своихъ предшественниковъ». И такъ осмѣянъ имъ не одинъ только Ливерпуль. Современные автору торіи старой школы выставлены тиранами и эпикурейцами, живущими только въ собственное удовольствіе. Одинъ изъ нихъ, лордъ Монмоутъ,—умный и жесткій человѣкъ, который ненавидитъ страданіе и чувствительныя сцены, не терпитъ возраженій и противорѣчій. Единственная политическая цѣль его—добиться герцогской короны. Съ тою же ѣдкостью бичуетъ авторъ въ этомъ романѣ и положительность утилитаризма. Ненависть къ этому ученію является новымъ звеномъ, связующимъ его съ торійскою молодежью, съ «юной Англіей». Эта молодежь, жаждавшая возвратиться къ романтической таинственности средневѣкового ритуализма, называетъ въ романѣ церемоніи и формы проявленіемъ высшихъ инстинктовъ человѣческой природы, и самъ авторъ не упускаетъ случая сказать, что человѣчество подъ вліяніемъ высшихъ и глубочайшихъ чувствъ всегда прибѣгало къ церемоніи и формѣ, потому-что разгоряченная фантазія невольно взываетъ къ фантазіи другихъ и требуетъ себѣ выраженія, котораго не даетъ рутина будничной жизни. Пришло время, — говоритъ авторъ,—создать новую торійскую партію, которая не должна быть только консервативною, но должна требовать отъ всякаго, ссылающагося на охранительные принципы, чтобы онъ высказалъ: что именно онъ

желаетъ сохранить. По характеру лицъ, выведенныхъ въ «Конингсби», существовавшая доселѣ консервативная партія, главнымъ образомъ, состояла изъ людей, которыхъ политическія понятія сводились къ 1200 фунтамъ ежегоднаго прихода, уплачиваемымъ по четвертямъ года. Авторъ такъ характеризуетъ мыслительный процессъ этихъ лицъ: «получать 1200 фунтовъ въ годъ, значитъ быть правительствомъ; дѣлать попытки къ полученію 1200 фунтовъ — значитъ дѣлать оппозицію; желаніе добиться этихъ 1200 фунтовъ, есть честолюбіе». И авторъ серьёзно и восторженно приглашаетъ «юную Англію» отбросить это бездушіе и замѣнить его у кормила геніемъ и принципами.

Такова, по мнѣнію Дизраэли, была политическая задача минуты. Ровно черезъ годъ авторъ выступилъ съ новымъ, столь же значительнымъ романомъ, посвященнымъ уже соціальному вопросу. Въ pendant къ двумъ поколѣніямъ, изображеннымъ въ «Конингсби», романъ «Сивилла» изображалъ двѣ націи. Эти двѣ націи—не что иное, какъ два слоя, на которые распадался англійскій народъ, какъ и всякій другой: нація бѣдныхъ и нація богатыхъ. Романъ «Сивилла» былъ попыткой открыть глаза Англіи на жалкое положеніе ея низшихъ слоевъ и тѣмъ противодѣйствовать тому, что̀ авторъ считалъ ея политическимъ заблужденіемъ. Чтобы исполнить эту трудную задачу, Дизраэли досталъ черезъ одного своего пріятеля всю переписку между главнымъ вождемъ чартистовъ, Фергюсомъ О'Коннором, редакторомъ газеты «Northern Star», и другими руководителями того же движенія. Онъ предпринялъ также путешествіе по Англіи, чтобы лично ознакомиться съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе романа, и на мѣстѣ изучить жизнь бѣдныхъ. И онъ описалъ ее не только безъ преувеличеній, но и съ намѣренными смягченіями: по собственнымъ его словамъ, онъ чувствовалъ, что ему бы не повѣрили, еслибъ онъ сказалъ всю правду.

Фабула «Сивиллы» проста, какъ и фабула всѣхъ романовъ Дизраэли. Молодой дворянинъ Чарльзъ Игримонтъ, избранный въ 1837 году, послѣ довольно пусто проведенной юности, въ члены парламента, живя въ деревнѣ, встрѣчаетъ двоихъ незнакомцевъ недалеко отъ развалинъ стараго аббатства, принадлежащаго его брату. Между ними завязывается разговоръ; незнакомцы поражаютъ депутата оригинальностью и новостью своихъ мыслей о политическихъ и соціальныхъ дѣлахъ Англіи. Одинъ изъ нихъ, Стифенъ Морлей, оказывается фанатическимъ, но очень даровитымъ самоучкой, редакторомъ соціалистической га-

зеты; другой — Ультеръ Джерардъ, простымъ рабочимъ, типомъ саксонскаго свободнаго крестьянства, съ энергическимъ характеромъ и свѣтлой головой, — человѣкомъ какъ-бы созданнымъ для предводительства радикальною партіей рабочихъ. Они случайно попали въ эту мѣстность, провожая дочь Джерарда, желавшую посѣтить аббатство. Разговоръ между ними и Игримонтомъ коснулся былыхъ временъ. Джерардъ хвалилъ монаховъ: они не имѣли права владѣть частною собственностью, не могли откладывать и завѣщать деньги; они и не отсутствовали по цѣлымъ годамъ, какъ дѣлаютъ это нынѣшніе англійскіе землевладѣльцы; они строили и сѣяли для потомства, учреждали библіотеки и школы, помогали бѣднымъ. Джерардъ былъ католикъ, но у него на первомъ планѣ стояла не религіозная, а правовая сторона вопроса. Реформація, по его мнѣнію, только то и сдѣлала, что взяла приступомъ, опустошила и въ неслыханныхъ размѣрахъ ограбила монастыри, отняла всѣ ихъ сокровища у монаховъ, чтобы раздѣлить ихъ между грабителями и положить денежное основаніе новому дворянству. Морлей соглашается съ Джерардомъ; но ему жаль монастырей особенно потому, что съ ними исчезъ послѣдній англійскій типъ общиннаго владѣнія; ассоціацію, эту душу всякаго общества, замѣнила въ Англіи «изоляція». «Люди соединяются теперь въ большихъ городахъ только для наживы,—говоритъ онъ: — а затѣмъ никому нѣтъ дѣла до сосѣда. Христіанство въ свое время учило людей любить ближняго, какъ самого себя; но для новаго общества не существуетъ ближнихъ». Слова Джерарда и Морлея производятъ сильное впечатлѣніе на Игримонта; оно еще усиливается, когда Сивилла, окончивъ свою одинокую молитву въ аббатствѣ, присоединилась къ ихъ обществу. Она является въ романѣ воплощеніемъ надеждъ и нравственнаго благородства народа. Плѣненный Игримонтъ рѣшается поселиться въ той сторонѣ, гдѣ живетъ Джерардъ, чтобъ изучить положеніе фабричныхъ рабочихъ. На его глазахъ подготовляется и растетъ движеніе чартистовъ; романъ знакомитъ насъ съ мыслями предводителей и народныхъ массъ, разсказываетъ извѣстную читателямъ подачу петиціи въ парламентъ и бездушный пріемъ, оказанный ей депутатами. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ такой пріемъ на дѣйствующихъ лицъ романа, и между ними на Сивиллу, которая возлагала большія надежды на этотъ торжественный для чартистовъ день. Съ грустью читаетъ она въ газетѣ отчетъ о томъ парламентскомъ засѣданіи, но вдругъ лицо ея проясняется: она читаетъ, что въ парламентѣ

нашелся одинъ человѣкъ, который осмѣлился поднять голосъ въ ихъ пользу, что существуетъ дворянинъ, который, не будучи демагогомъ, поддержалъ дѣло народа и призналъ права труда столь же священными, какъ и права собственности. Въ романѣ эта рѣчь приписана Игримонту; но читателямъ понятно, что то была рѣчь Дизраэли.

Въ сношеніяхъ съ окружающими Игримонтъ защищаетъ чартизмъ, но въ дѣйствительности считаетъ его безголовой агитаціей, и объясняетъ Сивиллѣ причины, заставляющія его думать такимъ образомъ. Онъ убѣждаетъ ее, что она составила свои мнѣнія о высшихъ классахъ по книгамъ, а не добыла ихъ опытомъ, что съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти книги, произошла большая перемѣна; что господствующій классъ въ Англіи уже не тотъ, чѣмъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. — «Если произошла такая перемѣна,—гордо отвѣчаетъ она,—то произошла потому, что народъ сознал теперь свою силу». Но Игримонтъ упрашиваетъ ее отбросить это заблужденіе. «Народъ никогда не бываетъ силенъ, — говоритъ онъ: — народъ никогда не можетъ быть силенъ. Его попытки добиться своихъ правъ собственными средствами будутъ оканчиваться только страданіями и неурядицей. Перемѣну, о которой я говорю, совершила и всегда совершаетъ цивилизація; она одна научаетъ образованнаго человѣка общественнымъ его обязанностямъ. Теперь свѣтаетъ въ исторіи Англіи, но только высоко-стоящіе могутъ видѣть утреннюю зарю. Новое поколѣніе англійскихъ аристократовъ не тираны, не притѣснители, какъ вы упорно думаете, Сивилла. Ихъ умъ, даже больше, чѣмъ умъ—ихъ сердце проникнуто отвѣтственностью ихъ положенія... Они естественные руководители народа, Сивилла. Повѣрьте мнѣ: они единственные руководители, которыхъ онъ имѣетъ».

На эту живую и интересную тэму написанъ весь романъ, излагающій политическія и соціальныя мнѣнія автора. Біографъ Дизраэли справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ романѣ есть мѣста, напоминающія Лассаля. Романъ «Сивилла» былъ откликомъ на сильное броженіе, охватившее Англію въ сороковыхъ годахъ. Въ народѣ сказались общее недовольство и тревога. Плохія жатвы, суровыя зимы, строгій законъ о бѣдныхъ и агитація чартистовъ, сопровождавшаяся возстаніями и кровавыми столкновеніями, поддерживали въ низшихъ слояхъ Англіи лихорадочное настроеніе. Въ маѣ 1842 года чартисты снова обратились въ парламентъ съ петиціей за 3.300,000 подписей, и когда ее постигла та же участь, что и первую, были совершены, въ те-

ченіе трехъ мѣсяцевъ, два покушенія на жизнь королевы. Дороговизна и нищета подняли на ноги весь Уэльсъ и всю Ирландію. Образовались тайныя общества; опасность была такъ велика, что землевладѣльцы не рѣшались жить въ своихъ помѣстьяхъ. Въ среднихъ классахъ тоже шла дѣятельная агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, искусственно повышавшихъ цѣны на хлѣбъ въ интересѣ землевладѣнія и дворянства. Открыто поднять въ это время свой голосъ въ пользу землевладѣнія и дворянства — было очень смѣло. Извѣстно, что самъ тогдашній глава торіевъ и первый министръ, Робертъ Пиль, счелъ нужнымъ измѣнить одностороннимъ и вреднымъ для народа интересамъ своей партіи и предложилъ парламетту отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Но Дизраэли не отступалъ ни на шагъ отъ своей романтической и въ то же время, какъ показали послѣдствія, практической программы. Его натура не мирилась съ высшею рутинностью, положительностью и высокомѣріемъ перваго министра, одного изъ популярнѣйшихъ людей Англіи, въ его сношеніяхъ съ молодымъ и еще мало вліятельнымъ депутатомъ. Онъ открылъ противъ него, сначала по частнымъ, а потомъ и по общимъ вопросамъ, рѣшительную борьбу, и продолжалъ ее съ такою хитростью и силой, съ такимъ остроуміемъ и паѳосомъ, что сильный противникъ его, наконецъ, свалился и утратилъ свое положеніе и свою партію. Пользуясь тѣмъ, что Робертъ Пиль самъ стоялъ сначала во главѣ противниковъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ и обязался передъ своею партіей энергически вести это дѣло до конца, что министръ, поддерживаемый партіей именно за его направленіе, долженъ выдти въ отставку, расходясь съ нею въ существенныхъ вопросахъ, а не оставаться министромъ вопреки этой партіи, Дизраэли напалъ на Пиля, котораго торіи считали измѣнникомъ, и отбилъ у него если не всю, то значительную часть этой партіи. По мнѣнію Брандеса, больше чѣмъ вѣроятно, что дальновидный Дизраэли уже тогда предвидѣлъ опасности, угрожавшія англійскому земледѣлію отъ соперничества съ сѣверо-американскимъ. Но въ парламентскихъ преніяхъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ онъ исключительно ссылался на отступничество Роберта Пиля. Когда, несмотря на сопротивленіе торіевъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ состоялась, эта партія потеряла голову и языкъ; ей былъ необходимъ человѣкъ, который бы мыслилъ и говорилъ за нее и въ ея интересахъ, и такимъ человѣкомъ сталъ для нея Дизраэли. Изъ иноземца, предки котораго даже не имѣли правъ на земельную собственность въ Англіи, изъ городского депутата, изъ ро-

маниста и салоннаго денди, онъ дѣлался теперь представителемъ землевладѣнія. Это было странно, парадоксально, но въ данномъ случаѣ очень практично. Одно только это положеніе могло заставить забыть происхожденіе Дизраэли и смотрѣть на него, какъ на истаго англичанина и патріота. Онъ и прежде говорилъ, что фабриканты и промышленники могли бы, еслибъ пожелали, переселиться хоть въ Египетъ, не принося этимъ вреда Англіи, что собственно одни земледѣльцы могутъ быть названы настоящими и прирожденными патріотами, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна нація. Потомъ онъ явился горячимъ защитникомъ интересовъ землевладѣнія въ вопросѣ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, а съ 1848 года сталъ признаннымъ, фактическимъ главою торіевъ въ палатѣ общинъ. Оставаться долѣе представителемъ мѣстечка Шрёсбэри ему было уже неудобно. Поддерживаемый многочисленными приверженцами, онъ выступилъ кандидатомъ въ Бёккингэмскомъ графствѣ, гдѣ пріобрѣлъ имѣніе Гюгенденъ, въ 1847 году былъ избранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ представители этого графства, и оставался его депутатомъ до своего перехода, въ 1876 году, въ палату лордовъ.

Къ этому времени относится и одинъ изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ романовъ Дизраэли — «Танкредъ», посвященный богословской и исторической защитѣ еврейскаго племени. Иронія и мистицизмъ — вотъ двѣ преобладающія черты этого произведенія, яркими красками рисующаго то, чтó представляется автору историческою, логическою и нравственною ошибкой христіанъ относительно еврейства. Христіанство вышло изъ еврейства, говоритъ онъ устами дѣйствующихъ лицъ романа; еслибъ не евреи Палестины, современные народы сѣвера и запада ничего не знали бы объ Евангеліи. Первые апостолы были евреи, исключительно евреи; первые евангелисты — евреи, и только евреи. Въ теченіе почти цѣлаго вѣка, одни только евреи вѣрили въ ученіе Спасителя. Не римскій сенаторъ и не аѳинскій философъ, а еврей изъ Тарса учредилъ семь церквей въ Азіи, и ту знаменитѣйшую церковь, которая отмстила за разрушеніе Іерусалима, завоевавъ себѣ Римъ и превративъ всѣ греческіе и римскіе храмы въ алтари синайскаго Бога и Христа.

Религіозные вопросы еще продолжали сильно интересовать англійское общество въ сороковыхъ годахъ. Уже гораздо послѣ появленія романа «Танкредъ», либеральный противникъ Дизраэли, Гладстонъ, серьёзно усматривалъ христіанскую св. Троицу въ гомерическихъ богахъ, даже въ треножникѣ Посейдона, и срав-

нительно съ нимъ Дизраэли былъ радикаломъ въ религіозныхъ вопросахъ. Его попытка согласовать и примирить въ «Танкредѣ» христіанство съ еврействомъ, его мысль объ оправдавшемся высокомъ предназначеніи избраннаго и потому аристократическаго еврейскаго народа, были заявленіями слишкомъ рѣзкими и смѣлыми для тогдашняго торія. Романъ оканчивается союзомъ прекрасной и ревностной еврейки Евы съ молодымъ Танкредомъ, союзомъ Англіи съ Востокомъ.

Картины восточной жизни набросаны авторомъ съ большимъ искусствомъ. Ему удался также и характеръ эмира Факредина. Въ лицѣ Факредина авторъ желалъ выставить политическій геній, не богатый познаніями и силою воли, хотя и вкусившій европейскаго образованія. Для насъ онъ важенъ потому, что авторъ приписывалъ ему планы, занимавшіе и томившіе его самого. Факрединъ, въ юности стремившійся достигнуть королевской власти въ Сиріи, постоянно жаждетъ болѣе обширнаго поля политической дѣятельности. «Онъ желалъ приводить въ изумленіе не приливанскій край, а Европу, и мѣряться своими нравственными силами съ крупными тронами и державами, а не съ простыми шейхами и эмирами своихъ горъ». Долгіе восточные дни просиживалъ онъ, съ турецкой трубкой во рту, на диванѣ Танкреда, нашептывая своему другу самыя странныя фантазіи. Онъ говорилъ между прочимъ: «Вы, англичане, должны исполнить въ большихъ размѣрахъ старый планъ Португаліи. Вы должны покинуть маленькую, истощенную страну, и замѣнить ее великою и обширною имперіей. Пусть королева Англіи соберетъ свои корабли, пусть нагрузитъ ихъ своими сокровищами, своими капиталами, золотыми вещами и драгоцѣннымъ оружіемъ; пусть она, со всѣмъ своимъ дворомъ и своими лучшими людьми, перенесетъ мѣстопребываніе правительства изъ Лондона въ Дельи. Тамъ найдетъ она готовымъ громадное царство, первоклассное войско и большіе доходы... Я же позабочусь о Сиріи и Малой Азіи. Афганами можно управлять только при помощи Персіи и арабовъ. Мы признáемъ тогда индійскую императрицу нашимъ верховнымъ сюзереномъ и обезпечимъ ей господство на восточномъ побережьѣ. Если она пожелаетъ, ей должна принадлежать и Александрія, какъ принадлежитъ теперь Мальта; это можно сдѣлать. Ваша королева молода; у ней есть будущность. Абердинъ и Пиль никогда не подадутъ ей такого совѣта; ихъ привычки уже сложились разъ навсегда; они слишкомъ стары, слишкомъ хитры. Но вы видите сами: дѣло идетъ о величайшемъ изъ царствъ, какія когда-либо существовали. Имѣя все

это, королева освободится въ то же время отъ затрудненій, представляемыхъ обѣими палатами! И все это вполнѣ осуществимо: единственная трудная часть задачи—завоеваніе Индіи, въ которомъ Александръ Македонскій потерпѣлъ неудачу,—уже исполнена».

Мы остановились на этомъ эпизодѣ и привели эту выписку, потому что каждой изъ высказанныхъ въ ней мыслей соотвѣтствуетъ какое-нибудь позднѣйшее дѣйствіе уже не Дизраэли только, но и лорда Биконсфильда. Съ тѣхъ поръ, какъ написанъ «Танкредъ», онъ прямо называлъ Англію восточною державой, а Индію центромъ тяжести англійскаго могущества. Онъ провозгласилъ королеву Викторію индійской императрицей, и присовѣтовалъ извѣстную поѣздку принца Уэльскаго въ Индію, «съ сокровищами, капиталами и драгоцѣннымъ оружіемъ», «въ сопровожденіи лучшихъ людей». Онъ призвалъ индійскія войска въ Европу на защиту англійскихъ интересовъ; наконецъ онъ же сдѣлалъ индійскую императрицу верховнымъ сюзереномъ Малой Азіи. Сдѣлавъ Англію сильнѣйшимъ акціонеромъ Суэзскаго канала, онъ не завладѣлъ Александріей, чтобы не ссориться съ Франціей, но замѣнилъ ее Кипромъ. Афганцы уже укрощены, и обѣ палаты англійскаго парламента все время узнавали отъ перваго министра только уже совершившіеся факты.

Тридцать лѣтъ прошли со времени появленія въ свѣтъ «Танкреда», и въ теченіе этого долгаго періода авторъ оставался упорно вѣренъ заявленнымъ въ немъ планамъ. Послѣ «Танкреда», онъ прервалъ свою литературную дѣятельность на двадцать-три года, и вполнѣ отдался достиженію задуманныхъ политическихъ цѣлей. Единственнымъ его сочиненіемъ за это время была біографія лорда Бентинка, чисто-политическаго содержанія.

Соединенныя усилія недовольныхъ виговъ, предводимыхъ Пальмерстономъ пилитовъ и торіевъ сломили въ 1852 году министерство виговъ, во главѣ котораго стоялъ лордъ Джонъ Россель. Составленіе новаго кабинета было поручено королевой лорду Дерби, и когда Пальмерстонъ отказался принять управленіе министерствомъ финансовъ въ торійскомъ кабинетѣ, оно было предложено Дизраэли. Въ первый разъ становился онъ членомъ правительства, но членомъ еще новымъ, не имѣющимъ въ этомъ качествѣ большого авторитета, и притомъ среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Торійская партія составляла тогда меньшинство въ палатѣ общинъ. Число торіевъ равнялось соединенному числу виговъ и радикаловъ; перевѣсъ той или другой партіи давали пилиты, а это были непримиримые враги новаго министра.

Внесенный имъ проектъ бюджета былъ составленъ искусно. Лордъ Пальмерстонъ писалъ объ этомъ проектѣ своему брату: «Сегодня вечеромъ Дизраэли внесъ очень хорошій финансовый проектъ. Его двухчасовая рѣчь была прекрасна, стройна, ясна и хорошо сказана... Онъ вполнѣ отказался отъ мысли объ обложеніи привознаго хлѣба пошлиной или, другими словами, выкинулъ за-бортъ принципъ таможеннаго покровительства». Дѣйствительно, уже въ первый день своего министерства, Дизраэли отвѣтилъ на предложенный ему запросъ по этому жгучему дѣлу, что такъ какъ сторонникамъ свободной торговли удалось возбудить такую массу предубѣжденій и ненависти даже противъ чисто-фискальныхъ и низкихъ пошлинъ, то онъ счелъ бы со стороны правительства въ высшей степени безразсуднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ идти наперекоръ народному мнѣнію. Въ томъ же смыслѣ высказался онъ въ своей объяснительной рѣчи къ проекту бюджета. Въ другой разъ онъ прямо отозвался, что «духъ вѣка стремится къ свободной конкурренціи, что ни одинъ государственный человѣкъ не можетъ безнаказанно пренебрегать духомъ своего времени»; но лордъ Дерби былъ менѣе уступчивъ въ этомъ вопросѣ, и вскорѣ противъ правительства составилось въ палатѣ общинъ большинство изъ 86 голосовъ. Просуществовавъ всего десять мѣсяцевъ, торійское министерство пало, и составленіе новаго кабинета было поручено лорду Абердину, составившему коалиціонное министерство, въ которое вошелъ и главный дѣятель средней партіи (пилитовъ) Гладстонъ, будущій политическій соперникъ и врагъ Дизраэли.

Гладстонъ началъ съ самаго крайняго торизма и кончилъ чуть не переходомъ въ радикальный лагерь. Таланты и характеры этихъ двухъ людей были такъ же противоположны, какъ и ихъ направленія. Гладстонъ — человѣкъ убѣжденія, говоритъ Брандесъ, что не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ, измѣняющимъ свои убѣжденія. Онъ измѣнилъ мало-по-малу, по частямъ, всю свою политическую вѣру, но въ каждую данную минуту вполнѣ и твердо вѣрилъ въ безусловную истинность своего credo. Лордъ Биконсфильдъ, напротивъ, всегда гордился своимъ политическимъ постоянствомъ, и въ существенныхъ чертахъ дѣйствительно оставался вѣрнымъ самому себѣ; если онъ относился къ вещамъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, то видоизмѣненія въ его образѣ мыслей всегда вызывались не измѣнившимся убѣжденіемъ, а только толковою уступчивостью окружающимъ. Гладстонъ соединяетъ голову министра финансовъ съ сердцемъ филантропа; онъ — человѣкъ цифръ, умѣющій сочувствовать страданіямъ человѣчества; но онъ

— не интересная и не оригинальная натура. Лордъ Биконсфильдъ, напротивъ, натура въ высшей степени оригинальная; въ его природѣ есть нѣчто демоническое. Гладстону не стоило большого труда сознаваться, что онъ ошибся. Дизраэли никогда не приходилось сознаваться въ ошибкѣ, и притомъ съ нѣкоторымъ правомъ, по цѣльности его природы, надъ которою въ его глазахъ время не имѣло никакой власти. Съ годами Гладстонъ все болѣе и болѣе поддавался раздражительности и впечатлѣніямъ минуты; соперникъ его, напротивъ, дѣлался съ годами все спокойнѣе и холоднѣе. Они противоположны и какъ ораторы. Чтобъ убѣдить своихъ слушателей, Гладстонъ ссылается на вѣчныя идеи справедливости и истины; онъ говоритъ именемъ человѣчества и христіанства, онъ признаётъ философскія, филантропическія и космополитическія идеи высшими руководящими идеями также и въ политикѣ. Для лорда Биконсфильда, рѣшающими авторитетами въ политикѣ служатъ великіе государственные люди Англіи, онъ ссылается не на идеи, а на прецеденты, не на принципы, а на Болинброка и Шельборна. Онъ желаетъ, прежде всего, быть національнымъ и вѣрнымъ исторіи. Но всего болѣе разошлись они въ дѣлахъ внѣшней политики. Гладстонъ прежде всего стремился къ систематическому уменьшенію государственнаго долга Англіи отличными финансовыми мѣрами; для достиженія этой цѣли былъ необходимъ миръ, и онъ простеръ такъ далеко свое миролюбіе и свою политику невмѣшательства, что Англія повсюду уже считалась страною исключительно промышленною, неспособною отстаивать вооруженною рукой свое внѣшнее вліяніе, свои притязанія и права. Противникъ его былъ силенъ именно тѣмъ, что держался совершенно противоположнаго направленія и въ послѣднее время дѣйствительно разсѣялъ распространившееся мнѣніе о безсиліи Англіи.

Паденіе министерства Дерби въ декабрѣ 1852 года возвратило Дизраэли въ положеніе оппозиціоннаго депутата. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двадцати-одного года, онъ былъ только четыре года министромъ: съ марта 1858 до іюня 1859 — министромъ финансовъ въ кабинетѣ лорда Дерби, и съ 1866 по 1868 годъ, сначала также министромъ финансовъ, потомъ, когда лордъ Дерби отказался отъ власти, первымъ министромъ, но очень короткое время. Не раньше 1874 года, когда ему было уже семьдесять лѣтъ, получилъ онъ свое настоящее значеніе, какъ первый министръ, дѣйствительно руководящій дѣлами страны. Въ качествѣ дѣятельнаго члена оппозиціи, онъ выдался особенно своею проницательностью въ виду индійскаго возстанія, о кото-

ромъ министерство отзывалось сначала какъ о явленіи неважномъ, какъ о случайномъ военномъ бунтѣ, и которое онъ первый призналъ возстаніемъ народнымъ. Онъ высказалъ при этомъ свою мысль о способахъ вліянія на восточные народы, которая потомъ вошла въ его правительственную систему. Онъ доказывалъ, что всѣ великіе государственные люди Англіи, занимавшіеся индійскими дѣлами, считали необходимымъ оставлять неприкосновенными права и привилегіи, законы и нравы, собственность и религію управляемыхъ народовъ, и показалъ на примѣрахъ, какъ сильно провинилось правительство во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. «Вы должны — все равно, получите ли вы извѣстіе о побѣдѣ или пораженіи—объявить индійскому народу, что онъ станетъ отнынѣ въ болѣе тѣсныя отношенія къ своей дѣйствительной государынѣ, королевѣ Викторіи. Въ этомъ смыслѣ вы должны дѣйствовать на общественное мнѣніе въ Индіи, а на общественное мнѣніе восточныхъ народовъ можно дѣйствовать только черезъ ихъ воображеніе».

Дизраэли выдался также своей парламентской дѣятельностью послѣ извѣстнаго покушенія Орсини на жизнь Наполеона III. Когда гр. Валевскій вручилъ лорду Пальмерстону обидную ноту, въ которой Англія выставлялась защитницей убійцъ, а въ «Монитерѣ» былъ напечатанъ адресъ французскихъ полковниковъ къ императору, просившій позволенія призвать къ отвѣту «эту нечистую страну, это гнусное гнѣздо», Пальмерстонъ отнесся ко всему этому съ такой угодливостью, что предложилъ парламенту новый законъ противъ эмигрантовъ. Дизраэли возсталъ противъ этой политики и нанесъ министерству рѣшительный ударъ. Оно пало и въ 1858 году власть, какъ мы сказали выше, перешла опять къ лорду Дерби.

Но и это торійское министерство было недолговѣчно. Сторонники его, торіи, опять составляли меньшинство въ палатѣ общинъ. Министерство было вынуждено искусно лавировать, чтобы просуществовать короткое время. Оно успѣло однако-же непосредственно подчинить Остъ-Индію англійской коронѣ и правительству, и открыть евреямъ доступъ въ парламентъ. Первый еврей, ставшій членомъ парламента, баронъ Лайонель Ротшильдъ, вошелъ въ палату общинъ подъ-руку съ Дизраэли. Но общественное мнѣніе требовало еще и парламентской реформы. Давно уже хотѣлось Дизраэли вырвать этотъ вопросъ изъ рукъ виговъ и, несмотря на крайнее недоброжелательство торіевъ къ подобной мѣрѣ, онъ рѣшился провести ее. Ему предстояло совершить невозможное чудо политическаго искусства — удовлетворить одновре-

менно и торіевъ, и виговъ въ этомъ вопросѣ капитальной важности для Англіи. На внесенный имъ проектъ посыпались осужденія со всѣхъ сторонъ. Проектъ не былъ ни демократическимъ, ни консервативнымъ; но онъ шелъ дальше послѣдовавшаго за нимъ билля виговъ о той же реформѣ. Онъ былъ отвергнутъ; министерство рискнуло распустить парламентъ и произвести новые выборы, но и новый парламентъ тоже высказался противъ него. Смѣнившее торійскій кабинетъ министерство, въ составъ котораго вошли Пальмерстонъ, Россель и Гладстонъ, продолжало ту политику равнодушія къ колоніямъ и дѣламъ внѣшнимъ, которая въ скоромъ времени вызвала сильную реакцію и доставила Дизраэли полную побѣду надъ вигами. Когда министръ колоній, герцогъ Ньюкэстль, не затруднился заявить публично, что онъ очень порадовался бы расторженію колоніальныхъ узъ между Канадой и Англіей, Дизраэли горячо напалъ на министерство, и мы знаемъ теперь, что онъ способствовалъ потомъ скрѣпленію этихъ узъ, упраздненіе которыхъ порадовало бы виговъ, и назначенію зятя королевы, маркиза Лерна, генералъ-губернаторомъ Канады. Еще рѣшительнѣе протестовалъ онъ противъ передачи Іонійскихъ острововъ Греціи. Онъ оставлялъ совсѣмъ безъ вниманія желаніе населенія этихъ острововъ присоединиться къ греческому королевству; на первомъ планѣ стояло у него стремленіе сохранить на Средиземномъ морѣ цѣпь гарнизоновъ, охранявшихъ путь въ Индію. «Профессоры и риторы,—говорилъ онъ,—придумываютъ систему для каждаго событія и принципъ для каждаго отдѣльнаго случая; но вы, я надѣюсь, не желаете предоставить рѣшеніе судебъ британской имперіи мальчуганамъ и педантамъ. Государственныхъ людей, которыми составляются планы, и людей боевыхъ, которыми эти планы исполняются, воодушевляютъ только инстинктивное стремленіе къ могуществу и любовь къ родинѣ. Вотъ тѣ чувства и тѣ способы, которыми создаются великія имперіи». Въ прошломъ году, какъ извѣстно, лордъ Биконсфильдъ замѣнилъ упраздненный въ 1863 г. протекторатъ надъ Іонійскими островами вновь пріобрѣтеннымъ протекторатомъ надъ островомъ Кипромъ.

Внимательно слѣдилъ Дизраэли за внѣшней политикой министерства, и при каждомъ удобномъ случаѣ наносилъ ему чувствительные удары. Онъ издѣвался надъ политическою сантиментальностью правительства въ польскомъ вопросѣ, рѣзко и сильно порицалъ недостойную политику кабинета относительно Даніи, противъ которой ополчилась тогда Пруссія, и одно предложеніе его, направленное противъ этой внѣшней политики, было отвергнуто

въ палатѣ общинъ уже только незначительнымъ большинствомъ 18-ти голосовъ.

Равнодушное къ дѣламъ внѣшнимъ, министерство нашло нужнымъ предложить внутри, по смерти лорда Пальмерстона, свой проектъ парламентской реформы. Лорду Росселю хотѣлось разъ навсегда покончить съ этимъ тревожнымъ вопросомъ, назрѣвшимъ до того, что обойти его было уже невозможно. Его проектъ, нерѣшительный и никого не удовлетворившій, не прошелъ, и министерство вышло въ отставку.

Лордъ Дерби вновь сдѣлался главою кабинета, въ которомъ Дизраэли въ третій разъ принялъ должность министра финансовъ. Новое министерство опять не имѣло на своей сторонѣ большинства голосовъ въ парламентѣ, и опять было встрѣчено общественнымъ мнѣніемъ съ большимъ недовѣріемъ. Никто уже не вѣрилъ въ торизмъ, какъ дѣйствительную силу, а тѣмъ менѣе прогрессивную силу. Волненіе въ пользу парламентской реформы росло съ каждымъ днемъ и возбуждало настоящую ненависть противъ Дизраэли, какъ главнаго противника предложенной Росселемъ реформы. Торійскому кабинету не оставалось ничего другого, какъ овладѣть этимъ вопросомъ, внести свой проектъ и удовлетворить общее нетерпѣливое желаніе. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ было предложено разными министерствами не менѣе шести проектовъ, которые были отвергнуты всѣ; но это не устрашило Дизраэли. Онъ предложилъ парламенту проектъ резолюцій по этому вопросу, ссылаясь на свое желаніе ознакомиться съ господствующими въ палатѣ воззрѣніями на реформу. Но отъ него потребовали настоящаго билля. Онъ не остановился и передъ этимъ косвеннымъ заявленіемъ недовѣрія со стороны всемогущей палаты общинъ. Онъ внесъ въ нее билль, по которому одна четвертая часть избирателей принадлежала къ аристократіи, другая четвертая часть — къ рабочему классу, а остальныя двѣ четверти—къ среднему сословію. Билль этотъ былъ либеральнѣе того, который предлагали прежде виги; онъ предоставлялъ право голоса всѣмъ нанимателямъ домовъ и даже произвелъ расколъ въ кабинетѣ. Недовольные имъ три министра, въ томъ числѣ будущій лордъ Сольсбри, вышли изъ министерства. На этотъ разъ, однако же, не торіи были главною помѣхой дѣлу реформы. Они, повидимому, примирились съ ея неизбѣжностью. За-то виги, въ лицѣ Гладстона, подвергли проектъ Дизраэли подробнѣйшему анализу и выдѣлили изъ него всѣ такъ-называемыя консервативныя гарантіи, придуманныя его авторомъ. Къ общему удивленію, послѣдній съ-разу и охотно

согласился на эти перемѣны. Онъ согласился даже предоставить избирательный голосъ нанимателямъ комнатъ, платившимъ ежегодно десять фунтовъ найма. Искусно маневрируя между партіями, онъ достигъ своей цѣли. Проектъ его, сильно измѣненный съ его согласія, прошелъ; проектъ Гладстона былъ отвергнутъ. Во время этихъ преній, совѣщаній и переговоровъ, Дизраэли выказалъ необычайную дѣятельность. Онъ говорилъ въ палатѣ общинъ 310 разъ — и, сверхъ того, предложилъ свой проектъ бюджета, составленный съ такою прозрачною ясностью, которая обезоружила даже и его противниковъ. Дизраэли торжествовалъ на всѣхъ пунктахъ. На банкетѣ, вскорѣ данномъ ему въ Эдинбургѣ, онъ высказалъ открыто, что поставилъ себѣ задачей «воспитать торійскую партію». Теперь онъ былъ у цѣли. Парламентская реформа никогда не пугала его; онъ всегда хотѣлъ усилить представительство аристократіи и низшихъ классовъ на-счетъ среднихъ, и считалъ теперь особенной удачей, что онъ, консерваторъ и торій, провелъ либеральную реформу. Одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ былъ, такимъ образомъ, порѣшенъ. Теперь можно было, удовлетворивъ общественное мнѣніе внутри, обратиться къ заброшеннымъ вопросамъ внѣшней политики.

Но положеніе перваго министра, сильнаго парламентскимъ большинствомъ, все еще не давалось Дизраэли. Правда, въ февралѣ 1868 г. больной лордъ Дерби удалился въ частную жизнь, указавъ королевѣ на Дизраэли, какъ на своего единственно возможнаго преемника, и Дизраэли занялъ постъ перваго министра; но онъ былъ министромъ парламентскаго меньшинства, и когда Гладстонъ внесъ свое предложеніе объ упраздненіи государственной (англиканской) церкви въ Ирландіи, ему, какъ торію, стоявшему за «священный союзъ между церковью и государствомъ», пришлось рѣзко разойтись съ большинствомъ въ этомъ вопросѣ, и уступить мѣсто перваго министра Гладстону.

Вскорѣ послѣ этой неудачи, Дизрали издалъ въ 1870 году свой послѣдній романъ—«Лотаръ», направленный противъ проявившагося въ англійской аристократіи стремленія къ переходу въ католицизмъ. Герой этого романа—молодой и очень богатый аристократъ, томимый жаждой овладѣть религіозною истиной и выбрать ту церковь, которая ее представляетъ. Рѣшившись употребить часть своего огромнаго состоянія на сооруженіе собора, онъ еще не знаетъ, долженъ ли этотъ соборъ быть католическимъ или протестантскимъ. Вліяніе отлично образованнаго, знающаго свѣтъ кардинала и одной любезной католической семьи склоняетъ его въ пользу католицизма, но «добрый геній» Лотара, Теодора,

разрушаетъ эти планы обаяніемъ своихъ революціонныхъ идей. Итальянская патріотка, сначала бѣдная уличная пѣвица, дитя народа, она стала теперь главою итальянскихъ тайныхъ обществъ; свое состояніе, свои украшенія, частную жизнь и покой — все принесла она въ жертву дѣлу свободы, и кончила страдальческою смертью при Ментанѣ. Отъ нея узнаетъ Лотаръ совсѣмъ новыя для него мысли. Она убѣждаетъ его, что дѣло не въ католичествѣ, что можно быть очень религіознымъ человѣкомъ и не принадлежать ни къ какой церкви. «Какой же вы вѣры?» спрашиваетъ ее Лотаръ. «Я думаю, что истинной вѣры», отвѣчаетъ Теодора: «совѣсть — вотъ моя религія», и на вопросъ удивленнаго собесѣдника, неужели она никогда не нуждалась въ чужомъ руководительствѣ, говоритъ: «Я никогда не слыхивала отъ этихъ руководителей такой истины, которой прежде не научила бы меня собственная совѣсть. Они говорятъ другимъ языкомъ, чѣмъ я, но я постоянно нахожу, что наши мнѣнія одинаковы. Они называютъ вѣчностью то, что я называю временемъ; описывая небо, они изображаютъ землю, и надѣляютъ чисто земными свойствами тѣ существа, которыя они называютъ божественными». Теодора, разумѣется, критически относится къ папству и его свѣтской власти. Увлеченный этою горячей и привлекательной натурой, Лотаръ однако же не въ силахъ высвободиться изъ сѣтей католицизма. Сначала онъ поступаетъ волонтеромъ въ отрядъ, предводительствуемый мужемъ Теодоры, и при Ментанѣ получаетъ тяжелую рану. Привезенный въ безсознательномъ состояніи въ Римъ, гдѣ въ это время находились многіе англичане-католики, онъ дѣлается героемъ небывалой легенды. Духовенство распускаетъ слухъ, что онъ спасенъ чудеснымъ явленіемъ Мадонны; папскія газеты возвѣщаютъ даже, что онъ сражался при Ментанѣ за папу, за его «святое» дѣло. Но вотъ онъ выздоравливаетъ и читаетъ эти газетныя строки, очень удачно пародированныя авторомъ. Онъ протестуетъ, называетъ это ложью. Правда, — объясняетъ ему кардиналъ: о вашемъ участіи въ дѣлѣ при Ментанѣ говорятъ различно, и если вѣрить вашему показанію, то это участіе «было нѣсколько иного свойства»; но ваше показаніе, само по себѣ въ высшей степени невѣроятное и не подтвержденное свидѣтелями, еще не позволяетъ назвать свѣдѣнія газетъ ложными; вы должны вспомнить, что были очень больны, и что болѣзнь парализуетъ память; Георгъ IV вѣрилъ, что лично участвовалъ, даже начальствовалъ въ сраженіи при Ватерло и т. п. Воля Лотара была такимъ образомъ опутана тончайшими нитями; его чтили, ему

чуть не поклонялись, какъ человѣку, надъ которымъ совершилось чудо. Но воспоминаніе о Теодорѣ пробуждаетъ въ немъ послѣдніе остатки энергіи, и онъ внезапно спасается бѣгствомъ изъ Рима, ѣдетъ странствовать на Востокъ и, по возвращеніи въ Англію, женится на протестанткѣ, подругѣ своихъ юношескихъ лѣтъ. Романъ, конечно, не ограничивается этими дѣйствующими лицами. Въ немъ являются на сцену, въ болѣе или менѣе неудачныхъ образахъ, и спорятъ между собою представители всѣхъ современныхъ міровоззрѣній: католики, протестанты, пантеисты, свободные мыслители, какъ органы «арійскихъ принциповъ», и наконецъ семиты.

Высокое политическое положеніе автора, не помѣшавшее ему написать новый романъ, доставило послѣднему безпримѣрный успѣхъ. Требованіе на романъ было такъ велико, что лондонскіе книгопродавцы купили каждый по 1,200 экземпляровъ перваго изданія. Одна фирма въ Америкѣ продала въ одинъ мѣсяцъ 25,000 экземпляровъ «Лотара». Въ нѣсколько недѣль онъ разошелся въ семи изданіяхъ.

Гладстонъ, между тѣмъ, проводилъ въ парламентѣ реформу за реформой, продолжая терпѣливо выносить большія неудачи по внѣшней политикѣ. По утвержденіи билля о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ, онъ внесъ проектъ объ университетскомъ образованіи въ Ирландіи, предлагая упрочить религіозную свободу преподаванія не только упраздненіемъ протестантскаго богословскаго факультета въ дублинскомъ университетѣ, но и отмѣной преподаванія философіи и новѣйшей исторіи. Дизраэли произнесъ сильную рѣчь противъ этого билля, радикальностью котораго были недовольны и многіе либералы; билль не прошелъ; палата общинъ высказалась противъ него большинствомъ трехъ голосовъ, и когда, послѣ этого рѣшенія, Гладстонъ хотѣлъ удалиться изъ министерства, Дизраэли отказался смѣнить его, зная по опыту, какъ непрочно будетъ положеніе новаго министерства при шаткомъ парламентскомъ большинствѣ. Еще въ теченіи одного года оставилъ онъ накопляться неудовольствію парламента на смѣлыя внутреннія реформы и робкую внѣшнюю политику министерства, и только въ 1874 году, когда противъ послѣдняго высказалось большинство пятидесяти голосовъ, принялъ на себя составленіе новаго кабинета. Читателямъ памятенъ характеръ управленія Дизраэли, возведеннаго съ тѣхъ поръ въ званіе лорда Биконсфильда, за послѣдніе годы: блестящая внѣшняя политика и застой въ дѣлахъ внутреннихъ составляютъ ея характеристическую особенность и рѣзкое отличіе отъ системы Гладстона, виговъ и радикаловъ.

Есть что-то сказочное въ изложенной нами судьбѣ и политической карьерѣ перваго министра современной Англіи. Читатели не могли не поразиться столько же оригинальностью, сколько парадоксальною отсталостью его общихъ идей, и въ то же время его несомнѣннымъ политическимъ талантомъ и необычайной энергіей. Рожденный еврей дѣлается однимъ изъ первоклассныхъ политическихъ людей и патріотовъ Англіи, возвращая ей повсюду прежнее ея внѣшнее вліяніе и значеніе. Для достиженія этой цѣли, онъ дѣйствительно воспитываетъ самую отсталую изъ англійскихъ партій, указываетъ ей тѣ общественные элементы и интересы, на которые она можетъ еще опираться, является аристократомъ, имѣющимъ въ виду интересы народа и короны, популярнымъ ретроградомъ и прогрессивнымъ противникомъ либераловъ, не чуждающимся ни демократическихъ, ни соціальныхъ идей, романтикомъ-идеалистомъ въ теоріи и реалистомъ на практикѣ, носителемъ историческихъ преданій и новаторомъ, евреемъ и христіаниномъ, министромъ арійской державы, провозглашающимъ ее державою восточной и въ этомъ смыслѣ направляющимъ ея политику. Всѣ противорѣчія англійской жизни соединились въ этомъ человѣкѣ и сдѣлали его, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, олицетвореніемъ англійской политики и англійскихъ интересовъ, поскольку они совпадаютъ въ данную минуту съ тѣмъ «семитическимъ принципомъ», которому онъ парадоксально придаетъ такое фантастическое значеніе въ исторіи, и въ которомъ видитъ великій синтезъ, движущій человѣчество. Но времена измѣнчивы. Условія, такъ сильно благопріятствующія теперь внутреннему застою и внѣшнимъ дѣламъ Англіи, пройдутъ; успѣхи внѣшней политики перестанутъ удовлетворять управляемыхъ лордомъ Биконсфильдомъ арійцевъ; такъ-называемый имъ «арійскій принципъ», въ которомъ онъ видитъ лишь начало разлагающее, какъ и во всей современной наукѣ, не замедлитъ возвратиться къ жизни и управленію дѣлами страны. Тогда отъ всѣхъ идей и политики лорда Биконсфильда сохранится воспоминаніе о даровитомъ человѣкѣ, умѣвшемъ въ свое время отвѣтить на трудный запросъ минуты и давшемъ рѣшительное направленіе восточной политикѣ Англіи. Неумирающій «арійскій принципъ» примется опять за внутреннія дѣла великой страны, и общія идеи, выработанныя современнымъ раціонализмомъ, обрекутъ забвенію устарѣлыя, хотя и оригинальныя идеи политическаго романиста, ставшаго первымъ министромъ.

В. К.

* *
*

Осеннiй желтый лѣсъ стоялъ угрюмо,
Шуршалъ опавшiй листъ, рѣка
Катила воды нехотя, безъ шума,
Клубились низко облака.

Вся жизнь моя безцвѣтна и уныла
Казалась мнѣ какъ этотъ день;
А въ облакахъ межъ тѣмъ уже сквозила
Лазурь небесъ; бѣжала тѣнь

И вдругъ, порвавъ послѣднюю завѣсу,
Блеснулъ горячiй солнца лучъ
И побѣжалъ по лугу и по лѣсу,
Огнемъ пылая между тучъ.

Все разомъ вспыхнуло: рѣка, трава,
А лѣсъ подъ ласковымъ лучомъ
Горѣлъ какъ золотыя кружева
На небѣ блѣдно-голубомъ.

И въ душу свѣтъ врывался поневолѣ
И разгонялъ ночную тьму:
Онъ говорилъ опять о лучшей долѣ
И сердце вновь рвалось къ нему.

Кн. Д. Цертелевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАНСЛАВИЗМЪ

Окончаніе *).

VII. Общеславянская азбука.

Когда шла рѣчь о литературномъ объединеніи славянства, вопросъ о единствѣ азбуки представлялся самъ собою. Предполагалось, что прежде, чѣмъ достигнуто будетъ объединеніе литературы (съ русскимъ языкомъ), нужно, чтобы славянство пріобрѣло одинъ общій способъ писанія. Въ числѣ всякихъ обстоятельствъ, дѣлившихъ славянство, различіе азбуки занимало не послѣднее мѣсто: тамъ, гдѣ довольно значительна была разница самыхъ нарѣчій, она еще увеличивалась разницей письма,— выше мы упоминали, какая пестрота правописанія господствовала даже въ средѣ племенъ, употреблявшихъ одно латинское письмо; для тѣхъ, у кого самое письмо было разное, кирилловское и латинское или еще глаголическое, чужое нарѣчіе равнялось иностранному языку. Западнымъ славянамъ, привыкшимъ въ своемъ и въ европейскихъ языкахъ къ латинской азбукѣ, изученіе русскаго языка не мало затруднялось однимъ письмомъ — препятствіе довольно ребяческое, но которое они не вдругъ могли переварить.

Панславянскіе патріоты не упустили изъ виду этого вопроса; были люди, которые, рекомендуя изученіе русскаго языка, предлагали и для западныхъ нарѣчій принять кирилловское письмо [1]).

*) См. выше: августъ, 711 стр.

[1]) Нѣкоторые примѣры этого литературнаго панславизма перечислены въ статьѣ г. Нила Попова: „Вопросъ объ обще-славянской азбукѣ“ („Совр. Лѣтопись“, 1865, № 39, и отдѣльной брошюрой), въ статьѣ (не конченной) чехо-словацкаго

Не останавливаясь на нихъ, мы укажемъ только новѣйшее предложеніе этого рода, сдѣланное Гильфердингомъ [1].

Въ своей книжкѣ Гильфердингъ какъ-бы считаетъ уже рѣшеннымъ вопросъ о необходимости общеславянской азбуки и прямо предлагаетъ для употребленія всѣмъ славянамъ азбуку, составленную имъ—съ разными дополненіями—изъ кирилловской русской азбуки. «Наша русская азбука,—говорилъ онъ,—имѣетъ, кажется, наиболѣе правъ на то, чтобы сдѣлаться общеславянскою. Она развилась исторически изъ первоначальнаго алфавита, даннаго славянамъ ихъ просвѣтителемъ, св. Кирилломъ, и сохранила существо изобрѣтенной имъ системы выраженія славянскихъ звуковъ, отличаясь отъ древнихъ, такъ-называемыхъ церковныхъ, письменъ славянскихъ только округленностью начертанія буквъ, да нѣкоторыми несущественными нововведеніями. Поэтому азбука наша сама собою вошла въ употребленіе у тѣхъ славянскихъ народовъ, которые вмѣстѣ съ православною вѣрою сохранили письменность, основанную Кирилломъ и Меѳодіемъ». Только болгары прибавили нѣкоторыя буквы, взятыя изъ стараго же алфавита; а школа Вука у сербовъ приняла «латинскую» систему правописанія (введеніемъ буквы j)... «Между славянами, перешедшими къ западному исповѣданію и у которыхъ латинская азбука издавна вытѣснила кириллицу, въ послѣднее время начали раздаваться голоса въ пользу возврата къ славянскимъ письменамъ; сдѣланы и разныя попытки примѣненія русской азбуки къ ихъ нарѣчіямъ. Къ сожалѣнію, эти попытки не имѣли доселѣ большого успѣха. Главная причина неудачи заключалась, кажется, въ томъ, что при этихъ попыткахъ становились почти исключительно на почву ученую, а не *практическую*, искали правописанія, наиболѣе согласнаго съ этимологіею, а не съ удобствомъ для употребленія»... «Нельзя не желать успѣха распространенію кирилловской азбуки между западными славянами, такъ какъ она наиболѣе свойственна ихъ языкамъ, подобно какъ нашему. Принятіе одной общей азбуки облегчило бы славянамъ взаимное пониманіе другъ друга и способствовало бы сближенію ихъ разрозненныхъ вѣтвей». Но для возможности успѣха нужно, чтобы предлагаемая система была проста

филолога Мартина Гатталы: „O všeslovanském jazyku a písmě“, въ журналѣ „Osvěta“, 1871—72; А. Будиловича — „О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени“, въ „Слав. Сборникѣ“, т. II, Спб. 1877, Отд. III, 1—15.

[1]) Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Составилъ А. Гильфердингъ. Издано славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ на счетъ суммы, пожертвованной И. А. Посоховымъ. Спб. 1871.

и практически удобна, не заключала никакихъ *ученыхъ* требованій. «Кирилловская азбука можетъ получить ходъ между западными славянами только въ такомъ видѣ, при которомъ ея усвоеніе и употребленіе было бы столь же легко, или еще легче, чѣмъ азбука латинская». — Для каждаго нарѣчія надо установить систему фонетическую, избѣгая, однако, крайностей.

Гильфердингъ припоминалъ, что въ 1865 г., по мысли Н. Милютина, сдѣлана была попытка изданія русскими буквами нѣсколькихъ книжекъ на польскомъ языкѣ, для народныхъ школъ. Попытка не осталась совсѣмъ безъ успѣха; одна изъ этихъ книжекъ потребовала 3-го изданія; «однако, — прибавляетъ онъ, — именно между поляками неодолимыя преграды будутъ долго препятствовать тому, чтобъ это дѣло получило право литературнаго гражданства». Эти преграды происходятъ отъ условій, постороннихъ азбукѣ; но, независимо отъ этого, Гильфердингъ думалъ, что всякій непредубѣжденный человѣкъ отдастъ русской азбукѣ преимущество предъ латинской для польскаго языка.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности славянской азбуки, составленной Гильфердингомъ. Довольно сказать, что, пересмотрѣвъ звуки славянскихъ нарѣчій, онъ составилъ азбуки для всѣхъ отдѣльныхъ нарѣчій, пользуясь буквами русскаго алфавита и, гдѣ требовалось, дополнялъ ихъ особенными діакритическими значками. Въ сложности, общеславянская азбука представила 61 знакъ — ими выражались всѣ звуки славянскихъ нарѣчій. Это было не мало; «но это, — замѣчалъ Гильфердингъ, — не можетъ составить препятствія къ распространенію нашей азбуки между западными славянами, потому что, для практическаго употребленія, вмѣсто всѣхъ 61 знаковъ, каждому славянину пришлось бы усвоить себѣ 33 буквы, общія всѣмъ славянскимъ языкамъ, а изъ остальныхъ только тѣ, которыя необходимы собственно для звуковъ его нарѣчія; всѣмъ же знакамъ всеславянской азбуки учились бы только тѣ, кто захочетъ умѣть читать на разныхъ славянскихъ языкахъ. Это будетъ, во всякомъ случаѣ, значительно облегчено, если русская азбука замѣнитъ собою всѣ разнообразные алфавиты, которые славяне употребляютъ въ настоящее время. Успѣхъ дѣла зависитъ собственно отъ того, въ какой мѣрѣ каждый изъ славянскихъ народовъ признаетъ нашу кириллицу удобнѣе тѣхъ письменъ латинскихъ или нѣмецкихъ, которыми онъ пишетъ на своемъ нарѣчіи. Но это вопросъ, о которомъ не намъ приходится судить».

Въ образчикъ употребленія азбуки Гильфердингъ помѣстилъ

отрывки изъ «Новаго Завѣта» на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, переписанные по новой системѣ.

Книжка Гильфердинга вызвала нѣсколько статей и отзывовъ, написанныхъ компетентными славистами [1]). Она была понята, какъ призывъ и предложеніе въ смыслѣ литературнаго панславизма, т.-е. объединенія не только азбукъ, но самыхъ литературъ. Наши слависты отнеслись къ книжкѣ Гильфердинга съ большими сочувствіями къ автору, но и съ крупными возраженіями противъ его мнѣній. Возраженія относились и къ способу составленія азбуки, и къ самой сущности вопроса, къ филологической и литературной сторонѣ дѣла.

Первая вообще не удовлетворяла критиковъ. Г. Бодуэнъ особенно подробно остановился на ней, и не соглашался съ самыми основными ея положеніями. Другіе также оспаривали мысль Гильфердинга, что при установленіи такой азбуки надо отложить «ученыя требованія» и искать лишь практичности, и настаивали, напротивъ, что въ основу такого дѣла должно быть именно поставлено начало научное, — только оно можетъ быть наиболѣе послѣдовательнымъ, а потому и наиболѣе практическимъ. Сами русскіе критики оспаривали мысль, что русскій способъ писанія можетъ считаться наилучшимъ; они говорили, напротивъ, что русское письмо есть дурно-составленная смѣсь системы этимологической или исторической, и системы фонетической, и защищали отъ осужденій Гильфердинга сербское правописаніе Вука Караджича и т. д. Г. Макушевъ находилъ, что принятіе той системы, какую предлагалъ Гильфердингъ, подрывало бы самыя основанія «общеславянской» азбуки, такъ какъ на дѣлѣ, вмѣсто *одной,* всѣмъ славянамъ общей, азбуки, мы имѣли бы *семь*, а съ русскою *восемь* особыхъ для каждаго нарѣчія, — такъ что Гильфердингъ не составилъ общеславянскую азбуку, а только примѣнилъ кириллицу къ звукамъ каждаго славянскаго нарѣчія [2]).

---

[1]) См., напр., обширную статью г. Бодуэна-де-Куртенэ: „Нѣсколько словъ по поводу общеславянской азбуки" въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1871; В. Макушева, въ „Варшавскомъ Дневникѣ" 1871, № 114; статью въ „Голосѣ" 1871, № 358; статью Ст. Нов. въ сербскомъ журналѣ „Млада Србадија", 1871, № 14—15, и друг.

[2]) Въ этомъ примѣненіи г. Макушевъ также находилъ часто неправильность и непослѣдовательность. Его собственная мысль была такая:

„Для избѣжанія такой непослѣдовательности было два способа: 1) или для мельчайшихъ звуковыхъ оттѣнковъ въ каждомъ нарѣчіи придумать особые условные знаки, и тѣмъ увеличить уже и безъ того весьма значительное ихъ число; 2) или же, не принимая во вниманіе эти столь разнообразные и иногда почти неуловимые оттѣнки звуковъ, принять въ основаніе ихъ коренной выговоръ, предоставивъ каждому чи-

Но кромѣ этой, собственно технической стороны вопроса, была другая, общая сторона. Относительно ея очень существенныя замѣчанія были высказаны г. Бодуэномъ. Его отношеніе къ предпріятію Гильфердинга и вообще къ изложенной нами выше постановкѣ вопроса литературнаго славянскаго единства, было довольно скептическое, или по крайней мѣрѣ непохожее на обыкновенныя рѣчи, какія велись объ этомъ предметѣ.

Г. Бодуэнъ думалъ, что если дѣйствительно различіе азбукъ въ славянскомъ мірѣ есть зло столь великое, что безъ устраненія его нельзя и думать о взаимномъ сближеніи славянъ, то, разумѣется, это зло надо устранить какъ можно скорѣе. Но ему бросался въ глаза фактъ, что многіе изъ славянъ, пишущихъ «общеславянской азбукой», прекрасно знакомятся съ литературой европейскихъ народовъ, употребляющихъ «латинскій алфавитъ»,— и что, слѣдовательно, «латинскій алфавитъ» есть вещь довольно знакомая, преодолѣть которую въ письмѣ славянскихъ нарѣчій не есть большой трудъ. Что же касается осуществленія господства «общеславянской азбуки», г. Бодуэнъ думалъ, что его надо искать не *навязывая* другимъ свое, хотя бы и худшее («напримѣръ, сербамъ русскую графику», замѣчаетъ г. Бодуэнъ, въ абсолютное противорѣчіе со взглядомъ Гильфердинга на сербское письмо), и не требуя, чтобы одни изъ славянскихъ народовъ, въ угоду другимъ, отказывались отъ того, къ чему привыкли и затрудняли бы самимъ себѣ знакомство съ своей собственной (прежней) литературой. Для достиженія цѣли требуется—свободное обсужденіе вопроса всѣми заинтересованными сторонами: только оно и можетъ указать лучшую форму, въ которой можетъ совершиться объединеніе письменности славянъ... Самъ авторъ не придаетъ большой важности именно азбучному объединенію [1].

тателю произносить ихъ такъ, какъ онъ привыкъ и какъ требуетъ фонетика его нарѣчія, и тѣмъ значительно сократить число буквъ въ общеславянской азбукѣ. Но Гильфердингъ остановился на распутьи... Составленная имъ всеславянская азбука оказалась слишкомъ сложна, а придуманныя для каждаго нарѣчія не вполнѣ удовлетворительны".

По мнѣнію г. Макушева, для составленія общеславянской азбуки вообще должна быть принята система не звуковая (фонетическая), а *историческая*. Въ основаніе должно быть принято правописаніе *старославянское*, которое и будетъ достаточно для всѣхъ славянскихъ нарѣчій,—и для этого вовсе не нужно будетъ изучать сравнительную грамматику. „Въ такой премудрости нѣтъ надобности" — пусть просто славянинъ учится правописанію, какъ учились мы, какъ учится англичанинъ, французъ, нѣмецъ.

[1]) Онъ думаетъ, что славяне не очень большую пользу извлекли бы изъ пожертвованія своей азбукой. Книга Гильфердинга поможетъ только русскимъ въ ознаком-

Но «общеславянской азбуки» не слѣдуетъ однако смѣшивать съ вопросомъ объ общеславянской литературѣ, — продолжаетъ г. Бодуэнъ. При тождествѣ азбуки можетъ существовать полное разъединеніе литературъ. Съ точки зрѣнія сближенія славянъ, принятіе одного языка за органъ этого сближенія было бы безъ сомнѣнія очень желательно; но едва ли было бы полезно, еслибъ это повело къ забвенію славянами ихъ исторически развившихся литературъ. Авторъ знаетъ, что нынѣшнее европейское общество развивается въ направленіи къ объединенію и сходству въ мысляхъ, чувствахъ и стремленіяхъ, къ образованію нѣсколькихъ большихъ политическихъ организмовъ, поглощающихъ мелкіе государственныя и національныя особи, но думаетъ (въ смыслѣ теоретическаго блага), что «для успѣшнаго развитія всѣхъ силъ человѣчества и, такъ-сказать, для взаимнаго контроля одной формы проявленій умственной жизни другою формой желательно извѣстное разнообразіе». Что́ именно выйдетъ въ славянскомъ объединеніи, авторъ не загадываетъ: можетъ случиться и то, что отдѣльныя народности сохранятъ извѣстную самобытность, и общій языкъ будетъ служить только «для сочиненій строго-научныхъ, представляющихъ результатъ отвлеченнаго мышленія славянскихъ умовъ, и для сочиненій политическихъ, интересующихъ въ равной степени всѣ славянскія національности»; можетъ случиться и то, что отдѣльныя народности будутъ поглощены, и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ будутъ издаваться только молитвенники, календари и кое-какіе курьёзы (какъ, напр., теперь у кашубовъ). Какъ дальше увидимъ, авторъ считаетъ возможной еще третью случайность, именно что пока славянство собирается объединяться, для нѣкоторыхъ частей его можетъ устраниться и самый вопросъ: онѣ раньше потеряютъ свою славянскую народность и «объединятся», только не съ другими славянами, а съ нѣмцами, венграми, итальянцами и т. д...

Относительно условій, въ какихъ можетъ совершиться литературное объединеніе, г. Бодуэнъ высказываетъ опять оригинальную точку зрѣнія, которую слѣдуетъ замѣтить въ ряду мнѣній о литературномъ панславизмѣ [1]).

Упомянувъ слова г. Ламанскаго, что для литературнаго объединенія славянства посредствомъ русскаго языка требуется, чтобы онъ «сталъ носителемъ великихъ идей любви и свободы,

---

леніи съ звуками другихъ славянскихъ нарѣчій (подобное замѣчалъ, какъ мы видѣли, и г. Макушевъ).

[1]) И съ которой заявила свое несогласіе редакція „Журнала Мин. Нар. Просв.“, гдѣ напечатана была статья г. Бодуэна.

необходимымъ дѣятелемъ общечеловѣческаго просвѣщенія», г. Бодуэнъ полагалъ, что возможное литературное объединеніе славянъ совершится гораздо проще и «не такъ изящно». Оно будетъ проявленіемъ того общаго закона, что менѣе сильное поглощается болѣе сильнымъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

«Можетъ быть, — говоритъ г. Бодуэнъ,—что обстоятельства (напримѣръ, недостатокъ собственной національной школы) произведутъ то, что извѣстный славянскій народъ не будетъ въ состояніи развиваться и образовываться на своемъ отечественномъ литературно-развившемся языкѣ. Это обстоятельство, въ связи съ отсутствіемъ талантливыхъ писателей, съ прекращеніемъ литературнаго преданія вообще, съ одной стороны, а съ школьной подготовкой народа и недостаткомъ публики, нуждающейся въ чтеніи на отечественномъ языкѣ, съ другой стороны, можетъ повести къ совершенному паденію данной литературы. Если она не будетъ въ состояніи держаться собственными силами на основаніи пропорціональнаго количества производителей и потребителей, и затѣмъ, если она не будетъ поддерживаема системою какой бы то ни было опеки и покровительства, если, слѣдовательно, сбытъ на литературномъ торговомъ рынкѣ сдѣлается затруднительнѣе, если прекратятся частныя пожертвованія и личное самоотверженіе, если пишущимъ на отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ нельзя будетъ разсчитывать на пріобрѣтеніе хотя какой-либо извѣстности, если всѣ эти неудобства превысятъ любовь къ родному и удобство, представляемое литературною дѣятельностью и образованіемъ и развитіемъ умственныхъ силъ на отечественномъ языкѣ,—то тогда можетъ случиться, что всѣ эти обстоятельства и матеріальныя, и даже умственныя выгоды писателей и читателей отдѣльныхъ славянскихъ племенъ заставятъ ихъ примкнуть къ другимъ литературнымъ цѣлымъ: писатели станутъ предлагать свои услуги тамъ, гдѣ, съ одной стороны, сбытъ произведеній легче и плата за нихъ дороже, а съ другой стороны, гдѣ можно болѣе разсчитывать на извѣстность; читатели же обратятся съ требованіями туда, гдѣ найдутъ болѣе цѣннаго литературнаго матеріала и гдѣ будетъ проявляться болѣе интереса для живыхъ современныхъ вопросовъ. Можетъ быть, что вмѣстѣ съ потерею литературной самостоятельности и вслѣдствіе именно этой потери, отдѣльные славянскіе народы утратятъ чутье своей индивидуальности настолько, что или ихъ племенная общность съ русскимъ народомъ превыситъ чутье народной самостоятельности, или же въ нихъ разовьется равно-

душіе къ славянской національности, и тогда они подчинятся вполнѣ вліянію и нѣмецкой культуры и нѣмецкой литературы. Не подлежитъ сомнѣнію, что *такое* направленіе господствуетъ *въ настоящее время;* но еще вопросъ, куда повернетъ будущее.

«Что касается отдѣльныхъ славянскихъ писателей, то въ выборѣ между дѣятельностью въ русской или же въ нѣмецкой (или во французской, или даже въ какой-нибудь другой) литературѣ рѣшающими факторами будутъ тоже, кромѣ матеріальныхъ выгодъ и вообще возможности сбыта своихъ произведеній, различныя обстоятельства жизни, ставящія человѣка въ ту или другую среду, желаніе пріобрѣсти самую обширную извѣстность, личныя и народныя симпатіи и т. п. На нѣкоторыя личности можетъ дѣйствовать даже и то, что г. Ламанскій желаетъ видѣть въ русской литературѣ, то-есть, болѣе или менѣе обширное проявленіе великихъ идей свободы и справедливости. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые, весьма немногіе ученые обратятся со своею дѣятельностью туда, гдѣ найдутъ болѣе свободное изслѣдованіе и непомраченіе ученыхъ умовъ страстями и предразсудками. По крайней мѣрѣ нѣкоторые, весьма немногіе литературные дѣятели примутъ охотнѣе своимъ органомъ тотъ языкъ, который болѣе чѣмъ другіе представится имъ носителемъ великихъ идей свободы и цивилизаціи, и вообще гуманности въ лучшемъ смыслѣ этого слова [1]).

«Если когда-нибудь русскій языкъ сдѣлается общимъ литературнымъ органомъ всѣхъ славянъ, то тогда и вопросъ объ одной «общеславянской азбукѣ» упразднится самъ собою; ибо тогда только спеціальные ученые (лингвисты, историки, историки литературы) будутъ изучать памятники отдѣльныхъ славянскихъ племенъ; читающая же публика, признавъ русскій языкъ своимъ литературнымъ, будетъ смотрѣть на свои когда-то собственные, отечественные литературные языки, какъ на языки ей чуждые, чуждые не по смыслу словъ, а по литературнымъ преданіямъ и своеобразности національныхъ идей и стремленій. Тогда звуки живыхъ славянскихъ нарѣчій въ ученыхъ лингвистическихъ трудахъ будутъ обозначаться общенаучною азбукой и графикой. Если же понадобится издавать для отдѣльныхъ славянскихъ народцевъ какія-нибудь книжки, или же для общеславянской публики сборники народныхъ пѣсенъ и т. п., то для

---

[1]) „Разумѣется,—прибавляетъ г. Бодуэнъ въ примѣчаніи,—что какъ возможность дѣйствовать литературно на извѣстномъ языкѣ, такъ и возможность пользоваться литературою извѣстнаго языка—обусловлены знаніемъ этого языка".

такихъ цѣлей звуки этихъ отдѣльныхъ нарѣчій и говоровъ будутъ передаваться азбукою, которая тогда будетъ въ употребленіи для русскаго языка, но все-таки скорѣе по графической системѣ Караджича, нежели по графической системѣ «общеславянской азбуки». Пока же дѣлать такія коренныя измѣненія азбуки, какъ ихъ предпринимаетъ А. Ѳ. Гильфердингъ, очень трудно... Привычка есть сила, съ которою довольно трудно сладить. Слѣдовательно, ввести извѣстную азбуку въ извѣстную литературу нельзя однимъ только административнымъ порядкомъ, безъ участія писателей, зависящихъ отъ собственныхъ литературныхъ преданій и отъ читающей публики. Много воды утечетъ, а все еще будетъ продолжаться борьба славянскаго «партикуляризма» съ «панславизмомъ», и я желалъ бы только, чтобъ эта борьба стоила человѣчеству какъ можно меньше крови и слезъ, чтобы сумма несчастій, претерпѣваемыхъ отдѣльными личностями, не превышала благъ, которыя прольетъ на славянство его объединеніе, и чтобъ объединенные славяне развили въ самомъ дѣлѣ «великія начала свободы и справедливости» [1])...

Мы привели эту выписку изъ статьи г. Бодуэна не только потому, что авторъ—большой знатокъ своего спеціальнаго предмета, но и по независимости его взгляда на литературный панславизмъ. Онъ не ставитъ опредѣленныхъ рѣшеній; но вообще дѣло кажется ему очень отдаленнымъ, и очень долгой кажется борьба партикуляризма съ панславизмомъ, причемъ исходъ можетъ быть всякій; съ ходячими мнѣніями авторъ не совсѣмъ согласенъ, когда сомнѣвается въ пользѣ исчезновенія частныхъ славянскихъ народностей и литературъ. Идеалистическая постановка вопроса не нравится г. Бодуэну, и онъ, повидимому, опасается отъ нея (съ русской стороны) какого-нибудь насилія надъ народностями; плодомъ такой постановки кажется ему «общеславянская азбука».

Останавливаясь на приведенныхъ словахъ г. Ламанскаго, г. Бодуэнъ думаетъ, что славянское объединеніе произойдетъ «не

[1]) Приведемъ еще одно личное замѣчаніе г. Бодуэна: „Обыкновенно, говоря объ азбукѣ, люди горячатся и никакъ не могутъ взглянуть на этотъ вопросъ безпристрастно; и это потому, что азбука тѣсно связана съ насущными потребностями человѣка и съ постоянною житейскою практикой. Меня же ни одна азбука и ни одна графика въ мірѣ не задѣваетъ за живое. Каждая азбука есть для меня только комплексъ извѣстныхъ начертаній, примѣненіе которыхъ къ звукамъ даннаго языка основано на извѣстной графической системѣ, и я вижу всю свою задачу относительно и азбуки (шрифта) и графики только въ ихъ оцѣнкѣ съ оптической, фонетической и логической точки зрѣнія, и въ представленіи ихъ происхожденія и постоянныхъ измѣненій вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ“...

такъ красиво»; но въ собственныхъ объясненіяхъ г. Бодуэна дѣло сводится къ тому же. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ будетъ «сбыть литературныхъ произведеній легче», гдѣ будетъ «болѣе цѣннаго литературнаго матеріала», гдѣ будетъ «болѣе интереса для живыхъ современныхъ вопросовъ», какъ не въ той литературѣ, «ставшей носителемъ великихъ идей любви и свободы», о которой говорилъ г. Ламанскій? Въ ней только и можетъ быть «цѣнный матеріалъ» и «живые интересы»,—которые одни могутъ основать глубокую внутреннюю связь между племенами и сдѣлать литературу русскаго языка и для остальныхъ славянъ близкою и своею... Но съ другой стороны, возможно и то, что литературное объединеніе будетъ дѣйствительно происходить въ менѣе «красивой» формѣ, ради обстоятельствъ внѣшнихъ, которыя будутъ способствовать усиленію русскаго языка и упадку другихъ нарѣчій, — такихъ обстоятельствъ, какъ недостатокъ школъ и ученыхъ учрежденій для мелкихъ народностей, какъ отсутствіе значительной публики, которая могла бы поддержать литературную производительность, какъ политическое господство русскаго языка, многочисленность его публики и т. п. То-есть, можетъ произойти та случайность, которую предвидѣла «Москва» и гдѣ распространеніе русскаго языка въ славянствѣ вовсе не будетъ заслугой русскаго общества, и даже можетъ быть для него стыдомъ...

Упомянемъ еще отзывъ о книгѣ Гильфердинга въ сербскомъ журналѣ. Сербскій критикъ представляетъ дѣло съ новой стороны, съ точки зрѣнія «частной» славянской литературы, и въ интересахъ сербской народности. Критикъ несогласенъ съ самыми основными положеніями Гильфердинга; онъ сомнѣвается въ историческихъ правахъ происхожденія русской азбуки отъ алфавита, изобрѣтеннаго Кирилломъ—такъ какъ въ ея развитіе вмѣшивалось много случайнаго, происходившаго отъ простого незнанія средневѣковыхъ писцовъ. Находя (какъ находили и наши критики), что невозможно основывать систему письма на соображеніяхъ «практичности», какъ слишкомъ произвольныхъ, сербскій критикъ замѣчаетъ, что Гильфердингъ, рекомендуя русскую азбуку, не счелъ даже нужнымъ перемѣнить что-нибудь въ русскомъ письмѣ, гдѣ однако часто читается иначе, нежели пишется. Защищая отъ сужденій Гильфердинга систему Караджича, онъ находитъ, что эта система, будто бы олатиненная, во сто разъ ближе къ первоначальной славянской, нежели система русская. Къ панславистической сторонѣ книги Гильфердинга (какъ она угадывалась вообще по его сочиненіямъ) сербскій критикъ относится несочувственно: упомянувъ о томъ, какъ «общеславянская

азбука» была примѣнена къ польскому языку, критикъ замѣчаетъ, что въ подобныхъ отношеніяхъ требуется много деликатности, и что въ интересахъ самого славянскаго единства слѣдуетъ остерегаться отъ предложеній, гдѣ требуется отъ народовъ то, что по настоящему должно быть у нихъ результатомъ ихъ собственнаго желанія и убѣжденія. Славянскимъ племенамъ, употребляющимъ азбуку латинскую, надо предоставить самимъ увѣриться въ большемъ удобствѣ кириллицы.

Вообще, сербскій критикъ (одинъ изъ главнѣйшихъ сербскихъ ученыхъ въ настоящее время), признавая всю важность междуславянскихъ связей, относится къ «панславизму» съ большой уклончивостью. «Мы думаемъ, — говоритъ онъ, — что языкъ и литература должны цѣниться по добру, которое они дѣлаютъ, а не по обширности ихъ и не по отдѣльнымъ свѣтлымъ точкамъ, о которыхъ трудно сказать, за сколько тьмы и мрака онѣ куплены. Какая корысть отъ обще-славянскаго литературнаго языка, если онъ будетъ доступенъ только ученымъ людямъ изъ нашего народа? Такъ у насъ было во все теченіе среднихъ вѣковъ... Мы вмѣстѣ съ русскими и болгарами имѣли одинъ церковный языкъ;—но этотъ языкъ имѣли духовенство и монастыри, имѣло богословіе, но его не имѣлъ народъ,—тотъ народъ, который вызвалъ насъ на дѣятельность [1]) и далъ для нея средства, и котораго развитіе и благо должны быть нашей всегдашней задачей. Только наука можетъ дать намъ большее сознаніе, а науку можемъ распространить въ народѣ только чисто-народнымъ языкомъ... Если мы достигнемъ того, что народъ нашъ поднимется, будетъ сознавать права, обязанности и интересы свои не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но въ массѣ, — то хотя бы у насъ не было ни Шекспира, ни Рафаэля, мы не должны о томъ жалѣть. А къ этому теперь вездѣ стремятся. Тѣмъ же, кто думаетъ о славянскомъ единствѣ, которому мы и сами всегда преданы, напомнимъ только одно,—что въ настоящее время первая международная славянская обязанность заключается въ томъ, чтобы мы сколько можно болѣе узнали другъ друга, содѣйствовали взаимно *мѣстному развитію на его природныхъ основахъ*, и работали каждый для успѣховъ своего отдѣльнаго племени. Когда отдѣльныя племена будутъ образованы, достаточны и свободны; когда всѣ въ частности пріобрѣтемъ свои права и свои земли,— тогда можетъ идти рѣчь объ общихъ потребностяхъ, о непосредственномъ союзѣ для разныхъ цѣлей. Мы думаемъ, что путь

[1]) Разумѣется, новѣйшее возрожденіе сербской жизни и литературы.

славянскому единству—через свободу, независимость и частное разностороннее развитіе всякаго славянскаго народа въ отдѣльности». Въ этомъ, по мнѣнію сербскаго автора, единственное средство, ведущее къ желаемой цѣли.

Можно было бы привести изъ славянскихъ литературъ множество другихъ отзывовъ, гдѣ, по тому же и по инымъ поводамъ, высказывается та же неохота къ литературному панславизму, какую мы въ другомъ мѣстѣ указали относительно панславизма политическаго. Писатели, настаивающіе на скорѣйшемъ литературно-образовательномъ объединеніи славянства, отвѣтили бы на эту точку зрѣнія тѣмъ (немаловажнымъ) замѣчаніемъ, что, въ ожиданіи свободы, обогащенія и просвѣщенія, отдѣльныя племена будутъ все-таки оставаться слабыми, такъ что не только достиженіе этихъ благъ будетъ тѣмъ самымъ страшно замедляться, но даже политическое существованіе племенъ и самая національность будутъ въ опасности, если ихъ нельзя будетъ опереть именно на сильномъ чувствѣ славянскаго единства. Такимъ образомъ, это чувство (притомъ уже народившееся) должно явиться дѣятельнымъ факторомъ и для той ближайшей цѣли частнаго развитія, которая ставится (какъ въ приведенной сейчасъ выпискѣ) отдѣльными племенами, — какъ это можно видѣть и въ самой исторіи новѣйшаго возрожденія, гдѣ панславистическое направленіе мыслей оказало большія услуги дѣлу частныхъ народностей... Но при всемъ томъ нельзя, наконецъ (именно нашимъ панславистамъ) не обратить вниманія на эти упорно заявляемыя права частныхъ народностей, которыя настаиваютъ на своей индивидуальности противъ ожидаемыхъ и дѣйствительныхъ притязаній «панславизма», являющагося въ формѣ русской образовательно-литературной, и можетъ быть, иной, игемоніи.

Эти заявленія составляютъ вовсе не одинъ «узкій провинціализмъ»,—потому что если провинціализмъ считаетъ себѣ тысячу лѣтъ и больше, и въ данную минуту продолжаетъ жить своею отдѣльною жизнью, то это—такая рѣзкая индивидуальность, которая требуетъ къ себѣ вниманія и имѣетъ свое право. Говорятъ обыкновенно, что наше время стремится къ образованію крупныхъ національностей и государствъ; но въ то же самое время элементы *мѣстные* никогда не заявляли себя такъ рѣшительно и сознательно, какъ именно теперь. Фактовъ *этого* рода — такая масса, что ихъ почти нѣтъ надобности указывать: таково — стремленіе къ изученіямъ этнографическимъ, гдѣ чѣмъ мѣстная оригинальность сильнѣе, тѣмъ больше возбуждаетъ она интереса — и, замѣтимъ, не только въ чисто-научномъ смыслѣ,

но и съ участіемъ къ своеобразнымъ явленіямъ народной жизни; таково — возникновеніе литературъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, напримѣръ, на мѣстныхъ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ, которыя имѣютъ даже знаменитыхъ писателей (какъ Рейтеръ), на провансальскомъ, фламандскомъ и проч. Таково въ славянскомъ мірѣ стремленіе каждой даже мельчайшей народности заявлять о своемъ существованіи. Взглядъ, сколько-нибудь человѣческій и толерантный, не можетъ отказать этимъ явленіямъ въ признаніи ихъ права на существованіе. Поэтому, какъ бы ни были сильны аргументы за необходимость, для блага славянъ, господства одного національнаго начала и «игемоніи» одного общаго литературнаго языка, — тѣмъ не менѣе, права частныхъ народностей требуютъ самаго внимательнаго и осторожнаго обращенія. «Дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», а тѣмъ болѣе вся старина, вся исторія, всѣ живыя особенности быта, среди которыхъ выростаютъ поколѣнія — не только въ большихъ, но и въ «частныхъ» народностяхъ. Общій національный интересъ племени, какъ здоровая нравственная сила, можетъ вырости только на признаніи народностей частныхъ: когда онѣ будутъ спокойны за свое существованіе, — въ нихъ тѣмъ сильнѣе подѣйствуетъ потомъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ возбужденій и внѣшней опасности, потребность собраться и сосредоточиться.

IX. Настоящее положеніе вопроса.

Поставивъ это заглавіе, мы — скажемъ откровенно — пришли въ недоумѣніе: существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ самый «вопросъ» объ общеславянскомъ языкѣ и литературѣ, развѣ только буквально въ видѣ *вопроса?*

Дѣйствительно, такъ велико разстояніе между благими идеалистическими пожеланіями славянскаго литературнаго единства и настоящими фактами, — и первыя ограничиваются столь небольшимъ кружкомъ людей въ разныхъ славянскихъ племенахъ (считая людей, серьёзно преданныхъ обще-славянскому интересу, а не простыхъ фразеровъ на эту тэму — послѣднихъ, «внезапныхъ славянофиловъ», у насъ, пожалуй, развелось теперь не мало), что говорить о «единствѣ» становится какъ-то странно; или приходится говорить о немъ не какъ о дѣйствительно-сильномъ, хотя бы и спорномъ фактѣ, но лишь какъ объ идеалѣ немногихъ просвѣщенныхъ славянскихъ патріотовъ.

Какъ идеалъ, вопросъ о литературномъ единствѣ дѣйствительно существуетъ: это доказывается тѣмъ, что съ начала нынѣшняго столѣтія въ разныхъ славянскихъ народностяхъ возникала мысль о «взаимности» и «общеславянскомъ языкѣ»—возникала у людей первостепеннаго значенія (Юнгманнъ, Шафарикъ, Колларъ, Кузмани, Штуръ и др.), когда имъ представлялись вопросы о славянскомъ будущемъ и становилась ясна необходимость національно-образовательнаго союза для взаимной защиты. Эта мысль съ тѣхъ поръ не пропадала и въ послѣднее время съ наибольшей ревностью повторялась въ кругу русскаго славянофильства, старой и новѣйшей школы. Но не будемъ забывать, что это все-таки остается идеалъ, теорія, за которыми не идетъ тѣмъ же шагомъ дѣйствительность. Что касается «общеславянскаго языка» и даже азбуки,—мы видѣли, что этотъ пунктъ остается далеко невыясненнымъ даже теоретически, и возбудилъ очень серьёзныя сомнѣнія даже въ столь ревностномъ славянскомъ органѣ, какъ «Москва».

Но если не двигался «обще-славянскій языкъ», идеалъ единства не оставался пустымъ словомъ съ другой стороны. Въ самомъ началѣ своемъ, славянское возрожденіе обнаружило сильную, и на этотъ разъ несомнѣнно прочную наклонность къ *между-славянскому общенію*. Народности и литературы, сохраняя всю свою неприкосновенность, почувствовали, что есть центръ, въ которомъ онѣ тѣсно между собою связаны, гдѣ въ прошломъ народы составляли одно цѣлое и гдѣ въ будущемъ они, послѣ многотрудныхъ испытаній отдѣльной исторіи, могутъ и должны бы встрѣтиться съ перспективой ихъ общей пользы. Этимъ центромъ было племенное родство, со всѣми его послѣдствіями. Во всѣхъ литературахъ безъ исключенія (именно, не исключая и польской, которая всегда была наименѣе наклонна къ всеславянству), нашлись люди, съ великой ревностью работавшіе для разъясненія и укрѣпленія славянской взаимности. Прежде всего, объ этомъ хлопотали филологи и археологи, которые поняли, что языкъ и старина одного народа чрезвычайно разъясняются языкомъ и стариной другого, и что безъ нихъ даже и не могутъ быть хорошо разъяснены; къ нимъ присоединились этнографы, которымъ изученіе другихъ племенъ доставляло разительныя параллели для народнаго быта ихъ собственнаго племени. Мало-по-малу, и очень скоро, въ литературѣ (и въ сознаніи просвѣщеннѣйшихъ людей) всѣхъ славянскихъ племенъ, сущность и исторія своей народности стали пониматься въ связи съ національнымъ славянскимъ цѣлымъ, и въ противоположности или различеніи съ другими

національностями—въ особенности нѣмцами, ближайшими сосѣдями и опасными врагами славянской національности.

Въ то же время возникалъ новый факторъ, дѣйствовавшій въ томъ же смыслѣ—факторъ политическій. Какъ ни было, въ цѣломъ, слабо «славянское сознаніе», оно тѣмъ не менѣе создавало такіе факты, которые свидѣтельствовали, что оно есть историческая сила, и въ Европѣ поняты были какъ славянскій національный принципъ. Такова была, напр., русская помощь Сербіи въ началѣ столѣтія,—хотя масса русскаго общества едва знала тогда о существованіи сербскаго народа [1]). Таковы были заботы Россіи обезпечить православные народы Турціи, въ которыхъ мало-по-малу стали видѣть не только единовѣрцевъ, но и единоплеменниковъ, и, наконецъ, послѣднихъ почти больше, нежели первыхъ. Московскій съѣздъ 1867 года, въ смыслѣ взаимнаго политическаго пониманія славянскихъ племенъ между собою, надо назвать неудачнымъ; но въ послѣдней сербской и болгарской войнѣ рѣшеніе русскаго правительства несомнѣнно было въ связи съ національно-политическимъ настроеніемъ общества (хотя не тождественно съ нимъ).

Сближеніе литературное медленно, но постоянно возростало уже не въ одной только спеціально-научной области. Возникаетъ мысль о необходимости познакомиться съ современной жизнью, съ главными явленіями литературы родственныхъ племенъ... Личныя сношенія между славянскими писателями теперь чаще, чѣмъ когда-нибудь прежде; и въ литературныхъ кружкàхъ является гораздо больше людей (хотя все еще отдѣльными немногими примѣрами), знающихъ обстоятельно литературу какого-нибудь другого нарѣчія...

Но все это движеніе, хотя и обѣщаетъ дальше еще болѣе тѣсныя между-славянскія связи, общественныя и литературныя, еще чрезвычайно далеко отъ ожидаемаго единства. Можно сказать, что съ начала столѣтія, когда высказана была въ первый разъ мысль о литературномъ объединеніи племенъ съ обще-славянскимъ (русскимъ) языкомъ, донынѣ она не подвинулась ни на шагъ. И если наши панслависты (по крайней мѣрѣ нѣкоторые) радовались, встрѣчая у славянскихъ писателей отдѣльныя заявленія о необходимости введенія русскаго языка [2]), и строили на нихъ самыя пріятныя ожиданія, то, съ другой стороны, имъ

---

[1]) Факты помощи сербамъ восходятъ еще къ XVII-XVIII столѣтію, когда русское общество знало о нихъ еще менѣе.

[2]) См. напр., въ упомянутыхъ статьяхъ г. Нила Попова, „Соврем. Лѣтопись“, 1865, и В. Л. въ „Журналѣ Мин. Народ. Просв.“, 1867.

противорѣчитъ цѣлая масса общихъ фактовъ иного свойства, которые говорятъ о совсѣмъ другомъ положеніи вещей.

На дѣлѣ, кромѣ отдѣльныхъ заявленій въ пользу русскаго языка, эта мысль не выразилась никакимъ широкимъ проявленіемъ,—напротивъ, въ массѣ славянскихъ литературъ все идетъ по-прежнему; не только нигдѣ, ни въ какомъ самомъ мелкомъ племени не принятъ русскій языкъ [1], — но въ виду упомянутыхъ заявленій не разъ высказывались самыя рѣшительныя протестаціи въ защиту «частныхъ» литературъ.

Кромѣ немногихъ (выше названныхъ) замѣчательныхъ лицъ, говорившихъ о литературномъ объединеніи, эта мысль (по разнымъ причинамъ) не находила послѣдователей между другими крупными дѣятелями славянскихъ литературъ, и напротивъ, ея проповѣдниками являлись люди, можетъ быть исполненные наилучшихъ намѣреній, но писавшіе странныя вещи, какъ, напримѣръ, Франта Шумавскій или Іезбера. Нельзя указать книги, написанной, *въ видахъ* литературнаго *объединенія*, по-русски писателемъ ино-славянскимъ [2]). Съ 1867 года сдѣлано было двѣ-три пробы издавать маленькіе общеславянскіе журналы (въ Вѣнѣ и Прагѣ) на русскомъ языкѣ, — но эти предпріятія не имѣли успѣха: брались за нихъ люди не серьёзные, и журналы не распространили русскаго языка.

Не можетъ быть спора, что для распространенія языка, кромѣ разныхъ другихъ обстоятельствъ, чрезвычайно важно было бы, чтобы прежде возымѣла у славянъ интересъ русская литература. Для того, чтобъ начать писать по-русски, надо много по-русски читать, надо знать русскую литературу. И какова бы она ни была,—но при всѣхъ ея недостаткахъ (которые для насъ совершенно ясны) она должна бы имѣть для славянъ интересъ, какъ литература народа, имѣющаго сильное значеніе въ судьбахъ славянскаго племени, какъ литература, представившая, между прочимъ, въ послѣднія десятилѣтія примѣры первостепенныхъ талантовъ. Надо было бы думать, что для славянства имѣло бы

---

[1]) Кромѣ *одной* партіи у галичанъ, которая притомъ не отличается лучшимъ пониманіемъ народныхъ интересовъ своего племени.

[2]) Были и есть такіе писатели, дѣйствовавшіе въ русской литературѣ, какъ венгерскій русинъ Венелинъ, болгары Каравеловъ, Дриновъ, многіе поляки, чехъ Первольфъ и друг.; но они употребляли русскій языкъ по особеннымъ личнымъ условіямъ, поселяясь и живя долго въ Россіи,—какъ писали по-русски иногда нѣмцы и французы. Труды ихъ, какъ, напримѣръ, труды сейчасъ названныхъ писателей, имѣютъ большое значеніе въ смыслѣ между-славянскаго сближенія вообще, но не имѣли никакой спеціальной цѣли дѣлать изъ русскаго языка обще-славянскій; напротивъ, всѣ они работали именно для развитія и возвышенія „частныхъ“ народностей.

большую важность знать внутреннее состояніе русскаго общества и народа. И что же мы видимъ?—Мы сказали выше, что теперь въ славянскихъ литературахъ возросъ, сравнительно съ прежнимъ, интересъ къ русской литературѣ; но, говоря безотносительно, этотъ интересъ чрезвычайно малъ. Русскій читатель, просматривая славянскіе журналы и встрѣчая извѣстія о русской жизни и литературѣ, всего чаще бываетъ непріятно пораженъ чрезвычайнымъ невѣдѣніемъ нашихъ братьевъ о томъ, что̀ дѣлается у насъ. О нашихъ внутреннихъ дѣлахъ они судятъ, всего чаще, по довольно нелѣпому шаблону, который заимствуется изъ нѣмецкихъ книгъ и газетъ. Первостепенныя имена русской литературы нашимъ братьямъ едва извѣстны. Въ славянскихъ (особенно чешскихъ) журналахъ идетъ нерѣдко рѣчь о русской литературѣ, но пониманіе бо̀льшею частію крайне ограниченное. Примѣровъ можно было бы привести множество... Возьмемъ первые попавшіеся. По смерти Некрасова, въ сербской «Заставѣ» — лучшей сербской газетѣ, издающейся въ Новомъ-Садѣ,—помѣщена была о Некрасовѣ корреспонденція изъ Петербурга; вслѣдъ затѣмъ редакція газеты печатаетъ, въ отдѣлѣ объявленій, запросъ, — существуетъ ли отдѣльное изданіе сочиненій Некрасова (!), которымъ, повидимому, эта редакція заинтересовалась. Въ чешскомъ журналѣ встрѣтили мы отзывъ о Салтыковѣ: это очень замѣчательный писатель, обличающій «помѣщиковъ» и провинціальныхъ чиновниковъ (!): впечатлѣніе дается такое, какъ-будто сочиненія Салтыкова были нѣчто въ родѣ «нравственно-сатирическихъ романовъ» тридцатыхъ годовъ. Чешскій критикъ очевидно не подозрѣвалъ всего настоящаго характера этой сатиры, смыслъ которой даже не рѣшается разъяснять современная русская критика... Правда, Тургенева очень знаютъ: есть чешскіе и сербскіе переводы многихъ его сочиненій; но именно о немъ столько говорено въ европейской литературѣ, такъ много переводили его понѣмецки, по-французски, по-англійски, что съ нимъ необходимо было познакомить, — хотя бы онъ былъ китайскій писатель. Только въ сербскомъ переводѣ «Нови» мы увидѣли хотя тенденціозное, но очень сознательное отношеніе славянскаго переводчика къ русскому писателю. Странно сказать, но совершенно вѣрно, что литература славянскихъ братьевъ не можетъ никакъ равняться съ литературами совсѣмъ чуждыхъ и враждебныхъ народовъ относительно знанія современной Россіи. Во всѣхъ славянскихъ литературахъ нѣтъ, напримѣръ, ни одного труда, который бы хотя приблизительно могъ равняться старой книгѣ Гакстгаузена, новой книгѣ Мэккензи Уолласа, «Русской исто-

ріи» или «Эпической Россіи» Рамбо̀, сочиненіямъ Леруа-Больё, Рольстона и проч. Во всѣхъ славянскихъ литературахъ нѣтъ до сей поры порядочной исторіи Россіи или русской литературы [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ началось славянское «возрожденіе», не было примѣра, чтобы кто-либо изъ руководящихъ дѣятелей западнаго и южнаго славянства счелъ нужнымъ сдѣлать основательное путешествіе по Россіи, наблюдать русскую жизнь собственными глазами, съ точки зрѣнія родственнаго славянина и европейски образованнаго человѣка. Въ Россіи были ненадолго Добровскій и Караджичъ, но никогда не бывали Юнгманнъ, Челяковскій, Колларъ, Шафарикъ, Копитаръ, Кузмани, Миклошичъ, Рачкій, Даничичъ и много другихъ первостепенныхъ дѣятелей [2]). Московскій съѣздъ 1867 года былъ, конечно, слишкомъ коротокъ, чтобы братья-славяне, посѣтившіе тогда Россію, т.-е. собственно Петербургъ и Москву, увидѣли много, внѣ оффиціальныхъ пріемовъ, обѣдовъ, вечеровъ и т. п., и успѣли разглядѣть изъ-за нихъ настоящій характеръ жизни русскаго общества и народа.

Чего же можно ожидать при этой бѣдности собственныхъ наблюденій, личнаго знанія? Разумѣется, и нельзя ожидать ни правильнаго пониманія русскихъ отношеній, ни охоты къ изученію русской литературы, объектъ которой, русскій народъ и его образованная часть, такъ мало извѣстны. Неудивительно, что западное славянство, не зная Россіи само, въ своихъ понятіяхъ о Россіи руководится тѣмъ, что находитъ въ изобиліи въ нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ. Всякій русскій, кому случалось встрѣчаться и говорить съ западными славянами о Россіи, не могъ не замѣтить этого страннаго, какого-то чужого взгляда на русскую жизнь, исполненнаго недоразумѣніями или представленіями, совершенно фальшивыми. Скажутъ, что это однако восполняется братскимъ инстинктомъ, родственнымъ сочувствіемъ,— но, увы! мы видѣли въ послѣдніе годы, что одинъ этотъ инстинктъ не въ состояніи установить разумныхъ между-племенныхъ отношеній, и мы были свидѣтелями, какъ въ минуту знаменательныхъ, торжественныхъ историческихъ фактовъ, военная и политическая борьба русскихъ въ защиту сербовъ и болгаръ не освѣтилась ни однимъ фактомъ національно-образовательной

[1]) Надо сдѣлать единственное исключеніе для статьи о Россіи въ чешскомъ „Научномъ Словникѣ“; но эта статья, хорошо составленная, есть краткій сборникъ справочныхъ свѣдѣній.

[2]) Какъ исключеніе, назовемъ гг. Богишича, Ягича, Первольфа, которые и владѣютъ знаніемъ русскихъ отношеній; но они жили въ Россіи по особеннымъ личнымъ обстоятельствамъ.

солидарности, никакимъ трудомъ по изученію современной Болгаріи, и кончалась жалкими пререканіями, упреками и обвиненіями... Были разныя причины этихъ пререканій, но однимъ изъ главныхъ источниковъ ихъ было взаимное незнаніе. Къ сожалѣнію, это незнаніе господствуетъ не только въ массѣ, въ среднемъ уровнѣ нашего и славянскаго общества; даже первостепенные представители западнаго славянства знаютъ очень мало о Россіи и русской жизни; а обыкновенная западная славянская «интеллигенція» представляла и представляетъ въ этомъ отношеніи примѣры изумительные. Я могъ бы привести ихъ по собственнымъ воспоминаніямъ, но предпочту для безпристрастія разсказанные другими.

«До путешествія моего по славянскимъ землямъ, — писалъ г. Ламанскій въ 1864 году, — я никакъ не воображалъ, что славяне западные, именно ихъ интеллигенція, такъ мало знаютъ Россію, еще менѣе того понимаютъ особенности нашей народной жизни, нашу литературу, характеръ нашего внутренняго развитія. Правда, они любятъ русскихъ, съ радушіемъ насъ принимаютъ, разспрашиваютъ насъ о Россіи. Но въ этихъ разговорахъ съ австрійско-славянскою интеллигенціею русскому постоянно приходится слышать такіе забавные и странные вопросы, что часто становишься совершенно въ тупикъ: на какомъ языкѣ, французскомъ или нѣмецкомъ, ведутся у васъ въ Россіи большая часть административныхъ и судебныхъ дѣлъ? — «Есть у васъ еще журналы, кромѣ «Дня»? Развѣ все по-русски преподается у васъ въ университетахъ?» — Подобные вопросы можетъ слышать русскій въ Австріи отъ образованныхъ славянъ. Конечно, литераторы, ученые, въ этихъ случаяхъ болѣе осторожные, обнаруживаютъ свое полное незнаніе Россіи другимъ путемъ, иными вопросами... Вообще, русская исторія, статистика, русское право, русская церковь, русскій народный бытъ и русская литература западнымъ славянамъ знакомы такъ мало, что не только уже съ нѣмцемъ, но даже съ англичаниномъ и французомъ говорить о Россіи гораздо легче, нежели со славянами, которымъ всегда все приходится объяснять ab ovo».

Прибавимъ еще характеристическое замѣчаніе. «Вообще въ Германіи, между образованными людьми, русская поэзія и литература и извѣстна и оцѣнена гораздо болѣе, чѣмъ у славянъ австрійскихъ, которые, надо замѣтить, знакомы съ литературою нѣмецкою, не говоримъ уже о французской и англійской, менѣе, чѣмъ мы русскіе, несмотря на то, что въ Австріи многіе патріоты-славяне говорятъ и пишутъ по-славянски часто хуже,

чѣмъ по-нѣмецки... Мы не говоримъ здѣсь объ ученыхъ славянахъ-спеціалистахъ, которые, конечно, прекрасно знаютъ нѣмецкую литературу своего предмета. Мы разумѣемъ здѣсь художественныя, философскія, политическія произведенія нѣмецкой литературы и степень знакомства съ ними большинства образованныхъ славянъ австрійскихъ, которые то ли изъ нелюбви къ нѣмцамъ, то ли по недостатку времени и средствъ, какъ люди бѣдные и мало имѣющіе досуга, очень слабо слѣдятъ за нѣмецкою литературою и читаютъ постоянно только нѣмецкія газеты, и то преимущественно австрійскія»... Такимъ образомъ даже первымъ славянскимъ ученымъ и писателямъ въ Австріи, напр. сочиненія Гакстгаузена, Блазіуса, Боденштедта извѣстны только по имени... Въ Сербіи есть нѣсколько человѣкъ, которые живали въ Россіи, и довольно хорошо знаютъ русскій языкъ и литературу. «Чешскіе писатели и ученые очень мало читаютъ нѣмцевъ о Россіи, въ смѣшной увѣренности, что они лучше нѣмцевъ понимаютъ и знаютъ о Россіи; еще менѣе читаютъ русскихъ книгъ, предполагая, что наша литература бѣдна и ничтожна въ сравненіи съ чешскою, и потому особеннаго вниманія съ ихъ стороны не заслуживаетъ. Такъ, масса русскихъ книгъ, въ разныя времена присланныхъ русскими въ чешскій музей, валяется на полкахъ съ неразрѣзанными листами» и т. п.

Съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что въ массѣ нашего общества существуетъ такое же незнаніе западнаго и южнаго славянства. Тамъ, по крайней мѣрѣ, чувствуется что Россія нужна для славянства, а въ южныхъ племенахъ издавна существовало ожиданіе ея освободительнаго вмѣшательства; у насъ незнаніе о славянствѣ ухудшалось еще невниманіемъ къ самому его существованію. Отсюда «внезапное славянофильствованіе», на которое нельзя, разумѣется, возлагать особенныхъ надеждъ; оно исчезнетъ, какъ только не поощряютъ его извѣстныя внѣшнія обстоятельства, и мода на него пройдетъ.

Русская литература занималась славянствомъ гораздо меньше, чѣмъ надо было бы ожидать по тому господствующему значенію, какое наши панслависты пророчили для русскаго языка. Какъ только мы оставимъ сравнительно небольшіе предѣлы литературнаго круга, говорившаго у насъ о славянствѣ,—во всей остальной области нашей литературы, о славянствѣ нѣтъ никакой рѣчи, и заводить ее до послѣдняго времени считается оригинальностью, безъ которой, собственно говоря, очень можно обойтись.

Съ точки зрѣнія широкихъ національно-племенныхъ интере-

совъ, это надо назвать великимъ недостаткомъ русской литературы,—и люди, имѣющіе силу дѣйствовать въ ихъ области, еслибъ желали ихъ развитія, должны бы позаботиться о возвышеніи нашей литературы въ этомъ отношеніи... Но такъ какъ этой заботы нѣтъ, и литература остается предоставлена самой себѣ и такъ сказать на произволъ судьбы, то и трудно винить ее, если она гораздо больше думаетъ о своихъ ближайшихъ потребностяхъ, чѣмъ о служеніи широкимъ національно-племеннымъ интересамъ: безъ удовлетворенія первыхъ, она не можетъ браться за послѣдніе, не рискуя смѣшными и еще больше печальными фіаско. Въ этомъ и заключается причина, почему въ большинствѣ нашей литературы славянскія дѣла встрѣчаются съ большимъ равнодушіемъ...

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о положеніи нашихъ славянскихъ комитетовъ. Только въ 1876—77 они были общественной силой, благодаря разнымъ обстоятельствамъ; но вообще они стояли въ общественной жизни особнякомъ, возбуждали очень мало (сравнительно) интереса, и при всемъ извѣстномъ ихъ характерѣ, ихъ дѣятельность была очень мало обезпечена. Въ ихъ судьбѣ довольно характерно отражается положеніе славянскихъ интересовъ въ Россіи, и въ частности исторія литературной и славянско-комитетской дѣятельности г. И. Аксакова представляетъ много назидательнаго.

Для приготовленія будущаго господства русскаго языка, въ числѣ другого, необходимо было бы предварительно сближеніе литературныхъ интересовъ, основаніе книжныхъ сношеній, то или другое содѣйствіе ознакомленію западнаго и южнаго славянства съ русскимъ языкомъ. Но все это—почти не существуетъ, или существуетъ только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Упомянутое выше общество, которое замышлялось послѣ съѣзда 1867 г., было плодомъ «внезапнаго славянофильствованія»; о немъ такъ ничего и не было потомъ слышно. Напротивъ, сближеніе затрудняется множествомъ мелкихъ и крупныхъ обстоятельствъ, которыхъ обыкновенно не помнятъ защитники все-славянскаго значенія русскаго языка. Начать съ того, что западныя славянскія литературы и русская поставлены въ весьма разныя внѣшнія условія печати. Первыя—худо ли, хорошо ли ведутся, но стоятъ въ условіяхъ нѣмецкой печати, имѣющей несравненно бóльшій просторъ, нежели русская литература. Поэтому для насъ остаются совсѣмъ недоступными предметы, составляющіе самый живой интересъ нѣкоторыхъ славянскихъ обществъ—такъ какъ до насъ не доходятъ самыя книги. Такъ, не доходила и не доходитъ до

насъ цѣлая литература польской эмиграціи, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ запрещались изданія болгарскихъ патріотовъ, не доходятъ въ послѣднее время галицко-русскія изданія, нѣкоторыя сербскія книги, не дошелъ въ полномъ составѣ даже «Славянскій Альманахъ» (Вѣна, 1879), имѣвшій въ виду панславянскія цѣли. Не станемъ входить въ разсужденіе о томъ, насколько мѣры подобнаго рода необходимы для поддержанія печатнаго спокойствія у насъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ крайне затрудняютъ «распространеніе русскаго языка». Западное славянство (въ томъ числѣ и наше русское—въ Галиціи и венгерской Руси), не видя въ русской литературѣ никакого отзыва на свои вопросы, привыкаетъ и совсѣмъ обходиться безъ нея, и нуждаясь, однако, въ литературно-образовательномъ матеріалѣ, какого не могутъ имѣть ихъ маленькія литературы, по-неволѣ обращается къ нѣмецкой, — а затѣмъ въ нѣмецкой культурѣ и тонетъ (при нашемъ содѣйствіи?) множество славянскихъ силъ.

Въ газетахъ нашихъ (гдѣ со времени герцеговинскаго возстанія стали чаще появляться извѣстія о славянствѣ) за послѣднее время можно было бы набрать множество фактовъ, иногда мелкихъ, но характеристичныхъ,—о томъ, какъ стоятъ вообще между-славянскіе литературные интересы. Беремъ на удачу нѣсколько примѣровъ.

Въ подтвержденіе только-что сказаннаго, г. Хитрово, пишущій корреспонденціи изъ Бѣлграда, разсказываетъ (въ февралѣ нынѣшняго года) о томъ, что дѣлается у сербовъ княжества. «Уму-разуму научить нашего брата-славянина не такъ-то легко, — говоритъ онъ: — нашъ врагъ точитъ зубы, а мы... мы кладемъ ему палецъ въ ротъ». Въ княжествѣ дѣйствуетъ законъ о печати, «такъ сжавшій ея свободу, что едвали можно ждать появленія какого-нибудь общественнаго независимаго органа въ Сербіи». Въ результатѣ, въ Сербіи отвыкли отъ чтенія своихъ сербскихъ газетъ и всего больше (даже въ маленькихъ городахъ, Шабцѣ, Смедеревѣ и проч.) тамъ распространены нѣмецкія или «швабскія».

Во время войны, въ нашихъ газетахъ повторена была корреспонденція вѣнской «Presse» изъ Систова (въ сентябрѣ 1877). Разсказывая о томъ, съ какой жадностью искали тогда газетъ находившіеся на театрѣ войны, корреспондентъ замѣтилъ: «Русскіе требуютъ преимущественно иностранныхъ газетъ (какъ сербы —швабскихъ?), а румыны—отечественныхъ. Я не могу пройти молчаніемъ эту, въ высшей степени характеристическую черту».

Корреспондентъ изъ Варшавы жалуется: «Какъ жаль, что у

русскихъ здѣсь нѣтъ своей газеты! Если бы знали, какъ она нужна здѣсь,—просто горько и досадно! Чехи, въ городѣ Пильзенѣ, въ Богеміи, издаютъ газету на русскомъ языкѣ для себя, а мы здѣсь не имѣемъ своего органа на русскомъ языкѣ». Мѣстный оффиціальный органъ, по словамъ корреспондента, расходится лишь въ 200 экз. между обязательными подписчиками: «не понимаемъ, для чего онъ издается [1]).

«Въ Москвѣ,—читаемъ мы опять въ прошломъ году,—образовался кружокъ съ весьма значительными средствами, желающій съ новаго года начать изданіе ежемѣсячнаго журнала, исключительно посвященнаго славянскимъ литературамъ. Лучшія произведенія послѣднихъ будутъ приведены въ немъ цѣликомъ, все же мало-мальски выдающееся въ извлеченіяхъ. Пока—недостатокъ за малымъ. Переводчиковъ съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго — сколько угодно, но кружокъ нигдѣ не можетъ найти лицъ, знающихъ хорвато-иллирскія (?) нарѣчія и чешскій языкъ. Даже по-сербски понимаютъ немногіе. Какъ это на насъ похоже»... Извѣстіе довольно странное: повидимому, и въ самомъ «кружкѣ» нѣтъ человѣка, который бы имѣлъ понятіе о славянскихъ нарѣчіяхъ? Опять, вѣроятно, «внезапное славянофильствованіе», которое на другой день было забыто. Съ тѣхъ поръ о «кружкѣ» нѣтъ никакихъ извѣстій.

Въ концѣ прошлаго іюля напечатана была статья г. Кулаковскаго, который приглашенъ былъ въ Бѣлградъ для преподаванія русскаго языка и литературы, по иниціативѣ сербскаго министра народнаго просвѣщенія. Въ нашихъ газетахъ высказано было много сочувствій г. Алимпію Васильевичу, который принималъ мѣры къ введенію преподаванія русскаго языка въ сербскихъ высшихъ школахъ. Изъ статьи г. Кулаковскаго оказывается, что въ Бѣлградѣ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, думали объ этомъ, но что этому воспротивился тогдашній русскій консулъ въ Бѣлградѣ, Шишкинъ, опасавшійся, что съ русскимъ преподаваніемъ проникнетъ къ сербамъ «нигилизмъ».

Такихъ примѣровъ было бы можно привести множество,—и они составляютъ, разумѣется, только эпизоды общаго, страннаго положенія у насъ славянскаго вопроса и ненормальнаго положенія самой русской общественности и литературы. И если принять въ разсчетъ эту сторону дѣла, то, намъ кажется, должна пропасть охота загадывать о всеславянскомъ господствѣ русскаго языка.

---

[1]) Въ „Новомъ Времени“ 1878, августъ.

X. Заключеніе.

Что́ же думать о все-славянскомъ литературномъ языкѣ? Возможенъ ли онъ и надо ли его желать? [1]).

На послѣднее мы отвѣтили бы утвердительно, — потому что если только славянскій міръ имѣетъ будущее и желаетъ его, оно можетъ быть достигнуто только соединеніемъ славянскихъ силъ, такъ какъ, иначе, раздѣленное славянство не можетъ выдержать конкурренціи и борьбы съ своими сосѣдями и врагами; а соединеніе не можетъ обойтись безъ какого-либо общаго о́ргана, въ видѣ русскаго или другого славянскаго языка,—о́ргана, который служилъ бы, по крайней мѣрѣ, для взаимныхъ сношеній (потому что знаніе славянами хотя бы нѣсколькихъ главныхъ нарѣчій есть вещь практически недостижимая) и также для цѣлей высшей образованности, какъ языкъ науки. При этомъ, однако, мы не отрицали бы ни въ малѣйшей степени пра́ва каждой народности на свою особенную литературу. Разумное объединеніе не должно, да и не можетъ, въ существующихъ условіяхъ, совершаться насиліемъ: если обще-славянскій языкъ будетъ принятъ, онъ можетъ быть принятъ только свободно, собственнымъ сознаніемъ славянства въ его пользѣ и необходимости, и мы вовсе не считаемъ совмѣстнаго существованія языка общаго и частныхъ нарѣчій невозможнымъ въ литературѣ—въ томъ родѣ, какъ провансальское нарѣчіе совмѣстно съ французскимъ языкомъ. Но разумѣется само собою, что съ принятіемъ общаго языка область частныхъ литературъ должна стѣсниться и ограничиться—на столько, сколько литературнаго содержанія отошло бы въ область общаго языка.

Какое изъ славянскихъ нарѣчій могло бы всего вѣроятнѣе служить для такого объединенія,—этотъ вопросъ долженъ бы рѣшиться, по нашему мнѣнію, въ пользу русскаго языка. Не потому, чтобы мы придавали особенную силу его «историческому праву» (хотя оно имѣетъ свою важность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, оно фактически устранено было развитіемъ цѣлыхъ обширныхъ литературъ на другихъ нарѣчіяхъ еще въ ту пору, когда сама русская литература была очень незначительна, —

[1]) Замѣтимъ кстати, что эти статьи о панславизмѣ, прежнія и нынѣшнія, между прочимъ, обратили вниманіе польской критики. Недавно читали мы отзывъ въ „Gazeta Polska" (№ 181). Критикъ слишкомъ забѣжалъ впередъ, излагая мою теорію и дѣлая на нее свои возраженія: моя теорія не совсѣмъ такова, какъ ему представляется.

и эти литературы, особливо западно-славянскія имѣютъ свое историческое право вѣкового существованія и служенія своему народу); и не потому только, что русскіе—наиболѣе многочисленный и политически сильный народъ славянскаго племени (это одно не даетъ еще образовательно-литературнаго авторитета), а въ особенности потому, что рядомъ съ политической и численной силой, и вслѣдствіе ея, русскій народъ представляетъ гораздо болѣе возможностей обширнаго развитія въ будущемъ, чѣмъ представляется для другихъ племенъ по ограниченности ихъ средствъ,—и хотя настоящее русской образованности и литературы весьма не блестяще, но она можетъ ожидать свѣтлаго будущаго, если только внѣшнія условія народной жизни измѣнятся къ лучшему. Что внутренняя способность къ широкому развитію есть въ русскомъ народѣ—это доказывается быстрымъ успѣхомъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, доказывается прошлымъ русской литературы и ея настоящимъ, когда, при всемъ неблагопріятномъ и часто подавляющемъ стеченіи страшно трудныхъ условій, русская образованность представляетъ рядъ первостепенныхъ талантовъ въ поэзіи, наукѣ и искусствахъ...

Но отъ желательности и возможности далеко до исполненія. Для распространенія русскаго языка въ качествѣ «обще-славянскаго» (въ какой бы то ни было степени—языка вообще литературнаго, т.-е. и языка поэзіи, или только языка дипломатическаго и научно-образовательнаго,—все равно) нужны двѣ вещи: во-первыхъ, такое развитіе русской литературы, чтобы она широтою своего научнаго и поэтическаго содержанія возымѣла въ славянскомъ мірѣ авторитетъ, который могъ бы если не пересиливать, то равняться съ авторитетомъ литературъ европейскихъ; во-вторыхъ, сильная потребность славянскаго міра въ тѣсномъ національно-образовательномъ союзѣ.

Могло бы быть сдѣлано третье предположеніе: что русскій языкъ могъ бы стать обще-славянскимъ въ силу политическаго господства, прямого или косвеннаго, въ родѣ системы «обрусѣнія». Но, насколько можно предвидѣть будущія условія славянства по вѣкамъ прошлой исторіи, предположеніе политическаго объединенія съ системой «обрусѣнія» мы считаемъ совершенно невозможнымъ. Если же предположить славянскую федерацію,—что возможнѣе,—она могла бы осуществиться не иначе, какъ подъ условіемъ внутренней автономіи, простирающейся на языкъ и школу,—такъ что частныя литературы и образованіе остались бы подъ тѣми же вліяніями объединительныхъ стремленій и партикуляризма. А система «обрусѣнія», какъ мы замѣчали въ дру-

гомъ мѣстѣ, способна приводить къ послѣдствіямъ совсѣмъ неожиданнымъ и вреднымъ въ національно-племенномъ смыслѣ.

Итакъ, возвращаемся къ первому условію. Для того, чтобы литература пріобрѣла для славянства авторитетъ, столь сильный, что онъ привелъ бы къ изученію и принятію русскаго языка, нужны прежде всего тѣ общія данныя, которыя создаютъ сильное развитіе литературы — широкое распространеніе образованности (какого мы далеко не имѣемъ), нуженъ полный просторъ для научнаго изслѣдованія (котораго мы также далеко не имѣемъ). Пока наука не будетъ возможна на русскомъ языкѣ въ той свободѣ, какую имѣетъ она въ литературахъ европейскихъ, до тѣхъ поръ наша литература не можетъ помышлять о соперничествѣ съ ними во вліяніи на славянское образованіе: славяне будутъ читать нѣмецкія, французскія и англійскія книги, когда подобныя книги на русскомъ языкѣ будутъ подвергаться остракизму; славяне будутъ идти за высшей образованностью въ европейскія школы, и будутъ почерпать тамъ то нерасположеніе къ русскому, на которое у насъ такъ много жаловались и жалуются; сравнивая русскую литературу, напримѣръ, съ нѣмецкой, они вслѣдъ за нѣмцами будутъ (съ нѣкоторымъ правомъ?) смотрѣть на первую свысока, считать ее несовершеннолѣтней. Этимъ однимъ уже создавалось одно изъ сильныхъ, хотя не всѣмъ замѣтныхъ препятствій—не скажемъ къ «распространенію русскаго языка между славянами» (объ этомъ и говорить здѣсь было бы лишнее), а даже къ простому взаимному сближенію и ознакомленію.

Понятно, что съ этимъ должно соединяться и другое—возможность для литературы свободнаго обсужденія славянскихъ дѣлъ. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, для русскаго читателя, который интересовался бы вопросомъ, недоступны цѣлые отдѣлы славянской литературы: возможно-ли при этомъ, чтобы литература русская могла стать для славянъ любопытной и авторитетной, когда она не можетъ даже говорить объ извѣстныхъ предметахъ междуславянскаго спора, которые именно требовали бы разъясненія и примиренія.

Другимъ условіемъ для распространенія русскаго языка между славянами должно быть, какъ мы замѣтили, добровольное сознаніе самимъ славянствомъ необходимости союза. До сихъ поръ, почти во всякомъ разсужденіи этого рода, со стороны славянства почти неизмѣнно слышалась нота недовѣрія и опасенія, что союзъ съ Россіей будетъ подчиненіемъ ей, и что онъ будетъ грозить частнымъ народнымъ особенностямъ. Примѣръ Польши являлся обык-

новенно, какъ достаточное этому доказательство; другое доказательство видѣли въ идеяхъ тѣхъ русскихъ панславистовъ, которые черезъ-чуръ усердно настаивали на томъ, что славянство должно принять ту программу, какую они выработывали безъ совѣта съ самими славянами, — напр., настаивали на православіи, какъ исключительной славянской религіи, на безусловномъ принятіи русскаго языка въ общей литературѣ и т. д. И надо согласиться, что славяне были правы, когда опасались съ русской стороны исключительности и притязанія на безусловное господство. Они знали эти факты и не имѣли причинъ ожидать въ будущемъ иныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, какія этими фактами указывались. Новое подтвержденіе они могли видѣть въ положеніи малорусской литературы. Въ западномъ славянствѣ развитіе національной идеи привело къ тому, что тамъ возникли особенныя литературы даже у такихъ немногочисленныхъ племенъ, какъ словинцы (хорутане), которые не хотѣли принять сербо-хорватскаго языка, — даже у такихъ національныхъ крупицъ, какъ лужичане, которые восходя числомъ не болѣе какъ тысячъ около ста (населеніе большого губернскаго города) и дѣлясь на два оттѣнка (лужичане верхніе и нижніе), имѣютъ *двѣ* литературы, или у такихъ оттѣнковъ народности, какъ словаки, которыхъ языкъ составляетъ лишь нарѣчіе чешскаго и которые, однако, настаиваютъ на отдѣльной отъ чеховъ литературѣ. У насъ, малорусское нарѣчіе отличается отъ великорусскаго гораздо больше, чѣмъ словацкое отъ чешскаго, — но за малорусской литературой не хотятъ признать никакого права. Мы не будемъ касаться политической стороны дѣла и административныхъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ отношеніи; но замѣтимъ, что было очень странно видѣть спеціалистовъ, которые примѣнили административную мѣрку къ научно-теоретическимъ вопросамъ, и мѣропріятіе, которое вѣроятно самой администраціей считалось временнымъ, возводили въ научный принципъ. Въ западномъ славянствѣ это должно было произвести, безъ сомнѣнія, самое неблагопріятное впечатлѣніе.

Возможность тѣснаго литературнаго сближенія, дѣйствительной живой связи, — которая привела бы къ авторитетности русскаго языка и литературы, — представится лишь тогда, когда упрочится между нами и славянствомъ солидарный взглядъ на самое существо національнаго движенія; когда національная исключительность уступитъ духу примиренія, признанія правъ чужой народности. Въ настоящемъ періодѣ все-славянской жизни, національный инстинктъ, въ своемъ «возрожденіи», сказывается именно этимъ аналитическимъ развитіемъ народныхъ единицъ, и долж-

но предоставить полную свободу его теченію, пока оно не совершитъ своего круга и затѣмъ самъ собой наступитъ поворотъ къ сосредоточенію. Теперь, для большинства славянскихъ народовъ идетъ еще вопросъ о первомъ прочномъ установленіи своей народной личности; если нарушать его теперь рѣзкимъ отрицаніемъ этой частной племенной индивидуальности въ пользу неизвѣстнаго и еще искомаго единства, то нарушеніе этой индивидуальности только ослабитъ ее и тѣмъ скорѣе сдѣлаетъ жертвой ближайшаго и сильнѣйшаго иноплеменнаго сосѣдства. Единство должно представляться имъ какъ опора ихъ національнаго сознанія въ борьбѣ, которую ему нужно еще вести противъ чужой стихіи, а не какъ опасность для ихъ собственной народности. Единство должно быть создано какъ союзъ, а не какъ поглощеніе сильнымъ слабѣйшаго.—Быть можетъ, что когда-нибудь союзъ кончится болѣе полнымъ объединеніемъ, — но это была бы уже задача еще очень далекихъ будущихъ историческихъ періодовъ...

Между тѣмъ у насъ вопросъ ставится такъ, какъ будто это будущее уже наступило, напр., — требуютъ принятія русскаго языка, когда русское образованіе и общественность еще не имѣютъ даже необходимой доли самобытности, когда въ русскомъ обществѣ нѣтъ никакого яснаго представленія объ отношеніяхъ къ славянству, когда существующіе у насъ между-славянскіе взгляды возбуждаютъ въ западномъ славянствѣ подозрительность и недовѣріе, и русскія выраженія панславянской идеи кажутся только едва замаскированнымъ властолюбіемъ, для котораго еще вовсе нѣтъ достаточныхъ внутреннихъ основаній.

Вопросъ все-славянскаго литературнаго (или если ограничить тѣснѣе панславянскія пожеланія, — только дипломатическаго и научнаго) языка сводится къ тому же, къ чему сводится и весь вопросъ о панславизмѣ. Нашихъ панславистскихъ теоретиковъ увлекали широкіе горизонты: они идеалистически строили великое славянское будущее подъ предводительствомъ Россіи, опирая строеніе всего болѣе на обширномъ внѣшнемъ развитіи русской государственности и подчиняя славянскій союзъ частнымъ особенностямъ русской народности. Но одна государственность, какъ она развилась у насъ къ настоящему моменту, положительно не въ состояніи исполнить этой задачи; предполагаемое господство исключительной русской народности отталкиваетъ славянскія племена: онѣ не думаютъ признавать, чтобы она, въ ущербъ имъ всѣмъ, специфически владѣла славянскими свойствами, какъ утверждалось нашими теоретиками, — и, напр., считаютъ простой невозможностью, на ряду съ политическимъ, религіозное

объединенiе въ православiи [1]). Очевидно, что прежде всего условiемъ объединенiя должно быть признанiе права частныхъ народностей, и путь объединенiя не въ авторитетѣ политической и численной силы, а въ возвышенiи своей науки, общественности и культуры. Но въ этомъ послѣднемъ отношенiи намъ недостаетъ еще слишкомъ многаго, — и нужно бы, чтобы русское общество раньше сознало этотъ недостатокъ, чѣмъ загадывать грандiозные планы. До тѣхъ поръ, пока наука не прiобрѣтетъ у насъ своего полнаго права, пока не прiобрѣтется возможность общественной инициативы, и здравое пониманiе нацiональныхъ интересовъ не получитъ силы въ нашей собственной средѣ, толки о панславянскомъ единствѣ и все-славянскомъ (= русскомъ) языкѣ останутся идеаломъ, или фантазiей.

А. Пыпинъ.

[1]) Ср. разсужденiя такого осторожнаго ученаго, какъ Богишичъ: „Словенски Музеум, мисли о потреби научнога средишта за сваколика словенска племена“, Новый-Садъ, 1867, стр. 16 и слѣд.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Сентябрь, 1879.

I.

— *П. Милославскій,* Типы современной философской мысли въ Германіи. Очерки изъ путешествія за границу. Казань, 1878.
— *Th. Ribot,* La Psychologie allemande contemporaine (école experimentale). Paris, 1879.

Интересъ къ философіи, столь сильный лѣтъ сорокъ тому назадъ, затѣмъ постепенно ослабѣвавшій и достигшій своего минимума въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, съ нѣкоторыхъ поръ опять быстро возрастаетъ, не только въ западной Европѣ, но и у насъ, въ Россіи. Застой въ развитіи философіи, упадокъ старыхъ философскихъ системъ, машинальное повтореніе и безплодное видоизмѣненіе ихъ одними, презрительное игнорированіе ихъ другими — все это уступаетъ мѣсто движенію, находящемуся еще въ первомъ своемъ періодѣ, но успѣвшему уже обратить на себя всеобщее и вполнѣ заслуженное вниманіе. Центръ этого движенія—въ Германіи; изъ главнаго оплота спекулятивныхъ, метафизическихъ построеній она становится средоточіемъ новой философіи, по праву присвоивающей себѣ названіе *научной.* Изученію этой философіи и нѣкоторыхъ системъ, идущихъ отчасти параллельно, отчасти въ разрѣзъ съ нею, посвящены въ нашей литературѣ книги г. Лесевича, „Этюды" г. Козлова и, наконецъ, сочиненіе г. Милославскаго, названное нами выше. Новая книга Рибо, автора извѣстныхъ сочиненій о наслѣдственности и объ англійской современной психологіи, имѣетъ предметомъ одну сторону новой работы философской мысли въ Германіи — опытную психологію, создаваемую на развалинахъ прежней, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ научная философія. Такъ какъ г. Милославскій всего менѣе останавливается именно на психологіи, а Рибо не касается вопросовъ, лежащихъ

внѣ ея области, то сочиненія ихъ во многомъ дополняютъ другъ друга. Къ „Письмамъ о научной философіи“ г. Лесевича книга г. Милославскаго отчасти находится въ такомъ же отношеніи, потому что г. Лесевичъ преимущественно изучаетъ тѣхъ представителей научной философіи (Геринга, Авенаріуса и др.), о которыхъ г. Милославскій упоминаетъ только мимоходомъ; но, съ другой стороны, между сочиненіями обоихъ русскихъ писателей существуетъ связь болѣе тѣсная, такъ какъ въ задачу обоихъ входитъ опредѣленіе предмета, области и цѣлей, новой, научной философіи.

Сочиненіе г. Милославскаго состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: въ первой онъ излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ философскихъ системъ, проповѣдуемыхъ въ настоящее время съ нѣмецкой университетской каѳедры (преимущественно тѣхъ, которыя не вполнѣ отрѣшились отъ старыхъ традицій); во второй — разбираетъ причины упадка метафизики и задачи философіи, какъ спеціальной науки. Мы остановимся на послѣдней части, замѣтивъ только по поводу первой, что она много выиграла бы отъ бо́льшей ясности изложенія, затемняемаго иногда, какъ видно изъ словъ самого автора (стр. 79), желаніемъ его оставаться по возможности близкимъ къ языку и манерѣ нѣмецкихъ философовъ. Познакомить съ особенностями ихъ могли бы двѣ-три фразы, болѣе другихъ типичныя; сохранять во всей неприкосновенности туманъ, отъ котораго теперь старается освободиться и нѣмецкій философскій языкъ, очевидно, не было никакой надобности, тѣмъ болѣе, что наши читатели вообще мало привыкли къ способу выраженія, свойственному нѣмецкой философіи. Г. Милославскій почти всегда умѣетъ быть яснымъ, когда говоритъ отъ собственнаго своего лица; желательно было бы, чтобы онъ внесъ это качество и въ передачу чужихъ мыслей. Образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Рибо, въ изложеніи котораго становятся, относительно, легко понятными даже ученія метафизиковъ въ родѣ Гербарта или Лотце. Конечно, этому способствуетъ и бо́льшая выработанность французскаго философскаго языка, сравнительно съ русскимъ [1]).

[1]) Въ сужденіяхъ г. Милославскаго о писателяхъ, ученія которыхъ онъ излагаетъ, намъ бросилась въ глаза слѣдующая странность. На одной и той же (150-й) страницѣ онъ говоритъ о Гартманѣ (авторѣ „Философіи безсознательнаго“) въ одномъ мѣстѣ, что нѣтъ основанія сомнѣваться въ блестящихъ его дарованіяхъ и *важныхъ заслугахъ*, какія онъ оказалъ нѣмецкой философіи и націи, а въ другомъ—что ученіе его съ виду стройно и красиво, но на самомъ дѣлѣ *гнило, нескладно*, и для человѣчества не только *безполезно, какъ пустая метафизика, но и вредно, какъ моральная отрава.* Какимъ образомъ ученіе, безполезное и вредное для человѣчества, можетъ быть заслугой передъ нѣмецкой націей — этого г. Милославскій не объясняетъ.

„Великое и многовѣтвистое дерево національной нѣмецкой философіи, — говоритъ г. Милославскій, — выросшее и раскинувшееся во всѣ стороны изъ критики Канта, оказалось безплоднымъ, засыхаетъ и подрубается современной наукой и общественнымъ мнѣніемъ. Вмѣсто національной нѣмецкой философіи, на почвѣ науки, составляющей достояніе всего человѣчества, начинаетъ рости и развиваться общечеловѣческая философская мысль... Паденіе старой нѣмецкой философіи, повидимому, предоставляетъ положительной наукѣ полный просторъ, неограниченную, деспотическую власть надъ умами и жизнью человѣчества. Научная реакція противъ схоластики и метафизики, подъ вліяніемъ этой власти, переходитъ теперь отъ обороны къ наступленію: въ современной культурѣ развивается стремленіе искоренить изъ человѣческой науки и жизни, вмѣстѣ съ схоластикой и метафизикой, и все то, что для нихъ служило основой. Въ концѣ всего въ западной Европѣ, а особенно въ Россіи, сложилось убѣжденіе, что философія, какъ самостоятельная наука, потеряла свой кредитъ и должна быть вычеркнута изъ исторіи будущаго". Справедливо ли это убѣжденіе? — спрашиваетъ себя авторъ: — вѣрно ли, что философію, какъ метафизику, слѣдуетъ отнести цѣликомъ въ отжившій фазисъ умственнаго развитія человѣчества? Противники философіи приводятъ обыкновенно слѣдующіе главные аргументы, объясняющіе и оправдывающіе ея паденіе: методъ философіи, прямо противоположный научному, вполнѣ несостоятеленъ и не можетъ привести ни къ чему, кромѣ ошибокъ;—въ философіи нѣтъ реальнаго предмета, подлежащаго истинно-научному изученію;—задача философіи неразрѣшима, такъ какъ она заключается въ познаніи сущностей, а мы можемъ познавать только явленія и ихъ законы. Г. Милославскій подробно разбираетъ каждый изъ этихъ аргументовъ и отвергаетъ ихъ доказательную силу. Онъ находитъ, что различіе между методами научнымъ и метафизическимъ, несмотря на отвлеченность, субъективность, апріорность философскихъ построеній, вовсе несущественно и не доходитъ до радикальной противоположности, какъ думалъ Контъ и какъ думаютъ обыкновенно представители и любители положительной науки. Съ одной стороны, необходимо припомнить, что параллельно съ метафизикой давно уже развивались ученія эмпирической философіи, не чуждавшіяся опыта и наблюденія, что самъ родоначальникъ нѣмецкой метафизики, Кантъ, считалъ опытъ основаніемъ познанія, что въ системахъ Декарта, Спинозы, Лейбница много не-метафизическаго. Съ другой стороны, индуктивное изслѣдованіе у настоящаго ученаго соединено съ свободною дѣятельностью мысли и воображенія, съ теоріями, гипотезами, однимъ словомъ — съ философіей. Первичныя,

первобытныя данныя человѣческаго познанія вытекаютъ изъ опыта и наблюденія, но въ дальнѣйшемъ развитіи знанія мысль, какъ умозрѣніе, гипотеза, то предшествуетъ опыту и наблюденію, то сосуществуетъ съ ними. Еще яснѣе философскій характеръ изслѣдованія и познанія выступаетъ на видъ въ дедукціи, переработывающей эмпирическія обобщенія въ научную теорію, въ научное умозрѣніе. Гипотеза, являясь послѣднимъ шагомъ научнаго метода—въ цѣльномъ, истинномъ смыслѣ этого слова—есть не что иное, какъ научная метафизика. Наука и философія имѣютъ общую почву въ опытѣ и умозрѣніи и составляютъ въ исторіи развитія не два существенно различныхъ или противоположныхъ фазиса, а двѣ сродныя стороны одного и того же процесса. Различіе обнаруживается только между ступенями этого процесса; другими словами, существенное различіе или даже радикальная противоположность между наукой и метафизикой кроется не въ методахъ ихъ, а въ степени научности и ненаучности той и другой. Если въ наукѣ одно время господствовалъ методъ метафизическій, то къ философіи, очевидно, можетъ быть приложенъ методъ научный. Философія и наука одинаково грѣшатъ одностороннимъ пониманіемъ одного и того же истиннаго метода познанія. Философы воображали, что можно познавать существующее путемъ чистой мысли, независимо отъ опыта и наблюденія, безъ предварительнаго индуктивнаго изслѣдованія, а ученые, наоборотъ, воображаютъ, что познаніе возможно не иначе, какъ только въ опытѣ и наблюденіи, независимо отъ субъективныхъ умственныхъ построеній, и что все, недоступное опыту и наблюденію, недоступно для познанія и составляетъ область метафизики или (по выраженію Льюиса) метэмпирики.

Безпредметность философіи противники ея доказываютъ тѣмъ, что изъ числа задачъ, входившихъ въ ея область, однѣ—разрѣшимыя—отошли въ сферу спеціальныхъ наукъ, а другія должны быть признаны неразрѣшимыми и, слѣдовательно, неподлежащими научному изслѣдованію. Опровергая это мнѣніе, г. Милославскій замѣчаетъ, что если всѣ вещи и явленія дѣйствительнаго міра и могутъ быть распредѣлены между отдѣльными, спеціальными науками, то эти науки составляютъ, въ свою очередь, особый рядъ явленій, котораго нельзя ни смѣшать, ни отождествить съ какимъ-либо другимъ. Явленія, представляемыя человѣческимъ познаніемъ въ его происхожденіи и въ развитіи его различныхъ формъ, могутъ и должны быть предметомъ особой, спеціальной науки, задача которой — научно-методическое открытіе и объясненіе законовъ этихъ явленій, построеніе теорій и гипотезъ для научнаго пониманія ихъ. Эта наука и есть философія; безъ нея всѣ остальныя науки могутъ разви-

ваться только въ ширь, а не въ глубь. Философія—не особый родъ знанія, а только видъ его; различіе ея отъ другихъ наукъ, по характеру ея содержанія, заключается лишь въ томъ, что она наиболѣе сложна и универсальна. Въ классификаціи наукъ по системѣ Конта, философіи слѣдовало бы отвести послѣднее и вмѣстѣ съ тѣмъ первое мѣсто—послѣднее по порядку изученія, первое—по степени ея всеобщности.

Переходя къ возраженію, основанному на неразрѣшимости задачъ философіи, г. Милославскій различаетъ идеальныя ея задачи отъ реальнаго ея предмета. Такимъ предметомъ всегда было существующее, т.-е. дѣйствительный міръ; къ объясненію его направлены даже самыя отвлеченныя изъ метафизическихъ построеній. Философія, какъ бы она ни была переполнена ошибками и заблужденіями, есть ученіе не о сущностяхъ, а о вещахъ. Какъ бы краснорѣчиво ни утверждали философы и ихъ недруги, что философія есть ученіе о сущностяхъ, самыя неудачи философовъ доказываютъ несогласимость этого мнѣнія съ истиннымъ смысломъ философіи. Въ дѣйствительности сущность вещей всегда оставалась и остается лишь *задачей* философскаго мышленія. Между тѣмъ, къ познанію сущностей стремилась и стремится не только философія, но и наука. Каждое новое обобщеніе въ наукѣ, каждая научная теорія или гипотеза — есть естественный и желательный шагъ отъ вещей и явленій къ ихъ сущности. Развѣ не сущность вещей открылъ Ньютонъ въ тяготѣніи и его законахъ? Только знаніе сущности планетныхъ отношеній дало Леверрье возможность открыть существованіе до тѣхъ поръ неизвѣстной и невиданной планеты. Развѣ, далѣе, не сущность вещей составляютъ шестьдесятъ-четыре химическихъ элемента? Когда человѣкъ имѣетъ ясное научное сознаніе, что вся наблюдаемая имъ группа явленій сводится на сочетаніе этихъ элементовъ и механическихъ движеній, онъ, очевидно, знаетъ сущность вещей и явленій, насколько это возможно для современнаго познанія и лично для него самого. Ему остается только не забывать, что эта сущность не безусловна, что она составляетъ явленіе нашего сознанія, явленіе научнаго развитія. Итакъ, сущность вещей—общій центръ тяготѣнія для всѣхъ спеціальныхъ наукъ, съ философіей включительно. Философы понимаютъ это лучше ученыхъ и справедливо заключаютъ, что познаніе сущностей возможно. Но если сравнить успѣхи ученыхъ и философовъ на пути познанія, то окажется поразительно странная разница. Философы, считая сущности вещей познаваемыми и энергически стремясь познать ихъ, до сихъ поръ не пришли ни къ какому положительному результату, а ученые, какъ будто не имѣя въ виду сущностей, изучая одни явленія и даже считая сущ-

ности непознаваемыми, проникли въ сущность вещей успѣшнѣе и дальше, чѣмъ философы. Объяснить эту странность, значитъ, — по мнѣнію г. Милославскаго,—объяснить упадокъ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать ея право на существованіе, раскрыть ея задачи и способъ осуществленія ихъ.

Для нашего познанія доступны только явленія и ихъ единообразія, законы, а не *безусловныя* сущности или вещи въ себѣ (res per se, Dinge an sich). Человѣческое познаніе относительно, т.-е. познаніе невозможно безъ соотношенія, безъ соучастія субъекта и объекта; никакая вещь, никакое явленіе не можетъ быть познано само въ себѣ, какъ чистый объектъ, а всегда въ связи съ субъектомъ. Этотъ законъ относительности человѣческаго познанія оказывалъ вліяніе на философію и тогда, когда не былъ еще открытъ и формулированъ, подобно тому, какъ человѣкъ мыслилъ логически и говорилъ грамматически прежде всякой логики и грамматики; но насколько неизбѣжны ошибки противъ законовъ мысли и языка, настолько же онѣ неизбѣжны и противъ закона относительности. Заблужденія старой метафизики зависѣли преимущественно отъ игнорированія этого закона, отъ стремленія къ знанію безотносительному, безусловному, къ постиженію какого-нибудь абсолютнаго начала всѣхъ началъ. Эмпирики грѣшили въ противоположномъ направленіи, признавая безотносительность незнанія или абсолютное непознаваемое. Кантъ, въ своей „Критикѣ чистаго разума", установилъ недоступность для человѣческаго познанія безотносительной сущности внѣшняго міра; но онъ не довелъ своей мысли до логическаго ея заключенія и призналъ безусловно апріорными, независимыми отъ опыта, нѣкоторыя понятія, коренящіяся въ чистомъ разумѣ, напр., понятія о пространствѣ и времени. Затѣмъ онъ вынужденъ былъ признать безотносительною и вещь въ себѣ, какъ нѣчто абсолютно лежащее внѣ человѣка и абсолютно-непознаваемое. Эта сторона ученія Канта послужила источникомъ новой нѣмецкой метафизики, отличающейся отъ старой не столько по существу, сколько по формѣ. Преемники Канта упустили изъ виду, что такъ какъ человѣческое познаніе относительно, то и вещь въ себѣ *для познанія* не можетъ быть безотносительною; что познаніе о вещи въ себѣ, подобно всякому другому познанію, есть не болѣе, какъ явленіе, слагающееся изъ взаимнодѣйствія субъекта и объекта. Они искали вещь въ себѣ или только въ своемъ внутреннемъ мірѣ или только внѣ его; отсюда не проходится бездна между субъектомъ и объектомъ, между мыслью и внѣшнимъ міромъ. Допустивъ безотносительность вещи въ себѣ, неизбѣжно слѣдуетъ признать, что все существующее—или только духъ, или только матерія; отсюда крайности идеализма и реализма. Та-

кова, по мнѣнію г. Милославскаго, коренная ошибка отживающей нѣмецкой философіи, объясняющая ея упадокъ и пренебреженіе къ ней со стороны науки. Новая школа, сознающая необходимость исправить эту ошибку, проповѣдуетъ возвращеніе къ Канту, въ смыслѣ болѣе послѣдовательнаго продолженія начатаго, но неоконченнаго имъ дѣла. Вопросъ — быть или не быть философіи, рѣшается, такимъ образомъ, въ ея пользу; конецъ наступаетъ не для нея, а только для фальшиваго направленія, которому она слѣдовала въ Германіи.

Современная наука, осуждая метафизическія построенія философіи, сама не остается, однако, свободной отъ метафизическихъ элементовъ и стремленій. Она постоянно наталкивается на метафизическіе вопросы о послѣднихъ или первыхъ началахъ міра, о сущности матеріальныхъ вещей и явленій, о сущности сознанія, и т. п. Научныя теоріи или гипотезы, такъ или иначе рѣшающія подобные вопросы, по всей справедливости устанавливаются въ естественный и историческій рядъ съ теоріями и гипотезами записныхъ метафизиковъ. Научныя умозрѣнія стремятся къ упраздненію или замѣщенію философіи и богословія, но при этомъ неизбѣжно отрываются отъ научной почвы и переносятся на почву метафизики и религіознаго сознанія. Примѣромъ этому могутъ служить гипотезы Геккеля о равномѣрномъ одушевленіи всѣхъ тѣлъ въ природѣ, органическихъ и неорганическихъ, о живыхъ неорганизмахъ, о тождествѣ силы, которою магнитъ притягиваетъ желѣзо, съ силою, которою мыслитъ человѣкъ. Научный законъ сохраненія вещества и энергіи превращается, путемъ такихъ же гипотезъ, въ метафизическій законъ *вѣчнаго* сохраненія вещества и энергіи; вѣчные элементы или атомы вещества становятся безусловными, безотносительными сущностями всего мірового процесса. Безотносительнымъ источникомъ, критеріемъ или предѣломъ всякаго познанія у философствующихъ ученыхъ является опытъ; онъ становится лозунгомъ, который достаточно произносить почаще и поувѣреннѣе, чтобы провести въ лагерь науки даже старыя идеи изъ враждебнаго метафизическаго лагеря. На опытѣ считаютъ возможнымъ возводить всякаго рода постройки, забывая, что онъ самъ требовалъ бы предварительнаго изученія, что все познаваемое изъ опыта есть явленіе нашего сознанія, а сознаніе не совпадаетъ съ механикой и энергіей вещества. Господствующее въ современной наукѣ ученіе — такъ-называемый механическій монизмъ объективируетъ *понятія* объ энергіи и матеріи, переноситъ ихъ во внѣшній міръ, отождествляетъ съ вещами—однимъ словомъ, повторяетъ, въ новой формѣ, ошибки старой метафизики. Предупредить подобное вторженіе науки въ область метафизики можетъ только

возвышеніе философіи на степень спеціальной науки, въ такой же мѣрѣ, какъ и всякая другая требующей спеціальнаго изученія. Теперь астрономъ не берется судить объ открытіяхъ біологіи, біологъ —объ открытіяхъ астрономіи, а философствовать по-своему считаетъ себя въ правѣ всякій ученый, даже всякій образованный человѣкъ. Пора придти къ убѣжденію, что задачи философіи не могутъ быть рѣшены никакою другою изъ спеціальныхъ наукъ.

Въ чемъ же заключаются задачи философіи, какъ спеціальной науки? *Первая* изъ нихъ—методическая классификація явленій человѣческаго познанія и правильное, точное ихъ описаніе. Даже при поверхностномъ взглядѣ на явленія познанія не трудно раздѣлить ихъ на опредѣленныя группы—религіозныхъ ученій, миѳовъ, философскихъ системъ, разныхъ наукъ, затѣмъ на частныя группы научныхъ, религіозныхъ и другихъ идей (о матеріи, о силѣ, о происхожденіи міра, о первой причинѣ, о духѣ) и т. д. До сихъ поръ эта задача не выполнена, но подготовительными къ исполненію ея работами можно считать всѣ современныя изслѣдованія о первобытной культурѣ, о языкѣ, миѳахъ, религіяхъ, вообще о цивилизаціи, также различныя исторіи философіи и науки. Наибольшую цѣнность, съ этой точки зрѣнія, имѣютъ труды Конта, Уэвелла (исторія индуктивныхъ наукъ) и Ланге (исторія матеріализма). *Вторая* задача философіи—открытіе, выясненіе, выраженіе и внесеніе въ общенаучный кодексъ законовъ, связывающихъ явленія познанія. Выполненіе этой задачи зависитъ отъ успѣховъ всѣхъ другихъ наукъ о познаваемомъ мірѣ и познающемъ человѣкѣ, особенно психологіи и логики. Эти послѣднія науки также изслѣдуютъ условія и отношенія человѣческаго познанія, но между ними и философіей такая же разница, какъ между конкретными и абстрактными науками (напримѣръ, минералогіей и химіей). При открытіи и опредѣленіи законовъ явленій человѣческаго познанія должны быть принимаемы въ соображеніе единственно научныя данныя, разработываемыя общенаучнымъ методомъ. Здѣсь есть мѣсто научнымъ теоріямъ и гипотезамъ, но нѣтъ мѣста ненаучнымъ, независимымъ какъ отъ опыта, такъ и отъ апріорныхъ элементовъ познанія, безотносительнымъ постройкамъ. Примѣромъ такой постройки можетъ служить попытка подчинить человѣческую мысль общему закону сохраненія вещества и энергіи; примѣромъ научной гипотезы—предположеніе г. Милославскаго, что элементы познанія подлежатъ своему собственному закону сохраненія, т.-е. не творятся изъ ничего и не исчезаютъ въ ничто. Въ силу этого предположенія, между обоими порядками явленій (внутреннимъ и внѣшнимъ) и законами ихъ сохраненія существуетъ природное отношеніе, которое и дается въ познаніи, но выясняется не вдругъ и

не само собою, а постепенно, по мѣрѣ развитія наукъ о мірѣ и человѣкѣ. *Третья*, послѣдняя и высшая задача философіи заключается въ томъ, чтобы, на основаніи результатовъ всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій, на основаніи найденныхъ и опредѣленныхъ законовъ явленій человѣческаго познанія, построить научную теорію этихъ явленій, въ связи съ явленіями всего познаваемаго. Какимъ образомъ наше познаніе можетъ обнимать и явленія познаваемаго, и явленія самаго познанія, какимъ образомъ познаніе связано съ матеріей, духъ съ тѣломъ—это остается проблемой. Если разрѣшеніе ея возможно, то къ нему можно приближаться только постепенно, путемъ спеціальнаго изученія отношеній между обоими элементами познанія. Научная теорія явленій познанія даетъ средства для правильной постановки и приблизительнаго рѣшенія всѣхъ другихъ философскихъ проблемъ — о происхожденіи и развитіи міра, объ атомахъ, о жизни, о свободѣ и т. д. Безотносительнаго познанія о всѣхъ этихъ предметахъ мы, относительно познающія существа, имѣть не можемъ; но относительнаго, научнаго познанія о нихъ достигнуть возможно. Наши идеи о нихъ могутъ быть научными, а не метафизическими. Пусть это будутъ идеи о *сущностяхъ*—онѣ остаются высокими и самыми цѣнными явленіями человѣческаго познанія, наиболѣе сообразными съ его законами. При такихъ условіяхъ для философа, чувствующаго въ себѣ достаточно умственныхъ силъ и чистоты сердца, открытъ свободный путь къ относительной идеѣ даже о Томъ, кого философы дерзали считать постигнутымъ въ идеѣ какого-нибудь абсолюта. Такимъ образомъ, философія, выполняя всѣ свои задачи, становится въ то же время связною, цѣльною системой міросозерцанія. Въ этой системѣ получаетъ свое опредѣленное значеніе не только то, что̀ человѣкъ уже знаетъ, но и то, что̀ онъ воображаетъ себѣ извѣстнымъ или возможнымъ для познанія. Философія всегда имѣла величайшее вліяніе на весь строй нравственныхъ убѣжденій и человѣческой дѣятельности; тѣмъ выше можетъ быть ея нравственное практическое значеніе тогда, когда она достигнетъ общеобязательнаго, общепризнаваемаго научнаго значенія и положенія. Ея содержаніе обнимаетъ содержаніе всего человѣка, насколько оно доступно наукѣ. Изъ тѣхъ же отношеній, изъ какихъ слагается познаніе, слагается и человѣческая дѣятельность. Правильное пониманіе отношеній одного рода можетъ вести къ правильному пониманію отношеній и другого рода—нравственныхъ отношеній человѣка къ самому себѣ, къ ближнимъ и ко всей природѣ.

Таково, въ короткихъ чертахъ, содержаніе четырехъ послѣднихъ главъ книги г. Милославскаго. Если онъ не знакомитъ насъ со всѣми типами современной философской мысли въ Германіи—мы имѣли уже

случай замѣтить, что именно о главныхъ представителяхъ научной философіи г. Милославскій не говоритъ почти вовсе,—то съ другой стороны онъ даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе его сочиненія; мы находимъ у него самостоятельный взглядъ на прошедшее, настоящее и будущее философіи [1]). Въ виду обширности и трудности задачи, неудивительно, что исполненіе ея не во всемъ одинаково удалось г. Милославскому. Его терминологія недостаточно опредѣленна; одному и тому же слову онъ придаетъ въ разныхъ мѣстахъ различный смыслъ, впадая вслѣдствіе этого какъ-бы въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, онъ повторяетъ нѣсколько разъ, что нашему познанію доступны только явленія, а не сущности, не вещи въ себѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ о сущности вещей, какъ о чемъ-то подлежащемъ философскому и научному изслѣдованію. На одной и той же страницѣ (248-ой) мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующія фразы: „Развѣ не сущность вещей открылъ Ньютонъ въ тяготѣніи и его законахъ? ....Конечно, мы не знаемъ, что̀ такое въ свою очередь составляетъ сущность тяжести и тяготѣнія". Если мы не знаемъ, въ чемъ заключается сущность тяжести и тяготѣнія, то называть открытіе закона тяготѣнія открытіемъ сущности вещей — очевидно, игра словъ, ведущая только къ недоразумѣніямъ. Дѣло въ томъ, что *сущность*, въ философскомъ спеціальномъ смыслѣ этого слова, не совпадаетъ съ *сущностью*, о которой мы привыкли говорить въ общежитіи. Мы называемъ сущностью явленія или предмета его главныя черты, рѣзко отличающія его отъ смежныхъ явленій или предметовъ, составляющія или обусловливающія его характеристическое значеніе. Въ философскомъ смыслѣ сущность или вещь въ себѣ, кантовскій „ноуменъ"— это предметъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не какимъ онъ представляется нашему сознанію. Тяготѣніе, какъ познаваемое нами взаимное соотношеніе предметовъ,—не сущность въ философскомъ смыслѣ, а явленіе, отличающееся отъ другихъ только своею общностью; законъ тяготѣнія, открытый Ньютономъ,—одинъ изъ высшихъ, т.-е. наиболѣе общихъ законовъ, но по способу открытія или уста-

---

[1]) Въ выводахъ г. Милославскаго довольно много общаго съ мнѣніями, высказанными г. Лесевичемъ въ обоихъ сочиненіяхъ его: „Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи" (1877) и „Письма о научной философіи" (1878); но послѣднее вышло въ свѣтъ одновременно съ книгой г. Милославскаго, а относительно перваго г. Милославскій дѣлаетъ оговорку, что онъ познакомился съ нимъ уже по окончаніи своего труда. Сомнѣваться въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ при сходствѣ заключеній аргументація одного автора не совпадаетъ съ аргументаціей другого, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и заключенія ихъ не сходны между собою.

новленія ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ законовъ, выведенныхъ изъ наблюденія явленій внѣшняго міра. Одно изъ двухъ: или всякое научное наблюденіе касается сущности вещей, или ея не касается ни одно научное наблюденіе, какъ бы геніально и важно оно ни было. „Только знаніе сущности молекулярнаго строенія и измѣненія тѣлъ, — говоритъ г. Милославскій все на той же 248-й страницѣ, — даетъ человѣку возможность воспроизводить новыя вещества". Здѣсь слово *сущность*, очевидно, употреблено въ обыкновенномъ, общежитейскомъ его смыслѣ (суть, существенное содержаніе). Неточность въ выборѣ выраженій приводитъ г. Милославскаго, какъ намъ кажется, и къ невполнѣ вѣрному заключенію. Онъ отвергаетъ, чтобы стремленіе къ познанію сущности вещей было одною изъ коренныхъ ошибокъ старой философіи, одною изъ причинъ ея упадка; мы думаемъ, наоборотъ, что именно въ этомъ стремленіи слѣдуетъ искать одинъ изъ главныхъ источниковъ метафизическихъ заблужденій, какъ въ философіи, такъ и въ наукѣ. По словамъ г. Милославскаго, сущность вещей всегда оставалась лишь *задачей* философскаго познанія, а *предметомъ* его былъ дѣйствительный міръ; но развѣ направленіе мышленія не обусловливается его задачей? развѣ неразрѣшимость задачи можетъ оставаться безъ вліянія на характеръ и результатъ вызываемыхъ ею изслѣдованій? Г-нъ Милославскій совершенно правъ, настаивая на первостепенной важности закона относительности человѣческаго познанія и объясняя нарушеніемъ или игнорированіемъ его ложное направленіе нѣмецкой философіи послѣ Канта; но относительность человѣческаго познанія и невозможность познанія сущности вещей — только двѣ стороны одной и той же медали, только два различные способа выраженія одного и того же закона. Въ понятіи о *сущности* заключается уже понятіе о *безусловной, безотносительной* сущности; эти эпитеты, подчеркиваемые г. Милославскимъ, собственно говоря, — плеоназмъ, ничего не дополняющій и не разъясняющій. Искать познанія сущности, т.-е. вещи, какъ она есть въ себѣ — независимо отъ того, какъ она представляется человѣку, — значитъ забывать законъ объ относительности познанія, о неразрывной связи между познаваемымъ объектомъ и познающимъ субъектомъ. Разногласіе между г. Милославскимъ и нами сводится, такимъ образомъ, къ словамъ, — но въ философскомъ изслѣдованіи точное употребленіе словъ чрезвычайно важно, и если бы г. Милославскій установилъ съ бо́льшею опредѣленностью значеніе слова: *сущность*, ему не нужно было бы посвящать нѣсколько страницъ развитію тезиса, что философія и наука въ правѣ стремиться къ познанію сущности вещей.

Съ мнѣніемъ г. Милославскаго, что между методами метафизи-

ческимъ и научнымъ нѣтъ существеннаго различія, едва ли можно согласиться. Существованіе, рядомъ съ метафизикой, эмпирическихъ философскихъ системъ, точно также какъ и наличность строго-научныхъ данныхъ въ самыхъ отвлеченныхъ метафизическихъ построеніяхъ, не доказываетъ тезиса, поддерживаемаго г. Милославскимъ; вѣдь рѣчь идетъ не о философіи вообще и не о философахъ, а только о спеціальномъ метафизическомъ методѣ. Опредѣлить его значеніе можно только изслѣдованіемъ его непосредственныхъ результатовъ, а не того, чтó достигнуто или создано помимо его или вопреки ему. Эмпирическія системы должны быть, съ этой точки зрѣнія, вовсе скинуты со счетовъ; изъ произведеній метафизиковъ должно быть выдѣлено все то, въ чемъ они являются какъ ученые, а не какъ умозрительные философы. Многіе изъ числа философовъ метафизическаго направленія были въ то же самое время людьми науки, не только знатоками, но и двигателями ея; достаточно назвать Декарта и Лейбница. Понятно, что они часто слѣдовали научному методу и что въ ихъ ученіяхъ далеко не все имѣетъ чисто метафизическій характеръ; но развѣ это можетъ служить аргументомъ въ пользу метафизики или метафизическаго метода? Другой доводъ г. Милославскаго заключается въ томъ, что теорія, дедукція составляютъ достояніе науки въ такой же мѣрѣ, какъ и умозрительной философіи, что гипотеза — этотъ послѣдній шагъ научнаго метода — не что иное, какъ научная метафизика. Опроверженіе этого довода можно найти въ словахъ самого же г. Милославскаго. „Индуктивное изслѣдованіе ученаго,—говоритъ онъ,—всегда соединено съ свободною дѣятельностью мысли и воображенія, съ теоріями, съ гипотезами, съ философіей, *которая, конечно, можетъ оказаться передъ свидѣтельствомъ опыта и метафизикой. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ ученый покорно выслушиваетъ истину и разстается съ своими теоретическими и гипотетическими идеями*“. Въ этомъ-то и состоитъ разница между научной гипотезой и метафизическимъ умозрѣніемъ, что первая подвергается повѣркѣ съ дѣйствительностью и отбрасывается самимъ авторомъ, если результатъ повѣрки окажется для него неблагопріятнымъ, а послѣднее увѣрено въ самомъ себѣ и ни въ чемъ другомъ не ищетъ ни опоры, ни контроля. Между научной гипотезой, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и метафизикой лежитъ, такимъ образомъ, цѣлая пропасть. Точно такъ же и дедукція въ наукѣ идетъ рука объ руку съ индукціей, въ метафизикѣ—претендуетъ на самостоятельное независимое значеніе. Не въ правѣ ли мы заключить отсюда, что истинно-научный методъ прямо противоположенъ метафизическому, хотя послѣдній не такъ еще давно игралъ большую роль въ наукѣ и первый проникалъ иногда и въ метафизику? Такое

заключеніе согласуется, въ сущности, и съ взглядомъ г. Милославскаго, объясняющаго упадокъ метафизической философіи нарушеніемъ съ ея стороны закона относительности человѣческаго познанія. Допуская возможность познанія безотносительнаго, независимаго отъ опыта, метафизика этимъ самымъ освобождала себя отъ необходимости сличать свои выводы съ дѣйствительностью, другими словами — отъ необходимости слѣдовать научному методу.

Упустивъ изъ виду указанное имъ же самимъ различіе между научной гипотезой и метафизическимъ умозрѣніемъ, г. Милославскій пришелъ къ не вполнѣ правильному заключенію относительно вторженія метафизики въ современную науку. Мы не отрицаемъ, что случаи такого вторженія на самомъ дѣлѣ бывали и бываютъ, но они не такъ обыкновенны, какъ думаетъ г. Милославскій. Представители современной науки, выставляя смѣлую гипотезу, сознаютъ, бо̀льшею частью, ея условное значеніе, ея временной неустойчивый характеръ, сознаютъ необходимость ея всесторонней повѣрки, однимъ словомъ— не приписываютъ ей непогрѣшимости, не выдаютъ ее за истину, не требующую дальнѣйшихъ доказательствъ. Научныя гипотезы основываются на фактахъ, на данныхъ, добытыхъ опытомъ и наблюденіемъ; онѣ грѣшатъ иногда преждевременнымъ обобщеніемъ этихъ данныхъ, скороспѣлымъ объясненіемъ ихъ, но отнюдь не пренебреженіемъ къ опыту, не отрѣшеніемъ отъ почвы дѣйствительности. Идти впередъ слишкомъ быстро и недостаточно осторожно—не значитъ еще уклоняться съ прямой дороги и возвращаться въ дремучій, безвыходный лѣсъ метафизики.

Расходясь съ г. Милославскимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, мы вполнѣ раздѣляемъ его основную мысль—о необходимости и возможности философіи, какъ науки. Задачи научной философіи г. Милославскій во многомъ понимаетъ точно такъ же, какъ и представители ея въ Германіи. Весьма любопытно разногласіе, существующее по этому вопросу между нѣмецкими философами новой школы — къ которымъ примыкаютъ у насъ гг. Милославскій и Лесевичъ—и французскимъ писателемъ Рибо̀, въ другихъ отношеніяхъ столь же къ ней близкимъ. Констатируя постепенное измѣненіе границъ философіи, нѣкогда вмѣщавшей въ себѣ почти всѣ отрасли знанія, теперь уступившей бо̀льшую часть своего содержанія отдѣльнымъ, спеціальнымъ наукамъ, первые сохраняютъ за философіей самостоятельный научный предметъ и самостоятельное научное значеніе; Рибо̀, отправляясь отъ тѣхъ же данныхъ, приходитъ къ другому заключенію. „Универсальная въ своемъ началѣ, — говоритъ онъ въ предисловіи къ „Psychologie anglaise contemporaine“, —философія (по окончаніи совершающагося въ ней теперь переворота) также будетъ универ-

сальною, но на другой ладъ. Нѣкогда она обнимала собою все — принципы и выводы, причины и факты, общія истины и результаты; въ будущемъ ея областью станутъ общія умозрѣнія (spéculations générales) человѣческаго ума о первыхъ основаніяхъ и послѣднихъ причинахъ всего существующаго. *Она будетъ метафизикой, и больше ничѣмъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Занимать философовъ и служить спеціальнымъ достояніемъ ихъ будетъ тогда то неизвѣстное, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ наукъ и предоставляется ими философскимъ спорамъ. Оно будетъ служить вѣчнымъ источникомъ изслѣдованій и преній, охватывающихъ всю совокупность человѣческихъ знаній, всѣ науки, уже существующія или имѣющія возникнуть. Матеріалами для будущей философіи послужатъ также наиболѣе широкія изъ научныхъ гипотезъ, основанныя на фактахъ, но возвышающіяся надъ ними. Въ концѣ-концовъ, философія будетъ заключать въ себѣ двѣ категоріи проблемъ, въ сущности тождественныя проблемы, изъ которыхъ вытекаютъ науки, и проблемы, порождаемыя науками. Она вѣчно будетъ опускать свой зондъ въ это двухстороннее незнаніе. Совокупность человѣческихъ знаній похожа на широкую рѣку, текущую подъ открытымъ небомъ, но рождающуюся и умирающую въ облакахъ; истокъ и устье ея никому неизвѣстны. Забыть и разъяснить эту тайну—одинаково невозможно для смѣлыхъ умовъ. Философія, такимъ образомъ понимаемая, останется ли наукой? Нѣтъ, потому что все научно познаваемое изъемлется изъ ея сферы. Гдѣ есть возможность наблюдать факты, открывать законы, вычислять отношенія, тамъ есть и мѣсто для той или другой спеціальной науки; философіи онѣ отдаютъ только то, чего сами разрѣшить не могутъ. Метафизика — складочное мѣсто истинъ, стоящихъ внѣ и выше всякой повѣрки; а гдѣ нѣтъ повѣрки, тамъ нѣтъ и науки. Наука объективна, метафизика субъективна. Наука безлична и одинакова у всѣхъ и для всѣхъ національностей; метафизика носитъ на себѣ отпечатокъ лица или по крайней мѣрѣ расы. Она эфемерна, какъ и производящая ее индивидуальность. Говорятъ, что метафизики—это поэты, не понявшіе своего призванія; въ этомъ изреченіи есть большая доля истины. Когда философія сдѣлается тѣмъ, чѣмъ должна быть — совокупностью идей или отвлеченій, стоящею внѣ области фактовъ, — тогда для всѣхъ будетъ ясно, что она скорѣе произведеніе искусства, чѣмъ науки. Для однихъ она будетъ поэзіей скучной и плохо написанной, для другихъ — поэзіей возвышенной, могучей, по-истинѣ божественной, но для всѣхъ одинаково поэзіей, цѣль которой — возстановить синтезъ мірозданія. Многіе думаютъ, что пора отказаться отъ такихъ попытокъ, какъ отъ дѣтскихъ затѣй; но это и нежелательно, и невозможно. Позитивизмъ правъ, не считая

метафизику наукой, правъ, изгоняя ее изъ области опытныхъ наукъ; но осуждать всякое изслѣдованіе о послѣднихъ причинахъ, какъ тщетную и опасную иллюзію—значитъ умалять человѣческій разумъ. Важность изслѣдованія не измѣряется его успѣхомъ. Искать, безъ надежды найти—не безуміе, не пошлость; чего нельзя схватить, то можно смутно увидѣть. Настоящее достоинство человѣческаго ума —не столько въ результатахъ, которыхъ онъ достигаетъ, сколько въ цѣли, которую онъ себѣ ставитъ, и въ усиліяхъ, которыя онъ дѣлаетъ для приближенія къ ней. Какъ доказать, притомъ, что факты болѣе цѣнны, чѣмъ идеи, открытія —чѣмъ изслѣдованія? Послѣдняго слова бытія метафизика не найдетъ—и это большое счастье. Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ о Богѣ, о природѣ, о насъ самихъ было бы смертью для нашего разума. Возвышая разумъ надъ узкимъ догматизмомъ, показывая ему таинственное нѣчто, лежащее за предѣлами науки, метафизика оказываетъ ему, поэтому, величайшую услугу".

Приведенныя нами слова Рибо помогутъ намъ оцѣнить сильныя и слабыя стороны теоріи г. Милославскаго. Выдѣляя изъ области философіи въ область спеціальныхъ наукъ все фактическое, все подлежащее повѣркѣ, все познаваемое посредствомъ опыта, и отрицая затѣмъ возможность философіи, какъ науки, Рибо поступилъ слишкомъ поспѣшно; онъ не замѣтилъ, что нужно же отвести мѣсто для разсмотрѣнія всѣхъ спеціальныхъ наукъ въ ихъ совокупности, для разрѣшенія общихъ имъ всѣмъ и ни одною изъ нихъ не исчерпываемыхъ вопросовъ, и что это именно мѣсто по праву должна занимать философія. Авенаріусъ, одинъ изъ главныхъ представителей научной философіи въ Германіи, видитъ въ философіи науку *всеобщую* (въ противоположность спеціальнымъ), объединяющую понятія, выработанныя отдѣльными науками, и подводящую ихъ подъ высшее, общее понятіе; другими словами, философія, въ его глазахъ, есть не что иное, какъ результатъ слитія спеціальныхъ наукъ въ одно всеобщее понятіе [1]). Къ такому же, въ сущности, выводу приходитъ, какъ мы видѣли, и г. Милославскій. Едва ли онъ правъ, относя къ области научной философіи (или философіи, какъ науки) *точное описаніе* явленій человѣческаго познанія [2]); но методическая классификація этихъ явленій несомнѣнно входитъ въ составъ философіи, такъ какъ ни одна изъ спеціальныхъ наукъ не можетъ взять на себя исполненіе задачи, объектъ которой каждая изъ нихъ и всѣ онѣ въ совокупности. Столь же вѣрно поставлена г. Милославскимъ вторая

---

[1]) *Лесевичъ*, Письма о научной философіи, стр. 97, 101.

[2]) Не этимъ ли объясняется та странность, что г. Милославскій, говоря о трудахъ, всего больше подготовившихъ постройку научной философіи, называетъ книгу Уэвелля на ряду съ сочиненіями Конта и Ланге?

главная задача научной философіи—открытіе законовъ, связывающихъ, объединяющихъ всѣ явленія человѣческаго познанія. Больше сомнѣній возбуждаетъ, въ системѣ г. Милославскаго, третья задача философіи—построеніе, на основаніи найденныхъ и опредѣленныхъ законовъ явленій человѣческаго познанія, научной теоріи этихъ явленій. Съ одной стороны, не совсѣмъ понятно, въ чемъ заключается разница между этой задачей и предыдущей, между законами, связывающими явленія человѣческаго познанія, и научной теоріей этихъ явленій. Съ другой стороны, трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ рѣшеніе проблемъ, соединяемыхъ г. Милославскимъ съ третьей задачей философіи, можетъ имѣть, при настоящемъ положеніи знанія, строго научный характеръ. Представители научной философіи въ Германіи даютъ ей только одно основаніе, общее съ спеціальными науками— *опытъ;* раздѣляетъ ли г. Милославскій это мнѣніе? Повидимому — да, такъ какъ онъ утверждаетъ, что наши идеи о высшихъ философскихъ проблемахъ могутъ быть научными, а не метафизическими; но вслѣдъ затѣмъ мы находимъ у него слѣдующее восклицаніе: „пусть это будутъ идеи о *сущностяхъ* — онѣ останутся высокими и самыми цѣнными явленіями *человѣческаго познанія,* наиболѣе сообразными съ его законами". Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ словахъ, остается неразъясненнымъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 225) мы читаемъ: „ученые *воображаютъ,* что познаніе возможно не иначе, какъ только въ опытѣ и наблюденіи, что все, недоступное для опыта и наблюденія, недоступно для познанія". Если ученые все это только *воображаютъ,* то значитъ есть познаніе, основанное не на опытѣ [1])? На этотъ вопросъ, въ высшей степени важный, г. Милославскій не даетъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ задалъ себѣ двѣ несовмѣстимыя задачи: усвоить философіи строго-научный характеръ, сдѣлать ее спеціальной наукой, однородной со всѣми другими,—и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить ея прежнія границы, не пожертвовать ничѣмъ изъ ея прежняго содержанія. Достигнуть своей цѣли онъ, конечно, не могъ; но почему онъ увлекся мыслью о ея достижимости — это понять не трудно. Проблемы, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудилась старая философія, слишкомъ важны, слишкомъ близки каждому изъ насъ, чтобы можно было съ спокойнымъ сердцемъ разъ навсегда отвернуться отъ нихъ, признавъ ихъ неразрѣшимыми. Въ одномъ изъ самыхъ сильныхъ своихъ стихотвореній (Le Positivisme) Аккерманнъ изображаетъ мученья человѣческаго ума, преградившаго себѣ дорогу къ неизвѣстному, но неудержимо влекомаго назадъ, въ ту область, которую

---

[1]) Здѣсь, какъ и во всей статьѣ, мы употребляемъ слово опытъ въ обширномъ его смыслѣ, а не въ смыслѣ эксперимента.

онъ только-что провозгласилъ для себя недоступной. То же самое чувство звучитъ въ поэтическихъ словахъ Рибо́, приведенныхъ нами выше. Да, неразрѣшимость проблемъ не можетъ предупредить новыхъ попытокъ къ ихъ разрѣшенію; необходимо только не упускать изъ виду, что всѣ эти попытки имѣютъ и будутъ имѣть чисто-субъективный характеръ, что догадки, мечты, надежды не составляютъ положительнаго знанія. Онѣ принадлежатъ къ области поэзіи, пожалуй метафизики, но отнюдь не къ области философіи или науки. Рибо́ ошибается, исключая философію изъ числа наукъ; но онъ совершенно правъ, сохраняя за фантазіей и чувствомъ — и только за ними—доступъ въ сферы, закрытыя для точнаго изслѣдованія. Г. Милославскій правъ, доказывая возможность философіи, какъ науки; но онъ ошибается, включая въ нее проблемы, неразрѣшимыя—по крайней мѣрѣ въ настоящее время—именно для науки. Это не мѣшаетъ намъ видѣть въ сочиненіи г. Милославскаго весьма цѣнное пріобрѣтеніе для нашей небогатой философской литературы.

Новое сочиненіе Рибо̀—„la Psychologie allemande contemporaine“ — точно также какъ и прежнія его книги, служитъ нагляднымъ доказательствомъ тому, что можно допускать полетъ мысли за предѣлы знанія — и все-таки оставаться ученымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, охранять науку отъ вторженія метафизики. Рибо́—одинъ изъ немногихъ французскихъ писателей, видящихъ въ психологіи точную науку, примѣняющихъ къ ней научный методъ, во всей его строгости, изучающихъ не душу, какъ сущность, а феномены, явленія психической жизни. Изображая современное положеніе психологіи сначала въ Англіи, потомъ въ Германіи, Рибо́ оставляетъ совершенно въ сторонѣ представителей старой, метафизической психологіи, вездѣ одинаковой, вездѣ повторяющей зады и не двигающейся съ мѣста; онъ знакомитъ читателей только съ учеными новой школы, разработывающими такъ-называемую *опытную* психологію. Новая психологія—говоритъ онъ въ введеніи къ своей послѣдней книгѣ,— отличается отъ прежней *по духу*, въ которомъ нѣтъ ничего метафизическаго; *по цѣли*, заключающейся исключительно въ изученіи феноменовъ; *по способу дѣйствій*, заимствуемому, насколько это возможно, изъ наукъ біологическихъ. Психическая жизнь составляетъ *непрерывную* серію явленій, въ началѣ которой стоитъ ощущеніе, въ концѣ — движеніе. Если начало и конецъ ея несомнѣнно находятся въ тѣснѣйшей связи съ состояніями нашего тѣла, то такую же связь слѣдуетъ предполагать между этими состояніями и психическими явленіями, занимающими средину серіи. Отсюда явствуетъ, что всякое опредѣленное психическое состояніе связано съ однимъ или

нѣсколькими опредѣленными физическими процессами, иногда хорошо извѣстными намъ, иногда мало извѣстными или вовсе неизвѣстными. Область психологіи—всѣ явленія нервной системы, сопровождаемыя сознаніемъ, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ. Этимъ опредѣляется граница между психологіей и физіологіей; предметъ послѣдней—совокупность одностороннихъ или простыхъ нервныхъ процессовъ, предметъ первой—совокупность нервныхъ процессовъ двухстороннихъ или сложныхъ (à double face). Психологія, такимъ образомъ, не поглощается физіологіей, а только опирается на нее, подобно тому, какъ всякая высшая (по спеціальности или сложности) наука ищетъ себѣ опоры въ низшей (напр. физіологія—въ химіи и физикѣ). Прежняя психологія по необходимости основывалась на одномъ только наблюденіи; новая психологія можетъ, кромѣ того, пользоваться и опытомъ (въ смыслѣ эксперимента), предметомъ котораго становится физическое явленіе, связанное съ психическимъ. Первое изъ этихъ явленій можно, во многихъ случаяхъ, измѣрить, искусственно измѣнить, поставить въ извѣстныя условія, и затѣмъ добытые такимъ образомъ результаты примѣнить къ соотвѣтствующему психическому феномену. Изслѣдованію путемъ опыта подвергались до сихъ поръ далеко не всѣ психическія явленія, даже не бо́льшая часть ихъ; но первый шагъ сдѣланъ, и психологія вступила изъ періода описательнаго въ періодъ объяснительный. Она хочетъ быть не только *естественной исторіей*, но и *естественной наукой*. Описательнымъ характеромъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, отличается современная англійская психологія, объяснительнымъ — нѣмецкая. Въ Германіи психологіей, какъ наукой, занимаются бо́льшею частью физіологи, и этому обстоятельству обязана своимъ происхожденіемъ физіологическая психологія. Вниманіе нѣмецкихъ психологовъ обращено преимущественно на крайнія явленія психической серіи (ощущенія и движенія), именно потому, что они наиболѣе поддаются опыту. Здѣсь представляется возможность опредѣлять послѣдствія по причинамъ (напр., ощущеніе по тому внѣшнему вліянію, которое его возбудило) и причины по послѣдствіямъ (напр., внутреннее состояніе по дѣйствіямъ, отъ него зависящимъ). Тамъ, гдѣ невозможенъ опытъ, нѣкоторые нѣмецкіе психологи прибѣгаютъ къ вычисленію. Черта, общая имъ всѣмъ, это—стремленіе къ точности, къ всесторонному изученію хотя бы самаго небольшого уголка психической жизни; въ противоположность англійскимъ психологамъ, они охотнѣе пишутъ монографіи, чѣмъ трактаты, обнимающіе всю область психологіи. Защитникамъ прежней психологіи изслѣдованія нѣмецкихъ психологовъ могутъ казаться мелочными; но кто знакомъ съ пріемами точныхъ наукъ, тотъ знаетъ, сколько труда требуютъ самые мелкіе, по-

видимому, вопросы, насколько разрѣшеніе ихъ облегчаетъ переходъ къ вопросамъ болѣе общимъ, и какъ безплодно изученіе послѣднихъ прежде первыхъ.

При настоящемъ положеніи психологіи, многія стороны ея доступны только описанію, а не объясненію; нѣмецкая психологія, поэтому, не противоположна англійской — наоборотъ, она предполагаетъ послѣднюю, какъ необходимое основаніе. *Вполнѣ* физіологическою психологія можетъ сдѣлаться только тогда, когда она будетъ въ состояніи опредѣлить условія *всякаго* явленія психической жизни—условія *чистой мысли* наравнѣ съ условіями представленій и движеній. Объ этой будущности психологія пока можетъ только мечтать; въ настоящемъ она имѣетъ еще дѣло со многими явленіями, изученію которыхъ біологія можетъ оказать лишь косвенное и непрочное содѣйствіе. Въ этой области новая психологія можетъ и должна пользоваться орудіями прежней — самонаблюденіемъ, анализомъ; но, употребляя ихъ, она ищетъ только фактовъ и отношеній. Въ настоящее время физіологическая психологія обнимаетъ собою: инстинкты и рефлексы; ощущенія, вмѣстѣ съ вопросами, относящимися къ пространству и времени; движенія; способы выраженія и языкъ; условія воли и вниманія; формы чувствованій, наименѣе сложныя. Ея мѣсто—въ началѣ психологіи. Она изучаетъ то, что прежде называлось низшими свойствами души, но въ ней одной—точка опоры для изученія самыхъ высшихъ психическихъ явленій. Она составляетъ самую простую, самую доступную часть психологіи; но простота эта только относительна. Масса наблюденій, опытовъ, измѣреній, вычисленій, масса фактовъ, заимствованныхъ изъ физики, физіологіи, патологіи, этнологіи, масса гипотезъ, безпрестанно измѣняющихся подъ вліяніемъ новыхъ открытій,—постоянно растетъ и образуетъ уже теперь обширное цѣлое. Когда физіологическая психологія коснется явленій чисто внутреннихъ, актовъ чистой мысли, сложность ея сдѣлается еще несравненно больше. Можно предвидѣть, что психологія будущаго такъ же мало будетъ походить на старую психологію, какъ современная физика — на физику Аристотеля. Она потребуетъ спеціалистовъ, исключительно посвящающихъ себя ея изученію; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти спеціалисты должны будутъ обладать громаднымъ запасомъ подготовительныхъ научныхъ свѣдѣній. Успѣхи научной психологіи въ настоящее время замедляются именно тѣмъ, что большинство физіологовъ слишкомъ мало занимается психологіей, а большинство психологовъ слишкомъ мало знакомо съ физіологіей и вообще съ точными науками. На французахъ, въ особенности, тяжело отзываются недостатки ихъ первоначальнаго воспитанія, идеи и привычки, имъ вкореняемыя. „Вторая половина нашей жизни,—

говоритъ Рибо,—проходитъ въ стараніяхъ забыть то, чему мы научились въ первой. Психологія, къ несчастію, была до сихъ поръ въ рукахъ метафизиковъ. Образовалась традиція, которую трудно уничтожить. Старый предразсудокъ заставляетъ искать въ психологѣ—философа, между тѣмъ какъ это названіе примѣнимо къ нему столь же мало, какъ къ химику или біологу; психологъ, наравнѣ съ ними, —натуралистъ, естествоиспытатель. Старая психологическая школа обвиняетъ новую въ томъ, что она изображаетъ лишь механизмъ психической жизни. Это правда; но требовать большаго могутъ одни только метафизики. Если знать—значитъ раскрыть неуловимую сущность вещей, то новая психологія ничему насъ не научаетъ; но если знать—значитъ изучать факты, опредѣлять ихъ отношенія и условія ихъ существованія, то новая психологія исполняетъ свою задачу — а ни къ чему другому она и не можетъ, и не хочетъ стремиться“.

Въ Англіи новая психологія нашла готовую традицію, примкнула къ такимъ предшественникамъ, какъ Локкъ, Берклей, Юмъ, Гартлей, Джемсъ Милль; въ Германіи она сама должна была пробить себѣ дорогу, иниціатива въ образованіи ея принадлежитъ не столько философамъ, сколько ученымъ. Основателемъ ея можетъ считаться естествоиспытатель Іоганнъ Мюллеръ, нашедшій такихъ продолжателей, какъ Гельмгольцъ, Дондерсъ, Вундтъ, Дюбуа-Реймонъ. Изъ среды математиковъ и физиковъ явилась къ ней на службу такая сила, какъ Фехнеръ. Въ спеціально-философскомъ лагерѣ Гербартъ, Бенеке, Лотце сдѣлали для нея гораздо меньше. Различіе между нѣмецкой и англійской психологіей влечетъ за собою различіе и въ системѣ обозрѣнія ихъ, принятой Рибо. Прежняя его книга была сборникомъ монографій объ англійскихъ психологахъ—Джемсѣ Миллѣе, Дж. Ст. Миллѣ, Гербертѣ Спенсерѣ, Бенѣ, Льюисѣ; въ новомъ сочиненіи его монографіи о нѣмецкихъ психологахъ—Гербартѣ, Лотце, Вундтѣ—стоятъ рядомъ съ монографіями объ отдѣльныхъ психологическихъ вопросахъ, разработанныхъ нѣмецкими учеными.

Необходимость измѣнить, такимъ образомъ, способъ изложенія знаменуетъ, въ глазахъ Рибо, преимущество нѣмецкой психологіи передъ англійской [1]) „По мѣрѣ того,—говоритъ онъ,—какъ психологія, разрывая связь съ метафизикой, все больше и больше будетъ

[1]) При настоящемъ настроеніи умовъ во Франціи, безпристрастное отношеніе Рибо къ нѣмецкой наукѣ должно быть поставлено ему въ большую заслугу. Въ сочиненіи его нѣтъ ни одного горькаго слова, ни одного намека, вызваннаго событіями 1870—71 г.; онъ одинаково далекъ отъ прославленія Франціи и униженія Германіи, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи, напримѣръ, отъ Ренана. Какова бы ни была новая политика Германіи, всемірное значеніе ея науки по-прежнему остается безспорнымъ, и Рибо отдаетъ ей полную справедливость.

пріучаться къ методу соприкосновенныхъ съ нею точныхъ наукъ, она все меньше и меньше будетъ носить на себѣ отпечатокъ лица или расы, все больше и больше будетъ становиться общимъ произведеніемъ всѣхъ народовъ".

Всего интереснѣе въ новомъ сочиненіи Рибо тѣ главы, которыя посвящены происхожденію понятія о пространствѣ, трудамъ Фехнера по психо-физикѣ и попыткамъ измѣнить продолжительность психическихъ актовъ. Въ первой изъ этихъ главъ разсказывается исторія неоконченнаго еще спора между нативистами и эмпириками, т.-е. между учеными, считающими понятіе о пространствѣ врожденнымъ, и учеными, доказывающими постепенное образованіе его посредствомъ опыта. Главнымъ предметомъ спора служитъ пространство, познаваемое зрѣніемъ, но затрогиваетъ онъ и пространство, познаваемое осязаніемъ. Въ каждомъ изъ двухъ противоположныхъ лагерей высказываются и поддерживаются, въ свою очередь, теоріи во многомъ несходныя между собою. Ошибочно было бы думать, что нативисты непремѣнно склоняются къ идеализму, эмпирики—къ матеріализму. Признавая прирожденность понятія о пространствѣ, можно объяснять ее весьма различно; матеріалистъ можетъ считать ее естественнымъ результатомъ анатомическаго строенія органовъ, идеалистъ — необходимою принадлежностью сознанія. Эмпирики, точно также, могутъ или допускать только накопленіе впечатлѣній, или признавать существованіе регулирующаго ихъ принципа. Рибо склоняется на сторону эмпириковъ, но находитъ, что имъ не удалось еще опровергнуть всѣхъ возраженій противной стороны. Нативисты указываютъ на примѣръ цыпленка, только-что вылупившагося изъ яйца и уже ловящаго муху на лету; на примѣръ теленка, вслѣдъ за рожденіемъ дѣлающаго цѣлесообразныя движенія, идущаго сосать молоко матки. Гельмгольцъ, вмѣстѣ съ Вундтомъ, главный представитель эмпиризма—опровергаетъ эти указанія только предположеніями, что теленокъ чуетъ матку обоняніемъ и руководствуется въ своихъ движеніяхъ усиленіемъ или ослабленіемъ привлекающаго его запаха, что цыпленокъ уже въ яйцѣ привыкаетъ дѣйствовать клювомъ, а вышедши изъ яйца, быстро научается дѣлать цѣлесообразныя движенія, благодаря большой простотѣ всѣхъ тѣхъ, которыя вообще для него доступны. Высказывая эти предположенія, Гельмгольцъ самъ признаетъ необходимость дальнѣйшей повѣрки ихъ новыми наблюденіями. Наблюденіями, сдѣланными до сихъ поръ, доказывается, по его мнѣнію, только врожденность, у животныхъ, нѣкоторыхъ *стремленій* (а не выработанныхъ, готовыхъ способностей), въ человѣкѣ, при рожденіи, доведенныхъ до минимума. Споръ между нативистами и эмпириками, касающійся одного изъ самыхъ отвлечен-

ныхъ психологическихъ вопросовъ, ведется, какъ видно изъ вышесказаннаго, на почвѣ фактовъ, чѣмъ, конечно, не исключается образованіе гипотезъ, опережающихъ факты, но контролируемыхъ ими, и сохраняющихъ, такимъ образомъ, строго-научное значеніе.

Психологическія или психо-физическія изслѣдованія Фехнера имѣютъ главною цѣлью *измѣреніе ощущеній.* Ощущенія наши различаются между собою не только по качеству, но и по количеству или интенсивности. Весьма можетъ быть, что въ концѣ-концовъ различіе это только мнимое, но въ нашемъ сознаніи оно пока существуетъ; отличая синій цвѣтъ отъ краснаго, мы отличаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ степени интенсивности того и другого. Мы знаемъ или чувствуемъ, что въ полдень свѣтлѣе, чѣмъ въ сумерки, что пушечный выстрѣлъ громче пистолетнаго; но опредѣлить съ помощью одного только непосредственнаго сознанія, *во сколько разъ* одинъ свѣтъ или звукъ сильнѣе другого, мы не въ состояніи. Съ другой стороны, всякій изъ насъ замѣчалъ, что возбужденіе не всегда влечетъ за собою ощущеніе. Слышать иные звуки, видѣть иные предметы можно только тогда, когда впечатлѣніе, производимое ими на насъ, не заглушается другими, болѣе сильными. Такъ, напримѣръ, луну и звѣзды мы не видимъ при солнечномъ свѣтѣ, хотя бы они и возвышались надъ горизонтомъ; легкій стукъ часовъ мы не слышимъ среди дневного шума, но слышимъ при ночной тишинѣ. Извѣстно также, что увеличеніе или уменьшеніе возбужденія не всегда влечетъ за собою соотвѣтствующее увеличеніе или уменьшеніе ощущенія; такъ, напримѣръ, при солнечныхъ затмѣніяхъ значительная часть солнечнаго диска можетъ быть закрыта безъ замѣтнаго, для насъ, ослабленія солнечнаго свѣта. Отсюда явствуетъ, что отношеніе между ощущеніемъ и возбужденіемъ не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда, что оно можетъ быть опредѣлено только путемъ точнаго изслѣдованія или измѣренія. Возможно ли такое измѣреніе? Да, потому что всякое ощущеніе есть нервный процессъ, зависящій отъ внѣшняго дѣйствія или возбужденія. Нервная сила, т.-е. дѣятельность нервной системы — ближайшая причина ощущенія, возбужденіе — причина болѣе отдаленная. Возбужденіе, какъ явленіе внѣшняго міра, подлежитъ измѣренію; отъ причины можно заключать къ послѣдствію—слѣдовательно, измѣреніе возбужденія можетъ служить и для измѣренія ощущенія, или, лучше сказать, *различій между ощущеніями.* Первыя попытки такого измѣренія были сдѣланы Веберомъ, но главные результаты достигнуты Фехнеромъ. Онъ употребляетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ три метода — методъ наименьшихъ замѣтныхъ различій (der eben merklichen Unterschiede), методъ правильныхъ и неправильныхъ случаевъ (der richtigen und falschen Fälle)

и методъ среднихъ ошибокъ (der mittleren Fehler). Первый заключается въ наблюденіи, при какомъ именно возрастаніи или ослабленіи возбужденія усиливается или ослабѣваетъ производимое имъ ощущеніе. На руку человѣка кладутъ извѣстную тяжесть, которую потомъ, самыми небольшими количествами, то увеличиваютъ, то уменьшаютъ; количество, прибавка или убавка котораго будетъ почувствована, и есть наименьшее замѣтное различіе въ вѣсѣ. Второй методъ состоитъ въ сравненіи впечатлѣній отъ возбужденій, очень мало отличающихся между собою. Субъекту, избранному для опыта, предлагается нѣсколько разъ опредѣлить по ощущенію, который изъ двухъ данныхъ предметовъ тяжелѣе, который — легче. Число правильныхъ отвѣтовъ сравнивается затѣмъ съ числомъ неправильныхъ, и выведенное такимъ образомъ отношеніе (выражаемое въ формѣ дроби, числитель которой — число правильныхъ отвѣтовъ, знаменатель — общее число отвѣтовъ) показываетъ степень познаваемости различія между обоими возбужденіями. При третьемъ методѣ берется предметъ опредѣленнаго вѣса, и затѣмъ предлагается рѣшить, который изъ числа многихъ предметовъ, вѣсомъ мало отличающихся или вовсе неотличающихся отъ перваго, равенъ ему по вѣсу. Ошибки, какъ въ одну сторону, такъ и въ другую, складываются (опытъ, конечно, повторится много разъ), и частное, полученное отъ дѣленія этой суммы на число опытовъ, представляетъ собою *среднюю ошибку*. Всѣ эти методы ведутъ къ одной и той же цѣли, дополняются одинъ другимъ; самый простой изъ нихъ—первый, но онъ отличается наименьшею точностью.

Примѣняются они не только къ ощущеніямъ тяжести, изъ области которыхъ заимствованы приведенные нами, со словъ Рибо, примѣры,—но и къ ощущеніямъ звука, свѣта, теплоты, мускульнаго напряженія. По вычисленіямъ Фехнера, измѣненіе въ степени возбужденія становится замѣтнымъ для ощущенія, когда прибавка или убавка возбужденія составляетъ, по отношенію къ первоначальному возбужденію: $^1/_3$ — при ощущеніяхъ тяжести, теплоты или звука, $^1/_{17}$—при ощущеніяхъ мускульнаго напряженія, $^1/_{100}$ — при ощущеніяхъ свѣта. Другой рядъ опытовъ Фехнера направленъ къ опредѣленію наименьшаго ощутимаго возбужденія, т.-е. возбужденія, малѣйшее ослабленіе котораго дѣлаетъ его незамѣтнымъ для ощущенія; въ области ощущеній тяжести такимъ возбужденіемъ является, напримѣръ, смотря по мѣсту кожи, на которое дѣйствуютъ—тяжесть отъ 0,002 до 0,5 грамма. Основываясь на всѣхъ этихъ опытахъ и на математическихъ вычисленіяхъ, Фехнеръ пришелъ къ общему выводу, что *ощущеніе растетъ, какъ логариѳмъ возбужденія;* другими словами, для того, чтобы ощущеніе росло въ ариѳметической про-

грессіи, нужно, чтобы возбужденіе росло въ прогрессіи геометрической. Теорія Фехнера вызвала множество возраженій, направленныхъ какъ противъ подробностей ея, такъ и противъ главныхъ ея основаній. Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Гельмгольцъ, указываютъ на то, что дальше извѣстнаго предѣла сила ощущенія растетъ еще медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по формулѣ Фехнера, или даже вовсе перестаетъ рости. Другіе,—напримѣръ, Брентано,—утверждаютъ, что ощущеніе усиливается, относительно, настолько же, насколько и возбужденіе. Герингъ (Hering, а не Göring, извѣстный русской публикѣ изъ сочиненій г. Лесевича) допускаетъ примѣнимость фехнеровскаго закона, и то лишь до извѣстной степени, только къ ощущеніямъ свѣта и звука; онъ опровергаетъ не только выводы, но и самыя наблюденія Фехнера. Бельгійскій ученый Дельбёфъ оспориваетъ въ особенности математическія формулы Фехнера; онъ считаетъ „Elemente der Psychophysik"—главное произведеніе Фехнера—достойнымъ удивленія, но цѣннымъ не столько по полученнымъ результатамъ, сколько по поставленнымъ вопросамъ и возбужденнымъ изслѣдованіямъ. Болѣе подробное изложеніе ученія Фехнера и вызванной имъ полемики увлекло бы насъ слишкомъ далеко; короткій очеркъ, сдѣланный нами, достаточенъ, чтобы показать, какъ много интереснаго содержитъ въ себѣ книга Рибо. Прибавимъ только, что самъ Рибо склоняется всего скорѣе къ мнѣнію Дельбёфа; онъ видитъ въ трудахъ Фехнера не законченное цѣлое, а могучій толчокъ къ изслѣдованіямъ, къ гипотезамъ, въ высшей степени важнымъ.

Вычисленіемъ продолжительности психическихъ явленій занимались не одни только нѣмецкіе ученые, но имъ принадлежитъ бо́льшая часть изслѣдованій, предпринятыхъ въ этомъ направленіи. Работали надъ нимъ, между прочимъ, Гельмгольцъ, Вундтъ, Экснеръ, Дюбуа-Реймонъ, Ауэрбахъ, Крисъ и др. Никакого общаго закона они еще не формулировали. Главные результаты ихъ наблюденій Рибо сводитъ къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) актъ сознанія, какъ и всякое другое явленіе, имѣетъ извѣстную продолжительность, измѣнчивую, но подлежащую измѣренію; 2) измѣненіе продолжительности его зависитъ отъ условій *внѣшнихъ* (свойство и послѣдовательность возбужденій), *внутреннихъ* (степень вниманія) и *смѣшанныхъ* (опытность, привычка); 3) при самыхъ простыхъ условіяхъ, промежутокъ времени между возбужденіемъ и внѣшнимъ дѣйствіемъ, выражающимъ реакцію на возбужденіе [1]), колеблется, смотря по свойству ощущенія, между одною пятой и одной седьмой частью секунды; 4) всѣ условія, могущія усложнить психическій актъ, увеличиваютъ

---

1) Техническое названіе для этого промежутка времени—*физіологическое время*.

его продолжительность; 5) продолжительность самаго простого интеллектуальнаго акта (напр., различенія краснаго цвѣта отъ синяго) можетъ быть опредѣлена въ три сотыхъ части секунды; 6) время, необходимое для воспроизведенія представленія посредствомъ памяти, вообще говоря, болѣе продолжительно, чѣмъ то, которое необходимо для образованія непосредственнаго представленія.

О взглядахъ Гёринга (Göring) на психологію, подробно изложенныхъ въ „Письмахъ о научной философіи“ г. Лесевича, Рибо упоминаетъ только мимоходомъ, хотя и причисляетъ его къ писателямъ новой, экспериментальной или эмпирической школы. Этотъ пробѣлъ будетъ, вѣроятно, восполненъ при новомъ изданіи книги Рибо; второе изданіе сочиненія его объ англійской современной психологіи было во многомъ дополнено сравнительно съ первымъ. — К. К.

II.

— *R. Dozy*, Essai sur l'histoire de l'Islamisme. Leyde et Paris, 1879 (переводъ съ голландскаго).

Р. Дози, — профессоръ лейденскаго университета, голландецъ, предки котораго около двухъ столѣтій тому назадъ переселились въ Голландію изъ Франціи,—принадлежитъ къ числу спеціальныхъ знатоковъ мусульманскаго міра и посвятилъ ему нѣсколько уважаемыхъ въ ученомъ мірѣ сочиненій; самое извѣстное изъ нихъ: „Исторія испанскихъ мусульманъ съ 711 по 1110 г.“ Разбираемая нами книга написана, повидимому, еще въ шестидесятыхъ годахъ, но только недавно сдѣлалась доступной большинству читающей публики, благодаря переводу ея на французскій языкъ. Ея предметъ — основаніе мусульманства, исторія мусульманскаго богословія и различныхъ мусульманскихъ сектъ, и очеркъ настоящаго положенія мусульманства. Всего больше интереснаго заключаютъ въ себѣ тѣ главы, въ которыхъ идетъ рѣчь о различныхъ вѣроученіяхъ, выросшихъ на мусульманской почвѣ; исторія основанія мусульманства представляетъ мало новаго, очеркъ современнаго его положенія нѣсколько поверхностенъ.

По словамъ Дози, нѣтъ религіи менѣе оригинальной, чѣмъ исламизмъ. Основаніемъ его служитъ іудейство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно развилось подъ вліяніемъ парсизма; сюда слѣдуетъ прибавить нѣсколько заимствованій изъ христіанства и изъ древнихъ аравійскихъ вѣрованій и, наконецъ, догматъ о Магометѣ, какъ о послѣднемъ и величайшемъ апостолѣ и пророкѣ. Коранъ не содержитъ въ себѣ ни глубокихъ идей, ни поэтическихъ теорій, выраженныхъ въ увлекательной, возвышенной формѣ; онъ не пытается найти новаго разрѣшенія для

великихъ задачъ, давно поставленныхъ. Прозаичный и монотонный, исламизмъ менѣе чѣмъ всякая другая религія допускаетъ измѣненіе и развитіе. Объясняется это отчасти характеромъ аравитянъ, положительныхъ, болѣе склонныхъ къ резонерству, чѣмъ къ вѣрованію, чуждыхъ той наивной, первобытной поэзіи, которая способствовала образованію другихъ религій,—отчасти личностью Магомета, энтузіаста посредственныхъ дарованій, стоявшаго скорѣе ниже, чѣмъ выше уровня своего народа. Не лишено значенія и то обстоятельство, что священныя книги другихъ религій, написанныя не основателями ихъ, а учениками, во многомъ расходившимися между собою, заключаютъ въ себѣ гораздо больше поводовъ къ разногласію, и слѣдовательно, меньше поводовъ къ буквоѣдству, чѣмъ коранъ, составленный однимъ человѣкомъ. Неподвижность, обусловливаемая кораномъ, тѣмъ опаснѣе для народовъ, исповѣдующихъ исламизмъ, что онъ обнимаетъ собою не только сферу религіозныхъ вѣрованій, но и сферу практической жизни, регламентируя малѣйшія подробности ея. Дополненіемъ къ корану служитъ преданіе, имѣющее равную съ нимъ силу. Главное различіе между этими основаніями исламизма заключается въ томъ, что коранъ не допускаетъ чудесъ, а преданіе настежъ отворяетъ передъ ними двери, окружая жизнь Магомета, отъ рожденія до смерти, цѣлымъ цикломъ легендъ, соперничающихъ между собою въ неправдоподобіи.

Судя по этой общей характеристикѣ исламизма, можно было бы ожидать, что въ исторіи его не встрѣтится ни ересей, ни расколовъ, что отличительной ея чертой будетъ мертвенное однообразіе. Мы видимъ, вмѣсто того, что по числу и разнообразію сектъ, исламизмъ не уступаетъ ни одной изъ существующихъ религій. Дози объясняетъ это быстрымъ распространеніемъ мусульманства между другими народами, въ особенности между персами, издавна привыкшими къ богословскимъ спорамъ, склонными къ религіозной метафизикѣ. Древняя религія персовъ, въ моментъ покоренія Персіи аравитянами, была подорвана, съ одной стороны, буддизмомъ и христіанствомъ, съ другой—отголосками греческой философіи, послѣдніе представители которой, изгнанные Юстиніаномъ изъ византійской имперіи, нашли убѣжище при дворѣ персидскаго царя Хозроя. Движеніе умовъ, вызванное борьбою всѣхъ этихъ различныхъ элементовъ, было перенесено персами въ среду исламизма. Одни находили его слишкомъ простымъ и присоединяли къ нему догматы, почерпнутые изъ другихъ вѣроученій; другіе стремились, наоборотъ, къ еще большему упрощенію его, приближая его къ деизму или даже къ невѣрію. Для того, чтобы всѣ эти противоположныя тенденціи могли привиться къ исламизму, нужно же было, однако, чтобы онѣ

нашли въ немъ какія-нибудь точки опоры. И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ изложеніи самого Дози исламизмъ оказывается не такимъ неподатливымъ, не такимъ цѣльнымъ, какимъ онъ представленъ сначала. Хотя весь коранъ составленъ самимъ Магометомъ, но составленъ имъ въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ; отсюда неясности, даже противорѣчія, оставшіяся несглаженными и дающія столько же поводовъ къ разногласію, сколько въ другихъ религіяхъ — несходные между собою взгляды авторовъ священныхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, мусульманство считается обыкновенно религіей фатализма, предопредѣленія; но въ самомъ коранѣ есть мѣста, которыя могутъ быть истолкованы въ совершенно другомъ смыслѣ, и такое толкованіе было дано имъ уже въ первомъ вѣкѣ существованія исламизма. Одна изъ самыхъ раннихъ сектъ—мотазилиты или кадариты—допускала свободу человѣческой воли, признавая отрицаніе ея несовмѣстнымъ съ справедливостью и мудростью божества. Другая секта—джабариты, вѣрила въ предопредѣленіе, но проповѣдывала, согласно съ мотазилитами, сотвореніе корана (правовѣрные мусульмане считали и считаютъ его предвѣчнымъ, несотвореннымъ). Признавая Бога чѣмъ-то безусловно отдѣльнымъ, отрѣшеннымъ отъ всего земного и человѣческаго, коранъ устранялъ, повидимому, возможность мистицизма, въ основаніи котораго лежитъ именно сознаніе непосредственной близости божества къ человѣку; а между тѣмъ, уже въ началѣ IX-го вѣка по Р. Х. мы встрѣчаемъ зачатки мусульманскаго мистицизма (суфизма), основывающагося отчасти на изреченіяхъ, приписываемыхъ Магомету преданіемъ, но отчасти и на нѣкоторыхъ мѣстахъ корана, напр., на обѣщаніи, что вѣрующіе узрятъ Бога. Даже въ средѣ такъ-называемыхъ правовѣрныхъ мусульманъ существовали и существуютъ четыре школы, ведущія свою исторію отъ четырехъ богослововъ перваго вѣка мусульманскаго лѣтосчисленія и имѣющія каждая свои характеристическія особенности.

Выдающуюся роль въ исторіи исламизма играютъ, впрочемъ, не тѣ секты, которыя разошлись съ нимъ изъ-за метафизическихъ или догматическихъ тонкостей, а тѣ, ученіе которыхъ выдвигало на первый планъ политическіе или соціальные вопросы. Сюда относятся прежде всего *шіиты*, главное отличіе которыхъ отъ правовѣрныхъ мусульманъ [1]) заключается въ томъ, что они признаютъ Али единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Магомета, считаютъ, сообразно съ

[1]) Въ противоположность шіитамъ, правовѣрные мусульмане обыкновенно называются суннитами, т.-е. приверженцы преданія (сунны), но Дози замѣчаетъ по этому поводу, что шіиты также признаютъ преданіе, кое-что только прибавляя къ нему и кое-что исключая.

этимъ, узурпаторами какъ трехъ калифовъ, царствовавшихъ между тѣмъ и другимъ (Абу-Бекра, Омара и Отмана), такъ и преемниковъ Али, низвергнутаго съ престола, оплакиваютъ участь потомковъ Али, въ особенности убитаго Гуссейна, и отвергаютъ верховность, по мнѣнію правовѣрныхъ мусульманъ перешедшую отъ калифовъ къ турецкимъ султанамъ. Живучесть этой странной, съ перваго взгляда, секты, вѣрованія которой, въ собственномъ смыслѣ слова, почти вполнѣ совпадаютъ съ господствующимъ мусульманскимъ вѣроученіемъ, зависитъ отъ того, что она имѣетъ національный характеръ; она основана персами изъ оппозиціи аравитянамъ и преданности монархическому началу [1]), и персы до сихъ поръ остаются шіитами. Теперь шіитизмъ давно застылъ и потерялъ свою прежнюю энергію, но исторія его чрезвычайно богата оригинальными явленіями. Ультра-шіиты, появившіеся еще въ первомъ вѣкѣ мусульманскаго лѣтосчисленія, были главными виновниками паденія Омаядовъ (въ багдадскомъ калифатѣ) и воцаренія Абассидовъ; они же доставили Фатимидамъ господство надъ Египтомъ. Въ VIII-мъ вѣкѣ по Р. Х. они распались на двѣ части; поводомъ къ расколу былъ вопросъ о томъ, кого именно изъ потомковъ Али слѣдуетъ считать настоящимъ преемникомъ его власти. Практическаго значенія этотъ вопросъ не имѣлъ, потому что всѣ потомки Али были одинаково безсильны; но въ рукахъ ловкаго агитатора (Абдалла-Ибнъ-Маймуна) онъ сдѣлался орудіемъ къ образованію могущественной секты измаилитянъ или карматовъ. Организованная по образцу тайнаго общества, съ постепеннымъ посвященіемъ ея членовъ въ тайны ея ученія, она состояла съ одной стороны изъ фанатическихъ поклонниковъ Али и Магомета (посвященные первой степени), съ другой—изъ скептиковъ, отвергавшихъ всѣ догматы и обряды мусульманства (посвященные высшихъ степеней, начиная съ седьмой; всѣхъ степеней было девять). Скоро карматы образовали государство въ государствѣ, провозгласили себя врагами всѣхъ непринадлежащихъ къ ихъ сектѣ, возвели въ принципъ грабежъ и убійство и навели страхъ на калифовъ. Нѣсколько десятилѣтій спустя они овладѣли Меккой, опустошили ее и захватили на время священный черный камень Каабы. Въ половинѣ X-го вѣка они потеряли всякое политическое значеніе; но въ XI-мъ вѣкѣ изъ среды ультра-шіитовъ опять вышла секта съ рѣзко-политической, враждебной государству окраской. Это были столь извѣстные *ассассины* (гашишины, прозванные такимъ образомъ вслѣдствіе употреб-

---

[1]) Преемство власти послѣ Магомета опредѣлялось народнымъ избраніемъ, а это демократическое начало было чуждо персамъ, привыкшимъ къ крайнему абсолютизму.

ленія гашиша). Подобно измаилитянамъ, они образовали замкнутое политическое цѣлое и признавали надъ собою только власть своего главы, такъ-называемаго шейка или старца горъ. Степени посвященія въ секту также были различны, и на высшихъ степеняхъ соприкосновеніе съ мусульманствомъ было чисто внѣшнее. Могущество ассассиновъ, одинаково грозныхъ правовѣрнымъ мусульманамъ и христіанамъ-крестоносцамъ, продолжалось около двухъ столѣтій и было сломано только монголами.

Безусловное, слѣпое повиновеніе одному вождю, облеченному неограниченною властью — эта отличительная черта шіитизма—нашло свое крайнее выраженіе въ ученіи, признававшемъ цѣлый рядъ воплощеній божества, въ Али и его потомкахъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ [1]). Основателемъ этого ученія былъ современникъ Али, обращенный въ мусульманство еврей, Абдалла-Ибнъ-Саба; съ тѣхъ поръ оно никогда вполнѣ не исчезало. Въ началѣ XI-го вѣка проповѣдникамъ его, Даpази и Гамзѣ, удалось убѣдить султана египетскаго Гакима, что именно въ немъ, въ данную минуту, воплощено божество; но проповѣдь ихъ возбудила такое неудовольствіе въ народѣ, что Гакимъ не рѣшился открыто стать на ихъ сторону. Когда вскорѣ затѣмъ Гакимъ таинственно исчезъ, Дарази объявилъ, что онъ живъ и возвратится къ своимъ вѣрнымъ слугамъ; послѣдователи Дарази, по его имени называющіеся *друзами*, до сихъ поръ ожидаютъ возвращенія Гакима, признавая его десятымъ и послѣднимъ воплощеніемъ божества на землѣ. Мусульманами, въ полномъ смыслѣ слова, друзовъ (живущихъ въ Сиріи, въ ливанскихъ горахъ) назвать нельзя, хотя они и враждебны христіанамъ; коранъ понимается ими въ символическомъ смыслѣ, обряды мусульманства они не считаютъ для себя обязательными.

На противуположномъ, сравнительно съ шіитами и ультра-шіитами, полюсѣ исламизма стоятъ секты, ученіе которыхъ запечатлѣно явно-демократическимъ характеромъ. Первою изъ нихъ, по времени, были *караджиты*, сначала сражавшіеся подъ знаменами Али, потомъ отдѣлившіеся отъ него и занявшіе положеніе одинаково враждебное и его приверженцамъ, и восторжествовавшей надъ нимъ династіи Омаядовъ. Основываясь на словахъ корана: „всѣ мусульмане братья“, они провозгласили равенство и братство; сначала они довольствовались осуществленіемъ этихъ началъ въ своей собственной средѣ, но

---

[1]) Послѣдній настоящій потомокъ Али пропалъ безъ вѣсти въ концѣ IX-го вѣка. Съ тѣхъ поръ между шіитами появилось ученіе о *скрытомъ имамѣ;* но другая часть секты повѣрила ловко распространеннымъ слухамъ и признала потомками Али египетскихъ Фатимидовъ. Шейки ассассиновъ также претендовали на родственную связь съ Али.

потомъ, выведенные изъ терпѣнія преслѣдованіями калифовъ, стали пропагандировать ихъ вооруженною рукою. Подавленные въ Азіи, они перенесли свою проповѣдь въ Африку, къ берберамъ, и проникли даже въ Испанію, но не могли пріобрѣсти тамъ прочнаго значенія. Много общаго съ караджитами имѣли *маздакиты*, проповѣдывавшіе общность женъ и имуществъ; но въ религіозномъ отношеніи маздакиты были почти свободными мыслителями, между тѣмъ какъ караджиты оставались ревностными мусульманами. Средствами защиты какъ противъ караджитовъ и маздакитовъ, такъ и противъ ультра-шіитовъ, для багдадскихъ калифовъ (Аббассидовъ) служили, съ одной стороны, судилище, похожее на средневѣковую инквизицію, но менѣе ея жестокое, съ другой—наемныя (турецкія и берберскія) войска, уже въ половинѣ IX-го вѣка доходившія до 70,000 челов.

Начиная съ X-го или XI-го вѣка, въ исламизмѣ водворяется застой, нарушаемый только появленіемъ секты вагабитовъ, около половины прошедшаго столѣтія. Основателя ея, Абд-аль-Вагаба, Дози сравниваетъ съ Лютеромъ. Онъ поставилъ себѣ задачей возвращеніе къ первобытной чистотѣ и строгости исламизма, устраненіе наростовъ, исказившихъ его почти до неузнаваемости. Не было почти ни одного мусульманскаго города, который не имѣлъ бы своихъ святыхъ, живыхъ или мертвыхъ; гробницы послѣднихъ были предметомъ поклоненія наравнѣ съ Меккой, ихъ одеждамъ приписывались чудеса. Съ другой стороны, главныя правила исламизма потеряли строго-обязательную силу; омовенія и посты не соблюдались, милостыню не раздавали, крѣпкіе напитки, роскошныя одежды были въ общемъ употребленіи. Священные города исламизма сдѣлались притонами разврата. Всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ вагабиты объявили открытую войну. Они овладѣли частью Аравіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія заняли Мекку и Медину, разбили на куски черный камень Каабы, какъ предметъ идолопоклонства для мусульманъ, и съ трудомъ были подавлены Мегметомъ-Али и Ибрагимъ-пашой. Какъ секта, лишенная политическаго значенія, они существуютъ и въ настоящее время; но ожидать отъ нихъ обновленія исламизма нельзя, именно потому, что они упорно держатся его буквы—въ этомъ существенное различіе между ними и протестантами, и въ фанатической враждѣ ко всему не-мусульманскому идутъ еще дальше правовѣрныхъ мусульманъ.

Настоящее положеніе исламизма рисуется Дози въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Между шіитами (кромѣ Персіи, живущими еще въ Индіи, гдѣ, впрочемъ, есть и правовѣрные мусульмане) и правовѣрными мусульманами или суннитами до сихъ поръ существуетъ

вражда, основанная не на различіи вѣрованій, а на историческихъ воспоминаніяхъ и національныхъ антипатіяхъ; въ глазахъ суннита шіитъ хуже не-мусульманина, и наоборотъ. Въ отношеніи къ не-мусульманамъ сунниты и шіиты, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, одинаково фанатичны; нетерпимость первыхъ проявляется только въ болѣе грубой и рѣзкой формѣ, нетерпимость послѣднихъ смѣшана съ хитростью и коварствомъ. Другіе писатели находятъ, что шіиты, особенно на сѣверѣ Персіи, менѣе склонны къ фанатизму, чѣмъ сунниты—и это мнѣніе, кажется, ближе къ истинѣ, такъ какъ между персами сильно развитъ индифферентизмъ. Въ высшихъ классахъ персидскаго общества, да и вообще въ городскомъ населеніи Персіи не мало скептиковъ, не мало и пантеистовъ, съ оттѣнкомъ мистицизма, почерпнутымъ изъ суфизма. Духовенство въ Персіи—предметъ ненависти и презрѣнія. Персидскій Полишинель—Кетхель Пехлеванъ —имѣетъ много общаго съ Тартюфомъ; онъ начинаетъ съ благочестивыхъ рѣчей, а оканчиваетъ восхваленіемъ чувственности и пьянства. Въ Турціи обряды исламизма соблюдаются довольно строго, но машинально; суевѣрія всякаго рода распространены не меньше, чѣмъ въ моментъ появленія вагабитовъ. То же самое слѣдуетъ сказать о Египтѣ и вообще о сѣверной Африкѣ; только берберы мало знаютъ и плохо исполняютъ предписанія корана. Въ центральной Африкѣ и на островахъ индійскаго океана исламизмъ пріобрѣтаетъ много новыхъ послѣдователей, но усвоивается ими часто только по имени. Въ Меккѣ и Мединѣ исламизмъ процвѣтаетъ, потому что жители этихъ городовъ прямо заинтересованы въ его поддержкѣ; но большинство аравитянъ — въ особенности бедуины—отличается полнымъ равнодушіемъ къ религіи, вышедшей изъ ихъ среды. Итакъ, исламизмъ повсемѣстно находится въ упадкѣ; но слѣдуетъ ли отсюда, что близко его совершенное паденіе? Дози отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, ссылаясь на примѣръ католицизма, также давно клонящагося къ упадку и все-таки сохраняющаго свою силу. Въ особенности невѣроятной кажется Дози побѣда христіанства надъ исламизмомъ. Ожидать появленія на Востокѣ новой религіи нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Не имѣя, такимъ образомъ, опасныхъ соперниковъ, исламизмъ можетъ продержаться еще весьма долго, силою одной инерціи. Весьма знаменательно, въ глазахъ Дози, то обстоятельство, что господство исламизма не могло быть потрясено даже подчиненіемъ многихъ милліоновъ мусульманъ подъ власть христіанскихъ націй — англичанъ, французовъ, русскихъ, голландцевъ, хотя этимъ прямо опровергается пророчество Магомета о непрерывномъ торжествѣ мусульманъ надъ иновѣрными народами.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что, по мнѣнію Дози, коранъ вовсе не предписываетъ мусульманамъ вести священную войну противъ невѣрныхъ. Это предписаніе выведено изъ него натянутыми толкованіями позднѣйшихъ мусульманскихъ богослововъ. Сначала Магометъ отличался даже большою терпимостью и допускалъ возможность спасенія для тѣхъ, кто не исповѣдуетъ его ученія, лишь бы только они вѣрили въ Бога и вели добродѣтельную жизнь. Впослѣдствіи Магометъ сталъ придерживаться болѣе узкихъ взглядовъ, но священную войну противъ не-мусульманъ онъ все-таки проповѣдывалъ лишь въ смыслѣ обороны, а не въ смыслѣ наступленія. — К. К.

МОЛОКАНЫ

или

ХРИСТІАНЕ-СПИРИТУАЛИСТЫ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ *).

„Русское правительство пригласило молоканъ поселиться въ округѣ Карса“. На секту, о которой упоминается въ этой недавней телеграммѣ Рейтера [1]), и которая насчитываетъ большинство своихъ приверженцевъ въ селахъ восточной и южной Россіи, впервые обращено было вниманіе британской публики Уоллесомъ, который въ 1872 году посѣтилъ нѣсколько изъ ея общинъ и велъ пренія съ ея старѣйшинами. Пресвитеріанская организація молоканъ, ихъ знакомство съ библіей, рвеніе, серьёзность и ловкость ихъ доводовъ въ словопреніяхъ сильно напомнили Уоллесу его шотландскую родину и внушили ему живѣйшую симпатію. Соотечественники также симпатично относятся къ молоканамъ, и этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что русскіе законы относятъ ихъ къ числу самыхъ зловредныхъ сектъ, а зажиточность ихъ могла бы, казалось, возбуждать зависть. Похвалы, расточаемыя имъ всѣми и каждымъ, и рѣзкій контрастъ, существующій между ними и окружающимъ ихъ населеніемъ, въ самомъ дѣлѣ рекомендуютъ ихъ вниманію какъ европейцевъ, такъ и русскихъ. Для того, чтобы сдѣлать вышесказанное понятнымъ для читателя, мы займемся сначала другими поселянами русскихъ восточныхъ степей.

---

*) Статья эта прислана намъ бывшимъ гейдельбергскимъ профессоромъ Эшеромъ (Dr. G. M. Asher). Она одновременно помѣщается въ „Macmillan's Magazine“. Мы оставляемъ безъ всякихъ оговорокъ отзывъ г. Эшера о бытѣ русскихъ крестьянъ юго-востока. Не мѣшаетъ узнать, въ какомъ видѣ дѣло представляется глазу иностранца. *Ред.*

[1]) Посланная изъ С.-Петербурга, января 21, 1879; см. „Times“ и другія газеты отъ 23 числа.

Эти другіе поселяне не многимъ выше, а въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ даже рѣшительно ниже сосѣднихъ киргизскихъ кочевниковъ. Ихъ селенія, весьма сходныя съ зимними жилищами зажиточныхъ киргизовъ, носятъ такой же сѣрый и однообразный колоритъ, какъ и поселки кочевниковъ. Низкія, продолговатыя мазанки, съ крышами изъ полу-сгнившей соломы, слѣплены изъ глины, пополамъ съ крошеной соломой, и стоятъ посреди обширныхъ, неправильныхъ дворовъ, обнесенныхъ поломанными заборами изъ того же матеріала. Немногіе двухъ-этажные деревянные дома, принадлежащіе хлѣботорговцамъ и ростовщикамъ, нѣсколько разнообразятъ длинныя, извилистыя вереницы мазанокъ, съ глиняными заборами. Ни травка, ни деревцо, ни одинъ огородъ даже не оживляютъ такое селеніе; а почва его, занесенная снѣгомъ, или же высохшая, потрескавшаяся, покрытая густымъ слоемъ пыли, а не то превращенная дождемъ въ грязную трясину, ужаснѣе, чѣмъ сама степь, сожженная солнцемъ, на которой кочевники разставляютъ свои кибитки. Трудно сказать, чье убранство бѣднѣе: мазанки или кибитки, а что касается отвратительной грязи и безпорядка, то мазанки въ этомъ отношеніи безспорно хуже, чѣмъ кибитки. Даже хозяйственная экономія крестьянина и кочевника изумительно сходна между собой. Крестьянинъ вѣчно въ поискахъ за новью; онъ обработываетъ одно и то же поле только въ продолженіи двухъ лѣтъ къ ряду, а затѣмъ оставляетъ его подъ паромъ, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, пока къ нему не вернется плодородіе, и эта система очень походитъ на систему кочевника, перекочевывающаго на свѣжія пастбища. Еще больше сходства съ обычаями кочевниковъ представляетъ крестьянское скотоводство. Скотъ всего села поручается пастухамъ, нанимаемымъ общиной, и они гоняютъ его по общиннымъ выгонамъ, пока не наступитъ суровое время года. Этотъ скотъ представляетъ собою единственный оборотный капиталъ крестьянъ, такъ какъ они ничего не тратятъ на улучшеніе земледѣлія; а сама земля, находящаяся частью въ общинномъ владѣніи, частью арендуемая, является не особенно выгодной собственностью въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ чума рогатаго скота свирѣпствуетъ эпидемически и гдѣ отребье всѣхъ степныхъ національностей: русскихъ, малороссовъ, нѣмцевъ, татаръ, киргизовъ, калмыковъ, занимается конокрадствомъ, быстро передавая изъ рукъ въ руки украденныхъ коней, пока они не скроются въ какомъ-нибудь табунѣ кочевниковъ, часто за сотни верстъ отъ того мѣста, откуда они были уведены. Другимъ важнымъ препятствіемъ къ прогрессу въ хозяйствѣ крестьянъ является ихъ безпечность, напоминающая безпечность дикарей. Они, безъ сомнѣнія, располагаютъ такимъ количествомъ земли, какое показалось бы баснословнымъ для евро-

пейскаго фермера, а потому не нуждаются въ удобреніи. Но это преимущество парализуется отдаленностью рынковъ и невѣрностью цѣнъ; зимой, столь суровой и прихотливой, что всего лишь какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ остается для производства земледѣльческихъ работъ; засухой, несвоевременными морозами, болѣзнями ржи, сусликами; въ годы хорошаго урожая, при необыкновенной дороговизнѣ труда и сырой осени, средняя жатва даетъ меньше трети того, что получается въ Англіи; дурные урожаи составляютъ правило, а хорошіе исключеніе, и по крайней мѣрѣ одна жатва изъ десяти не возвращаетъ даже сѣмянъ. Всѣ эти вещи, конечно, хорошо извѣстны крестьянину, но, по окончаніи всякой уборки хлѣба, онъ пьянствуетъ, пока у него не переведутся всѣ деньги, и устраиваетъ по праздникамъ грубыя пиршества. Въ общемъ результатѣ выходитъ, что увеличеніе благосостоянія совсѣмъ не соотвѣтственно приращенію населенія и что жизнь крестьянина поражаетъ такимъ же застоемъ, какъ и въ Азіи. Религія крестьянъ, хотя и именуемая христіанскою, гораздо болѣе носитъ языческій характеръ по своимъ обрядамъ и суевѣріямъ, чѣмъ чистѣйшій исламъ киргизовъ; и въ то время, какъ эти кочевники получаютъ нѣкотораго рода образованіе отъ своихъ муллъ, крестьяне остаются совсѣмъ непросвѣщенными. Нравственность ихъ такова, какою она можетъ быть при такихъ обстоятельствахъ. Что каждый человѣкъ воръ — это явствуетъ изъ поговорки, которая у нихъ въ ходу: ни одинъ не скажетъ правды, если ложь представляется болѣе выгодной; а грубыя страсти, хотя и прикрыты внѣшнимъ добродушіемъ, но проявляются при всякомъ случаѣ и порою разыгрываются съ неудержимой яростью. Такимъ образомъ не такъ давно толпа крестьянъ одного изъ тѣхъ селъ, о которыхъ мы говоримъ, задумала положить конецъ конокрадству, нагнавъ ужасъ на киргизовъ. Вооружась и сѣвъ на коней, распивъ предварительно цѣлую бочку водки (140 галлоновъ), они проникли въ киргизскую область, умерщвляя всѣхъ, кто имъ попадался въ руки: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, хватая младенцевъ за ноги и разбивая имъ головы объ головы ихъ родителей. Такова цивилизиція, среди которой живутъ молоканы, потому что села, изъ которыхъ отправилась вышеназванная экспедиція, обитаются не молоканами, но въ шестидесяти миляхъ оттуда находится Александровъ-Гай, гдѣ Уоллесъ, сопровождаемый русскими пріятелями, съ которыми онъ путешествовалъ, имѣлъ главное совѣщаніе съ старѣйшинами молоканъ.

Это селеніе, похожее на городъ, особенно пріятно поражаетъ иностранца, такъ какъ здѣсь молоканы, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, имѣли возможность поселиться отдѣльно отъ другихъ жителей и сложить изъ того самаго матеріала, которымъ поль-

зуется окружающее варварство, цивилизованную жизнь, хорошо примѣненную къ условіямъ и требованіямъ степи, пограничной съ Азіей. Улицы молоканскаго квартала въ Александровомъ-Гаѣ — прямыя, широкія и длинныя, не содержатъ много домовъ, такъ какъ дворы, окружающіе послѣдніе, необыкновенно обширны. Заборы, идущіе отъ дома къ дому и отдѣляющіе дворы отъ улицъ, равно какъ и хлѣвы, конюшни и амбары, расположенные внутри дворовъ, хотя и выстроены изъ глины, но правильны и хорошо содержатся, и вся усадьба, хотя и представляется странной на европейскій глазъ, вслѣдствіе огромной потери мѣста, длинныхъ, низкихъ, землистаго цвѣта построекъ, отсутствія зелени, и необыкновеннаго вида человѣческихъ фигуръ: крестьянъ съ длинными бородами, одѣтыхъ въ бумажныя рубашки и широкія, мѣшковатыя шаровары, всадниковъ въ киргизскомъ нарядѣ и съ монгольскими лицами — замѣтно отличается отъ безпорядочнаго, нищенскаго вида обыкновенныхъ русскихъ крестьянскихъ усадебъ. Что касается домовъ, то лучшіе изъ нихъ выстроены изъ дерева, ярко раскрашены, съ двумя этажами и наружной лѣстницей, ведущей на галерею, окружающую весь верхній этажъ; а надъ этимъ этажомъ возвышается башенка съ небольшимъ балкономъ; словомъ, это — довольно представительнаго вида зданія.

Дома второго разряда, одноэтажные и изъ побурѣвшаго отъ непогоды дерева, и бѣднѣйшія мазанки изъ глины замѣчательны только своей опрятностью. Въ центрѣ верхняго этажа, въ лучшихъ домахъ, находится большой покой, съ широкими скамьями вдоль стѣнъ и однимъ или двумя столами. Здѣсь собираются на молитву и принимаютъ гостей. Съ одной стороны этого покоя находится просторная комната, въ которой живетъ глава семейства, съ другой стороны—другая, гдѣ живутъ младшіе члены семьи. Въ нижнемъ этажѣ находятся кухня и кладовыя. Во всемъ домѣ царствуетъ порядокъ и чистота и бѣднѣйшіе дома, хотя и не такъ представительны, но тоже пріятны на видъ и уютны. Одежда жителей подобна ихъ жилищамъ, т. е. отличается только опрятностью и прочностью, но не матеріаломъ или фасономъ. Вся одежда—за исключеніемъ кафтановъ старшинъ, мѣшковатыхъ шароваръ изъ чернаго плиса или изъ другой плотной бумажной ткани и полушубковъ — дѣлается изъ пестрыхъ ситцевъ или кумачу, и мужчины подпоясываются скрученными шерстяными платками. Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на одежду, несмотря на то, что волосы и бороду они носятъ такъ же, какъ и остальные крестьяне, молоканъ съ-разу отличишь при первомъ же взглядѣ на нихъ по честнымъ глазамъ, мягкому выра-

женію лицъ, откровенности въ обращеніи, которая нѣсколько сдерживается весьма понятной застѣнчивостью.

Благосостояніе молоканъ обусловливается ихъ смышленостью, трезвостью, довѣріемъ, которымъ они пользуются, добрымъ согласіемъ въ семьяхъ и взаимной помощью. Въ Александровомъ-Гаѣ, несмотря на обиліе земли, среди остальныхъ крестьянъ царствуетъ большая нищета, но каждое молоканское хозяйство по крайней мѣрѣ незнакомо съ нуждой; двѣнадцать самыхъ зажиточныхъ молоканскихъ семей владѣютъ въ общей сложности 200,000 акрами земли, причемъ доли каждой отдѣльной семьи колеблются между 3,000 и 40,000 акровъ.

Все это огромное пространство земли отведено главнымъ образомъ подъ пастбище для скота и овецъ и лишь небольшая часть воздѣлывается подъ пшеницу вышеописаннымъ способомъ, т.-е. ежегодно нѣкоторая часть пастбища обращается въ поля и каждое поле, послѣ двухлѣтней обработки, снова обращается въ пастбище. Скотъ, въ числѣ 300 — 500 головъ въ самыхъ многочисленныхъ стадахъ, и еще многочисленнѣйшія стада овецъ поручаются надзору киргизскихъ пастуховъ, которые, владѣя кибитками, конями и нѣкоторымъ количествомъ собственнаго скота, круглый годъ кочуютъ въ степяхъ и, ведя точно такой же образъ жизни, какъ и остальные киргизы, отправляютъ свои пастушескія обязанности верхомъ на лошадяхъ. Платы, получаемой ими, вполнѣ хватаетъ на ихъ скромныя потребности, и они, такъ же какъ и многочисленные работники-землепашцы, нанимаемые молоканами, очень преданы своимъ хозяевамъ, потому что тѣ обращаются съ ними не какъ съ вьючнымъ скотомъ, а какъ съ братьями. „Мы кормимъ своихъ рабочихъ говядиной,—говорилъ мнѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ молоканскихъ хозяевъ,—потому что то, что вкусно для насъ, вкусно и для нихъ“.

Такое хозяйство, какъ вышеописанное, возможно только при очень рѣдкомъ населеніи, когда землю можно получать отъ казны за ежегодную ренту въ 2 д. за акръ. Въ западныхъ округахъ жизнь не такъ дешева; но за то есть другія преимущества, которыми молокане пользуются съ большой энергіей и ловкостью. Мой хозяинъ, живущій въ одномъ изъ тѣхъ селеній, которыя участвовали въ опустошительномъ набѣгѣ на киргизскую территорію, занимается самыми разнообразными дѣлами. Земля въ этомъ округѣ, который — хотя и лежитъ на шестьдесятъ миль западнѣе, нежели Александровъ-Гай — находится въ шестидесяти миляхъ отъ Волги, сравнительно дорога (10 шил. съ акра ежегодной ренты за лучшую землю), вслѣдствіе конкурренціи нѣмецкихъ окрестныхъ колоній. Однако мой хозяинъ невозбранно расширяетъ свое хозяйство изъ году въ годъ и

имѣетъ теперь подъ пшеницей 600 акровъ, причемъ производитъ пшеницу высшей доброты, часть которой продается имъ на сѣмена. Онъ владѣетъ двумя мельницами. Когда скотъ бываетъ дешевъ, онъ скупаетъ его на убой и продаетъ шкуры, сало и мясо. Сельскій базаръ у него на откупу и онъ сдаетъ въ наймы постоянныя лавки и мѣста для временныхъ балагановъ. Въ домѣ своемъ, который равняется лучшимъ домамъ въ Александровомъ-Гаѣ, онъ принимаетъ заѣзжихъ людей, главнымъ образомъ хлѣботорговцевъ съ волжскихъ пристаней, которыхъ онъ привлекаетъ тѣмъ, что помогаетъ имъ въ ихъ покупкахъ, и своей добросовѣстностью. У нѣкоторыхъ молоканъ есть большіе огороды, за которыми систематически ухаживаютъ и поливаютъ ихъ и которые даютъ богатые урожаи цѣнныхъ яблокъ; нѣкоторые занимаются извозомъ, другіе — кожевники, плотники, маляры; многія женщины приготовляютъ толстые, бархатные ковры, и шерсть для нихъ сами красятъ; но чѣмъ бы молоканы ни занимались, всѣ съ охотой имѣютъ съ ними дѣло, убѣждаясь въ доброкачественности ихъ работы и вѣрности данному слову — рѣдкое качество въ восточной Россіи. Мои личныя дѣловыя сношенія съ двумя изъ моихъ молоканскихъ хозяевъ напомнили мнѣ лучшія черты европейской жизни. Въ домѣ одного изъ нихъ я убралъ свою комнату различными предметами, необходимыми для многомѣсячнаго пребыванія и собираясь уѣзжать, спросилъ у хозяйки: какъ наилучше распорядиться съ мебелью. „Сколько вы за нее хотите?“ — спросила она. Я назначилъ цѣну каждой вещи. „Я возьму ихъ по этой цѣнѣ“,—отвѣчала она, не пытаясь даже торговаться. Другой случай еще характеристичнѣе. Я прожилъ пять недѣль у моего хозяина Аѳанасія Гавриловича Орлова, вышеупомянутаго владѣльца двухъ мельницъ. Мы условились, что я буду платить три рубля въ недѣлю за столъ и квартиру; случилось, что вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній съ моимъ банкиромъ, я остался почти безъ денегъ и ничего не платилъ Орлову до самаго моего отъѣзда, и онъ зналъ, что у меня оставалось только двадцать пять рублей. Вслѣдствіе этого произошелъ слѣдующій разговоръ.

Вечеромъ наканунѣ моего отъѣзда я сказалъ:

— Вотъ двадцать-пять рублей, возьмите пятнадцать и дайте мнѣ десять сдачи.

Аѳанасій Гавриловичъ.—Мнѣ сегодня нѣкогда.

Поэтому на другое утро я повторилъ:

— Вотъ двадцать-пять рублей, возьмите пятнадцать и сдайте мнѣ десять.

Аѳанасій Гавриловичъ неохотно беретъ деньги и, ни слова не говоря, приноситъ мнѣ восемнадцать рублей.

Я замѣтилъ:

— Вы ошиблись, вы сдали мнѣ восемнадцать рублей вмѣсто десяти.

Аѳанасій Гавриловичъ.—Нѣтъ, видите ли, я беру по три рубля въ недѣлю съ хлѣботорговцевъ, которые причиняютъ мнѣ пропасть хлопотъ; какъ же можно, чтобы я взялъ столько же съ васъ.

Семейная жизнь у молоканъ отличается тою же патріархальностью, какъ и жизнь другихъ крестьянъ. Не только незамужнія дочери и холостые сыновья, но и семейные находятся подъ родительской кровлей и подъ родительской опекой. Но въ то время, какъ эта организація въ остальныхъ русскихъ крестьянскихъ семьяхъ служитъ источникомъ грубаго и прихотливаго деспотизма и безконечныхъ ссоръ, въ молоканскихъ семьяхъ она идеально гармонична. Главными чертами здѣсь является родительское рвеніе въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, достоинство и полное безпристрастіе и любовь ко всѣмъ членамъ семьи; любовная почтительность семьи къ хозяину; почетное положеніе его жены, полная равноправность между дочерьми и сыновьями—вопреки несправедливости русскаго закона къ женскому полу—и безусловная свобода выбора женъ и мужей. Контрастъ между молоканами и другими крестьянами становится еще разительнѣе, если мы вникнемъ въ подробности ихъ ежедневной жизни. Другіе крестьяне любятъ гвалтъ и шумъ кабаковъ. Въ ихъ домахъ грязно, безпорядочно и шумно; за днями грубаго пированья слѣдуютъ дни крайней нужды; жестокій семейный деспотизмъ и пороки, порождаемые имъ, — вещь самая обыкновенная. Напротивъ того, жизнь у молоканъ протекаетъ такъ тихо, какъ европейцы, привыкшіе къ шуму и суетѣ, не могутъ себѣ и вообразить. Работа дѣлается безъ спѣха, но неустанно и при добровольномъ содѣйствіи всѣхъ членовъ семьи; обученіе родителями дѣтей грамотѣ, молитва, пѣніе псалмовъ, чтеніе Библіи и общественныя собранія наполняютъ всю жизнь молоканъ. Ихъ религіозныя занятія, не отмѣченныя тѣмъ экстазомъ, который кажется намъ необходимой принадлежностью сектантскаго благочестія, служатъ для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ тихаго наслажденія.

Религія молоканъ превосходитъ всѣ другія отсутствіемъ установленныхъ внѣшнихъ знаковъ и обрядовъ—и потому ее не легко описать. Она несомнѣнно носитъ слѣды того источника, изъ коего произошла, т.-е. ученія англійскихъ квакеровъ въ Москвѣ и іудейской секты. Но со времени основанія молоканства протекло столѣтіе и остатки этого вліянія теперь несущественны для него—и, сравнивая молоканство съ другими религіями, мы получаемъ все отрицательные выводы. Молоканы питаютъ отвращеніе къ поклоненію иконамъ; у

нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни догматовъ, ни таинствъ, ни символа вѣры, ни установленной формы богослуженія, ни храмовъ, ни особыхъ облаченій и обрядовъ, и они не считаютъ себя вдохновляемыми святымъ Духомъ. Хотя ихъ конгрегаціонныя сборища происходятъ бо̀льшею частью по воскресеньямъ и другимъ большимъ церковнымъ праздникамъ, они не считаютъ грѣховнымъ заниматься и другими дѣлами въ эти дни — а, вмѣстѣ съ тѣмъ, любой день кажется имъ пригоднымъ для проявленія конгрегаціоннаго благочестія. Ихъ пресвитеріанизмъ, совсѣмъ не похожій на кальвинистскій, почти не заслуживаетъ названія правильно установленной церкви. Ихъ старшины — простые старики, хорошо знакомые съ писаніемъ, которые обязаны своимъ авторитетомъ молчаливому согласію, а не избранію, и не легко провести грань, за которою начинается старшинство. Но одни отрицательные выводы не могутъ, однако, дать понятіе о молоканствѣ, и мы попытаемся представить его положительныя черты.

Внѣшняя форма его крайне проста. Помѣщеніемъ, гдѣ собирается конгрегація, служитъ обыкновенно одинъ изъ большихъ покоевъ въ домахъ, но и меньшая комната, или даже дворъ, а не то и поле пригодны для этой цѣли. Служба описывается слѣдующимъ образомъ очевидцемъ, часто присутствовавшимъ при ней:

„Въ большомъ покоѣ, гдѣ конгрегація готовится собраться, накрываютъ столъ бѣлой скатертью и кладутъ на него нѣсколько библій и псалтырей. Когда предсѣдательствующій старшина войдетъ въ покой, всѣ другіе встаютъ и привѣтствуютъ его наклоненіемъ головы. Затѣмъ онъ усаживается на свое мѣсто и назначаетъ для чтенія главы изъ пророковъ, псалмовъ и новаго завѣта; послѣ чтенія, онъ назначаетъ псалмы или главы для пѣнія; всѣ подходятъ къ столу. Напѣвы печальны и напоминаютъ напѣвы народныхъ былинъ. Послѣ пѣнія снова читаютъ, затѣмъ произносятъ молитву, тоже составленную изъ текстовъ св. писанія. Въ концѣ молитвы вся конгрегація, со старшиной во главѣ, кладетъ земной поклонъ. Нѣкоторыя другія молитвы читаются на колѣняхъ“.

Мои личныя наблюденія молоканскаго конгрегаціоннаго богослуженія слегка отличаются отъ этого описанія, но сходятся съ нимъ въ главныхъ чертахъ и полномъ отсутствіи всякихъ опредѣленныхъ формъ богослуженія и обрядности. Никто не знаетъ до начала службы, что будутъ пѣть и читать. Предсѣдательствующій старшина самъ выбираетъ тексты во время службы. Нерѣдко нѣсколько старшинъ предсѣдательствуютъ — и выборъ дѣлается по совѣщаніи или же перемѣнно то однимъ, то другимъ. Нерѣдко также старшины берутъ на себя истолкованіе прочитанныхъ текстовъ. У большинства

конгрегацій существуютъ традиціонныя молитвы въ прозѣ и нѣсколько религіозныхъ гимновъ, которые иногда и поются во время службы, по выбору предсѣдательствующаго старшины. Болѣе опредѣленный характеръ и даже нѣсколько приближающійся къ литургическимъ формамъ носятъ церемоніи бракосочетанія, пріема новорожденныхъ и погребенія. Но и здѣсь предсѣдательствующій старшина воленъ выбирать и измѣнять церемоніи по своему усмотрѣнію. Семейныя молитвы еще болѣе лишены всякой обрядности. Въ молоканскихъ семьяхъ не въ обычаѣ собираться всѣмъ членамъ семьи вмѣстѣ и регулярно для какихъ-нибудь цѣлей, и даже трапезы въ нихъ такъ же неопредѣленны и неправильны, какъ завтракъ въ англійскомъ загородномъ домѣ, гдѣ собралось много гостей. Поэтому въ нихъ нѣтъ обыкновенія читать молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда и ничего подобнаго англійскимъ утреннимъ и вечернимъ семейнымъ молитвамъ. Всѣ вышепоименованныя частныя моленія вполнѣ свободны и дѣлаются по выбору каждаго члена. Даже посты соблюдаются тѣмъ же порядкомъ. Они — добровольная эпитимья, и хотя сходны съ еврейскими постами, состоящими въ полномъ воздержаніи отъ пищи, но часто длятся по нѣскольку дней. Другой остатокъ іудейства въ конгрегаціяхъ — это воздержаніе отъ употребленія свинины. Въ нѣкоторыхъ другихъ конгрегаціяхъ наблюдаютъ субботній день такъ же, какъ и въ еврейскихъ семьяхъ и даже до мельчайшихъ подробностей. Нѣкоторыя общины на Кавказѣ сохраняли лѣтъ двадцать тому назадъ нѣсколько еврейскихъ молитвъ и, быть можетъ, до сихъ поръ придерживаются ихъ.

Три великія событія семейной жизни: бракъ, рожденіе и смерть, освящаются, какъ я уже сказалъ, общимъ служеніемъ, и брачная церемонія, хотя и совсѣмъ безцвѣтная, весьма внушительна. Вся конгрегація собирается въ одномъ изъ обширныхъ покоевъ и ея представителемъ въ этомъ случаѣ бываетъ старѣйшій человѣкъ, сѣдой какъ лунь, съ дрожащими руками и тѣмъ болѣе почтенный. Эта служба очень продолжительна и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молитвъ, составленныхъ изъ текстовъ св. писанія, которые читаются старѣйшинами, а всѣ присутствующіе говорятъ: „аминь“ и кладутъ земные поклоны. Церемонія погребенія не такъ длинна, но въ такомъ же родѣ.

Что касается ученія, котораго придерживаются молоканы, то нельзя сказать, чтобы у нихъ былъ какой-нибудь другой символъ вѣры, кромѣ того, что библія есть слово божіе и потому ей слѣдуетъ повиноваться. Ученіе, выводимое ими изъ этой аксіомы, совсѣмъ не догматическое, но чисто-практическое и состоитъ исключительно въ примѣненіи заповѣдей евангелія къ обязанностямъ повседневной

жизни. Всѣ практическія указанія, выводимыя ими такимъ образомъ, не могутъ не заслужить одобренія образованныхъ людей западной Европы, какъ религіозныхъ, такъ и нерелигіозныхъ. Отношеніе ихъ къ тому, чтó мы называемъ „женскими правами“, въ особенности замѣчательно. Такихъ „правъ“ они, собственно говоря, не признаютъ, потому что, какъ инстинктивно они чувствуютъ, религія учитъ только обязанностямъ, а не правамъ; но со всѣмъ тѣмъ съумѣли поставить женщину такъ высоко, какъ только могутъ желать энтузіасты. Супружескія отношенія основываются на томъ правилѣ, что „супругъ долженъ возлюбить жену, какъ Христосъ возлюбилъ церковь“. Это правило не только признается и примѣняется въ частной жизни, но служитъ также основой юридическихъ рѣшеній старѣйшинъ и конгрегацій въ вопросахъ брачныхъ. Причина, на которую ссылаются для отведенія равныхъ преимуществъ дочерямъ, какъ и сыновьямъ, та, что „Богъ повелѣваетъ намъ любить одинаково своихъ дѣтей и потому грѣшно оказывать предпочтеніе сыновьямъ“. Всѣ другія правила подобны этимъ двумъ. Можно было бы догадываться, что, кромѣ этихъ практическихъ указаній, въ молоканствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ религіяхъ, существуютъ догматическія вѣрованія, потому что существуетъ множество молоканскихъ символовъ вѣры, гораздо болѣе сходныхъ между собою, чѣмъ символы вѣры различныхъ отраслей кальвинизма. Но всѣ они входятъ въ число многочисленныхъ тайныхъ документовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, касающихся уголовныхъ преслѣдованій и полицейскихъ слѣдствій надъ сектантами, и нѣкоторые образцы ихъ, выкраденные изъ архивовъ, были напечатаны Кельсіевымъ (4 т. Лондонъ, Trübner and C⁰, 1860—1862). Русскій законъ признаетъ сектантскую пропаганду преступленіемъ, а молоканъ—самыми опасными изъ сектантовъ; и тысячи докладовъ и уголовныхъ слѣдствій надъ молоканами сохраняются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Слѣдователи, разумѣется, обязаны были спрашивать у обвиняемыхъ:—какая ваша вѣра? и обвиняемые должны были отвѣчать. Поэтому всѣ эти символы вѣры суть въ сущности отвѣты на вопросы людей, принадлежащихъ къ православной церкви, хотя форма ихъ не всегда указываетъ на это. Напр.:—*Священники и епископы.*— „У насъ есть великій первосвященникъ, вознесшійся на небо Іисусъ, сынъ Божій, ему же поклоняемся“. *Образа.* — У насъ есть безцѣнный образъ сына Божія, который есть образъ невидимаго Бога, перворoднаго изъ всего творенія. *Ѳиміамъ и кадило.* — Нашъ ѳиміамъ заключается въ молитвахъ. Да вознесется молитва моя, яко кадило предъ тобою (Пс. 2).

Довольно прозрачный смыслъ этихъ и множества другихъ подобныхъ отвѣтовъ, таковъ: „мы не признаемъ обрядовъ и догматовъ

установленной церкви, потому что они не согласны съ библіей". Кромѣ этого отрицанія въ молоканскихъ символахъ вѣры есть и болѣе положительные элементы, какъ, напр.:

Крещеніе.—Душа окунается въ слово Божіе и любовь.

Причащеніе.—Душа находится въ общеніи съ словомъ Божіемъ.

Исповѣдь.—Молитва, обращенная къ Іисусу, дабы онъ могъ служить посредникомъ въ отпущеніи грѣховъ.

Хотя всѣ эти отвѣты вполнѣ согласны съ убѣжденіемъ молоканъ, но мы очень ошибемся, если сочтемъ ихъ за ихъ интеллектуальную собственность. Они составляютъ не что иное, какъ окаменѣлые остатки ученія *духоборцевъ*, старѣйшей секты, изъ которой произошло молоканство. Эта секта, которая, какъ уже выше сказано, ведетъ свое начало отъ квакерскаго ученія, быть можетъ, еще болѣе замѣчательна, нежели молоканская. Ея главное средоточіе—*Молочная рѣка*, въ Крыму—было посѣщаемо въ 1818 г. квакеромъ Алленомъ и двумя другими квакерами, а въ 1842 г. барономъ Гакстгаузеномъ, и всѣ эти путешественники были изумлены мистическими умозрѣніями духоборцевъ и діалектическимъ искусствомъ, съ какимъ они ихъ отстаивали. Молоканы, напротивъ того, вовсе не великіе мыслители. Они, дѣйствительно, выказываютъ нѣкоторую ловкость въ словопреніяхъ съ православнымъ духовенствомъ; но главнымъ оружіемъ имъ въ этихъ словопреніяхъ служитъ ихъ собственная безусловная неспособность слѣдить за богословской аргументаціей. Они приводятъ своихъ противниковъ—тоже не особенныхъ свѣтилъ—въ отчаяніе постояннымъ непониманіемъ ихъ и непрерывнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же текстовъ. Молоканство—вполнѣ практическая и безусловно недогматическая религія. Оно признаетъ себя существующимъ, не пытаясь изслѣдовать своей сущности.

Всѣ молоканы грамотны и читаютъ книги; но, не имѣя своей литературы, за исключеніемъ нѣсколькихъ рукописныхъ молитвъ и религіозныхъ гимновъ, они должны искать въ другомъ мѣстѣ себѣ умственную пищу; и выборъ, дѣлаемый ими, бросаетъ любопытный свѣтъ на ихъ умственную жизнь, показывая, насколько они отрѣзаны отъ общаго движенія. Кромѣ библіи и псалтырей на славянскомъ языкѣ, тѣхъ же самыхъ, какія употребляетъ православная церковь, новаго завѣта и нѣкоторыхъ частей ветхаго завѣта по-русски и нѣсколькихъ комментаріевъ на евангелія или отдѣльныя изъ нихъ мѣста, точно также издаваемыя православной церковью, молоканы читаютъ, насколько я имѣлъ случай наблюдать, только четыре книги: „Магазинъ всѣхъ Увѣселеній", „Сочиненія Сковороды", „Автобіографію Юнга Стиллинга" и статьи Ливанова о русскихъ сектантахъ. Послѣдній авторъ, хотя и имѣлъ порученіе отъ правительства (??)

писать противъ сектантовъ и съ этою цѣлью ему былъ данъ свободный доступъ въ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, превозноситъ молоканъ выше всякой мѣры и проводитъ съ удивительной смѣлостью ироническую параллель между ними и приверженцами установленной церкви. „Магазинъ всѣхъ Увеселеній“ есть сборникъ астрологическихъ, хиромантическихъ и другихъ тому подобныхъ трактатовъ, очевидно, переведенный лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ съ нѣмецкаго. „Сковорода“ былъ малороссъ, хитроумный христіанскій философъ и поэтъ прошедшаго столѣтія. „Автобіографія Юнга Стиллинга“ переведена на русскій языкъ въ 1815 г. и была въ большомъ почетѣ у петербургскихъ мистиковъ. Она, по всей вѣроятности, проникла къ молоканамъ изъ Сарепты, геррнгутерской колоніи на рѣкѣ Волгѣ; и одинъ противникъ молоканъ увѣрялъ, что одно время они ставили эту книгу выше евангелія. Молоканы, владѣльцы этихъ книгъ, несомнѣнно немножко слишкомъ носятся съ своими сокровищами и часто ввертываютъ фразы изъ нихъ въ разговоръ. Хотя имъ и чуждо духовное высокомѣріе, но не чуждо нѣкоторое наивное, дѣтское тщеславіе.

Молоканская конгрегаціонная организація, по ихъ мнѣнію, представляетъ сколокъ съ организаціи первобытной церкви и сходство несомнѣнно, потому что есть нѣчто общее въ положеніяхъ того и другого. Молоканы, издавна привыкшіе къ тому, что законъ относится къ нимъ какъ къ опаснымъ сектантамъ, сами относятся къ власти и къ правительству такъ же, какъ къ ней относились первые христіане, строго повинуются властямъ и закону, но смотрятъ на нихъ, какъ на чужихъ. Они называютъ установленную церковь „русскою“, а ея приверженцевъ „русскими“, какъ будто бы сами они иностранцы. По этой самой причинѣ конгрегаціонныя сборища имѣютъ для нихъ то же значеніе, какое имѣла „ecclesia“ для первыхъ христіанъ. Мы уже видѣли, что браки и рожденія освящаются конгрегаціей, и эти публичные акты имѣютъ въ глазахъ молоканъ не просто священный характеръ, но и легальный авторитетъ: мало того, само правительство, не имѣя другихъ средствъ знакомиться съ данными относительно молоканскихъ семей, придаетъ нѣкоторое, если не совсѣмъ открытое значеніе этимъ актамъ. Всѣ легальные споры между молоканами разбираются конгрегаціей, и старѣйшины въ своей юрисдикціи руководятся своими понятіями о библейскомъ законѣ, потому что Библія—ихъ единственный кодексъ законовъ, и когда они собираются для суда, то не выпускаютъ ея изъ своихъ рукъ. Конгрегаціонное собраніе принимаетъ новыхъ членовъ, пользуется дисциплинарной властью и выслушиваетъ исповѣдь во грѣхахъ. Тотъ фактъ, что никакихъ правильныхъ налоговъ не собирается и старѣйшинамъ

ничего не платится, является другимъ важнымъ пунктомъ въ аналогіи между церковью молоканъ и церковью первыхъ христіанъ. Воспитаніе юношества не входитъ въ обязанности конгрегаціи; у молоканъ нѣтъ и никогда не было школъ, но сами родители обучаютъ своихъ дѣтей.

Молоканство впервые появилось около ста лѣтъ тому назадъ и начало его могло бы послужить тэмой для сенсаціоннаго романа. Его основатель, деревенскій портной Уклеинъ бросилъ свою законную жену, чтобы жениться на дочери туземнаго ересіарха, Иларіона Побирохина, зажиточнаго крестьянина одного изъ селъ Тамбовской губерніи, и стать потомъ однимъ изъ его главныхъ послѣдователей. Побирохинъ во время пребыванія въ Польшѣ подпалъ вліянію мистиковъ этой страны, идеи которыхъ принадлежали скорѣе Индіи, нежели Европѣ. По возвращеніи на родину, онъ сталъ во главѣ духоборцевъ той мѣстности, среди которыхъ въ то время царствовалъ разладъ и шаткость въ понятіяхъ и которые съ покорностью русскихъ крестьянъ выказывали готовность подчиниться его деспотической волѣ. Онъ училъ ихъ, что нѣтъ Бога, иначе какъ въ лицѣ праведниковъ; что когда одинъ изъ нихъ умираетъ, то немедленно рождается другой, въ котораго переходитъ душа умершаго, между тѣмъ какъ души беззаконниковъ переходятъ въ животныхъ. Себя онъ считалъ воплощеніемъ Сына Божія. Для подтвержденія этого ученія, онъ окружилъ себя двѣнадцатью безусловно преданными ему приверженцами, называвшимися „ангелами смерти“ и поддерживавшими его авторитетъ посредствомъ угрозъ, ударовъ и даже убійствъ. Уклеинъ, возмущенный запрещеніемъ Побирохина читать Библію, вскорѣ не поладилъ съ нимъ. На одномъ изъ конгрегаціонныхъ собраній онъ такъ рѣзко спорилъ съ своимъ тестемъ, что только крики хозяйки спасли его отъ когтей „ангеловъ смерти“.

Ученіе духоборцевъ, независимо отъ нелѣпостей, измышленныхъ Побирохинымъ, очень сходно, какъ я уже говорилъ, съ ученіемъ квакеровъ и оно-то составило основаніе для новой секты, заведенной Уклеинымъ. Совсѣмъ тѣмъ онъ опирался, главнымъ образомъ, на Библію, которая у духоборцевъ отошла на задній планъ, сравнительно съ ихъ мистическими умозрѣніями. Кромѣ того, онъ сталъ также соучастникомъ въ пропагандѣ довольно распространенной іудейской секты, принялъ ее въ свое лоно и усвоилъ нѣкоторыя изъ ея взглядовъ, а именно—отвращеніе къ свининѣ. Кажется страннымъ, что неизбѣжная путаница понятій, происшедшая изъ такой смѣси, получила быстрое и успѣшное развитіе. Но дѣло въ томъ, что у русскихъ низшихъ классовъ существуетъ сильная потребность въ духовной пищѣ, потому что установленная церковь ничего не даетъ

имъ, кромѣ формы, которая хотя и полна красоты, но обращается въ настоящее идолопоклонство въ рукахъ невоздержнаго и невѣжественнаго сельскаго духовенства, исполняющаго обряды механически, безъ всякаго даже наружнаго къ нимъ интереса. Преслѣдованія, которымъ подвергалось молоканство по случаю его близкаго сходства съ „зловредными“ духоборцами, также много помогало его распространенію, и, кромѣ того, мѣстность, гдѣ возникла новая секта, также значительно содѣйствовала ея успѣху. Тамбовская губернія граничитъ съ обширной степной полосой, идущей отъ азіатской границы черезъ Волгу, и въ нѣкоторыхъ восточныхъ и юго-восточныхъ округахъ ея все еще живутъ калмыки, киргизы и башкиры-кочевники. Большая часть этой мѣстности была почти совсѣмъ покинута въ январѣ 1771 калмыками, справедливо встревоженными учрежденіемъ нѣмецкихъ колоній и бѣжавшими въ Азію, оставивъ весьма незначительное число своихъ единоплеменниковъ на правомъ берегу рѣки и совершенно покинувъ лѣвый берегъ, т.-е. все громадное пространство между рѣками Волгой и Ураломъ. Позднѣе, киргизы перекочевали въ эту мѣстность; но во времена Уклеина они только производили вторженія въ нее, грабили нѣмецкія колоніи и уводили жителей и ихъ стада на азіатскіе рынки. Нѣмецкіе колонисты, хотя и представляли собой самое густое населеніе этой мѣстности, насчитывали всего 30,000 человѣкъ, разсѣянныхъ на пространствѣ въ 1000 квадратныхъ миль. Остальная часть населенія состояла изъ крѣпостныхъ, ютившихся вокругъ своихъ господъ,—изъ потомковъ астраханскихъ татаръ и двухъ финскихъ племенъ, немногихъ русскихъ въ Астрахани и въ селеніяхъ вдоль двухъ рукавовъ, на которые здѣсь раздѣляется Волга, и волжскихъ казаковъ, разселенныхъ по станицамъ, далеко отстоявшимъ другъ отъ друга, и на уединенныхъ хуторахъ. Эта область, куда правительство мало заглядывало, стала театромъ дѣйствій Уклеина послѣ того, какъ онъ покинулъ свою родную губернію. Въ этихъ, въ то время почти совсѣмъ пустынныхъ мѣстахъ, близъ самой азіатской границы, основанъ былъ Александровъ-Гай, куда молоканы и переселились изъ Тамбова, гдѣ ихъ преслѣдовали. Большинство вышеупомянутыхъ молоканскихъ общинъ имѣетъ такое же происхожденіе; но Уклеинъ имѣлъ большой успѣхъ также и между другими крестьянами, какъ вольными, такъ и крѣпостными. Крымъ, Грузія и Сибирь точно также увидѣли толпы молоканъ, переселенныхъ туда затѣмъ, чтобы предотвратить заразу въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ, и куда только ни переселялось молоканство, вездѣ оно распространялось среди окружающаго его населенія.

Но почему же послѣдователи Уклеина называются молоканами,—названіе, очевидно, происходящее отъ слова „молоко"? Русскіе обыкновенно даютъ на этотъ вопросъ слѣдующій нелѣпый отвѣтъ: „потому что они не воздерживаются, подобно православнымъ, отъ молока въ постные дни". Фактъ тотъ, что названіе *молоканы* было первоначально народнымъ прозвищемъ духоборцевъ [1]), большинство коихъ, по приказу правительства, было переселено на Молочную рѣку въ Крымъ; а позднѣе, очевидно, въ 1812—20 гг. распространилось и на секту Уклеина, и такъ крѣпко пристало къ ней, что настоящее его происхожденіе было забыто. Въ началѣ было дѣйствительно невозможно для постороннихъ наблюдателей отличить новую секту отъ старой.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ эти двѣ секты не только не сближались между собою, но постоянно отдалялись другъ отъ друга; еврейское вліяніе тоже не проявлялось болѣе, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ, вслѣдствіе постепеннаго искорененія традицій между двумя родственными сектами и исключительнаго преобладанія практическихъ выводовъ изъ Библіи, молоканство превратилось въ популярную христіанскую философію, и въ этомъ качествѣ снискало всеобщія и заслуженныя симпатіи. Съ тѣмъ бо́льшимъ сожалѣніемъ наблюдаемъ мы многочисленные и постоянно увеличивающіеся симптомы разложенія, проявляющіеся въ немъ въ настоящее время. Цѣлованье и судорожная пляска появились на нѣкоторыхъ конгрегаціонныхъ собраніяхъ; нѣкоторыя другія находились недавно подъ вліяніемъ пророка—по достовѣрному свидѣтельству—бѣглаго солдата, уроженца Александрова-Гая—который собралъ большія деньги, женился на мормонскій образецъ на двухъ молодыхъ и красивыхъ дѣвушкахъ и наконецъ умеръ, стараясь излечиться отъ пьянства. Всѣ эти движенія не что иное, какъ реакція противъ индифферентизма, закрадывающагося повсемѣстно: ослабленнаго интереса къ религіознымъ дѣламъ, небрежнаго посѣщенія конгрегаціонныхъ моленій. Хорошее обращеніе съ низшими и беднѣйшими членами секты хотя все еще продолжается, потому что оказывается выгоднымъ, но направляется и искажается разсчетомъ; пьянство проникаетъ въ молоканскіе домы; можно указать на завзятыхъ пьяницъ въ самыхъ выдающихся и издавна почитаемыхъ молоканскихъ семьяхъ. Совпаденіе этого разложенія съ русскимъ общественнымъ восхищеніемъ молоканскими добродѣтелями и ласковымъ вниманіемъ правительства считается самими молоканами дѣломъ не случайнымъ. Повидимому, преслѣдованіе было необходимо для удержанія молоканства въ его чистотѣ, такъ какъ безъ этого оно слишкомъ без-

---

[1]) Здѣсь авторъ ссылается на г. Ливанова.

цвѣтно и прѣсно, чтобы удовлетворить даже тѣхъ, кто родился въ немъ.

Основной принципъ законовъ и регламентовъ, направленныхъ противъ сектантовъ, по внѣшности остался почти тѣмъ же, какимъ былъ въ продолженіи всего столѣтія, какъ основалось молоканство; но въ его примѣненіи происходили различныя колебанія въ различныя царствованія. По русскому закону, допускается полная свобода иновѣрія; но всякая попытка отвлечь отъ установленной церкви въ секту строго карается. Первая часть этого принципа превратилась въ чистѣйшую насмѣшку въ первые годы молоканства, такъ какъ всякое проявленіе секты, ея конгрегаціонныя богослуженія считались попыткой совлечь съ пути истиннаго православныхъ христіанъ. И карой во многихъ случаяхъ служило наказаніе кнутомъ и ссылка въ каторжную работу въ Сибирь. Легчайшими наказаніями были: сдача въ солдаты срокомъ на двадцать лѣтъ; ссылка въ крѣпости, въ Сибирь, въ Грузію, въ Крымъ, и въ другія пустынныя губерніи. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I-го въ мартѣ 1801 г. произошла большая перемѣна къ лучшему. Онъ объявилъ, что преслѣдованіе только способствуетъ распространенію сектантовъ и что лучшимъ средствомъ для искорененія ихъ является кроткое убѣжденіе и добрый примѣръ. Всѣ случаи появленія сектантовъ вносились въ совѣтъ министровъ, и такъ какъ самъ императоръ принималъ живой интересъ въ этихъ дѣлахъ, то многіе доводились до его свѣдѣнія и много было случаевъ для дальнѣйшаго развитія выше-сказанныхъ идей. Особенное благоволеніе выказывалось духоборцамъ, къ которымъ императоръ Александръ, другъ квакеровъ, заявлялъ почти открытую симпатію, хотя и считалъ ихъ ученіе ошибкой благонамѣренныхъ, но заблуждающихся дурачковъ; это благоволеніе отразилось и на молоканахъ. Императоръ Николай считалъ установленную церковь столбомъ государства, и поэтому признавалъ особенно зловредными тѣхъ сектантовъ, которые величаютъ православныхъ „идолопоклонниками“. Начались опять гоненія и уголовные процессы, приводившіе къ ссылкѣ и болѣе тяжелымъ наказаніямъ. Императоръ Александръ II почти отмѣнилъ — практически, если не формально, уголовное преслѣдованіе сектантовъ. Печать стала превозносить молоканъ, между тѣмъ какъ въ сборникахъ постановленій о сектантахъ, секретно печатавшихся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ настоящаго царствованія, ихъ продолжали характеризовать, — какъ особенно зловредную секту—противорѣчіе, которое молоканы имѣли случай испытать на практикѣ. Такъ, вскорѣ послѣ посѣщенія Уоллеса, въ Александровомъ-Гаѣ произве-

дено было уголовное слѣдствіе, по доносу одного священника, о томъ, что двое православныхъ солдатъ присутствовали на конгрегаціонномъ моленіи.

Единственнымъ результатомъ этого было, однако, только нѣсколько протоколовъ, и моленія продолжаютъ происходить почти открыто. Мелкіе чиновники и даже многія лица изъ православнаго духовенства сохраняютъ наилучшія отношенія съ молоканами, а высшіе чиновники, какъ напр., тѣ, которые путешествовали съ Уоллесомъ, не скрываютъ своего предпочтенія къ сектантамъ. Само правительство доказываетъ приглашеніемъ, напечатаннымъ въ началѣ этой статьи, что оно не только признаетъ, но имѣетъ и мужество пользоваться колонизаторскими способностями молоканъ. Успѣхъ этой мѣры несомнѣненъ, и есть всѣ основанія надѣяться, что молоканы отдѣлаются отъ всѣхъ недавно закравшихся въ ихъ среду несовершенствъ при исполненіи своего труднаго и благороднаго дѣла.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1879.

Свѣдѣнія объ „испытаніяхъ зрѣлости“ въ 1878 году. — Преувеличеніе задачъ школы частью печати.—Статистика успѣховъ.—Отзывы профессоровъ о письменныхъ работахъ.—Исполненіе учебной программы.—Вопросъ о водномъ пути въ Среднюю Азію.—Мысль о поворотѣ Аму-Дарьи въ прежнее русло.—Будущность среднеазіатскихъ владѣній. — Положеніе кустарной промышленности.— Правительственная иниціатива.

Прошло восемь лѣтъ со времени утвержденія новаго устава для нашихъ гимназій, устава, который въ среднихъ училищахъ значительно измѣнилъ учебную систему, а въ университетахъ—самый составъ слушателей. Восемь лѣтъ — періодъ достаточно долгій, чтобы мнѣніе публики о сдѣланномъ преобразованіи установилось и чтобы прекратились споры, по крайней мѣрѣ—о самой его сущности. Мнѣніе публики, сколько случается слышать въ частныхъ разговорахъ, дѣйствительно установилось и притомъ гораздо ранѣе восьмилѣтняго срока; оно составилось въ первые же годы и съ тѣхъ поръ въ немъ не замѣтно колебаній. Тѣмъ не менѣе, въ печати вопросъ о самой сущности произведеннаго преобразованія доселѣ остается спорнымъ. Къ чему бы, кажется, эти споры? какую практическую пользу они могутъ принесть? Если одни спорящіе правы, то все прекрасно и нѣтъ надобности ратовать за охраненіе того, чему не угрожаетъ никакая опасность, чтó само себя оправдываетъ, а стало быть и поддерживаетъ. Если же права другая сторона, то спорить ей, все-таки, казалось бы, нé для чего. Допустимъ на минуту, что правы тѣ, кто не согласенъ съ самой сущностью преобразованія, давно уже введеннаго, стало быть уже потерявшаго характеръ реформы. Но если у думающихъ такъ спросить: чего же они бы желали? неужели новой ломки всей учебной системы гимназій?—то врядъ-ли кто-нибудь изъ нихъ рѣшился бы отвѣтить утвердительно. Частая ломка въ такомъ

дѣлѣ, какъ учебное, хуже всего. Но, въ такомъ случаѣ, для чего же продолжать безплодные споры?

На дѣлѣ однако оказывается, что если споры не затихли, то зависитъ это отъ излишняго рвенія, излишней самоувѣренности и притязательности, излишней охоты къ полемикѣ со стороны именно поборниковъ введенной системы. Имъ кажется недостаточнымъ, что за нее—сила status quo; повидимому, имъ желательно, чтобы каждый преклонился передъ нею не только какъ предъ наилучшей учебной системой, но еще какъ передъ фактомъ огромной политической важности, какъ передъ какимъ-то чудомъ, которое одно могло спасти историческую будущность Россіи и непремѣнно спасетъ ее. Вотъ эта-та излишняя притязательность, это огромное преувеличеніе того вліянія на русскую исторію, какое можетъ оказать нѣсколько бо̀льшее число часовъ латинскаго и греческаго преподаванія въ гимназіяхъ, это втягиваніе школьнаго вопроса въ сферу вовсе ему несвойственную — и поддерживаютъ споры, которые, иначе, давно бы затихли, по неимѣнію практической цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, стараясь доказать желаемое, эти ревнители относятъ прямо къ винѣ прежней, не преобразованной средней школы все то, что̀ пока въ обществѣ представляется дѣйствительно неутѣшительнаго, и еще все то, что̀ лично имъ не нравится. Этимъ пріемомъ они думаютъ разомъ достигнуть двухъ цѣлей. Во-первыхъ, конечно, превознесенія новой школы надъ прежнею. Если такъ велика вина послѣдней, то это уясняетъ всю необходимость преобразованія и выставляетъ благотворное дѣйствіе, какого слѣдуетъ ожидать отъ школы преобразованной. Во-вторыхъ, тѣмъ же пріемомъ получается еще возможность объяснять всѣ неблагопріятныя явленія современности—дурными качествами самого русскаго общества, такъ плохо, повидимому, воспитаннаго прежней школой. А это очень удобно, объяснять всѣ существующіе недостатки — дурной нравственностью общества. Значитъ, все прекрасно въ Божьемъ мірѣ, и если скоро нельзя будетъ жить отъ дороговизны, то въ этомъ виноваты не условія денежной системы, а испорченные прежней школой желудки общества, требующіе вредной изысканной пищи.

Само собой разумѣется, что въ этой аргументаціи сильно хромаетъ логика. Такъ, если бы, напр., растраты суммъ кассирами относились къ дурной нравственности общества, а затѣмъ выставлялись бы какъ продукты прежней, „увеселительной“ школы, то это еще было бы только забавной натяжкой. Но когда тѣмъ же путемъ въ вину прежней школѣ зачисляются прискорбныя явленія свойства политическаго, то тутъ уже прямо нарушается основное логическое правило: не употреблять въ смыслѣ аргумента то самое, что̀ требуется доказать. Въ

прежней средней школѣ, какъ и въ новой политика не преподавалась, и доказывать, что такія-то политическія явленія происходятъ нынѣ потому, что прежде существовало такое-то распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ—смѣшно. Доселѣ остаются у насъ еще слѣды крѣпостного права. Но возможно ли утверждать, что остались они потому, что восемь лѣтъ назадъ греческій языкъ преподавался не во всѣхъ гимназіяхъ и знаніе его не требовалось при поступленіи въ университетъ? Нѣтъ, доказывать это—нелѣпо, потому что при этомъ способѣ доказательства предполагается впередъ доказаннымъ, будто остатки крѣпостного права бываютъ послѣдствіемъ не самого недавняго существованія крѣпостного права, а—малой распространенности греческаго языка въ обществѣ. А почему вы знаете: если бы при прежней школѣ да не было разныхъ фактовъ, совсѣмъ не педагогическаго характера, происходили-ли бы теперь прискорбныя явленія, которыя вы относите къ винѣ прежней школы?

Относить все неблагопріятное въ современности къ одному явленію прежней жизни потому только, что одно явилось послѣ другого —способъ разсужденія весьма дешевый. Погодите, говорятъ намъ, вотъ классическая школа перемѣнитъ все это къ лучшему. Такія обѣщанія весьма удобны для обѣщающихъ, тѣмъ болѣе, что эти благовѣстники могутъ постоянно отдалять срокъ осуществленія своихъ обѣщаній. Такъ, очень много неутѣшительныхъ фактовъ бывало именно въ эти послѣднія семь лѣтъ, когда гимназіи уже преобразовались. Но ревнители считаютъ этотъ срокъ недостаточнымъ. Надо, говорятъ они, чтобы преобразованная школа „свершила весь свой циклъ", и вотъ тогда-то изженутся вся злая и обрящутся вся благая. Но теперь ужъ и этотъ срокъ недалекъ. И вотъ, уже теперь благовѣстники въ частной печати стали сильнѣе налегать на то, что преобразованная школа не находитъ достаточной поддержки въ семьѣ. Итакъ, легко предвидѣть, что въ случаѣ, если бы и по свершеніи новой школою полнаго цикла продолжались тѣ явленія, которыя она будто бы призвана устранить, то ревнители станутъ разсуждать такъ: что можетъ сдѣлать изъ дѣтей новая, хорошая школа, когда родители, отъ которыхъ зависитъ ближайшее попеченіе о нравственности дѣтей, сами воспитались въ старой, зловредной школѣ? Стало быть, и въ этотъ срокъ „свершенія цикла" осуществленіе великихъ обѣщаній окажется необязательнымъ. Исполненіе ихъ отошлютъ къ такому сроку, когда нынѣшніе гимназисты сами сдѣлаются отцами семействъ и проведутъ своихъ дѣтей чрезъ полный курсъ гимназій. Стало быть, спасенія отъ золъ мы принуждены будемъ ждать еще лѣтъ девятнадцать. И если до тѣхъ поръ, то-есть въ теченіи цѣлыхъ 27-ми лѣтъ со времени преобразованія гимназій, не только кассиры будутъ воро-

вать, но и разныя лжеученія распространяться, то во всемъ этомъ надо будетъ по прежнему винить не новую, а старую гимназію, ту, въ которой не было обязательности греческаго языка.

Не нелѣпость ли это? Оставьте вы въ покоѣ и старую и новую школу. Перестаньте отводить глаза и ищите причинъ какихъ-либо фактовъ въ условіяхъ одной съ ними сферы, а не въ педагогикѣ. Вѣроятно и самому министерству народнаго просвѣщенія не особенно пріятны тѣ чрезмѣрныя услуги, которыя хотятъ оказать ему подобные ревнители. Оно, конечно, понимаетъ, что всякое распредѣленіе учебныхъ предметовъ можетъ имѣть только одну цѣль—цѣль учебную, и что возлагать на планъ училищныхъ занятій обезпеченіе внутренней безопасности, достиженіе цѣлей правильно-устроенной полиціи — невозможно. Предсказанія благовѣстниковъ, что новая школа устранитъ всѣ безпорядки, не можетъ быть ему пріятно, такъ какъ эти предсказанія повторяются уже восемь лѣтъ и все еще не осуществляются, а если не осуществятся и по „свершеніи цикла“, то затѣмъ всѣ обвиненія противъ старой школы могутъ, съ равной неосновательностью правда, но въ силу той же логики, обратиться на школу новую. Наконецъ, если кто и ожидалъ исполненія школою такихъ, совершенно постороннихъ цѣлей, тѣ должны будутъ разочароваться; они устанутъ ожидать. Немыслимо, чтобы они въ самомъ дѣлѣ ожидали въ теченіи 27-ми лѣтъ обѣщанныхъ ревнителями и постоянно отсрочиваемыхъ ими результатовъ. Учебное вѣдомство, конечно, понимаетъ не хуже здравомыслящей печати, что цѣлью хорошей школы должна служить сама школа, и что ставить сужденіе о ея достоинствахъ въ зависимость отъ устраненія общественныхъ безпорядковъ—значитъ подвергать ея репутацію риску, для нея самой не безопасному.

Но учебное вѣдомство не имѣетъ обязанностью опровергать такихъ непрошенныхъ и слишкомъ рискованныхъ предсказаній, возглашаемыхъ ревнителями. Это уже есть дѣло добросовѣстной печати. Ей-то и приходится, въ виду подобныхъ извращеній, возражать на продолжающіяся полемическія выходки слишкомъ усердныхъ приверженцевъ классицизма, указывающихъ въ немъ панацею свойства политическаго. Приходится выгораживать и новую школу, и школу старую изъ стихіи политической, которой сродно волненіе, между тѣмъ какъ школа, по истинному своему назначенію, должна стоять внѣ его, не задаваясь политическими цѣлями и не неся на себѣ отвѣтственности за политическія событія.

Въ силу тѣхъ преувеличеній, о которыхъ мы доселѣ говорили и которыя мы отвергаемъ, въ Россіи сдѣлался въ послѣднія восемь лѣтъ однимъ изъ наиболѣе „щекотливыхъ“ предметовъ — предметъ,

признаваемый въ другихъ странахъ однимъ изъ наименѣе возбудительныхъ. Мы говоримъ о ежегодныхъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ относительно результатовъ выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, такъ-называемыхъ „испытаній зрѣлости". Численнымъ результатамъ этихъ экзаменовъ придаютъ значеніе пробы самой постановки учебнаго дѣла въ гимназіяхъ,—уже съ этимъ мы не вполнѣ согласны. Но еще менѣе мы можемъ допустить, будто отъ результатовъ этихъ испытаній зависитъ рѣшеніе вопроса, скоро ли у насъ прекратится всякая возможность общественныхъ безпорядковъ. Если возлагать на школу несвойственное ей политическое призваніе, въ такомъ случаѣ, конечно, вопросъ о выпускныхъ экзаменахъ дѣлается щекотливымъ; малѣйшее замѣчаніе на цифры можетъ быть понимаемо тогда какъ противодѣйствіе той политической миссіи, которую школа будто бы обязана выполнить. Но нами уже достаточно разъяснено, что съ такимъ взглядомъ на назначеніе школы мы безусловно несогласны. Стало быть, сужденія наши „объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 году"—по даннымъ статьи въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія"—замыкаются въ сферѣ чисто-педагогической.

Число изъявляющихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости съ каждымъ годомъ, и почти безперерывно, возрастаетъ, хотя и довольно медленно. Такъ, за 6 лѣтъ число ихъ, въ общей сложности, выражалось крайними цифрами 1,178 чел. (въ 1873 г.) и 1,965 чел. (въ 1878 г.). Возрастаніе этихъ цифръ зависитъ, конечно, отъ умноженія гимназій, и въ разсматриваемой нами статьѣ цифры эти показываются затѣмъ въ связи съ числомъ гимназій, по округамъ. Но вѣдь на возрастаніе этихъ цифръ должно имѣть вліяніе не только умноженіе числа гимназій, а также и увеличеніе числа учениковъ въ каждой изъ нихъ. Такъ, въ гимназіяхъ кіевскаго и казанскаго округовъ оказываются наибольшія цифры оканчивающихъ курсъ, и цифры эти въ 1878 г. сравнительно съ 1873-мъ возрасли въ обоихъ округахъ: въ первомъ съ 19-ти до 20-ти на каждую гимназію; во-второмъ — съ 14-ти до 17-ти. Но вѣдь и общее-то число учащихся возрастало. Сами составители статьи замѣчаютъ, что дѣлать выводы на основаніи одного средняго числа оканчивающихъ курсъ въ каждомъ учебномъ заведеніи было бы опрометчиво; что числа, соотвѣтствующія гимназіямъ кіевскаго и казанскаго округовъ, „указываютъ не столько на успѣхъ преподаванія и рвеніе къ образованію, сколько на переполненіе гимназій означенныхъ округовъ учащимися, вслѣдствіе недостатка суммъ для открытія новыхъ гимназій". Чѣмъ больше общее число учащихся, тѣмъ больше число оканчивающихъ курсъ—это естественно. Но замѣчаніе это справед-

ливо не только въ отношеніи гимназій одного или двухъ округовъ, а также и въ отношеніи совокупности всѣхъ гимназій. Стало быть, и возрастаніе общаго числа подвергавшихся выпускному экзамену во всѣхъ гимназіяхъ въ 6 лѣтъ съ 1,178 чел. до 1,965 чел. указываетъ не столько на успѣхъ преподаванія и рвеніе къ образованію, сколько на умноженіе всего числа учащихся.

Къ сожалѣнію, составители этихъ статей въ оффиціальномъ журналѣ не дѣлаютъ сравненія числа оканчивающихъ курсъ съ общимъ числомъ обучавшихся въ гимназіяхъ. А именно это-то сравненіе и представляло бы наиболѣе интереса. Прибавимъ, что именно здѣсь численныя данныя наиболѣе могли бы быть убѣдительны. Всего интереснѣе было бы, конечно, прослѣдить, какой процентъ изъ общаго числа поступившихъ въ гимназіи доходитъ до выпускныхъ экзаменовъ и успѣшно ихъ выдерживаетъ. Сравненіе этихъ чиселъ могло бы дѣйствительно показать, насколько удовлетворительно положеніе гимназій.

Гораздо менѣе доказательности представляютъ цифры выдержавшихъ экзаменъ во всѣхъ гимназіяхъ, въ каждомъ округѣ и въ каждой гимназіи, когда эти цифры сравниваются по годамъ только по отношенію къ числу явившихся къ испытанію. Приведемъ главныя изъ этихъ цифръ. Въ 1878 году, за устраненіемъ 57 человѣкъ по признанной незрѣлости ихъ или болѣзни, подвергались выпускному экзамену 1908 молодыхъ людей. Въ этомъ числѣ огромное большинство (слишкомъ 86%) представлялось, конечно, учениками правительственныхъ гимназій; ученики частныхъ гимназій составляли процентъ ничтожный, „посторонныя лица" — незначительный (10½%). Изъ всего числа экзаменовавшихся удостоены аттестата или свидѣтельства 1,684 чел., то-есть съ небольшимъ 88 процентовъ числа экзаменовавшихся. Дальнѣйшими сравнительными цифрами показывается, что съ году на годъ число выдержавшихъ экзаменъ сравнительно съ числомъ экзаменовавшихся все возрастало. Размѣръ этого возрастанія довольно любопытенъ, а потому мы приведемъ процентъ успѣха на экзаменахъ за рядъ годовъ 1873—1878. Онъ представляетъ цифры: 65,9%, 70,3, 79,7, 85, 85,4, 88,2% (1878).

Успѣхъ не маловажный: съ 65,9 до 88,2 всего въ пять лѣтъ! Но можно ли видѣть въ этомъ сравненіи доказательство, что подготовка общаго числа экзаменующихся нынѣ выше, чѣмъ въ 1873 году, настолько же, насколько число 88 больше числа 66? Нѣтъ, потому что никакими цифрами нельзя выразить сравнительной требовательности или снисходительности экзаменующихъ, а этотъ элементъ выражается въ приведенныхъ цифрахъ не меньше, чѣмъ самые успѣхи учениковъ. Скажемъ болѣе: именно этотъ-то элементъ и можетъ ви-

доизмѣняться гораздо быстрѣе, чѣмъ степень подготовки учениковъ. Достаточно высшему учебному начальству сдѣлать запросъ любой гимназіи или любому округу, почему результатъ испытаній зрѣлости въ такомъ году въ нихъ оказался особенно неблагопріятнымъ — и можно быть увѣреннымъ, что на слѣдующій годъ, каковы бы ни были дѣйствительные успѣхи учениковъ, числовой результатъ экзаменовъ окажется значительно болѣе благопріятнымъ.

Вотъ почему мы выше замѣтили, что когда численнымъ результатамъ выпускныхъ экзаменовъ придается значеніе пробы самой постановки учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, то мы не можемъ вполнѣ согласиться съ этимъ. На практикѣ дѣло представляется такъ: есть извѣстный общій минимумъ, ниже котораго не можетъ быть число выдерживающихъ выпускной экзаменъ въ гимназіяхъ. Онѣ *должны* были поставить въ совокупности не менѣе 1000 абитуріентовъ въ годъ, такъ какъ это уже составляло бы менѣе 10 чел. на каждую гимназію; изъ этой тысячи абитуріентовъ, допустимъ, три четверти поступали бы въ университеты; но и это по числу университетовъ составляло бы менѣе 100 чел. на первомъ курсѣ въ каждомъ университетѣ — цифра крайне недостаточная. Итакъ, каковы бы дѣйствительные успѣхи ученія въ гимназіяхъ ни были, но необходимость, приличіе требуетъ, чтобы онѣ поставляли не менѣе 1000 чел. абитуріентовъ въ годъ. Но это число и близкія къ нему—еще крайне недостаточны. Значитъ, какъ только въ первые годы введенія новаго плана преподаванія появились цифры выпускныхъ экзаменовъ низшія этого минимума (въ 1873 году—685 чел. въ 1874 г.—918 чел.), то необходимость должна была побудить не только къ рвенію въ преподаваніи, но и къ болѣе снисходительной экзаменовкѣ, которая представляетъ средство еще болѣе вѣрное.

И дѣйствительно, мы увидимъ далѣе, что экзаменовки сдѣлались болѣе снисходительны, то-есть, что онѣ иногда допускаютъ такой уровень развитія, который трудно согласить съ требованіями учебной программы. Но теперь мы укажемъ въ самыхъ оффиціальныхъ цифрахъ поводы къ предположенію, что снисходительность помогаетъ возвышенію сравнительныхъ цифръ экзаменовокъ не менѣе, чѣмъ (вполнѣ допускаемые нами) успѣхи учениковъ. Въ 1874 году, отношеніе числа получившихъ аттестаты и свидѣтельства къ числу экзаменовавшихся составляло всего 70,3%; въ 1876 же году, т.-е. всего черезъ два года, оно составляло уже 85%, т.-е. больше на цѣлыхъ 21% прежняго числа. Если возьмемъ цифры безотносительныя (не процентныя), то окажется, что число удостоенныхъ аттестата и свидѣтельства въ 1876 году было почти *двойное* противъ бывшаго еще въ 1873 году, т.-е. всего три года тому назадъ. Это,—кажется, успѣхи

ужъ слишкомъ быстрые, чтобы они могли относиться къ дѣйствительной подготовкѣ учениковъ и въ нихъ трудно не допускать участія бо́льшей снисходительности, вызванной практической потребностью, такъ какъ à l'impossible nul n'est tenu, и требованія программъ могутъ быть прекрасны, но во всякомъ случаѣ извѣстный минимумъ абитуріентовъ долженъ быть каждый годъ добытъ отъ гимназій.

Повторяемъ, что степень требовательности или снисходительности экзаменующихъ естественно должна являться весьма существеннымъ элементомъ численныхъ результатовъ экзамена. Намъ могутъ возразить, что программы остаются тѣ же, а уровень требованій опредѣленъ ими. Но вѣдь никакими программами нельзя опредѣлить оцѣнку отвѣтовъ и упражненій; при той же программѣ, въ одномъ году за отвѣтъ ученика можетъ быть поставлено ему 3, а въ другомъ году другому ученику за отвѣтъ равнаго достоинства — 4. Тутъ очень многое зависитъ и отъ настроенія экзаменаторовъ и совѣта, а на ихъ настроеніе очень большое вліяніе имѣетъ фактъ: ка́къ взглянули округъ и, въ особенности, министерство на результаты прошлогоднихъ экзаменовъ. Степени строгости или снисходительности невозможно опредѣлить никакимъ динамометромъ. А стало быть, сравнивая численные результаты выпускныхъ экзаменовъ съ году на годъ, нельзя придавать имъ значеніе вѣрной пробы самой постановки учебнаго дѣла въ гимназіяхъ.

Въ доказательство, мы сошлемся еще на два факта. Процентъ успѣшно выдерживающихъ экзамены растетъ не только для учениковъ гимназій, но и для постороннихъ лицъ. На постороннихъ лицахъ не могутъ отражаться успѣхи преподаванія и ученья въ гимназіяхъ. А между тѣмъ въ самомъ отчетѣ находится слѣдующее замѣчаніе, нисколько имъ не объясняемое: „замѣчательно, что число даже постороннихъ лицъ невыдержавшихъ экзамена менѣе значительно въ тѣхъ учебныхъ округахъ, въ которыхъ ученики гимназій успѣшнѣе проходили испытанія". Вотъ этотъ-то фактъ и обнаруживаетъ всю важность вліянія требовательности или снисходительности на сравнительные численные результаты экзаменовъ съ году на годъ. Въ самомъ дѣлѣ, для учениковъ гимназій и постороннихъ, приходящихъ на выпускной экзаменъ, есть только одно общее условіе: уровень требовательности экзаменаторовъ. А если экзамены постороннихъ лицъ даютъ лучшіе результаты именно тамъ, гдѣ оказываются лучшіе результаты экзаменовъ гимназистовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и въ возрастаніи чиселъ, показывающихъ успѣхи этихъ послѣднихъ, должно играть важную роль то самое условіе, которое отражается на лицахъ, въ гимназіяхъ не учившихся, т.-е. бо́льшая

снисходительность, съ какою производились испытанія въ томъ или другомъ округѣ или во всѣхъ округахъ—въ различные годы.

Другой фактъ. Если допускать, какъ то дѣлаютъ составители оффиціальной статьи, что возвышеніе съ каждымъ годомъ процента удовлетворительно выдерживающихъ испытанія есть явленіе, равнозначущее съ постояннымъ улучшеніемъ въ ихъ познаніяхъ, то-есть съ дѣйствительнымъ успѣхомъ самаго преподаванія и ученья, то на этомъ основаніи пришлось бы признать, что учебное дѣло лучше поставлено въ нѣмецкихъ церковныхъ училищахъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ наилучшихъ изъ правительственныхъ гимназій. Оказывается, что изъ всего числа подвергавшихся испытаніямъ удостоены аттестата или свидѣтельства 88,2 процента. Въ отдѣльности для учениковъ правительственныхъ гимназій процентъ благопріятнѣе: онъ составляетъ 91,9; для учениковъ гимназій частныхъ онъ еще благопріятнѣе: 95,6. Но сравнительная высота этой послѣдней цифры можетъ быть еще объяснена тѣмъ, что изъ частныхъ гимназій являются къ „испытаніямъ зрѣлости“ въ гимназіяхъ правительственныхъ тѣ молодые люди, которые уже выдержали экзаменъ по той же программѣ въ своихъ училищахъ. Но какъ объяснить такой фактъ, что для учениковъ нѣмецкихъ церковныхъ школъ отношеніе успѣха выражается цифрою 100 на 100? Отчетъ замѣчаетъ, что „въ числѣ учениковъ церковныхъ (нѣмецкихъ) училищъ *не было* въ 1878 году невыдержавшихъ испытанія“, и ничѣмъ не объясняетъ такого явленія. Между тѣмъ, объяснить его можно только двоякимъ способомъ. Ученики нѣмецкихъ школъ подвергаются окончательному экзамену не въ правительственныхъ гимназіяхъ, а въ своихъ же школахъ. Если сравнительная высота процента выдерживающихъ испытаніе прямо означаетъ степень ихъ познаній, въ такомъ случаѣ необходимо признать, что въ нѣмецкихъ церковныхъ школахъ преподаваніе и ученье идутъ гораздо лучше, чѣмъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, такъ какъ въ первыхъ *всѣ* безъ исключенія экзаменующіеся выдерживаютъ испытаніе. Иначе, въ этомъ явленіи слѣдуетъ видѣть вліяніе сравнительной снисходительности экзаменаторовъ церковныхъ школъ для ихъ учениковъ. Но, въ такомъ случаѣ, невозможно уже въ возрастаніи общей цифры выдерживающихъ испытанія съ году на годъ видѣть безусловно успѣхъ самой постановки учебнаго дѣла. На то же самое, какъ уже замѣчено выше, намекаетъ и возрастаніе успѣха экзамена лицъ постороннихъ; еще въ 1877 г., около трети ихъ—не выдержали экзамена по каждому изъ главныхъ предметовъ преподаванія; въ 1878 же году,—всего около четверти. Здѣсь въ численномъ результатѣ, вѣроятно, отражаются также не столько дѣйствительные успѣхи знанія, сколько тѣ мѣры, которыя,

по отзыву статьи, приняты были министерствомъ „для облегченія учащимся этого разряда успѣшнаго прохожденія испытаній зрѣлости“.

Нельзя не поблагодарить составителей статей „объ испытаніяхъ зрѣлости“ въ оффиціальномъ органѣ за то, что они не ограничиваются сообщеніемъ численныхъ результатовъ, которыхъ доказательность, какъ мы видѣли выше, нельзя признать безусловно. Составители, для удостовѣренія дѣйствительности численныхъ показаній, приводятъ еще многочисленные отзывы университетскихъ профессоровъ и другихъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ, которымъ поручено было разсматривать письменныя работы учениковъ, исполненныя на испытаніяхъ зрѣлости, или присутствованіе на экзаменахъ устныхъ.

Мы не имѣемъ здѣсь мѣста, чтобы сдѣлать обзоръ отзывовъ этихъ лицъ и можемъ остановиться только на нѣкоторыхъ изъ указываемыхъ ими деталей. Характеризовать же сущность этихъ отзывовъ нѣсколькими словами мы не рѣшаемся, опасаясь, чтобы нашу характеристику не нашли слишкомъ холодною. А потому мы приведемъ собственныя слова разбираемой статьи, въ которыхъ содержится общій выводъ изъ отзывовъ по преподаванію древнихъ языковъ, то-есть преобладающаго въ гимназіяхъ предмета. „Въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ нами изъ отчетовъ лицъ, пересматривавшихъ письменныя работы учениковъ“,—говорятъ составители статьи,—„приведены, подлинными словами почтенныхъ рецензентовъ, выраженія, иногда довольно рѣзкія, порицанія; они свидѣтельствуютъ, что означенныя лица нисколько не стѣснялись высказывать откровенно свое мнѣніе, замѣчая какой-либо недостатокъ въ работахъ, и даже выражать свое негодованіе при зрѣлищѣ отсталости въ иномъ учебномъ заведеніи отъ общаго и быстраго прогресса въ остальныхъ. Независимо отъ существованія этихъ темныхъ пятенъ въ сферѣ училищной практики, нельзя не согласиться, что общая картина успѣховъ по древнимъ языкамъ въ высшей степени благопріятна и утѣшительна. Въ большинствѣ учебныхъ округовъ и въ большинствѣ учебныхъ заведеній, судя по отзывамъ рецензентовъ, преподаваніе древнихъ языковъ поставлено совершенно нормально. Слѣдуетъ имѣть при этомъ въ виду особое значеніе письменныхъ работъ, требуемыхъ на испытаніяхъ. Введенію на испытаніяхъ зрѣлости письменныхъ переводовъ, несомнѣнно, должно приписать весьма важное вліяніе на быстрое возвышеніе уровня преподаванія и уровня знаній по древнимъ языкамъ. Ученикъ, который въ состояніи составить даже посредственный переводъ съ русскаго языка на одинъ изъ древнихъ, очевидно, обладаетъ достаточнымъ лексическимъ запасомъ и зна-

ніемъ правилъ языка, чтобы впослѣдствіи, продолжая свое образованіе, безъ особаго затрудненія читать на этихъ языкахъ авторовъ... Такой ученикъ, конечно, изъ гимназическаго уже курса выноситъ довольно обстоятельное знакомство съ лучшими классическими писателями древности, которыхъ вліяніе считается столь важнымъ и великимъ для всякаго умственнаго развитія и въ особенности (?) для развитія правильнаго *научнаго* мышленія. Словомъ, *такой* молодой человѣкъ обладаетъ тѣми качествами и познаніями, которыя ему будутъ полезны въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при изученіи всякаго предмета, какой бы спеціальности онъ себя ни посвятилъ". Напомнимъ теперь, *какой* же это молодой человѣкъ: это тотъ, кто былъ въ состояніи составить на экзаменѣ посредственный переводъ съ русскаго языка на одинъ изъ древнихъ!

Неужели выписанное нами нарочно разсужденіе выражаетъ взглядъ самого учебнаго начальства? Оно написано какъ-бы человѣкомъ, который самъ никогда и не занимался изученіемъ древнихъ языковъ. На практикѣ нѣтъ ничего легче, какъ найти такихъ учениковъ, которые выберутъ изъ памяти греческія или латинскія слова, приблизительно подходящія къ словамъ русскаго текста, съумѣютъ связать ихъ этимологически и синтаксически не только посредственно, но совершенно правильно, и все-таки затруднятся перевесть à livre ouvert не только Цицерона, но самого Цезаря, а передъ Виргиліемъ рѣшительно станутъ въ тупикъ, если только имъ попадутся не тѣ страницы, которыя они уже переводили во время курса, съ лексикономъ и нѣкоторыми иными пособіями въ рукахъ. Авторъ приведеннаго разсужденія написалъ его, какъ будто основываясь на своемъ личномъ опытѣ изученія французскаго или нѣмецкаго языковъ. Въ нихъ, дѣйствительно, умѣнье правильно перевесть отрывокъ изъ сборника русскихъ тэмъ обезпечиваетъ пониманіе ученикомъ иностранныхъ авторовъ. Но даже для одного изъ живыхъ языковъ—языка итальянскаго—это не вполнѣ оправдывается. Ученикъ можетъ знать достаточно итальянскихъ словъ, чтобы правильно, хотя и съ руссицизмами, передать отрывокъ въ родѣ анекдота изъ жизни Фридриха-Великаго. Но дайте ему перевесть на русскій языкъ любую страницу Дантова „Рая", и онъ изъ трехъ терцетовъ переведетъ одинъ, да и въ томъ не уловитъ связи стиховъ. Въ древнихъ же литературахъ (для кого это приходится объяснять!)—что авторъ, то языкъ, и ученикъ, который правильно разставилъ извѣстныя ему слова, приблизительно соотвѣтствующія русскимъ словамъ въ анекдотѣ изъ жизни Фридриха-Великаго, придетъ въ замѣшательство, если передъ нимъ раскрыть незнакомую ему изъ классныхъ занятій страницу сколько-

нибудь болѣе труднаго изъ древнихъ писателей, особенно поэтовъ, конечно.

Изъ этого видно, въ какой мѣрѣ основательно ожиданіе, что составитель посредственнаго перевода русскаго отрывка на древній языкъ, на экзаменѣ, будетъ въ состояніи „впослѣдствіи, продолжая свое образованіе (т.-е. по выходѣ изъ гимназіи), безъ особаго затрудненія читать на этихъ языкахъ авторовъ“. Но это не все. Спрашивается еще, что́ общаго имѣетъ умѣнье составить посредственный переводъ на экзаменѣ съ „довольно обстоятельнымъ знакомствомъ съ лучшими классическими писателями древности“, притомъ такимъ именно знакомствомъ, при которомъ они оказывали бы на его умъ вліяніе „столь важное и великое для всякаго умственнаго развитія и въ особенности (?) для развитія *научнаго* мышленія?“ Вѣдь для этого надо, во-первыхъ, умѣть свободно читать тѣхъ авторовъ; во-вторыхъ, дѣйствительно *прочесть* важнѣйшія произведенія классическихъ литературъ, не въ видѣ классныхъ переводовъ, съ лексиконами и „шпикерами“ (въ нѣмецкихъ училищахъ), но такъ, какъ мы читаемъ произведенія новыхъ писателей. И нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто прочелъ бы въ переводѣ на одномъ изъ живыхъ языковъ всѣхъ главныхъ авторовъ классической древности, испыталъ бы бо́льшее ихъ на себѣ вліяніе, чѣмъ тотъ, кто лично перевелъ нѣсколько сотъ стиховъ Гомера и Виргилія и пріобрѣлъ лексическій запасъ, достаточный для того, чтобы сдѣланный имъ на экзаменѣ латинскій переводъ анекдота изъ жизни Фридриха-Великаго не былъ хуже посредственности. Не говоримъ уже о томъ, что умѣнье сдѣлать этотъ переводъ не принесетъ особенной пользы при изученіи всякаго предмета (напр., химіи?). Самое чтеніе трудныхъ классиковъ, особенно поэтовъ, у которыхъ широкій просторъ въ построеніи рѣчи и обиліе иносказаній держатъ умъ ученика въ вѣчномъ предположеніи чего-то произвольнаго, въ постоянной готовности допустить исключеніе изъ общихъ правилъ, — всего менѣе можетъ развить въ ученикѣ именно правильное *научное* мышленіе.

Напрасно впадать въ такія преувеличенія и ждать отъ какой-либо одной дисциплины *всего*, а въ особенности того, что́ ей наименѣе свойственно. Отъ изученія древнихъ языковъ, если оно ведется въ самомъ дѣлѣ основательно, должно ожидать способности свободно читать всѣхъ авторовъ; но едва ли даже это можетъ быть достигнуто для большинства въ предѣлахъ гимназическаго курса. Затѣмъ, для усвоенія себѣ классическихъ литературъ и пріобрѣтенія тѣхъ выгодъ, какія такое знаніе, дѣйствительно, можетъ дать уму, необходимо въ дѣйствительности *прочесть* всѣхъ главнѣйшихъ авторовъ, а не только ознакомиться съ ними по отрывкамъ, разрабо-

тываемымъ при помощи лексикона. Это второе требованіе уже положительно неисполнимо для большинства въ стѣнахъ гимназіи. Наконецъ, по выполненіи обоихъ указанныхъ условій, получается дѣйствительное вліяніе классическихъ литературъ на умъ ученика. Но вліяніе это выказывается только въ развитіи вкуса, въ возбужденіи воображенія, въ пониманіи древней исторіи, и въ основательной подготовкѣ спеціально къ филологическимъ занятіямъ, конечно. Но всего менѣе, вліяніе это можетъ сказываться въ развитіи правильнаго *научнаго* мышленія. Утверждать это — было бы столь же странно, какъ утверждать, что изученіе математики можетъ развивать вкусъ. Научное мышленіе съ его условіями: умѣньемъ анализировать, испытывать достовѣрность, логически выводить послѣдствія и провѣрять ихъ опытомъ—развивается такими упражненіями, въ которыхъ нѣтъ мѣста фантазіи, капризу и произволу.

Но всегда ли соотвѣтствуютъ знанія нашихъ абитуріентовъ и тѣмъ условіямъ, при которыхъ изученіе древнихъ языковъ можетъ произвесть тѣ все-таки немаловажные плоды для умственнаго развитія, которое этимъ путемъ дѣйствительно достижимо? Нѣкоторые отзывы даже тѣхъ рецензентовъ, которые были избраны учебнымъ начальствомъ, наводятъ на раздумье. Такъ напр., профессоръ Ивановъ находитъ, что изученіе древнихъ языковъ значительно двинулось впередъ въ сравненіи съ 1876 годомъ, въ гимназіяхъ московскаго округа. Но за то въ 1876 году, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ округа „работы были переполнены погрѣшностями, ошибки противъ этимологіи (!) и синтаксиса насчитывались десятками". Теперь дѣло значительно измѣнилось къ лучшему: „въ латинскихъ переводахъ синтаксическихъ погрѣшностей немного, этимологическія ошибки встрѣчаются изрѣдка". И вѣдь это говорится о работахъ, сдѣланныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, то-есть такими учениками, которые по учебной программѣ должны были читать труднѣйшія сочиненія Цицерона и поэтовъ. Спрашивается, какое образовательное вліяніе можетъ произвесть классическая древность на людей, путающихъ падежи или наклоненія?

Работами абитуріентовъ по русскому языку, въ гимназіяхъ того же округа, профессоръ Буслаевъ остался вообще доволенъ, однако, находилъ въ нихъ довольно много такихъ ошибокъ, какъ напр., согласованіе: „Анны Іоанновной", выраженіе: „кондрибуція". А между тѣмъ этимъ абитуріентамъ задавались для сочиненій такія тэмы, какъ, напр., „Войны Россіи съ Турціею, ихъ значеніе и послѣдствія"—тэма, которую самъ рецензентъ признаетъ не вполнѣ удобною. Въ „рецензіяхъ" на работы абитуріентовъ замѣчаются еще и столь свойственные нашему учащему и нашему учащемуся міру, особые, пожа-

луй, даже національные недостатки: склонность къ излишней самоувѣренности со стороны послѣднихъ и склонность къ „обрыванію“ со стороны первыхъ. Едва-ли, напр., во французскомъ лицеѣ или нѣмецкой гимназіи ученикъ въ экзаменномъ сочиненіи рѣшился бы отнестись съ пренебреженіемъ къ писателю, считающемуся образцовымъ, какъ у насъ, напр., ученикъ пишетъ о сказкахъ Жуковскаго, что онѣ—„бредни“. Но едва-ли также иностранный педагогъ сталъ бы дѣлать на экзаменаціонныхъ работахъ замѣчанія, имѣющія быть „ядовитыми“, но въ дѣйствительности глупыя, въ родѣ слѣдующихъ: „авторъ противорѣчитъ и своей доморощенной (?) философіи, и исторіи, и здравому смыслу“ (послѣдній фактъ не дѣлаетъ ли излишнимъ открытіе двухъ первыхъ?); „разрѣшеніе физіологическихъ проблеммъ едва ли по плечу екатеринбургскому Фохту и Молешотту“. (Положимъ, ученикъ—екатеринбургскій, но вѣдь и педагогъ — екатеринбургскій же). Побольше гуманности, побольше мягкости, господа! Тогда и съ другой стороны вы встрѣтите меньше той самонадѣянности и той рѣзкости, на которыя вы жалуетесь.

Въ заключеніе скажемъ только одно: желательно, чтобы въ учебныхъ программахъ не было ничего болѣе того, что́ можетъ быть достигнуто большинствомъ въ дѣйствительности и чтобы, затѣмъ, то, что программами требуется, и исполнялось въ самомъ дѣлѣ. Тогда въ переводахъ молодыхъ людей, читающихъ Платона и Виргилія и способныхъ испытать на себѣ „великое вліяніе“ писателей древности на умственное развитіе, не могло бы встрѣчаться этимологическихъ ошибокъ.

От средняго образованія мы перейдемъ къ вопросу научному, который представляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, важнымъ вопросомъ коммерческимъ и государственнымъ: это — вопросъ о поворотѣ Аму-Дарьи, нынѣ текущей въ Аральское море, въ старое русло ея — Узбой, которымъ она, по всей вѣроятности, прежде изливалась въ море Каспійское. Въ рѣшеніи этого вопроса принимаютъ участіе не только современныя научныя изысканія, но и показанія классическихъ писателей: Геродота, Страбона, Плинія, также средневѣковыхъ восточныхъ и европейскихъ писателей, — а, наконецъ, и собранныя на мѣстѣ народныя преданія. Общій результатъ, какой можно вывесть изъ историческихъ свидѣтельствъ по этому предмету, таковъ, что въ древніе и средніе вѣка рѣка Аму служила путемъ для торговли Европы съ Индіей и Китаемъ.

Теперь Россія владѣетъ бо́льшей частью Средней-Азіи, но Туркестанъ достался ей не въ томъ цвѣтущемъ состояніи, о которомъ свидѣтельствуютъ древніе и средневѣковые разсказы, а въ состоя-

ніи упадка. Между тѣмъ эта обширная страна имѣетъ огромныя естественныя богатства и могла бы быть возрождена расширеніемъ оросительной сѣти, а съ нею и культурныхъ оазисовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе того края съ европейской Россіей путями водянымъ и желѣзнымъ обезпечило бы возможность выгодной разработки его рудъ и залежей, а также могло бы направить черезъ Россію хоть часть той громадной торговли, которая представляется обмѣномъ Европы, Индіи и Китая ихъ произведеніями. Въ этихъ предположеніяхъ особенно видное мѣсто занимаетъ мысль о поворотѣ рѣки Аму прежнимъ ея русломъ къ Каспію и къ созданію такимъ образомъ прямого воднаго пути отъ Балтійскаго моря въ Среднюю-Азію и даже до индійскаго Кавказа.

Для изученія этихъ будущихъ путей на мѣстѣ образовалось особое общество, которое и предприняло слѣдующія работы: изслѣдованіе лучшаго направленія средне-азіатской дороги, древняго русла рѣки Аму (Узбоя) и возможности ея поворота къ Каспію, — наконецъ, опредѣленіе значенія средне-азіатской дороги и рѣки Аму въ отношеніяхъ промышленномъ, торговомъ, военномъ и международномъ. Мы въ Россіи такъ мало привыкли къ частному почину въ изслѣдованіи и рѣшеніи важныхъ національныхъ вопросовъ, что должны съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчать труды такого рода. Года два тому назадъ, намъ случилось прочесть замѣчательное изложеніе развѣдокъ и предположеній по вопросу о направленіи средне-азіатской дороги, напечатанное, если не ошибаемся, въ Оренбургѣ. Теперь мы воспользуемся изданной въ Самарѣ брошюрой: „Аму и Узбой", чтобы бросить взглядъ на вопросъ о созданіи прямого воднаго пути, которымъ товары изъ Нижняго могли бы доставляться въ глубь Средней-Азіи. Но прежде всего мы должны сказать нѣсколько словъ о качествахъ самой этой брошюры. Несмотря на свою краткость, обусловленную чисто-фактическимъ изложеніемъ сдѣланныхъ изслѣдованій, она заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ историческихъ и географическихъ справокъ, а также научныхъ данныхъ, добытыхъ новѣйшими изысканіями. Такое обиліе свѣдѣній, начиная отъ полнаго, хотя кратко изложеннаго обзора древней, средневѣковой и новой литературы по вопросу о естественномъ руслѣ Аму-Дарьи и кончая оффиціальными и частными свѣдѣніями о направленіи водъ рѣки въ 1878 году — свидѣтельствуетъ прежде всего о глубокомъ интересѣ, внушаемомъ автору той мыслью, которою онъ занялся; только искренняя любовь къ предмету можетъ завлекать къ столь всестороннему его изученію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое расположеніе свѣдѣній и забота о доказательности приводимаго мнѣ-

нія въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ, показываютъ въ авторѣ и дѣловитость, и несомнѣнную талантливость.

Обратимся теперь къ краткому изложенію самаго вопроса, на основаніи данныхъ брошюры. Изъ показаній древнихъ писателей наиболѣе важно сообщеніе Страбона, разсказывающаго со словъ Аристовула, который сопутствовалъ Александру-Македонскому при переправѣ черезъ Оксъ (Аму-Дарью) вблизи Бактріи, что „Оксъ очень удобенъ для плаванія судовъ", и что „индійскіе товары сплавляются по этой рѣкѣ въ море Гирканское и чрезъ сосѣднія области, по рѣкамъ, доставляются къ Эвксинскому Понту". Направленію торговли Востока съ Западомъ чрезъ Среднюю-Азію и были въ значительной степени обязаны своимъ процвѣтаніемъ древнее греко-бактрійское царство, греческія колоніи на берегахъ Чернаго моря и самъ Царьградъ. Во времена могущества арабовъ на Левантѣ, торговля Азіи съ Европой, продолжаясь чрезъ Среднюю-Азію, шла чрезъ Россію къ морямъ Черному и Балтійскому и создала богатство и могущество Великаго-Новгорода. Арабскіе писатели IX-го и X-го вѣковъ повѣствуютъ, что русскіе купцы возили мѣха по Волгѣ и Каспію, чрезъ Среднюю-Азію, къ предѣламъ Индіи и Китая, а хивинскіе товары направлялись по Волгѣ къ балтійскимъ берегамъ. Позднѣе, при концѣ среднихъ вѣковъ, роль главнаго посредствующаго пункта въ торговлѣ Европы съ Китаемъ и Индіею черезъ Россію принадлежала Астрахани, что создало процвѣтаніе черноморскихъ колоній Генуи. Но это направленіе торговли прекратилось послѣ разоренія Астрахани Тамерланомъ (1345) и завоеванія турками Константинополя и Каффы, въ XV-мъ столѣтіи. Вслѣдъ затѣмъ, открытіе морского пути въ Индію, въ томъ же вѣкѣ, произвело то, что среднеазіатскій торговый путь былъ окончательно оставленъ.

Но мысль о возстановленіи его сказывалась, въ томъ же и слѣдующемъ столѣтіяхъ, въ предложеніяхъ итальянскихъ купцовъ о развѣданіи пути по Волгѣ, Каспію и Оксу. Мысль эта не забывалась Иваномъ-Грознымъ и Годуновымъ. Она была одной изъ любимыхъ мыслей Петра-Великаго, который и отправилъ экспедицію кн. Черкасскаго „для пріискиванія устья Дарьи рѣки". Въ наказѣ, данномъ Черкасскому, было между прочимъ сказано: „надлежитъ надъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на 1,000... Ежели возможно оную воду паки обратить въ старый токъ, къ тому же протчія устья заперетъ, которыя идутъ въ Аральское море". При этомъ Петръ предписывалъ еще „отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобы изъѣхалъ ее пока суды могутъ идти и оттоль бы ѣхалъ въ Индію... Господамъ сенату съ лутчею ревностію сіе дѣло, какъ наискоряя отправить, понеже зѣло

нужно". Въ инструкціи же избранному для того морскому офицеру Кожину сказано: „ѣхать ему водою Аму-Дарьею рѣкою сколько возможно до Индіи, подъ образомъ купчины, а настоящее дѣло—дабы до Индіи путь водяной сыскать". Извѣстно, что во вторую экспедицію кн. Черкасскаго отрядъ его погибъ въ Хивѣ, въ 1717 г.; одинъ изъ уцѣлѣвшихъ его сподвижниковъ, туркменъ Ходжа-Нефесъ, привезъ свѣдѣніе, что въ Хивѣ, дѣйствительно, оказалось старое русло, которымъ Аму-Дарья прежде изливалась въ Каспійское море, и что отклоненіе ея въ Аральское море произведено въ давнее время хивинцами, посредствомъ плотины версты съ двѣ длиною, и что плотину эту можно разрыть. Но мысль эта не оставляла Петра, и въ слѣдующіе два года онъ поручалъ развѣдку воднаго пути въ Индію другимъ лицамъ, между прочимъ—Артемію Волынскому, отправленному посломъ въ Персію. Отъ двоихъ изъ этихъ лицъ онъ получилъ донесеніе, что рѣка Аму прежде текла въ Каспій, но протокъ этотъ запруженъ. Въ брошюрѣ приведенъ еще любопытный отзывъ Волынскаго о замыслахъ Петра, заимствованный изъ письма Волынскаго 1731 года: „по замысламъ царскаго величества, не до одной Персіи (которую Петръ намѣревался покорить) было ему дѣло. Если бы посчастливилось намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Индіи, а имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до китайскаго государства, что́ я сподобился отъ его величества самъ слышать".

Сдѣлавъ обзоръ показаній древнихъ греческихъ и римскихъ, восточныхъ писателей, и старинныхъ европейскихъ путешественниковъ и географовъ, и народныхъ преданій, авторъ поставилъ осторожный, вполнѣ обоснованный имъ выводъ, въ видѣ „вѣроятнаго предположенія, что эта рѣка (Аму), впадая попеременно, то въ Каспій, то въ Аралъ, неоднократно мѣняла свое направленіе исключительно по волѣ человѣка". Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ русскими путешественниками, оказывалось, что Аму неоднократно прорывала плотины и текла въ Узбой, по направленію къ Каспію. Впрочемъ, западными и русскими путешественниками новѣйшихъ временъ высказывались также гипотезы о возможности естественнаго поворота Аму къ Аралу, вслѣдствіе вулканическаго явленія — поднятія уровня почвы въ туркменскихъ степяхъ или вслѣдствіе увеличенія расхода воды рѣки на орошеніе, такъ что рѣка, истощась, сократила свое теченіе, на около тысячи верстъ. Замѣтимъ, мимоходомъ, что Сенковскій, писавшій объ этомъ вопросѣ въ 1835 году, называлъ баснею древнее теченіе Оксуса въ Каспійское море. Что касается русскаго правительства, то со временъ Петра Великаго созданіе воднаго пути въ Среднюю Азію не было предметомъ оффиціальныхъ работъ. Но воз-

можность такого поворота и важность его послѣдствій признавалась многими русскими и иностранными учеными. Извѣстный оріенталистъ, сэръ Генри Роулинсонъ, въ рѣчи, произнесенной въ англійскомъ географическомъ обществѣ, высказалъ убѣжденіе, что со временемъ, соединенныя воды Сыра и Аму проложатъ себѣ путь по ихъ старымъ русламъ къ Каспію и, такимъ образомъ, волжскій путь продолжится въ глубь Азіи на три тысячи верстъ. Сэръ Г. Роулинсонъ высказалъ даже предположеніе (I consider highly probable), что „многіе изъ присутствующихъ въ настоящемъ собраніи доживутъ до установленія прямого пути водою отъ Балтики до сосѣдства съ индійскимъ Кавказомъ“.

Въ 1878 году совершился новый естественный прорывъ водъ Аму въ Узбой. Начальникъ Закаспійскаго края Ломакинъ, сообщая объ этомъ фактѣ, еще разъ указалъ на важность и возможность поворота Аму безъ большихъ затратъ и безъ всякаго ущерба для хивинскаго оазиса, причемъ совѣтовалъ немедленно принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго загражденія прорывовъ хивинцами. Воды Аму дошли по Узбою до половины пути между Аму и Каспійскимъ моремъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, хивинскій ханъ писалъ генералу Ломакину, что, вслѣдствіе неслыханной прибыли воды въ Аму, произошли прорывы у Ходжейли, Кипчака и Ургенча. Вода послѣднихъ двухъ прорывовъ бросилась по арыкамъ ханства, разрушила плотины и, слившись у Куня Ургенча, потекла въ Узбой. Но съ убылью воды въ Аму теченіе по Узбою ослабѣло. „Приняты дѣятельныя мѣры“, писалъ ханъ, „къ исправленію плотинъ, для задержанія воды“. По свѣдѣніямъ, собраннымъ русскимъ инженеромъ Гельманомъ, вода Аму доходила до озеръ Сары-Камыша, которыя наполнила; ширина протока была до 20 саженъ, средняя глубина $^3/_4$ сажени, скорость теченія около $2^1/_2$ футъ въ секунду, такая же, какъ въ хивинскихъ арыкахъ. Во время изслѣдованій г. Гельмана главный прорывъ воды былъ уже окончательно запруженъ хивинцами.

Насколько можно заключить изъ самыхъ достовѣрныхъ разспросовъ о причинахъ, побуждавшихъ хивинцевъ заботливо преграждать теченіе части водъ рѣки Аму по Узбою, главнымъ поводомъ къ тому для хивинцевъ служило опасеніе набѣговъ туркменъ. Такъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда воды Аму прорвались въ старое русло, туркмены воспользовались ими для орошенія, а вслѣдъ затѣмъ стали дѣлать набѣги на Хиву и убили трехъ хановъ. Вслѣдствіе устроенныхъ плотинъ старое русло съ той поры окончательно обезводило, большая часть воды направилась въ западные рукава аму-дарьинской дельты и, кромѣ того, образовала Айбугирскій заливъ. Въ 1859 году

въ эти рукава входили русскіе пароходы. Но хивинцы, чтобы преградить русскимъ судамъ доступъ въ свои воды, построили въ тѣхъ рукавахъ рядъ плотинъ. Вслѣдствіе того, образовался обширный разливъ и главная струя водъ Аму-Дарьи обратилась въ восточный рукавъ дельты. „Такія послѣдствія работъ, произведенныхъ туземцами", справедливо замѣчаетъ авторъ, „особенно замѣчательны тѣмъ, что выясняютъ, какое сильное вліяніе оказываетъ въ Средней Азіи на природныя условія вмѣшательство человѣка". Естественно, что поэтому всѣ жители Турана убѣждены въ возможности и даже легкости возстановить прежнее теченіе Аму-Дарьи.

Въ заключеніе, приведемъ изъ брошюры важнѣйшія практическія указанія на естественныя условія, удостовѣряющія возможность предполагаемаго поворота. Старое, сухое русло рѣки Аму—Узбой—имѣетъ протяженіе болѣе тысячи верстъ до Балханскаго залива Каспійскаго моря, гдѣ видна дельта высохшей рѣки. Ширина русла отъ 100 саженъ до 3 верстъ. Высота береговъ (глубина прежней рѣки) мѣстами достигаетъ 30 саженъ, мѣстами же русло какъ-бы разрушено, занесено пескомъ и сливается съ окружающей равниной. Прѣсноводныя раковины въ почвѣ Узбоя, развалины городовъ и крѣпостей, слѣды оросительныхъ канавъ, монеты, находимыя въ почвѣ, явно напоминаютъ о существованіи здѣсь нѣкогда могучей судоходной рѣки.

Уровень Аральскаго моря выше уровня моря Каспійскаго на 243 фута, и узелъ нынѣшней дельты Аму, вблизи Ходжейли, возвышается надъ уровнемъ Арала на 60 футовъ, стало-быть выше уровня Каспія болѣе чѣмъ на 300 футовъ. При такой разности высоты и длинѣ Узбоя въ 1,000 верстъ, паденіе его къ Каспію, если нѣтъ обратныхъ склоновъ, вполнѣ достаточно для теченія рѣки. Паденіе въ низовьяхъ Амазонки значительно меньше. Начало стараго русла, т.-е. одинъ изъ пунктовъ, откуда вливались въ него прежде воды Аму, вблизи Куня Ургенча, ниже уровня Арала на 9 футъ. Эти условія и объясняютъ склонность рѣки къ прорывамъ въ старое русло, по направленію къ Каспію. Вычисленія количества воды, нужной на орошеніе хивинскаго оазиса, показываютъ, что $^7/_8$ общаго годового расхода воды Аму-Дарьи могли бы быть направлены къ Каспію безъ всякаго ущерба для существующихъ оазисовъ, но, конечно, — въ ущербъ Аралу. Судоходность Аму вполнѣ доказана, и по мнѣнію начальника туркестанскаго края, генерала фонъ-Кауфмана, пароходное сообщеніе по Аму не будетъ встрѣчать бо́льшихъ затрудненій, чѣмъ пароходство по Волгѣ.

Великое дѣло, намѣченное еще геніемъ Петра, стало исполнимымъ съ тѣхъ поръ, какъ русская власть утвердилась въ сердцѣ Средней Азіи. Слишкомъ очевидно, что пока нѣтъ удобныхъ сооб-

щеній съ нею, пока нѣтъ такихъ венъ, которыми промышленность России и ея отдаленныхъ владѣній соединялась бы въ оживленную и крѣпкую систему, владѣнія эти останутся болѣе отдаленными и отчужденными отъ нея, какъ если бы они находились за океаномъ. Лишенныя быстраго притока силъ, возбуждающихъ разработку мѣстныхъ богатствъ, они не могутъ воспрянуть къ новой жизни, глохнутъ въ прежнемъ запустѣніи и только лежатъ бременемъ на русскомъ государственномъ бюджетѣ. Постройка средне-азіятской желѣзной дороги и возстановленіе великаго древняго воднаго пути отъ Каспія къ Хивѣ, Бухарѣ и до хребтовъ, окаймляющихъ сѣверъ Афганистана — вотъ единственныя вѣрныя средства сдѣлать наши новѣйшія пріобрѣтенія выгодными для Россіи, и, обезпечивъ быструю перевозку войскъ, удвоить наше могущество въ Азіи. Мы можемъ только радоваться, что нашлись мыслящіе люди, которые, безъ всякаго оффиціальнаго побужденія, увлеклись благороднымъ порывомъ служить такому дѣлу, которое манитъ своимъ историческимъ величіемъ и обѣщаніями пользы и славы для родины.

Но само собою разумѣется, что забота о промышленномъ оживленіи далекихъ окраинъ не должна исключать стараній къ поднятію экономическихъ силъ въ самомъ центрѣ Россіи. Намъ не разъ случалось напоминать, что весьма важна была бы государственная иниціатива къ развитію среди земледѣльческаго населенія мѣстныхъ мануфактурныхъ промысловъ, то-есть къ пріобрѣтенію посторонних земледѣлію заработковъ, не бросая хозяйства, не уходя отъ него иногда за сотни верстъ, съ издержками, которыя поглощаютъ большую часть заработаннаго. Естественныя условія въ бо̀льшей части Россіи таковы, что земледѣліе даетъ работу только на нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Въ вышедшемъ недавно первомъ выпускѣ трудовъ коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, находятся свѣдѣнія о нѣкоторыхъ подготовительныхъ ея работахъ и о мѣрахъ для производства изслѣдованій о кустарной промышленности. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что мѣстныя изслѣдованія производятся въ нѣсколькихъ губерніяхъ при содѣйствіи земствъ. Дѣло достойно всякаго сочувствія и надо только желать, чтобы предварительныя работы, которыя заключаются собственно въ описаніи существующихъ кустарныхъ промысловъ (что̀ вовсе не требуетъ долгаго времени) не слишкомъ затягивались.

Но въ томъ же выпускѣ приведено весьма любопытное сообщеніе секретаря московскаго статистическаго комитета Саблина „о нуждахъ мелкой промышленности". Мнѣніе его главнымъ образомъ сводится на „улучшеніе положенія мелкой промышленности (облегченіемъ

кредита, распространеніемъ техническаго образованія) и содѣйствіе этой послѣдней къ переходу въ крупную форму, *причемъ мелкіе производители не переставали бы быть собственниками извѣстной части промышленнаго предпріятія*". Понятно, какъ важно было бы для достиженія этой именно цѣли участіе такого могучаго и притомъ безкорыстнаго фактора, которымъ можетъ явиться въ данномъ случаѣ только содѣйствіе правительства.

Всегда сочувствовавъ осуществленію мысли именно въ томъ опредѣленіи, какое даетъ ей г. Саблинъ, мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи привесть указанный имъ примѣръ, въ которомъ правительственное содѣйствіе дѣйствительно и явилось въ этой формѣ. „Принявъ на себя заботу улучшить положеніе мелкихъ промышленниковъ Павловскаго округа (села Павлова и до 80 селеній горбатовскаго уѣзда, нижегородской губерніи), ничтожность заработной платы которыхъ возбуждала въ иностранцахъ сомнѣніе въ вѣроятности, министерство финансовъ начало свою дѣятельность въ этомъ направленіи съ устройства складочной артели для закупки сырья и продажи издѣлій".

Артель эта пріобрѣтала сырье и продавала его членамъ, заказывала имъ издѣлія и инструменты, наконецъ, продавала готовыя издѣлія. Артель не дѣлаетъ членамъ кредита, а только варранты на представленныя ими издѣлія, а подъ эти варранты члены получали ссуды въ размѣрѣ 3/4 стоимости товара—въ павловскомъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ. Это товарищество и артель получили отъ министерства долгосрочную ссуду, первая въ 25, вторая въ 30 т. р. Изъ примѣчанія редакціи „Трудовъ" мы узнаемъ, что „къ сожалѣнію какъ артель, такъ и товарищество эти болѣе не существуютъ", но причины ихъ прекращенія не объяснены. Между тѣмъ, мысль была превосходная и самый починъ въ ея осуществленіи дѣлаетъ большую честь прежнему управленію министерствомъ финансовъ. Отчего бы не возобновить подобную попытку, какъ въ павловскомъ округѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ нижегородской, московской, рязанской, тульской, владимірской, калужской, смоленской, тверской, ярославской, костромской, вятской и новгородской губерній, въ которыхъ кустарная промышленность распространена, но находится въ бѣдственномъ положеніи, такъ что производители, подъ гнетомъ кулаковъ, являются скорѣе обыкновенными фабричными рабочими (только иногда еще безъ опредѣленнаго жалованья), чѣмъ хозяевами своего дѣла, какими они должны бы быть, если желательно, чтобы кустарная производительность дѣйствительно служила средствомъ къ поднятію народнаго благосостоянія.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

14/26 августа, 1879.

LII.

Экспериментальный романъ.

Мнѣ часто случалось говорить въ своихъ литературныхъ этюдахъ объ экспериментальномъ методѣ въ романѣ и драмѣ. Обращеніе къ природѣ, натуралистическое развитіе, увлекающее нашъ вѣкъ, направляетъ мало-по-малу всѣ проявленія человѣческаго ума на одну и ту же научную дорогу. Впрочемъ, идея литературы, опредѣляемой какъ наука, можетъ показаться странной, если она не будетъ точно объяснена и понята какъ слѣдуетъ. Итакъ, я нахожу полезнымъ высказать опредѣленно, что̀, по моему мнѣнію, слѣдуетъ понимать подъ экспериментальнымъ романомъ.

Мнѣ придется, въ данномъ случаѣ, примѣнить чужой трудъ, такъ какъ экспериментальный методъ былъ съ удивительною силой и ясностью установленъ Клодомъ Бернаромъ, въ его „Введеніи къ изученію опытной медицины". Это сочиненіе ученаго, съ рѣшительнымъ авторитетомъ, будетъ мнѣ служить твердымъ основаніемъ. Въ немъ я найду развитіе этого вопроса и ограничусь, для аргументаціи, цитатами, которыя мнѣ будутъ необходимы. Итакъ, это будетъ только компиляція текстовъ, такъ какъ я намѣренъ по всѣмъ пунктамъ держаться Клода Бернара. Чаще всего мнѣ будетъ достаточно замѣнить слово „экспериментаторъ" или „медикъ" словомъ — „романистъ", чтобы придать своей мысли ясность и силу научной истины.

Что̀ опредѣлило мой выборъ и остановило меня на „Введеніи", такъ это то, что именно медицина, въ глазахъ очень многихъ, остается еще на степени искусства, подобно роману. Клодъ Бернаръ, въ теченіи всей своей жизни, ратовалъ и стремился къ тому, чтобы поставить медицину на научный путь. Мы присутствуемъ здѣсь при первомъ лепетѣ науки, выбивающейся изъ-подъ гнета эмпиризма, чтобы утвердиться на истинѣ, благодаря экспериментальному методу. Клодъ Бернаръ показываетъ, что этотъ методъ, примѣненный уже къ изученію неодушевленныхъ тѣлъ, къ химіи и физикѣ, долженъ равнымъ образомъ утвердиться и въ изученіи одушевленныхъ тѣлъ, въ физіологіи и медицинѣ. Я попытаюсь, въ свою очередь, показать, что если экспериментальный методъ ведетъ къ познанію жизни физи-

ческой, то онъ можетъ также привести къ познанію жизни чувственной и интеллектуальной. Здѣсь мы будемъ совершать этапы на одномъ и томъ же пути: отъ химіи къ физіологіи и отъ физіологіи къ антропологіи и соціологіи. Экспериментальный романъ находится въ концѣ этого пути.

Для бо̀льшей ясности я считаю нужнымъ резюмировать здѣсь вкратцѣ содержаніе „Введенія". Примѣненіе, которое я сдѣлаю изъ текстовъ, будетъ понятнѣе, если планъ труда и предметъ, о которомъ онъ трактуетъ, будутъ извѣстны.

Клодъ Бернаръ, объявивъ, что медицина вступаетъ отнынѣ на научный путь, опираясь на физіологію и благодаря экспериментальному методу, устанавливаетъ прежде всего различіе между наблюдательными и опытными науками. Онъ приходитъ къ заключенію, что опытъ есть въ сущности не что иное, какъ искусственно добытое наблюденіе. Всякое экспериментальное разсужденіе основано на сомнѣніи, такъ какъ экспериментаторъ не долженъ имѣть никакого предвзятаго мнѣнія относительно природы и обязанъ всегда сохранять свободу сужденія. Онъ просто признаетъ происходящія явленія, если они доказаны.

Затѣмъ, во второй части, онъ приступаетъ къ своей главной тэмѣ, указывая, что самопроизвольность живыхъ тѣлъ не представляетъ препятствій употребленію опытнаго метода. Все различіе происходитъ единственно отъ того, что неодушевленное тѣло находится во внѣшней и общей средѣ, тогда какъ элементы высшихъ организмовъ окружаются внутреннею и болѣе совершенною средой, но одаренною такими же постоянными физико-химическими свойствами, какъ и внѣшняя среда. Далѣе существуетъ безусловный детерминизмъ въ условіяхъ существованія природныхъ явленій, какъ для живыхъ, такъ и для неодушевленныхъ тѣлъ. Онъ называетъ „детерминизмомъ"— причину, опредѣляющую возникновеніе явленій. Эта ближайшая причина, какъ онъ ее называетъ, есть не что иное, какъ физическое и матеріальное условіе существованія или обнаруженія явленія. Итакъ, цѣль экспериментальнаго метода или конецъ научнаго изысканія одинаковъ для одушевленныхъ и неодушевленныхъ тѣлъ; онъ заключается въ изысканіи отношенія какого-нибудь явленія къ его ближайшей причинѣ, или, иначе говоря, въ опредѣленіи условій, необходимыхъ для обнаруженія этого явленія. Экспериментальная наука не должна заботиться о томъ, *почему* происходятъ вещи; она объясняетъ только, *какъ* онѣ происходятъ, не болѣе.

Изложивъ экспериментальныя соображенія, общія для живыхъ существъ и неодушевленныхъ тѣлъ, Клодъ Бернаръ переходитъ къ экспериментальнымъ соображеніямъ, спеціально относящимся до жи-

выхъ существъ. Великое и единственное различіе состоитъ въ томъ, что въ организмѣ живыхъ существъ явленія представляютъ гармоническое цѣлое. Затѣмъ онъ толкуетъ объ экспериментальной практикѣ надъ живыми существами, о вивисекціи, о нормальной и патологической анатоміи въ ихъ отношеніяхъ къ вивисекціи, о предварительныхъ анатомическихъ условіяхъ, о выборѣ животныхъ, объ употребленіи вычисленій при изученіи явленій, наконецъ о лабораторіи физіолога.

Потомъ, въ послѣдней части „Введенія" Клодъ Бернаръ предлагаетъ примѣры экспериментальнаго физіологическаго изслѣдованія, съ цѣлью утвердить свои идеи. Далѣе онъ представляетъ примѣры экспериментальной физіологической критики. И заканчиваетъ, указывая на философскія преграды, которыя встрѣчаетъ экспериментальная медицина. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ ложное примѣненіе физіологіи къ медицинѣ, научное невѣжество, равно какъ и извѣстныя иллюзіи медицинскаго ума. Впрочемъ, онъ заключаетъ словами, что эмпирическая и экспериментальная медицина, не будучи вовсе несовмѣстимыми, должны, напротивъ того, снисходительно относиться другъ къ другу. И послѣднее слово книги, это—что экспериментальная медицина не соотвѣтствуетъ никакой медицинской доктринѣ и никакой философской системѣ.

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, остовъ „Введенія", лишенный своей плоти. Надѣюсь, что этого быстраго изложенія будетъ достаточно, чтобы наполнить пробѣлы, которые роковымъ образомъ произойдутъ при моемъ способѣ изложенія, такъ какъ я, естественно, употреблю въ дѣло только необходимыя для опредѣленія и комментированія экспериментальниго романа цитаты. Повторяю, это только почва, на которую я опираюсь, и почва богатая аргументами и доказательствами всякаго рода. Экспериментальная медицина, еще лепечущая, одна можетъ дать намъ точную идею объ экспериментальной литературѣ, которая, будучи въ зародышѣ, не можетъ еще и лепетать.

I.

Прежде всего представляется такого рода вопросъ: возможенъ ли въ литературѣ, гдѣ, до сихъ поръ, кажется, употреблялось наблюденіе, опытъ?

Клодъ Бернаръ долго разсуждаетъ о наблюденіи и опытѣ. Вѣрно то, что существуетъ прежде всего весьма опредѣленная демаркаціонная линія. „Вотъ она: имя *наблюдателя* даютъ тому, кто употребляетъ простые и сложные процессы изслѣдованія при изученіи явле-

ній, не заставляя ихъ измѣняться и, слѣдовательно, принимая ихъ такими, какими предлагаетъ природа; имя экспериментатора даютъ тому, кто употребляетъ простые или сложные процессы изслѣдованія, чтобы разнообразить или измѣнять, съ извѣстною цѣлью, явленія природы и заставлять ихъ появляться въ такихъ обстоятельствахъ или условіяхъ, въ какихъ природа ихъ не представляетъ". Напримѣръ, астрономія есть наука наблюдательная, такъ какъ нельзя себѣ представить астронома, дѣйствующаго на звѣзды, между тѣмъ какъ химія наука экспериментальная, такъ какъ химикъ дѣйствуетъ на природу и измѣняетъ ее. Таково, по мнѣнію Клода Бернара, единственное дѣйствительно важное различіе, отдѣляющее наблюдателя отъ экспериментатора.

Я не могу слѣдить за нимъ въ его разсужденіи о различныхъ опредѣленіяхъ, существовавшихъ до настоящаго времени. Какъ я сказалъ, онъ заканчиваетъ заключеніемъ, что опытъ въ сущности есть искусственно добытое наблюденіе. Цитирую: „Въ экспериментальномъ методѣ изысканіе фактовъ, т.-е. изслѣдованіе, сопровождается всегда разсужденіемъ, такъ что чаще всего экспериментаторъ дѣлаетъ опытъ, чтобы провѣрить или оправдать значеніе экспериментальной идеи. Тогда можно сказать, что въ этомъ случаѣ опытъ есть наблюденіе, искусственно произведенное съ цѣлью провѣрки".

Но, чтобы опредѣлить, чего можно ожидать отъ наблюденія и опыта въ натуралистическомъ романѣ, мнѣ нужно только привести слѣдующія строки: „Наблюдатель, просто-на-просто, констатируетъ явленіе, происходящее передъ его глазами... Онъ долженъ быть фотографомъ явленія, его наблюденіе должно въ точности представлять природу... Онъ слушаетъ природу и пишетъ подъ ея диктовку. Но разъ констатированъ фактъ и явленіе хорошо наблюдено, появляется идея, вмѣшивается разсужденіе и „экспериментаторъ" является истолкователемъ явленія. „Экспериментаторъ" есть тотъ, кто въ силу болѣе или менѣе вѣроятнаго, но заранѣе составленнаго истолкованія наблюденныхъ явленій, устраиваетъ опытъ такимъ образомъ, что въ логическомъ порядкѣ предвидѣній онъ доставляетъ результатъ, служащій провѣркою гипотезѣ или предвзятой идеѣ... Съ того момента, какъ результатъ опыта обнаруживается, экспериментаторъ находится лицомъ къ лицу съ настоящимъ наблюденіемъ, которое онъ добылъ, и которое нужно констатировать, какъ всякое наблюденіе, безъ предвзятой идеи. Экспериментаторъ долженъ тогда исчезнуть или скорѣе мгновенно превратиться въ наблюдателя; и не прежде, какъ когда онъ констатируетъ результаты опыта совершенно также, какъ обыкновеннаго наблюденія, его умъ возвратится къ разсужденію, сравненію и сужденію, оправдалась ли его экспериментальная гипотеза или уничтожилась этими самыми результатами".

Въ этомъ весь механизмъ. Онъ немного запутанъ и Клоду Бернару пришлось сказать: „Когда все это прошло разомъ въ головѣ ученаго, предающагося изслѣдованіямъ такой смутной науки, какою еще представляется медицина, то является такая запутанность между окончательными результатами наблюденія и тѣмъ, что принадлежитъ къ опыту, что было бы невозможно и притомъ безполезно желать анализировать оба эти термина, въ ихъ безвыходномъ смѣшеніи". Въ результатѣ, можно сказать, что наблюденіе „показываетъ", а опытъ „научаетъ".

Ну, вотъ, возвратившись къ роману, мы видимъ равнымъ образомъ, что романистъ состоитъ изъ наблюдателя и экспериментатора. Наблюдатель въ немъ даетъ факты таковыми, какъ онъ ихъ замѣтилъ, полагаетъ точку отправленія, утверждаетъ твердую почву, на которой пойдутъ его дѣйствующія лица и станутъ развиваться явленія. Потомъ является экспериментаторъ и устраиваетъ опытъ, я хочу сказать, заставляетъ дѣйствующихъ лицъ дѣйствовать въ частной исторіи, чтобы показать, что ихъ поступки будутъ таковы, какихъ требуетъ детерминизмъ изучаемыхъ явленій. Почти всегда здѣсь происходитъ опытъ, „чтобы видѣть", какъ выражается Клодъ Бернаръ. Романистъ отправляется на изысканіе истины, или, скорѣе, механизма истины. Я возьму, какъ примѣръ, личность барона Гюло, въ „Cousine Bette" Бальзака. Общій фактъ, наблюденный Бальзакомъ, это вредъ, который страстный темпераментъ человѣка приноситъ ему самому, семейству и обществу. Разъ выбравъ сюжетъ, онъ отправился отъ наблюденныхъ фактовъ, потомъ произвелъ свой опытъ, подчиняя Гюло цѣлой серіи испытаній, заставляя его дѣйствовать въ различной средѣ, чтобы показать функціонированіе механизма его страсти. Итакъ, очевидно, что здѣсь не только наблюденіе, но и опытъ, потому что Бальзакъ не является строгимъ фотографомъ собранныхъ имъ фактовъ, потому что онъ прямо вмѣшивается, ставя своего героя въ условія, которыхъ самъ остается хозяиномъ. Задача въ томъ, чтобы узнать, какія будутъ послѣдствія извѣстной страсти, дѣйствующей въ извѣстной обстановкѣ и условіяхъ, съ точки зрѣнія индивидуума и общества; и экспериментальный романъ, напримѣръ „Cousine Bette", есть только протоколъ опыта, который романистъ повторяетъ передъ глазами публики. Въ результатѣ вся операція состоитъ въ томъ, чтобы взять факты въ природѣ, затѣмъ изучать ихъ механизмъ, дѣйствуя на явленія посредствомъ измѣненія обстоятельствъ и среды, не удаляясь никогда отъ законовъ природы. Въ концѣ-концовъ является знаніе человѣка, научное знаніе, въ его индивидуальныхъ и соціальныхъ дѣйствіяхъ.

Безъ сомнѣнія, мы далеки здѣсь отъ химической и даже физіо-

логической точности. Мы еще совершенно не знаемъ реактивовъ, которые разлагаютъ страсти и позволяютъ ихъ анализировать. Мнѣ придется часто напоминать въ этомъ этюдѣ, что экспериментальный романъ еще моложе, чѣмъ экспериментальная медицина, которая, однако, еще только едва народилась. Но дѣло здѣсь идетъ вовсе не о томъ, чтобы констатировать добытые результаты: я просто желаю ясно изложить самый методъ. Если экспериментальный романистъ пробирается еще ощупью въ самой темной и запутанной изъ наукъ, то это не мѣшаетъ наукѣ существовать. Нельзя отрицать, что натуралистическій романъ, какъ мы его понимаемъ нынѣ, есть настоящій опытъ, производимый романистомъ надъ человѣкомъ, при помощи наблюденія.

Впрочемъ, это мнѣніе не мое только, оно принадлежитъ равнымъ образомъ Клоду Бернару.

Онъ говоритъ между прочимъ: „въ практической жизни, люди только и дѣлаютъ опыты другъ надъ другомъ“. И что еще убѣдительнѣе, вотъ цѣлая теорія экспериментальнаго романа: „разсуждая о своихъ собственныхъ поступкахъ, мы имѣемъ вѣрнаго руководителя, такъ какъ знаемъ, что думаемъ и что чувствуемъ. Но если мы хотимъ судить о поступкахъ другого человѣка и знать причины, побуждающія его дѣйствовать,—то это совершенно другое дѣло. Безъ сомнѣнія, мы имѣемъ передъ глазами движенія этого человѣка и его заявленія, которыя, какъ мы въ томъ увѣрены, суть способъ выраженія и чувствительности его воли. Сверхъ того, мы признаемъ еще, что между его дѣйствіями и ихъ причиной существуетъ необходимая связь; но что это за причина? Мы не ощущаемъ ея въ себѣ, мы не сознаемъ ея, какъ тогда, когда дѣло идетъ о насъ самихъ; итакъ, мы принуждены выяснять ее, предполагать сообразно поступкамъ, которые мы видимъ, и словамъ, которыя мы слышимъ. Тогда мы должны провѣрять поступки этого человѣка одни другими; мы разсматриваемъ какъ онъ дѣйствуетъ при такихъ-то обстоятельствахъ, и, однимъ словомъ, мы прибѣгаемъ къ экспериментальному методу“. Все, что я говорилъ выше, резюмировано въ этой послѣдней фразѣ, которую произнесъ ученый.

Приведу еще слѣдующее сравненіе Клода Бернара, которое меня очень поразило: „экспериментаторъ есть судебный слѣдователь природы“. Мы, романисты, мы — судебные слѣдователи людей и ихъ страстей.

Но взгляните, какой свѣтъ является, когда становишься на точку зрѣнія экспериментальнаго метода, примѣненнаго къ роману со всею научною строгостью, которую допускаетъ нынѣ этотъ предметъ. Намъ, писателямъ-натуралистамъ, дѣлаютъ глупый упрекъ,

что мы хотимъ быть только фотографами. Какъ мы ни увѣряемъ, что принимаемъ во вниманіе темпераментъ, личное выраженіе, намъ тѣмъ не менѣе продолжаютъ приводить нелѣпые аргументы о невозможности держаться строгой истины, о необходимости подбирать факты для того, чтобы создать какое бы то ни было произведеніе искусства. И вотъ, съ примѣненіемъ экспериментальнаго метода къ роману, всѣ эти жалобы прекращаются. Идея опыта влечетъ за собою идею измѣненія. Мы отправляемся отъ истинныхъ фактовъ, которые составляютъ наше неразрушимое основаніе; но чтобы показать механизмъ фактовъ, мы должны производить и направлять явленія; это и составляетъ изобрѣтательную часть въ нашемъ трудѣ. Такимъ образомъ, не обращаясь къ вопросамъ о формѣ, о стилѣ, которые я разсмотрю позднѣе, я могу констатировать съ этого момента, что мы должны измѣнять природу, не выходя изъ границъ природы, когда употребляемъ экспериментальный методъ. Обращаясь мысленно къ опредѣленію: наблюденіе указываетъ, опытъ учитъ — мы можемъ смѣло требовать для своихъ книгъ этихъ указаній опыта.

Писатель при этомъ не только не умаляется, но необыкновенно выростаетъ. Опытъ, даже самый простой, всегда основанъ на идеѣ, которая сама родилась изъ наблюденія — какъ это говоритъ Клодъ Бернаръ: „экспериментальная идея вовсе не произвольна, не есть плодъ фантазіи; она должна всегда имѣть точку опоры въ наблюденной дѣйствительности, т.-е. въ природѣ". На этой-то идеѣ и на сомнѣніи основывается весь методъ. „Появленіе экспериментальной идеи,—говоритъ онъ далѣе,—совершенно самопроизвольно и природа ея чисто индивидуальная; личное чувство, какое-то *quid proprium* составляетъ оригинальность, изобрѣтательность, геній каждаго". Затѣмъ онъ дѣлаетъ изъ сомнѣнія великій научный рычагъ: „сомнѣвающійся есть истинный ученый; но онъ сомнѣвается только въ себѣ самомъ и въ своихъ толкованіяхъ, а вѣритъ въ науку; онъ принимаетъ даже въ экспериментальныхъ наукахъ критеріумъ или абсолютный научный принципъ, — детерминизмъ явленій, который абсолютенъ для явленій какъ живыхъ, такъ и неодушевленныхъ тѣлъ". Такимъ-то образомъ экспериментальный методъ, вмѣсто того, чтобы заключать романиста въ узкихъ границахъ, открываетъ широкій путь его уму мыслителя и его творческому генію. Ему нужно будетъ видѣть, понимать, изобрѣтать. Изъ наблюденія фактовъ должна будетъ явиться идея опыта, который необходимо произвести, романа, который необходимо написать, чтобы достигнуть полнаго познанія истины. Потомъ, обсудивъ и установивъ планъ этого опыта, онъ каждую минуту будетъ обсуждать результаты съ свободой мысли человѣка, принимающаго только факты, соотвѣтствующіе детерми-

низму явленій. Начиная сомнѣніемъ, онъ перестаетъ сомнѣваться только тогда, когда механизмъ страсти, разобранный и собранный имъ, функціонируетъ сообразно постояннымъ законамъ природы. Нѣтъ болѣе широкаго и свободнаго дѣла для человѣческаго ума. Мы увидимъ далѣе жалкую нищету схоластиковъ, систематиковъ и теоретиковъ идеала, на ряду съ торжествомъ экспериментаторовъ.

Резюмируя эту послѣднюю часть, повторяю, что романисты-натуралисты наблюдаютъ и производятъ опыты, и что всякое ихъ произведеніе рождается изъ сомнѣнія, съ которымъ они останавливаются передъ дурно-понятыми истинами, необъяснимыми явленіями, до тѣхъ поръ, пока экспериментальная идея не пробудитъ внезапно ихъ генія и не заставитъ ихъ произвести опытъ, чтобы анализировать факты и овладѣть ими.

II.

Таковъ экспериментальный методъ. Но долгое время отрицали возможность примѣненія этого метода къ живымъ тѣламъ. Это самый важный пунктъ вопроса, который я разсмотрю вмѣстѣ съ Клодомъ Бернаромъ. Разсужденіе очень просто: если экспериментальный методъ могъ быть перенесенъ изъ химіи и физики въ физіологію и медицину, онъ можетъ быть примѣненъ и къ натуралистическому роману.

Кювье, чтобы не цитировать другого ученаго, утверждалъ, что опытъ, примѣнимый къ неодушевленнымъ тѣламъ, непримѣнимъ къ живымъ; физіологія, по его мнѣнію, должна была быть наукой чистаго наблюденія и анатомической дедукціи. Виталисты принимали жизненную силу, которая находилась, въ живыхъ тѣлахъ, въ безпрестанной борьбѣ съ физико-химическими силами и нейтрализировала ихъ дѣйствіе. Клодъ-Бернаръ, напротивъ, отрицаетъ всякую таинственную силу и утверждаетъ, что опытъ приложимъ всюду. „Я предполагаю,—говоритъ онъ,—доказать, что наука о жизненныхъ явленіяхъ, не можетъ имѣть иныхъ основаній, чѣмъ наука о явленіяхъ неодушевленныхъ тѣлъ, и что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между принципами біологическихъ и физико-химическихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, поставляемая себѣ экспериментальнымъ методомъ, одна и та же повсюду; она заключается въ нахожденіи посредствомъ опыта связи между явленіями природы и условіями ихъ существованія или ближайшими причинами“.

Мнѣ кажется безполезнымъ входить въ многосложныя объясненія и разсужденія Клода Бернара. Я сказалъ, что онъ настаиваетъ на

существованіи внутренней среды у живыхъ существъ. „Въ экспериментаціи надъ неодушевленными тѣлами, — говоритъ онъ, — приходится имѣть дѣло только съ одной космической внѣшней средой; между тѣмъ какъ у живыхъ существъ съ болѣе высокою организаціей есть, по крайней мѣрѣ, двѣ среды: внѣшняя, или экстра-органическая, и внутренняя, или интра-органическая. Сложность, обусловливаемая существованіемъ внутренней органической среды, есть единственная причина великихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ нами при экспериментальномъ опредѣленіи жизненныхъ явленій и въ приложеніи средствъ, способныхъ ее измѣнять". И исходя изъ этого мнѣнія онъ утверждаетъ, что для физіологическихъ элементовъ, погруженныхъ во внутреннюю среду, существуютъ вполнѣ опредѣленные законы, какъ и для элементовъ химическихъ, окруженныхъ внѣшнею средой. Слѣдовательно, надъ живымъ существомъ можно производить опыты такъ же, какъ надъ неодушевленнымъ тѣломъ; нужно только поставить его въ желаемыя условія.

Я настаиваю на этомъ, потому что, повторяю, важный пунктъ вопроса находится здѣсь. Клодъ Бернаръ, говоря о виталистахъ, пишетъ еще: „они разсматриваютъ жизнь, какъ таинственное и сверхъ-естественное вліяніе, которое дѣйствуетъ самопроизвольно, освобожденное отъ всякаго детерминизма, и называютъ матеріалистами всѣхъ тѣхъ, которые стараются подвести жизненныя явленія подъ опредѣленныя органическія и физико-химическія условія. Это ложныя идеи, которыя не легко уничтожаются, разъ онѣ получили право господства въ умахъ; только прогрессъ науки заставитъ ихъ исчезнуть". И онъ предлагаетъ слѣдующую аксіому: „у живыхъ существъ точно такъ же, какъ у неодушевленныхъ тѣлъ, условія существованія всякаго явленія безусловно опредѣленны".

Останавливаюсь, чтобы не слишкомъ запутать разсужденіе. Мы видимъ, что въ прогрессѣ науки въ прошломъ столѣтіи болѣе точное примѣненіе экспериментальнаго метода создаетъ химію и физіологію, которыя освобождаются отъ всего ирраціональнаго и сверхъестественнаго. Благодаря анализу, открываютъ существованіе строгихъ законовъ; подчиняютъ своей волѣ явленія. Потомъ переходятъ новую ступень. Органическія тѣла, въ которыхъ виталисты предполагали еще какую-то таинственную силу, въ свою очередь приводятся къ общему механизму матеріи. Наука доказываетъ, что условія существованія всякаго явленія одни и тѣ же, какъ въ живыхъ, такъ и въ неодушевленныхъ тѣлахъ; и съ этихъ поръ физіологія принимаетъ мало-по-малу точность химіи и физики. Но остановятся ли на этомъ? Очевидно, нѣтъ. Когда будетъ доказано, что тѣло человѣка есть машина, колеса которой можно будетъ въ одинъ пре-

красный день разобрать и собрать по волѣ экспериментатора, придется перейти къ чувственнымъ и интеллектуальнымъ дѣйствіямъ человѣка. Машина дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ, по опредѣленнымъ законамъ; слѣдовательно, и продукты машины, мысли, чувства, дѣйствія регулированы опредѣленными законами, или, иначе сказать, для нихъ существуетъ детерминизмъ, который можно уразумѣть посредствомъ анализа, подчинивъ своей волѣ явленія. И послѣ этого мы входимъ въ область, принадлежавшую до сихъ поръ философіи и литературѣ; это рѣшительное завоеваніе наукой гипотезъ философовъ и писателей.

У насъ есть экспериментальная физика и химія; у насъ будетъ экспериментальная физіологія и медицина; еще позднѣе явится экспериментальный романъ. Это роковая прогрессія, послѣднее звено которой легко предвидѣть уже теперь. Все здѣсь соприкасается между собою, должно было отправиться отъ детерминизма неодушевленныхъ тѣлъ, чтобы придти къ детерминизму живыхъ, и теперь, когда ученые, въ родѣ Клода Бернара, показываютъ, что человѣческимъ тѣломъ управляютъ опредѣленные законы, можно, не опасаясь ошибки, предвидѣть часъ, когда законы мысли и страстей будутъ формулированы въ свою очередь. Камень дороги и мозгъ человѣческій подчинены одинаковому детерминизму.

Это вовсе не гипотеза съ моей стороны — это мнѣніе находится во „Введеніи"; я не могу постоянно повторять, что всѣ мои аргументы заимствованы у самого Клода Бернара. Объяснивъ, что совершенно спеціальныя явленія могутъ быть результатомъ все болѣе и болѣе сложной связи или ассоціаціи органическихъ элементовъ, онъ пишетъ слѣдующее: „Я убѣжденъ, что препятствія, окружающія экспериментальное изученіе психическихъ явленій, происходятъ бо́льшею частью отъ затрудненій этого рода, такъ какъ, несмотря на ихъ таинственную природу и тонкость ихъ проявленія, невозможно, по моему мнѣнію, не подчинить мозговыя явленія, подобно другимъ явленіямъ живыхъ тѣлъ, законамъ научнаго детерминизма". Это ясно. Съ теченіемъ времени, наука, безъ сомнѣнія, найдетъ этотъ детерминизмъ всѣхъ мозговыхъ и чувственныхъ явленій человѣка.

Итакъ, съ настоящаго времени наука входитъ въ область, принадлежащую намъ, романистамъ, — намъ, которые съ этихъ поръ дѣлаемся аналистами человѣка, въ его личной и общественной дѣятельности. Мы продолжаемъ своими наблюденіями и опытами дѣло физіолога, который продолжалъ дѣло физика и химика. Мы создаемъ въ нѣкоторомъ родѣ научную психологію, чтобы дополнить научную физіологію; и, чтобы закончить развитіе, мы должны только примѣ-

нить къ нашимъ этюдамъ о природѣ и человѣкѣ рѣшительное орудіе экспериментальнаго метода. Мы должны работать надъ характерами, страстями, надъ человѣческими и соціальными фактами, какъ химикъ и физикъ работаютъ надъ неодушевленными тѣлами, какъ физіологъ работаетъ надъ живыми тѣлами. Детерминизмъ господствуетъ всюду. Научное изслѣдованіе, экспериментальное разсужденіе поражаютъ одну за другой гипотезы идеалистовъ и замѣняютъ созданія чистаго воображенія созданіями наблюденія и опыта.

Конечно, я не думаю формулировать здѣсь законы. При настоящемъ положеніи науки о человѣкѣ, смутность и темнота слишкомъ велики для того, чтобы пускаться въ синтезъ. Можно только сказать, что для всѣхъ человѣческихъ явленій существуетъ безусловный детерминизмъ. Поэтому изслѣдованіе становится обязанностью. Мы имѣемъ методъ, мы должны идти впередъ, если бы даже усилія цѣлой жизни увѣнчались только частицей истины. Взгляните на физіологію: Клодъ Бернаръ сдѣлалъ великія открытія, и умеръ, признаваясь, что еще ничего не знаетъ. На каждой страницѣ онъ признается въ затруднительности своей задачи. „Въ отношеніяхъ явленій,—говоритъ онъ,—какими представляетъ ихъ намъ природа, существуетъ всегда болѣе или менѣе значительная сложность. Въ этомъ отношеніи сложность минеральныхъ явленій гораздо менѣе значительна, чѣмъ сложность явленій жизненныхъ: вотъ почему науки, изучавшія неодушевленныя тѣла, установились скорѣе. Въ живыхъ тѣлахъ явленія отличаются чрезвычайной сложностью, и притомъ быстрая измѣняемость жизненныхъ свойствъ дѣлаетъ ихъ гораздо болѣе трудными для пониманія и опредѣленія“. Что же сказать въ такомъ случаѣ о затрудненіяхъ, которыя должна встрѣтить научная психологія, экспериментальный романъ, который заимствуетъ у физіологіи свои познанія о наиболѣе сложныхъ и тонкихъ органахъ, который занимается самыми высокими проявленіями человѣка, какъ индивидуума и какъ общественнаго члена. Очевидно, анализъ здѣсь еще болѣе усложняется. Этимъ объясняется, что если физіологія теперь становится на твердую почву, экспериментальный романъ дѣлаетъ къ ней еще только первые шаги. Его можно провидѣть, какъ необходимое послѣдствіе научнаго развитія нашего вѣка, но его еще невозможно утвердить на точныхъ законахъ. Когда Клодъ Бернаръ говоритъ объ „ограниченныхъ и шаткихъ истинахъ біологической науки“, можно сознаться, что истины науки о человѣкѣ еще болѣе шатки и ограниченны. Мы еще спотыкаемся; мы послѣдніе явились на поприще научныхъ познаній о человѣкѣ; но это должно намъ служить только лишнею побудительною причиной для точнаго изученія, разъ мы имѣемъ орудіе — экспериментальный методъ и опре-

дѣленную цѣль — познаніе детерминизма явленій и подчиненіе ихъ себѣ.

Не рискуя формулировать законы, я полагаю, что вопросъ о наслѣдственности имѣетъ весьма значительное вліяніе въ интеллектуальныхъ и чувственныхъ проявленіяхъ человѣка. Я придаю также огромную важность средѣ. Слѣдовало бы заняться теоріей Дарвина; но здѣсь я даю только общій очеркъ экспериментальнаго метода въ примѣненіи къ роману, и я заблудился бы, пустившись въ подробности. Я просто скажу одно слово о средѣ. Мы только-что видѣли, какую рѣшительную важность придаетъ Клодъ Бернаръ изученію интра-органической среды, которую должно принять въ разсчетъ, если хочешь найти детерминизмъ явленій у живыхъ существъ. Ну, вотъ, при изученіи семейства, группы живыхъ существъ, я равнымъ образомъ придаю чрезвычайную важность средѣ. Когда-нибудь физіологія, безъ сомнѣнія, объяснитъ намъ механизмъ мысли и чувства, мы узнаемъ, какъ функціонируетъ индивидуальная машина человѣка; ка́къ онъ думаетъ, ка́къ онъ любитъ, ка́къ переходитъ отъ разума къ страсти и сумасшествію; но эти явленія, эти факты механизма органовъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ внутренней среды, не проявляются наружу изолированными и въ пустотѣ. Человѣкъ не одинокъ, онъ живетъ въ обществѣ, въ соціальной средѣ, и, слѣдовательно, для насъ, романистовъ, эта соціальная среда безпрерывно измѣняетъ явленія. Тутъ-то и лежитъ наша великая задача—во взаимодѣйствіи общества на индивидуумъ и индивидуума на общество. Физіологъ имѣетъ дѣло съ чисто-химической и физической внѣшней и внутренней средой, почему и можетъ довольно удобно находить ея законы. Мы не имѣемъ возможности доказать, что соціальная среда не есть также химическая и физическая. Конечно, она такова и есть, или, скорѣе, она есть измѣняющійся продуктъ группы существъ, которыя безусловно подчинены химическимъ и физическимъ законамъ, управляющимъ какъ живыми, такъ и неодушевленными тѣлами. Далѣе мы увидимъ, что можно дѣйствовать на соціальную среду, воздѣйствуя на явленія, которыя мы подчинимъ своей волѣ у человѣка. А въ этомъ-то и состоитъ предметъ экспериментальнаго романа: овладѣть механизмомъ явленій у человѣка, опредѣлить пружины интеллектуальныхъ и сенсуальныхъ проявленій, которыя намъ объяснитъ физіологія, подъ вліяніемъ наслѣдственности и окружающихъ обстоятельствъ; затѣмъ показать человѣка живущимъ въ соціальной средѣ, которую онъ самъ произвелъ, которую онъ ежечасно измѣняетъ, и въ которой онъ самъ переживаетъ постоянное преобразованіе. Въ эту минуту мы опираемся на физіологію, мы принимаемъ изъ рукъ физіолога изолированнаго человѣка,

чтобы продолжать разрѣшеніе проблемы и научнымъ образомъ рѣшить вопросъ, какъ ведутъ себя люди, разъ они находятся въ обществѣ.

Этихъ общихъ идей достаточно, чтобы руководить нами теперь. Позднѣе, когда наука подвинется впередъ, когда экспериментальный романъ дастъ рѣшительные результаты, чья-нибудь критика съ точностью опредѣлитъ то, на чтó я только указалъ сегодня.

Въ другомъ мѣстѣ Клодъ Бернаръ признается, насколько затруднительно приложеніе экспериментальнаго метода къ живымъ существамъ: „Живое тѣло,—говоритъ онъ,—въ особенности у высшихъ животныхъ, никогда не терятъ физико-химической зависимости отъ внѣшней среды, ему присуще безпрестанное движеніе, органическое развитіе, повидимому, самопроизвольное и постоянное, и хотя это развитіе нуждается во внѣшнихъ обстоятельствахъ, чтобы проявиться наружу, однако, оно зависитъ отъ нихъ въ своемъ движеніи и своихъ качествахъ“. И онъ заключаетъ, какъ я уже сказалъ: „Въ результатѣ, только въ физико-химическихъ условіяхъ внутренней среды можемъ мы найти детерминизмъ внѣшнихъ явленій жизни“. Но какія бы усложненія ни представлялись, и даже если представляются спеціальныя явленія, строгое примѣненіе экспериментальнаго метода остается въ полной силѣ. „Если жизненныя явленія сложны и, повидимому, отличаются отъ явленій въ неодушевленныхъ тѣлахъ, то они представляютъ это отличіе только въ силу свойственныхъ имъ опредѣленныхъ или опредѣлимыхъ условій. Итакъ, если наука о жизни должна отличаться отъ другихъ своими объясненіями и своими спеціальными законами, она не отличается научнымъ методомъ.

Мнѣ нужно сказать еще нѣсколько словъ о границахъ, которыя Клодъ Бернаръ ставитъ для науки. По его мнѣнію, мы никогда не знаемъ *причины* вещей, но можемъ знать только, *какъ* они происходятъ. Это онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Природа нашего ума заставляетъ насъ искать сущность или причину вещей. Въ этомъ отношеніи мы ищемъ больше, чѣмъ можемъ достигнуть; такъ какъ опытъ насъ научаетъ, что мы не можемъ выходить за предѣлы *какимъ образомъ*, то-есть ближайшей причины или условій существованія явленій“. Далѣе онъ даетъ слѣдующій примѣръ: „Если мы не можемъ знать, *почему* опіумъ и его алкалоиды усыпляютъ, то можемъ изучить механизмъ сна и знать, *какъ* опіумъ или его элементы усыпляютъ; ибо сонъ имѣетъ мѣсто только потому, что дѣятельное вещество приходитъ въ соприкосновеніе съ извѣстными органическими элементами, которые измѣняетъ“. И практическое заключеніе таково: „Наука именно имѣетъ привилегію насъ обучать тому, чего мы не знаемъ, замѣняя чувство разумомъ и опытомъ и ясно

показывая намъ предѣлъ нашихъ дѣйствительныхъ знаній. Но за то, по мѣрѣ того, какъ наука сбиваетъ нашу гордость, она въ награду усиливаетъ наше могущество". Всѣ эти разсужденія строго примѣняются къ экспериментальному роману. Онъ долженъ держаться ихъ, при изысканіи *причины* вещей, чтобы не заблудиться въ философскихъ умозрѣніяхъ, чтобы замѣстить идеальныя гипотезы медленнымъ завоеваніемъ истины. Здѣсь его настоящая роль, отсюда онъ почерпаетъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, свою „raison d'être" и свою мораль.

Итакъ, я пришелъ къ слѣдующему заключенію: экспериментальный романъ есть слѣдствіе научнаго развитія нашего вѣка; онъ захватываетъ и дополняетъ физіологію, которая сама опирается на физику и химію; замѣняетъ изученіе абстрактнаго, метафизическаго человѣка изученіемъ человѣка естественнаго, подчиненнаго физико-химическимъ законамъ и опредѣляемаго вліяніемъ среды; однимъ словомъ, онъ—литература нашего научнаго вѣка, подобно тому, какъ классическая и романтическая литература соотвѣтствуютъ вѣку схоластики и теологіи. Теперь я перехожу къ великамъ вопросамъ приложенія и морали.

III.

Цѣль экспериментальнаго метода въ физіологіи и медицинѣ—изучать явленія, чтобы стать надъ ними хозяиномъ. Клодъ Бернаръ возвращается къ этой идеѣ на каждой страницѣ своего „Введенія". Такъ, онъ объявляетъ: „вся естественная философія заключается въ словахъ: познать законы явленій. Вся экспериментальная задача приведена къ слѣдующему: предвидѣть и направлять явленія". Далѣе онъ приводитъ примѣръ: „для экспериментальнаго медика недостаточно будетъ, какъ для медика эмпирическаго, знать, что хина излечиваетъ лихорадку, но главнымъ образомъ для него важно знать, что́ такое лихорадка и каковъ механизмъ, посредствомъ котораго хина исцѣляетъ ее. Все это важно для медика-экспериментатора, потому что разъ онъ будетъ это знать, фактъ исцѣленія лихорадки хиной не будетъ фактомъ эмпирическимъ и одиночнымъ, но сдѣлается фактомъ научнымъ. Этотъ фактъ будетъ связанъ тогда съ условіями, которыя присоединятъ его къ другимъ явленіямъ и, такимъ образомъ, мы придемъ къ познанію законовъ организма и къ возможности регулировать ихъ проявленія".

Поразительный примѣръ представляетъ случай чесотки: „теперь, когда причина чесотки извѣстна и опредѣлена экспериментально, все сдѣлалось научнымъ и эмпиризмъ исчезъ... Излечиваютъ всегда

и безъ исключенія, если становятся въ условія, узнанныя экспериментальнымъ путемъ, для достиженія цѣли".

Итакъ, такова цѣль, такова мораль экспериментальной физіологіи и медицины: сдѣлаться хозяиномъ жизни, чтобы управлять ею. Допустимъ, что наука двинулась впередъ, что завоеваніе неизвѣстнаго совершилось вполнѣ, тогда научная эпоха, о которой мечталъ Клодъ Бернаръ, осуществится на дѣлѣ. Тогда медикъ станетъ господиномъ надъ болѣзнями; онъ будетъ лечить навѣрняка, онъ будетъ дѣйствовать надъ живыми тѣлами ради счастья и силы рода. Наступитъ вѣкъ, когда всемогущій человѣкъ подчинитъ себѣ природу и утилизируетъ ея законы, чтобы установить на землѣ возможно бо̀льшую сумму справедливости и свободы. Нѣтъ цѣли благороднѣе, выше, величественнѣе. Въ этомъ и заключается наша роль, какъ существъ разумныхъ, проникнуть причину вещей, чтобы подчинить ихъ своей власти и привести ихъ въ состояніе послушныхъ колесъ.

Эта самая мечта экспериментальныхъ физіолога и медика есть также и мечта романиста, примѣняющаго къ естественному и соціальному изученію человѣка экспериментальный методъ. Ихъ цѣль — наша цѣль; мы также хотимъ подчинить себѣ явленія интеллектуальныхъ и чувственныхъ элементовъ, чтобы быть въ состояніи управлять ими. Однимъ словомъ, мы моралисты-экспериментаторы, показывающіе посредствомъ опыта, какимъ образомъ дѣйствуетъ страсть въ соціальной средѣ. Разъ мы овладѣемъ механизмомъ этой страсти, можно будетъ обсуждать и уменьшать ее, или по крайней мѣрѣ дѣлать ее какъ можно болѣе безобидной. Вотъ гдѣ лежитъ практическая польза и высокая мораль нашихъ натуралистическихъ трудовъ, экспериментирующихъ надъ человѣкомъ и надъ людьми, разбирающихъ и собирающихъ по частямъ человѣческую машину, и заставляющихъ ее функціонировать подъ вліяніемъ среды. Съ теченіемъ времени, когда законы будутъ изслѣдованы, останется только дѣйствовать на человѣка и на среду, чтобы достигнуть возможно лучшаго соціальнаго устройства. Такимъ-то образомъ мы создаемъ практическую соціологію и наша работа помогаетъ политическимъ и экономическимъ наукамъ. Повторяю, я не знаю болѣе благороднаго труда и болѣе широкаго примѣненія. Быть господиномъ надъ добромъ со зломъ, управлять жизнью, управлять обществомъ, рѣшить, наконецъ, всѣ задачи соціализма, въ особенности доставить твердыя основы правосудію, разрѣшая путемъ опыта криминальные вопросы, не значитъ ли это быть самыми полезными и нравственными тружениками въ человѣческомъ трудѣ?

Сравните на минуту дѣло идеалистовъ-романистовъ съ нашимъ; я употребляю здѣсь слово „идеалисты", желая указать на писателей, которые удаляются отъ наблюденія и опыта, чтобы основать свои

труды на сверхъ-естественномъ и ирраціональномъ, которые принимаютъ, однимъ словомъ, таинственныя силы, исключая детерминизмъ явленій. Клодъ Бернаръ еще разъ отвѣтитъ за меня: „что̀ отличаетъ экспериментальное разсужденіе отъ схоластическаго, такъ это плодотворность одного и безплодность другого. Именно схоластика, полагающая, что владѣетъ абсолютною истиною, ничего не достигаетъ: это понятно, потому что, по своему абсолютному принципу, она становится внѣ природы, въ которой все относительно. Напротивъ того, экспериментаторъ, который постоянно сомнѣвается, который не думаетъ, что владѣетъ абсолютнымъ знаніемъ чего бы то ни было, получаетъ власть надъ явленіями, окружающими его и расширяетъ свое могущество надъ природой". Сейчасъ я возвращусь къ этому вопросу объ идеализмѣ, который въ сущности есть только индетерминизмъ. Клодъ Бернаръ справедливо говоритъ: „интеллектуальныя завоеванія человѣка состоятъ въ уменьшеніи и изгнаніи индетерминизма по мѣрѣ того, какъ съ помощью экспериментальнаго метода ему удается подвинуться впередъ на поприщѣ детерминизма". Идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, чтобы подчинить себѣ природу — вотъ надъ чѣмъ работаемъ мы, романисты-экспериментаторы; тогда какъ романисты-идеалисты умышленно остаются въ неизвѣстномъ, вслѣдствіе всевозможныхъ религіозныхъ и философскихъ предразсудковъ, подъ изумительнымъ предлогомъ, будто неизвѣстное благороднѣе и прекраснѣе извѣстнаго. Если бы наше дѣло, часто жестокое, наши страшныя картины имѣли нужду въ извиненіи, то я нашелъ бы у Клода Бернара слѣдующій рѣшительный аргументъ: „никогда не достигнутъ дѣйствительно плодотворныхъ и свѣтлыхъ обобщеній относительно жизненныхъ явленій иначе, какъ занимаясь лично опытами, и возясь въ госпиталѣ, амфитеатрѣ и лабораторіи надъ зловоннымъ и трепетнымъ вмѣстилищемъ жизни... Если бы нужно было дать сравненіе, которое бы выражало мое мнѣніе о жизненной наукѣ, я сказалъ бы, что это пышный, залитый свѣтомъ салонъ, въ который можно пробраться черезъ длинную и отвратительную кухню".

Я настаиваю на словѣ „моралисты-экспериментаторы", которое я употребилъ въ примѣненіи къ натуралистическимъ романистамъ. Одна страница „Введенія" въ особенности поразила меня, именно та, гдѣ авторъ говоритъ о circulus vitae. Цитирую: „мускульные и нервные о̀рганы поддерживаютъ дѣятельность о̀рувановъ, приготовляющихъ кровь; но кровь въ свою очередь поддерживаетъ питающіе ее о̀рганы. Здѣсь существуетъ органическая или соціальная солидарность, поддерживающая родъ постояннаго движенія, пока разстройство или остановка дѣятельности необходимаго жизненнаго элемента не нарушитъ равновѣсія или не повлечетъ за собой безпо-

рядокъ или остановку въ ходѣ животной машины. Задача медика-экспериментатора заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы отыскать простой детерминизмъ органическаго разстройства, т.-е. уловить начальное явленіе, влекущее за собою всѣ другія посредствомъ детерминизма сложнаго, но столь же необходимаго между его условіями, какъ былъ необходимъ начальный детерминизмъ... Мы увидимъ, какъ разложеніе организма или разстройство изъ самыхъ сложныхъ, повидимому, можетъ быть приведено къ простому начальному детерминизму, который вызываетъ затѣмъ болѣе сложные детерминизмы". Замѣните только слова „медикъ-экспериментаторъ" словами „романистъ-экспериментаторъ", и весь этотъ отрывокъ строго примѣняется къ нашей натуралистической литературѣ. Соціальный circulus идентиченъ съ жизненнымъ; въ обществѣ, какъ и въ человѣческомъ тѣлѣ, существуетъ солидарность, связующая между собою различные члены, различные органы, такъ что если загніетъ одинъ органъ, многіе другіе будутъ заражены и разовьется очень сложная болѣзнь. Поэтому, когда мы изслѣдуемъ въ своихъ романахъ тяжкую рану, заражающую общество, мы поступаемъ, какъ медикъ-экспериментаторъ, мы стараемся отыскать простой начальный детерминизмъ, чтобы перейти потомъ къ сложнымъ детерминизмамъ, дѣйствіе которыхъ слѣдуетъ своимъ чередомъ. Я снова приведу въ примѣръ барона Гюло, въ „Кузинѣ Беттѣ". Взгляните на окончательный результатъ, на развязку романа: цѣлое семейство погублено; разыгрались всевозможныя второстепенныя драмы, благодаря страстному темпераменту Гюло; здѣсь, въ этомъ темпераментѣ лежитъ начальный детерминизмъ; одинъ изъ членовъ общества, Гюло, заражается гангреной—и тотчасъ все портится вокругъ него, соціальный circulus поврежденъ, все общественное здоровье нарушается. Напирая въ особенности на личность барона Гюло, Бальзакъ проанализировалъ ее съ тщательной заботой. Опытъ прежде всего играетъ у него роль, потому что дѣло идетъ о томъ, чтобы овладѣть явленіемъ этой половой страсти, чтобы направлять ее; представьте себѣ, что Гюло можетъ быть вылеченъ или по крайней мѣрѣ удержанъ въ предѣлахъ безвредности, все продолженіе драмы не имѣетъ болѣе повода къ существованію, возстановляется равновѣсіе, или, лучше сказать, здоровье соціальнаго организма. Итакъ, романисты натуралистическаго направленія дѣйствительно моралисты-экспериментаторы.

Такимъ образомъ я перехожу къ важному упреку, которымъ думаютъ поразить романистовъ натуралистическаго направленія, называя ихъ фаталистами. Сколько разъ намъ хотѣли доказать, что разъ мы не приняли свободной воли, разъ человѣкъ сдѣлался для насъ животною машиной, дѣйствующею подъ вліяніемъ наслѣдственности и среды, мы впали въ грубый фатализмъ, мы низвели человѣчество

на степень стада, гонимаго палкою судьбы! Нужно быть точными: мы не фаталисты, мы—детерминисты, а это вовсе не одно и то же. Клодъ Бернаръ объясняетъ очень хорошо эти два термина. „Мы дали имя детерминизма ближайшей или опредѣляющей (déterminante) причинѣ явленій. Мы вовсе не дѣйствуемъ надъ сущностью явленій природы, но только надъ ихъ детерминизмомъ, и потому одному, что мы воздѣйствуемъ на него, детерминизмъ отличается отъ фатализма, на который нельзя воздѣйствовать. Фатализмъ предполагаетъ необходимое обнаруженіе явленія независимо отъ его условій, между тѣмъ какъ детерминизмъ есть необходимое условіе явленія, обнаруженіе котораго не необходимо. Разъ, что изслѣдованіе детерминизма явленій принято за основной принципъ экспериментальнаго метода, нѣтъ болѣе ни матеріализма, ни спиритуализма, ни неодушевленной матеріи, ни живыхъ тѣлъ, есть только явленія, для которыхъ необходимо опредѣлить условія, т.-е. обстоятельства, играющія по отношенію къ этимъ явленіямъ роль ближайшей причины“. Это ясно. Мы только примѣнимъ этотъ методъ къ своимъ романамъ, и, такимъ образомъ, мы—детерминисты, старающіеся экспериментальнымъ путемъ опредѣлить условія явленій, никогда не удаляясь въ своемъ изслѣдованіи отъ законовъ природы. Какъ очень хорошо говоритъ Клодъ Бернаръ,—съ того момента, какъ мы можемъ воздѣйствовать и воздѣйствуемъ на детерминизмъ явленій, измѣняя, напримѣръ, среду, мы не фаталисты.

Итакъ, вотъ строго-опредѣленная нравственная роль романиста-экспериментатора. Часто я говорилъ, что мы не дѣлаемъ выводовъ изъ нашихъ трудовъ, и это значитъ, что наши труды въ себѣ самихъ содержатъ свои выводы. Экспериментаторъ не дѣлаетъ выводовъ потому именно, что опытъ даетъ выводъ за него. Сто разъ, если нужно, онъ повторитъ свой опытъ передъ публикой, — онъ будетъ ей объяснять, но лично не будетъ ни негодовать, ни одобрять: вотъ истина,—отъ общества зависитъ вызывать или нѣтъ это явленіе, сообразно тому — полезенъ или опасенъ его результатъ. Невозможно себѣ представить, говорилъ я въ другомъ мѣстѣ, ученаго, гнѣвающагося на азотъ за то, что тотъ не годенъ для жизни; онъ удаляетъ азотъ, когда тотъ вреденъ, — и только. Такъ какъ у насъ нѣтъ такой власти, какъ у этого ученаго, такъ какъ мы—экспериментаторы не могущіе быть практиками, то мы должны удовольствоваться изслѣдованіемъ детерминизма соціальныхъ явленій, предоставляя законодателямъ и практическимъ дѣятелямъ заботу, рано или поздно, направлять эти явленія такимъ образомъ, чтобы хорошее развивалось, а дурное — уменьшалось, съ точки зрѣнія человѣческой пользы.

Вотъ наша роль, какъ моралистовъ-экспериментаторовъ. Мы по-

казываемъ механизмъ полезнаго и вреднаго, мы объясняемъ детерминизмъ человѣческихъ и соціальныхъ явленій, чтобы можно было со временемъ господствовать и управлять этими явленіями. Однимъ словомъ, мы на-ряду съ вѣкомъ трудимся надъ великой работой — подчиненіемъ природы, увеличеніемъ могущества человѣка. И поглядите, на-ряду съ нашимъ, на трудъ писателей-идеалистовъ, опирающихся на сверхъ-естественное и ирраціональное, у которыхъ за каждымъ порывомъ слѣдуетъ паденіе въ глубокій метафизическій хаосъ. На нашей сторонѣ сила, на нашей сторонѣ нравственность.

IV.

Я сказалъ, что мой выборъ остановился на „Введеніи“ потому, что еще многіе смотрятъ на медицину, какъ на искусство. Клодъ Бернаръ доказываетъ, что она должна быть наукой, и мы присутствуемъ здѣсь при расцвѣтѣ науки,—зрѣлище, которое само-по-себѣ поучительно и доказываетъ намъ, что область науки расширяется и обнимаетъ собою всѣ проявленія человѣческаго ума. Такъ какъ медицина, бывшая до сихъ поръ искусствомъ, дѣлается наукой, — почему бы самой литературѣ не сдѣлаться наукой, при помощи экспериментальнаго метода? Нужно замѣтить, что все соприкасается другъ съ другомъ: что если почва экспериментальной медицины есть человѣческое тѣло, въ явленіяхъ своихъ органовъ въ нормальномъ и патологическомъ состояніи, наша почва есть равнымъ образомъ человѣческое тѣло, въ его мозговыхъ и сенсуальныхъ явленіяхъ въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Если мы не останавливаемся на метафизическомъ человѣкѣ классическаго вѣка, намъ необходимо имѣть понятіе о новыхъ идеяхъ, составленныхъ нашимъ вѣкомъ, относительно природы и жизни. Повторяю, мы необходимо продолжаемъ дѣло физіолога и медика, которые продолжали дѣло физика и химика. Поэтому мы входимъ въ область науки. Не затрогиваю покамѣстъ вопроса о чувствѣ и формѣ; о нихъ я поговорю ниже.

Посмотримъ сначала, что̀ Клодъ Бернаръ говоритъ о медицинѣ. „Нѣкоторые медики думаютъ, что медицина можетъ быть только гадательной и заключаютъ отсюда, что медикъ—это артистъ, который долженъ дополнить неопредѣленность частныхъ случаевъ своимъ геніемъ, своимъ личнымъ тактомъ. Это идеи анти-научныя, противъ которыхъ должно возставать всѣми силами, потому что онѣ-то и заставляютъ медицину коснѣть въ томъ положеніи, въ которомъ она такъ долго пребываетъ. Всѣ науки необходимо бываютъ сначала гадательными, — еще теперь въ каждой наукѣ существуютъ гадательные отдѣлы. Я не отрицаю, что медицина еще почти вся основана

на догадкахъ; но я хочу только сказать, что современная наука должна дѣлать усилія, чтобы выбиться изъ этого предварительнаго состоянія, которое не составляетъ окончательнаго научнаго состоянія, какъ для медицины, такъ и для другихъ наукъ. Въ медицинѣ предстоитъ гораздо дольше устанавливать и гораздо труднѣе достигнуть научнаго состоянія по причинѣ сложности явленій; но цѣлью ученаго медика должно быть превратить въ своей наукѣ, также какъ и во всѣхъ другихъ, неопредѣленное въ опредѣленное". Здѣсь цѣлый механизмъ рожденія и развитія науки. На медика еще смотрятъ какъ на артиста, потому что въ медицинѣ остается огромное мѣсто для догадокъ. Естественно, что романистъ болѣе заслужитъ имя артиста, такъ какъ онъ еще болѣе погруженъ въ неопредѣленное; и если Клодъ Бернаръ признается, что сложность явленій долгое время будетъ мѣшать медицинѣ достигнуть научнаго состоянія,— что же будетъ съ экспериментальнымъ романомъ, гдѣ явленія еще гораздо сложнѣе? Но это не мѣшаетъ роману вступить на научный путь, подчиниться общему развитію вѣка. Мы отправляемся открывать неизвѣстное.

Въ другомъ мѣстѣ Клодъ Бернаръ самъ указалъ на развитіе человѣческаго ума. „Умъ человѣческій,—говоритъ онъ,—въ различныхъ періодахъ своего развитія, проходитъ послѣдовательно отъ чувства къ разуму и опыту. Сперва одно чувство, подчиняя себѣ разумъ, создало истины, сверхъ-естественныя ипотезы. Потомъ разумъ, или философія, захвативъ господство въ свои руки, произвелъ схоластику. Наконецъ, опытъ, т.-е. изученіе явленій природы, научилъ человѣка, что истины внѣшняго міра не находятся съ самаго начала формулированными ни въ чувствѣ, ни въ разумѣ. Это только наши необходимые путеводители; но чтобы овладѣть этими истинами, необходимо спуститься къ объективной дѣйствительности вещей, гдѣ онѣ скрыты въ формѣ явленій. Такимъ-то образомъ является, вслѣдствіе естественнаго прогресса вещей, экспериментальный методъ, который обнимаетъ собою все и опирается послѣдовательно на три вѣтви этого неизмѣннаго треножника: чувство, разумъ и опытъ. При изысканіи истины, посредствомъ этого метода, чувство всегда беретъ на себя иниціативу, — оно зарождаетъ идею *à priori* или наведеніе; разсудокъ или разсужденіе развиваетъ потомъ эту идею и выводитъ ея логическія послѣдствія. Но если чувство должно быть озарено свѣтомъ разума, — разумъ, въ свою очередь, долженъ руководиться опытомъ".

Я привелъ всю эту страницу потому, что она имѣетъ величайшую важность. Она, очевидно, отводитъ мѣсто въ экспериментальномъ романѣ личности, генію романиста, не говоря о слогѣ. Разъ мы признаемъ, что чувство является точкой отправленія экспери-

ментальнаго метода, и затѣмъ вмѣшивается разумъ, чтобы докончить дѣло подъ контролемъ опыта, геній экспериментатора получаетъ преобладающее значеніе, и вотъ почему экспериментальный методъ, безполезный въ рукахъ другихъ людей, становится такимъ могущественнымъ орудіемъ у Клода Бернара. Я сказалъ сейчасъ: методъ есть только орудіе; образцовое произведеніе есть созданіе работника, его идея. Я уже цитировалъ слѣдующія строчки: „личное чувство, особое *quid proprium* составляетъ оригинальность, изобрѣтательность или геній каждаго". Итакъ, вотъ доля генія въ экспериментальномъ романѣ. Какъ опять-таки замѣчаетъ Клодъ Бернаръ: „идея — это зерно; методъ — почва, доставляющая ему условія для развитія, процвѣтанія и принесенія наилучшихъ плодовъ, сообразно съ его природой". Все сводится потомъ къ методу, но это понятно. Трудъ будетъ сообразенъ методу. Если вы остановитесь на идеѣ *à priori*, на чувствѣ, не опираясь на разумъ и не повѣряя себя опытомъ, вы — поэтъ, вы пускаетесь на ипотезы, которыхъ ничто не доказываетъ, вы съ трудомъ и безъ пользы, часто ко вреду, бьетесь съ неопредѣленностью. Выслушайте слѣдующія строки „Введенія": „человѣкъ—по природѣ метафизикъ и горделивъ; онъ могъ повѣрить, что идеальныя созданія его ума, соотвѣтствующія его чувствамъ, соотвѣтствуютъ также и дѣйствительности. Отсюда слѣдуетъ, что экспериментальный методъ — совсѣмъ не первоначальный и присущій человѣку, и что только послѣ долгаго блужданія въ теологическихъ и схоластическихъ разсужденіяхъ онъ окончательно пришелъ къ убѣжденію въ безплодности своихъ усилій на этой дорогѣ. Человѣкъ догадался тогда, что онъ не можетъ предписывать природѣ законовъ, потому что не владѣетъ въ себѣ самомъ познаніемъ и критеріумомъ внѣшнихъ вещей, и понялъ, что для достиженія истины онъ долженъ, напротивъ, подчинять свои идеи, если не свой разумъ, опыту, т.-е. критеріуму фактовъ". Что же дѣлается съ геніемъ у романиста-экспериментатора?—геній, идея *à priori*, остается,—онъ только контролируется опытомъ. Естественно, что опытъ не можетъ уничтожить генія: напротивъ, онъ его подкрѣпляетъ. Беру въ примѣръ поэта; развѣ геній необходимо обусловливаетъ ложность его чувства, его идеи *à priori?* — очевидно, нѣтъ, потому что если опытъ подтвердитъ справедливость личной идеи человѣка,—это будетъ только служить доказательствомъ высоты его генія. По-истинѣ, только въ нашъ лирическій вѣкъ, при нашей романтической болѣзни, можно измѣрять геній человѣка количествомъ глупостей и нелѣпостей, которыя онъ пуститъ въ обращеніе. Въ заключеніе говорю, что отнынѣ, въ вѣкъ науки, опытъ долженъ служить доказательствомъ генія.

Здѣсь мы расходимся съ писателями-идеалистами. Они отправляются всегда отъ какого-нибудь ирраціональнаго источника, въ

родѣ откровенія, традиціи, или какого-нибудь условнаго авторитета. Какъ говоритъ Клодъ Бернаръ: „не нужно предполагать ничего тайнаго; существуютъ только явленія и условія явленій“. Мы, писатели-натуралисты, подвергаемъ каждый фактъ наблюденію и опыту, тогда какъ идеалисты принимаютъ таинственныя силы, ускользающія отъ анализа, и остаются поэтому въ неизвѣстномъ, внѣ законовъ природы. Этотъ вопросъ объ идеальномъ—научнымъ образомъ сводится на вопросъ о неопредѣленномъ и опредѣленномъ. Все, чего мы еще не знаемъ, все, что еще ускользаетъ отъ насъ, — есть идеальное, и цѣль всѣхъ нашихъ человѣческихъ усилій — уменьшать идеальное съ каждымъ днемъ, завоевывать истину о неизвѣстномъ. Мы всѣ идеалисты, если подъ этимъ понимать, что мы занимаемся идеальнымъ. Но я называю идеалистами тѣхъ, кто удаляется въ область неизвѣстнаго изъ-за удовольствія тамъ быть, кому нравятся только самыя рискованныя ипотезы и кто не удостоиваетъ подчинять ихъ контролю опытнаго метода, подъ предлогомъ того, что истина въ немъ самомъ, а не въ вещахъ. Эти, повторяю, работаютъ тщетно и безъ пользы, тогда какъ только наблюдатель и экспериментъ трудится для счастья и могущества человѣка, дѣлая его мало-по-малу господиномъ надъ природою. Нѣтъ ни благородства, ни достоинства, ни красоты въ незнаніи, лжи, въ увѣреніяхъ, что для пущаго величія слѣдуетъ какъ можно больше углубляться въ заблужденія, въ темноту. Единственные великіе и нравственные труды, — это труды надъ истиной.

Нужно принять только то, что я назову вдохновеніемъ идеаломъ. Конечно, наше знаніе еще очень незначительно сравнительно съ огромной массой вещей, которыхъ мы не знаемъ. Эта огромная масса неизвѣстнаго, окружающая насъ, должна только внушать намъ желаніе проникнуть ее, объяснить ее, при помощи научныхъ методовъ. И дѣло идетъ не объ однихъ только ученыхъ; всѣ проявленія человѣческаго ума соприкасаются между собою, всѣ наши усилія примыкаютъ къ необходимости овладѣть истиной. Клодъ Бернаръ выражаетъ это очень хорошо, говоря: „всѣ науки обладаютъ если не различными методами, то по крайней мѣрѣ спеціальными процессами, и, сверхъ того, всѣ онѣ служатъ орудіями другъ другу. Математика служитъ орудіемъ физикѣ, химіи и біологіи, въ различномъ объемѣ; физика и химія служатъ могущественными орудіями физіологіи и медицинѣ. Въ этой безмолвной помощи, которую науки оказываютъ другъ другу, нужно отличать ученаго, который двигаетъ впередъ какую-нибудь науку отъ того, кто пользуется ею какъ орудіемъ. Физикъ и химикъ не математики, хотя бы они пользовались вычисленіями; физіологъ не химикъ и не физикъ, хотя бы онъ употреблялъ химическіе реактивы или физическіе инструменты, и химики не физіологи, хотя бы

они изучали строеніе и свойства нѣкоторыхъ растительныхъ или животныхъ жидкостей и тканей". Таковъ отвѣтъ Клода Бернара за насъ, писателей-натуралистовъ, критикамъ, которые смѣялись надъ нашими претензіями на науку. Мы не химики, не физики, не физіологи, мы просто романисты, опирающіеся на науку. Конечно, мы не претендуемъ на открытія въ физіологіи, которой не занимаемся; только, имѣя предметомъ изученіе человѣка, мы не считаемъ возможнымъ обойтись безъ знанія физіологическихъ истинъ. И прибавлю, что романисты, конечно, работники, которымъ приходится опираться разомъ на самое значительное число наукъ, такъ какъ они толкуютъ обо всемъ — и должны все знать, съ тѣхъ поръ какъ романъ сдѣлался общимъ изслѣдованіемъ природы и человѣка. Вотъ какимъ образомъ мы дошли до примѣненія къ нашему труду экспериментальнаго метода, съ тѣхъ поръ какъ этотъ методъ сдѣлался самымъ могучимъ орудіемъ человѣческаго изслѣдованія. Мы резюмируемъ изслѣдованіе, мы бросаемся завоевывать идеальный міръ, употребляя для этого всѣ человѣческія знанія. Понятно, что я говорю здѣсь о вопросѣ, *какимъ образомъ* все происходитъ, а не о вопросѣ *почему*. Для ученаго экспериментатора, идеальное, неопредѣленное, которое онъ старается уменьшить, заключается въ вопросѣ *какимъ образомъ*. Онъ оставляетъ философу другое идеальное, заключающееся въ вопросѣ *почему*, на который онъ отчаявается когда-либо отвѣтить. Я думаю, что романисты-экспериментаторы равнымъ образомъ не должны заниматься этою областью неизвѣстнаго, если они не хотятъ потеряться въ нелѣпостяхъ поэтовъ и философовъ. Уже довольно широкая задача заключается въ стремленіи къ познанію механизма природы, не заботясь о моментѣ происхожденія этого механизма. Если когда-нибудь механизмъ этотъ будетъ объясненъ, это достигнется посредствомъ метода, и самое лучшее начать съ начала, съ изученія явленій, вмѣсто того, чтобы надѣяться, что какое-нибудь внезапное откровеніе раскроетъ передъ нами тайну міра. Мы — работники, оставимъ же умозрительнымъ философамъ неизвѣстную область вопроса *почему*, гдѣ они тщетно бьются цѣлые вѣка, и возьмемся за неизвѣстное, которое опредѣляется вопросомъ *какимъ образомъ*, и которое уменьшается со дня на день, благодаря нашимъ изслѣдованіямъ. Только то идеальное должно существовать для насъ, экспериментаторовъ-романистовъ, которое мы можемъ преодолѣть.

Впрочемъ, при медленномъ завоеваніи этой неизвѣстности, которая насъ окружаетъ, мы смиренно признаемся въ своемъ невѣжествѣ. Мы двигаемся впередъ—и только; и наша единственная дѣйствительная сила заключается въ методѣ. Клодъ Бернаръ, признавшись, что экспериментальная медицина еще только лепечетъ, не задумывается оставить въ практикѣ широкое мѣсто для эмпирической медицины.

„Въ сущности, говоритъ онъ, эмпиризмъ, то-есть случайное наблюденіе и—опытъ служили началомъ для всѣхъ наукъ. Въ сложныхъ наукахъ о человѣчествѣ эмпиризмъ необходимо будетъ господствовать на практикѣ гораздо дольше, чѣмъ въ болѣе простыхъ наукахъ". И не трудно согласиться, что у постели больного, когда детерминизмъ патологическаго явленія не найденъ, самое лучшее пока дѣйствовать эмпирически; что̀, притомъ, согласуется съ естественнымъ ходомъ нашихъ знаній, потому что эмпиризмъ непремѣнно предшествуетъ научному состоянію знанія. Конечно, если медики почти во всѣхъ случаяхъ должны прибѣгать къ эмпиризму, мы, романисты, которыхъ наука болѣе сложна и менѣе установлена, равнымъ образомъ должны прибѣгать къ нему, по болѣе сильнымъ причинамъ. Повторяю еще разъ, дѣло не въ томъ, чтобы вполнѣ создать науку о человѣкѣ, какъ объ индивидуумѣ и соціальномъ членѣ, а въ томъ, чтобы выдти мало-по-малу, и со всѣми необходимыми предосторожностями, изъ той темноты, въ которой мы теперь находимся относительно себя самихъ, радуясь, если можемъ утвердить какую-нибудь истину, среди стольких ошибокъ. Мы производимъ опыты, это значитъ, что мы еще долго должны будемъ употреблять ложное, чтобы достигнуть истиннаго.

Таково мнѣніе сильныхъ людей. Клодъ Бернаръ прямо оспариваетъ тѣхъ, которые хотятъ видѣть въ медикѣ только артиста. Онъ знаетъ обычное возраженіе тѣхъ, которые имѣютъ обыкновеніе смотрѣть на медицину, какъ на „теоретическую концепцію, которая ничѣмъ не оправдывается въ настоящую минуту въ практической дѣйствительности, потому что никакой фактъ не указываетъ, чтобы въ медицинѣ возможно было достигнуть научной точности экспериментальныхъ наукъ". Но онъ не смущается этимъ, онъ показываетъ, что „экспериментальная медицина только естественный расцвѣтъ практическаго медицинскаго изслѣдованія, управляетъ научнымъ духомъ". Вотъ его заключеніе: „безъ сомнѣнія, мы далеки отъ той эпохи, когда медицина сдѣлается научной, но это не мѣшаетъ намъ понимать ея возможность и всѣми нашими силами стремиться къ ней, стараясь съ настоящаго момента слѣдовать методу, который долженъ насъ привести къ этому".

Я буду безъ устали повторять, что все это строго прилагается къ экспериментальному роману. Поставьте сюда слово „романъ" вмѣсто слова „медицина" и этотъ отрывокъ останется истиннымъ. Обращаюсь къ молодому, подростающему литературному поколѣнію, съ слѣдующими великими и сильными словами Клода Бернара. Я не знаю другихъ, болѣе мужественныхъ: „Медицинѣ предназначено мало-по-малу выдти изъ эмпиризма и она выйдетъ изъ него точно такъ же, какъ и всѣ другія науки, при помощи экспериментальнаго метода. Это глубокое убѣжденіе поддерживаетъ и направляетъ мою

научную жизнь. Я глухъ къ голосу медиковъ, требующихъ, чтобы имъ объяснили экспериментальнымъ путемъ корь и скарлатину, и думающихъ извлечь отсюда доказательство противъ употребленія экспериментальнаго метода въ медицинѣ. Эти обезкураживающія и отрицающія возраженія исходятъ вообще отъ систематическихъ или лѣнивыхъ умовъ, предпочитающихъ полагаться на свои системы, или засыпать въ потемкахъ, вмѣсто того, чтобы работать и стараться изъ нихъ выдти... Экспериментальное направленіе, принимаемое медициной, теперь опредѣлилось. Въ самомъ дѣлѣ, это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь личной системы; это результатъ научнаго развитія самой медицины. Таковы мои убѣжденія въ этомъ отношеніи, которыя я стараюсь внушить молодымъ медикамъ, слушающимъ мой курсъ въ Collége de France... Прежде всего нужно вдохнуть научный духъ въ молодыхъ людей и посвятить ихъ въ понятія и тенденціи современныхъ наукъ".

Очень часто я писалъ такія же слова, давалъ такіе же совѣты, и я повторю ихъ здѣсь: „только экспериментальный методъ можетъ вывести романъ изъ той лжи и ошибокъ, въ коихъ онъ теперь блуждаетъ". Вся моя литературная жизнь была направляема этимъ убѣжденіемъ. Я глухъ къ голосу критиковъ, требующихъ отъ меня формулированія законовъ наслѣдственности и вліянія среды на дѣйствующихъ лицъ; тѣ, кто дѣлаетъ мнѣ эти обезкураживающіе и отрицательные упреки, обращаютъ ихъ ко мнѣ только по лѣности ума, по увлеченію традиціей, по привязанности, болѣе или менѣе искренной, къ философскимъ и религіознымъ вѣрованіямъ... Экспериментальное направленіе, принимаемое романомъ, нынѣ уже опредѣлилось. Въ самомъ дѣлѣ, это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь людской системы; это результатъ научнаго развитія самаго изученія человѣка. Таковы мои убѣжденія въ этомъ отношеніи, которыя я стараюсь внушить молодымъ писателямъ, читающимъ меня, такъ какъ я думаю, что имъ слѣдуетъ прежде всего вдохнуть научный духъ, и познакомить ихъ съ понятіями и тенденціями новѣйшихъ наукъ.

V.

Прежде чѣмъ кончить, мнѣ остается обсудить еще нѣсколько вопросовъ.

Что̀ особенно необходимо выяснить—это объективный характеръ метода. Клода Бернара упрекали въ томъ, что онъ новаторъ и онъ возражалъ съ своимъ возвышеннымъ разумомъ: „я, разумѣется, не заявлю претензію на то, что я первый предложилъ примѣнить физіологію къ медицинѣ. Это давно уже рекомендовалось и многочис-

ленныя попытки сдѣланы были въ этомъ направленіи. Въ своихъ трудахъ и лекціяхъ въ Collége de France я только развивалъ идею, которая уже принесла свои плоды черезъ примѣненіе къ медицинѣ". Я отвѣчалъ то же самое, когда утверждали, что я выдаю себя за новатора, за главу школы; я утверждалъ, что ничего новаго не говорю, а стараюсь только примѣнять къ своимъ романамъ и критикѣ научный методъ, давнымъ-давно уже существующій. Но, само собой разумѣется, что никто не хотѣлъ меня слушать и всѣ продолжали толковать о моемъ тщеславіи и невѣжествѣ.

Я повторялъ двадцать разъ, что натурализмъ не есть моя личная фантазія, что въ немъ выражается умственное движеніе нашего вѣка; Клодъ Бернаръ говоритъ то же самое и съ бо́льшимъ авторитетомъ— и, быть можетъ, ему повѣрятъ. „Переворотъ, произведенный экспериментальнымъ методомъ въ наукахъ,—говоритъ онъ,—заключается въ томъ, что онъ замѣнилъ личный авторитетъ научнымъ критеріемъ... Характеръ экспериментальнаго метода заключается въ томъ, что онъ зависитъ только отъ самого себя, потому что въ самомъ себѣ находитъ свой критерій, который есть не что иное, какъ опытъ. Онъ не признаетъ другого авторитета, кромѣ авторитета фактовъ и отвергаетъ личный авторитетъ". Слѣдовательно, долой всѣ теоріи. „Идея должна всегда оставаться независимой и ее не слѣдуетъ сковывать ни научными вѣрованіями, ни философскими и религіозными; надо быть смѣлымъ и свободнымъ въ выраженіи своихъ идей, повиноваться своимъ чувствамъ и не отводить слишкомъ большого мѣста пустой боязни противорѣчій въ теоріяхъ... Надо измѣнять теорію, чтобы примѣнять ее къ природѣ, а не природу подгонять къ теоріи". Отсюда является несравненная ширина взгляда. „Экспериментальный методъ есть научный методъ, провозглашающій свободу мысли. Она не только свергаетъ философское и теологическое иго, но и не допускаетъ личнаго научнаго авторитета. Это не высокомѣріе и не хвастовство; экспериментаторъ, напротивъ того, проявляетъ самоуничиженіе, отрицая личный авторитетъ, потому что онъ сомнѣвается также и въ своихъ собственныхъ познаніяхъ и подчиняетъ авторитетъ людей авторитету законовъ природы".

Вотъ почему я столько разъ повторялъ, что натурализмъ не есть школа, что онъ не воплощается въ геніи одного человѣка или въ безуміи одной какой-нибудь группы, какъ, напримѣръ, романтизмъ, что онъ заключается просто-на-просто въ примѣненіи экспериментальнаго метода къ изученію природы и человѣка. Отнынѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ обширнымъ переворотомъ, съ прогрессивнымъ движеніемъ впередъ, въ которомъ всѣ участвуютъ, какъ работники, сообразно своему таланту. Всѣ теоріи допускаются и та теорія беретъ верхъ надъ остальными, которая объясняетъ наи-

большее число вещей. Можно ли представить себѣ болѣе широкую и болѣе прямую, научную и литературную дорогу.

Всѣ, великіе и маленькіе люди, свободно шествуютъ по ней, трудясь надъ общимъ изслѣдованіемъ, каждый по своей спеціальности, не признавая никакого другого авторитета, кромѣ авторитета фактовъ, доказанныхъ опытомъ.

Итакъ, въ натурализмѣ нѣтъ ни новаторовъ, ни главы школы. Есть только труженники, одни болѣе талантливые, чѣмъ другіе.

Клодъ Бернаръ такъ выражаетъ недовѣріе, съ какимъ слѣдуетъ относиться къ теоріямъ. „Надо имѣть сильную вѣру и не вѣрить; скажу въ поясненіе, что въ наукѣ слѣдуетъ крѣпко вѣрить въ принципы и сомнѣваться въ формулахъ; въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы увѣрены, что детерминизмъ существуетъ, но мы никогда не бываемъ увѣрены въ томъ, что уловили его. Надо быть непоколебимымъ въ дѣлѣ принциповъ экспериментальной науки (детерминизмъ) и абсолютно не вѣрить въ теоріи". Я приведу еще слѣдующее мѣсто, въ которомъ онъ возвѣщаетъ конецъ системъ. „Экспериментальная медицина не есть новая медицинская система, но, напротивъ того, отрицаніе всѣхъ системъ. Въ самомъ дѣлѣ, установленіе экспериментальной медицины будетъ имѣть результатомъ то, что изъ науки исчезнутъ всѣ личные взгляды и замѣнятся безличными и общими теоріями, которыя будутъ, какъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, ничѣмъ инымъ, какъ правильной и логической цѣпью фактовъ, добытыхъ опытомъ". Точно то же будетъ и съ экспериментальнымъ романомъ.

Настаивая на томъ, что онъ не новаторъ, или, скорѣе, не изобрѣтатель, предлагающій личную теорію, Клодъ Бернаръ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на опасность для ученаго увлекаться философскими системами. „Для физіолога-экспериментатора,—говоритъ онъ,—не существуетъ ни спиритуализма, ни матеріализма. Эти слова принадлежатъ натуръ-философіи, которая устарѣла и выйдутъ изъ употребленія вмѣстѣ съ прогрессомъ науки. Мы никогда не узнаемъ ни духа, ни матеріи, и если бы это было умѣстно, то я бы легко доказалъ, что, съ одной стороны, какъ и съ другой, вскорѣ приходишь къ научному отрицанію, изъ чего явствуетъ, что всѣ разсужденія этого рода безплодны и безполезны. Намъ остается только изучать явленія, знакомиться съ матеріальными условіями ихъ проявленій и опредѣлить законы этихъ проявленій". Я говорилъ, что въ экспериментальномъ романѣ намъ всего лучше держаться строго-научной точки зрѣнія, если мы желаемъ основать наше изученіе на прочной почвѣ. Не выходить изъ сферы вопроса *какимъ образомъ*, не задаваться вопросомъ *почему*. Однако несомнѣнно, что мы не можемъ постоянно уклоняться отъ этой потребности нашего

ума, отъ той тревожной любознательности, которая побуждаетъ насъ узнавать сущность вещей. Я полагаю поэтому, что для насъ всего лучше признать ту философскую систему, которая всего лучше подходитъ къ современному состоянію наукъ, но единственно лишь съ умозрительной точки зрѣнія. Напримѣръ, въ настоящее время всего раціональнѣе является теорія постепеннаго превращенія; она всего лучше согласуется съ нашимъ познаніемъ природы. Что бы ни говорилъ Клодъ Бернаръ, а за всякой наукой, за всякимъ проявленіемъ человѣческаго ума всегда скрывается болѣе или менѣе опредѣленная философская система. Можно не принимать ее въ соображеніе, не придерживаться ея слѣпо, а придерживаться фактовъ, съ тѣмъ, чтобы измѣнять систему, если факты того требуютъ. Но система тѣмъ не менѣе существуетъ и бываетъ тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ менѣе развита и менѣе солидна наука. Для насъ, романистовъ-экспериментаторовъ, которые лепечемъ, — ипотеза неизбѣжна. Я сейчасъ займусь ролью ипотезы въ литературѣ.

Впрочемъ, если Клодъ Бернаръ отвергаетъ въ примѣненіи философскія системы, онъ признаетъ необходимость философіи. „Съ научной точки зрѣнія, философія представляетъ вѣчное стремленіе человѣческаго разума къ познанію неизвѣстнаго. Такимъ образомъ философы всегда углубляются въ спорные вопросы въ возвышенныхъ сферахъ, представляющихъ собою крайнюю грань наукъ. Черезъ это они сообщаютъ научной мысли движеніе, которое ее оживляетъ и облагороживаетъ; они укрѣпляютъ умъ, развивая его общей интеллектуальной гимнастикой и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывно направляютъ его къ неисчерпаемому рѣшенію великихъ задачъ; они поддерживаютъ такимъ образомъ жажду неизвѣстнаго и священный огонь пытливости, которые никогда не должны угасать въ ученомъ". Мѣсто это прекрасно, но никогда еще не говорили философамъ въ такихъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, что всѣ ихъ ипотезы—чистѣйшая поэзія. Клодъ Бернаръ, очевидно, смотритъ на философовъ, въ числѣ которыхъ насчитываетъ много друзей, какъ на музыкантовъ, порою геніальныхъ, музыка которыхъ ободряетъ ученыхъ во время ихъ трудовъ и вдохновляетъ ихъ на великія открытія. Что касается философовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, то они будутъ пѣть вѣчно и никогда не откроютъ ни одной истины.

До сихъ поръ я не занимался вопросомъ о формѣ у писателя-натуралиста, потому что она-то и является спеціальностью въ литературѣ. Не только въ чувствѣ, въ идеѣ à priori заключается талантъ писателя, но также и въ формѣ, въ слогѣ. Но только сразу чувствуется, что это вопросъ особый и требуетъ обсужденія помимо вопроса о методѣ. Вопросъ метода, особая статья, а вопросъ рито-

рики—особая. А натурализмъ, какъ я это объяснялъ двадцать разъ, заключается единственно лишь въ экспериментальномъ методѣ, въ наблюденіи и опытѣ, примѣненныхъ къ литературѣ. Итакъ—въ настоящемъ случаѣ риторика не къ мѣсту. Установимъ методъ, долженствующій быть общимъ, и затѣмъ допустимъ въ литературѣ всѣ риторики, которыя проявятся въ ней; будемъ считать ихъ выраженіемъ литературнаго темперамента писателей. Конечно, никто не посмѣетъ сказать, что форма—все въ произведеніи; и, слѣдовательно, все, что не форма, т.-е. факты, явленія, становится достояніемъ ученаго, романиста-экспериментатора. Контролемъ служитъ наблюденіе и опытъ—и это-то и составляетъ методъ. Объ этомъ-то я и говорилъ въ моей статьѣ.

Если хотите знать въ точности мое мнѣніе, такъ я нахожу, что въ литературѣ придаютъ преувеличенное значеніе формѣ. Я бы многое могъ сказать на этотъ счетъ; но это бы завело меня за предѣлы моей статьи. Въ сущности, я нахожу, что методъ задѣваетъ и самую форму, что языкъ сводится на логику. Не тотъ будетъ наилучшимъ писателемъ, кто всего глубже зароется въ ипотезахъ, но тотъ, кто прямо подойдетъ къ истинѣ. Въ настоящее время мы прогнили насквозь лиризмомъ; мы совершенно напрасно полагаемъ, что высокій слогъ заключается въ возвышенной чепухѣ, вѣчно готовой перейти въ безумный бредъ:—высокій слогъ состоитъ въ логикѣ и ясности.

Мы видѣли, что Клодъ Бернаръ отводитъ философамъ роль музыкантовъ, играющихъ *марсельезу* ипотезъ, въ то время какъ ученые идутъ на приступъ неизвѣстнаго. Онъ почти такъ же думаетъ о художникахъ и о писателяхъ. Я замѣтилъ, что многіе ученые, и изъ самыхъ великихъ, ревнуя о научной точности, на которой они опираются, желаютъ замкнуть литературу въ идеалѣ. Они сами, повидимому, нуждаются въ развлеченіи вздоромъ, послѣ серьёзныхъ трудовъ, и съ удовольствіемъ слѣдятъ за самыми вздорными выдумками, очень хорошо сознавая всю ихъ лживость и глупость. Они какъ-бы выслушиваютъ арію, сыгранную на флейтѣ. Поэтому Клодъ Бернаръ справедливо говоритъ: „литературныя и художественныя произведенія никогда не старѣются въ томъ смыслѣ, что выражаютъ чувства безсмертныя, какъ и сама природа“. Дѣйствительно, формы достаточно, чтобы обезсмертить произведеніе. Но я не согласенъ съ слѣдующими словами Клода Бернара: „въ искусствахъ и въ литературѣ индивидуальность беретъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Тутъ дѣло идетъ о непроизвольномъ творчествѣ ума, и это не имѣетъ ничего общаго съ изслѣдованіемъ естественныхъ явленій, въ которомъ нашъ умъ не долженъ ничего создавать“. Я ловлю тутъ въ одномъ

изъ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ желаніе преградить литературѣ доступъ въ научную область. Я не знаю, о какой литературѣ говоритъ онъ, когда опредѣляетъ литературное произведеніе какъ непроизвольное творчество ума, не имѣющее ничего общаго съ изслѣдованіемъ естественныхъ явленій. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду лирическую поэзію, потому что онъ не написалъ бы этого, если бы вспомнилъ про экспериментальный романъ, про произведенія Бальзака и Стэндаля. Я могу только повторить то, что̀ сказалъ: если мы устранимъ форму, слогъ, то романистъ-экспериментаторъ является такимъ же ученымъ спеціалистомъ, какъ и всѣ ученые, и пользуется орудіемъ всѣхъ остальныхъ ученыхъ: наблюденіемъ и анализомъ. Наша область—та же самая, что̀ и область физіолога, съ тою только разницей, что она еще обширнѣе; мы такъ же, какъ и онъ, оперируемъ надъ человѣкомъ; все заставляетъ думать, и Клодъ Бернаръ подтверждаетъ это, что мозговыя явленія могутъ быть анализированы, какъ и остальныя. Правда, что Клодъ Бернаръ можетъ сказать намъ, что мы еще витаемъ въ сферѣ ипотезъ, но онъ былъ бы неправъ, если бы заключилъ изъ этого, что мы никогда не достигнемъ истины,—потому что онъ самъ всю жизнь боролся, чтобы создать науку изъ медицины, которую огромное большинство его собратій считаетъ и по сіе время искусствомъ.

Итакъ, вотъ ясная характеристика романиста-экспериментатора. Клодъ Бернаръ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ художника: „что такое художникъ? Это человѣкъ, который осуществляетъ какую-нибудь личную идею или личное чувство въ художественномъ произведеніи“. Я безусловно отвергаю эту характеристику. Такимъ образомъ, въ томъ случаѣ, если бы я, подъ вліяніемъ личнаго чувства, представилъ человѣка, который бы ходилъ головой внизъ, то я бы значитъ создалъ художественное произведеніе. Я былъ бы сумасшедшій—и только. Надо, слѣдовательно, прибавить, что личное чувство художника подчинено контролю истины. Мы такимъ образомъ приходимъ къ ипотезѣ. Можно сказать, что художественное произведеніе не что иное, какъ ипотеза. Художникъ исходитъ изъ тѣхъ же пунктовъ, что̀ и ученый; онъ становится лицомъ къ лицу съ природой; имѣетъ идею *à priori* и работаетъ на основаніи этой идеи. Тогда только онъ расходится съ ученымъ, когда доводитъ свою идею до конца, не изслѣдовавъ ея истинности путемъ наблюденія и опыта. Можно было бы назвать художниками-экспериментаторами тѣхъ, которые принимаютъ во вниманіе опытъ; но тогда скажутъ, что они не художники, разъ искусство признается суммой личныхъ заблужденій, вносимыхъ художникомъ въ свое изученіе природы. Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, индивидуальность писателя можетъ

только заключаться въ идеѣ *à priori* и въ формѣ. Я согласенъ, что она можетъ также выражаться въ ипотезѣ, но тутъ надо столковаться.

Часто говорили, что писатели должны расчищать дорогу ученымъ. Это справедливо, потому что мы видѣли въ „Введеніи", что ипотеза и эмпиризмъ предшествуютъ научному состоянію и подготовляютъ его. Человѣкъ началъ съ того, что рискнулъ объяснить нѣкоторыя явленія природы, поэты высказали свои чувства и затѣмъ пришли ученые и открыли истину. Клодъ Бернаръ отводитъ философамъ роль піонеровъ. Это благородная роль—и писатели должны выполнять ее и по сіе время. Но само собой разумѣется, что каждый разъ, какъ будетъ установлена учеными какая-нибудь истина, писатели должны немедленно отказаться отъ своей ипотезы и признать эту истину, иначе они сознательно останутся при своемъ заблужденіи, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Такимъ образомъ наука, по мѣрѣ того, какъ она двигается впередъ, доставляетъ намъ, писателямъ, прочную почву, на которую мы можемъ опираться, пускаясь въ дальнѣйшія ипотезы. Словомъ, всякое выясненное явленіе уничтожаетъ ипотезу, которую замѣняетъ собою, и затѣмъ нужно отодвигать ипотезу дальше, въ новое неизвѣстное, которое представляется намъ. Возьму весьма простой примѣръ въ поясненіе своихъ словъ: доказано, что земля вертится вокругъ солнца; что́ подумали бы про поэта, который бы принялъ прежнее предположеніе, что солнце вертится вокругъ земли? Очевидно, что если поэтъ захочетъ рискнуть личнымъ объясненіемъ какого-нибудь факта, то долженъ выбрать такой фактъ, причина котораго еще неизвѣстна. Итакъ, вотъ чѣмъ должна быть ипотеза для романистовъ-экспериментаторовъ: мы должны безусловно признавать выясненныя явленія и не рисковать объяснять ихъ личными чувствами, которые были бы смѣшны; мы должны постоянно опираться на почву, добытую наукой; затѣмъ, лишь въ виду неизвѣстнаго, пускать въ ходъ наведеніе и предшествовать наукѣ, рискуя порою и ошибиться, и счастливые если намъ удасться добыть документы для рѣшенія задачъ. Я остаюсь здѣсь въ предѣлахъ практической програмы Клода Бернара, который вынужденъ допустить эмпиризмъ, какъ неизбѣжное хожденіе ощупью. Такимъ образомъ въ нашемъ экспериментальномъ романѣ мы очень хорошо можемъ пускаться въ различныя ипотезы о вопросахъ наслѣдственности и вліянія среды, признавъ все, что́ доселѣ добыто наукой объ этихъ вопросахъ. Мы подготовляемъ пути, мы добываемъ факты, путемъ наблюденія, человѣческіе документы, которые могутъ стать весьма полезными. Одинъ великій лирическій поэтъ недавно восклицалъ, что нашъ вѣкъ—вѣкъ пророковъ. Да,

если хотите; но только само собой разумѣется, что пророки не должны основываться на ирраціональномъ и сверхъестественномъ. Если пророки, какъ это случается видѣть, начинаютъ переворачивать вверхъ дномъ самыя элементарныя понятія, приправлять природу диковиннымъ философскимъ и религіознымъ соусомъ, держаться за метафизическаго человѣка, все путать и все затемнять, то пророки, несмотря на свою геніальную риторику, все-таки останутся Грибульями-великанами, не вѣдающими, что вымочишься, если бросишься въ воду. Въ нашу научную эпоху пророчество является щекотливымъ дѣломъ, потому что для того, чтобы предвидѣть неизвѣстное, надо сначала познакомиться съ извѣстнымъ.

Я хотѣлъ придти къ слѣдующему выводу: если бы мнѣ надо было опредѣлить писателя, въ особенности романиста-экспериментатора, я бы не сказалъ, какъ Клодъ Бернаръ, что литературное произведеніе цѣликомъ заключается въ личномъ чувствѣ, потому что для меня личное чувство представляется лишь первоначальнымъ импульсомъ. Съ природой приходится считаться, по крайней мѣрѣ съ той частью природы, секретъ которой раскрытъ намъ наукой и на которую мы не имѣемъ больше права лгать. Итакъ, романистъ-экспериментаторъ тотъ, кто признаетъ доказанные факты, кто показываетъ въ человѣкѣ и въ обществѣ механизмъ явленій, которыми завладѣла наука и кто даетъ мѣсто своему личному чувству лишь въ такихъ явленіяхъ, детерминизмъ коихъ еще не опредѣленъ, стараясь по возможности контролировать свое личное чувство, свою идею *à priori* путемъ наблюденія и опыта.

Вотъ какъ я понимаю нашу натуралистическую литературу. Я говорилъ только объ экспериментальномъ романѣ, но я глубоко убѣжденъ, что экспериментальный методъ, восторжествовавъ въ исторіи и въ критикѣ, восторжествуетъ вездѣ, въ театрѣ и даже въ поэзіи. Это роковое движеніе. Литература, что̀ бы тамъ ни говорили, не вмѣщается въ одномъ работникѣ, она также и въ природѣ, которую изображаетъ, и въ человѣкѣ, котораго изучаетъ. Между тѣмъ ученые измѣняютъ понятія о природѣ, когда открываютъ истинный механизмъ жизни. Они принуждаютъ насъ слѣдовать за ними, даже опережать ихъ и разыгривать свою роль относительно новыхъ ипотезъ. Метафизическій человѣкъ умеръ, вся наша почва измѣняется вмѣстѣ съ физіологическимъ человѣкомъ. Безъ сомнѣнія, гнѣвъ Ахиллеса, любовь Дидоны останутся вѣчно прекрасными образами; но въ насъ проснулась потребность анализировать гнѣвъ и любовь и узнать на самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ функціонируютъ эти страсти въ человѣкѣ. Эта точка зрѣнія нова; она становится экспериментальной, вмѣсто прежней философской. Короче сказать, все резюмируется въ

слѣдующемъ крупномъ фактѣ: экспериментальный методъ какъ въ наукахъ, такъ и въ литературѣ, готовится выяснить явленія естественныя, индивидуальныя и общественныя, относительно которыхъ метафизика давала до сихъ поръ не-раціональныя и сверхъестественныя объясненія.

Эмиль Зола.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Австро-венгерскія дѣла.

Въ Европѣ нѣтъ государства, которое болѣе противорѣчило бы пресловутому принципу „національностей", чѣмъ австро-венгерская монархія. Этотъ принципъ — неумолимый врагъ ея существованія и, если ему суждено въ будущности являться столь же сильнымъ факторомъ политическихъ перемѣнъ, какъ было за послѣднія двадцать лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія, что первой жертвою его будетъ монархія Габсбурговъ. На ея счетъ уже совершилось объединеніе Италіи и Германіи. Но мы констатируемъ это только какъ нѣчто вѣроятное, а вовсе не какъ нѣчто особенно желательное, нѣчто особенно благотворное. Если бы принципъ „національностей" не получилъ того преувеличеннаго значенія, съ какимъ онъ нынѣ представляется, то австрійская имперія, несмотря на сложность своего устройства, могла бы преблагополучно существовать и гарантировать своимъ гражданамъ ту долю благъ, какая вообще можетъ быть обезпечена тѣмъ или другимъ политическимъ строемъ.

Напрасно многіе видятъ именно въ сложности австрійскаго государственнаго устройства невозможность его окончательнаго упроченія и успѣшнаго дѣйствія. Въ особенности у насъ принято подшучивать надъ сложной и „неуклюжей" австрійской машиной, которая состоитъ изъ одного имперскаго и двухъ государственныхъ правительствъ, изъ имперскаго представительства (делегацій), двухъ государственныхъ сеймовъ (австрійскаго и венгерскаго) и 18 сеймовъ разныхъ „королевствъ и земель". Правда, легко придумать себѣ устройство проще и даже гораздо проще этого. Если идеалъ управленія видѣть въ одной простотѣ, то его слѣдуетъ искать въ лагерѣ. Опасность разложенія для австрійской имперіи заключается не въ

сложности ея государственныхъ формъ, а въ сложности самаго ея состава. И нѣтъ никакого основанія думать, что если бы формы этой имперіи были вновь доведены до крайней простоты, то опасность разложенія стала бы меньше. „Дуализмъ“ вовсе не былъ признанъ господствующей системой въ то время, когда Венгрія возстала и возстаніе ея едва не погубило монархію Габсбурговъ. Ломбардо-Венеція не имѣла сейма въ то время, какъ она возставала противъ австрійцевъ.

Съ другой стороны, сложность формъ не препятствуетъ прочности организма. Такъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ имѣются: правительство государственное и конгрессъ, а сверхъ того,—37 правительствъ и представительствъ штатовъ. Въ германской имперіи имѣются центральное правительство (императоръ съ канцлеромъ и союзный совѣтъ) и имперскій сеймъ, а сверхъ того еще 21 монархъ, 23 правительства и національныхъ сейма, изъ которыхъ многіе вмѣщаютъ въ себѣ двѣ палаты. Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи съ Индійскою имперіею и множествомъ колоніальныхъ правительствъ и представительствъ также не представляетъ простоты. Въ сравненіи съ этими примѣрами, австрійское устройство вовсе не является исключительнымъ и само по себѣ вовсе не было бы опаснымъ. Опасно не оно, а самая сложность состава австрійской имперіи. Да и сложность состава государства стала опасною именно только съ тѣхъ поръ, какъ европейское человѣчество увлеклось вреднымъ принципомъ „національностей“, который какъ будто нарочно изобрѣтенъ для того, чтобы, несмотря на успѣхи цивилизаціи, несмотря на постоянно возрастающія условія солидарности между народами, въ видѣ общности идей, сходства нравовъ, частости и скорости сообщеній, матеріальнаго участія каждаго народа въ интересахъ другого, — чтобы, повторяемъ, несмотря на это, и даже прямо наперекоръ реальному духу времени—между народами Европы не прекращались войны, не прекращалось истощеніе всѣхъ ихъ на безплодную потребность вооруженій.

Національность есть несомнѣнный фактъ, хотя нельзя не признать, что фактъ этотъ постепенно ослабѣваетъ именно съ уменьшеніемъ различій между нравами и условіями быта народовъ Европы. Этого естественнаго факта уничтожить нельзя, да и не нужно; онъ самъ постепенно идетъ къ уничтоженію. Но вредный *принципъ* „національностей“ есть нѣчто искусственное, придуманное въ нашемъ столѣтіи, какъ бы спеціально съ цѣлью противодѣйствовать реальнымъ благамъ успѣховъ цивилизаціи. Этотъ принципъ заключается въ произвольномъ и въ общности неосуществимомъ положеніи, что каждая національность, какъ организмъ, имѣетъ право на независимое и цѣльное

политическое существованіе, что каждое государство должно быть только выраженіемъ одной національности. Принципъ этотъ неосуществимъ уже потому, что національности весьма различны по численности своихъ членовъ; есть національности большія и малыя, и большія національности, объединяясь въ государства, будутъ отрицать и давить національности слабыя, стало быть мнимое осуществленіе принципа національностей само будетъ противорѣчить его сущности. Между тѣмъ, мелкія національности, слабыя каждая въ своемъ численномъ составѣ, взятыя всѣ вмѣстѣ, все-таки представляютъ половину всего населенія Европы. Такимъ образомъ, и по осуществленіи принципа „національностей“ въ пользу большихъ національныхъ группъ, въ Европѣ все-таки одна половина населенія считала бы себя находящеюся подъ иноплеменнымъ игомъ. Полное же осуществленіе принципа для всѣхъ невозможно: во-первыхъ, практически, потому что сильныя національности не позволятъ слабымъ отдѣляться отъ нихъ, но наоборотъ, будутъ стараться окончательно поглотить ихъ; во-вторыхъ, оно невозможно даже и въ теоріи, вслѣдствіе чрезполосности разселенія національностей и трудности опредѣлить съ точностью, гдѣ кончается національность или гдѣ является только провинціальная разновидность ея; гдѣ кончается языкъ (главный признакъ національности), или гдѣ начинается только нарѣчіе того же языка.

Во всякомъ случаѣ понятно, что при существующемъ нынѣ стремленіи народовъ къ осуществленію принципа національностей, наиболѣе непрочнымъ и опаснымъ должно представляться положеніе государствъ разноплеменнаго состава, и при томъ такого особенно, въ которомъ ни одна національность не довольно сильна для того, чтобы насиліемъ держать остальныя у себя въ подчиненіи (тѣмъ самымъ вполнѣ нарушая самый принципъ національностей). Таково именно положеніе австро-венгерской монархіи. Итакъ, не въ сложности и „неуклюжествѣ“ ея государственныхъ формъ, но именно въ разъѣдающемъ ее дѣйствіи вреднаго, неосуществимаго, но для нея крайне опаснаго принципа слѣдуетъ видѣть причину непрочности ея внутренняго быта, постоянныхъ опасеній въ ней шага то въ ту, то въ другую сторону: отъ бюрократическаго централизма къ дуализму, отъ дуализма къ федерализму, а потомъ, пожалуй,—обратно.

Въ теченіи нынѣшняго лѣта въ австрійской внутренней политикѣ произошли такіе факты, въ которыхъ можно видѣть предвѣстіе нѣкоторой перемѣны въ общемъ направленіи дѣлъ. Образовалось новое цислейтанское министерство, произведены выборы въ палату представителей австрійскаго государственнаго сейма (Reichsrath); наконецъ, положеніе главнаго имперскаго министра, восемь лѣтъ руково-

дившаго политикою Австро-Венгріи, министра иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора, поколебалось настолько, что графъ Андраши уже подалъ въ отставку, ищутъ ему преемника и онъ сохраняетъ свой постъ только до окончательнаго пріисканія кандидата, имѣющаго его замѣнить. Надъ каждымъ изъ этихъ фактовъ въ отдѣльности надо остановиться.

Новое цислейтанское министерство, составленное графомъ Тааффе, подъ его предсѣдательствомъ, считается министерствомъ „коалиціоннымъ". Министръ-президентъ, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Тааффе, самъ принадлежитъ къ нѣмецкой, такъ-называемой либеральной или „вѣрной конституціи" партіи (Verfassungstreue Partei). Онъ принималъ участіе въ выработкѣ тѣхъ законовъ, которые отмѣнили остатки конкордата съ Римомъ, освободили свѣтское общество и школу отъ клерикальнаго преобладанія. Затѣмъ, ему же выпала задача примѣнять эти законы тамъ, гдѣ примѣнять ихъ было всего труднѣе—въ строго католическомъ Тиролѣ, гдѣ онъ долго и оставался намѣстникомъ. Итакъ, графъ Тааффе, во всякомъ случаѣ, не реакціонеръ, не клерикалъ. Но другой вопросъ: вполнѣ ли онъ солидаренъ съ „либеральной" партіей. Дѣло въ томъ, что партія эта является не только „вѣрной" конституціи 1867 года и либеральной, но еще — и прежде всего—нѣмецкой, централистской; конституція 1867 года мила ей не однимъ тѣмъ, что въ ней провозглашены либеральные принципы, но—и еще особенно—тѣмъ, что эта конституція даетъ въ сеймѣ и въ управленіи полное преобладаніе нѣмцамъ. Самоуправленіе прочихъ наслѣдственныхъ „королевствъ", входящихъ въ составъ Австріи (Цислейтаніи) поставлено на степени областного управленія, а не національной политической автономіи; всѣ эти королевства и земли должны посылать депутатовъ въ общій сеймъ государственный (Reichsrath), а избирательный законъ устроенъ такъ, что за нѣмецкими областями или округами обезпечено большинство голосовъ на этомъ сеймѣ.

Ни чехи, ни галиційскіе поляки не были удовлетворены такимъ устройствомъ. Но поляки требовали для Галиціи только нѣкотораго расширенія автономіи, между тѣмъ, какъ чехи хотѣли пріобрѣсть для Богеміи почти такое же независимое государственное положеніе, какимъ пользуется—по ту сторону рѣки Лейты—Венгрія. Съ венгерской короной св. Стефана они сопоставляли богемскую корону св. Вячеслава, и, возобновляя преданія о правахъ, давно отмѣненныхъ, а частью никогда и не исполнявшихся на дѣлѣ, заговорили о постановкѣ своего политическаго быта на почвѣ „исторической законности", совершенно такъ, какъ Францъ Деакъ, на сеймѣ 1861 года,

предъявлялъ, въ видѣ безусловной программы,—историческую законность венгерскую.

Нѣмецкая централистская партія противилась этому въ силу не только конституціи 1867 года, однажды установленной, но и въ силу конституціоннаго принципа вообще. „Ослабленіе центральной власти, перенесеніе центра тяжести народнаго представительства въ областные сеймы означало бы гибель конституціонализма“,—говорилъ Гискра въ 1871 году: „съ 18-ю сеймами не можетъ быть конституціоннаго правленія, такъ какъ никакой сеймъ не въ состояніи ниспровергнуть министерство или стѣснять его дѣйствія тамъ, гдѣ сеймовъ существуетъ восемнадцать“.

Нѣмецкая партія, со времени отказа чеховъ принимать участіе въ вѣнскомъ сеймѣ, почти окончательно примирилась съ мыслью объ ихъ отсутствіи. Конечно, появленіе чеховъ на сеймѣ оставалось въ программѣ ея какъ-бы desideratum, такъ какъ иначе конституція 1867 года еще не можетъ считаться вполнѣ приведенною въ исполненіе, но въ дѣйствительности ничего для осуществленія этого desideratum въ послѣдніе годы не дѣлалось. Отсутствіе чешскихъ депутатовъ представляло для нѣмецкой (централистской, конституціонной) партіи и выгодную сторону: благодаря этому факту, господство ея на сеймѣ было безусловно и министерское большинство было прочно, несмотря даже на второстепенныя разногласія въ самой этой партіи. Что касается галиційскихъ русиновъ, то они всегда были покорнымъ орудіемъ всякаго министерства; полякамъ же, для обезпеченія ихъ участія въ дѣйствіи конституціи 1867 года, дарованы были: во-первыхъ, благосклонное отношеніе правительства къ ихъ полному господству въ самой Галиціи, во-вторыхъ — отдѣльный министръ изъ поляковъ въ цислейтанскомъ кабинетѣ. Такимъ былъ въ послѣднее время, да остается и теперь г. Землковскій. Склонивъ поляковъ къ участію въ работахъ сейма, нѣмецкая „либеральная“ партія аффектировала даже полное пренебреженіе къ требованіямъ чеховъ; газеты господствующей партіи не отвѣчали на протесты и на полемическія выходки чешскихъ органовъ.

Каково же истинное отношеніе графа Тааффе къ этой партіи, которая доселѣ была правительствующею? Его приверженность къ конституціи 1867 года не можетъ подлежать сомнѣнію; однакожъ, самое образованіе имъ новаго кабинета не имѣло бы смысла, если бы графъ Тааффе былъ такой же безусловный централистъ-нѣмецъ, какъ, напр., д-ръ Гербстъ. Преобразованіе кабинета должно же означать нѣкоторое, хоть маловажное, измѣненіе въ направленіи. Въ новомъ кабинетѣ есть чехъ—г. Пражакъ; оно называется „коалиціоннымъ“, чѣмъ самымъ уже обозначается, что оно не состоитъ исклю-

чительно изъ членовъ нѣмецкаго централистскаго большинства. Графъ Тааффе согласился вступить въ переговоры съ чехами для привлеченія ихъ къ участію въ работахъ цислейтанскаго сейма. Это уже рѣшительное отступленіе отъ программы нѣмцевъ-централистовъ, которые примирились съ отсутствіемъ чеховъ и вовсе не расположены дѣлать имъ уступокъ. Изъ членовъ прежняго кабинета въ новое министерство вошли еще гг. фонъ-Штремайръ (централистъ), Горстъ и Землковскій. Но нѣсколько въ сторону отъ либеральной нѣмецкой партіи, которая по преимуществу состоитъ изъ промышленниковъ, торговцевъ, банкировъ и такъ-называемыхъ „литераторъ“, послѣдовало назначеніе министромъ торговли барона Корба-Вейденгейма, являющагося представителемъ крупнаго землевладѣнія, „вѣрнаго конституціи“; а уже совсѣмъ внѣ прежней правительственной партіи взяты: министръ земледѣлія—графъ Фалькенхайнъ, членъ партіи феодальной и чехъ—д-ръ Пражакъ, хотя этотъ послѣдній и принадлежитъ не къ безусловной чешской оппозиціи, не принимающей участія въ цислейтанскомъ сеймѣ, но къ числу моравскихъ представителей, засѣдающихъ въ этомъ сеймѣ; затѣмъ, новый кабинетъ еще не совсѣмъ полонъ и незанятыя въ немъ три должности будутъ предоставлены членамъ той или другой партіи, смотря по тому, каковъ будетъ результатъ переговоровъ съ чехами и какой составъ получитъ правительственное большинство. Это — вопросы, которыхъ рѣшеніе будетъ зависѣть еще и отъ результата предстоящаго съѣзда въ Линцѣ представителей вѣрно-конституціонной (нѣмецкой централистской) партіи, для опредѣленія ея будущихъ отношеній къ попыткѣ правительства сблизиться съ чехами и вообще къ дѣйствіямъ новаго кабинета.

Доселѣ эти отношенія недостаточно высказались. Часть нѣмецко-либеральной печати приняла назначеніе кабинета Тааффе съ полнымъ недовѣріемъ и даже озлобленіемъ. Она стала разсуждать, что всякій шагъ *вправо* (т.-е. къ оппозиціи національной и феодальной) можетъ быть только шагомъ прочь отъ конституціи 1867 года и подвергать опасности то, что „уже однажды установлено“, то, что считалось окончательнымъ, то, что служило однимъ изъ условій соглашенія съ Венгріею. Въ коалиціонномъ министерствѣ Тааффе эти органы указывали возобновленіе попытокъ давнишнихъ министровъ-президентовъ: графа Потоцкаго или—еще хуже—графа Гогенварта. Но другіе, болѣе умѣренные органы той же партіи, покамѣстъ, рекомендуютъ ей умѣренность и налегаютъ въ особенности на то обстоятельство, что лично въ графѣ Тааффе никакъ нельзя видѣть противника конституціи 1867 года.

Однако нѣмецкіе либералы имѣютъ еще и другую, болѣе важную

причину опасаться серьёзной перемѣны: дѣло въ томъ, что съ назначеніемъ новаго цислейтанскаго кабинета совпали слухи о предстоящемъ увольненіи самого графа Андраши, то-есть главнаго имперскаго министра и выразителя системы дуализма австро-венгерской монархіи, системы, которая въ Цислейтаніи именно и отражается въ преобладаніи нѣмцевъ надъ другими народностями, какъ мадьяры преобладаютъ въ Транслейтаніи. Но объ отставкѣ Андраши мы упомянемъ далѣе, въ связи съ иностранными дѣлами. Теперь же скажемъ о выборахъ въ цислейтанскій сеймъ, т.-е. въ палату представителей рейхсрата.

Во время своего долгаго преобладанія, либеральная партія успѣла, во-первыхъ, значительно „вывѣтриться" сама; во-вторыхъ, порядочно дискредитироваться въ самыхъ нѣмецкихъ областяхъ Австріи. Справедливо-ли, нѣтъ-ли—ей приписываютъ не особенно благопріятное состояніе нравственности въ административныхъ сферахъ. Замѣчательно, что и въ Венгріи союзъ прежнихъ „деакистовъ" съ радикалами привелъ при нынѣшнемъ кабинетѣ Коломана Тисы къ распущенности, которая въ недавнее время выразилась въ скандалёзныхъ изобличеніяхъ людей, занимавшихъ важные посты. Далѣе, въ Австріи все болѣе и болѣе проникались убѣжденіемъ, что существующая система, хотя и благопріятна нѣмцамъ, но мадьярамъ благопріятна еще въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ нѣмцамъ; что центръ тяжести общихъ дѣлъ лежитъ скорѣе въ Пештѣ, чѣмъ въ Вѣнѣ, что союзъ австрійскихъ либераловъ съ графомъ Андраши, въ сущности, ведетъ къ управленію имперскими дѣлами въ пользу Венгріи, на счетъ Австріи. Такое впечатлѣніе было вынесено изъ послѣдняго экономическаго конфликта между половинами имперіи, вопроса—который былъ рѣшенъ будто бы слишкомъ пристрастно въ пользу Венгріи. Наконецъ, вся исторія съ занятіемъ Босніи и Герцеговины, это обширное предпріятіе, которое вдругъ было исковеркано извѣстной австро-турецкой конвенціей и не дало имперіи никакой реальной выгоды именно потому, что имперское правительство должно было уступить антипатіи, какую это дѣло внушало мадьярамъ—не мало подкрѣпила такое мнѣніе.

По всѣмъ этимъ причинамъ, недавніе выборы въ австрійскій сеймъ оказались такъ неблагопріятны для либеральной (централистской) партіи, что она даже при нынѣшнемъ составѣ этого сейма (т.-е. безъ участія въ немъ чеховъ) не будетъ болѣе составлять въ немъ большинства. Въ новомъ сеймѣ либералы имѣютъ всего 173 голоса, а оппозиція (клерикалы, консерваторы и національные автономисты) имѣютъ 175 голосовъ. Такой результатъ выборовъ и подалъ поводъ къ сближенію съ чехами. Но за то, если бы это сближеніе

состоялось, если бы чехи явились на сеймъ, то большинство въ немъ уже рѣшительно перешло бы къ противникамъ партіи, преданной конституціи 1867 года. Естественно, что опираться на такое большинство министерство Тааффе могло бы лишь въ такомъ случаѣ, если бы оно предприняло прежде всего—пересмотръ избирательнаго закона (первое требованіе чеховъ), нарочно составленнаго такъ, что нѣмецкіе округа въ Богеміи пользуются правомъ посылать представителей, сравнительно съ населенностью, гораздо болѣе, чѣмъ чешскіе,—а затѣмъ и пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій самой конституціи 1867 года, въ смыслѣ предоставленія отдѣльнымъ королевствамъ и землямъ бо́льшей автономіи. А это уже представлялось бы началомъ пути къ федерализму, вступленіе на который положительно нарушило бы соглашеніе съ Венгріею. Но и самая попытка въ смыслѣ бо́льшей автономіи Богеміи и предоставленія цислейтанскимъ славянамъ вообще бо́льшаго вліянія на государственныя дѣла была бы именно возобновленіемъ столь ненавистнаго нѣмцамъ предпріятія графа Гогенварта.

Въ новѣйшей политической исторіи Австріи весьма важенъ 1871 годъ. Онъ именно представилъ сперва попытку расширить автономію областей, а когда эта попытка не удалась, то окончательно—какъ тогда казалось—закрѣпилъ существующій строй преобладанія нѣмцевъ въ Цислейтаніи (централизмъ) въ соотвѣтствіи съ господствомъ мадьяровъ въ Венгріи. Въ томъ году было назначено и пало министерство Гогенварта, въ томъ же году былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, главнымъ министромъ всей имперіи, мадьяръ — нѣкогда сражавшійся противъ Австріи — графъ Андраши. Теперь, стало быть, приходится именно вспомнить о 1871 годѣ.

Тогда, послѣ коалиціоннаго кабинета графа Потоцкаго, было образовано министерство Гогенварта, въ которомъ было двое чеховъ: Хабетинекъ и Йиречекъ. Образованіе этого министерства явилось сюрпризомъ для всѣхъ, не исключая и самого тогдашняго канцлера имперіи—графа Бейста; новое министерство было продуктомъ личнаго почина императора Франца-Іосифа, или окружающей его придворно-военной партіи (въ то время говорили о вліяніи оберъ-каммергера графа Кренневилля). И нынѣ далеко не выяснено: зналъ ли графъ Андраши о предстоявшемъ преобразованіи кабинета, о назначеніи президентомъ цислейтанскаго совѣта министра — графа Тааффе; и теперь, какъ тогда, въ новомъ кабинетѣ является чехъ. Многіе приписываютъ даже подачу графа Андраши въ отставку именно такому неожиданному для него составленію цислейтанскаго министерства.

Программой министерства Гогенварта (оффиціально заявленной) было: „предложеніе государственному и (національнымъ) сеймамъ ряда законопроектовъ, съ цѣлью предоставленія землямъ такого возможнаго расширенія законодательной и административной автономіи, какое совмѣстно съ единствомъ государства, необходимымъ для охраненія самыхъ тѣхъ земель". Гогенвартъ осуществилъ соглашеніе съ галиційскими поляками и условился съ чехами въ проектѣ соглашенія. Но противъ этого проекта выступилъ сперва канцлеръ, графъ Бейстъ, а за нимъ и венгерскій министръ-президентъ — графъ Андраши — отъ лица Венгріи. Императоръ уволилъ Гогенварта, но вслѣдъ затѣмъ уволилъ и Бейста, а на мѣсто его назначилъ Андраши (впрочемъ, безъ титула канцлера). Дѣло соглашенія съ чехами и въ тотъ разъ не удалось не столько вслѣдствіе яростнаго сопротивленія, какое оно встрѣтило въ нѣмецкой вѣрно-конституціонной партіи цислейтанскаго сейма, сколько именно вслѣдствіе преувеличенныхъ требованій самихъ чеховъ, возбудившихъ сопротивленіе мадьяръ, а съ ними и опасность поколебать все зданіе, заложенное на соглашеніи съ Венгріею. Требованія чеховъ заходили гораздо дальше размѣровъ дѣйствительнаго значенія чешской народности въ Австро-Венгріи. Созваніе коронаціоннаго сейма, разработка имъ чешской конституціи, провозглашеніе этой конституціи грамотою короля, присяга Франца-Іосифа въ качествѣ короля Богеміи и коронованіе короною св. Вячеслава — весь этотъ пышный аппаратъ, представлявшій просто сколокъ съ Деаковой программы возстановленія венгерской законности, былъ излишенъ, такъ какъ долженъ былъ возбудить неудовольствіе богемскихъ нѣмцевъ и другихъ областей, которыя также зовутся королевствами, герцогствами и т. д., а никакихъ корonованій не требовали. Чехи дошли до того, что выражали необходимость признанія богемскимъ сеймомъ соглашенія, послѣдовавшаго въ 1867 году между австрійскимъ правительствомъ и Венгріею. Это-то послѣднее требованіе и „переполнило чашу" въ то время.

Надо надѣяться, что наученные тогдашнимъ примѣромъ, и уже непризнающіе безусловно г. Ригера своимъ Деакомъ (какъ извѣстно, національная партія раздѣлилась на двѣ части), чешскіе политики не будутъ теперь становиться на почву „исторической законности", а просто удовольствуются требованіемъ равныхъ правъ автономіи для всѣхъ земель Цислейтаніи и болѣе справедливаго избирательнаго закона. Если бы это случилось, то трудно предвидѣть, какъ бы могли мадьяры помѣшать такому преобразованію цислейтанскаго строя, хотя и были бы имъ, конечно, крайне недовольны, такъ какъ

тѣ же условія потребовались бы впослѣдствіи отдѣльными землями венгерской короны.

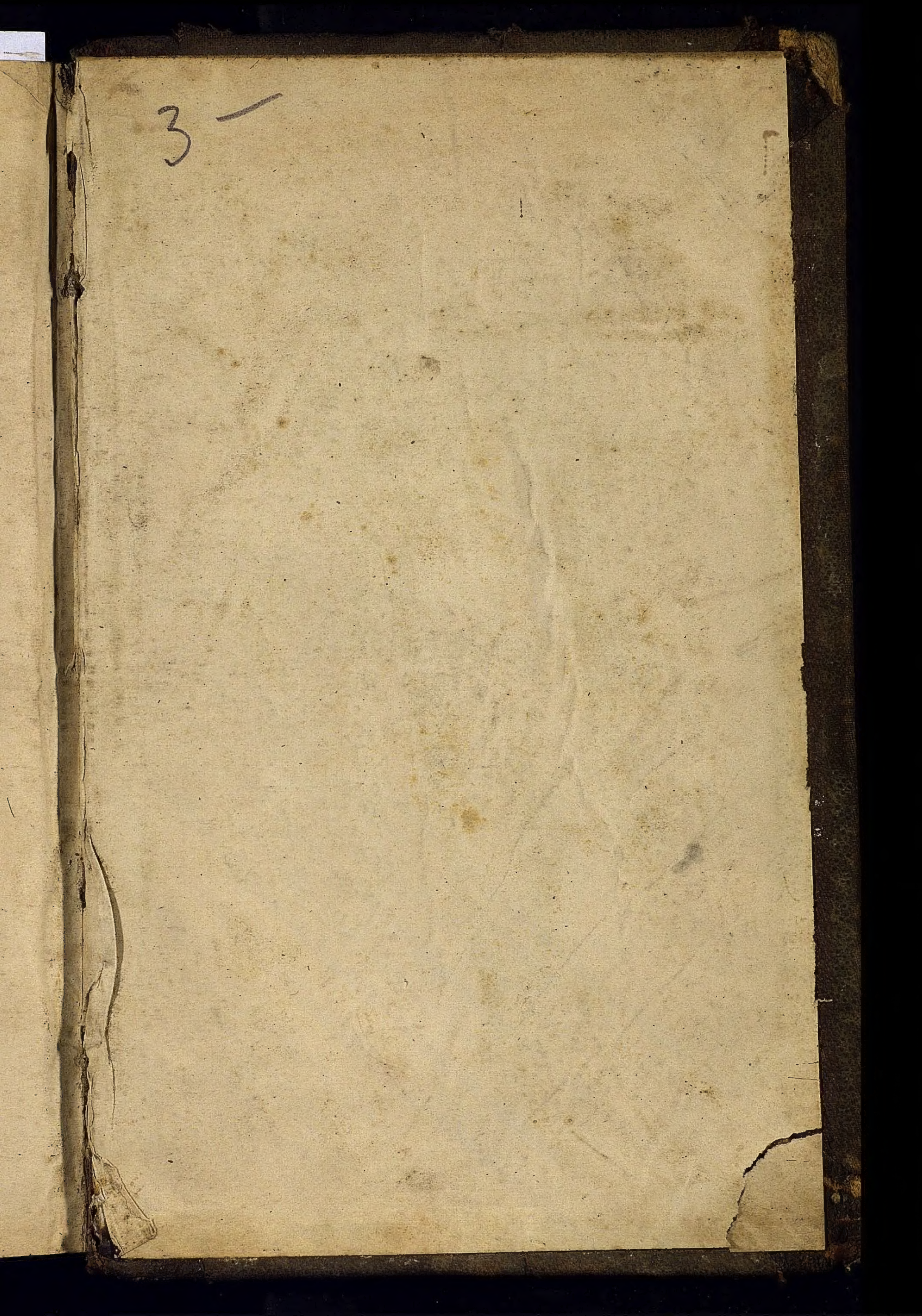
Въ новой попыткѣ къ сближенію съ чехами мы видимъ личный починъ императора Франца-Іосифа, личное его желаніе, а повтореніе его попытки въ этомъ смыслѣ доказываетъ искренность его желанія. Поэтому, мы придаемъ нынѣшнему повороту въ цислейтанскихъ дѣлахъ весьма важное значеніе, и думаемъ, что чехамъ, при умѣренности, не трудно было бы самымъ существеннымъ образомъ поколебать нѣмецко-централистскую систему, основанную на конституціи 1867 года.

Знаменательно и то, что вмѣстѣ съ назначеніемъ чеха въ цислейтанское министерство, какъ было въ 1871 году, увольняется и графъ Андраши, назначенный имперскимъ министромъ вслѣдъ за неудачею попытки 1871 года.

Впрочемъ, большая часть европейскихъ газетъ объясняютъ предстоящее его увольненіе—тѣми перипетіями, чрезъ которыя прошло австрійское предпріятіе въ Босніи и Герцеговинѣ. Говорятъ, что занятіе этихъ турецкихъ областей было внушено придворно-военною партіей и должно было окончиться присоединеніемъ ихъ къ Австро-Венгріи; что австрійскіе генералы указывали на важное значеніе, какое имѣло бы занятіе австрійцами Митровицы, стоящей во главѣ желѣзной дороги къ Эгейскому морю. Извѣстно, что вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ Турцію доселѣ не привело ни къ чему похожему на эти результаты, а это объявляется нерасположеніемъ мадьяровъ къ усиленію славянскаго элемента въ имперіи. Графъ Андраши, начавъ предпріятіе, которое сперва ознаменовалось рядомъ военныхъ неудачъ для австрійцевъ, остановилъ его потомъ на полдорогѣ, заключивъ конвенцію съ Портою, оговорившую неприкосновенность верховныхъ правъ султана на тѣ области и обозначившую размѣры занятія новобазарскаго санджака австрійцами, въ согласіи съ турецкими властями. Между тѣмъ, по слухамъ, придворная военная партія не оставила своихъ видовъ на вознагражденіе для Австро-Венгріи въ Турціи. Въ послѣднее время говорили различно о предстоявшемъ вступленіи австрійцевъ въ новобазарскій санджакъ, и, повидимому, графъ Андраши расходился съ придворно-военной партіей въ мнѣніяхъ относительно окончательныхъ цѣлей этого расширенія австрійской оккупаціи. И вотъ, существуетъ догадка, что графу Андраши, наконецъ, повредила его заботливость о сохраненіи популярности въ Венгріи; что ему была вмѣнена въ вину готовность приносить въ жертву мадьярскому патріотизму — общіе интересы монархіи.

Мы воздержимся отъ предположеній о вѣроятномъ преемникѣ графа Андраши. Доселѣ называли графовъ: Ка́рольи и Сеченьи, бароновъ Гоффмана и Геймерле. Но первые два — все-таки мадьяры (хотя Ка́рольи плохо знаетъ по-мадьярски и, говорятъ, поэтому-то и отказался) и не видно, что́ было бы выиграно замѣною графа Андраши однимъ изъ нихъ. Оба послѣдніе — недостаточно выдающіеся люди (и недостаточно богаты) для занятія этого поста. По слухамъ, самъ графъ Андраши указывалъ на барона Геймерле. Извѣстно, что Андраши недавно имѣлъ свиданіе съ кн. Бисмаркомъ. Но объ этомъ судятъ также весьма различно: одни говорятъ, что свиданіе это было условлено еще раньше, чѣмъ увольненіе Андраши было рѣшено въ принципѣ; другіе, что цѣлью свиданія было — желаніе гр. Андраши рекомендовать своему покровителю, кн. Бисмарту, своего протеже́, бар. Геймерле, въ качествѣ будущаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ такомъ предположеніи, съ назначеніемъ бар. Геймерле, гр. Андраши все-таки остался бы негласнымъ руководителемъ австрійской политики.

М. Стасюлевичъ.

3 —

